А.Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

4

А.Н. ОСТРОВСКИЙ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 4

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1975

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

4

ПЬЕСЫ

(1873—1877)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1975

Р 1
О-77

Подготовка текста
и комментарии
З. А. Блюминой
Э. Л. Ефременко
Л. Н. Смирновой

Редактор тома
Е. Г. Холодов

Оформление
Т. П. Винокуровой
Л. И. Орловой
А. М. Юликова

В оформлении переплета использованы литографии А. Лебедева из альбомов «Темное царство» и «Прекрасный пол»

О $\frac{70600\text{-}110}{025(01)\text{-}75}$ подписное

А. Н. Островский
70-е годы

ПЬЕСЫ
(1873—1877)

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Сцены из жизни захолустья, в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ФЕЛИЦАТА АНТОНОВНА ШАБЛОВА
хозяйка небольшого деревянного дома.

ГЕРАСИМ ПОРФИРЬИЧ МАРГАРИТОВ
адвокат из отставных чиновников, старик благообразной наружности.

ЛЮДМИЛА
его дочь, немолодая девушка. Все движения ее скромные и медленные, одета очень чисто, но без претензий.

ДОРМЕДОНТ
⟨младший⟩ сын Шабловой, в писарях у Маргаритова.

ОНУФРИЙ ПОТАПЫЧ ДОРОДНОВ
купец средних лет.

Бедная, потемневшая от времени комната в доме Шабловой. На правой стороне (от зрителей) две узкие однопольные двери: ближайшая в комнату Людмилы, а следующая в комнату Шабловой; между дверями изразчатое зеркало голландской печи с топкой. В задней стене, к правому углу, дверь в комнату Маргаритова; в левом растворенная дверь в темную переднюю, в которой видно начало лестницы, ведущей в мезонин, где помещаются сыновья Шабловой. Между дверьми старинный комод с стеклянным шкапчиком для посуды. На левой стороне два небольших окна, в простенке между ними старинное зеркало, по сторонам которого две тусклые картинки в бумажных рамках; под зеркалом большой стол простого дерева. Мебель сборная: стулья разного вида и величины; с правой стороны, ближе к авансцене, старое, полуободранное вольтеровское кресло. Осенние сумерки, в комнате темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Людмила выходит из своей комнаты, прислушивается и подходит к окну. Потом Шаблова выходит из своей комнаты.

Шаблова *(не видя Людмилы)*. Словно кто калиткой стукнул. Нет, почудилось. Уж я очень уши-то насторожила. Эка погодка! В легоньком пальте теперь... ой-ой! Где-то мой сынок любезный погуливает? Ох, детки, детки — горе матушкино! Вот Васька, уж на что гулящий кот, а и тот домой пришел.

Людмила. Пришел?.. Разве пришел?

Шаблова. Ах, Людмила Герасимовна! Я вас и не вижу, стою тут да фантазирую сама промеж себя...

Людмила. Вы говорите, пришел?

Шаблова. Да вы кого же дожидаетесь-то?

Людмила. Я? Я никого. Я только слышала, что вы сказали: «пришел».

Шаблова. Это я тут свои мысли выражаю; в голове-то накипит, знаете... Погода, мол, такая, что даже мой Васька домой пришел. Сел на лежанке и так-то мурлычет, даже захлебывается; очень ему сказать-то хочется, что, мол, я дома, не беспокойтесь. Ну, разумеется, погрелся, поел, да опять ушел. Мужское дело, дома не удержишь. Да вот зверь, а и тот понимает, что надо домой побывать — понаведаться, как, мол, там; а сынок мой Николинька другие сутки пропадает.

Людмила. Как знать, какие дела у него?

Шаблова. Кому ж и знать, как не мне? Никаких у него делов нет, баклуши бьет.

Людмила. Он адвокатством занимается.

Шаблова. Да какое абвокатство! Было время, да прошло.

Людмила. Он хлопочет по делам какой-то дамы.

Шаблова. Да что ж, матушка, дама! Дама даме рознь. Ты погоди, я тебе все скажу. Учился он у меня хорошо, в поверситете курс кончил; и, как на грех, тут заведись эти новые суды! Записался он абвокатом,— пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. Оттого от самого, что вошел он в денежный купеческий круг. Сами знаете, с волками жить, по-волчьи выть, и начал он эту самую купеческую жизнь, что день в трактире, а ночь в клубе либо где. Само собою: удовольствие; человек же он горячий. Ну, им что? У них карманы толстые. А он барствовал да барствовал, а дела-то между рук шли, да и лень-то; а тут абвокатов развелось несть числа. Уж сколько он там ни путался, а деньжонки все прожил, знакомство растерял и опять в прежнее бедное положение пришел: к матери, значит, от стерляжьей ухи-то на пустые щи. Привычку же он к трактирам возымел,— в хорошие-то не́ с чем, так по плохим стал шляться. Видя я его в таком упадке, начала ему занятие находить. Хочу его свести к своей знакомой даме, а он дичится.

Людмила. Робок, должно быть, характером.

Шаблова. Полно, матушка, что за характер!

Людмила. Да ведь бывают люди робкого характера.

Шаблова. Да полно, какой характер! Разве у бедного человека бывает характер? Какой ты еще характер нашла?

Людмила. А что же?

Шаблова. У бедного человека да еще характер! Чудно́, право! Платья нет хорошего, вот и все. Коли у человека одёжи нет, вот и робкий характер; чем бы ему приятный разговор вести, а он должен на себя осматриваться, нет ли где изъяну. Вы возьмите хоть с нас, женщин: отчего хорошая дама в компании развязный разговор имеет? Оттого, что все на ней в порядке: одно к другому пригнато, одно другого ни короче, ни длинней, цвет к цвету подобран, узор под узор подогнат. Вот у ней душа и растет. А нашему брату в высокой компании беда; лучше, кажется, сквозь землю провалиться! Там висит, тут коротко, в другом месте мешком, везде пазухи. Как на лешего, на тебя смотрят. Потому не мадамы нам шьют, а мы сами самоучкой; не по журналам, а как пришлось, на чертов клин. Сыну тоже не француз шил, а Вершкохватов из-за Драгомиловской заставы. Так он над фраком-то год думает, ходит, ходит кругом сукна-то, режет, режет его; то с той, то с другой стороны покроит,— ну, и выкроит куль, а не фрак. А ведь прежде тоже, как деньги-то были, Николай франтил; ну, и дико ему в таком-то безобразии. Уломала я его наконец, да и сама не рада; человек он гордый, не захотел быть хуже других, потому у нее с утра до ночи франты, и заказал хорошее платье дорогому немцу в долг.

Людмила. Молода она?

Шаблова. В поре женщина. То-то и беда. Кабы старуха, так бы деньги платила.

Людмила. А она что же?

Шаблова. Женщина легкая, избалованная, на красоту свою надеется. Всегда кругом нее молодежь,— привыкла, чтоб все ей угождали. Другой даже за счастие сочтет услужить.

Людмила. Так он даром для нее хлопочет?

Шаблова. Нельзя сказать, чтоб вовсе даром. Да он-то бы пожалуй, а я уж с нее ста полтора выханжила. Так все деньги-то, что я взяла с нее за него, все портному и отдала, вот тебе и барыш! Кроме того, посудите сами, всякий раз, как к ней ехать, извоз-

чика берет с биржи, держит там полдня. Чего-нибудь да стоит! А из чего бьется-то? Диви бы... Все ветер в голове-то.

Людмила. Может быть, она ему нравится?

Шаблова. Да ведь это срам бедному-то человеку за богатой бабой ухаживать да еще самому тратиться. Ну, куда ему тянуться: там такие полковники да гвардейцы бывают, что уж именно и слов не найдешь. Взглянешь на него, да только и скажешь: ах, боже мой! Чай, смеются над нашим, да и она-то, гляди, тоже. Потому, судите сами: подкатит к крыльцу на паре с пристяжкой этакий полковник, брякнет в передней шпорой или саблей, взглянет мимоходом, через плечо, в зеркало, тряхнет головой да прямо к ней в гостиную. Ну, а ведь она женщина, создание слабое, сосуд скудельный, вскинет на него глазами-то, ну, точно вареная и сделается. Где же тут?

Людмила. Так она вот какая!

Шаблова. Она только с виду великая дама-то, а как поглядеть поближе, так довольно малодушна. Запутается в долгах да в амурах, ну и шлет за мной на картах ей гадать. Мелешь, мелешь ей, а она-то и плачет, и смеется, как дитя малое.

Людмила. Как странно! Неужли такая женщина может нравиться?

Шаблова. Да ведь Николай горд; засело в голову, что завоюю, мол,— ну и мучится. А может, ведь он и из жалости; потому нельзя и не пожалеть ее, бедную. Муж у нее такой же путаник был: мотали да долги делали, друг другу не сказывали. А вот муж-то умер, и пришлось расплачиваться. Да кабы с умом, так еще можно жить; а то запутаться ей, сердечной, по уши. Говорят, стала векселя зря давать, подписывает, сама не знает что. А какое состояние-то было, кабы в руки. Да что вы в потемках-то?

Людмила. Ничего, так лучше.

Шаблова. Ну, что ж, посумерничаем, подождем Николая. А вот кто-то и пришел; пойти свечу принести. *(Уходит.)*

Людмила *(у двери в переднюю)*. Это вы?

Входит Дормедонт.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Людмила, Дормедонт, потом Шаблова.

Дормедонт. Я-с.

Людмила. А я думала... Да, впрочем, я очень рада, а то скучно одной.

Входит Шаблова со свечой.

Шаблова. Где же ты был? Ведь я так полагала, что ты дома. Ишь, как озяб, захвораешь, смотри.

Дормедонт *(греясь у печки)*. Я брата искал.

Шаблова. Нашел?

Дормедонт. Нашел.

Шаблова. Где ж он?

Дормедонт. Все там же.

Шаблова. Другой-то день в трактире! Скажите пожалуйста, на что это похоже?

Дормедонт. На биллиарде играет.

Шаблова. Что ж ты его домой не вел?

Дормедонт. Звал, да нейдет. Поди, говорит, скажи маменьке, что я совершеннолетний, чтоб не беспокоилась. Домой, говорит, когда мне вздумается, я дорогу и без тебя найду; провожатых мне не нужно, я не пьяный. Уж я и плакал перед ним. «Брат, говорю, вспомни дом! Какой же ты добычник? Люди работы ищут, а ты сам от дела бегаешь. Нынче, говорю, два лавочника приходили прошение к мировому писать, а тебя дома нет. Этак ты всех отвадишь».— «Я, говорит, по грошам не люблю собирать». А вот у меня последний рубль выпросил. Что ж, я отдал,— брат ведь.

Шаблова. Озяб ты?

Дормедонт. Не очень. Я все для дому, а он нет. Я ежели когда и дров наколоть, так что за важность! Сейчас надел халат, пошел, нарубил, да еще моцион. Ведь верно, Людмила Герасимовна?

Людмила. Вы любите брата?

Дормендонт. Как же-с...

Людмила. Ну, так любите больше! *(Подает Дормедонту руку.)* Вы добрый, хороший человек. Я пойду, работу возьму. *(Уходит.)*

Шаблова *(вслед Людмиле)*. Приходите, поскучаем вместе. *(Дормедонту.)* Ишь ты, как перезяб, все не согреешься.

Дормедонт. Нет, маменька, ничего; вот только в среднем пальце владения не было, а теперь отошло. Сейчас я за писанье. *(Садится к столу и разбирает бумаги.)*

Шаблова. А я карточки разложу покуда. *(Вынимает из кармана карты.)*

Дормедонт. Вы, маменька, ничего не замечаете во мне?

Шаблова. Нет. А что?

Дормедонт. Да ведь я, маменька, влюблен.

Шаблова. Ну, что ж, на здоровье.

Дормедонт. Да ведь, маменька, серьезно.

Шаблова. Верю, что не в шутку.

Дормедонт. Какие шутки! Погадайте-ка!

Шаблова. Давай гадать! Давай, старый да малый, из пустого в порожнее пересыпать.

Дормедонт. Не смейтесь, маменька: она меня любит.

Шаблова. Эх, Дормедоша, не из таких ты мужчин, каких женщины любят. Одна только женщина тебя любить может.

Дормедонт. Какая же?

Шаблова. Мать. Для матери, чем плоше дитя, тем оно милее.

Дормедонт. Что ж, маменька, я чем плох? Я для дому...

Шаблова. Да ведь я знаю, про кого ты говоришь.

Дормедонт. Ведь уж как не знать, ведь уж одна. А вот я сейчас пришел, бросилась к двери, говорит: «это вы?»

Шаблова. Бросилась? Ишь ты! Только не тебя она ждала. Не брата ли?

Дормедонт. Невозможно, маменька, помилуйте.

Шаблова. Ну, смотри! А похоже дело-то!

Дормедонт. Меня, маменька, меня. Вот теперь только б смелости, да время узнать, чтоб в самый раз всю душу свою открыть. Действовать?

Шаблова. Действуй!

Дормедонт. А как, маменька, карты? Что они мне говорят?

Шаблова. Путаница какая-то, не разберу. Вон, кажется, купец домой сбирается; пойти велеть ему посветить. *(Уходит.)*

Выходят Дороднов и Маргаритов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дормедонт, Дороднов и Маргаритов.

Маргаритов. А ведь мы с тобой старые приятели.

Дороднов. Еще бы! Сколько лет. Герасим Порфирьич, знаешь что? Выпьем теперь. Сейчас я кучера к Бауеру...

Маргаритов. Нет, нет, и не проси!

Дороднов. Как ты это, братец, странно! Мне теперь вдруг фантазия; должен ты уважить?

Маргаритов. Тебе эта фантазия-то часто приходит. Ты об деле-то... Завтра нужно нам к маклеру...

Дороднов. Да что об деле! Я на тебя, как на каменную стену. Видишь, я тебя не забыл; вот где отыскал.

Маргаритов *(жмет ему руку)*. Благодарю, благодарю. Да, вот куда занесла меня судьба. Ты добрый человек, ты меня нашел; а другие бросили, бросили на жертву нищете. Дел серьезных почти нет, перебиваюсь кой-чем; а я люблю большие апелляционные дела, чтоб было над чем подумать, поработать. А вот, на старости лет, и дел нет, обега́ть стали,— скучно без работы-то.

Дороднов. Скучно-то бы ничего, а ведь, чай, поди, и голодно.

Маргаритов. Да, да, и голодно.

Дороднов. Бодрись, Герасим Порфирьич! Авось с моей легкой руки... Уж ты, по знакомству, постарайся!

Маргаритов. Что за просьбы! Я свое дело знаю.

Дороднов. Заходи завтра вечерком! Не бойся, неволить не буду, легоньким попотчую.

Маргаритов. Хорошо, хорошо, зайду.

Дороднов. Ну, так, значит, до приятного.

Маргаритов. Ах, постой, постой, забыл. Подожди немного!

Дороднов. Чего еще?

Маргаритов. Забыл тебе расписку дать, какие документы от тебя принял.

Дороднов. Вот еще! Не надо.

Маргаритов. Нельзя, порядок.

Дороднов. Да не надо, чудак. Верю.

Маргаритов. Не выпущу без того.

Дороднов. И зачем только эти прокламации?

Маргаритов. В животе и смерти бог волён. Конечно, у меня не пропадут, я уж теперь осторожен стал...
Дороднов. А разве было что?
Маргаритов. Было. Вот какой был случай со мной. Когда еще имя мое гремело по Москве, дел, документов чужих у меня было, хоть пруд пруди. Все это в порядке, по шкапам, по коробкам, под номерами; только, по глупости по своей, доверие я прежде к людям имел; бывало, пошлешь писарька: достань, мол, в такой-то коробке дело, ну, он и несет. И выкрал у меня писарек один документ да и продал его должнику.
Дороднов. Велик документ-то?
Маргаритов. В двадцать тысяч.
Дороднов. Ого! Ну, что ж ты?
Маргаритов *(со вздохом)*. Заплатил.
Дороднов. Все заплатил?
Маргаритов *(утирая слезы)*. Все.
Дороднов. Как же ты извернулся?
Маргаритов. Все свои трудовые денежки отдал, дом продал,— все продал, что можно продать было.
Дороднов. Так-то ты и в упадок пришел?
Маргаритов. Да.
Дороднов. Пострадал занапрасно?
Маргаритов. Да.
Дороднов. Небось нелегко было?
Маргаритов. Ну, уж я про то знаю, каково мне было. Веришь ли ты? Денег нет, трудовых, горбом нажитых, гнезда нет,— жена и так все хворала, а тут умерла, не перенесла, доверия лишился *(шепотом)*, хотел руки на себя наложить.
Дороднов. Что ты? Наше место свято! Полоумный ты, что ли?
Маргаритов. Будешь полоумный. Вот так-то раз, вечером, тоска меня грызет, хожу по комнате, поглядываю, где петлю-то повесить...
Дороднов. Ишь ты, бог с тобой!
Маргаритов. Да заглянул в уголок, кроватка там стоит, дочка спала, двух лет была тогда. Думаю, кто ж у ней-то останется. А? Понял ты?
Дороднов. Как не понять, голова!
Маргаритов. Кто у ней останется, а? Да так это гляжу на нее, воззрелся на этого ангела, с места не могу сойти; а в душе-то у меня точно тепло какое поли-

лось, все мысли-то супротивные точно мириться между себя стали, затихать да улегаться по своим местам...

Дороднов. И такое это, выходит, произволение.

Маргаритов. Слушай, слушай! И с тех пор я так и молюсь на нее, как на мою спасительницу. Ведь уж кабы не она, ау, брат.

Дороднов. Да, оно, точно, бывает; только сохрани бог всякого!

Маргаритов. Так вот... Об чем я начал-то? Да, так вот с тех пор я осторожен, запираю на ключ, а ключ у дочери. Все у ней, и деньги, и все у ней. Она святая.

Дороднов. Ну, к чему это ты такие слова?

Маргаритов. Что, что! Ты не веришь? Святая, говорю тебе. Она кроткая, сидит, работает, молчит; кругом нужда; ведь она самые лучшие свои года просидела, молча, нагнувшись,— и ни одной жалобы. Ведь ей жить хочется, жить надо, и никогда ни слова о себе. Выработает лишний рублик, глядишь, отцу подарочек, сюрприз. Ведь таких не бывает... Где ж они?

Дороднов. Замуж бы.

Маргаритов. Да с чем, чудной ты человек, с чем?

Дороднов. Ну, вот, бог даст, ты мне дела-то на двести тысяч сделаешь, так уж тогда...

Маргаритов. Ну, ты подожди, я сейчас тебе расписочку...

Дороднов. Ладно, подожду.

Маргаритов уходит в свою комнату.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дороднов, Дормедонт.

Дороднов *(садится)*. Дела-то на свете тоже всякие бывают, все разное, у всякого свое, и всякий должен о себе. И не пожалеть иного нельзя, а и жалеть-то всякого не приходится; потому вдруг с тобой самим может грех случиться, так жалость-то надо для себя поберечь. *(Смотрит на Дормедонта.)* Строчи, строчи! Разве поговорить с тобой?

Дормедонт. Чего-с?

Дороднов. Ты... как тебя?.. Пописухин, поди сюда поближе!

Дормедонт. Вы бы поучтивее, коли не знаете человека.

Д о р о д н о в. Ах, извините, ваше благородие! А ты живи без претензиев, сытее будешь. Поди сюда, денег дам.

Д о р м е д о н т *(подходя)*. За что-с?

Д о р о д н о в *(дает три рубля)*. Так, здорово живешь.

Д о р м е д о н т. Покорно благодарю-с. *(Кланяется.)*

Д о р о д н о в *(ерошит волоса Дормедонту)*. Ах ты, шаршавый, не нашей державы!

Д о р м е д о н т. Полноте! Что вы?

Д о р о д н о в. А что, милый друг, этот самый стряпчий не сфальшивит, если ему документы поверить?

Д о р м е д о н т. Как можно, что вы!

Д о р о д н о в. Я бы и хорошему отдал, да те спесивы очень, надо его сударем звать, да и дорого. Так ежели ты какую фальшь заметишь, сейчас забеги ко мне, так и так, мол.

Д о р м е д о н т. Да что вы! Уж будьте покойны.

Д о р о д н о в. Ну, поди, строчи!

Д о р м е д о н т. Да я кончил-с.

Д о р о д н о в. Только ты стряпчему ни гу-гу! Ты много ль жалованья получаешь?

Д о р м е д о н т. Десять рублей в месяц.

Д о р о д н о в. Что ж, это ничего, хорошо. Тоже ведь и тебе питаться надо чем-нибудь. Всякий от своих трудов должен; потому, взгляни: птица ли, что ли...

Входит *М а р г а р и т о в*, *Д о р м е д о н т* *уходит.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М а р г а р и т о в, *Д о р о д н о в.*

М а р г а р и т о в *(отдавая расписку)*. На, спрячь!

Д о р о д н о в *(прячет расписку)*. Что это у тебя за писарек такой?

М а р г а р и т о в. Что ж, писарек? Ничего. Глуповат, а парень исправный.

Д о р о д н о в. Плут, я вижу, большой руки. За ним гляди в оба.

М а р г а р и т о в. Ну, не болтай пустого!

Д о р о д н о в. Поглядывай, советую. Ну, гости посидят, посидят, да и поедут. *(Хочет идти.)* Постой! Вот, было, забыл. У меня дома еще документ, это дело особь статья; я его с теми и не мешаю. Уж я его хоть бросить, так в ту ж пору; да дай, думаю, посоветуюсь, что с ним делать; все-таки жалко.

М а р г а р и т о в. В чем же дело?

Дороднов. Этот самый документ достался мне по наследству от дяди, вот со всеми бумагами, которые я к тебе привез. Да какой-то он сумнительный. Ну, думаю, и так много досталось, этого и жалеть нечего, что по нем ни получи, все ладно; а то хоть и пропадай он.

Маргаритов. На кого документ-то?

Дороднов. На бабу. Тут вдова есть одна, Лебедкина прозывается. Путаная бабенка.

Маргаритов. Да у ней есть что-нибудь?

Дороднов. Как не быть. Поразмотала, а все-таки заплатить в силах.

Маргаритов. Так давай, получим.

Дороднов. Получить можно, коли пугнуть.

Маргаритов. Чем?

Дороднов. Документ выдан за поручительством мужа, ей-то не больно верили, а поручительство-то фальшивое. Муж-то в параличе был, безо всякого движения, как она документ-то выдала.

Маргаритов. Так и пугнуть.

Дороднов. Оно и следует; только обстоятельному купцу связываться с бабой, я так понимаю, мараль. Я тебе передам, ты, как хочешь, от своего имени, а мне чтоб не путаться.

Маргаритов. Ну, так ты считай, что эти деньги у тебя в кармане.

Дороднов. Получи хоть половину!

Маргаритов. Все получу.

Дороднов. Не пожалеешь, стало быть?

Маргаритов. Что плутов жалеть!

Дороднов. Бабенка-то оборотиста, не оплела бы тебя на старости лет; заговорит, растаешь.

Маргаритов. Ну, вот еще! Толкуй тут! Вот тебе рука моя, что через два дня все деньги у тебя.

Дороднов. Значит, эту статью из головы вон. Завтра я тебе документ отдам. Ну, да ведь всего не переговоришь, что-нибудь к завтрему оста́вим; а теперь, по-моему, коли не пить, так самое время спать. Прощай!

Маргаритов. Посветите там кто-нибудь! *(Уходит с купцом в переднюю.)*

Из передней возвращаются Маргаритов, Шаблова, Дормедонт. Людмила выходит из своей комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маргаритов, Шаблова, Людмила, Дормедонт.

Шаблова. Ужинать не прикажете ли?

Маргаритов. Ужинайте, коли хотите; я ужинать не буду. Людмилочка, я нынче долго проспижу, ты спи, меня не дожидайся. *(Ходит по комнате.)*

Людмила. Я сама хочу нынче посидеть подольше, поработать. *(Шабловой.)* Вы сейчас будете ужинать, никого ждать не будете?

Шаблова. Да надо бы подождать.

Людмила. Ну, так я с вами посижу.

Дормедонт. Нет ли уж дельца и мне, Герасим Порфирьич, за компанию?

Маргаритов. Погоди, будет и тебе дело. Людмила, у меня дела, опять дела. Фортуна улыбается, повезло, повалило счастье, повалило.

Людмила. Как я рада за тебя, папа!

Маргаритов. За меня? Мне уж, Людмила, ничего не нужно; я для тебя живу, дитя мое, для одной тебя.

Людмила. А я для тебя, папа.

Маргаритов. Полно! Бог даст, будет у нас довольство,— в нашем ремесле, коли посчастливится, скоро богатеют,— вот поживешь и для себя, да как поживешь-то!

Людмила. Я не умею жить для себя; в том только и счастье, когда живешь для других.

Маргаритов. Не говори так, дитя мое, не принижай себя; ты меня огорчаешь. Я знаю свою вину, я загубил твою молодость, ну, вот я же и поправить хочу свою вину. Не обижай отца, не отказывайся наперед от счастья, которого он тебе желает. Ну, прощай! *(Целует Людмилу в голову.)* Ангел хранитель над тобой!

Людмила. И над тобой, папа.

Маргаритов уходит в свою комнату.

Шаблова. Вот что видеть-то приятно, а у меня сынки...

Дормедонт. Маменька, я-то? Разве я вас не покою, разве я для дому не радетель?

Шаблова. Так-то так, да ждать-то от тебя много нечего. А вот брат и с умом, да... уж и не говорить

лучше! Замучил мать! Майся с ним, точно с калечищем каким. *(Прислушивается.)* Ну, стучатся, недолго дожидались. Пойти, велеть пустить, да ворота запереть. *(Уходит.)*

Людмила подходит к окну.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Людмила и Дормедонт.

Дормедонт *(про себя)*. Не теперь ли начать? *(Людмиле.)* Людмила Герасимовна, вы как о брате понимаете?

Людмила. Я его не знаю совсем.

Дормедонт. Однако по его поступкам?

Людмила. По каким?

Дормедонт. Против маменьки.

Людмила. Что же он против нее сделал?

Дормедонт. А в трактире сидит.

Людмила. Может быть, ему там весело.

Дормедонт. Мало что весело! Этак бы и я пошел.

Людмила. Что ж вы нейдете?

Дормедонт. Нет-с, я не таких правил. Для меня дома лучше-с.

Людмила. Полноте! Что здесь хорошего! Ну, уж про нас нечего и говорить; а мужчине-то, особенно молодому...

Дормедонт. Да-с, когда он не чувствует.

Людмила. А вы что же чувствуете?

Дормедонт. Да я то-с, да я-с...

Входит Шаблова с запиской в руках.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Людмила, Дормедонт, Шаблова.

Дормедонт *(про себя)*. Помешали!

Шаблова утирает слезы.

Людмила. Что с вами?

Шаблова. Да вот чадо-то мое...

Людмила *(с испугом)*. Что такое?

Шаблова *(подавая записку)*. Вот прислал с мальчиком из трактира.

Людмила. Можно прочесть?

Шаблова. Прочитайте!

Людмила *(читает)*. «Маменька, не ждите меня, я заигрался. Со мной неприятный случай — я проигрываю; я связался играть с игроком, который гораздо сильнее меня. Он, как кажется, порядочный человек, ему нужно отдать деньги, а у меня денег нет; поэтому я не могу прекратить игры и все больше затягиваюсь. Если хотите спасти меня от стыда и оскорблений, пришлите мне с посланным тридцать рублей. Кабы вы знали, как я страдаю из-за такой ничтожной суммы!»

Шаблова. Скажите, пожалуйста, «ничтожной!» Выработай-ка, поди!

Людмила. «Я, для скорости, послал мальчика на извозчике; я жду и считаю минуты... Если у вас нет, найдите где-нибудь, займите! Не жалейте денег, пожалейте меня! Не губите меня из копеечных расчетов! Или деньги, или вы меня не увидите больше. Деньги пришлите в запечатанном конверте! Любящий вас сын Николай».

Шаблова. Хороша любовь, нечего сказать!

Людмила. Что же вы хотите делать?

Шаблова. Что делать? Где же я возьму? У меня всего десять рублей, да и то на провизию отложены.

Людмила. А ведь надо послать.

Шаблова. Проиграл, видите ли! А кто его заставлял играть? Сидел бы дома, так дело-то лучше.

Людмила. Об этом уж теперь поздно разговаривать.

Шаблова. Диви бы в самом деле нужда! А то проиграл, крайность-то небольшая.

Людмила. Нет, большая. Вы слышали, что он пишет: «вы меня больше не увидите».

Шаблова. Ну, так, батюшки мои, не разорваться ж мне из-за него. Тиран, мучитель! Вот наказанье-то. А за что, за что? Я ль его не любила...

Людмила. Позвольте! К чему эти разговоры? Только время проходит, а он там ждет, страдает, бедный.

Шаблова. Страдает он, варвар этакий! Бери, Дормедоша, бумагу, напиши ему: с чего ты, мол, выдумал, чтоб маменька тебе деньги прислала? Ты бы сам должен в дом нести, а не из дому тащить последнее.

Людмила. Постойте! Так нельзя, это бесчеловечно! Дайте мне конверт! Надпишите только! *(Достает из портмоне пятидесятирублевую ассигнацию.)*

Дормедонт надписывает конверт.

Шаблова. Что вы, что вы! Пятьдесят рублей!
Людмила. Теперь менять негде, да и некогда.
Шаблова. Да еще не последние ли у вас?
Людмила. Это именно такой случай, когда посылают последние. *(Берет конверт у Дормедонта, кладет деньги и запечатывает.)*
Шаблова. Ведь он сдачи-то не принесет; теперь сколько же за эти деньги вам заживать у меня придется?
Людмила. Нисколько, вы свое получите. Эти деньги я не вам даю, с ним считаться и буду.
Шаблова. Да ангел вы небесный! Ах ты, боже мой! Где ж такие родятся. Ну, уж я бы...
Людмила. Несите, несите; он ведь ждет, считает минуты.
Шаблова. Дормедоша, иди ужинать, пожалуйте и вы; я сейчас...
Людмила. Я не буду.
Шаблова. Дормедоша, иди! Есть же ведь на свете такие добродетельные люди. *(Уходит.)*
Дормедонт *(про себя)*. Вот теперь, должно быть, в самый раз... *(Людмиле.)* Как вы к нашему семейству-то...
Людмила *(задумчиво)*. Что вы?
Дормедонт. Какое, говорю, расположение...
Людмила. Да, да.
Дормедонт. Конечно, не всякий...

Шаблова за сценой: «Иди, что ли, я жду».

Постойте, маменька. Конечно, я говорю, не всякий может чувствовать...
Людмила *(в задумчивости)*. Я не понимаю.
Дормедонт. Вы вот для брата, а чувствую я. Разве он может...
Людмила *(подавая руку)*. Покойной ночи! *(Уходит.)*

Шаблова за сценой: «Да иди! Долго ль ждать-то?»

Дормедонт. Эх, маменька! Тут, может, вся моя судьба, а вы мешаете! *(Оглядывается.)* Вот ушла. Ну, в другой раз; кажется, дело-то на лад идет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

МАРГАРИТОВ.

ЛЮДМИЛА.

ШАБЛОВА.

НИКОЛАЙ АНДРЕИЧ ШАБЛОВ
старший сын Шабловой.

ДОРМЕДОНТ.

ВАРВАРА ХАРИТОНОВНА ЛЕБЕДКИНА
вдова.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Николай сидит у стола и спит, положив голову на руки. Маргаритов и Людмила входят.

Людмила. Прощай, папа!

Маргаритов. Прощай, душа моя! *(Отдает Людмиле ключи.)* Вот тебе ключи! Пойдешь из дому, так бери с собой, не оставляй! У меня в столе документы, а я здесь никому не верю. Здесь, Людмилочка, сторона голодная, народ живет изо дня в день, что урвет, тем и сыт. Утопающий, говорят, хватается за соломинку; ну, а голодающий за то, что плохо лежит. Здесь все украдут и все продадут, а ловкие люди этим пользуются. Нужно подкупить человека на подлог, на преступление, нужно купить девичью честь — иди сюда, купишь и недорого купишь. Когда ты увидишь, что сюда зайдет или заедет человек богатый, хорошо одетый, так знай, что он не за добрым делом зашел,— он ищет продажной чести или совести.

Людмила. А вчера к тебе купец приезжал богатый.

Маргаритов. Так ведь это чудо. Я сначала-то подумал, что либо ему фальшивое духовное завещание нужно, либо ограбить кредиторов сбирается, так за добрым советом приехал. Ко мне являлись такие-то господа, не мало я их гонял от себя. А живи я в центре Москвы, разве бы смели показаться с такими предложениями. Помни еще, Людмила, что рядом с нуждой всегда живет порок,— это страшнее. Нужде многое можно простить, ее и закон не так строго судит; а когда

твое трудовое украдут, чтобы пропить с свистом, с гамом, промотать в буйной компании,— вот когда обидно. Вон, гляди! *(Указывает на Николая.)* Ему нужны деньги, очень нужны — пропить в погребке, проиграть на биллиарде в трактире.

Людмила *(с испугом)*. Папа, он услышит.

Маргаритов. Пусть слышит, я правду говорю. Бежать бы нам из этого дома, а куда? Дешевые квартиры все такие: либо за перегородкой мастеровые, которые уж совсем никогда не говорят по-человечески, а только ругаются с утра до ночи, либо у хозяйки муж или сын пьяницы. И ты, ангельская душа, должна жить под одной крышей с таким господином. Только видеть-то его для порядочной девушки уж есть оскорбление.

Людмила *(с укором)*. Папаша, потише!

Маргаритов. Что за церемонии с этим народом! Как его не бояться? Он в неделю гроша не выработает, а каждый-то вечер сидеть в каком-нибудь Кенигсберге или Адрианополе нужны средства. Береги пуще всего документы, да и деньги запирай крепче! Кстати о деньгах: дай-ка ты мне на расходы!

Людмила. У меня нет денег.

Маргаритов. Куда ж ты их дела?

Людмила. Истратила.

Маргаритов пристально смотрит на нее.

Что ты так смотришь на меня? Что за инквизиция, папа! Если хочешь, я тебе скажу, куда...

Маргаритов *(прерывая ее)*. Нет, нет, не надо... я знаю. Я что в глазах-то твоих ищу? Для себя ли ты истратила, бедненькая, на свои нужды, на свое необходимое, или опять на баловство для меня, негодного старика. Вижу теперь, вижу; ждать буду, Людмила, ждать... не умела ты скрыть. А денег я у купца возьму, не беспокойся. Прощай. *(Уходит.)*

Людмила *(у двери передней)*. Прощай, папа! *(Подходит к столу и смотрит с нежностью на Николая.)* Милый мой, милый! Как ему неудобно, бедному! Дождусь ли я, мой милый, когда ты успокоишь свою умную, красивую голову на моих руках? Какое бы это счастье было для меня! *(Молча смотрит на Николая.)*

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Людмила, Шаблова, Николай.

Шаблова. Да, вот полюбуйтесь! Каково матери-то смотреть! Ах, беспутная голова!

Николай *(просыпаясь)*. А? Что? Знакомый голос. Здравствуйте, маменька! Я ваш голос, маменька, особенно когда вы бранитесь, из тысячи узнаю.

Шаблова. Ах ты, непутевый! С чего это ты выдумал к матери за деньгами присылать? Какие у матери деньги? Да диви бы на дело, а то...

Николай. Ну, что ж за беда такая? Знаете пословицу? «Проиграл — не украл; денег нет, так сам дома». Покорно вас благодарю! Вот одолжили. *(Хочет обнять мать.)*

Шаблова. И не подходи!

Николай. Ну, как угодно. *(Садится у стола и подпирает голову рукой.)*

Шаблова. Долго это будет продолжаться? Скажи ты на милость!

Николай. Что «это»?

Шаблова. Гульба твоя.

Николай. А, право, не знаю. До первого дела, я думаю.

Шаблова. Не отговаривайся! Что бога-то гневить! Были у тебя дела и теперь есть.

Николай. Нет, это не дела.

Шаблова. А что ж такое, по-твоему?

Николай. Делишки.

Шаблова. Ну, вот извольте с ним разговаривать, когда он никаких резонов не принимает. Деньги-то все ухнул? Много ль домой-то принес? Мне кормить вас нужно.

Людмила. Об этом говорить не нужно. Я прошу вас.

Шаблова. Ну, пожалуй, ну, как вам угодно. А ведь жалко, мы не миллионщики, по стольку-то зараз проматывать. Батюшки, что-то в кухне зашипело. Бежать скорей! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Людмила, Николай.

Николай. Позвольте мне полюбопытствовать, с какой стати вы помешали маменьке говорить о деньгах и каким это чудом она вас послушалась?

Людмила. Я просила ее просто из деликатности. Ей нужно было говорить не о деньгах.
Николай. А о чем же?
Людмила. Ей нужно было пожалеть вас самих, а не...
Николай. То есть, как пожалеть?
Людмила. Пожалеть, что вы тратите свое здоровье, и просить вас беречь его.
Николай. А вы бы стали ей поддакивать, конечно?
Людмила. Да, и я бы стала... умолять вас о том же.
Николай. Умолять? Это слишком много чести для меня.
Людмила. И я бы стала умолять вас оставить дурное общество, не тратить даром своих способностей.
Николай. И прочее и прочее... Знаю. Вы ведете себя, как и следует чувствительной барышне. Чувствительные сердца всегда мешаются не в свое дело и лезут туда с советами, где их не спрашивают. Но маменька...
Людмила. Деньги можно приобрести, но расстроенное здоровье...
Николай. Невозвратимо. Бесподобно. Но маменька!.. Она чувствительностью не отличается, деликатностью также; для нее дороже всего деньги, для нее нет выше преступления, как истратить лишние деньги, и она замолчала. Я ждал бури и уж заранее запасся терпением на двое суток; и вдруг, вместо обычной рацеи: «мот, пьяница, растащил дом» — я слышу мораль от посторонних, которым до меня дела нет. Чудеса какие-то!
Людмила. Извините!
Николай. Нет, ничего. Разговаривайте, если вам это доставляет удовольствие.
Людмила. Для меня всегда большое удовольствие говорить с вами.
Николай. То есть поучать меня.
Людмила. О нет!
Николай. Отчего ж и не поучить! Это так дешево стоит.
Людмила. Не будьте несправедливы, не обижайте меня! Я не обиды заслуживаю от вас.
Николай. А благодарности. Разумеется; как же мне не благодарить вас! Вы учите меня, не имея на то никакого права; вы считаете меня дураком, потому что сообщаете мне за новость такие истины, какие всякий десятилетний мальчик знает.

Людмила. Не то, Николай Андреич, не то. Я только прошу вас... все это так просто.

Николай. Просите? Зачем? Вы не знаете ни моей жизни, ни моего характера, ни положения, в котором я нахожусь... Маменька простая женщина, а и та поступила лучше: она знала, что мне деньги нужны, а не советы,— и прислала мне денег.

Людмила. Я вам прислала денег, а не маменька.

Николай. Вы?

Людмила. Я не хотела сказывать, но вы сами меня заставили.

Николай. Вы прислали деньги? Что такое? Зачем вы это сделали? Кто вас просил? Маменька? Она заняла у вас, она обещала вам отдать?

Людмила. Нет.

Николай. Как же это случилось?

Людмила. Я прочитала ваше письмо, я живо представила ваше положение; тут некогда было думать, нужно было торопиться.

Николай *(с чувством берет ее за руку)*. Благодарю вас. Разумеется, я вам эти деньги отдам при первой возможности; но позвольте вам заметить: вы поступили неосторожно.

Людмила. Может быть.

Николай. Вы меня не знаете, я могу не заплатить вам; а вы не так богаты, чтобы бросать по пятидесяти рублей.

Людмила. Я об этом не думала; я думала только о том, что вам необходимо нужны деньги.

Николай. Позвольте вам удивляться.

Людмила. Чему тут удивляться, Николай Андреич? Мы живем в одном доме, я почти никого, кроме вас, не вижу... Вы имеете столько достоинств...

Николай. Боже мой? *(Закрывает лицо руками.)* Вы меня любите?

Людмила. Удивительно было бы, если б я не полюбила вас.

Николай. Зачем это, зачем? По крайней мере, я себя не виню; я, кажется, не подавал вам никакого повода.

Людмила. Нет, подали. Помните, с месяц тому назад, вот здесь, у этого окна, вы поцеловали мою руку и сказали, что вы бы умерли от счастья, если б вас полюбила такая женщина, как я.

Николай. Да ведь это фразы, это та же шутка.

Людмила. А зачем вы тогда же не сказали, что шутите? Вы бы спасли меня от страданий. А слезы на глазах? Ведь если слезы неправда, так притворство, обман, а уж не шутка. Какое надобно иметь сердце, чтоб шутить над такой девушкой, как я.

Николай. Боже мой! Простите! Нет, я не шутил, я...

Людмила. Я прожила свою молодость без любви, с одной только потребностью любить; я веду себя скромно, никому не навязываюсь; я, может быть, с болью сердца отказалась даже от мечты быть любимой. А ведь я женщина, любовь для меня все, любовь мое право. Разве легко побороть себя, побороть свою природу? Но представьте себе, что я поборола себя и была покойна и счастлива посвоему. Разве честно опять будить мои чувства? Ваш только один намек на любовь опять поднял в душе моей и мечты, и надежды, разбудил и жажду любви, и готовность самопожертвования... Ведь это поздняя, быть может, последняя любовь; вы знаете, на что она способна... а вы шутите над ней.

Николай. Нет. Вы действительно заслуживаете и уважения, и любви всякого порядочного человека; но ведь я способен погубить вас, загубить вашу жизнь.

Людмила. А на что мне она? Губите! Я буду и тем довольна, если сумею чем-нибудь вашу жизнь усладить, утешить вас.

Николай. Только усладить, утешить, и за это губить себя! Вы слишком мало себя цените.

Людмила. Разумеется, мечты мои другие. Моя мечта — видеть вас покойным, счастливым, и для этого я готова на всякие жертвы, решительно на всякие.

Николай. Ангел мой, Людмила Герасимовна, за прежнее простите меня! А на этот раз я поступлю с вами честно — я вас разочарую. Ваши мечты так мечтами и останутся; спасти меня невозможно, у вас нет средств для этого; я затянулся очень глубоко. Вы только себя погубите, и потому лучше посторонитесь с моей дороги. Ни спокойного счастья, ни такой женщины, как вы, я и не стою, и желать не умею; мне нужно другое.

Людмила. Что же другое?

Николай. Стыдно вам сказать.

Людмила. Если стыдно сказать, так, значит, стыдно и желать, и делать.

Николай. Да, вы правы. Но либо я рожден с дурными наклонностями, либо еще не перебесился. Ах, как я устал, как я изломан!

Людмила. Отдохните!

Николай *(садясь у стола)*. Да, надо отдохнуть немножко, денька два дома посидеть.

Людмила. Как я рада!

Николай. Какая вы добрая! Эх, некрасива моя жизнь, Людмила Герасимовна; а впереди еще некрасивее.

Людмила *(подходя к нему)*. По крайней мере, не обегайте меня, когда вам нужно будет утешение или участие.

Николай *(подавая ей руку)*. Благодарю вас, благодарю.

Людмила *(заметив у Николая револьвер в кармане, берет его)*. А это вот отдайте мне.

Николай. Осторожнее, он заряжен.

Людмила. Зачем он у вас?

Николай. Я его купил дешево, мимоходом, у носящего, на глаза подвернулся. Деньги оставались, думал, все равно промотаю, а это вещь полезная, может быть, и пригодится.

Людмила. Я его запру у себя; когда вам понадобится, вы мне скажите.

Николай *(с улыбкой)*. Пожалуй, заприте. В самом деле, уберите лучше, а то глядишь на него, да и, пожалуй...

Людмила. О каких страшных вещах вы говорите так равнодушно.

Николай *(смеясь)*. Вот толков-то наделаю. Не влюблен ли безнадежно, казенные деньги не затратил ли? Как будто нет причин проще.

Людмила. Какие же?

Николай. Жить незачем. Как хочется жить, так нельзя; а как можно, так не хочется. Да, уберите лучше... Скверно жить, Людмила Герасимовна.

Людмила. Перестаньте, не мучьте меня. За мою откровенность будьте и вы со мной откровенны.

Николай. Это чего ж вы хотите? Чтоб я рассказал вам всю гадость моего положения? Пожалуй, только не теперь, я устал очень.

Людмила. И мне нужно идти со двора, а вот ужо, в сумеречках... Обещаете? Вы дома будете?

Николай. Дома.

Людмила. Ну, до свидания. *(Заходит в свою комнату, оставляет там револьвер, надевает бурнус и платок, потом запирает свою дверь и уходит.)*

Николай. Вот некстати. Не в таком я теперь расположении, чтоб в эти сентиментальности путаться. А впрочем, что ж, помеха небольшая. Все-таки как-то теплее, когда тебя кто-нибудь любит.

Из передней выбегает Д о р м е д о н т.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Н и к о л а й, Д о р м е д о н т, потом Ш а б л о в а.

Дормедонт. Маменька, маменька, Варвара Харитоновна приехала.

Ш а б л о в а входит.

Шаблова. Выдумывай еще! В наш-то курятник, да такая дама поедет. Не умеет она прислать-то! И лакея пошлет, так мать-то собачьей рысью к ней побежит; а то очень нужно ей самой ехать.

Дормедонт. Да ведь я не знаю-с; кому ж быть-то, как не ей? Посмотрите!

Шаблова *(взглянув в окно)*. Что за чудо! И то ведь она. Видно, дело какое спешное!

Николай. Маменька, коли меня спросит, скажите, что дома нет! *(Уходит.)*

Шаблова. Ах ты, алистократ! Видно, дело-то не тяга, видно, у ней получше тебя есть. Бежать встретить! *(Выходит в переднюю и возвращается с Лебедкиной.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ш а б л о в а, Л е б е д к и н а, Д о р м е д о н т.

Шаблова. Какими судьбами, матушка благодетельница? Кому молиться-то прикажешь?

Лебедкина. Это кто у тебя?

Шаблова. Сынок, матушка.

Лебедкина *(Дормедонту)*. Вы тоже адвокат?

Дормедонт. Нет-с, я так.

Шаблова. Где ж ему! Он по домашней части. *(Дормедонту.)* И что ты тут толчешься?

Д о р м е д о н т уходит.

Лебедкина. Душа моя, Фелицата Антоновна, поскорей!

Шаблова. Да что поскорей-то? Чаю прикажете?

Лебедкина. Ну вот, чай! Ты мне карточки.

Шаблова. Мигом, матушка. Карты всегда при мне. Как солдат с ружьем, так и я с ними. *(Достает колоду из кармана.)* По какой части? По амурной, что ли?

Лебедкина. Да, да, поскорей!

Шаблова. Трефового короля-то класть, все того же?

Лебедкина. Да, все того же, трефового; только выколи ему булавкой глаза!

Шаблова *(колет булавкой короля)*. Вот тебе, обидчику! *(Раскладывает карты)*. Матушка, вантаж.

Лебедкина. Да какой от него авантаж! Другую неделю глаз не кажет; измучилась, не утерпела, к тебе бросилась.

Шаблова *(рассматривая карты)*. Придет.

Лебедкина. Да ты погляди хорошенько! Займись этим делом, займись! Вот это какая дама-то? Причем она тут? Вот за нее-то ему глаза и выколоть.

Шаблова. Не греши! Она в стороне. Видишь, он от нее отвернулся.

Лебедкина. Да верно ли?

Шаблова. Гляди сама, коль не веришь! Что меня обижаешь! Я ль тебе не угадывала? Как, бывало, скажу: «жди!» Ну, так и есть, к вечеру и тут как тут, ты и с радостью.

Лебедкина *(смешивая карты)*. Ну, верю. Разложи-ка еще! Я было и забыла совсем.

Шаблова. Теперь на даму?

Лебедкина. На меня.

Шаблова *(раскладывая)*. Дело, что ли, какое?

Лебедкина. Да ты гляди!

Шаблова. Вижу, дело денежное.

Лебедкина. Ты смотри хорошенько, платить мне или нет.

Шаблова *(рассматривая карты)*. Пожалуй, что и заплатишь; по видимости, так выходит.

Лебедкина. Ах, не хочется! Время-то к зиме; какие у меня зимой расходы, сама знаешь. Опера, вечера,— новости из-за границы получат скоро, одни перчатки разорят.

Шаблова. Ну, да уж что говорить!

Лебедкина. Ах, не хочется платить! К зиме добрые люди занимают, а ты плати. Очень весело платить! Мне самой деньги нужны. Вот шляпка! Что в ней особенного? А с меня за нее взяли, что и не выговоришь. Хороша?

Шаблова. Хорошему все хорошо, а на волка хоть и лучше наденъ, все волк будет. Да ты должна, что ли?

Лебедкина. Разумеется, должна. Когда же я не должна бываю.

Шаблова. Кому?

Лебедкина. Купцу Дороднову. Я у дяди его занимала-то, а ему по наследству досталось. Тот был человек учтивый, подождал бы, а этот мужик серый.

Шаблова. Льготы не дает?

Лебедкина. Срок вышел, так я заезжала к нему сегодня утром, чтоб переписать документ. Вы, говорит, мне, сударыня, ничего не должны; я ваше заемное письмо передал стряпчему Маргаритову, с ним и извольте считаться. Видимое дело, что взыскать хочет.

Шаблова. Маргаритову? Так ведь он у меня живет, в этих комнатах.

Лебедкина. Каков он?

Шаблова. Ефиоп.

Лебедкина. Не уступит?

Шаблова. Ни зерна макового.

Лебедкина. А чтоб ему на сделочку пойти; ведь не свои деньги. Взял бы с меня половину, а я бы за это ему тысячу рублей дала.

Шаблова. И заикнуться не даст. Честность-то уж больно некстати одолела его. А велика ли половина?

Лебедкина. Шесть тысяч.

Шаблова. Ишь ты! Кажется, кабы руки подошли, украла бы документ для тебя.

Лебедкина. Укради, голубушка! Смерть не хочется платить.

Шаблова. Украдешь у него! Он за семь замков запирает. Вот тут и живет. Еще дочка у него барышня тонкая; но при всем том, кажется, с Николаем амурничает.

Лебедкина. Да ты говори прямо! Любовница, что ль, она его?

Шаблова. Нет, матушка, что ты! Девушка она скромная. А что влюблена, как кошка, так это уж правда.

Лебедкина. Ну, и то хорошо. Мне отличная мысль в голову пришла. Пожалуй, мое дело и поправится. А он дома?

Шаблова. Не велел было сказывать.

Лебедкина. Занят?

Шаблова. Какое занятие! Прогулял всю ночь, отдыхает.

Лебедкина. Не нуждается ли в деньгах? Я бы с удовольствием. Нельзя ли его видеть?

Шаблова. Чего у меня для тебя нельзя? Все можно. *(У двери.)* Николя, поди сюда! Толкуйте, а я мешать не буду.

Николай входит, Шаблова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лебедкина, Николай.

Николай *(кланяясь)*. Чему обязан счастием?..

Лебедкина. Уж скажите лучше: блаженством.

Николай *(сухо)*. Что прикажете?

Лебедкина. Ничего не прикажу. Хотите кататься?

Николай. Что такое? Не понимаю.

Лебедкина. Очень просто. Я хочу прокатиться и приглашаю вас с собой.

Николай. И вы не нашли никого, кроме меня? Кажется, у вас в провожатых недостатка нет.

Лебедкина. Ну, положим, что это мой каприз.

Николай. Нынче у вас каприз — приласкать человека, завтра каприз — оттолкнуть, чуть не прогнать его. Как хотите, а, уважая себя и желая себе спокойствия, при всей...

Лебедкина. Договаривайте! Я позволяю.

Николай. При всей любви к вам, стараешься быть подальше от ваших капризов.

Лебедкина. Вы не знаете женщин. Их капризами нужно уметь пользоваться: женщина из каприза способна на многое.

Николай. Я не Дон-Жуан.

Лебедкина. Не всё Дон-Жуаны, иногда нравятся и мечтатели, идеалисты. *(Помолчав.)* Говорят, в Стрельне зимний сад хорош.

Николай. Да, говорят.
Лебедкина. Вот бы съездить.
Николай. Что ж, поезжайте!
Лебедкина. Да ведь Стрельна все-таки трактир, одной ехать неприлично.
Николай. А вдвоем с молодым мужчиной?
Лебедкина. Тоже неприлично. Но я из двух зол всегда выбираю то, которое приятнее. Посидеть под пальмой... и пообедать можно. Чего вы боитесь? Я вас не задержу,— я вас обратно домой привезу, я заеду оттуда к вам чай пить. Ну, будьте полюбезнее!
Николай. Пожалуй!
Лебедкина. Ах, милый друг мой, как иногда бывает скучно жить на свете!
Николай. Ну, вам еще можно жить, а мне вот...
Лебедкина. Разве и вы тоже несчастны? Бедненький. А бежите от женщины! Да кто же может так утешить, как женщина? Дайте мне вашу руку!
Николай *(подавая руку)*. Об чем же вы плачете?
Лебедкина. Ах, мой милый друг, как тяжело жить женщине без опоры, без руководителя! Вы не знаете. Я очень несчастна.
Николай. Видно, мне придется вас утешать, а не вам меня.
Лебедкина. О нет, это у меня на одну минуту; я сейчас опять развеселюсь. *(Подходит к двери и громко.)* Прощайте!

Выходят Шаблова и Дормедонт и помогают Лебедкиной одеваться.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лебедкина, Николай, Шаблова, Дормедонт, потом Людмила.

Лебедкина *(Шабловой)*. Я твоего сына беру с собой.
Шаблова. Да возьмите, благо вам удовольствие. Чего он дома-то не видал?
Лебедкина. Мы в парк едем.
Шаблова. Разгуляйтесь! Неужто ж на месте сидеть? Еще мысли в голову полезут. А что за охота думать-то; нам не книги сочинять. От думы-то вред бывает.

Лебедкина *(Николаю)*. Ну, идемте! *(Поет из «Периколы».)* «Я готова, я готова!»

Николай берет шляпу, повязывает на шею кашне. Входит Людмила и, не раздеваясь, останавливается у своей двери.

Поживей, поживей, мой милый кавалер! *(Шабловой.)* Прощай, душа моя! Жди, мы вернемся к тебе чай пить.

Шаблова. Милости прошу.

Уходят Лебедкина, Николай, Шаблова, Дормедонт.

Людмила. Отец говорит, что богатые люди в наше захолустье за добром не ездят. У меня что-то непокойно сердце; мне кажется, что это посещение не к добру. *(Раздевается и подходит к окну.)*

Дормедонт возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Людмила, Дормедонт.

Дормедонт *(про себя)*. Вот случай-то! Вот когда в самый раз. Людмила Герасимовна, не прикажете ли чего папеньке сказать? Я иду, он мне велел в окружной суд приходить.

Людмила. Нет, ничего.

Дормедонт. Людмила Герасимовна, видите?

Людмила. Что?

Дормедонт *(указывая в окно)*. Брат-то, точно барон какой развалился в коляске. Вот стыда-то у человека нет! Ему бы скрываться. Ух, покатили!..

Людмила *(садясь у стола)*. Зачем скрываться?

Дормедонт. От добрых людей, ну и от кредиторов. Ведь его на цугундер, Людмила Герасимовна.

Людмила. Что, что?

Дормедонт. Завтра в яму опустят.

Людмила *(с испугом)*. Как? В какую яму?

Дормедонт. К Воскресенским воротам, за долги: беспременно-с ему сидеть и долго сидеть. Я сам и исполнительный лист видел, и кормовые представлены; только маменьке не сказываю; что ее беспокоить!

Людмила чуть не падает; облокачивается на стол и поддерживает голову руками.

Дормедонт. Да и поделом ему! Конечно, по родству, жаль. Мы с вами, Людмила Герасимовна, станем навещать его — все-таки брат. Калачиков ему будем носить. Так ведь, Людмила Герасимовна? Ай, что такое? Маменька, Людмила Герасимовна умирает!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ШАБЛОВА.

НИКОЛАЙ.

ДОРМЕДОНТ.

ЛЮДМИЛА.

ЛЕБЕДКИНА.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Людмила сидит у окна, Шаблова стоит подле нее.

Шаблова. Самовар-то весь выкипел. Ишь, закатились! Да и то сказать, что им торопиться-то! Сидят, проклажаются, едят стерлядей да шампанское пьют. Уж нечего сказать, Варвара Харитоновна пожить умеет, со вкусом женщина. Ну, а моему это наруку: замашки барские, деньжонок нет; а с ней-то и в коляске проедется, и сигару выкурит, развалясь,— будто и в самом деле помещик. А вот и они катят.

Людмила. Сделайте одолжение, Фелицата Антоновна, когда эта дама уедет, скажите мне: мне необходимо поговорить с Николаем Андреичем. Отдохну пойду, я так сегодня устала, много ходила. *(Уходит.)*

Входят Лебедкина и Николай.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Шаблова, Лебедкина, Николай.

Шаблова *(помогая раздеваться Лебедкиной)*. Ну вот, матушка Варвара Харитоновна, опять я вас вижу. Эко счастье! В день по два раза. И самовар-то, точно

знает, для кого поставлен, так-то старается, надселся, кипевши.

Лебедкина. Пей сама, я пила уж.

Шаблова. Да нельзя же! Хоть одну чашечку.

Лебедкина. Погоди, Фелицата Антоновна, не мешай нам; у нас интересный разговор.

Шаблова. Ну, как угодно. Может, после выпьешь, я подожду.

Николай. Людмила Герасимовна дома?

Шаблова. Дома; да ничего, она отдохнуть легла.

Николай *(Лебедкиной)*. Во всяком случае, разговаривайте потише.

Лебедкина. А я тебе на твоего сына жалуюсь; может помочь мне, а не хочет.

Шаблова. Что это ты в самом деле, Николай? Ты меня не стыди перед благодетельницей! Важность-то надобно оставить. Мы для Варвары Харитоновны всё должны... как рабы... не разбирая.

Николай. Хорошо, маменька, хорошо!

Шаблова. Да, кажись... да заставь она меня человека убить — убью для нее, право; а не то что малость какую.

Лебедкина. Полно, Фелицата Антоновна, я шучу.

Шаблова. Да какие шутки! Нет, уж он такой зародился, ничего-то для дому. У нас, матушка, у бедных людей, кто в дом несет, тот и радетель.

Николай. Прежде нужно честно добыть, да потом в дом и нести.

Шаблова. Нет-то мне ничего противней этой твоей философии. Когда твоей чести дождешься-то, а есть-то всякий день хочется; так уж честно ль, не честно ль, а в дом тащить ты обязан.

Лебедкина. Оставь нас на минуту, нам поговорить нужно.

Шаблова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Николай, Лебедкина.

Николай. Ух, пообедали же мы!

Лебедкина. А вы не засните!

Николай. Немудрено.

Лебедкина. Ну, как же, как же, друг мой? Говорите! Проснитесь!

Николай. Вот вам мой совет: привозите деньги, завтра же привозите! Другого вам ничего не остается.

Лебедкина. Хорош совет! Покорно благодарю! Вдруг столько отдать...

Николай. Об чем тут толковать! Сейчас деньги, сейчас; тогда только я своим влиянием обещаю спасти вас от уголовного суда. Ведь вы сами говорили, что поручительство фальшивое.

Лебедкина. Ну, что ж такое? Если бы я попросила, муж никогда бы мне не отказал, значит, это все равно.

Николай. Да ведь вы не просили? Ведь подпись не его!

Лебедкина. Как вы странно рассуждаете! Как же он мог подписать, когда был в параличе!

Николай. А это подлог. Ведь за это, знаете, что бывает?

Лебедкина. Ах, да не пугайте! Я знаю, что за это очень нехорошо.

Николай. Так привозите деньги. Нет, так достаньте, займите за какие бы то ни было проценты.

Лебедкина. Ах, как не хочется...

Николай. Да ведь вы должны, ведь вы под этот документ брали деньги.

Лебедкина. Вот мило. Какие резоны! Разумеется, брала. Да ведь уж я те деньги, которые брала, истратила, а теперь должна отдавать свои. Поймите вы меня!

Николай. Поверьте вы мне, что я вам предлагаю самое лучшее, что только возможно.

Лебедкина. Нет, вы меня не любите, оттого так и говорите. Это не самое лучшее. Я и верить не хочу, чтобы нельзя было уговорить стряпчего обмануть этого Дороднова. Взял бы половину, а за хлопоты вы разделите пополам.

Николай. Как вы хотите, чтоб я к честному человеку обратился с таким предложением! Как он посмотрит на меня? Что он мне скажет прямо в глаза?

Лебедкина. Ну, так сделайте то, что я вам говорила.

Николай. Невозможно.

Лебедкина *(тихо)*. Да ведь она вас любит ужасно, ведь вы сами говорили. Разве можно отказать в чем-нибудь тому, кого любишь? Я по себе сужу.

Николай. Ведь это чистое создание.

Лебедкина. И прекрасно. Тем легче обмануть. Тогда

половина ваша. Деньги хорошие, мой друг, и не лишние для вас.

Николай. Не искушайте меня деньгами! Я в крайности, в ужасной крайности; за себя поручиться нельзя, может найти минута слабости, и упадешь так низко... Меня завтра поведут в яму за долги, меня ожидает срам, унижение. Пожалейте меня, не искушайте!

Лебедкина. Так спасайте себя от срама, вот вам средство.

Николай. Есть и другое.

Лебедкина. Это так легко.

Николай. То еще легче... Я скорей себе пулю в лоб...

Лебедкина *(со слезами)*. Но что ж мне делать? У меня денег нет, достать мне негде. Кто мне поверит? Я так много должна.

Николай. Слезы не помогут, нужно действовать. У вас есть вещи, брильянты?

Лебедкина *(со слезами)*. И даже очень много.

Николай. Вот и прекрасно. Надо их заложить в опекунский совет.

Лебедкина. Да, в опекунский совет, только я не знаю, как это...

Николай. Я вам помогу.

Лебедкина. Покорно вас благодарю. Вы — мой истинный друг.

Николай. Завтра пораньше поедемте вместе.

Лебедкина. Ну, вот видите, как все это прекрасно улаживается. *(Хохочет.)* Ха, ха, ха!

Николай. Что с вами? Чему вы смеетесь?

Лебедкина. И вы хотите, чтоб я рассталась со своими вещами? Да вы с ума сошли! Вот потеха! *(Смеется.)*

Николай. Извините, пожалуйста! Я единственно из расположения...

Лебедкина. Ах, какой вы чудак! Да можно ль советовать такой женщине, как я, заложить вещи, брильянты?

Николай. Да что же делать-то?

Лебедкина. Нет, вы еще очень молоды. Неужели вы думаете, что у меня таких денег нет, что мне, в самом деле, трудно их найти? Столько-то денег я вам через час доставлю.

Николай. Так в чем же дело, я не понимаю.

Лебедкина. А в том, что хоть этот долг для меня и не очень важен, а мне его не хочется платить. Двенадцать тысяч, для кого бы то ни было, составляют расчет. И вот мне хотелось испытать, стоите ли вы моей любви, которой вы так давно добиваетесь.

Николай. Да, это совсем изменяет дело.

Лебедкина. Давно бы вам нужно было догадаться.

Николай. Но я не понимаю, как вы можете полюбить человека, который сделал гадость, хотя бы и для вас.

Лебедкина. Не беспокойтесь! Я и сама не очень добродетельна, и других сужу не строго. Если я вижу, что человек мне предан без границ, я и сама готова для него на всякие жертвы.

Николай. Об этом стоит подумать.

Лебедкина. Как? Вы еще хотите думать? Вы можете колебаться? Да ведь близко, ведь перед вами то, чего вы так долго и напрасно искали. Я не знаю, любите ли вы меня, но я знаю наверное, что вы самолюбивы... Удовлетворение самолюбия...

Николай. Ах, черт возьми! Вы меня сводите с ума.

Лебедкина. На ум навожу. Получить большие деньги, пользоваться расположением женщины, известной в обществе, за которой все ухаживают, возбуждать зависть, ревность! Для этого можно кой-чем пожертвовать. Вы очень милы, умны, но ведь все-таки вы...

Николай. Ничтожество перед вами. Конечно, я должен сознаться.

Лебедкина. Нет, это слишком. Зачем унижаться. Я вам скажу помягче: вы не из тех мужчин, которые опасны для нас. Вы не можете, не имеете средств преследовать... вас надо самой... отыскивать... в захолустье. Оцените это.

Николай. Ценю.

Лебедкина *(целует его)*. До завтра времени много... Я привезу, на всякий случай, все деньги и посмотрю, любите ли вы меня. Позволяю и вам поцеловать меня вот здесь. *(Подставляет ему щеку.)* Фелицата Антоновна, еду.

Шаблова за сценой: «Со всех ног, матушка, бегу!»

Что вы задумались?

Николай. Мне кажется, я помешаюсь.

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Николай, Лебедкина, Шаблова.

Шаблова. Уж и домой? Что ж мало погостили?

Лебедкина *(тихо)*. Ну вот! Ведь ты мои дела знаешь. Может, и сбудется, что ты пророчила, может, и придет, так надо быть дома.

Шаблова. Уж в таком случае задерживать не смею, поезжайте, поезжайте!

Лебедкина *(Николаю)*. Прощайте! Целуйте! *(Протягивает ему руку.)* А то перчатку надену. Прикладывайтесь, пока не тесно! *(Шабловой.)* Ну, прощай! *(Тихо.)* Вот это тебе! *(Дает ей крупную ассигнацию.)* Забеги как-нибудь! *(Напевает.)* «Пьяная улица...».

Шаблова *(целуя Лебедкину в плечо)*. Ах ты, птичка! Ах ты, птичка, ах ты, птичка моя райская!

Лебедкина уходит, Шаблова и Николай ее провожают.
Выходит Людмила.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Людмила, потом Николай и Шаблова.

Людмила. Кажется, она уехала, наконец. Ждала, ждала, думала, думала... Но что же тут придумаешь! Тут нужны деньги. Видеть позор любимого человека!.. Несчастье видеть легче, чем позор! Молодой человек, полный сил, умный... и его запирают в тюрьму вместе с промотавшимися развратниками, с злостными банкротами. Я не выдержу, слезы хлынут у меня.

Выходят Шаблова и Николай.

Шаблова *(Людмиле)*. Вот вам и Николай; вы его видеть хотели. *(Николаю.)* Ну, повалило тебе счастье; от женщин отбою нет. Вот жизнь-то тебе пришла. *(Уходит.)*

Людмила. Не мешаю я вам?

Николай. Нисколько.

Людмила. Вы как будто расстроены? Вы беспокоитесь? Может быть, ожидаете чего-нибудь дурного?

Николай *(пристально смотрит на нее)*. Вы знаете? Скажите, вы знаете?

Людмила. Знаю.

Николай. Только не презирайте меня, пожалуйста.
Людмила. Нет, за что же?
Николай. Ну, вот и хорошо, меньше хлопот, оправдываться не нужно.
Людмила. Оправдываться не нужно. Но если б вы были так добры...
Николай. Для вас все, что вам угодно.
Людмила. Мне нужно знать подробно о вашем настоящем положении.
Николай. Извольте.
Людмила. Только все, все; ради бога, ничего не скрывайте.
Николай. Вы просите не скрывать ничего; значит, вы подозреваете за мной что-нибудь очень дурное.
Людмила. Если б я подозревала, я б вас не любила.
Николай. Вся беда моя в том, что я должен много.
Людмила. Да, да, мне только и нужно знать, как вы задолжали, кому, сколько.
Николай. А вот когда я был маленьким Жюль Фавром и воображал, что я первый адвокат в Москве, я зажил очень широко. После студенческого безденежья, да вдруг тысячи три-четыре в кармане, ну, голова-то и закружилась. Обеды да кутежи, обленился, да и дел серьезных не было, и оказалось к концу года, что денег нет, а долгов, хотя небольших, довольно. Вот тут-то я и сделал непростительную глупость, от которой теперь погибаю.
Людмила. Что же вы сделали?
Николай. Я подумал, что бросать мне этот образ жизни не следует, чтоб не растерять знакомства. Занял в одних руках значительную сумму за большие проценты, уплатил все мелкие долги и зажил опять по-прежнему, в ожидании будущих благ. Все мне казалось, что получу большой процесс. Ну, а дальше уж просто. Процесса большого я не получил, деньги прожил, а долг, как петля на шее. Петля давит, тоска, отчаяние... А от тоски праздная, трактирная жизнь... Вот и вся моя нехитрая история.
Людмила. Много вы должны?
Николай. Тысячи три. Для меня сумма огромная.
Людмила. И у вас нет надежды поправить ваши дела?
Николай. Никакой.
Людмила. И в виду нет ничего?
Николай. Ничего.

Людмила. И вам остается только...

Николай. Идти в тюрьму. Да. Как мне нездоровится! Как голова горит!

Людмила. Погодите, я принесу одеколону. *(Уходит.)*

Николай садится на кресло и опускает голову. Людмила выносит из своей комнаты в одной руке бурнус и платок, в другой склянку одеколону; бурнус оставляет на стуле у двери, наливает одеколону на руку и примачивает голову Николаю.

Николай. Благодарю, благодарю.

Людмила. Кому вы должны?

Николай. На что вам знать! Есть такой ростовщик, известный всей Москве.

Людмила. Говорите скорей фамилию. *(Хочет надевать бурнус.)* Я пойду просить его, чтоб он вам отсрочил. Буду умолять, плакать перед ним...

Николай. Напрасно. Ничто не поможет; это не человек, а железо. Останьтесь!

Людмила *(подходя к Николаю)*. Но как же вам помочь?

Николай. Никак нельзя. Я сделал глупость, которую нельзя ничем поправить... Нет... то есть можно.

Людмила. Говорите, говорите!

Николай. Я сделал глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сделать...

Людмила. Что сделать? *(Кладет руки на голову Николая.)*

Николай. Ах, как хорошо мне!

Людмила. И мне хорошо.

Входит Дормедонт.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Николай, Людмила, Дормедонт.

Дормедонт *(про себя)*. Вот оно что! Ловко, брат! *(Громко.)* Людмила Герасимовна, я от вашего папеньки-с.

Людмила подходит к нему.

Вот приказали вам отдать. *(Подает сложенную бумагу.)*

Людмила раскрывает и рассматривает.

Чтоб сейчас, говорит, в портфейль и на ключ.

Людмила. Хорошо, хорошо. *(Прячет бумагу в карман.)* Больше ничего?

Дормедонт. Ничего-с. Но каково доверие мне-то-с! Тебе, говорит, я поверю, ты не то, что брат.

Николай. Он это сказал?

Людмила. Не сердитесь на папашу! Он что-то не любит вас. Это оттого, что он вас не знает.

Дормедонт. Брату твоему, говорит, гроша не поверю, а тебе могу.

Николай. Ну, хорошо же! *(Дормедонту.)* Поди вон!

Дормедонт. Ты что куражишься? Я к Людмиле Герасимовне с благородными намерениями, не то, что ты.

Николай *(Людмиле)*. Бросьте его! Подите ко мне!

Дормедонт. Мне, Людмила Герасимовна, серьезно нужно с вами поговорить, очень серьезно.

Людмила. Да, да. Я очень рада. И мне нужно, только не теперь, после как-нибудь.

Николай. Говорят тебе, поди вон!

Дормедонт. Пойду. Ты не знаешь... Погляди, что еще у нас будет с Людмилой Герасимовной! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Николай, Людмила.

Людмила. Вы сказали, что есть средство...

Николай. Да, есть. Я сделал глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сделать...

Людмила. Что?

Николай. Преступление.

Людмила *(отстраняясь)*. Ужасно! Что вы говорите!

Николай. Вы требовали от меня откровенности, я говорю правду. Чтоб выпутаться из долгу, чтоб избавиться от сраму, мне остается только одно средство: сделать преступление.

Людмила. Как легко вы говорите о таких вещах!

Николай. Вы очень чисты, вы редко слышите такие разговоры...

Людмила. Не делайте, не делайте преступления! О, боже мой! О, боже мой! Но если оно необходимо, заставьте меня, прикажите мне... Я сделаю... Какое преступление?

Николай. Воровство.

Людмила. Гнусно, гадко!

Николай. Да, некрасиво.

Людмила. Не шутите. Я исстрадалась, измучилась, слушая вас.

Николай. Так успокойтесь! Что вам напрасно страдать! Предоставьте меня моей судьбе. *(Хочет идти.)*

Людмила. Нет, постойте! Не отталкивайте меня! Я решилась сделать все для вас. Что бы вы ни задумали, я ваша сообщница. Что украсть? У кого?

Николай. У вашего отца.

Людмила. Вы смеетесь над моим горем! У моего отца нечего украсть.

Николай. Заемное письмо той женщины, которую вы сегодня видели, передано вашему отцу. Ей платить не хочется всех денег, и она предлагала мне половину, если я его украду.

Людмила. Ах, какие страдания! *(Утирая слезы.)* Что ж, этих денег достаточно, чтоб спасти вас?

Николай. Даже слишком.

Людмила. И, когда вы заплатите долг, вы бросите праздную жизнь и будете трудиться?

Николай. Разумеется. Я не только брошу, я прокляну прежнюю жизнь; такой урок научит хоть кого. Испытать в другой раз, что я испытываю теперь, сохрани меня бог. Что у меня впереди, по выходе из тюрьмы, какая карьера? Быть писарем в квартале, и то надо кланяться, чтоб пустили. Репутация моя погибла навсегда. И если б мне удалось как-нибудь избавиться от этой напасти, клянусь вам всем святым на свете, я сделаюсь хорошим человеком. Но спастись мне, Людмила Герасимовна, невозможно. Не думайте обо мне дурно, успокойтесь! Чтоб спасти себя, я не стану искать никаких безнравственных средств. Я краснею за себя: как я мог колебаться, как я мог слушать без негодования это гнусное предложение!

Людмила. Милый, благородный человек! Но как же спасти вас? Я люблю вас. Для меня нет жизни без любви к вам.

Николай. Не тревожьте себя, успокойтесь! Я сделал глупость, я и должен поплатиться. Да вот что... возвратите-ка мне револьвер.

Людмила. Нет, нет, это тоже преступление, еще хуже.

Николай. Не бойтесь! Что вы! Я не решусь... разве уж очень невыносимо станет.

Л ю д м и л а *(делает несколько шагов к двери, останавливается в задумчивости, потом вынимает бумагу, принесенную Дормедонтом, и подает Николаю).* Вот, возьмите!

Н и к о л а й. Что это? *(Рассматривает бумагу.)* Заемное письмо Лебедкиной! Нет, я не приму от вас этой жертвы.

Л ю д м и л а. Возьмите, возьмите! Пусть оно будет у вас, делайте с ним, что хотите, это ваша воля.

Н и к о л а й. Невозможно, невозможно. Что вы! Опомнитесь!

Л ю д м и л а. В моих руках есть средство... я должна помочь вам... Другой любви я не знаю, не понимаю... Я только исполняю свой долг. *(Идет к двери.)*

Н и к о л а й. Вы свой долг исполнили, теперь уж и я знаю, что мне нужно сделать.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

МАРГАРИТОВ.

ЛЮДМИЛА.

ШАБЛОВА.

НИКОЛАЙ.

ДОРМЕДОНТ.

ЛЕБЕДКИНА.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ш а б л о в а, потом Л е б е д к и н а.

Ш а б л о в а *(заглянув в печь).* Прогорели совсем дрова, хоть закрывать, так в ту ж пору. Угару бы не было! Ну, да ведь голова-то своя, а за дрова деньги плачены. Что тепло-то на ветер пускать! Аль погодить? Кого это бог несет? Какая-то женщина, да словно

как незнакомая. Отпереть пойти. *(Идет в переднюю и отпирает.)*

Входит Лебедкина, просто одетая и покрытая по голове платком.

Пожалуйте! Кого вам угодно?

Лебедкина *(снимая платок)*. Ты меня не узнала?

Шаблова. Ах, матушка Варвара Харитоновна! И то не узнала. Как это ты подкралась?

Лебедкина. Я на извозчике; в карете-то ездить в вашу сторону неловко; сейчас явятся любопытные: кто приехал, да к кому, да зачем,— прислуга болтлива. А мне не хочется, чтоб знали, что я у тебя была сегодня.

Шаблова. Да и не узнает никто.

Лебедкина. Стряпчий дома?

Шаблова. Нет, матушка, ушел спозаранку.

Лебедкина. А дочь его?

Шаблова. Она не войдет, что ей здесь делать! Мы только по вечерам здесь работаем вместе, чтобы врозь лишней свечи не жечь; а то целый день сидит в своей комнате. Да нынче же либо больна, либо расстроена... Тебе что нужно-то, дорогая моя?

Лебедкина. Николая Андреича.

Шаблова. Сейчас покличу. А ты не беспокойся, я постерегу; коли стряпчий придет, я тебя спрячу. *(Уходит в переднюю.)*

Входит Николай.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лебедкина, Николай.

Лебедкина. Здравствуйте!

Николай молча кланяется.

Вот я приехала.

Николай. Вижу. Привезли деньги?

Лебедкина. Привезла.

Николай. Все?

Лебедкина. Все... А разве все нужны?

Николай. Конечно. Вы на что же надеялись?

Лебедкина. На вас, мой друг.

Николай. За кого же вы меня принимаете?

Лебедкина. Я вас всегда принимала за благородного человека; но вы так меня любите... Для любимой женщины можно решиться...

Николай. И вы совершенно уверены в любви моей?

Лебедкина. Да разве это неправда, разве я не вижу по глазам вашим...

Николай. Вы проницательны. Вероятно, вам не раз приходилось испытывать силу ваших прелестей над мужскими сердцами?

Лебедкина. Да, бывало. Я в этом счастлива, для меня жертвовали очень многим.

Николай. Так что вы нисколько бы не удивились, если бы и я...

Лебедкина. Чему тут удивляться, мой друг!

Николай. Да, вы правы. *(Подает ей бумагу.)*

Лебедкина *(взглянув мельком, прячет бумагу)*. Ах! Я так и ожидала. Благодарю вас, милый друг мой! Вот этой любви, этой страсти можно поверить.

Николай. И наградить.

Лебедкина. Да, конечно, вы стоите... Но, милый мой Николай Андреич, подождите немного. Ведь сердцем нельзя располагать по произволу... если оно занято, что ж делать?

Николай. Но, кроме сердца вашего...

Лебедкина. Деньги, хотите вы сказать? О, деньги я отдам. Хотя не вдруг,— я сама нуждаюсь, но я вам понемногу выплачу все, что обещала,— это мой первый долг.

Николай. Но позвольте! Я дело сделал: у вас в руках ценный документ, а у меня ничего, только одни обещания, слова, которые не имеют никакой цены. Вы меня обманываете.

Лебедкина. Нет, я все исполню, только не вдруг. Подождите!

Николай. Возвратите мне документ!

Лебедкина. Вы либо сами очень просты, либо меня за дурочку считаете, мой друг.

Николай. В таком случае, я заявлю, что вы похитили у меня документ; вас обыщут... Я вас не выпущу отсюда.

Лебедкина. Ах, как страшно! Вы так не шутите! Ну что, если бы я была женщина нервная, ведь вы бы

меня ужасно перепугали. Хорошо еще, что у меня есть характер, и никогда я не теряю присутствия духа. Вот и теперь я поступлю очень ловко и осторожно. *(Идет к печке.)*

Николай. Что вы делаете?

Лебедкина *(бросая бумагу в печь)*. Посмотрите, как весело горит; как быстро исчезают строчки! Вот даже и пепел улетел в трубу, не осталось и следа моего долга.

Николай. Мне уж остается только удивляться вам.

Лебедкина. Ох, отлегло от сердца! Мне теперь совсем легко.

Николай. Верю.

Лебедкина. Как скоро и просто это сделалось! И знаете ли, мне и винить себя не в чем. Все чужими руками. Не правда ли, я почти не виновата.

Николай. Разговаривайте, разговаривайте, я слушаю.

Лебедкина. Что вы так презрительно смотрите на меня? Вы разве лучше? Конечно, я предлагала деньги; но ведь надо было, чтоб нашелся такой джентельмен, который бы решился на такой подвиг. Когда за деньги все на свете можно сделать,— поневоле соблазнишься. Я себя, как вам угодно, виноватой не считаю. Да мне бы и в голову не пришло; я живу хоть и открыто, но окружена все людьми более или менее порядочными. Ведь надо ж было, чтоб в наше общество явился такой милый, обязательный молодой человек, такой любезный, который... конечно, за деньги...

Николай. Ну, довольно уж! Дайте и мне поговорить немножко! Вы, поручая мне это нечистое дело, желали испытать, стою ли я любви вашей; по крайней мере вы так говорили. Ну, представьте себе, что и я, доверяясь вам, тоже желал испытать, стоите ли вы моей любви.

Лебедкина. И оказалось, что не стою. Очень жаль! Но что ж делать,— на всех не угодишь. Впрочем, вам легко утешиться, вас любит девушка, которая, вероятно, имеет все достоинства, нужные для вас. Вы можете быть счастливы с ней.

Николай. Да, уж постараюсь.

Лебедкина. И прекрасно. Я не завистлива.

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лебедкина, Николай, Шаблова, потом Дормедонт.

Шаблова. Стряпчий, матушка, идет,— я его издали признала.

Лебедкина *(покрываясь платком)*. Спрячь меня покуда, душа моя; а когда он придет, ты меня выпроводи.

Шаблова. Я тебя задним крыльцом провожу.

Лебедкина. Помни, Фелицата Антоновна, я у тебя не была, и ты меня не видала.

Шаблова. Хорошо, матушка, не видала; в глаза не видала. Уж зачем тебе это нужно, я не знаю; а только, хоть побожиться, не видала. Чай, тоже ведь у тебя свои резоны есть.

Лебедкина. Само собой. Карету я оставила близехонько, у зоологического сада; погуляю да минут через десять опять к тебе подкачу, уж тогда, значит, взаправду приехала.

Шаблова. Да как твоей душеньке угодно, так и будет. Твори, что только в голову тебе придет, а наше дело потрафлять по тебе.

Николай. Как все это тонко и хитро!

Лебедкина. Нам, женщинам, нельзя жить без хитростей.

Шаблова. Вот правда-то, вот слова-то твои справедливые! Схитришь да солжешь, только и поживешь в свое удовольствие.

Лебедкина. Ну, идем! Скажи своему сыну, что я у него в долгу не останусь.

Шаблова. И говорить не хочу. Разве он смеет сомневаться.

Лебедкина и Шаблова уходят. Входит Дормедонт.

Дормедонт. Присесть за дело! *(Разбирает бумаги на столе.)* С одной только доверенности семь копий писать. Хоть бы помог, что ли, в самом деле.

Николай. Давай, я наверху займусь; а ты, Дормедонт, сделай милость, кликни меня, когда Людмила Герасимовна выйдет из своей комнаты. Мне нужно поговорить с ней прежде, чем она увидится с отцом.

Дормедонт. Хорошо, кликну.

Николай уходит.

Как же, дожидайся! Не о чем тебе с Людмилой Герасимовной разговаривать, у тебя только пустяки на уме. Нет, уж я, брат, глупостям не потатчик. Сиди себе наверху. Видно, не с чем в трактир идти, так ему скучно стало.

Входит Маргаритов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дормедонт, Маргаритов.

Маргаритов. Что ты смотришь на меня! Пиши, пиши! Устал, брат, я; хлопот куча, а уж стар становлюсь, не прежняя пора. А теперь бы мне бодрость-то и нужна; повалили дела, Дормедонт, повалили процессы. Вчера у Дороднова был я на вечере, собралась эта пьющая компания, всё тузы,— замотали меня совсем: у того дело, у другого тяжба, у третьего иск. «Покажи, говорят, нам свою честность, так мы тебя озолотим». Честность! Да я, говорю, честней вас всех. «Ну, говорят, и покорно благодарим». Теперь только бы мне кончить дела два-три хороших, зарекомендовать себя; а то деньги-то лопатой греби. Что, Людмилочка не выходила?

Дормедонт. Не выходила-с.

Маргаритов. Принесла мне давеча стакан чаю, сунула ключи от комода и ушла в свою комнату. Я-то занят был и словечка с ней не перекинул. Уж здорова ли?

Дормедонт. Не знаю-с.

Маргаритов. Пиши, пиши! Я только портфейль возьму да к тебе подсяду. Пишешь ты довольно четко, а зато уж врешь ты так, что только руки врозь разведешь.

Дормедонт. Врать я здоров-с, но без умыслу, Герасим Порфирьич,— от мечты-с.

Маргаритов. Уж ты не мечтай, когда дело делаешь. А то третьего дня, вместо «департамент», написал: «фиксатуар», да еще как четко вывел-то.

Дормедонт. Это я завиться думал, так, чтоб волосы крепче держались, фиксатуар-то в уме и держал.

Маргаритов *(качая головой)*. Надо «департамент», а ты «фиксатуар».

Дормедонт. Уж я теперь фиксатуара писать не стану-с.

Маргаритов. Ну, какой фиксатуар? Зачем фиксатуар? А ты пишешь!.. *(Уходит.)*

Дормедонт. Нет, шабаш! Мечтать мне невозможно. Все, что есть в голове, все и напишешь. Вот недавно гербовый лист в сорок копеек испортил, а ведь это расчет. Надо копию с купчей, «лета такого-то» выводить, а я: «Кольцо души девицы я в море уронил», да уж на четвертом стихе только опомнился да себя по лбу-то ударил.

Маргаритов входит с портфейлем и садится у стола.

Маргаритов. «Докажи нам свою честность!» Каково это слышать, Дормедонт! Да чем же я, говорю, свою бесчестность доказал? Вы, говорю, сами ко мне придите честности-то поучиться. Много ль у нас документов, посмотри-ка по списку!

Дормедонт. Шестнадцать, а семнадцатый я вчера принес.

Маргаритов *(перебирая бумаги)*. Вы, говорю, сами народ обманываете; так будь ты, говорят, один между нами честный человек, нам очення нужно... Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Где же семнадцатый?

Дормедонт. Поищите!

Маргаритов. Где семнадцатый? Подай сюда список!

Дормедонт *(подавая)*. Извольте-с.

Маргаритов проверяет по списку.

Да уж все тут; ошиблись, обсчитались.

Маргаритов. Заемного письма Лебедкиной нет.

Дормедонт. Тут.

Маргаритов. Нет, говорят тебе.

Дормедонт. Тут.

Маргаритов. Нет. Смотри сам.

Дормедонт. Не может быть, не верю.

Маргаритов. Ах ты, глупый!

Дормедонт. Не может быть. Потому честность у нас: вы отдали мне, велели домой снести, а у меня все одно, что у вас в кармане, так же честно и благородно. Я отдал Людмиле Герасимовне, они еще честней нас с вами; говорю, положите в портфейль, ну, значит, оно в портфейле. Вот хоть убейте, хоть к присяге ведите.

Маргаритов, перебрав еще документы, пристально смотрит на Дормедонта.

Что вы так смотрите? Что вы так страшно на меня смотрите?

Маргаритов. Ты разбойник!

Дормедонт. Ну, нет-с. Не надеюсь, Герасим Порфирьич; не надеюсь быть разбойником.

Маргаритов. Кто из вас бегал к Лебедкиной? Или она сама была здесь? Говори!

Дормедонт. Вчера была-с, даже два раза была-с.

Маргаритов. Ты разбойник!

Дормедонт *(со слезами)*. За что обижаете?

Маргаритов *(с отчаянием)*. Продали!

Дормедонт. Возможно ли продать, коли я его Людмиле Герасимовне отдал? Не в портфейле, так у них.

Маргаритов. Позови ее ко мне.

Дормедонт *(у двери)*. Людмила Герасимовна, можно войти? *(Маргаритову.)* Не отвечают.

Маргаритов. Постучи хорошенько!

Дормедонт *(стучит, дверь сама отворяется)*. А-а-й! Караул! *(Дрожит и топает ногами.)*

Маргаритов. Что такое?

Дормедонт. Убита! Герасим Порфирьич, убита, без движения! А-а-й!

Маргаритов *(идет, шатаясь)*. Как? Неужели? Кто ж из вас?

Из двери выходит Людмила, протирая глаза спросонков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Маргаритов, Дормедонт, Людмила.

Людмила *(Дормедонту)*. Ах, как вы меня испугали!

Дормедонт *(тихо)*. А зачем же у вас на столике, возле кровати, пистолет?

Людмила. Не ваше дело, молчите, пожалуйста. *(Отцу.)* Я ночью почти не спала, прилегла теперь и так сладко заснула.

Маргаритов *(Дормедонту)*. Ах ты, глупец! Ах ты, глупец! Что ты со мной делаешь?

Дормедонт. Нет, вы спросите, что со мной-то было! Был ли я жив? У меня по сю пору сердце-то, как овечий хвост, дрожит.

Маргаритов. Ну, садись, пиши! Да не наври с перепугу-то.
Дормедонт. Так буду стараться, что на удивление.
Маргаритов. Людмила, отдал он тебе заемное письмо Лебедкиной?
Людмила. Отдал.
Дормедонт. Что? Говорил я вам.
Маргаритов. Извини, брат! Ну, теперь я спокоен. Пиши, пиши!
Дормедонт. Честность необыкновенная.
Маргаритов *(Людмиле)*. Так оно у тебя?
Людмила. У меня его нет.
Маргаритов. Где ж оно?
Людмила. Я отдала его.
Маргаритов. Как? Кому отдала? Зачем?
Людмила. Так нужно было, я не могла иначе поступить.

Входит Николай и останавливается вдали.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маргаритов, Людмила, Дормедонт, Николай.

Маргаритов. Как? Как не могла! Дочь моя, ты ли это говоришь? Ты не могла сохранить, уберечь чужого, что нам не принадлежит, что доверили твоему отцу, надеясь на его честность? Я ничего не понимаю.
Людмила. Да, не могла сохранить.
Маргаритов. Или я стар и глуп стал, или все перевернулось на свете,— ни чужой собственности, ни честности не стало, воровство перестали называть воровством!
Людмила. Я не могла иначе поступить.
Маргаритов. Скажи ты мне, какими хитростями, ловушками поймали тебя? Каких дьяволов вызывали из ада, чтоб обмануть, обольстить твою праведную душу?
Людмила. Ничего не было: никто меня не обольщал, не обманывал,— я сама отдала. Я видела, что человек гибнет, что, если не помочь ему сейчас же, ему грозит позор и, быть может, самоубийство. Когда мне было думать! Надо было помогать, спасать, отдавать все, что только было под руками.

Дормедонт *(в слезах)*. Брат, мучил ты нас, мало тебе этого; погубить ты нас захотел совсем.

Маргаритов. Так это он?

Людмила. Он.

Маргаритов. Вот когда я нищий, презренный старичишка! Был я беден, был я жалок, но тогда была у меня дочь, теперь нет ее.

Людмила. Ты от меня отказываешься?

Маргаритов. Нет, нет, прости меня, я сам не знаю, что говорю. Как же мне бродить по свету без тебя? Поди ко мне, я тебя прощу,— будем мыкать горе вместе, вместе оплакивать новый грех, твою слабость. О нет, нет, я тебя не брошу! Мне самому страшно стало!.. Неужели я тебя оставлю ему?.. Моту, пьянице...

Людмила. Я тебя умоляю...

Маргаритов. Вору.

Людмила. Умоляю тебя.

Николай. Замолчи, старик!

Маргаритов. Чужим горем живет он, чужими слезами. Мать, брат в поте лица работают, а он пропивает их выстраданные копейки. Да какие деньги у бедной семьи? Разве их на разврат хватит? Нет ли еще где бедных тружеников попроще? И тех обобрать, пусть они плачут да горе мычут. Что ему за дело до чужих слез! Ему веселье нужно. Дитя мое, поди ко мне, уйдем от них!

Николай. На вашу брань я бранью отвечать не буду, вы очень стары. Без брани, но гораздо больнее я накажу вас за вашу несправедливость. *(Людмиле.)* Не к нему, а ко мне подите! Ко мне сюда. *(Ударяет себя в грудь.)* Меня надо утешить, я обижен и обижен напрасно.

Маргаритов. О чудовище! Людмила, беги! Ко мне, ко мне!

Людмила. Папа, я пойду...

Маргаритов. Иди ко мне, иди!

Людмила. Я пойду к нему. *(Подходит к Николаю.)*

Маргаритов. Стой, стой! Ты мне возвратила жизнь однажды, ты же сама и отнимаешь ее.

Людмила. Судьба связала меня с ним... что же мне делать?.. Я вижу, я чувствую, что убиваю тебя... Я и сама умираю, но я... его. О, если б я могла жить для вас двоих! Оттолкни, прокляни меня, но... полюби его!

Маргаритов. Его? Его? За что? Он все взял у меня: взял деньги, чужие деньги, которых мне не выплатить, не заработать во всю жизнь, он взял у меня честь. Вчера еще считали меня честным человеком и доверяли мне сотни тысяч; а завтра уж, завтра на меня будут показывать пальцами, называть меня вором, из одной шайки с ним. Он взял у меня последнее — взял дочь...

Николай *(подходя к Маргаритову)*. Ничего я не взял у вас. Никогда ничего дурного я не сделал вам. Вот ваша дочь, вот ваш документ. *(Отдает заемное письмо Лебедкиной.)*

Маргаритов. Как, что, документ? *(Рассматривает документ на свет.)*

Дормедонт. Я говорил, что все честно и благородно.

Маргаритов. Что ж это значит? Ты не успел его продать? Тебя совесть зазрила?

Николай. Я жалею, что вам его отдал. Вы не умеете ценить благородства в других и не стоите, чтоб с вами поступали честно. Я нынче же видел Лебедкину.

Маргаритов. Зачем же этот документ был у тебя? Зачем ты его взял у Людмилы?

Николай. Я — поверенный Лебедкиной; зачем мне нужен был документ, я вам не скажу... Ну, положим, что мне нужна была с него копия.

Маргаритов *(подавая руку)*. Извини, брат! Я горяч, я горяч... да ведь здесь сторона такая, что поневоле подумаешь...

Николай *(Людмиле)*. Прощайте!

Людмила. Куда же вы? Что с вами будет? Мне страшно.

Николай. Не беспокойтесь, я решился покориться своей участи; у меня теперь есть хорошее впереди: это любовь ваша.

Входит Шаблова.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маргаритов, Людмила, Николай, Дормедонт, Шаблова, потом Лебедкина.

Шаблова. Варвара Харитоновна Лебедкина подъехала, встречать бегу. *(Уходит в переднюю.)*

Маргаритов. Вот кстати, не заставила себя ждать.

Входят Лебедкина и Шаблова.

Лебедкина. Мне нужно видеть адвоката Маргаритова.

Шаблова. Вот он, матушка!

Лебедкина. Вы адвокат Маргаритов?

Маргаритов. К вашим услугам, сударыня. Коллежский асессор Герасим Порфирьич Маргаритов. Прошу покорно садиться!

Лебедкина. Не беспокойтесь! Вам передано заемное письмо, выданное мной купцу Дороднову.

Маргаритов. Так точно, сударыня.

Лебедкина. Я желаю заплатить деньги.

Маргаритов. И прекрасно делаете, сударыня! Пожалуйте.

Лебедкина. Что?

Маргаритов. Деньги.

Лебедкина. Дайте документ! Я только тому отдам, у кого в руках документ. Без документа я не отдам денег ни за что.

Маргаритов. Совершенно справедливо. Пожалуйте деньги, тогда и документ получите.

Лебедкина. Ах, боже мой? Неужели вы осмеливаетесь сомневаться? Вот деньги! *(Бросает на стол пачку крупных билетов.)* Покажите мне документ, я хочу видеть его.

Маргаритов. Уж это порядок такой. Извольте! *(Показывает из рук заемное письмо.)* Это ваша подпись, сударыня? Вы ее признаете?

Лебедкина. Что такое? Позвольте, позвольте!

Маргаритов. Вы можете не признать подпись, если вам угодно.

Лебедкина. Нет, это моя рука.

Маргаритов. А в таком случае, я перечту деньги и сделаю на документе надпись. *(Осторожно пересчитывает деньги, отодвигает их от себя и расписывается на заемном письме в получении.)*

Николай, по знаку Лебедкиной, подходит к ней.

Лебедкина *(Николаю)*. Что же это значит?

Николай. Это значит, что я давеча был осторожнее вас, за что себе очень благодарен. Я вам отдал только копию; вам бы посмотреть хорошенько.

Лебедкина. Да, вот что!

Николай. Не станете ли упрекать меня?

Лебедкина. Нет, не стану.

Маргаритов. Вот, сударыня, вам документ, а мне деньги. *(Передает Лебедкиной документ.)* Людмила, я вчера просил у Дороднова денег на расходы, а он мне сказал: «Получи с г-жи Лебедкиной, так половина твоя, потому я эти деньги считал пропащими».

Лебедкина. Невежа!

Маргаритов. Действительно, невежа. Вот тебе, Людмила, половина.

Людмила. Мне, папа, мне?

Маргаритов. Тебе, тебе, бери, не бойся! Это твое приданое.

Людмила. Значит, это не мои, их надо будет отдать.

Маргаритов. Ах ты, глупенькая! Разумеется, отдать жениху.

Людмила *(Николаю)*. Так вот вам! *(Отдает деньги.)*

Маргаритов. Что ты? Что ты делаешь?

Людмила. Ты сам сказал: отдать жениху. Это ему в задаток, он хочет быть твоим помощником.

Николай. Нет, писарем, только с одним условием.

Маргаритов. С каким?

Николай. Вы — хороший адвокат, у вас доверенности с передоверием? Вы иначе не возьмете?

Маргаритов. Разумеется, с передоверием.

Николай. Так передоверьте мне все дела. Вы уж старый человек, вы окончили свою карьеру, а мне надо начинать.

Людмила *(обнимая отца)*. Папа, тебе надо отдохнуть; мы тебя успокоим.

Шаблова *(Дормедонту)*. А ты говорил, что она тебя любит.

Дормедонт *(утирая слезы)*. Что ж, маменька, ничего, пущай! Я для дому. Ему хлопот будет много, по судам бегать, а я по домашней части; я, маменька, детей его буду нянчить.

Шаблова *(Лебедкиной)*. Что, матушка, карты-то правду сказали, пришлось тебе заплатить.

Лебедкина. Э! Что я истрачу или заплачу́, я никогда не жалею. Да и что жалеть-то! Кабы свои, а то я и эти заняла. Это все пустяки, а у меня есть серьезное дело до тебя; ты мне погадай!

Шаблова. Опять на трефового?

Лебедкина. Нет, ну его! Надоел. Не знаю, какой его масти-то положить.

Шаблова. Разношерстный, что ли?

Лебедкина. Усы другого цвету.

Шаблова. Да какого ты ни избери, какой бы он шерсти ни был, хоть и в колоде такой не найдешь, я для тебя все-таки гадать буду. Рыжему червонному королю черные усы выведу и загадаю.

Лебедкина. Ну, пойдем скорее! *(Кланяясь.)* Совет да любовь.

Маргаритов. Так и будет, сударыня! Дормедонт, пиши от меня доверенность на имя Николая Шаблова. Только не ври!

Дормедонт. В акурате сделаю. А вы не сумневайтесь, у нас все честно и благородно.

ТРУДОВОЙ ХЛЕБ

Сцены
из жизни
захолустья,
в четырех
действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ИОАСАФ НАУМЫЧ КОРПЕЛОВ
лысый, преждевременно состарившийся и сгорбившийся, но всегда улыбающийся человек. Одет в черное длинное сак-пальто, застегнутое сверху донизу. Тон, движения, манеры педантские, с примесью шутовства. По занятию — учитель, промышляющий дешевыми частными уроками.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА СИЗАКОВА
сирота, красивая девушка лет 25-ти, племянница Корпелова по матери.

ЕВГЕНИЯ ЛЬВОВНА
бедная девушка, дальняя родня Наташи, одних с ней лет.

ПАВЕЛ СЕРГЕИЧ ГРУНЦОВ
молодой человек, кончивший курс в университете, ищущий места; недурен собой, с бородкой; одет прилично: короткий пиджак, красивые, хорошо вычищенные сапоги по колена, фуражка всегда немного на затылке, в руках толстая палка. Шагает широко, в жестах развязен.

ИВАН ФЕДУЛЫЧ ЧЕПУРИН
лавочник, хозяин дома, в котором живет Корпелов. Молодой человек, косоват, рябой; рыжеватая неподстриженная борода клином. Одет щеголевато, в серенькую одноцветную пару. Держит себя скромно и сосредоточенно. Взгляд, речь и движения энергичны.

МАЛАНЬЯ
кухарка лет за 50, одета по-русски. (Корпелов зовет ее Аглаей.)

Бедная комната, соседняя с кухней. С правой стороны (от зрителей) окно; под окном небольшой письменный стол, на нем разбросаны книги; перед столом стул; далее, в углу, горка с книгами. С левой стороны шкафчик с посудой; за ним, в углу, дверь в комнату Наташи. В глубине узкая дверь в кухню; направо от двери тонкая перегородка, у которой, между дверью и горкой, мягкий ситцевый диван, служащий постелью Корпелову; над диваном на стене висит гитара; налево от двери, до угла, бок выбеленной русской печи; у печи деревянная скамейка, на ней железное ведро, самовар и медный подсвечник. Посредине комнаты обеденный стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Корпелов (один).

Корпелов *(входит усталый, снимает измятую широкополую шляпу и садится у письменного стола. Со вздохом)*. Вотще! *(Помолчав.)* Напрасно, так сказать,

всуе! И без денег, и тощ вспять возвратися. Но мудрый унывать не должен,— мудрый всегда найдет себе усладу в горести. Обращусь к живительной влаге!.. *(Подходит к шкафу и отворяет его.)* Сей источник радостей... *(осматривая графин)* иссяк. *(Громко.)* Аглая, Аглая!

Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корпелов и Маланья.

Корпелов *(показывая графин)*. Воззри!

Маланья. Чего тут зрить-то!

Корпелов. Пусто.

Маланья. Да чему ж и быть-то, коли выпито.

Корпелов. Сам Сократ глаголет твоими устами. Выпито! Вижу, что выпито, но кем?

Маланья. Да кому ж, окромя что сам. Умереть на месте! Пошлешь на пятачок, да хочешь, чтобы неделю велось, что ли? Кабы ты мог рассудить правильно, так тут и на один-то раз чего! Да мое бабье дело, да я...

Корпелов. Довольно!

Маланья. Стало быть, от тебя только одна обида, больше ничего не будет?

Корпелов. Аглая, довольно!

Маланья. Что ж напрасно-то! Вот лопни утроба...

Корпелов. Аглая, Аглая!

Маланья. Боже мой!

Корпелов *(громко и затыкая уши)*. Satis! [1]

Маланья. Только что беспокойство. Тоже хозяева! Чтоб вас... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Корпелов (один).

Корпелов *(ставит графин в шкаф)*. Сего утешения лишен. Разве возбряцать на сей бандуре! *(Указывая на гитару.)* Но персты мои и сладкий глас мой исполнены дрожания от многого хожденья. Остается усладительница душ, поэзия. Приди и утоли скорбный

---

[1] Довольно! *(лат.)*.

дух мой! *(Берет со стола книгу и читает про себя несколько времени.)* «Бегут быстротечные годы»! — говорит Гораций. Да, действительно, бегут проворно; но еще проворней бегут месяцы, особенно если нечем платить за квартиру. Гораций этой заботы не знал, оттого и дух его парил так высоко. А если б он и знал, если б и задолжал месяца за два, то не без основания можно полагать, что Меценат заплатил бы за него. А я вот нонешний день, будучи обязан иметь семь с полтиной, обежал всех учеников своих, пешешествуя по стогнам столицы семо и овамо, от сего конца и до оного и даже до последних пределов, сиречь до вала Камер-Коллежского... Семи с полтиной не обрел, ибо ученики мои беднее учителя, и се жду со смиренным сердцем от хозяина поношения и поругания. *(Ложится на диван и складывает руки на груди.)*

Входит Грунцов, запыхавшись, садится у стола, бросает фуражку и отирает со лба пот.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корпелов и Грунцов.

Грунцов *(едва переводя дух).* Здравствуй, domine![1]

Корпелов. Здравствуй, юноша! Шагал?

Грунцов. Шагал.

Корпелов. Много стадий?

Грунцов. Шесть верст за заставу, на дачу. Барчонок один за лекции двадцать рублей должен...

Корпелов. Результат?

Грунцов. Nihil[2]. Пристяжную новую покупает, самому нужны. Показывал, в кольцо вьется. Велел после приходить.

Корпелов. Male, сиречь — нехорошо. Динарии, юноша, имеешь?

Грунцов. Нет, отче!

Корпелов. Зело потребны.

Грунцов. Ты бы, domine, прежде сказал. Утру глубоку я забегал к ростовщику, к Мурину, понаведаться, что он за мой хронометр даст.

---

[1] Господин *(лат.)*.
[2] Ничто *(лат.)*.

Корпелов. И тебе, юноша, сребреники понадобились?

Грунцов. Барышне конфеты проспорил, остальные тебе, domine, отдал бы, вот и квит.

Корпелов. Ты, видно, как я же: завелись деньги, так маешься, маешься с ними, тоска возьмет, точно кандалы тяготят; ходишь, ходишь, по трактирам-то газеты читаешь, пока выдут все. Ну, тогда полегче станет, опять повеселеешь. А вот нужны динарии, так их и нет.

Грунцов. Какая у нас нужда, domine! Вот я нынче видел нужду-то! Прихожу я к Мурину, от него выходит молоденький франтик, в коляску хочет садиться... пара рысаков тысячи полторы стоят... вышел от Мурина-то, шатается; прислонился у двери, едва дух переводит,— бледный как полотно, губы трясутся, а сам шепчет: «Душит он меня, душит, кровь пьет, зарежу я его». Вот она — нужда-то! В коляске на рысаках ездит, а мы что!

Входит Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Корпелов, Грунцов, Евгения, потом Маланья.

Евгения *(Грунцову)*. Вы опять пришли?

Грунцов. Да вам-то что за дело? Я не к вам, я к отцу.

Евгения. Конечно, мне все равно, есть ли вы на свете, нет ли вас; только, пожалуйста, не разговаривайте со мной.

Грунцов. Извольте.

Евгения. А когда ж конфеты?

Грунцов молчит.

Что ж вы молчите? Как это учтиво с вашей стороны!

Грунцов. Да ведь вы сами не велели с вами говорить.

Евгения. У вас на все отговорки есть. Только надо вам знать, что благородные люди всегда свое слово держат. Да и я-то глупа,— жду от вас. Вам либо жаль рубля, либо у вас нет его.

Грунцов. Будет и на нашей улице праздник.

Евгения. Когда это?

Грунцов. А вот поеду в Уфу, так вам пять фунтов куплю.

Евгения. Вы давно собираетесь, а все ни с места.
Грунцов. Не заплачьте, барышня.
Евгения. Я-то? Ах, как вы много о себе думаете! Маланья, ставь самовар! Скоро Наташа придет.

Выходит из кухни Маланья и берет со скамейки самовар.

Маланья. А вы прежде спросили бы, вода-то есть ли у нас, а то самовар!
Корпелов. Аглая, не груби!

Грунцов вынимает из кармана две копейки, показывает Маланье, надевает фуражку, берет со скамейки ведро и уходит.

Маланья с самоваром за ним.

Евгения. Грунцов такой спорщик, такой спорщик! Просто сил никаких нет.
Корпелов. Вот он не заспорил, а взял ведро да за водой пошел.
Евгения. Ну, что ж из этого?
Корпелов. Я у него денег попросил, он тоже не заспорил, а хотел часы заложить да заплатить за нас хозяину за квартиру. Ergo[1], он не спорщик.
Евгения. Может быть, он хороший и добрый человек, только я его не люблю и видеть не могу. *(Взглянув в окно.)* Хозяин идет. Как чай, так и он тут, и всегда за себя нам гривенник заплатит. Он в кого-нибудь влюблен: либо в меня, либо в Наташу.

Входит Грунцов.

Грунцов. Domine, к тебе хозяин. *(Евгении.)* Позвольте к вам в комнату войти, барышня, поспорить о чем-нибудь.
Евгения. Войдите, пожалуй; только спорить с вами я ни за что не буду; говорите, что хотите, а я буду молчать.
Грунцов. Предмет спора: есть у женщин ум или нет?
Евгения. Ну, уж извините! Разумеется, есть.
Грунцов. А я утверждаю, что нет. У них только каприз, и его-то они за ум и считают.

Евгения и Грунцов уходят. Входит Чепурин.

---

[1] Следовательно *(лат.)*.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Корпелов и Чепурин.

Чепурин *(кланяясь)*. Асафу Наумычу... почтение-с. *(Подает руку.)*

Корпелов. За деньгами? О тиран души моей!

Чепурин. Больше по знакомству-с, а уж кстати и за деньгами, потому срок-с.

Корпелов *(нагибаясь)*. Ты зри главу мою, лишенную волос.

Чепурин. Вижу-с. От ума, говорят, это приключается, у кого ежели лишнего много.

Корпелов. Не трогает тебя?

Чепурин. Не редкость какая! Бывают и еще пространнее.

Корпелов. Ну, хочешь, я тебе вместо денег песенку спою и на гитаре сыграю?

Чепурин. Уж очень дорого мне ваша музыка обойдется-с, не по капиталу.

Корпелов. Ну, хочешь, латинскую или французскую книжку тебе почитаю?

Чепурин. Интересно бы послушать, да только у меня к этим языкам как-то понятливости нет-с.

Корпелов. Ну, нечего с тобой делать, надо отдать.

Чепурин. Пожалуйте-с.

Корпелов. Постой! Я говорю, что надо отдать, а не говорю, что отдам сейчас. Денег ни одного абаза нет. Приходи завтра.

Чепурин. Я только удивляюсь на вас: как это вы, при всей вашей учености,— всякие вы языки знаете,— и никакого себе профиту не имеете.

Корпелов. А оттого я профиту не имею, что от самой юности паче всего возлюбил шатание. Как кончил курс, так и пошел бродить по лицу земному: где у товарищей погостишь, где на дешевеньком учительском месте поживешь. Юношей в гимназии да в университеты готовил рубликов за шестьдесят в год, да из них еще бедной сестренке уделял. В Тамбове год, в Ростове полгода, в Кашине три месяца, а в Ветлугу на недельку погостить хаживал; и прожил я так лет семнадцать, как един день. Товарищи мои до генеральства дослужились, а я выучился только на гитаре играть. С какой котомкой вышел из Москвы, с такой же и вернулся.

Чепурин. Да, тоже, видно, жизнь-то никому не легка, горя-то про всякого довольно.

Корпелов. Ты какое видел?

Чепурин. Лыком подпоясано-с. Я недавно и человеком-то стал, а жить-то начал в лошадиной запряжке. Прежде на этом самом месте пустырь был, забором обнесенный, и калитка на тычке; нанял я подле калитки сажень земли за шесть гривен в год, разбил на тычке лавочку из старого тесу; а товару было у меня: три фунта баранок, десяток селедок двухкопеечных, да привозил я на себе по две бочки воды в день, по копейке ведро продавал-с. Вот какой я негоциант был-с. Потом, мало-помалу, купил всю эту землю, домик выстроил,— имею в нем овощной магазин, с квартир доход получаю; бельэтаж двести рублей в год ходит-с.

Корпелов. Что ж ты сам в бельэтаже не живешь?

Чепурин. Кабы у меня супруга была-с, так сумел бы и я жить в бельэтаже; а как я холостой, так с меня и темного чулана довольно достаточно-с.

Корпелов. Друже, заведи супругу, сделай милость, заведи!

Чепурин. За этим дело не станет, да надо, чтоб у нее капитал был, хоть небольшой-с; вот как у Натальи Петровны.

Корпелов. А ты почем знаешь, какой у Натальи Петровны капитал?

Чепурин. Слухом земля полнится. У них от маменьки.

Корпелов. Да, да. Вот была женщина-то!

Чепурин. Коли умела деньги оставить, значит, ум в себе имела-с.

Корпелов. Оставить! Мало ль кто оставляет. Дело в том, как оставить. Вот слушай! Да нет, уйди лучше,— я плакать буду.

Чепурин. Да, может, и я заплачу-с; это ничего-с.

Корпелов. Уж не помню, где я скитался, кажется в Харькове; только помню, что дело было на святках; загуляли мы у градского головы,— разный народ был: учителя, чиновники из семинаристов, певчие,— уж третий день мы пели душеполезные канты; хозяин сидел на кресле посреди залы, а мы все на стульях у стен,— мы пели, а он дирижировал и плакал. Только что мы затянули «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...», тенора залились вверху, хозяин чуть

не навзрыд,— вдруг приносят мне от сестры письмо. Читаю: «Милый братец, приезжай скорей, умираю». Хмель с меня соскочил, поплелся я в Москву пешком. Одежонка плохая, денег всего три рубля; попадется обоз, подсяду; замерз было. Дотащился койкак; сестра при последнем издыхании. «Вот тебе, говорит, дочь! Береги ее; смотри, чтоб она трудилась, работала; честнее труда ничего на свете нет; коли найдешь хорошего человека, выдай ее замуж. Вот тебе деньги, не тратьте их, это мои трудовые; живите трудом, работайте, а денег не трогать ни под каким видом,— это я сберегла ей на приданое. Выйдет замуж, тогда отдай мужу, а не выйдет, пусть бережет под старость, на черный день». Да такой это строгий был приказ, так строго она на меня посмотрела своими умирающими глазами, что у меня и теперь мурашки по спине ползают и слеза меня прошибает.

Чепурин. Надо вам исполнить-с! Уж это святое дело-с! Только я наслышан, что, окромя этих, еще должны быть деньги.

Корпелов. Разве где-нибудь пятак завалился, а больше нет.

Чепурин. Потому как ваша сестрица жили у богатого барина в экономках...

Корпелов. Ну, бросайся в окно!

Чепурин. Зачем же-с?

Корпелов. У меня силы нет тебя выкинуть, а ты сто́ишь.

Чепурин. Да я не в осуждение-с.

Корпелов. Вот как это было, stultissime! [1] Сестра моя была красавица, выдали ее замуж за горького, бесчастного чиновника Сизакова. Маялась с ним, маялась она; года через два и овдовела, осталась с дочерью без копейки, хоть по миру идти. Тут один барин, старый знакомый, и пригласил ее к себе в экономки. Ну, и жила она, точно, покойно, только не нравилась ей эта жизнь. «Скучно, говорит, дела мало; да без заботы и без горя жить нехорошо, бога забудешь. Жила я с мужем, говорит, выработала себе денег на шерстяной салопчик, и сама его сшила, так, веришь ли, как он мне был мил; а потом, говорит, как жила у барина и очень хорошо одевалась, да

[1] Превосходная степень от stultus — глупец, дурак *(лат.)*.

все не́мило, только людей стыдно». Потом стал этот барин в старость приходить, оступила его родня, начали на сестру косо посматривать; не могла она этого перенести, ушла, даже и своего много оставила. После барин не раз звал ее опять к себе — не пошла; денег посылал — не брала.

Чепурин. Теперь вам, значит, только человека найти.

Корпелов. В том вся и задача.

Чепурин. А я полагаю, если вы и найдете, так ничего толку не будет. Получит ваш жених эти деньги, нашьет себе брючек да жилетов, а Наталья Петровна должны из его рук каждую копейку смотреть. Охотников-то на деньги много, да притом же Наталья Петровна в себе красоту имеют.

Корпелов. Как же быть-то? Научи!

Чепурин. Прикажете?

Корпелов. Прикажу.

Чепурин. Отдайте Наталью Петровну за меня, тогда и деньгам место найдется.

Корпелов. Ты... asinus.

Чепурин. Мы бы в бельэтаж перешли и завели там мастерскую, и во весь дом над окнами вывеску: «Моды и уборы. Мадам Чепурина». А внизу над окнами тоже во весь дом вывеску: «Индо-европейский магазин китайских чаев и прочих колониальных товаров купца Чепурина».

Корпелов. Ты когда-нибудь на себя глядел в зеркало-то?

Чепурин. Глядел-с,— ничего такого чрезвычайного...

Корпелов. Как ничего чрезвычайного? Да ведь ты Рожер, ужаснейший Рожер; ведь ты мне грубости говоришь, тебя за это к мировому. Ну, кланяйся в ноги!

Чепурин. За что же-с?

Корпелов. А чтоб я Наташе не сказывал.

Чепурин. Они знают-с, я им даже на письме выражал.

Корпелов. Что ж, она тебя больно?..

Чепурин. Чего-с?

Корпелов. По физиономии-то больно?

Чепурин. Совсем напротив-с. Очень даже деликатно...

Корпелов. Что деликатно?

Чепурин. Дали понять-с.

Корпелов. Да что?

Чепурин. Что будто я глуп-с.

Входят Грунцов и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов и Евгения.

Евгения *(в кухню)*. Маланья, что ж ты самовар? Скоро ль там у тебя?..

Маланья *(из кухни)*. А как поспеет, так и готово. Все вы там, что ли? Много ли посуды-то сбирать?

Евгения. Собирай больше! *(Грунцову.)* Вы будете чай пить?

Грунцов. Непременно, и прошу вас налить мне как можно послаще, да еще краюху черного хлеба у Маланьи выпрошу.

Евгения. За что же вам такие особенные милости?

Грунцов. За конфеты.

Евгения. Которых нет.

Грунцов. Которые будут.

Чепурин. Плесните чашечку и мне-с. *(Вынимает из портмоне гривенник.)* Извольте получить-с!

Евгения. Не надо вашего гривенника, не разбогатеешь от него.

Чепурин. Вы не разбогатеете, да и я не обеднею, а что чего стоит, я заплатить обязан. Кабы счеты, я бы вам как по пальцам разложил. Чай у вас хороший, на мое рыло ползолотника мало-с, кладите нá кости полторы копейки; два куска сахару — два золотника,— рафинад нынче в цене: голову купить — двадцать одна с денежкой за фунт, а по фунтам — дороже; извольте класть воду, теперича уголья, услуга, посуда, вы от дела отрываетесь; в расчете — лишнего ничего нет-с. Окромя всего-с, умный разговор от ученых людей и приятная компания. *(Садится у письменного стола.)*

Корпелов лежит на диване с книгой в руках.

Грунцов *(садясь у среднего стола)*. Пока до чаю, об чем же мы спорить будем с вами, барышня?

Евгения *(садясь к столу с другой стороны)*. Ни об чем и никогда. Я рта не разину.

Грунцов. Я утверждаю, что вы меня завтра поцелуете.

Евгения. Что вы, с ума сошли? С чего вы выдумали?

Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Вы проигранные-то отдайте прежде!

Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Утешайте, утешайте себя! Так в вашем воображении и останется.

Грунцов. На фунт конфет!

Чепурин. Паре интересное.

Евгения. Ты-то что? Ты не хочешь ли пари подержать?

Чепурин. Нет-с, я проиграю, потому что от вас не смею надеяться.

Евгения. Да, я знаю, от кого ты надеешься; ты ведь в Наташу влюблен.

Наташа входит и останавливается у двери.

Чепурин. А от них тем более не ожидаю.

Евгения. Почему же тем более?

Чепурин. Сказать-с?

Евгения. Скажи.

Чепурин. Потому что у них есть любовник.

Корпелов. Чепурин, быть тебе нынче битому.

Евгения. Молчи, безобразный! Что ты говоришь!

Наташа входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов, Евгения и Наташа.

Наташа. Он правду говорит. Здравствуйте, господа! *(Садится у стола между Грунцовым и Евгенией.)*

Евгения. Да как же он смеет любовником называть?

Наташа. А как же назвать-то? Конечно, любовник. Чайку бы поскорей, устала, а денег не принесла, дяденька, подождать велели.

Корпелов. Не печалься, денег добудем; у меня есть в запасе старый товарищ, Матвей Потрохов. Богат, как Крез, а главное, сам навязался: «Приходи, говорит, когда нужно будет; мой бумажник всегда открыт для тебя». Надо ему сделать честь, занять у него! А вот ты нас словечком-то ушибла немножко.

Наташа. Каким словечком? Любовник? Что ж, дело очень обыкновенное. Кабы мы были барышни как следует, так об нас и честней бы говорили. Барышни-то ка́к замуж выходят? Придет в дом сваха, запрется с маменькой и шепчутся; потом маменька с папенькой запрутся и шепчутся; потом по всему кварталу шепот пойдет. Все шепчутся, а барышня ничего не знает, сидит в зале и на фортепьянах играет.

Чепурин. Все это так точно-с.

Наташа. Потом снарядят старух разузнавать, каков человек; те всю подноготную выведают. Потом жених станет ездить в дом, благословят образом; а барышне останется только ходить, обнявшись с женихом, да поминутно целоваться. И чем больше народу смотрит на них с улицы, тем лучше.

Чепурин. Все это верно-с. Еще у окон-то соседи подмостки сделают, скамеек из своих домов натаскают да считают, сколько раз поцеловались: «Нынче, говорят, столько, а вчерась столько-то», да спор из этого подымут.

Наташа. А мы с тобой, Женечка, должны сами женихов выбирать, а ведь для этого нужно познакомиться, видаться почаще, говорить по душе. Ну вот и пошел разговор, что любовник. А все дяденька виноват.

Корпелов. Коли не кто другой, так, должно быть, я; надобно же кому-нибудь быть виноватым.

Наташа. Плохо за нами смотрите, никогда не побраните нас, коли мы ленимся работать,— позволяете из дому уходить, куда нам угодно.

Чепурин. Это действительно с вашей стороны упущение, и никак нельзя вам за это чести приписать, потому как вы в доме живете заместо старшего.

Корпелов. То-то и есть, что не старший, а заместо старшего; я и на свете-то живу не человеком, а заместо человека. Я и на службе-то был заместо кого-то, потому что служил исправляющим должность помощника младшего сверхштатного учителя приходского училища. Прослужил я целых три месяца, вышел в отставку и аттестат два раза терял, и живу теперь по копии с явочного прошения о пропавшем документе. Признаться вам сказать, друзья мои и сродники, уж начинаю я сомневаться, сам-то я не копия ли с какого-нибудь пропавшего человека.

Наташа. Вот от вашей оплошности, дяденька, могла бы беда случиться, да на мое счастье, человек-то вышел хороший. Увидала я его у знакомых у своих и полюбила. Уж, видно, без этого не обойдешься. Так ли, Женечка, милая? *(Целует ее.)* Ну, да важность-то бы небольшая: вздыхала б я издали, а дома когда и поплакала... А вышло то, чего я и не ожидала, вижу, что и он меня любит. Я, по простоте, сразу: «Любишь, так женись»,— говорю. А он говорит: «Изволь». Да

так, вдруг, не задумавшись. Как хотите, господа, а ведь это очень приятно. Он красивый молодой человек, очень богат, щеголь, а я что? Бедная девочка, больше ничего.

Евгения. Да это можно умереть от счастья.

Наташа. Ну, я не умерла. Зачем умирать, коли впереди жизнь такая хорошая! Я как в раю теперь живу. Виделась я с ним почти каждый день, потом он в Саратов по своим делам уехал; а вот приедет, ну и милости прошу на свадьбу. *(Кланяется всем.)* Вот он какой хороший у меня! *(Вынимает из портмоне карточку и показывает Грунцову, потом Корпелову и Чепурину.)*

Чепурин *(чуть взглянув на карточку)*. Что ж такое за важность! Знаем-с. Копров Егор Николаев. Вы говорите, что он в Саратов уехал, а он и сейчас здесь-с.

Наташа *(с радостью)*. Как? Разве вернулся?

Чепурин. И не ездил никуда-с.

Наташа. Шутки в сторону, Иван Федулыч! Я девушка серьезная, и дело мое серьезное.

Чепурин. Как я смею шутить-с? Вот накажи меня бог!

Наташа. Да как же! Он простился со мной, и знакомые его говорят, что он уехал!

Чепурин. Многие думают, что его нет в Москве, потому как он скрывается; а все-таки его встретить можно, он каждый день в Таганку к купцу к одному богатому ездит. Да вот извольте посмотреть, не он ли в коляске мимо едет. *(Показывает в окно.)* Остановился, с каким-то барином разговаривает.

Наташа *(у окна)*. Егор Николаевич! Егор Николаевич! Подождите!

Грунцов *(взглянув в окно)*. Domine, да ведь это он!

Корпелов. Кто он-то?

Грунцов. Тот франт, которого я у Мурина видел.

Наташа надевает платок на голову и хочет идти.

Чепурин. Не бегите-с. Это вам довольно даже стыдно. Ничего из этого хорошего не будет.

Евгения. Не твое дело, безобразный.

Наташа. Что за стыд? Я и в огонь и в воду. *(Хочет идти.)*

Чепурин. Да он-то вас не желает видеть, закрылся воротником и укатил.

Наташа. Как? Неужели? *(Взглянув в окно.)* Бедная я, несчастная девушка!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

МАТВЕЙ ПЕТРОВИЧ ПОТРОХОВ
разбогатевший чиновник, 50 лет; высокий, очень полный мужчина, с круглым лицом, которому он старается придавать, смотря по обстоятельствам, различные выражения, но которое ничего не выражает.

ПОЛИКСЕНА ГРИГОРЬЕВНА
его жена, высокая, худощавая женщина, 40 лет с небольшим. Часто вздыхает и поднимает глаза к небу, стараясь изобразить страдание и покорность судьбе. Выражение лица злое.

ЕГОР НИКОЛАЕВИЧ КОПРОВ
молодой человек, очень приличен и красив; одет безукоризненно, манеры изящны.

КОРПЕЛОВ.

САКЕРДОН
лакей Потрохова, важен.

АРИША
горничная, молодая девица, ни хороша, ни дурна.

СТАРАЯ КЛЮЧНИЦА.

Комната в доме Потрохова. Много изящной и удобной мебели, три двери: одна в глубине — в приемную и две по сторонам. С правой стороны, ближе к авансцене, окно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Потрохов спит, сидя в кресле; перед ним маленький столик. Поликсена стоит посреди комнаты и смотрит на мужа с презрительным сожалением. Копров входит из приемной.

Поликсена. Жорж! Какой бледный! Что случилось?

Копров *(указывает на Потрохова)*. Спит?

Поликсена. Сном праведника, как всегда. Хоть в трубы труби, не проснется.

Копров. Деньги — вот!.. *(Показывая на горло.)*

Поликсена. Ах, бедненький!

Копров. Хочу у этого моржа попросить. Скоро он проснется?

Поликсена. Не знаю. А вот его фаворитка идет с зельтерской водой.

Копров. Я пойду в сад, подожду, пока он разгуляется, а то он спросонков зол бывает. *(Уходя.)* Как спит-то, тюлень этакий! *(Уходит в дверь направо.)*

Поликсена идет за ним и останавливается в дверях. Входит Ариша с большой кружкой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Потрохов, Ариша, Поликсена (в дверях).

Ариша *(трогая за рукав Потрохова)*. Барин, барин!.. Матвей Петрович, вставайте! *(Улыбаясь.)* Что это, стыд какой!

Потрохов *(бормочет впросонках)*. Который час, который час, который час?

Ариша. Девятый... девять часов скоро... добрые люди поужинали, что, в самом деле! Барыня сердится, чай кушать пора.

Потрохов *(впросонках)*. Зельтерской, зельтерской, зельтерской!

Ариша *(насильно дает ему в руку кружку)*. Да извольте! Не уроните! Уж вторую подаю.

Потрохов *(пьет воду)*. Фу, славно! *(Опять приваливается к креслу и засыпает.)*

Ариша. Да ведь уж нечего делать, уж как угодно, а вставать надо.

Потрохов *(впросонках)*. Ты думаешь?

Ариша. Да непременно. Что, право, словно маленькие!

Потрохов *(открыв глаза)*. Ах ты, жизнёночек! Жизнёночек ты мой! *(Берет Аришу за подбородок.)* Так, маленький жизнёночек!.. Вот сейчас я тебя за это поцелую.

Поликсена. Превосходно! Чудо! Браво! Продолжайте! Вы при мне-то хоть бы посовестились!

Потрохов притворяется спящим и громко храпит.

До чего вы дошли, до чего вы дошли, боже мой! Ариша, поди сейчас отсюда!

Ариша. Сударыня, я не только что... а даже всегда стараюсь быть как можно дальше от всего этого.

Поликсена. Подите, моя милая, говорят вам! За то жалованье, которое вы получаете, от вас требуется только исполнительность, а ласки барину — это уж лишнее, это роскошь с вашей стороны.

Ариша *(Потрохову с укором)*. Как вам не стыдно, сударь! Из-за вас девушка должна такие слова переносить. *(Уходит.)*

Поликсена. Уж довольно притворяться. Кого вы обманываете? Жалкий! Как вы струсили!

Потрохов *(открывая глаза)*. Что такое? Что вам нужно от меня?

Поликсена. Что мне нужно? Очень мало: мне нужно, чтоб вы были хоть немного поблагороднее и почестнее. Целовать горничных при жене — это так низко...

Потрохов. У вас из всякой малости выходит важное дело. Это скучно. Что такое особенное произошло? Невольный жест спросонков, и жест весьма естественный.

Поликсена. Естественный? Скажите пожалуйста! Хороша естественность!

Потрохов. Ну да, конечно. Вы не можете утверждать, что я хотел приласкать непременно Аришу; может быть, мне спросонков показалось, что вы подле меня.

Поликсена. Ах, ах! Вы меня до обморока доведете. Оскорбление, насмешки...

Потрохов. Я не понимаю, чем оскорбляться. Простой жест, естественный...

Поликсена. Не говорите вздору! Я не глупей вас и не хуже знаю, что естественно, что неестественно. Впрочем, может быть, вы занимаетесь естественными науками, выбрали для изучения особый отдел — горничных, вам нужно войти во все подробности; в таком случае я с вами спорить не стану. Прекрасно, прекрасно. Теперь я знаю вашу специальность и гнушаюсь вами. *(Язвительно.)* Ес-те-ство-испытатель! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Потрохов, потом Копров.

Потрохов. Фу ты, какая бешеная баба! *(Смотрит на часы.)* Эк я... до которых пор... вот угораздило! А впрочем, что и делать-то больше! Тоска... хоть бы зашел кто... Какой нынче день? Да, пятница... Я сегодня Корпелова звал, кажется. Вот еще нужно очень! И зачем это я? Что делаю, что говорю — себя не помню *(махнув рукой)*, нить в жизни потерял... Придет Корпелов, с ним еще скучней будет. Нет ничего тоскливее этих бедных добродетельных людей, этих Диогенов... А еще, пожалуй, денег запросит... Хоть бы в пикет с кем поиграть. С удовольствием бы проиграл пятьдесят рублей, только бы время про-

весть. *(Подходит к окну.)* Кто это в саду? Егор Копров? *(Машет рукой и отходит.)* Эка тяжесть, эка тяжесть!

Входит Копров.

Копров. Здравствуй!

Потрохов. Здравствуй, Жорж!

Копров *(вглядываясь в Потрохова)*. Ты бы зельтерской.

Потрохов. Две выпил; да что, братец... *(Останавливаясь перед Копровым.)* Тоска! Веришь ли, какая тоска!

Копров. Дурное пищеварение, спишь много.

Потрохов. Знаю.

Копров. Особенно после обеда тебе не годится.

Потрохов. Знаю, что не годится. Толкуй еще! Все это я знаю, но главная причина тоски моей не в том.

Копров смотрит вопросительно.

Что ты смотришь?

Копров. Да странно мне...

Потрохов. Ничего нет странного. Тут, Жорж, не пищеварение, тут другое: в характере у меня кой-что...

Копров. Нет, что ж, у тебя характер ничего...

Потрохов. Вообще-то говоря, характер у меня хороший, даже очень хороший; но есть, братец, и важные недостатки: иногда делаю черт знает что — говорю чего не следует; вру много лишнего.

Копров. Нельзя сказать, чтоб очень...

Потрохов. Чтоб очень врал-то? Нет, очень, очень... лгу без конца. Не возражай, пожалуйста; видишь, как я расстроен.

Копров. Ну, как хочешь, я спорить не буду.

Потрохов. И не надо мне, и никто меня не заставляет, а болтаю, особенно вот если выпью я рюмочку вина — одну только рюмочку! Кажется, что за важность, а никакого удержу на меня нет... И пошел, и пошел, и вру, как сивый мерин.

Копров улыбается.

Что ты смеешься? Что тут веселого? Ты должен войти в мое положение, ведь я, братец, страдаю. Эка тоска!

Копров. Что твоя тоска! Вот у меня тоска-то!

Потрохов *(чуть не плача)*. Раскаяние, Жорж.

Копров. Ну, я этого греха не знаю. Да и у тебя что за раскаяние, понять не могу. Скажешь ты, например,

что у тебя овес родится сам-пятнадцать, а он всего сам-друг...

Потрохов. Ну, не сам-друг; ты уж тоже...

Копров. Ну, извини! Сам-друг с половиной. Так что ж это за преступление? В чем тут раскаиваться?

Потрохов. Хорошо, кабы только, а то хуже гораздо. Вот третьего дня был я у одного старого товарища, выпили шампанского вдоволь, уж чего я там не городил! Ах, вспомнить гадко!

Копров. Все были выпивши; что говорено — забудется, так и пройдет.

Потрохов. Был там один, тоже старый товарищ, лет двадцать мы с ним не видались, учителишко жалкий, Корпелов, в каком-то засаленном пальто.

Копров. Ну, так что же?

Потрохов. Физиономия вроде тех, что в погребках на гитаре играют. Встреться он в другое время и в другом месте, я бы отворотился от него, а уж руки ни за что бы не подал; а тут что я ему говорил, что я ему говорил!

Копров. Стоит сокрушаться!

Потрохов. Да уж очень досадно на себя: с чего было мне так унижаться перед ним, зачем было мне себя ругать? Ведь я что говорил-то! Что он честней нас всех, что нам совестно смотреть ему в глаза, что мы разбогатели не без ущерба для совести. Предлагал за него тосты: «Господа, выпьем за честного человека!» Говорил ему, чтоб он обращался ко мне за деньгами, как в свой карман; звал в гости, кланялся; просил его даже жить у меня. Скотина я — больше ничего.

Копров. Не бойся, не пойдет, посовестится; я его знаю.

Потрохов. Да он и то отказывался, говорил, что боится моей жены, что он человек дикий; так я к нему пристал, как с ножом к горлу, честное слово взял.

Копров. А придет, так можно и выпроводить поучтивее.

Потрохов. Да, разумеется, можно; только все как-то скверно на душе. А вот сейчас, спросонков, с чего-то пришло мне в голову Аришу поцеловать, а тут жена...

Копров. А, так вот что! Вот отчего тоска-то!

Потрохов. Не одно это, а все вместе. Конечно, все вздоры; а накопится, знаешь, этих мелочей в душе, ну и вздыхаешь, точно преступник какой, право, точно душу загубил. А вот поговорил я с тобой, Жорж,

по-приятельски, излил тебе свою душу, ну и легче мне. *(Запевает.)* «Не уезжай...». Разумеется, я не со всяким так откровенен. И отчего бы мне сокрушаться, кажется?.. Положение мое блестящее... Это ты прав, желудок тут во всем виноват. Ведь я еще наследство получаю, умер дядя.

Копров. Слышал.

Потрохов. Я единственный наследник, завещания не осталось... Все бумаги его я сам перебирал и запечатывал; да вот уж целых два года при нем никого и не было, кроме меня да старой старухи-ключницы. Она теперь у нас живет.

Копров. А девушка, Наташа?

Потрохов. Дочь экономки? Какие же она права имеет? Ее жалеть нечего! Мать-то, живя у старика, наэкономничала деньжонок, да и после старик посылал, я знаю. У этой девушки тысчонок пять-шесть наверное есть.

Копров. Ты думаешь?

Потрохов. Как же иначе! Всегда так бывает.

Копров. Она живет бедно.

Потрохов. Верь ты им! Припрятаны, чтоб разговору не было.

Копров. А я не знал, что у ней есть деньги.

Потрохов. Ну, так знай.

Копров. Привлекательная девушка, она мне очень нравится.

Потрохов. Это до меня не касается; твое счастье... Да... куш возьму хороший,— одних денег сорок пять тысяч.

Копров *(жмет ему руку)*. Очень рад, любезный друг.

Потрохов. Чему ж ты рад?

Копров. Ты и со мной поделишься... мне, брат, крайность... дозарезу.

Потрохов. Нет уж, кончено!

Копров. Не говори так решительно! Меня в холодный пот бросает.

Потрохов. Не дам. *(Запевает.)* «Не уезжай...».

Копров. Смотри, жалеть будешь... У меня дело верное, два рубля за рубль отдам.

Потрохов. Нельзя тебе давать. Ты и кирпичи машиной делал,— тоже говорил, дело верное; и селедок ловил на Волге, и в провинциях театры содержал, и крахмалом картофельным торговал, и гальванопластику

какую-то отливал — все у тебя дело верное; а что вышло? Где наши деньги?

Копров. Помоги теперь, все долги выплачу, тебе первому.

Потрохов. Ни одного гульдена.

Копров. Ты меня топишь; мне хоть в петлю лезть... Эта афёра даст мне триста тысяч; мне они нужны...

Потрохов. Кому не нужны!

Копров. Ты человек развитой, современный, ты понимаешь, я думаю, что людям с нашими потребностями меньше трехсот тысяч иметь нельзя. Это, что называется, в обрез; разочти сам. Иначе жить порядочно нельзя,— жить как-нибудь я не соглашусь ни за что... Ты пожалей меня, мне жить хочется.

Потрохов. Дать тебе денег, так ведь ты прежде всего новую коляску и новую пару лошадей заведешь.

Копров. Заведу: во-первых, у меня изящный вкус, я воспитан хорошо, а во-вторых, так нужно для моего дела.

Потрохов. Для какого?

Копров. Покуда не скажу.

Потрохов. Ну, я подумаю.

Копров. Благодарю тебя.

Входит Поликсена с книгой и садится в кресло.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Потрохов, Копров и Поликсена.

Потрохов. Мне самому теперь чистые деньги пришлись очень кстати. Я хочу переехать на житье в рязанское имение.

Поликсена. Я уж сказала, что не поеду с вами.

Потрохов. Как вам угодно. Заведу машины, все хозяйство в широких размерах, стану сам заниматься агрономией. У меня ведь с детства страсть к агрономии. Оттого я и скучаю, что мне здесь не к чему приложить моих рук и способностей.

Поликсена. А как вы думаете? Ведь порядочной женщине с вами жить никак невозможно.

Потрохов. Слышал уж я это.

Поликсена. Мало этого, что слышали.

Потрохов. Что ж мне руки, что ль, на себя наложить прикажете? Я прочел все сочинения, русские и ино-

странные, об сельском хозяйстве, о химии, был в переписке...

Поликсена. Не слушайте его, Жорж! Ничего он, кроме «Руководства к куроводству», не читает, да и то наполовину не разрезано; ему только хочется меня расстроить. Подите сюда!

Копров подходит.

Посмотрите! *(Указывает на одно место в книге.)*

Копров *(читает)*. «Вся жизнь ее была непрерывная цепь страданий...».

Поликсена. Это про меня сказано, Жорж, про меня: и моя жизнь есть непрерывная цепь страданий.

Потрохов. А моя жизнь — непрерывная цепь скуки. Пойдем, Жорж, в пикет играть!

Поликсена *(Копрову)*. Я сяду подле вас и принесу вам счастье.

Уходят в боковую дверь налево. Сакердон и Корпелов показываются из приемной и останавливаются у двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сакердон, Корпелов.

Сакердон. Как об вас сказать-то? По видимости, я так полагаю, вы блаженный.

Корпелов. Ошибся ты, друже, я только ищу блаженства.

Сакердон. Ну, само собой. Только вы здесь не найдете.

Корпелов. А где ж искать блаженства? Будь друг, скажи!

Сакердон. И скажу, отчего ж не сказать! У купцов ищите! Вот уж там для вашего сословия действительно рай земной.

Корпелов. Вот спасибо, что сказал; так и знать будем. А теперь доложи поди!

Сакердон. Уж я так и доложу.

Корпелов. Как тебе угодно. Только не забудь: Корпелов.

Сакердон. Уж коли принимать таких, так все одно примут, как вас ни звать.

Корпелов хочет сесть.

Что же это вы?

Корпелов. Устал, братец, из Сокольников пешком шел.

Сакердон. Но, однако, позвольте! На это есть приемная. Здесь господский дом, так нельзя; здесь не дозволено по всем комнатам славить. Пожалуйте! *(Провожает Корпелова в приемную, потом подходит к боковой двери и берется за ручку.)*

Из двери выходит Поликсена.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Поликсена, Сакердон, потом Корпелов.

Поликсена. Что тебе нужно?

Сакердон. Сударыня, блажен муж пришел.

Поликсена. Какой «блажен муж»?

Сакердон. Которые скитающие.

Поликсена. Не понимаю. Позови!

Сакердон *(у двери)*. Пожалуйте! *(Уходит.)*

Входит Корпелов.

Поликсена. Кто вы такой?

Корпелов. Homo sum[1].

Поликсена. Я вашего жаргона не понимаю.

Корпелов. Аз есмь человек: человек божий, на прочих смертных не похожий.

Поликсена. Да, вижу, что не похожий. Но что же вам угодно?

Корпелов. В гости пришел.

Поликсена. Не ожидала.

Корпелов. Не удивляюсь, потому что не вы меня звали, а stultus.

Поликсена. Какой стультус?

Корпелов. Бывший мой collega, Матвей Потрохов.

Поликсена. Это мой муж.

Корпелов. Охотно вам верю, сударыня.

Поликсена. Еще бы вы не поверили! Что же значит стультус?

Корпелов. Дурак; так мы его величали в гимназии.

Поликсена. Но ведь он теперь уж не в гимназии, он статский советник, вы не забывайте этого!

Корпелов. А может быть, он, невзирая на чины, остался верен сам себе.

---

[1] Человек я *(лат.)*.

Поликсена. Ну, уж извините! Разговаривайте с мужем, а я так разговаривать не умею. Матвей Петрович! К вам приятель пришел...

Входит Потрохов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Корпелов, Поликсена, Потрохов, потом Сакердон.

Потрохов. А, любезнейший друг мой, здравствуй! *(В двери.)* Хересу нам, мадеры! *(Корпелову.)* Рому не хочешь ли?

Корпелов. Мне все равно. Что к цели ближе, то и давай.

Потрохов *(громко)*. Хересу нам, хересу! Да скорей! Стаканчики подайте.

Поликсена *(Потрохову)*. Не делайте таверны из нашего дома! Да вам и нездорово, поберегитесь!

Потрохов. Не расточайте нравоучений, не расточайте напрасно! Вот рекомендую вам: бедный, но благородный друг мой!

Поликсена. Благородный! Вы благородный?

Корпелов. Непременно. Только уж, я думаю, у меня четверть благородия вымерзло.

Поликсена. Вот новости! Каким это образом?

Корпелов. Во время моих зимних, но пеших путешествий между Бежецком, Кашином, Весьегонском и другими городами Российской империи.

Сакердон вносит бутылку и два стаканчика и уходит.

Потрохов *(наливая стаканы себе и Корпелову)*. Выпей-ка, любезный друг!

Корпелов пьет.

Дай-ка, я тебе еще ухну. Ведь любишь, что греха таить! *(Наливает Корпелову.)*

Поликсена. А где Жорж?

Потрохов. Он уехал.

Поликсена. А денег вы дали?

Потрохов. Дал, черт его возьми! Ему бы только попрочуять, где деньги, а то уж выпросит. Он даже у просвирен ухитряется занимать.

Поликсена. Таким людям нельзя ни в чем отказать, поймите вы!

Потрохов. Уж будто? *(Корпелову.)* Пей, беднейший друг мой! Вспомним студенческие годы.

Корпелов. А сам-то что отстаешь?

Потрохов. Я догоню. Ах, как он беден! Боже мой, как он беден!

Корпелов. Всякому свое, милый stultus: нам ум, а тебе деньги; к нам люди ходят ума занять, а к тебе — денег. Вот и я пришел тоже за деньгами.

Поликсена. Я так и ожидала.

Корпелов. Нет, кроме шуток; видишь ли, квартирку я нанимаю за семь с полтиной в месяц, так по первым числам затрудняюсь и скорблю.

Потрохов. Ну, после, после потолкуем.

Корпелов. Я, брат stultus, долги всегда плачу; я, бывало, в трактире половому рублик задолжаю, так при деньгах рубль-то ему заплачу да рубль на водку дам. Мне верить можно, ты, пожалуйста, не подумай...

Потрохов. Что за разговор, collega! Велики ль деньги! Ты меня обижаешь. *(Поликсене.)* А как он поет русские песни, простонародные! Вот где натура! Удивление!

Поликсена. Вы поете? Любопытно.

Корпелов. А вы любите русские песни, барыня?

Поликсена. Я люблю все хорошее.

Потрохов. Ну-ка, дружище! Да ты встань, пройдись!

Корпелов *(поет с проходкой)*. «Пойду ли я по городу гулять».

Поликсена. Что это? Что за балаган? Ах, нет, увольте! *(Уходит.)*

Корпелов *(продолжает)*. «Пойду ли я по Бежецкому».

Потрохов. Погоди немного! Вот что, друг любезный: у тебя время-то свободно, так тебе можно плясать, а у меня есть дело; так уж ты меня извини, я займусь немножко. Пляши, пожалуй, вино я тебе оставлю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корпелов, потом ключница.

Корпелов. Что ж это значит? Ушли. Вот так любезные хозяева! Ну, я подожду; ведь, может быть, и вправду дело есть. *(Наливает себе вина и пьет.)*

Входит ключница.

Ключница *(у двери)*. Ох, ох! Блаженненький, можно с тобой поговорить-то?

Корпелов. Со мной-то? Можно, разговаривай, сколько тебе угодно!

Ключница. Грешница я, великая грешница!

Корпелов. А мне-то что за дело!

Ключница. Как, что за дело? Я к тебе каяться пришла, а ты говоришь: что за дело!

Корпелов. Каяться? Много тебе лет?

Ключница. Полсема десятка.

Корпелов. А грехов много?

Ключница. Да так тебе сказать, что больше песку морского.

Корпелов. И все это ты будешь мне рассказывать?

Ключница. Все, все, ничего не потаю.

Корпелов. Ведь этак тебя до завтра не переслушаешь, особенно коли ты молодость свою вспомнишь.

Ключница. Ох, вспомню, вспомню.

Корпелов. Нет уж, кайся ты поди кому-нибудь другому!

Ключница. Да благо ты здесь, чего ж мне, малоумный ты человек! Все ж таки мне легче будет, блаженный ты человек, малоразумный ты человек!

Корпелов. Фу! Дай дух перевести! Ну, говори!

Ключница. Вот то-то же, благоразумный ты человек. Алчная я, жадная, до всего завистная, до всякой малости завистная.

Корпелов. Потом?

Ключница. Глаза-то мои никогда сыты не бывают, никогда.

Корпелов. А далее?

Ключница. Всю жизнь собирала, собирала — ничего не собрала; копила, копила — ничего не накопила.

Корпелов. Очень жаль.

Ключница. Да чего и нажить-то, все дрянь подбирала: огарочки, да гвоздики, да кусочки сахару. А тут вдруг разбогатеть захотела, грех попутал,— покорыстовалась. *(Плачет.)* Как стал он умирать-то...

Корпелов. Кто он-то?

Ключница. Да известно кто, старый барин.

Корпелов. Жалость какая!

Ключница. Жалость-то жалостью, а позвал он меня и приказывает: «Отдай ты эту коробочку девушке!»

Корпелов. Какой девушке?

Ключница. Известно какой. Да что ты, разве я тебе не сказывала?

Корпелов. Ну, все равно, разговаривай дальше!

Ключница. Вот я и согрешила, грешная, задумала ее утаить. Алчная я, до всего на свете завистная; а бог-то и покарал. Думала, вещи там, золото; разломала я — наместо того бумаги! Может, есть тут и денежные бумаги, да коли именные, так за это, говорят, велик суд бывает; значит, все мне не на пользу. *(Показывает пакет и коробочку.)* Вот они: и бумаги, и коробочка!

Корпелов. Вижу.

Ключница. Так сними ты с меня этот грех, сними!

Корпелов. Многого ты захотела. Как я сниму? Этого я не умею.

Ключница. А ты на свою душу возьми! Вам, малоумным, всякий грех прощается. Вот, на-ка тебе бумаги-то, на! А то умру ведь я скоро. Возьми!

Корпелов. Да на что мне их?

Ключница. Возьми, возьми! Коли увидишь девушку, так отдай ей.

Корпелов. Какую девушку?

Ключница. Да все ту же. А коли не увидишь, куда хочешь день! Ты только возьми, а там уж твое дело,— хоть брось. На, на!

Корпелов *(берет бумаги и кладет в карман)*. Ну, давай! Отвяжись только!

Ключница. Вот мне теперь и легче; ровно камень ты с моей души снял. А коробочку не отнимай у меня! Хороша коробочка-то! Сделай милость, не отнимай!

Корпелов. Провались ты и с коробочкой! Надоела ты мне.

Ключница. Ну, вот спасибо! Надо б тебе гривенничек дать, да не взыщи уж! *(Кланяется и уходит.)*

Входит Сакердон.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Корпелов, Сакердон, потом Потрохов.

Сакердон. Держи руку! *(Берет за руку Корпелова и сверху опускает в нее трехрублевую бумажку.)*

Корпелов. Quid agis, amicissime? Что делаешь, друже?

Сакердон. Лепта... и чтоб за родителей и за всех сродников...

Корпелов. За каких сродников?

Сакердон. Разумеется, господа этого не сказали, а уж такой порядок. Выслали деньги — значит, марш! Сами не могут, заняты.

Корпелов. Зачем мне три рубля выслали? И чем занят он?

Сакердон. Известно, не дрова же ему колоть, умственное занятие: грапласье раскладывает.

Корпелов. Что? Сам карты раскладывает, а товарищу милостыньку высылает! Да я двери выломаю, все окна перебью!

Сакердон. Не шуми! Ты, коли юродствовать, так пойдем в людскую!

Корпелов. Брось ему эти деньги! Я не нищий. *(Бросает деньги.)* Покажись он мне только!..

Потрохов отворяет дверь.

Потрохов. Что за шум?

Корпелов. А! Тебя-то мне и нужно.

Потрохов. Ты здесь еще, мой милый? Шел бы ты домой спать.

Корпелов. Пойду, пойду. Что это ты выдумал, stultissime? Мне милостыньку высылать, гнать меня! Али ты не знаешь, кто я? Ведь я Корпелов: честный, благородный труженик, а не нищий, не шут. Ты бы за честь должен считать, что старый товарищ, трудящийся человек, не погнушался тобой, глупым лежебоком! Ты за честь должен считать, что я обращался с тобой, как с равным по образованию, что я попросил у тебя одолжения!

Потрохов. Что такое, что такое?

Корпелов. Да, конечно, за честь... потому что я человек, homo sapiens[1], а ты опо́ек, полувал, юфть!

Потрохов. Ты захмелел, любезный!

Корпелов. Нет, ты захмелел от глупости и от денег, которые тебе даром достались. Ты думаешь, что кто беден, тот и попрошайка, что всякому можно подавать милостыню. Ошибся, милый... Да я... я... я не хочу быть богатым, мне так лучше. Ты вот и с деньгами, да не умел сберечь благородства; а я мерз, зяб,

---

[1] Мыслящий человек *(лат.)*.

голодал, а все-таки джентельмен перед тобой. Приди ко мне, я и приму тебя учтивее и угощу честней своим трудовым хлебом! А если тебе нужда будет, так последним поделюсь. Прощай! *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КОРПЕЛОВ.

НАТАША.

ЕВГЕНИЯ.

КОПРОВ.

ГРУНЦОВ.

ЧЕПУРИН.

МАЛАНЬЯ.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наташа стоит у окна, закрыв глаза платком. Евгения подле нее. Корпелов спит на диване.

Евгения. Как ты страдаешь, бедная! Наташа, Наташа, голубушка, не плачь!

Наташа. Не утешай меня, Женечка, мое горе очень велико. Оставь, пусть я плачу; хуже, как слез не будет.

Евгения. Сядем работать.

Наташа. Да, я стану работать, я много... дни и ночи буду работать; за работой скорей... позабудешь... Мне бы только дня два перемаяться, потом мне легче будет... я себя знаю. Вот нынче мне очень уж трудно.

Евгения. Да ты не думай, Наташа, не думай!

Наташа. Ты оставь меня! Милая, я ничего, я одна лучше. *(Взглянув в окно.)* Что это такое? Не кажется ли мне? Посмотри!

Евгения. Это он.

Наташа. Остановился... кланяется. *(Кланяется в окно.)* С Маланьей разговаривает... опять кланяется... уехал. Уж не сон ли я вижу? Что она там? Что она нейдет?

Маланья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корпелов, Наташа, Евгения, Маланья.

Наташа *(Маланье)*. Ну, что, что?

Маланья *(таинственно)*. Проехал.

Наташа. Видели, видели. Что говорил?

Маланья. «Ты, говорит, здешняя?» — «Здешняя»,— говорю.— «Знаешь Наталью Петровну?» — «Как же, мол, в услужении у них».— «Скажи»,— говорит... *(Оглядывается по сторонам.)*

Наташа. Да ну, ну!

Маланья. «Скажи, говорит, чрез полчаса места заеду».

Наташа. Еще что?

Маланья. Он бы и еще, может, поговорил, да этот косоглазый хозяин подошел,— так и уехал.

Наташа. Что это значит? Как понять? Пойдем, пойдем, надо мне хорошенько подумать.

Евгения. Теперь об чем думать?

Наташа. Нет, Женечка, надо обдумать хорошенько каждое слово; когда любишь, так долго ли ошибиться, увлечься. *(Уходит.)*

Маланья. Вон он, хозяин-то, уж здесь, должно, опять за деньгами.

Входит Чепурин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Корпелов, Маланья, Чепурин, потом Грунцов.

Маланья. Асаф Наумыч, Асаф Наумыч, проснись! Хозяин пришел.

Чепурин. Не трожь! Я подожду.

Маланья. Что ж ему валяться-то! Он уж это второй раз ложится. Асаф Наумыч, вставай! Он вчера на пирушке был в хорошем доме. Ты не смотри, что он такой забвенный, а с ним хорошие люди знакомы. Должно быть, переложил лишнее, вот теперь сном и отходит. Нет-то ничего милее на свете, как этот сон. Асаф Наумыч!

Корпелов. А! Что? Аглая, пощади!

Маланья. Хозяин...

Корпелов. Хозяин? Ну, так я сплю, крепко сплю,— так и скажи ему.

Чепурин. Извольте почивать, я подожду.

Входит Грунцов.

Корпелов. А, он здесь! Ну, так скажи ему, что денег нет и я умер. *(Закрывает глаза.)* Видишь?

Маланья уходит.

Чепурин. Сохрани бог-с. Плакать заставите!

Грунцов. Деньги есть.

Корпелов. Деньги есть, так я ожил; не плачь, Чепурин.

Грунцов *(вынув деньги)*. Лишнее украшение и с цепочкой у Мурина гостить оставил, целей будут. Принял часы в десяти рублях, а выдал только восемь с полтиной, полтора рубля за сбереженье вычел. Вот тебе, domine, семь с полтиной!

Корпелов. Получай, дому сему владыка!

Чепурин. В расчете-с.

Грунцов. Рубль остался и шевелится, не дает мне покоя. Была у меня мечта угостить тебя, domine, селянкой, а и конфеты еще за мной.

Входит Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корпелов, Чепурин, Грунцов, Евгения.

Евгения. Принесли конфеты?

Грунцов. Конфеты будут. *(Показывая рублевую бумажку.)* Вот он, видите? Трепещет в моей руке, ждет своей участи.

Евгения. Насилу-то. Где это вам бог послал?

Грунцов. Часы еврейскому языку учиться отдал.

Корпелов. Юноша, а ты мечтал о селянке. Мне бы теперь сия снедь была зело полезна: я вчера хересом ошибся. Уж этот херес! Враг он мне: я еще в университете два раза за него в карцере сидел, да и память отшибает совсем.

Грунцов *(трагически)*. Драма в душе моей!

Корпелов. Юноша! Изобрази себе в мечтах блестящий чертог Гурина, музыки гром, бежит половой, несет графинчик листовочки, пар от селянки.

Грунцов. Два чувства борются во мне.

Евгения. Какие это?
Грунцов. Любовь и дружба.
Евгения. Как вы смеете говорить: любовь? Кто вам позволил любить меня?
Грунцов. Я сам себе позволил. Но когда человек обуреваем страстями, он должен призвать на помощь рассудок. Рассудок вот что говорит: у нас с вами есть еще пари на другой фунт конфет, что вы меня сегодня поцелуете; а так как я это пари непременно выиграю, то мы с вами поквитаемся.
Евгения. Как вы смеете! Ах, сил моих нет! Какая уверенность!
Грунцов. С вами мы поквитаемся.
Евгения. Никогда, никогда!
Грунцов. А пока *(берет ведро)* не сбегать ли за водой для чаю?
Чепурин. И с меня гривенничек получите! *(Вынимает портмоне.)*
Евгения. Нет, господа, извините, мы теперь чай пить не будем, мы ждем гостя. *(Корпелову.)* Дяденька, Наташа просит вас, чтоб вы ушли куда-нибудь на полчасика. Она бы и сама вам сказала, да очень расстроена и конфузится.
Корпелов. Хорошо, хорошо, мы сейчас, мы мигом. Пойдем, юноша, селянку есть!

Евгения уходит.

Чепурин *(Корпелову)*. Теперича я вас понял-с.
Корпелов. Ну, что ж я по-твоему?
Чепурин. Самый ничтожный человек-с!
Корпелов. Что же ты, благодетель мой, ругаешься?
Чепурин. Я вас принимал за ученого человека и всякое уважение и снисхождение вам делал, а теперь вижу, что ни ума, ни образования в вас нет, одно балагурство и даже ко вреду себе и людям.
Корпелов. Ах ты, циклоп одноглазый!
Чепурин. Вас гонят из дому, а вы и рады. Да вы кто же? Хозяин в семействе или нахлебник? Коли вас из-за хлеба, ради шутовства, держат, так вам и цена такая от людей!
Корпелов. Засыпал он меня!
Чепурин. Какой такой гость приедет? Известны вы о нем или нет? Не складней ли будет его гнать, чем самому бежать?

Корпелов. Милый ты мой чухонец, как же я в чужое дело полезу?

Чепурин. Да не́што она вам чужая? Да если и чужой у меня перед глазами тонет, я все-таки за ним в воду полезу.

Корпелов. А коли он лучше нас с тобой?

Чепурин. Так узнайте про него все доподлинно! Я-то его хорошо знаю. Всю Москву обегайте! Да прохлаждаться-то нечего, сейчас надо за это приняться. Если он точно хороший человек, так пущай ездит, только чтоб не украдкой, а при вас,— это гораздо пристойнее. А если он не сто́ящий внимания, так возьмите орясину...

Корпелов. Я-то орясину? Да ты погляди на меня!

Чепурин. На своем гнезде всякий силен. А если вы чувствуете себя, что так малодушны, так на то есть хозяин в доме; позовите меня, я из него отбивных котлет изготовлю!

Корпелов. Юноша! Обижают меня!

Грунцов. Нет, он прав; он скиф, но прав.

Чепурин. Чем по трактирам-то бражничать, пойдемте лучше со мной, я вам все пути укажу.

Грунцов. Domine, иди! А я в Сокольники сбегаю: мне богатое место обещали в отъезд.

Уходят. Входят Наташа и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Наташа, Евгения, потом Маланья.

Наташа. Ушли?

Евгения. Ушли.

Наташа. Кажется, здесь все в порядке, все чисто. Бедненько немного, ну да что же делать, пусть в чем застанет, в том и судит.

Евгения. Ведро, самовар... конфузно как-то.

Наташа. Нет, зачем конфузиться! Это глупо. Чисто, опрятно, чего ж еще? Мы живем по средствам, трудами; нам и жить лучше нельзя. Он поймет, если у него ум есть. Ну, на какие деньги, на какие доходы мы с тобой можем иметь квартиру хорошую и разодеться по моде? Странно от нас и требовать этого. Бедно действительно, да откуда ж, Женечка, богатства-то нам взять! Кто посмеет от нас требовать, чтоб

у нас богато было! Чисто, опрятно — и довольно. Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бедность — гордость наша! Мы ею гордиться должны. Милая Женечка, мы с тобой хорошие, добрые девушки; что мы бедны — мы не виноваты; забудь эти стены и представь себе, что мы королевны во дворце.

Маланья *(таинственно)*. Едет, едет!

Евгения. Ах, милушка! Наташа!

Наташа. Ну, ты уйди, сначала я с ним одна поговорю.

Евгения уходит. Входит Копров.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Наташа, Копров.

Наташа. Здравствуйте!

Копров *(оглянув комнату)*. Здравствуйте!

Наташа. Садитесь, пожалуйста.

Копров садится.

Давно возвратились?

Копров. Нет, не очень, а впрочем, когда я... *(Стараясь вспомнить.)*

Наташа. Забыли? Да вы ездили ль куда?

Копров. Нет, не ездил.

Наташа. Разумеется, признаться лучше. Так вы меня обманули?

Копров. Обманул. Много я народу в это время обманул.

Наташа. Вы меня обманули... Что ж вас привело теперь ко мне, я не понимаю.

Копров. Да будет комедию-то играть, Наташа.

Наташа *(привстав)*. Извините меня, я вам прежнего обращения позволить не могу. Вы меня раз обманули, так уж прежнее все кончено. Что же вам угодно?

Копров. Ничего не угодно. Захотел посмотреть на вас, вот и все.

Наташа. Захотели посмотреть? Это непонятно. Не знаю, как вам, а всем вообще порядочным людям обыкновенно бывает совестно смотреть на тех, кого они обманывают.

Копров. Вы бы лучше меня не принимали, а уж от упреков и наставлений увольте.

Наташа. Да это странно.

Копров. Ничего странного нет. Целый месяц я прятался от людей, от ближних, от вас, ну, даже от света божьего, был как в тюрьме; вот вырвался на волю, и радрадехонек, что могу опять всех видеть. Все так естественно и просто.

Наташа. Зачем же вы прятались?

Копров. Должен был много.

Наташа. А от меня зачем?

Копров. Чтоб вы не узнали правды. Объяснять вам, как я ошибся в расчетах, как запутались дела мои, как я влез по уши в долги,— это было бы и скучно и едва ли понятно для вас. Вы бы увидали только, что человек, который говорил вам о своем богатстве и обещал вам приятную жизнь, вдруг попался в чем-то, что нынче-завтра у него все опишут и самого посадят в долговое отделение: ну, значит, он виноват, он обманщик. Так обыкновенно судят у нас. Не лучше ль было решиться на разлуку с вами, а тем временем устраивать свои дела, платить долги? Так я и поступил; а уж вы судите меня, как хотите.

Наташа. Вы все долги заплатили?

Копров. Нет, еще не все, но уж остались пустяки, которые меня не тяготят. Кроме того, у меня в виду выгодное дело. Ну, что ж, вы сердитесь на меня или нет?

Наташа. Сержусь. Сами согласитесь, нельзя не сердиться, когда обманывают. Я не ангел.

Копров. Да сердиться-то, пожалуй, сердитесь, только не переставайте любить!

Наташа. Любить? Любить можно и не уважая человека и не веря ему... да ведь такая любовь — обида.

Копров. Ну, так жалейте меня!

Наташа. Я все еще не могу убедиться, действительно ли вы сто́ите сожаления.

Копров. Конечно, сто́ю. Что я перенес в этот месяц, я не могу вспомнить без ужаса. Доставать деньги, когда они нужны дозарезу,— это значит прямо обречь себя на всевозможные адские мучения. Не говорю уж, что я платил процентов два рубля за рубль, я должен был дрожать, трепетать, унижаться, плакать, чуть не в ноги кланяться перед самыми гнусными личностями.

Наташа. Да, это ужасно.

Копров. Я изломался, изуродовал себя нравственно, я готов был на всякие средства, чтоб только достать денег.

Наташа. Вы прежде имели состояние, имели деньги?

Копров. Имел очень много.

Наташа. Отчего ж вы запутались?

Копров. Оттого, что захотел иметь больше.

Наташа. Зачем же вам больше?

Копров. Затем, что больше — лучше.

Наташа. А потом опять больше, и так далее, где же конец?

Копров. Конца нет. Ведь совершенства тоже нет на земле, а все-таки всякий стремится к нему: умные желает быть умнее, ученый — ученее, добродетельный — добродетельнее; ну, а богатый желает быть еще богаче.

Наташа. Зачем же так уж очень много денег?

Копров. Чтоб иметь возможность удовлетворять всем своим потребностям. Потребности неудовлетворенные причиняют страдание, а кто страдает, того нельзя назвать счастливым. Например, у меня синяя коляска и серые лошади; вдруг мне понравится зеленая коляска и вороные лошади... Конечно, я не умру, если не куплю их сейчас же, но все-таки это причинит мне некоторое страдание. И я тогда только сочту себя покойным и счастливым, когда получу возможность иметь во всякое время всякую коляску, какая только мне понравится.

Наташа. Значит, по-вашему, счастлив только очень богатый? Я с вами не согласна; можно быть счастливым и на небольшие, трудовые деньги.

Копров. Ну, я, признаюсь, в трудовом хлебе особенной прелести не вижу. Либо я во вкус не вошел, либо вовсе не рожден быть ремесленником. Конечно, человек может до крайности умалить свои потребности, может приучить себя ко всяким лишениям, довольствоваться только одной коркой хлеба; но для кого ж тогда будут расти ананасы! Потребности животных однообразны: вода, сено, овес и никакого платья; а у людей разнообразны, и чем человек развитее, тем разнообразнее.

Наташа. Такие рассуждения безнравственны.

Копров. Постойте! Когда я вам обещал обеспеченное состояние, удовольствия и даже роскошь, вы не отка-

вывались, не называли такую жизнь безнравственной; так не судите и других. Трудиться хорошо, но ведь тяжело?

Наташа. Да, не легко.

Копров. Обеспеченная жизнь приятнее?

Наташа. Да, но потому только, что в нас мало...

Копров. Почему бы то ни было, а ведь приятнее?

Наташа. Конечно, приятнее.

Копров. Ну, и довольно. Ваши мнения о трудовом хлебе я уважаю, их и нельзя не уважать, и, пожалуйста, не судите обо мне по моим словам; я очень скромен в моих желаниях. Дня через два-три все мои волнения и хлопоты кончатся, я буду иметь ровно столько, сколько мне нужно, и ограничусь этим. Теперь, чтоб мое предприятие удалось вполне, мне нужна очень небольшая сумма.

Наташа. Опять занимать?

Копров. А как же иначе? На улице не найдешь.

Наташа. И платить огромные проценты?

Копров. Да уж не помилуют; ростовщики мягкостью сердца не отличаются.

Наташа. Зачем же у ростовщиков занимать?

Копров. Да у кого же больше? Кто дает деньги, тот и ростовщик. С удовольствием бы я занял у вас, например, да ведь у вас денег нет.

Наташа. Нет, у меня есть деньги.

Копров. Ну, какие деньги! Рублей сто-полтораста.

Наташа. Гораздо больше.

Копров. Уж и гораздо. А если и есть, так они вам самим нужны.

Наташа. Да, эти деньги заветные.

Копров. Всякие деньги бывают, а заветных я не видывал. Покажите, пожалуйста, что за диковина такая?

Наташа. Пожалуй, извольте! *(Подходя к двери.)* Женечка, поди сюда!

Выходит Евгения.

Вот сестра моя Евгения Львовна. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Копров, Евгения.

Копров. Вы любите вашу сестру?

Евгения. Ах, очень, очень, больше всех!

Копров. Не может быть.
Евгения. Как не может быть? Я вас уверяю.
Копров. Да что значит: больше всех? То есть вы ее любите больше, чем все другие?
Евгения. Да.
Копров. Или то, что вы ее любите больше, чем кого-нибудь другого?
Евгения. Тоже да.
Копров. А я думаю, что ни то, ни другое.
Евгения. Почему же так?
Копров. Во-первых, потому, что я люблю ее больше, чем вы.
Евгения. Ну, уж сомневаюсь.
Копров. А во-вторых, потому, что вы любите кого-нибудь больше, чем ее.
Евгения. Это невозможно.
Копров. Много ль вам лет?
Евгения. Двадцать.
Копров. Ну, нечего и толковать. Какой он: брюнет или блондин?
Евгения. Ах, что вы, что вы!
Копров. Барин, чиновник, студент?
Евгения. Да как вы можете?..
Копров. Ну, студент, непременно студент. Как зовут? Аркадий, Валериан, Виктор?
Евгения. Какой Виктор? Никакого Виктора нет.
Копров. А, так проще: Карп, Сидор?
Евгения. Уж будто непременно каждая девушка...
Копров. Да, непременно.
Евгения. С вами говорить нет никакой возможности.
Копров. Очень можно говорить со мной, надо только быть откровенней.

Входит Наташа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Копров, Евгения, Наташа.

Наташа *(подавая деньги)*. Вот какие деньги у меня!
Копров. Хорошие деньги, отличные, но почему же они заветные?
Наташа. Их нельзя тратить.
Копров. Как нельзя? Вы ошибаетесь. Кто вам сказал? Очень можно.

Наташа. Я не имею права.

Копров. Да ведь это жалость, это неблагоразумно: держать деньги без всякой пользы. Хотите, я вам дам за них двадцать процентов в год?

Наташа. Нельзя, я не могу отдавать их за проценты.

Евгения. Она может отдать их даром.

Наташа. Ах, Женечка, молчи, пожалуйста!

Копров. Что за секреты у вас?

Евгения. Да никаких секретов. Вы сейчас сказали, что любите Наташу.

Наташа. Женечка!

Копров. Да, люблю!

Евгения. Так она может отдать вам эти деньги.

Копров. Объясните, пожалуйста, эту тайну.

Евгения. Да скажи, Наташа, чего ты конфузишься! А то я скажу.

Наташа. Нет уж, оставь. Вот видите ли, это деньги моей маменьки.

Копров. Значит, теперь ваши.

Наташа. Только с условием: я их не могу тратить, а должна отдать...

Евгения. Жениху. Вот вам и все.

Наташа. Да... Вместе с рукой моей.

Копров. Только-то? *(Кладет деньги в карман.)* Ну, так получите с меня расписку.

Наташа *(с изумлением)*. Как... расписку?..

Копров. Да, расписку, потому что и жениху глупо отдавать без расписки деньги: мало ль что может случиться.

Наташа. Но, Егор Николаич, говорите ясней!.. Ведь жизнь моя... вся жизнь от этого зависит... Мне нужно подумать.

Копров. Думать не нужно, я денег назад не отдам.

Наташа. Я бы желала говорить о таком деле серьезно, мне больно от ваших шуток.

Копров *(взглянув на часы)*. После успеем поговорить и серьезно, время от нас не уйдет.

Наташа. Но прежде нежели решиться, я бы желала знать всё...

Копров. Что все-то? Ну, вот вам все: я опять богат попрежнему, жизнь вас ожидает приятная, без трудов, с человеком, который вас любит. Ну что еще? Наташа, не приводи меня в отчаяние!

Евгения. Душечка, Наташа, не думай!
Наташа. И уж этих... обманов не будет больше?..
Копров. Ты меня обижаешь! На, возьми, пожалуй. *(Хочет вынуть из кармана деньги.)*
Наташа *(берет Копрова за руку)*. Не надо. *(Подумав.)* Оставь у себя.
Копров *(целуя ее руку)*. Благодарю, моя милая. Расписку я пришлю, а завтра заеду,— мы поговорим хорошенько. Ах, да, забыл! Вот тебе вперед проценты. *(Вынимает из бумажника и дает сторублевую бумажку.)* Деньги тебе, я думаю, нужны. Ну, прощай, до завтра! *(Целует руку.)* Прощайте, барышня, поклонитесь от меня своему студенту.
Евгения. Какой студент? Никакого нет студента.

Копров уходит. Наташа его провожает и возвращается.

Наташа *(садясь)*. Не могу перевести дух.
Евгения. Ах, Наташа, как это неожиданно!
Наташа. Погоди, у меня кружится голова. Мне кажется, мы сделали что-то не то...
Евгения. Ах, Наташа, да разве это не счастье? Ведь уж кончено.
Наташа. Кончено ли...
Евгения. Да ведь уж деньги отданы, он взял.
Наташа. Да, взял... Что ж я думаю!.. Неужели же...
Евгения. Вот об чем думать-то: надо сшить поскорей платье или два, хорошеньких.
Наташа. Да, да... надо, непременно надо. Я сейчас иду в город, так уж куплю себе и тебе. Дай-ка шляпу и бурнус!
Евгения. Благодарю, милая. *(Приносит шляпу и бурнус.)*

Наташа уходит. Входит Маланья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Евгения, Маланья.

Маланья. Вот барина-то сейчас видно, по всему знать. Я и ручку у него поцеловала.
Евгения. Об чем ты говоришь?
Маланья. Да как же, помилуй, скажи, три рубля...

Что я! Я и жалованья-то полтора рубля... Ну-ка! Вот вам давно бы так.

Евгения. Ничего у тебя понять нельзя.

Маланья. Как не понять? Приучили студента; что в нем? А это... одна коляска чего стоит!

Евгения. Он женится на сестре.

Маланья. Уж я знаю, как соседям-то сказать! Что меня учить!

Евгения. Не соседям только, а в самом деле женится.

Маланья. Разводи бобы-то!

Евгения. Ну, будет,— поговорила и будет.

Маланья. Уж вы кому другому очки-то вставляйте, а мы и так, славу богу, хорошо видим.

Евгения. Да довольно, довольно.

Входят Корпелов и Чепурин. Маланья уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Евгения, Корпелов, Чепурин.

Корпелов. Проводили гостя?

Евгения. Проводили, дяденька; вы немножко не застали его.

Корпелов. Жалко. *(Громко.)* Наташа! Где Наташа?

Евгения. Она ушла платья покупать себе *(с радостью)* и мне.

Чепурин. Защеголяли? На какой радости?

Евгения. Деньги есть, вот и защеголяли. И радость есть.

Корпелов. Ты легковерна, ибо ты женского роду, feminini generis.

Евгения. Да ведь Егор Николаич женится.

Корпелов. А, Чепурин! Он женится, а им радость! Какая вам радость, virgines, девицы?

Евгения. Дяденька, что с вами? Поймите хорошенько: ведь Наташа выходит за него замуж. Уж это решено, кончено.

Корпелов. Чепурин, понимай ты за меня! Я темен, obscurus sum.

Чепурин *(Евгении)*. Однако ловко он петли-то мечет.

Евгения. Да что вы не верите! Ну, так я вам докажу сейчас.

Чепурин. Докажете-с? Очень приятно, мы будем слушать.

Евгения. Ах, это смешно. Да Наташа сама долго отказывалась, я даже удивлялась на нее. Потом уж, когда он объяснил все свои дела, она и согласилась; он и руку у нее целовал, благодарил: ну и все покончили. Он уж теперь жених — как следует, совсем, совсем уж жених; вы кого увидите, всем так и говорите. Уж свадьба скоро, он и деньги взял.

Корпелов. Какие деньги?

Евгения. Ее деньги, которые ей оставлены, которые жениху...

Чепурин *(Корпелову)*. Дождались! Сберегли приданое! Уж лучше б вам пропить его; по вашей слабости оно простительнее было бы.

Корпелов. А!! Вот он как! Ну, так я с ним, с дружком... Я его! Я его!

Чепурин. Поздно хватились.

Корпелов. Нет, вырву, вырву: как орел налечу...

Чепурин. И ничего этого не будет от вас.

Корпелов. Молчи, мужик! Ты думаешь, что взять можно только медвежьей силой; я его силой слова, убеждением, я плакать его заставлю.

Чепурин. Не выдет-с.

Корпелов. Я сам запла́чу. Я ему нарисую эту картину-то, как умирающая сестра поручала мне дочь свою... Я бога призову во свидетели... Что? Мало ему этого? Мало?.. Ну, так я... я... я сам буду умирать перед ним... Я умру... умру... и пусть он смотрит на меня, на мое мертвое лицо, на мои мертвые губы, на которых так и застынет проклятие. *(Шатается.)*

Чепурин *(поддерживая Корпелова)*. Ах, брат, Асаф Наумыч!

Корпелов *(отталкивая Чепурина)*. Поди, оставь! Или ты думаешь, что у меня сил нет? *(Выпрямляясь.)* Так знай же, что страсть, что отчаяние дают силу. Я лев теперь... лев. Я его!.. *(Идет к двери.)*

Евгения *(подавая шляпу)*. Возьмите, дяденька!

Корпелов *(вырвав шляпу)*. Прочь! Прочь! Сторонитесь! Все сторонитесь! Я его!.. Я его! *(Убегает.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

КОРПЕЛОВ.

НАТАША.

ЕВГЕНИЯ.

ГРУНЦОВ.

ЧЕПУРИН.

МАЛАНЬЯ.

Комната Наташи. Две двери: слева от зрителей — в ее спальню; справа — в комнату Корпелова. Швейная машина, пяльцы, круглый стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евгения (одна).

Евгения *(взглянув в дверь направо)*. Противный хозяин! Уселся тут и сидит. Это он дяденьку расстроил. Дяденька слабый человек, всякому верит. Я боюсь, придет Наташа, он и ей наговорит всякого вздору. *(Прислушиваясь.)* Кто-то пришел, должно быть она. *(Отворив дверь.)* Она, она, Наташа. Наташа, иди сюда скорей!

Входит Наташа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евгения, Наташа.

Наташа *(снимая шляпку)*. Ну, что тебе нужно так скоро? *(Весело.)* Я уж отдала шить, самим некогда.

Евгения. Ах, Наташа, у нас что-то неладно.

Наташа. Что еще?

Евгения. Дяденька точно с ума сошел, он побежал к Егору Николаичу деньги отнимать. Его хозяин расстроил.

Наташа. Быть не может. Что-нибудь не так. Дядя не имеет права, да и не посмеет распоряжаться моей судьбой. Позови сюда Ивана Федулыча!

Евгения. Я боюсь.

Наташа. Чего?
Евгения. Он скажет тебе что-нибудь неприятное.
Наташа. Ну, ну, не бойся, я не маленькая. Позови!
Евгения *(у двери)*. Иван Федулыч, подите сюда! *(Уходит в спальню.)*

Входит Чепурин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Наташа, Чепурин.

Наташа. Что у вас тут случилось? Что дядя выдумал? Мало горя, что ль, у меня было, так он прибавить хочет? Куда дядя пошел? Ну, говорите! Что ж вы молчите?
Чепурин. По вашему собственно делу-с.
Наташа. Я его не просила. Прежде, прежде, Иван Федулыч, надо было учить меня разбирать, понимать людей, остерегать меня от дурных; да только раньше, раньше, а теперь я выбрала, полюбила человека и не променяю его ни на кого.
Чепурин. Да помилуйте, разбой-с!
Наташа. Иван Федулыч, постойте! Выражайтесь осторожнее, имейте побольше деликатности: не говорите при мне дурно о человеке, которого я люблю. Иначе я вас слушать не стану.
Чепурин. Что ж, мне хвалить прикажете его?!
Наташа. Ни хвалить, ни бранить, а говорить с уважением.
Чепурин. Извольте!
Наташа. Ну, говорите. Дядя узнал про него что-нибудь? Ну, он мот, должен много, игрок, что ли? *(С сердцем.)* Да ну, говорите скорей!
Чепурин. Всего довольно-с.
Наташа. Ну, так поймите, что дело кончено; хорош ли он, дурен ли — разлучить нас нельзя. Хорошо буду жить — слава богу; дурно — жаловаться не стану, сама выбрала. Мне с ним жить — моя и забота. И горе мое и радости мои — все мое, все вот здесь, у сердца будет; ни с горем, ни с радостью я к людям не пойду. Слышите! Никому дела нет, мне с ним жить!
Чепурин. Да не вам-с!

Наташа. Ну, довольно, Иван Федулыч! Вы думаете, что если вы будете бранить, чернить человека, так я его разлюблю и полюблю вас. Ха, ха, ха! Это дурная политика. Он дурной человек, все бранят его; ну, браните его и вы, браните! А я еще больше буду любить его. Надо ж, чтоб и его кто-нибудь любил. Вы вот и хороший человек; вы сто́ите любви, вы хотите моей любви, да не умели ее заслужить, и я вас... презираю.

Чепурин. Сто́ю ль я вашей любви, нет ли-с, только мне ее не надо-с. И все ж я человек с душой-с, и чужие слезы мне не на радость.

Наташа. Вы их не увидите.

Чепурин. Минуты не пройдет, как увижу, да еще какие слезы-то увижу. Вот вам бог-с!

Наташа *(с испугом)*. Вот как! *(После некоторой борьбы, с притворным спокойствием.)* Ну, что там еще?

Чепурин. Лучше б кто другой, а не я говорил вам; кажется бы, бог знает что дал...

Наташа. Пожалуйста, поскорей!

Чепурин. Что я за каторжный такой, что не мог вам никогда сказать ничего приятного и теперь должен убивать вас, все одно, что ножом резать.

Наташа. Говорите, Иван Федулыч!

Чепурин. Теперича Копров какую штуку гнет! Он все одно как бешеный мечется...

Наташа. Ну!

Чепурин. Чтоб только денег нахватать больше. А деньги бросает зря. Один кабинет, сказывают, без малого десять тысяч ему стоит. В спальне зеркало поставил, сажень с лишком, в серебряной рамке, все кружевами увешано.

Наташа. Только?

Чепурин. Как только-с? А́рап теперича на крыльце торчит, белками ворочает, точно у него глаза-то выскочить хотят. К чему пристало?

Наташа. Вам завидно?

Чепурин. Завидуют-то чему основательному, а тут нечему завидовать: ветер так ветром и останется. Утром выедет в эгоистке — жеребец серый, кучер — страсть посмотреть; потом пару вороных в какую-то корзинку заложат, сам править сядет и арапа с собой посадит. А вечером в коляске, либо в карете развалится, а лошади опять другие. Да ведь какое балов-

ство задумал! Подле кабинета контору отделал дубовую, резную, книги велел желтые замшевые разложить, на стенах какие-то счеты в рамках, точно в банке в каком.

Наташа. Пожалейте меня! Я жду от вас дела, а вы мне какие-то глупости рассказываете.

Чепурин. Да помилуйте! Балансы подводят, миллионы на счетах выводят, а дела на грош нет. Помилуйте, скажите, дутых документов целый ворох навалили да на конторке на шпильках натыкали, а и людей-то таких нет, на кого они писаны. Иностранец какой-то с немецкой конторы сбежал, так все книги ему наобум писал на аглицком языке, чтоб больше туману было, и все это фальшь, все напоказ.

Наташа. Кому напоказ?

Чепурин. А купцу этому из Таганки. Его нынче Копров к себе на обед зазвал: напоит его шампанским и будет ему все это показывать. Выгорит дело — Копров с долгами разочтется, а не выгорит — ну, вешай петлю да полезай в нее, больше некуда деться.

Наташа. Я не понимаю вас. На что ему купец? Чего ждет он от купца?

Чепурин. А вот, видите ли, тут политика какая! Он уж к этому купцу давно ездит, потому у этого купца есть племянница, сиротка, вида сурового, брови пальца в три ширины, ужасно даже, если нечаянно вдруг увидишь, и совсем круглая, как тунба.

Наташа. Ну, ну!

Чепурин. Тут расчет видимый с его стороны: кабы дочь — так зря бы не отдали, разузнали, что за человек; а то племянница, видеть ее все ужасаются, значит, только бы с рук сбыть да капитал сдать. А у этой сиротки, у бедной, окромя имениев, чистыми деньгами триста тысяч оставлено на избранника, кто изберется взять за себя такую красоту. Нынче ж и по рукам ударят, коли удастся старика опоить да обмануть.

Наташа *(слабым голосом и опуская голову)*. Да?.. Так?.. Правда это?

Чепурин *(ударяя себя в грудь и поднимая руку к небу)*. Вот-с! Перед истинным!

Наташа. Подите! Оставьте меня!

Чепурин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Наташа (одна).

Наташа *(вынимает портрет Копрова)*. На что он мне теперь? *(Задумывается.)* Пожалуй, можно носить его, всю жизнь носить да смотреть на него; да уж очень обидно будет. *(Ставит портрет на стол.)* Прощай, Егор Николаич! Прощай, голубчик! Не мой ты, а жаль мне тебя; вдруг тебе не удастся, что с тобой будет? Да нет... удастся... отчего же! А надо будет посмотреть свадьбу-то. В церковь не нужно ходить — нехорошо, можно у церкви подождать их... Что в церковь!.. Там известно, что... певчие поют... Сводят их, он ей подает руку в белой перчатке... вот венцы на головах... вот все кончено. Все целуются, все родные стали, чужих нет... Чужая только я... только здесь я одна... Экипажи... экипажи задвигались, блонды всё, блонды... разъезд. Уедут, уедут! Не бежать ли мне, не броситься ль под колеса кареты? *(Взглянув на портрет.)* Прощай, Егор Николаич, прощай! Живи с молодой женой! Совет вам да любовь!.. Жива я или нет, тебе все равно. Чай, как не жива-то буду, тебе легче будет *(глядя на портрет)*, буйная ты головушка, хороший ты мой, не встретимся тогда с тобой, не кольнет тебя в сердце-то. Аль ничего тебе? Встретишь меня, так не поклонишься, к жене отворотишься, будто поговорить с ней нужно? «Что, мол, милая, не проехать ли нам куда подальше?» Да кучеру мигнешь, чтоб умчали тебя кони вороные от моих глаз... Ой, смерть моя! *(Разрывает портрет.)* Не разлучишь вас... да и не родилась я на свет разлучницей... Легче самой умереть... Носить горе, носить горе, пока износится! Как темно, как скучно в этой лачужке. Куда деться? Куда мне деться с тоской? *(Уходит в спальню.)*

Входит Корпелов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Корпелов (один).

Корпелов. Я ворочу, я ворочу эти деньги... Вот побегу завтра на толкучку да продам пальтишко, вот и положу Наташе в комод на убылое место рублика пол-

тора. Я по гривенничку напошу, по утрам у церквей буду с нищими становиться. Разве я не похож на нищего? Мне подадут... Чем я не нищий?

Дрожанье рук, поблеклые ланиты
И тусклых глаз распухшие орбиты...

Входит М а л а н ь я.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К о р п е л о в, М а л а н ь я.

М а л а н ь я. Асаф Наумыч, нужны тебе бумаги-то, что ли, так говори!

К о р п е л о в. Ничего мне не нужно. Какие бумаги?

М а л а н ь я. А вчера ты хмельненек пришел, так из пальта выронил.

К о р п е л о в. Лжесвидетельствуешь.

М а л а н ь я. Толкуй с тобой! Бросил пальто, они и выскочили; я давеча печку растопить хотела, да думаю: может, мол, нужны.

К о р п е л о в. Постой, женщина! Вспоминаю... Старуха каялась мне во грехах...

М а л а н ь я. Ну, загородил!

К о р п е л о в. Да, да... и бумаги отдала... Подай сюда!

М а л а н ь я. Не трожь, лучше у меня останутся. Право, другой раз ищешь, ищешь растопки-то...

К о р п е л о в. О Аглая, не возражай!

М а л а н ь я. Небось, жалко стало? Да на! Не велико сокровище-то. *(Отдает пакет и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К о р п е л о в, потом Е в г е н и я и М а л а н ь я.

К о р п е л о в *(развертывает верхнюю обертку и вынимает незапечатанный пакет. Читает надпись)*. «Сей пакет и все, что в нем находится, принадлежит дочери губернского секретаря, Наталье Петровой Сизаковой». Находка, в первый раз в жизни находка! *(Вынимает из пакета одно письмо, читает его, руки трясутся, утирает слезы. Кладет письмо и пакет на пяльцы.)* Вот оно, вот приданое-то! Наташа! Наташа!

Выходит Е в г е н и я.

Евгения. Тсс... тише! Что вы, что вы! Уморить ее хотите?
Корпелов. Как? Разве?.. Наташа моя, Наташа!..
Евгения. Да тише, говорю вам! Дайте ей успокоиться. Она совсем убита, она умирает.
Корпелов. Разве ей сказали?
Евгения. Хозяин все рассказал.
Корпелов. Нет, не все еще.
Евгения. Ну, будет с нее и этого.
Корпелов. Что ж она? Плачет?
Евгения. Нет, лежит в белом платье без движения, как мертвая, и в бреду все какая-то ей свадьба представляется.
Корпелов. В белом платье?
Евгения. Да, надела.
Корпелов. Словно она тебя кличет... Поди, поди к ней!

Евгения уходит в спальню. Корпелов подходит к двери и прислушивается. Евгения выходит.

Ну, что, что?
Евгения. Велела послать к ней Ивана Федулыча и Маланью.
Корпелов. Зачем?
Евгения. Не знаю.
Корпелов. Так позови их скорее!
Евгения *(у двери)*. Иван Федулыч! Вас Наташа зовет. Маланья, иди и ты!

Чепурин и Маланья проходят в комнату Наташи. Маланья сейчас же возвращается.

Маланья *(в дверях)*. Хорошо! Я мигом, далеко ль тут, лавочка-то внизу.
Корпелов. Куда ты?
Маланья. Не твое дело. Не до тебя нам. *(Уходит.)*
Евгения. Должно быть, чайку захотела.
Корпелов. Видно, ей полегче.
Евгения. Не знаю. Встала, сидит. Вот только белое платье меня очень пугает. Зачем это оно?
Корпелов. А что ж белое платье?
Евгения. Есть у нее белое кисейное платье. Никогда она его не надевала; а вот, если болезнь какая ходит по Москве, так она его вынет и гладит. Коли, говорит, умру, так положите меня в нем. Мы хоть бед-

ные девушки, а все ж нужно, чтобы было прилично, чтоб, если кто войдет в церковь, видел бы, что девушку хоронят. А сама гладит да все бантики, все оборочки раздувает, чтоб пышней было. Складки расправит да и говорит: «Ты вот тогда на мне так же складочки расправь!»

Корпелов. У меня есть радость для нее, но я боюсь: эта радость может и оживить и убить ее.

Входит Маланья и накрывает стол салфеткой.

Евгения. Что ты делаешь?

Маланья. Приказали, так и делаю. *(Выносит сначала на подносе хлеб и закуску, потом вино и рюмки. Корпелову.)* Вот попотчуют тебя, так ты пить будешь, небось, не откажешься. *(В дверях спальни.)* Готово; а за батюшкой сейчас схожу. *(Уходит.)*

Входит Грунцов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корпелов, Евгения, Грунцов, потом Наташа и Чепурин.

Грунцов. Что у вас тут такое?

Корпелов. Не знаю, юноша; что-то на похороны похоже.

Выходит Наташа; она едва держится на ногах, ее поддерживает за руку Чепурин.

Наташа *(становясь на колени)*. Дяденька, благословите нас на трудовую жизнь!

Корпелов. Нет, нет, не мне, не этим рукам благословлять тебя, дитя мое! *(Поднимает Наташу.)* Вот, вот тебе вместо благословения; находка, золотая находка. *(Берет с пялец письмо и отдает Наташе.)* Прочти, что писала твоя мать одному богатому барину!

Наташа *(читает)*. «Благодарю вас за участие, но вы меня оскорбляете, присылая мне деньги. Посылаю вам их обратно. Пока я жива, я не приму от вас денег. Дочери моей останется немного, но ей и не надо многого; она привыкла жить трудом и должна жить трудом, если захочет исполнить завет умирающей матери. Я умираю, вы меня переживете, прошу вас

уважить мою волю, не помогайте Наташе, пусть она даровых денег не знает. Разве уж (простите меня, матери слабы) вы узнаете, что она в своей честной, трудовой жизни мало знает радостей, не видит светлых дней, так пошлите ей какую-нибудь безделицу на обновку, на сладкий кусочек, на дешевенькие удовольствия. Пошлите потихоньку и напишите, что это мать посылает ей вместе с благословением из-за гроба». *(Обнимая Корпелова.)* Благодарю вас, благодарю вас. Я думала, что мне и не пережить горя, а вот слышу слова матери, и у меня в душе радость и счастье. Вот я и богата.

Корпелов. Вот и деньжонки есть, только немного, как завещано,— сторублевый билетец. *(Отдавая пакет Наташе.)*

Наташа. Отдайте Ивану Федулычу. *(Читает про себя письмо и плачет.)*

Чепурин. Что ни есть, все наше будет-с.

Корпелов. Получай, брат! *(Отдает пакет.)*

Чепурин. Покорнейше благодарю-с. Невелики деньги, а все на черный день годятся. Так мы их и беречь будем. *(Заметив плачущую Наташу, берет у нее письмо.)* Не читайте, не утруждайте себя! На все время будет. Извольте сесть, успокоиться.

Грунцов. Поздравляю, Иван Федулыч.

Чепурин. Еще погодите поздравлять, вот батюшка благословит, тогда честь честью-с.

Грунцов. Да я тебя с деньгами поздравляю, ты уж их в карман положил. Я сам разбогател. *(Вынимая деньги и показывая.)* Сроду столько денег не видывал.

Корпелов. Запродался?

Грунцов. Закабалился.

Корпелов. Далеко ли?

Грунцов. В Уфу. Задаток взял, завтра ехать.

Евгения *(подбегая)*. Что вы говорите? Завтра ехать?

Грунцов. Да, барышня, в Уфу. Прощаться пришел с милыми друзьями.

Евгения *(с испугом)*. Да как же это можно? Что вы делаете!

Грунцов. А что ж, барышня, не с кем вам спорить будет?

Евгения. Да нет, нет, что за споры! Разве я серьезно!

Грунцов. Должен-то я вам, так заплачу.

Евгения. Какой долг, что вы!
Грунцов. А два фунта конфет... Первое пари проиграл и второе...
Евгения. А второе выиграли.
Грунцов. Как выиграл?
Евгения. А вот как! *(Целует его.)* Ну, и квиты!
Корпелов. Ого, барышня! Optime! [1]
Евгения. Только это нехорошо... Так не делают. Бог с вами. *(Плачет.)* Ну, на что похоже, скажите пожалуйста... завтра... вдруг завтра... *(Берет Грунцова за руку.)* Я вас не пущу.
Грунцов. Ну, так вот что, барышня! Я поеду в Уфу, там мне обещали место в гимназии; если прочно устроюсь, так приеду в Москву на святки, а из Москвы-то назад, пожалуй, уж вместе поедем. По рукам?
Евгения. Уж теперь не заспорю.
Корпелов. Юноша! Ты Крез теперь,— значит, кутим.
Грунцов. Всенепременно. Мне чтоб только на дорогу в обрез осталось. Я фунтов пять конфет принес да три бутылки шампанского, все это у Маланьи находится.
Чепурин. Это оченно кстати-с. Мы сейчас вытребуем. *(Корпелову.)* Только позвольте спросить... конечно, само собой, я отчета требовать не смею, а все-таки интересно, как насчет тех денег-с?
Корпелов *(указывая на Наташу)*. Молчи, молчи, что ты!
Наташа. Не бойтесь, говорите, я уж теперь покойна.
Корпелов. Ведь какой глупый человек-то! Плутовал, плутовал, да концов-то схоронить и не умел. Зазвал купца обедать, а тут и незваные гости явились. Документики какие-то фальшивые состряпал, его и накрыли. Ну, уж попался, так и терпи. А он, глупый, что же выдумал: побежал в кабинет, дверь на ключ да хлоп из револьвера. Хвать-похвать — денег никаких, одна только записка на конторке: «Без денег, мол, мне жить на свете незачем». Какой глупый-то! Да разве жизнь-то мила только деньгами, разве только и радости, что в деньгах? А птичка-то поет — чему она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живет. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь — и бедная, и горькая — все радость. Озяб да согрелся — вот и радость! Голоден да накормили —

[1] Превосходно! *(лат.)*.

вот и радость. Вот я теперь бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду,— разве это не радость! Потом пойду по белу свету бродить, от города до города, по морозцу, по курным избам ночевать... *(Поет и пляшет.)*

Пойду ли я по городу гулять,
Пойду ли я по Бежецкому.
Куплю ли я покупку себе.

Чепурин *(налив в рюмки вина)*. Пожалуйте-с.

Корпелов. Давай выпьем. Юноша, иди!

Грунцов подходит.

Погодите! Чепурин, становись с нами в ряд!

Чепурин подходит.

Вот так! *(Запевает.)*

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!

Комедия
в пяти
действиях

ВОЛКИ
И ОВЦЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

МЕРОПИЯ ДАВЫДОВНА МУРЗАВЕЦКАЯ
девица лет 65-ти, помещица большого, но расстроенного имения; особа, имеющая большую силу в губернии.

АПОЛЛОН ВИКТОРОВИЧ МУРЗАВЕЦКИЙ
молодой человек лет 24-х, прапорщик в отставке, племянник Мурзавецкой.

ГЛАФИРА АЛЕКСЕЕВНА
бедная девица, родственница Мурзавецкой.

ЕВЛАМПИЯ НИКОЛАЕВНА КУПАВИНА
богатая молодая вдова.

АНФУСА ТИХОНОВНА
ее тетка, старуха.

ВУКОЛ НАУМОВИЧ ЧУГУНОВ
бывший член уездного суда, лет 60-ти.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ ЛЫНЯЕВ,
богатый, ожиревший барин, лет под 50, почетный мировой судья.

ПАВЛИН САВЕЛЬИЧ
дворецкий

ВЛАС
буфетчик

КОРНИЛИЙ
лакей

СТРОПИЛИН
подрядчик

} *Мурзавецкой.*

МАЛЯР.

СТОЛЯР.

КРЕСТЬЯНИН
бывший староста Мурзавецкой.

МАСТЕРОВЫЕ, КРЕСТЬЯНЕ И ПРИЖИВАЛКИ МУРЗАВЕЦКОЙ.

Действие в губернском городе, в доме Мурзавецкой.
Зала, меблированная по-старинному; с правой стороны (от зрителей) три окна, в простенках узкие длинные зеркала с подзеркальниками. У первого окна, ближе к авансцене, высокое кресло и столик; на нем раскрытая старинная книга и колокольчик; в глубине, в правом углу, двустворчатая дверь в большую переднюю; в левом — дверь в комнату Мурзавецкого; между дверями печь; на левой стороне, в углу, дверь в коридор, ведущий во внутренние комнаты; ближе к авансцене двери в гостиную; между дверями придвинут к стене большой обеденный стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Павлин у дверей в переднюю, подрядчик, маляр, столяр, староста, крестьяне и мастеровые.

Павлин *(подавая руку подрядчику)*. Господину Стропилину! *(Прочим.)* Невозможно, господа, невозможно. Что за базар!

Столяр. Всякий тоже из-за своего интересу.

Маляр. Другому деньги-то как нужны,— страсть!

Староста. Праздничное дело: слободно,— ну, значит, иди за получкой.

Подрядчик. Праздничное-то дело так бывает, друг сердечный, что и получишь, да домой не донесешь.

Столяр. Донесли бы, сумели, только б было что.

Маляр. Только б залучить деньги-то, а то вот как зажму, силой не отымешь.

Павлин. Стало быть, вы барышню дожидаться хотите?

1-й крестьянин. Да уж подождем; наше дело такое, что дожидаться.

2-й крестьянин. И подождешь, ничего не поделаешь... Мы еще позапрошлую осень лес возили на баньку. *(Указывая на подрядчика.)* Вон рыжий-то строил.

Маляр. А мы вот палисаду красили, звен двенадцать, да беседку умброй подводили.

Староста. А мы так бычка-опоечка в ту пору на солонину...

Столяр. Всякий за своим, ведь; и мы вот тоже два столика под орех, да в спальню к барышне...

Павлин. А вы, господин Стропилин?

Подрядчик. Со старым счетцем. Вышел из дому с утра по своим делам, так уж, думаю, пройду, мол, заместо моциону.

Павлин. Ну, что ж мне делать прикажете! Допустить вас я не смею. Домой идите, други милые, вот что я вам скажу. После понаведайтесь, да не все вдруг!

Подрядчик. Нет, уж меня-то вы до барышни допустите, Павлин Савельич.

Голоса. Допущай до самой! Всех допущай до самой!

Павлин. Я, пожалуй, допущу; только с уговором, господа. Вот первое: которые почище *(указывает на подрядчика, маляра, столяра и старосту)*, останьтесь здесь *(остальным)*, а вы к крыльцу. Второе дело: как барышня из экипажа, сейчас все к ручке; а кто,

по усердию, может и в ножки. Об деньгах и не заикаться; с праздником можно поздравить, а об деньгах чтоб ни слова.

Маляр. Да коли мы за ними собственно пришли, как же так ни слова?

Павлин. А так же — ни слова, да и все тут. Пройдут барышня в гостиную, чаю накушаются, я им доклад сделаю; тогда вам всем резолюция и выдет. Как же вы хотите, чтоб праздничное дело, утром, да сейчас за суету? Барышня в это время тишину любят и чтоб никто их не беспокоил, особливо об деньгах. Вы то подумайте: когда они приедут из собора, сядут в размышлении и подымут глазки кверху, где душа их в это время бывает?

Подрядчик. Высоко, Павлин Савельич, высоко.

Староста. Уж так-то высоко, что ах!

Павлин. Ну, вот то-то же! *(Маляру.)* А ты с умброй! Эх, сырье! Когда вы отмякнете сколько-нибудь? Деньги деньгами, а тоже и время надо знать. Мы суеты всеми манерами избегать стараемся; а он за бычка-опоечка получать пришел. Ну, ступайте на свое место.

Крестьяне и мастеровые уходят. Входит Чугунов с портфейлем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Павлин, Чугунов; (у двери в переднюю) подрядчик, маляр, столяр, староста; потом Корнилий.

Чугунов *(указывая глазами на толпу)*. Набралось гостей со всех волостей.

Павлин *(нюхая табак)*. Комиссия, сударь.

Чугунов. Дай-ка березинского-то!

Павлин подает табакерку.

(Понюхав.) Разбор делаешь: кому — подожди, кому — после приди!

Павлин. Перемежка в деньгах, сударь.

Чугунов. Это бывает. Перед деньгами, говорят.

Павлин. Дай-то бог! Женское дело, сударь... От женского ума порядков больших и требовать нельзя.

Чугунов. Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых мужчин хватит.

Павлин. Как же возможно против мужчины! Кабы столько ума было, так за вами бы не посылали; а то чуть кляузное дело, сейчас за вами и шлют.

Чугунов. Да на кляузы разве ум нужен? Будь ты хоть семи пядей во лбу, да коли законов не знаешь...

Павлин. Понимаю я-с. Да от большого ума кляуз-то заводить не следует. Конечно, осуждать господ мы не можем, а и похвалить нельзя. У Меропы Давыдовны такой характер: с кем из знакомых размолвка — сейчас тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки частые,— только и знаем, что судимся.

Чугунов. Да, другой раз просто не из чего дело затеваешь.

Павлин. Только что от всех знакомых господ неудовольствия.

Чугунов. Да ведь мы никого не обидели: нам все отказывают, еще ни одного дела не выиграли.

Павлин. Так ведь убытку много: протори платим да подьячих кормим.

Чугунов. Кто ж их кормить-то будет? Ведь и они кушать хотят, люди тоже.

Павлин. Не считаю я их за людей, сударь.

Чугунов. Напрасно. Ведь и я подьячий, Павлин Савельич.

Павлин. Знаю-с.

Чугунов. А знаете, так будьте поучтивее. У меня таких-то хамов, как вы, полтораста животов было.

Павлин. Было, да прошло.

Чугунов. Да, прошло; был барином, а теперь вот сутягой стал да холопские разговоры слушаю.

Павлин. Нельзя и не говорить; поневоле скажешь, коли вы барышню только смущаете. Можно вам теперь, сударь, кляузы-то бросить и опять барином зажить: золотое дело имеете.

Чугунов. Имею.

Павлин. По милости нашей барышни у госпожи Купавиной всем имением управляете,— ведь это легко сказать! Да оно и видно: и домик обстроили, и лошадок завели, да и деньги, говорят...

Чугунов. Заговорили уж, позавидовали!

Павлин. Нет, что ж, давай бог, наживайтесь!

Чугунов. Да и наживусь, и наживусь. Разговаривай еще! Посмотрю, что ль, я на кого! Я видал нужду-то,

в чем она ходит. Мундир-то мой помнишь, давно ль я его снял? Так вытерся, что только одни нитки остались; сарафан ли это, мундир ли, не скоро разберешь.

Павлин. Барыня молодая, добрая, понятия ни об чем не имеют; тут коли совесть не зазрит...

Чугунов. Зачем же ты совесть-то? К чему ты совесть-то приплел? В философию пускаться тебе не по чину...

Павлин *(взглянув в окно)*. Барышня идут. *(Уходит.)*

Корнилий в белом галстухе и белых перчатках выходит из гостиной, отворяет обе половинки дверей и становится слева.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Чугунов встает со стула и становится невдалеке от двери в гостиную, за ним по линии к выходной двери становятся: подрядчик, потом староста, потом маляр и столяр. Мурзавецкая одета в черную шелковую блузу, подпоясанную толстым шелковым шнурком, на голове кружевная черная косынка, которая, в виде вуаля, до половины закрывает лицо, в левой руке черная палка с белым, слоновой кости, костылем. Проходит медленно и не глядя ни на кого от дверей передней в гостиную. Все стоящие в зале поочередно целуют ее правую руку. За ней, в двух шагах, проходит, опустя глаза в землю, Глафира, одета в грубое черное шерстяное платье. Потом две приживалки, одетые в черное. Павлин идет с левой стороны Мурзавецкой и, почтительно согнувшись, несет на руке что-то вроде черного плаща. Корнилий, пропустив всех, входит в гостиную и затворяет двери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Чугунов, подрядчик, староста, маляр, столяр, потом Павлин.

Староста. Ах, матушка! Дай ей, господи! Создай ей, господи!.. И костылек-то все тот же.

Подрядчик. Разве помнишь?

Староста. Да как не помнить? Тоже, как крепостными-то были...

Подрядчик. Так хаживал по вас?

Староста. Еще как хаживал-то!

Выходит Павлин.

Павлин. Не в час, господа, пришли.

Чугунов. Что так?

Павлин. И докладывать-то не смею. *(Чугунову.)* Наказанье нынче, сударь Вукол Наумыч, с прислугой. Сливок вскипятить не умеют, либо не хотят, что ли. Только и твердишь, чтоб пенок как можно больше, потому барышня страсть их любят. В такой малости не хотят барышне удовольствия сделать, ну и гневаются.

Староста. Что же теперича нам?

Павлин. А как-нибудь на неделе, что там бог даст.

Маляр. Ходишь, ходишь, только ма́ета одна.

Павлин. Ну, уж будет! Поговорил и довольно! Ласково я с вами говорю или нет? Так вы грубого слова не дожидайтесь.

Столяр. Только и всего? С тем, значит, и идти?

Павлин. Чего ж тебе? Угощенья для вас не припасено. *(Подрядчику.)* До приятного свидания, господин Стропилин. *(Прочим.)* Ну, так прощайте, добрые люди!

Подрядчик, староста, маляр и столяр уходят.

Вам, сударь, в столовой фриштыкать приготовят.

Чугунов. Дай-ка табачку-то!

Павлин *(подавая табакерку)*. Пожалуйте. Уж придется вам повременить, потому барышня Аполлона Викторыча дожидаются.

Чугунов. Где же он?

Павлин. Одно место у них. Просто срам, сударь! В городе-то стыдятся; так возьмут ружье, будто за охотой, да на Раззорихе, в трактире и прохлаждаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, уж можете судить,— в деревне, на большой дороге заведение, на вывеске: «Вот он!» написано. Уж так-то не хорошо, что и сказать нельзя. Дня по два там кантуют, ссоры заводят,— и что им там за компания! Барышня уж послали буфетчика Власа, велели их домой привезти.

Чугунов. А что ему дома-то делать?

Павлин. Барышня хотят их установить и в хороший круг ввести; в гости с ними хотели сегодня ехать и даже все новое им платье приказали сшить.

Чугунов. Уж не женить ли хотят?

Павлин. Похоже на это-с.

Чугунов. Жених завидный.

Павлин. Вот теперь тоже Евлампия Николаевна вдовеют, господин Лыняев тоже холостой.

Чугунов. Обо всех-то у матушки Меропы Давыдовны забота.

Павлин. Нельзя же-с. И ах, как они чудесно рассуждают! Евлампия Николаевна богаты очень — значит, им можно и небогатого жениха, только б молодого, вот как наш Аполлон Викторыч; Михаил Борисыч Лыняев тоже богаты и уж в летах,— для них теперь на примете есть барышня, княжеского рода; немолодая, это точно-с, и в головке у них словно как дрожание, а уж так образованы, так образованы, что сказать нельзя-с. *(Взглянув в окно.)* Да вот, должно быть, барина привезли.

Чугунов. Так я в столовую. *(Уходит.)*

Входят: Мурзавецкий, одет в черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, панталоны в сапоги, на голове фуражка с красным околышем и с кокардой, Влас, с ружьем, патронташем, ягдташем и арапником.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мурзавецкий, Павлин, Влас.

Мурзавецкий *(не снимая фуражки)*. Ма тант у себя?

Павлин. У себя-с.

Мурзавецкий. Ох, уж эта охота мне! Устал, братец. А что делать-то! Страсть! Жить без охоты не могу. Халат теперь, да спать завалиться. *(Хочет идти в свою комнату.)*

Павлин. Нет уж, извольте здесь подождать, так приказано.

Мурзавецкий садится у окна.

Влас. С рук на руки, Павлин Савельич, и барина, и всю сбрую, и амуницию.

Павлин *(заглянув в ягдташ)*. В ягдташе-то, сударь, не то что дичи, а и перышков-то нет.

Мурзавецкий. Незадача, братец, дьявольская незадача. Выход нехорош был, вернуться б надо; заяц дорогу перебежал, какая уж тут охота! Что ни приложусь, паф! — либо пудель, либо осечка.

Павлин *(Власу)*. Снеси к барину в комнату, положи осторожнее!

Влас уходит.

Мурзавецкий *(растворяя окно)*. Фу, духота какая! *(Высовывается в окно и свищет.)* Тамерлан! Ах, проклятый! Ну, погоди ж! Человек, приведи сюда Тамерлана да подай мне арапник!

Павлин. Нет уж, этого ни под каким видом нельзя: не приказано-с. И какой же это Тамерлан? Нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Тлезор, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай.

Мурзавецкий. Много ты понимаешь!

Павлин. Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникам яйцы таскать, он другой науки не знает. Его давно на осину пора, да что и на осину-то! Вот, бог даст, осень придет, так его беспременно, за его глупость, волки съедят. Недаром мы его волчьей котлеткой зовем. А вы бы, сударь, фуражку-то сняли, неравно барышня войдут.

Мурзавецкий *(снимая фуражку)*. Не твое дело; ты знай свое место! Я разговаривать с вашим братом не люблю.

Павлин. Слушаю-с.

Мурзавецкий. Фу, черт возьми, что это мне как будто не по себе, нездоровится что-то? Ноги, должно быть, промочил в болоте. *(Громко.)* Человек, водки!

Павлин. Здесь, сударь, не в раззорихинском трактире.

Мурзавецкий. Ну, что же, что не в раззорихинском трактире, ну, что же?

Павлин. А то, что здесь не подадут-с.

Мурзавецкий. Ну пожалуйста, Павлин Савельич, ну будь другом, ну я тебя прошу. Не в службу, а в дружбу, братец, понимаешь?

Павлин. Вот то-то же, сударь.

Мурзавецкий. Право, так что-то фантазия пришла. Павлин Савельич, я с тобою буду откровенен! адски хочется, братец.

Павлин. Уж, видно, нечего с вами делать. *(Уходит.)*

Из гостиной входит Глафира и идет к коридору.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мурзавецкий, Глафира, потом Павлин и Влас.

Мурзавецкий. Кузина, удостойте взглядом! Глазки-то, фу! Все отдашь!

Глафира. Что вам угодно?
Мурзавецкий. Что мне угодно? Вот странно! Мне угодно расцеловать вас, но...
Глафира. Вы глупы.
Мурзавецкий. Пардон, мадемуазель!
Глафира. Adieu, monsieur![1] *(Хочет идти.)*
Мурзавецкий. Постойте! Нет, в самом деле, ма тант иррите?
Глафира. Как вы дурно говорите по-французски!
Мурзавецкий. Ничего, по нашей губернии сойдет.
Глафира. Да, я не думаю, чтоб она была довольна вами. *(Хочет идти.)*
Мурзавецкий. Атанде! Поклон.
Глафира. От кого?
Мурзавецкий. От Лыняева.
Глафира. Благодарю вас. Что это ему вздумалось?
Мурзавецкий. На охоте встретились, денег у него занял, черт его возьми! Шуры-муры завели? Ну, что уж, признавайтесь! А еще важность на себя напускаете.

Глафира, пожав плечами, уходит. Входят Павлин и Влас с подносом, на котором рюмка водки и закуска.

Павлин. Извольте кушать поскорее, а то, чего доброго, барышня выйдут.
Мурзавецкий *(выпив и закусив)*. Фу! Кабачная водка, собачья закуска! *(Власу.)* Пошел!

Влас уходит.

Павлин. Какая есть, и за ту спасибо скажите, сударь!
Мурзавецкий. Что ты важничаешь! Точно какое одолжение мне сделал. Я тебе приказал, ты мне подал, вот и все. Смел бы ты не подать.
Павлин. Хорошо-с, так и будем знать.
Мурзавецкий. Хам и важничает — это смешно даже.

Входит Мурзавецкая.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мурзавецкий, Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Что ты расселся? Не видишь? *(Поднимая костыль.)* Встань!
Мурзавецкий. Ах, пардон, ма тант! Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении.

[1] Прощайте, господин! *(франц.)*.

Мурзавецкая. А очень мне нужно! *(Павлину.)* Поди затвори двери; и не принимать никого, пока я не прикажу.

Павлин *(подавая кресло)*. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Мурзавецкая *(указывая на стул)*. Вот теперь садись, когда приказывают.

Мурзавецкий. О, ма тант, не беспокойтесь.

Мурзавецкая. Да что не беспокоиться-то? Будешь вертеться передо мной, как бес; терпеть не могу. *(Стучит палкой.)* Садись!

Мурзавецкий садится.

Долго ты меня будешь мучить да срамить?

Мурзавецкий *(с удивлением)*. Что такое? Я, ма тант, ваших слов не понимаю.

Мурзавецкая. А то, что ты шляешься по трактирам, водишься с мужиками — ссоры у вас там... Мурзавецкому-то это прилично, а?

Мурзавецкий. Вот превосходно, вот превосходно! Однакож меня ловко оклеветали перед вами.

Мурзавецкая. Где уж клеветать; про тебя и правду-то мне сказать, так люди стыдятся. Да чего и ждать от тебя? Из полка выгнали...

Мурзавецкий. Позвольте, ма тант!

Мурзавецкая. Молчи! Уж не болело б у меня сердце, кабы за молодечество за какое-нибудь: ну, растрать ты деньги казенные, проиграй в карты,— все б я тебя пожалела; а то выгнали свои же товарищи, за мелкие гадости, за то, что мундир их мараешь.

Мурзавецкий. Но позвольте же!

Мурзавецкая. Куда как хорошо, приятно для всей нашей фамилии!

Мурзавецкий. Но позвольте же в оправдание... два слова.

Мурзавецкая. Ничего ты не скажешь,— нечего тебе сказать.

Мурзавецкий. Нет, уж позвольте!

Мурзавецкая. Ну, говори, сделай такую милость!

Мурзавецкий. Судьба, ма тант, судьба; а судьба — индейка.

Мурзавецкая. Только?

Мурзавецкий. Судьба — индейка, я вам говорю, вот и все.

Мурзавецкая *(покачав головою)*. Ах, Аполлон, Аполлон! Если жалеть тебя и любить как следует, так ведь с ума сойдешь, глядя на тебя. Вот что ты мне скажи: совладать-то с собой ты можешь али нет,— ну, хоть не надолго!

Мурзавецкий. Я-то, я-то с собой не совладаю? Вот это мило! Покорно вас благодарю.

Мурзавецкая *(не слушая его)*. Ведь если б ты был хоть немного поприличнее, я бы тебе и службу достала, и невесту с хорошим приданым.

Мурзавецкий. Ма тант, ручку! *(Целует руку у Мурзавецкой.)* Мерси!

Мурзавецкая. Только уж чтоб ни-ни, чтоб и духу этого не было!

Мурзавецкий. Что вы мне говорите! Как будто я не понимаю, я очень хорошо понимаю. Дурачусь, а коли вам угодно, так хоть сейчас — ни капли, абсолюман.

Мурзавецкая. Не верю.

Мурзавецкий. Пароль донёр,— честное слово благородного человека.

Мурзавецкая. Давно это слово-то я слышала.

Мурзавецкий *(встает)*. Ну, хотите пари, пари, ма тант, какое вам угодно?

Мурзавецкая. Нет, уж я лучше без пари, я вот не пущу тебя никуда из дому да выдержу хорошенько.

Мурзавецкий *(глядя в окно)*. Все, что вам угодно, ма тант...

Мурзавецкая. Выезжать ты будешь только со мной, и вот сегодня же.

Мурзавецкий *(в окно, ударяя ладонью себя по груди)*. Тамерлан, соте, соте!

Мурзавецкая. Полоумный! Что ты, опомнись! С грязными-то лапами в окно!

Мурзавецкий. Пардон! *(В окно.)* Куш, куш, анафема!

Мурзавецкая. Опомнись, опомнись! Сядь, сию минуту сядь!

Мурзавецкий. Ах, ма тант, вы не понимаете: собаке строгость нужна, а то бросить ее, удавить придется.

Мурзавецкая *(стуча палкой)*. Шалопай! Кому я говорю?

Мурзавецкий. Сейчас, ма тант, к вашим услугам. *(В окно.)* Куш, говорят тебе! Где арапник? *(Громко.)* Человек, подай арапник!

Мурзавецкая *(берет его за руку и сажает)*. Арапник-то нужен для тебя. Об чем я тебе говорила, ты слышал, слышал?

Мурзавецкий. Ах, ма тант, как меня этот пес расстроил!

Мурзавецкая. Ну, вот тебе мой приказ: поди выспись, а вечером к невесте поедем! Оденься хорошенько, к Евлампии Николаевне поедем!

Мурзавецкий. Боже мой, как я влюблен-то в нее! Уж это... уж это... тут, ма тант, слов нет. Мерси, мерси! Вот за это мерси! *(Целует у нее руку.)*

Мурзавецкая. Поди спать!

Мурзавецкий *(идет к двери, потом возвращается)*. Доне муа де ляржан!

Мурзавецкая. Не считаю нужным.

Мурзавецкий. Так прикажите принести!

Мурзавецкая. Чего еще?

Мурзавецкий. Еннё, маленький флакончик и закусить. Вообразите, вчера до ночи по болотам; страсть, ма тант, куска во рту не было.

Мурзавецкая. А кто пари предлагал?

Мурзавецкий. Ах, я оставлю; уж сказал, так и оставлю. Только не вдруг, сразу нельзя: знаете, бывают какие случаи, ма тант? Трагические случаи бывают. Вот один вдруг оборвал и, как сидел, так... без всяких прелюдий, просто даже без покаяния, ма тант. Вот оно что!

Мурзавецкая. Бог не без милости, может быть, и не умрешь.

Мурзавецкий *(громко вскрикивает)*. Ах! *(Хватается за грудь.)* Ай, ай, ай! Вот оно!

Мурзавецкая. Что случилось?

Мурзавецкий *(хватаясь за грудь)*. Насквозь, ма тант, от сердца да под лопатку.

Мурзавецкая. Пройдет, ничего.

Мурзавецкий *(вскрикивает громче)*. Ой!.. Ох, ох! Точно кинжалом.

Мурзавецкая. Ну, ступай! Я прикажу, только уж в последний раз, слышишь?

Мурзавецкий. Уж не знаю, дойду ли до комнаты. Долго ль, в самом деле, умереть! Мне жизнь копейка, да ведь без покаяния, ма тант... *(Уходит.)*

Мурзавецкая звонит, входит Павлин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Смотреть за Аполлоном Викторычем, чтоб ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно! Тебе я приказываю, с тебя и спрошу.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они в окно даже иногда...

Мурзавецкая. Убери все платье! Вели взять, будто почистить, да и не давай! В халате не уйдет.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они и в халате, ежели к вечеру...

Мурзавецкая. Где он деньги берет?

Павлин. Заимствуются-с.

Мурзавецкая. У кого?

Павлин. У разных господ-с, которые знакомые, вот у господина Лыняева и у прочих. Осмелюсь вам доложить, сударыня, ни одного гостя не пропущают, чтоб не попросить.

Мурзавецкая. Нет, уж терпенья моего не хватает!.. Женю я его... Уж суди меня бог, а я его женю.

Павлин. Чего бы лучше-с!

Мурзавецкая. Что это за народ был у крыльца и здесь?

Павлин. За получением-с; давно ждут, сударыня-с.

Мурзавецкая. Ну, пусть еще подождут.

Павлин. Одолеют, сударыня, беспокойство для вас.

Мурзавецкая. А что мне беспокоиться-то? У меня нужды не бывает,— мне на нужду посылается, сколько нужно. Что ты смотришь? Да, сколько нужно, столько и пошлется: понадобится мне тысяча, будет тысяча, понадобится пятьдесят тысяч, будет и пятьдесят. А сказывал ли ты им, что кому я должна, я тех помню, я за тех молюсь; а кому заплатила, тех из головы вон?

Павлин. Сказывал, да понимать не хотят, — деньги требуют-с. Необразование, а при всем том и закоренелость.

Мурзавецкая. А ведь бывали примеры, Павлин, что за мои молитвы-то счастье посылается, барыши большие... Ну, что ж, коли им деньги нужны, так заплатим.

Павлин. Срок бы им какой назначить-с.

Мурзавецкая. Зачем срок? Что мне себя связывать! Отдам, вот и все тут. Я еще не знаю, сколько у меня

денег и есть ли деньги,— да и копаться-то в них за грех считаю. Когда понадобятся... да не то что когда понадобятся, а когда захочу отдать, так деньги найдутся, стоит только пошарить кругом себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вот какие со мной чудеса бывают. Да ты веришь аль нет?

Павлин. Как же я смею не верить-с?

Мурзавецкая. Так об чем и разговаривать? Беспокоиться о долгах я не желаю. Куда торопиться-то? Почем мы знаем, может быть, так и нужно, чтоб они ждали,— может быть, им через меня испытание посылается?

Павлин. Это действительно-с.

Мурзавецкая. Позови ко мне Чугунова.

Павлин *(у двери)*. Вукол Наумыч, пожалуйте к барышне. *(Мурзавецкой.)* Идут-с. *(Уходит в переднюю.)*

Входит Чугунов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мурзавецкая, Чугунов.

Чугунов. С праздником, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Здравствуй, Вукол Наумыч! Садись.

Чугунов. Ручку позвольте, благодетельница! *(Целует руку и садится.)* Присылать изволили?

Мурзавецкая. Посылала. Дело у меня важное, Вукол, дело большое; третью ночь я об нем думаю, да не знаю, как расположиться-то на тебя, поверить-то тебе боюсь.

Чугунов. Да разве у меня совесть подымется против благодетельницы...

Мурзавецкая. У тебя совести нет.

Чугунов. Нельзя совсем не быть, матушка-благодетельница. Все уж сколько-нибудь да есть.

Мурзавецкая *(стучит костылем)*. У тебя совести нет.

Чугунов. Ну, как вам угодно, как вам угодно, спорить не смею. Я только одно скажу: вы у меня после бога...

Мурзавецкая. Лжешь.

Чугунов. И не знаю я за собой греха против вас.

Мурзавецкая. Потому что боишься меня, знаешь, что я могу тебя и с места теплого турнуть и из городу выгнать,— проказ-то немало за тобой; и придется тебе в волостные писаря проситься. Да ведь у меня недолго, я как раз.

Чугунов *(встает и целует у ней руку)*. Нет уж, благодетельница, не лишайте ваших милостей!
Мурзавецкая. Садись!

Чугунов садится.

Дело вот какое: брат мой, Виктор Давыдыч, отец Аполлона, имел дела с Купавиным, с мужем Евлампии.
Чугунов. Деньги занимали у Купавина, а больше никаких дел не имели-с.
Мурзавецкая. Да, занимал, и Купавин ему давал. А вот перед смертью братец стал бумажный завод строить, и не хватило у него денег; Купавин обещал дать, да и не дал.
Чугунов. Так точно-с.
Мурзавецкая. А если б Купавин не отказал?
Чугунов. Тогда ваш братец выстроили бы завод. Отчего ж на чужие деньги не выстроить?
Мурзавецкая. Да, выстроил бы и, по его расчету, за уплатой всех долгов нажил бы пятьдесят тысяч. Значит, виноват Купавин, что Аполлон нищий остался. Ну, надо правду сказать, Вукол, братец покойник прихвастнуть любил, я всегда ему только вполовину верила; так вот я теперь, может, и себя обижаю, а считаю за Купавиной только двадцать пять тысяч, а не пятьдесят.
Чугунов. Считать можно-с.
Мурзавецкая. Да и говорю везде, по всему городу славлю, что Купавины должны Аполлону, что они ограбили у меня племянника.
Чугунов. И говорить можно-с.
Мурзавецкая. «Можно» да «можно»! А чего нельзя-то, по-твоему?
Чугунов. Нельзя этих денег получить-с. Никто не обязан взаймы деньги давать-с, на это есть добрая воля. Хоть Купавин и не дал взаймы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать с него за это ничего нельзя, потому что строят-то на свои...
Мурзавецкая. Ах ты, ворона! Да разве я глупей тебя? Разве я не понимаю, что по законам, по тем, что у вас в книгах-то написаны, тут долга нет. Так у вас свои законы, а у меня свои; я вот знать ничего не хочу, кричу везде, что ограбили племянника.
Чугунов. Ваша воля, вам запретить никто не может.

Мурзавецкая. Так ведь не сдуру же я. Как ты думаешь, а? Сдуру я, или у меня есть в голове что-нибудь?

Чугунов. Стало быть, есть.

Мурзавецкая. На совесть я на людскую надеюсь, все еще в совести людской не изверилась... Думаю: Евлампия женщина добрая, деликатная, не потерпит, чтоб про нее такой разговор был.

Чугунов. Полагаете, заплатит?

Мурзавецкая. Нет, не полагаю. Велики деньги, где ж заплатить! А мы мировую сделаем.

Чугунов. Сколько ж вы по мировой получить надеетесь?

Мурзавецкая. Ничего не хочу я получать; а женим Аполлона на ней, вот и квит. Из того только я и бьюсь, из того и сыр-бор загорелся, и разговор об долге пошел.

Чугунов *(с испугом встает)*. Матушка, матушка!

Мурзавецкая. Чего ты испугался?

Чугунов. Ведь уж тогда вы, благодетельница, все управление в свои ручки возьмете?

Мурзавецкая. Разумеется, возьму.

Чугунов. А я-то куда же, благодетельница?

Мурзавецкая. А куда хочешь. Вот, очень мне нужно! Будет с тебя, нагрел руки-то.

Чугунов. Нет, матушка-благодетельница, нет, разве малость самую. Мне вот к усадьбишке пустошь прикупить хочется, рядом продается, три тысячи просят.

Мурзавецкая. Не жирно ли, Вукол?

Чугунов. И ни за чем бы я больше не погнался, на всю жизнь кусок хлеба, и кляузы брошу.

Мурзавецкая. Коли дело сделается, я тебе тысячу рублей дам, а остальные сам промышляй покуда, сколачивай как-нибудь, я тебе не судья. Только не больше; а две тысячи хоть и у Купавиной своруешь, так не бойся, ее не разоришь.

Чугунов. Только вы-то, благодетельница, не осудите, вы-то не осудите; а то никого мне не страшно, уж я себя не обижу.

Мурзавецкая. Ну, об тебе-то довольно толковать, ты меня-то послушай!

Чугунов. Слушаю, благодетельница.

Мурзавецкая. По-моему, всякая баба — дрянь, хоть ты ее золотом осыпь, все ей самой-то цена — грош.

А Евлампия теперь с деньгами-то, пожалуй, очень высоко думает о себе: тот ей не пара, другой не жених.

Чугунов. Насчет этого я в их мысли проникнуть не могу-с.

Мурзавецкая. Я ведь девица старая, я мужчин разбирать не умею; может быть, Аполлон и в самом деле плохой жених; да, понимаешь ты, что я этого и знать не хочу; я своему родному добра желаю, а до нее мне и горя мало... так вот, если она заупрямится, надо нам с тобой, Вукол, придумать, чем пугнуть ее.

Чугунов. Будем придумывать, благодетельница.

Мурзавецкая. Ну, и думай! Как по-твоему, кому ты должен служить: мне или ей?

Чугунов. Никому, кроме вас, благодетельница.

Мурзавецкая. Вот и сослужи своей благодетельнице службу великую, избавь ее от заботы! Ведь иссушил меня племянничек-то.

Чугунов. Ничего-с, можно-с, не извольте беспокоиться. Я имею полную доверенность от Евлампии Николаевны, могу все дела вести и миром кончать.

Мурзавецкая. Ну, так что же?

Чугунов. Надо бы какой-нибудь счетец старый найти, или в книгах конторских нет ли каких расчетов, на чем вам претензию основать... да я поищу-с. Потом мы с Аполлоном Викторычем дело и кончим миром у мирового. Я какой вам угодно долг признаю, хоть во сто тысяч. Выдадут Аполлону Викторычу исполнительный лист, вот уж тогда дело будет крепко, таким документом пугнуть можно-с! Выходи замуж, а то, мол, разорю.

Мурзавецкая. Да, да, да... вот, вот, мне только того и нужно. Ну, да еще это дело впереди, может быть, и без того сладим. А заупрямится, так уж не взыщи... Что греха таить, я для своей родни криводушница.

Чугунов. А кто ж без греха-то? Кто похвалится, благодетельница?

Мурзавецкая. У Евлампии наличные деньги есть?

Чугунов. Как не быть, есть.

Мурзавецкая. Что ж она, забыла, что ли? Я ей не раз напоминала. Муж ее обещал дать мне тысячу рублей на бедных... да уж не помню, на словах он говорил или письмо было от него. «В завещании, говорит, я этих денег не помещаю, все равно, когда умру, вам

жена моя заплатит». Кажется, было письмо. Ты смотрел в моих бумагах?

Чугунов. Раз пять пересматривал, на дом брал-с.

Мурзавецкая. Нет?

Чугунов. Нет-с.

Мурзавецкая. Жаль. Не верить мне она не смеет, а все-таки, пожалуй, поморщится.

Чугунов. Так что же-с, можно-с...

Мурзавецкая. Что «можно»?

Чугунов. Да письмо найти, коли оно нужно-с.

Мурзавецкая. Ведь уж ты искал?

Чугунов. Искал, да не там, где надобно; сдуру-то только время потерял даром. *(Вынимает из кармана письмо и подает Мурзавецкой.)* Вот извольте, матушка-благодетельница, нашлось.

Мурзавецкая *(прочитав про себя письмо)*. Его рука, его. Что такое? Уж не колдовство ли?

Чугунов. Как можно, благодетельница... грех этакий! возьму ли я на свою душу?..

Мурзавецкая. А не колдовство, так не много лучше,— это подлог; за это Сибирь. *(Отдает письмо Чугунову.)*

Чугунов. Что это вы какие слова говорите! Зачем, благодетельница, такие слова говорить! Ну, что за подлог? Умное дело — вот как это называется. Такая воля была господина Купавина; а не все ли равно, что на словах, что на письме он ее выразил. А если без письма-то Евлампия Николаевна не поверит да денег не даст, так не больше ли тогда греха-то будет? И воля покойного не будет исполнена, и бедным на помин его доброй души ничего не достанется.

Мурзавецкая. А если я тебя обманула, если он не обещал мне?

Чугунов *(хочет разорвать письмо)*. Так ведь вот... долго ли?

Мурзавецкая. Что ты, что ты! Постой! Подай сюда. *(Берет письмо.)*

Чугунов. Жаль, что мало, Меропа Давыдовна,— вот что надо сказать.

Мурзавецкая. Чего мало?

Чугунов. Да денег-то. Уж заодно бы...

Мурзавецкая. Да что ты, пропащий! Ведь только обещано.

Чугунов. То-то я и говорю; жаль, что мало обещано, а уж писать-то бы все одно.

Мурзавецкая. Разбойник ты на́чисто, Вукол, как погляжу я на тебя. Вот я бедным помогаю, так для них можно и душой покривить, грех небольшой; а ты, поди, и для своей корысти от такого баловства непрочь. *(Прячет письмо в карман и грозит Чугунову.)* Эй, Вукол, совесть-то, совесть-то не забывай, пуще всего! Ведь это дело уголовное.

Чугунов. Уголовное, благодетельница, уголовное.

Мурзавецкая. Сам, что ли?

Чугунов. Где уж самому! Руки трясутся... Племянник.

Мурзавецкая. Горецкий?

Чугунов. Он, благодетельница. Думали, ничего из парня не выдет, не учился нигде и грамоте едва знает, отдали частному землемеру в помощники, так все одно, что бросили... И вдруг какое дарование открылось! Что хотите дайте, точка в точку сделает.

Мурзавецкая. Введет он тебя в беду с этим дарованием-то.

Чугунов. Побаиваюсь, благодетельница... А прогнать жаль, неровен час и понадобится; не себе, так добрым людям услужить. *(Взглянув в окно.)* Кто-то подъехал к вам. Уж вы меня отпустите! *(Целует руку Мурзавецкой.)*

Мурзавецкая. Прощай, Вукол, спасибо.

Чугунов. Коли опять что понадобится, только, благодетельница, мигните, я всей душой. *(Уходит.)*

Входит Павлин.

Павлин. Господин Лыняев с Анфусой Тихоновной подъехали.

Мурзавецкая. Проси!

Павлин уходит. Входят Лыняев и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мурзавецкая, Лыняев, Анфуса и Павлин у двери.

Лыняев. Ух! Здравствуйте!

Мурзавецкая *(поцеловавшись с Анфусой)*. Здравствуй, телепень! Садитесь, гости будете. Где ты эту красавицу-то поддел?

Лыняев. У гостиного двора Евлампия Николаевна навязала; она к вам заедет за ней.

Мурзавецкая *(Анфусе)*. Тебе, сирота, чайку?

Анфуса. Да, уж бы, чайку бы уж...

Мурзавецкая *(Павлину)*. Подай чаю Анфусе Тихоновне.

Павлин уходит.

(Лыняеву.) А кабы не поручение, ты бы и не заехал ко мне, пожалуй?

Лыняев. Не заехал бы сегодня, дел ведь у нас с вами никаких нет.

Мурзавецкая. Да не все по делу; а так, навестить старуху, побеседовать?

Лыняев. Ведь у нас одна беседа: ближних судить. А мне некогда сегодня критикой заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая. Ну, да как же! Деловой человек, важные занятия! А приедешь домой, на диван ляжешь, я ведь знаю. Все диваны пролежал, поминутно пружины поправляют.

Лыняев. Положение-то горизонтальное больно заманчиво.

Павлин приносит на подносе чайник, чашку и сахарницу. Анфуса наливает и пьет вприкуску.

Мурзавецкая *(Анфусе)*. Вот тебе и работа, и пей сиди! *(Лыняеву.)* На что это похоже, как ты разбух!

Лыняев. Сердце у меня доброе, и совесть чиста, вот и толстею. Да теперь похудею скоро, забота есть.

Мурзавецкая. Вот редкость-то! Что за забота?

Лыняев. Волка хочется поймать, травленого. На след никак не попаду.

Мурзавецкая. Ах ты, судья праведный! Ну, дай бог нашему теляти да волка поймати!

Лыняев. Завелся в нашем округе какой-то сутяга, что ни съезд, то две-три кляузы, и самые злостные. Да и подлоги стали оказываться. Вот бы поймать, да в окружной!

Мурзавецкая. Ах, какой храбрый! А ты вот что скажи: отчего ты людям-то не кажешься, ни у кого не бываешь?

Лыняев. Боюсь.

Мурзавецкая. Что ты, маленький, что ли?

Лыняев. Кабы маленький, так бы не боялся: маленькому-то не страшно.

Мурзавецкая. Да чего, скажи на милость?

Лыняев. Женят.

Мурзавецкая. Вот страсть какая! Бобылем-то разве лучше жить?

Лыняев. Кому не страшно, а я боюсь до смерти, и уж где есть девицы, я в тот дом ни ногой.

Мурзавецкая. Как же ты ко мне-то ездишь? Мы обе девицы: и я, и Глафира.

Лыняев. Ведь у вас монастырь: кротость, смирение, тишина.

Мурзавецкая. Ну, и нам тоже пальца-то в рот не клади! Так вот отчего ты людей-то боишься.

Лыняев. Да разве кругом нас люди живут?

Мурзавецкая. Батюшки! Да кто же, по-твоему?

Лыняев. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать.

Мурзавецкая. И барышни тоже волки?

Лыняев. Самые опасные. Смотрит лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и влепится. *(Встает и берет шляпу.)*

Мурзавецкая. Тебе всё волки мерещатся,— пуганая ворона куста боится. А меня ты куда ж? Да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть и женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу.

Лыняев. Честь имею кланяться! До свиданья, Анфуса Тихоновна. *(Уходит.)*

Мурзавецкая. Ну, вот приехал, а что умного сказал? Часто он у вас бывает?

Анфуса. Не то чтоб, а так уж... по соседству... известно уж...

Мурзавецкая. Любезничает с Евлампией-то?

Анфуса. Да уж... Где уж... куда уж...

Мурзавецкая. Что ж он у вас делает?

Анфуса. Да уж все... *(Махнув рукой, зевает.)* Вот тоже.

Мурзавецкая. Он зевает, а ты, пожалуй, и вовсе спишь. Плохой ты сторож, надо тебе хорошего помощника дать.

Павлин *(растворяя двери)*. Евлампия Николаевна.

Входит Купавина.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Мурзавецкая, Анфуса, Купавина.

Мурзавецкая. Здравствуйте, богатая барыня! Благодарю, что удостоили своим посещением!

Купавина. Я не редко бываю у вас, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая *(сажает Купавину на свое кресло)*. Сюда, сюда, на почетное место!

Купавина. Благодарю вас. *(Садится.)*

Мурзавецкая. Как поживаете?

Купавина. Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Замуж хочется?

Купавина. Куда мне торопиться-то? Мне уж надоело под чужой опекой жить, хочется попробовать пожить на своей воле.

Мурзавецкая. Да, да, да! Вот что? Только ведь трудно уберечься-то, коли женихи-кавалеры постоянно кругом увиваются.

Купавина. Какие женихи? Какие кавалеры? Я ни одного еще не видала.

Мурзавецкая. Полно, матушка! Что ты мне глаза-то отводишь? Я старый воробей, меня на мякине не обманешь!

Купавина. Так вы, значит, больше моего знаете.

Мурзавецкая. А Лыняев-то, Лыняев-то при чем у тебя?

Купавина. Не угадали! Ошиблись, Меропа Давыдовна. Что мне за неволя идти за Лыняева? Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, совсем не такой мужчина, чтоб мог нравиться.

Мурзавецкая. Стар, стар для тебя. Хоть и выдешь за него, а что проку-то! Ни вдова, ни замужняя. Уж что Лыняев за муж? Распетушье какое-то.

Анфуса. А что же... уж... как же это, уж?..

Мурзавецкая. Ну вот, объяснять еще тебе? Я ведь девица, барышня. Вот свяжись с бабами разговаривать, не согреша, согрешишь.

Купавина. Нет, я хочу подождать.

Мурзавецкая. А я говорю: выходи!

Купавина. Вы советуете?

Мурзавецкая. Выходи, выходи!

Купавина. За кого?

Мурзавецкая. А за кого, об этом подумаем, на то бог ум дал.

Анфуса. Да, да... уж...

Мурзавецкая. Что ты дакаешь-то? Дал бог ум, да не всякому; тебя обидел, не дал,— не взыщи.

Анфуса *(махнув рукой)*. Ну, ну, уж вы... сами; а я... что уж!..

Мурзавецкая. Ты за старика Купавина-то шла, уж не

скажешь, что по любви, а за богатство за его, за деньги.

Купавина. Да ведь вы...

Мурзавецкая. Да что: «вы»! Уж ау, матушка! Продала себя. А это нехорошо, грех.

Купавина. Да ведь вы сами сосватали, а я разве понимала тогда?

Мурзавецкая. Да ты не ершись, я тебе не в укор говорю, я об душе твоей забочусь. Тебе теперь что нужно для очистки совести? Полюбить нужно небогатого, выйти за него замуж, да и наградить богатством-то своим любимого человека,— вот ты с грехом и расквитаешься.

Купавина. Легко сказать: полюбить.

Мурзавецкая. В твои года долго ли полюбить, только не будь разборчива. Ты молода, так ищи молодого; тебе хочется на своей воле жить, самой большой быть,— так найди бедного, он по твоей дудочке будет плясать; у тебя ума-то тоже не очень чтоб через край, так выбирай попроще, чтоб он над тобой не возносился. Так, что ли, я говорю?

Купавина. Я с вами согласна, да где ж найдешь такого?

Мурзавецкая. Найдем, свет-то не клином сошелся. Я найду, я найду. Только уж ты, коли добра себе желаешь, сама не мудри, а на меня расположись. Ты меня слушай, благо мне забота об тебе припала. Не обо всякой ведь я тоже хлопотать-то буду, а кого полюблю.

Купавина. Благодарю вас.

Мурзавецкая. Ох, милые вы мои, пользуйтесь моей добротой, пока я жива; умри я, так вот что надо сказать, матери родной лишитесь.

Анфуса *(утирая слезы)*. Уж что уж... уж...

Мурзавецкая *(Анфусе)*. Полно ты плакать-то, погоди, я еще жить хочу. *(Купавиной.)* А вот что, красавица ты моя, о себе-то ты помнишь, а мужа-то поминаешь ли как следует?

Купавина. Поминаю.

Мурзавецкая. То-то, поминаешь! А надо, чтоб и другие поминали; бедных-то не забывай, их-то молитвы доходчивее.

Купавина. Да я помню... вы говорили мне... я привезла.

Мурзавецкая. Что это ты, словно сквозь зубы цедишь?

Этак мне, пожалуй, и не надобно. Разве так добро-то делают? Не свои я тебе слова-то говорила.

Купавина. Да я вам верю.

Мурзавецкая. Видно, плохо веришь. Аль думаешь, что я у тебя выханжить хочу? Так на вот, посмотри! *(Вынимает из кармана письмо.)*

Купавина. Да не нужно, уверяю вас.

Мурзавецкая. Нет, матушка, чужая душа потемки. *(Подает ей письмо.)* Чего боишься-то, возьми.

Купавина берет письмо.

Кто это писал?

Купавина. Муж мой.

Мурзавецкая. А что писано?

Купавина. То самое, о чем вы говорили!

Мурзавецкая. Ну, так вот, ты и верь мне!

Купавина. Да я никогда и не сомневалась. *(Открывает сумку, кладет туда письмо и вынимает деньги.)* Вот извольте!

Мурзавецкая. Что это ты мне даешь?

Купавина. Деньги.

Мурзавецкая. Да я и браться-то за них не люблю; как-то гадко мне в руках-то держать эту мерзость.

Купавина. Сочтите по крайней мере.

Мурзавецкая. Вот, нужно очень! Не мне эти деньги, нечего мне об них и руки марать! Коли не хватит, так не меня ты обманула, а сирот; лишние найдутся, так лишний человек за твоего мужа помолится. Ты еще, пожалуй, расписку попросишь,— так не дам, матушка; не бойся, других не потребую.

Купавина. Куда ж мне их деть?

Мурзавецкая. А положи на столик, в книгу.

Купавина *(положив в книгу деньги)*. Тетя, не пора ли нам?

Анфуса. Да я... что ж я... я вот...

Купавина *(Мурзавецкой)*. У вашего племянника есть какая-то претензия на моего мужа, я слышала?

Мурзавецкая. А ты беспокоишься? Напрасно. Тебе какое дело, что твой муж его ограбил? Нищий, так нищий, ну, и проси милостыню да с горя по кабакам шляйся! Вот как живи, так богата будешь. Аль ты не такая? Ну, хорошо, я сама к тебе заеду, потолкуем об этом; скоро, скоро заеду.

Купавина. Так до свидания, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Прощайте, дорогие гостьи! *(Смотрит на Купавину.)* Добрая у тебя душа, Евлампеюшка! Дай тебе бог счастья *(шепотом)*, мужа хорошего! Ведь вот я как тебя люблю, словно ты мне дочь. *(Анфусе.)* Ишь ты, кутаешься, точно в Киев.

Купавина *(в дверях)*. Прощайте!

Мурзавецкая *(в дверях)*. Велите кучеру поосторожней ехать!

Анфуса. Уж мы, уж... я уж...

Купавина и Анфуса уходят. Мурзавецкая вынимает деньги из книги и считает; часть кладет в книгу, а остальные себе в карман. Садится в кресло и звонит. Входят Павлин и Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Мурзавецкая, Глафира, Павлин.

Павлин. Что прикажете, сударыня?

Глафира стоит подле Мурзавецкой, опустя глаза в землю.

Мурзавецкая *(Павлину)*. Слушай хорошенько! Я передумала, надо расплатиться со всеми. Люди не ангелы, что их искушать-то. Посмотри в книге, нет ли денег.

Павлин *(раскрыв книгу)*. Есть, сударыня.

Мурзавецкая. Возьми!

Павлин берет деньги.

Много ли мы должны?

Павлин. Без малого пятьсот рублей-с.

Мурзавецкая. А у тебя сколько?

Павлин *(сосчитав)*. Так точно-с.

Мурзавецкая. Раздай всем. Ступай!

Павлин. Слушаю-с. В газетах надо этакие-то оказии печатать. *(Уходит.)*

Мурзавецкая. Глафира, я хочу дать тебе послушание.

Глафира. Приказывайте, матушка.

Мурзавецкая. Я тебя свезу сегодня к Купавиной; подружись с ней, да в душу-то к ней влезь; она женщина не хитрая; а тебя учить нечего.

Глафира. Слушаю, матушка.

Мурзавецкая. Да коли увидишь, что Мишка Лыняев обходит ее, так не давай им любезничать-то, а постарайся разбить, очерни его перед ней,— а Аполлона хвали!

Глафира. О, с удовольствием, матушка, с удовольствием.

Мурзавецкая. Да и сама-то на Лыняева глаз не закидывай! У меня для него готова невеста.
Глафира. Мои мечты другие, матушка; моя мечта — келья.
Мурзавецкая. Этот кус не по тебе.
Глафира. Я о земном не думаю.
Мурзавецкая *(подняв глаза к небу)*. Ах, окаянная я, окаянная! *(Глафире.)* Глафира, я окаянная. Что ты на меня смотришь? Да, вот, я окаянная, а ты как думала? Кажется, и не замолить мне, что нынче нагрешила. Бабу малоразумную обманула,— все равно, что малого ребенка. И обедать не буду, буду поклоны класть. И ты не обедай, постись со мной! Сейчас, сейчас в образную! И ты, и ты... *(Встает.)*

Глафира берет ее под правую руку.

Веди меня! *(Идет, как бы совсем обессилев.)* Согрешила я, окаянная, согрешила.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

КУПАВИНА.
АНФУСА.
ЧУГУНОВ.
ЛЫНЯЕВ.
МУРЗАВЕЦКАЯ.
МУРЗАВЕЦКИЙ.
ГЛАФИРА.

Изящно меблированная комната в усадьбе Купавиной. Дамский письменный стол со всем прибором; в глубине растворенная дверь в залу; две двери по сторонам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Купавина выходит из боковой двери с правой стороны, потом Чугунов.

Купавина *(садясь у стола)*. Кто там в зале?
Чугунов *(из залы)*. Мы, Евлампия Николаевна, мы с Анфусой Тихоновной, в дурачки играем, стариковское наше дело.

Купавина. Подите сюда, Вукол Наумыч!

Чугунов входит.

Садитесь!

Чугунов. Благодарю покорно. Сяду, сяду-с. *(Садится.)*

Купавина. Какие дела были у моего мужа с племянником Мурзавецкой?

Чугунов. С отцом его были расчеты какие-то.

Купавина. Меропа Давыдовна везде кричит, что мы ее племянника ограбили.

Чугунов. Строгая они дама-с, Меропа Давыдовна-с.

Купавина. Что же им нужно от меня?

Чугунов. Да вам зачем беспокоиться, головку утруждать! Я-то при чем у вас? Даром, что ль, я жалованье-то получаю?

Купавина. Для меня этот разговор очень неприятен. Кончите с ними как-нибудь поскорее!

Чугунов. Миром прикажете?

Купавина. Я ведь не понимаю; а, конечно, миром лучше всего.

Чугунов. Слушаю-с. А как насчет денег, если понадобятся?

Купавина. У меня денег наличных немного.

Чугунов. Вот это жалко-с. Такая вы знаменитая у нас барыня, и как вы себя стесняете в деньгах, даже удивительно.

Купавина. Да где ж я их возьму?

Чугунов. Помилуйте! Да прикажите мне, сколько вам угодно, столько у вас и будет.

Купавина. Так найдите мне денег, Вукол Наумыч!

Чугунов. Да я и искать не стану, только одно ваше имечко золотое нужно. Имечко вам подписать, только и труда, вот и деньги.

Купавина. Что подписать? Я вас не понимаю.

Чугунов. А вот я вам сейчас на деле объясню-с. Извольте перышко взять. Вот и бумажка кстати нашлась. *(Вынимает из кармана вексельную бумагу.)*

Купавина. Какая странная бумага!

Чугунов. Да-с, чудных таких понаделали. Извольте писать тут внизу: «Вдова полковника, Евлампия Николаевна Купавина».

Купавина пишет.

Только и всего-с, вот и деньги. *(Засыпает песком.)* Случится кому платить, тогда напишем вот тут на бумажке пятьсот рублей или тысячу, и готово.

Купавина. Понимаю теперь.

Чугунов несколько раз робко берется за вексель, но при взгляде Купавиной отдергивает руку.

Что вы делаете?

Чугунов. Да не затерялся бы как.

Купавина. Так уберите.

Чугунов. Куда прикажете?

Купавина. Да куда хотите. Возьмите к себе в портфейль!

Чугунов. Как вы изволили сказать-с? Мне к себе взять?

Купавина. Ну да. Что же вы сомневаетесь?

Чугунов. Я-то не сомневаюсь, да как же вы-то-с? А коли ваше такое расположение, так покорнейше вас благодарю. *(Берет вексель.)*

Купавина. За что вы меня благодарите?

Чугунов. Да как же, такая награда-с.

Купавина. Какая награда?

Чугунов. А доверие чего стоит-с? Кто ж это сделает у нас в губернии? Да ни один человек. Чугунову в руки бланк! Конечно, все мы люди, Евлампия Николаевна, все человеки, бедность, семья... а уж и ославили: «Вуколка плут, Вуколке гроша поверить нельзя». А вы вот что! На-ка!

Купавина. Хорошо, хорошо! Только, пожалуйста, разочтитесь поскорей с Мурзавецкими.

Чугунов. Что Мурзавецкие! Мизинца они вашего не сто́ят. А то плут! Ну, плут; а ведь тоже чувство. *(Ударяет себя в грудь.)* Вот они, слезы-то. Они даром не польются. *(Целует руку у Купавиной.)* Ну, как я теперь против вас какую-нибудь такую... большую подлость сделаю! Это мне будет очень трудно и очень даже совестно!

Купавина. Постойте-ка! Кажется, кто-то есть в зале.

Чугунов. Гости, должно быть-с. Я в конторе буду-с. *(Уходит налево.)*

Купавина *(подойдя к двери в залу)*. Тетя, с кем вы там разговариваете?

Входит Лыняев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Купавина, Лыняев.

Купавина. А, это вы, Михайло Борисыч!

Лыняев. Здравствуйте! Давно вы из городу?

Купавина. Только приехали.

Лыняев. А я вас на почте прождал. Что бы вам потрудиться заглянуть туда! А то заставляете две версты крюку делать, заезжать к вам.

Купавина. Извините! Я не ждала ни от кого писем.

Лыняев. А не мешало бы полюбопытствовать.

Купавина. Разве есть?

Лыняев. От друга, от Василья Иваныча Беркутова два письма; одно ко мне, другое к вам. *(Отдает Купавиной письмо.)*

Купавина *(положив письмо на стол)*. Вы уж, вероятно, свое прочитали? Что же он пишет?

Лыняев. Да вы свое-то не откладывайте, прочтите, не церемоньтесь!

Купавина. Успею, успею. К чему торопиться, Михайло Борисыч!

Лыняев. Прочитайте, прочитайте! Приятную новость узнаете.

Купавина. Будто?

Лыняев. Он сегодня или завтра приедет в усадьбу. Вот радость-то!

Купавина. Для кого?

Лыняев. Для меня, да и для всех, я думаю. Разве вы-то?..

Купавина. Да уж не так, как вы. Вы меня простите, Михайло Борисыч, если я не побегу встречать его за пять верст.

Лыняев. Бедный друг мой! Чует ли его сердце, какое равнодушие ожидает его здесь!

Купавина. Что ж делать-то, где ж мне взять много-то радости? Сколько есть.

Лыняев. Зачем вы в город ездили?

Купавина. Тысячу рублей денег свезла.

Лыняев. Кому?

Купавина. Меропе Давыдовне.

Лыняев. Да полноте! Зачем, с какой стати?

Купавина. На бедных, по приказанию покойного мужа.

Лыняев. Да никакого приказания не было, никогда он и не думал приказывать. Он терпеть не мог Мурза-

вецкую и называл ее ханжой. Как вас обманывают-то, ай, ай!

Купавина. Вот вы всегда так несправедливы к Меропе Давыдовне. Когда вы перестанете обижать ее, эту почтенную женщину? Вот посмотрите! *(Подает ему письмо, которое взяла у Мурзавецкой.)*

Лыняев *(рассматривая письмо)*. Ну, что хотите со мной делайте, а это подлог!

Купавина. Что вы, что вы, Михайло Борисыч! Возможное ли это дело?

Лыняев *(с жаром)*. Кто у нее эти штуки работает?

Купавина. Да перестаньте! Мне дико слушать.

Лыняев. Позвольте мне взять это письмо ненадолго.

Купавина. Возьмите, только, пожалуйста, не делайте скандала и не ссорьте меня с Меропой Давыдовной; у меня с ней есть серьезное дело.

Лыняев. Никакого дела, уверяю вас. Я все ваши дела знаю.

Купавина. Не у меня, а у моего мужа были какие-то счеты с Мурзавецким, с братом ее.

Лыняев *(с жаром)*. Да никаких счетов и не бывало; это опять какая-нибудь подьяческая кляуза.

Купавина. Да успокойтесь, это до вас не касается. Я поручила Вуколу Наумычу покончить это дело миром; я уж и подписала.

Лыняев. Ах, боже мой! Не подписывайте вы ничего, не посоветовавшись со мной! Что вы подписали?

Купавина. Не бойтесь! Что я подписала, там ничего не было.

Лыняев. Да почем вы знаете, что ничего не было?

Купавина. Вот мило! У меня глаза есть.

Лыняев. Да что вы с вашими глазами разберете! Тут надо быть юристом.

Купавина. Ах, это смешно наконец. Зачем юристом, когда ничего нет.

Лыняев. Как «ничего»?

Купавина. Так, ничего, чистая бумага.

Лыняев. Час от часу не легче! Да вы подписали бланк.

Купавина. Какой бланк?

Лыняев. Вексель. Там, где ничего-то нет, могут написать что угодно и взыскать с вас пятьдесят, сто тысяч.

Купавина. Какие страсти! Как вы дурно думаете о людях! Да Чугунов со слезами благодарил меня за доверие. Он плакал, говорю я вам.

Лыняев. И крокодилы плачут, а все-таки по целому теленку глотают.

Купавина. Так с меня непременно взыщут сто тысяч?

Лыняев. Хоть не сто тысяч, а что-нибудь взыщут непременно.

Купавина. Да почем вы знаете?

Лыняев. На это я вам отвечу русской сказкой: «Влез цыган на дерево и рубит сук, на котором сидит. Идет мимо русский и говорит: «Цыган, ты упадешь!» — «А почем ты знаешь,— спрашивает цыган,— разве ты пророк?»

Купавина. Это глупо, глупо, Михайло Борисыч. Кто ж станет рубить тот сучок, на котором сидит?

Лыняев. Нет, очень умно. Я на каждом шагу вижу людей, которые точно то же делают, что этот цыган. И уж сколько раз мне приходилось быть таким пророком.

Купавина. Я понимаю, куда клонится этот разговор,— вам хочется попасть па свою любимую тему — что женщины ничего не знают, ничего не умеют, что они без опеки жить не могут. Ну, так я вам докажу, что я сумею вести свои дела и без посторонней помощи.

Лыняев. Дай вам бог! А еще лучше, если б вы раскаялись в своем заблуждении как можно скорее, пока еще не успели погубить своего состояния.

Купавина. Оставайтесь обедать!

Лыняев. Пожалуй, я только отдохну немного в беседке. Позволите?

Купавина. Ступайте, еще обед не скоро.

Анфуса *(из залы)*. Гости... уж тут... они.

Купавина. Кто, Мурзавецкая?

Анфуса *(из залы)*. Да, уж...

Лыняев. Нет, извините! По два раза в день ее видеть для меня слишком много. Я пойду в сад, она меня и не заметит. Можно тут пройти? *(Указывает в дверь налево.)*

Купавина. Сделайте одолжение! До свиданья! *(Идет в залу.)*

Лыняев уходит в дверь налево. Из залы входят Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Ну, вот я к тебе со всем двором опричь хорóм.

Купавина. Милости просим!

Мурзавецкая. Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего, принимать надо. Вот *(указывая на племянника)* пристал.

Мурзавецкий. Ах, ма тант, лесе!

Мурзавецкая. Замолчи, пожалуйста! Разве я что дурное говорю? Ты всегда к ней можешь приехать, и принять тебя она должна с честью; ты не баклуши бить, не лясы точить; ты за своим делом, кровным. Вот пусть-ка она послушает.

Купавина. Я с удовольствием.

Мурзавецкая. Ну уж, какое удовольствие! Это дело, матушка, к богу вопиет; вот что я тебе скажу.

Купавина. Так объясните мне, в чем оно.

Мурзавецкая. Не мое, так мне и объяснять нечего. Он обижен, он тебе и расскажет. Поговорите, так, бог даст, и сладите. Коли умна, так догадаешься, не дашь себя разорить; а заупрямишься, так не взыщи, своя рубашка к телу ближе.

Купавина. Чем потчевать прикажете?

Мурзавецкая. Что за потчеванье! Я ведь от тебя к празднику в гости еду. У вас тут храмовой праздник неподалеку, а ты, чай, и не знаешь?

Купавина. Как не знать! На моем лугу гулянье бывает. А от чаю все-таки не откажетесь?

Мурзавецкая. Да, пожалуй.

Купавина. Тетя!

Анфуса. Уж я... уж давно... уж, гляди, готов...

Мурзавецкая. А вот эту девицу, извини, я к тебе погостить привезла.

Купавина. Очень вам благодарна.

Мурзавецкая. Думала, скучно одной-то, с Анфусой-то не много разговоришься, вот, мол, ей птицу-перепелицу, все-таки зубки почесать есть с кем.

Купавина. Извините меня! Я на одну минуту, я только покажу Глафире Алексеевне ее комнату. *(Глафире.)* Пойдемте.

Купавина и Глафира уходят в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мурзавецкая, Мурзавецкий, Анфуса, потом Купавина.

Мурзавецкая. Хороша усадьба-то?

Мурзавецкий. Маньифик.

Мурзавецкая. Покоряй вдовье сердце, твоя будет. Только не ударь себя в грязь лицом!

Мурзавецкий. Что вы, ма тант? Я-то?

Мурзавецкая. Да, ты-то. Разговариваешь ты смело; а верится тебе что-то плохо.

Мурзавецкий. Десять слов.

Мурзавецкая. Что: «десять слов»?

Мурзавецкий. Я больше с женщинами никогда не говорю. Десять слов, и довольно, готово, вот по сих пор. *(Показывает на уши.)*

Мурзавецкая. Ну, хоть и не десять, только бы...

Мурзавецкий. Нет, больше десяти, ма тант, нельзя: опасно, черт возьми!

Мурзавецкая. Уж и опасно?

Мурзавецкий. Пароль донёр! В реки бросаются, что за приятность!

Мурзавецкая. А вот посмотрим.

Входит Купавина.

Купавина. Тетя, разлейте чай!

Анфуса. Я вот... я... *(Хочет идти.)*

Мурзавецкая. Пойдем, и я с тобой. Терпеть не могу из лакейских рук; то ли дело усесться подле самоварчика. *(Уходит с Анфусой в дверь налево.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мурзавецкий, Купавина.

Купавина. А вы чаю не хотите?

Мурзавецкий. Муа? Чаю? Ни за какие пряники! Жаме де ма ви! Бабье занятие.

Купавина. Ну, как угодно. Вы желали со мной о вашем деле поговорить?

Мурзавецкий. Желал-с, страстно желал.

Купавина. Так обратитесь к Вуколу Наумычу, я ему поручила это дело.

Мурзавецкий. Что такое Вукол Наумыч? Компрене ву, подьячий; а вы, вы! Это... нет, как хотите, это разница.

Купавина. Но я с вами говорить не могу, я ничего не понимаю в этом деле.

Мурзавецкий. Да что дело! Что такое дело? Счеты — расчеты. Клюшки — коклюшки! Что значит это дело в сравнении с вечностию и, чуть было не сказал, с соленым огурцом! Пардон! Я сказал глупость. Подлейшая привычка говорить остроты! Но это в сторону.

Купавина. Что же вам угодно, я вас не понимаю.

Мурзавецкий. Души низкие ищут денег, души возвышенные ищут блаженства, как сказал один полковой писарь.

Купавина. Но какого же блаженства вы ищете?

Мурзавецкий. Я? О! Слов нет! Чтоб описать это блаженство, таких слов нет.

Купавина. Так, значит, я и не узнаю? Жаль.

Мурзавецкий. Небесные очи, томные улыбки, там разные фигли-мигли, нежности-белоснежности и прочее, и прочее,— все это вздор! Позвольте с вами говорить откровенно!

Купавина. Сделайте одолжение!

Мурзавецкий. Вы не увидите меня на коленях пред собой. Нет, уж это атанде. Я горд.

Купавина. Ах, очень рада.

Мурзавецкий. Но полюбить меня вы должны.

Купавина. Скажите пожалуйста, я и не знала.

Мурзавецкий. Впрочем, это как вам угодно.

Купавина. Да, я думаю.

Мурзавецкий. Я горд, повторяю вам.

Купавина. Я слышала.

Мурзавецкий. Да... Но знаете, какое обстоятельство, черт возьми! По некоторым причинам... я бы вам сказал их, да вы не поймете,— я не служу-с, довольно! Старался, не оценили, ну и довольно. Родового не имею, благоприобретенного не приобрел...

Купавина. Если муж мой действительно был вам должен, вы получите...

Мурзавецкий. Ах, оставьте, лесе! Вы мне надоели. Миль пардон, мадам! Я совсем о другом. Изволите видеть, я чист... Ма тант — старая девка, она не понимает и не может понимать потребностей молодого, холостого офицера, и скупа, как...

Купавина. Я вам говорю, что вы получите.

Мурзавецкий. Вы опять за свое? Это скучно!.. Я иногда должен отказывать себе в самых необходимых удовольствиях. Ну, положим, табак... Мне даже стыдно признаться. Имажине-ву, дворянин — и без табаку!

Купавина. Что же вам угодно?

Мурзавецкий. Апрезан келькшоз.

Купавина. Сколько же вам?

Мурзавецкий. Конечно, взаймы...

Купавина. Ну да, разумеется, но сколько?

Мурзавецкий. А это как вам угодно. Еннё, весьма немного... Однако, все ж таки, не двугривенный.

Купавина *(вынимает из портмоне ассигнацию)*. Пять рублей довольно?

Мурзавецкий. Сетасе. Мерси, гран мерси! Через два дня пароль донёр!

Купавина. Уж извините! Я пойду к дамам! *(Уходит.)*

Мурзавецкий. Нет, ром... ну его! Вреден мне, с моим характером нельзя. Попробую-ка ужо *(щелкает пальцем себя по галстуху)* крамбамбулевой заняться. Как бы только вырваться у ма тант?! *(Прячет деньги в карман.)*

Входит Мурзавецкая.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мурзавецкий и Мурзавецкая.

Мурзавецкая. Ты что это прячешь?

Мурзавецкий. Так, на память выпросил безделушку, сувенирчик маленький. Ма тант, знаете, что мне нужно? Мне нужна свобода.

Мурзавецкая. Неправда.

Мурзавецкий. Нужна, ма тант, нужна. Вот, например, сегодня вечером, если вы меня не отпустите...

Мурзавецкая. Куда это? На гулянье, с пьяными мужиками путаться?

Мурзавецкий. Кель иде! Чего я там не видал?

Мурзавецкая. Так куда ж?

Мурзавецкий *(потирая лоб)*. После, ма тант, после узнаете.

Мурзавецкая. Нет, говори сейчас!

Мурзавецкий *(таинственно)*. Сюда.

Мурзавецкая. Зачем?

Мурзавецкий. За решительным ответом.

Мурзавецкая. Как за «решительным»? Разве ты сделал предложение?

Мурзавецкий. Десять слов. Я ведь, ма тант, без экивоков: так и так, говорю, вуле ву? Она почти согласна, велела вечером приезжать за решительным ответом. Нельзя же не быть.

Мурзавецкая. А не лжешь ли ты?

Мурзавецкий. Же ву засюр. Только вы ей ни-ни! Она просила, чтоб это дело пока осталось антр ну дё.

Мурзавецкая. А что если правда? Да понимаешь ли ты, как это важно для нас?

Мурзавецкий *(серьезно)*. Очень, ма тант, важно, очень.

Мурзавецкая. Право, мне что-то уж не верится; уж больно хорошо. А впрочем, лукавый-то чего не делает!

Мурзавецкий. Верно, ма тант, она моя.

Мурзавецкая. Поезжай, поезжай! Только ты скорей возвращайся от нее, я тебя буду ждать. Не усну ведь я ни за что, ты подумай!

Входят Купавина, Глафира, Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Спасибо этому дому, поедем к другому! Прощайте, крали! Уж не знаю, скоро ли попаду к тебе.

Купавина. Я сама к вам заеду.

Мурзавецкий. Но я, ма тант, скоро буду у мадам Купавиной. Я обязан быть.

Мурзавецкая. Ну, и ладно. *(Купавиной.)* А ты его принимай хорошенько! Вот я и узнаю твое расположение ко мне: коли ласково его принимать будешь, значит, меня любишь; коли ты его обидишь, значит, меня хотела обидеть. Прощайте! Всего не переговоришь.

Уходят Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Анфуса. Входит Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Глафира садится, вынимает из кармана маленькую книжку и погружается в чтение. Входит Купавина.

Купавина. Наконец-то я залучила вас к себе.

Глафира. Ах, это вы? *(Опускает книгу.)* Я давно собиралась к вам; сельская природа так располагает к благочестивым размышлениям.

Купавина. Надеюсь, что вы у меня погостите подольше.

Глафира. Очень благодарна; но боюсь, что вы со мной соскучитесь: я плохая собеседница, я люблю уединение.

Купавина. А я слышала, что вы в Петербурге жили весело.

Глафира. Ваша правда. Я тогда еще не понимала жизни; теперь я смотрю на вещи гораздо серьезнее, житейская суета не имеет для меня никакой цены.

Купавина. Когда же вы успели так изменить свой образ мыслей?

Глафира. Я молода еще, конечно; но под руководством такой женщины, которую почти можно назвать святой, я в короткое время успела сделать много для своей души.

Купавина. А вы кстати приехали.

Глафира. Почему же?

Купавина. Мне нужно посоветоваться, а не с кем было. Вы мне не откажете?

Глафира. Рада служить вам всем, чем могу. Откройте мне свою душу! Впрочем, не надо, я догадываюсь. Вы женщина светская, значит легкомысленная,— вы влюблены?

Купавина. Вы почти угадали.

Глафира. Мне жаль вас.

Купавина. Отчего же?

Глафира. Оттого, что это грех.

Купавина. Небольшой, я думаю.

Глафира. Ну, это судя по человеку, которого вы любите. Богат он или беден?

Купавина. Богат.

Глафира. Так большой грех.

Купавина. Я его люблю не за богатство.

Глафира. Да он-то будет очень рад вашему богатству. А если б вы не навязывались с своей любовью к бо-

гатому человеку, может быть, он женился бы на бедной девушке и осчастливил ее. А то если и богатые женщины хватаются за богатых, так что ж нам-то, бедным девушкам, останется! Я ошиблась, сказавши: «нам»,— мне ничего не нужно, я говорю вообще.

Купавина. Что же мне делать?

Глафира. Возьмите власть над собой, разлюбите его! И если уж вы без любви жить не можете, так полюбите бедного человека, греха будет меньше. Его разлюбить легко, стоит только вглядеться в него хорошенько.

Купавина. В кого? Разве вы его знаете?

Глафира. Конечно, знаю.

Купавина. Сомневаюсь.

Глафира. Вы плохо хитрите, ваш секрет известен всем: вы любите Лыняева.

Купавина. Вы ошибаетесь.

Глафира *(живо)*. Ошибаюсь? Вы говорите, что я ошибаюсь?

Купавина. Да, уверяю вас.

Глафира. Так вы любите не его?

Купавина. Нет. С чего вам в голову пришло?

Глафира. Говорите правду! Я вас умоляю, говорите правду!

Купавина. Да подумайте хорошенько! Ну, что мне в нем?

Глафира. Так извините меня, извините! Довольно играть комедию. Любите кого угодно и сколько вам угодно. Какую я гнусную роль играла перед вами! Ведь я приставлена к вам шпионом, и я взяла эту роль с удовольствием.

Купавина. Зачем же?

Глафира. Я думала, что вы моя соперница.

Купавина. Так вы сами любите Лыняева?

Глафира. Люблю? О нет, зачем же! Но я хочу выйти за него замуж,— это моя единственная надежда, единственная мечта.

Купавина. Но что же значит ваш костюм, ваше поведение, ваши проповеди?

Глафира. Мой костюм, поведение, проповеди — все это маска. Я буду с вами откровенна, только помогите мне.

Купавина. С удовольствием.

Глафира. Я действительно жила в Петербурге очень весело: моя сестра замужем за молодым человеком, очень ловким; он вдруг составил себе большое состояние. Нас окружали только люди богатые: адвокаты, банкиры, акционеры. Мы с сестрой жили в каком-то чаду: катанье по Невскому, в бархате, в соболях; роскошные обеды дома или в ресторанах, всегда в обществе; опера, французский театр, а чаще всего Буфф; пикники, маскарады... Конечно, такая жизнь не серьезна; но кто испытал ее, тому здешняя, копеечная, невыносима. Ах, как невыносима, если бы вы знали!

Купавина. Что заставило вас уехать из Петербурга?

Глафира. Я не знаю, что сделалось. Что-то произошло вдруг для нас с сестрой неожиданное. Сестра о чем-то плакала, стали всё распродавать, меня отправили к Меропе Давыдовне, а сами скрылись куда-то, исчезли, кажется, за границу. Конечно, я сама виновата, очень виновата: мне надо было там ловить жениха,— это было очень легко; а я закружилась, завертелась, как глупая девчонка; я себе этого никогда не прощу.

Купавина. Зачем же вы ходите в черном?

Глафира. А в чем же мне ходить? В старых полинялых обносках, давно вышедших из моды? Грубая черная одежда по крайней мере оригинальна и обращает на тебя внимание; притом же и улыбнуться кому-нибудь и смело окинуть глазами гораздо эффектнее из-под черного платка, чем из-под старомодной шляпки. Но носить это платье можно недолго и только с известной целью; а если вообразить, что придется всю жизнь таскать эту ветошь... О! это можно с ума сойти.

Купавина. Я удивляюсь, как Меропа Давыдовна не найдет вам приличной партии; она такая мастерица пристраивать своих родных.

Глафира. Нет, для меня она ничего не сделает. У ней во всем расчет! Она ловкая женщина, она сумеет выдать и за богатого человека, но только с тем, чтобы взять потом в свои руки и пользоваться всем, чем можно, и еще твердить постоянно, что она вот как облагодетельствовала.

Купавина. Да, это правда.

Глафира. Мы с ней видим друг друга насквозь, и она

хорошо знает, что если я вырвусь от нее замуж, так она только меня и видела. Впрочем, я ей очень благодарна.

Купавина. За что же?

Глафира. Я научилась от нее многому полезному, многому такому, что бедной женщине необходимо в жизни.

Купавина. Именно?

Глафира. Выучилась хитрить, не говорить даром ни одного слова, не иметь стыда, когда чего-нибудь добиваешься, выучилась бесцеремонному обращению, просто наглости, которая у ханжей идет за откровенность и простоту. Жертву я нашла: Лыняев — единственный человек, за которым я могу жить так, как мне хочется, как я привыкла; всякая другая жизнь для меня тягость, бремя, несчастие — хуже смерти. А я сама себе не враг, Евлампия Николаевна, и потому постараюсь во что бы то ни стало выйти за Лыняева; для этого я готова употребить все дозволенные и даже недозволенные средства. Мне кажется, я уж очень откровенна с вами. Извините меня!

Купавина. Нет, нет, я очень хорошо понимаю ваше положение. *(Долго смотрит на Глафиру, потом обнимает ее.)* Ах, если бы мне ваша энергия!

Глафира. А мне ваши деньги! *(Смотрит прямо в глаза Купавиной.)* Поможешь мне? Ты меня видишь девушкой,— посмотри женщиной, что из меня выдет!

Купавина. Все, что от меня зависит, я с радостью... Я хоть погляжу на замужнюю женщину, которая имеет свою волю. А я, бедная, и за тем мужем жила под строгой опекой, да и опять, должно быть, то же будет.

Глафира. Что за мрачные мысли!

Купавина. Так, видно, на роду написано. Я сужу по тому письму, которое мне написал мой возлюбленный. Вот об этом-то я и хотела посоветоваться с тобой.

Глафира. Так расскажи, что за дела у вас!

Купавина. Года три тому назад, когда еще мой муж был жив, приезжал сюда на лето наш сосед, Беркутов.

Глафира. Ну, и...

Купавина. Ну, и... не суди меня строго! Моему мужу было шестьдесят пять лет. Беркутов мне понравился. Впрочем, я вела себя очень осторожно, и он ни в чем не мог заметить моего особенного расположения.

Глафира. А может быть, и заметил.

Купавина. Не знаю... может быть. Он прожил здесь только одно лето и уехал в Петербург; с тех пор я его и не видала; но он в каждом письме к Лыняеву посылал мне поклоны и разные комплименты.

Глафира. Как все это невинно!

Купавина. Очень невинно; а все-таки я попалась. Как-то, месяца три тому назад, пристал ко мне Лыняев: напишите да напишите Беркутову, чтоб он приехал летом в усадьбу,— он вам не откажет.

Глафира. Ты и послушалась, написала?

Купавина. Написала вздор какой-то, уж и не помню что; такая глупость непростительная.

Глафира. И ответ получила?

Купавина. В том-то и дело, что получила. Во-первых, все письмо написано деловым, канцелярским слогом; а во-вторых, смысл его такой: мне наслаждаться природой некогда, у меня важные денежные дела; но если вы хотите, я приеду. Прошу вас не делать никаких перемен в имении, не доверять никому управления, не продавать ничего, особенно лесу.

Глафира. Серьезный человек и, должно быть, очень умный.

Купавина. Согласна; но кто ему дал право учить меня! Что я, малолетняя, что ли? Это оскорбительно. Я не отвечала и, признаюсь, довольно-таки охладела к нему. Он приедет сегодня или завтра; вот я посмотрю на него, как он поведет себя, и если замечу, что он имеет виды на меня, я полюбезничаю с ним, потом посмеюсь и отпущу его в Петербург ни с чем.

Глафира. План хорош, надо только выполнить его.

Купавина. Постараюсь. Мне страшно за мою свободу. Вот письмо от него, я еще его не читала, видишь, как я равнодушна. Мне привез его Лыняев.

Глафира. Лыняев уж был у тебя, значит, я его увижу

нескоро, а может быть и совсем не увижу. Пригласи его!

Купавина. Приглашать его не нужно: он в саду, спрятался от Меропы Давыдовны и сейчас явится к обеду.

Глафира. Вот и прекрасно! Вели подать шампанского, мне давно хочется; ужасно надоело сухоядение.

Купавина. Изволь!

Глафира. У меня еще просьба к тебе. Дай мне надеть что-нибудь поприличней! Все это на мне так гадко.

Купавина. Вот тебе ключ от гардероба, выбирай, что хочешь. Там много нового, ненадеванного; я нашила пропасть, да после траура все еще не решаюсь щеголять-то.

Глафира. Merci! Я в одну минуту. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Купавина (одна).

Купавина *(распечатывает письмо)*. Посмотрим, что за послание. *(Читает.)* «Исполняю ваше приказание, сбираюсь в усадьбу. Но с той самой минуты, как я решился ехать, я уж испытываю мучительное чувство нетерпения. Мне обидно, что меня повезет паровоз, придуманный англичанами для перевозки тяжелых грузов; мне нужны крылья, резвые крылья амура». Какая пошлость! *(Читает про себя.)* Что дальше, то лучше. Что с ним сделалось? Неужели он думает, что я поверю этим глупостям? Ну, да прекрасно, надо оставить его в этом заблуждении; тем вернее он попадется.

Из двери показывается Глафира в одной юбке и в платке, накинутом на шею.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Купавина, Глафира.

Глафира. Я все, и шелковые чулки нашла, и башмаки, и как все мне впору! Посмотри! *(Подымает и вытягивает ногу, как танцовщица.)* Ведь жалко такую ножку обувать в какие-то лапти.

Купавина. Чудо, как ты мила! Уж разве он каменный, а то как бы, кажется... *(В двери.)* Тетя, при-

кажите обедать подавать. Да вот и Михайло Борисыч идет.

Глафира. Подождите меня, я сейчас. Ну! Либо пан, либо пропал! *(Уходит в дверь направо. Купавина — в залу.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КУПАВИНА.

ГЛАФИРА.

АНФУСА.

ЛЫНЯЕВ.

МУРЗАВЕЦКИЙ.

ЧУГУНОВ.

КЛАВДИЙ ГОРЕЦКИЙ
племянник Чугунова, красивый молодой человек, кудрявый, с румяным лицом; одет в легком летнем сюртуке, застегнутом на все пуговицы; рубашка русская, цветная, без галстуха; панталоны в сапоги.

Через всю сцену садовая решетка с калиткой посередине. У калитки скамья. За решеткой виден густой парк усадьбы Купавиной.
Вечереет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Горецкий стоит у решетки и посвистывает. Из калитки выходит Чугунов.

Чугунов. Что ты, зачем ты? Пошел домой! Сейчас пошел домой!

Горецкий. Нет, домой я не пойду. Я вас дожидался. Нужно очень.

Чугунов. На что я тебе?

Горецкий. Денег пожалуйте, государственных кредитных билетов!

Чугунов. Денег? Нет, нет, и не думай! Зачем тебе деньги?

Горецкий. Я своему сердцу отвагу даю, на гулянье иду. *(Свищет.)*

Чугунов. На какое гулянье? Сиди дома! Да полно тебе свистать-то! Что я тебе приказывал? Ни шагу чтобы, ни-ни...

Горецкий. Нет, это вы напрасно беспокоитесь! Без судебного приговора не буду я сидеть в заключении; приговорят, тогда сяду.

Чугунов. Зачем ты такие слова говоришь? Зачем?

Горецкий. Ну, вот еще, слова! Нужно очень слова разбирать. Вы денег пожалуйте!

Чугунов. Где я тебе возьму?

Горецкий. Это ваше дело, это до меня не касается. Я вот про себя знаю, что запью сегодня, должно быть, дней на двенадцать.

Чугунов. Уж так и на двенадцать? Вперед знаешь, что на двенадцать?

Горецкий. Только бы, дяденька, не больше. Пожалуйте!

Чугунов. Ты это из городу пешком?

Горецкий. Пешком.

Чугунов. Нечего сказать, охота за каким-нибудь двугривенным десять верст пешком лупить!

Горецкий. Версты — это мне ничего; я с астролябией по две тысячи ходил. Я и за гривенником, когда он мне нужен, далеко пойду; только вот что: давайте по чести, двугривенного мало.

Чугунов. Ишь ты, мало! Будет, заглаза будет.

Горецкий. Говорю, что мало. Божиться, что ли?

Чугунов. Сколько ж тебе надо?

Горецкий. Пятьдесят рублей.

Чугунов. В своем ты разуме, Клашка, в своем?

Горецкий. Ничего. Вот что после гулянья будет, не знаю, а покуда в своем.

Чугунов. У кого ты просишь? У кого ты просишь, говори!

Горецкий. У вас. У кого ж мне просить? У кого деньги водятся, у того и прошу.

Чугунов. Да что, банк, что ли, у меня?

Горецкий. Перед кем вы убогим-то притворяетесь? Вы уж это перед чужими; а я свой, родственник. У барыни имением управляете... вон усадьба-то какая! Да чтоб не грабить!

Чугунов. «Грабить, грабить»! Невежа! Чурбан необразованный! Ну, так вот и есть деньги, да не дам.

Горецкий *(надев фуражку)*. Пожалеете.

Чугунов. Об чем?

Горецкий. О том, что не дали. Можете большую неприятность получить.
Чугунов. От кого?
Горецкий. От меня.
Чугунов. Что ты за птица такая важная?
Горецкий. Вот и не птица, а неприятность сделаю.
Чугунов. Какую?
Горецкий. Дом сожгу.
Чугунов. Что ты! Какой дом? Что ты!
Горецкий. Ваш.
Чугунов. Ах ты!.. Эх, братец!.. Да как ты...
Горецкий. Да вот так: пойду и зажгу.
Чугунов. В кого ты такой каторжный уродился?
Горецкий. Да кто ж у нас в родне святые-то? Вы, что ли? В кого путным-то уродиться?
Чугунов. Не груби, Клашка, не груби!
Горецкий. Дайте денег, так и грубости не услышите.
Чугунов *(вынимает бумажник)*. Отвяжись ты от меня! На! Провались ты куда-нибудь! *(Дает пять рублей.)*
Горецкий. Что это? Пять рублей? *(Отдает назад.)* Нет, я дороже стою.
Чугунов. Правда, правда, дороже стоишь; ты и пятьсот рублей стоишь, кабы тебя можно было в солдаты продать.
Горецкий. Не об солдатах речь! А за свое мастерство я дороже стою.
Чугунов. Хорошее мастерство! Хвались, хвались! Есть чем похвастаться!
Горецкий. Хорошее ли, дурное ли, а вам понадобилось, так платите. Уж вы покупайте меня, а то плохо.
Чугунов. Ну, на еще! *(Дает еще пять рублей.)*
Горецкий. Мало.
Чугунов. Ишь ты, как разбойник в лесу, на дороге ловишь. Больше не дам, кончено.
Горецкий. Ну, а если мне кто-нибудь больше даст, так, стало быть, продавать вас с Мурзавецкой-то?
Чугунов. Тише ты! У Евлампии Николаевны гости в саду.
Горецкий. А мне что за дело!
Чугунов. Ну тебя! Уйти от греха. *(Уходит.)*
Горецкий *(вслед Чугунову)*. Дядя! Слушай! Коли больше дадут, я вас продам; вы так и знайте. Говорю я тебе, что мне гулять охота пришла. А коли мне

в это время денег не дать, так я хуже зверя. *(Уходит за Чугуновым.)*

Из сада выходят К у п а в и н а, Г л а ф и р а, А н ф у с а, Л ы н я е в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К у п а в и н а, Г л а ф и р а, А н ф у с а, Л ы н я е в.

Л ы н я е в *(Купавиной)*. Не понимаю, не понимаю, что за фантазия гулять по росе, когда можно очень покойно сидеть в комнате, ну, пожалуй, на балконе, если хотите быть на воздухе.

К у п а в и н а. Я хочу народное гулянье посмотреть.

Л ы н я е в. Не ходите! Что за удовольствие идти за две версты, да еще по горам, чтоб смотреть на пьяных.

К у п а в и н а. Скажите лучше, что вам лень! Оставайтесь!

Л ы н я е в. Я бы пошел; но там, вероятно, ваши люди гуляют, мы их только стесним. Зачем расстраивать чужое веселье!

К у п а в и н а. Мы издали посмотрим, с горы. Да уж оставайтесь, оставайтесь, я тетю возьму.

Л ы н я е в. Вот и прекрасно; а впрочем, я, пожалуй...

К у п а в и н а. Нет, нет! Будете вздыхать да охать всю дорогу, жертву из себя представлять, и без вас обойдемся. Пойдем, тетя!

А н ф у с а. Я что ж... я, пожалуй...

К у п а в и н а *(Глафире)*. Ты останешься тоже? Оставайся, оставайся!

Г л а ф и р а. Да, у меня от шума голова кружится.

К у п а в и н а. Подождите нас здесь!

Л ы н я е в. Подождем, подождем.

К у п а в и н а *и* А н ф у с а *уходят.*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Л ы н я е в, Г л а ф и р а.

Л ы н я е в. Вы только платье переменили, а скромность при себе оставили?

Г л а ф и р а. Вам излишняя скромность не нравится?

Л ы н я е в. Как не нравится! Что вы, помилуйте! Нет, это хорошо, это очень хорошо.

Глафира. Может быть, и хорошо, да зато скучно.

Лыняев. Да разве вы обязаны развлекать меня? Это скорей моя обязанность, но и я... извините, и я могу предложить вам только поскучать со мной вместе.

Глафира. И прекрасно, очень вам благодарна.

Лыняев. Не стоит благодарности.

Глафира. Нет, очень стоит.

Лыняев. Да за что же?

Глафира. За спокойствие, разве этого мало? Проведя вечер с вами, можно уснуть без всяких волнений, сном праведника. Я еще никого не любила, Михайло Борисыч, но ведь эта пора придет; я в таких летах, что каждую минуту должна ждать любовной горячки.

Лыняев. Значит, вы такая же, как и все. А я думал, что вы...

Глафира. Что? Что я неспособна любить? Таких девушек не бывает, Михайло Борисыч.

Лыняев. Так вы боитесь полюбить?

Глафира. Как же не бояться? Любовь мне ничего не принесет, кроме страданий. Я девушка со вкусом и могу полюбить только порядочного человека; а порядочные люди ищут богатых. Вот отчего я прячусь и убегаю от общества,— я боюсь полюбить. Вы не смотрите, что я скромна, тихие воды глубоки, и я чувствую, что если полюблю...

Лыняев. Ой, страшно! Не говорите, пожалуйста, не продолжайте.

Глафира. Но с вами я ничего не боюсь.

Лыняев. Не боитесь?

Глафира. Нисколько. Вы меня увлекать не станете, да и увлечься вами нет никакой возможности.

Лыняев *(обидевшись)*. Но почему же вы так думаете?

Глафира. Ну, полноте, какой вы любовник! Вы не обижайтесь, Михайло Борисыч! Вы очень хороший человек, вас все уважают; но любить вас невозможно. Вы уж и в летах, и ожирели, и, вероятно, дома в теплом халате ходите и в колпаке; ну, одним словом, вы стали похожи на милого, доброго папашу.

Лыняев. Вы уж очень безжалостны ко мне. Нет, я еще...

Глафира. Нет, нет, не обманывайте себя,— откажитесь от побед, Михайло Борисыч! Ха-ха-ха! *(Хохочет.)*

Лыняев. Да чему же вы смеетесь, помилуйте!

Глафира. Извините, пожалуйста! Мне сейчас смешная мысль в голову пришла. Ну если вы в меня влюбитесь и будете рассыпаться в нежностях передо мной,— ведь при всем уважении к вам не выдержишь, расхохочешься.

Лыняев. Однако какие вам мысли-то в голову приходят игривые.

Глафира. Так, дурачусь. Вам странно, что я развеселилась? Недолго мне.

Лыняев. Отчего ж недолго?

Глафира. В монастырь сбираюсь на днях.

Лыняев. Нет, вы шутите?

Глафира. Не шучу. Прощайте! Не поминайте лихом! В самом деле, не сердитесь на меня за мои шутки! Мне хочется оставить добрую память по себе.

Лыняев. Оставить добрую память вы очень можете.

Глафира. Каким образом?

Лыняев. Окажите мне маленькую услугу!

Глафира. С особенным удовольствием.

Лыняев. Почему ж с особенным?

Глафира. Так, вы очень милый человек.

Лыняев. Мне нужно хорошего писца на некоторое время.

Глафира. Не могу. Хоть и хорошо пишу, а в писцы к вам не пойду.

Лыняев. Вы не поняли или не хотите понимать...

Глафира. Вот если б я была мужчина; а то, помилуйте, что подумают, милый Михайло Борисыч! А впрочем...

Лыняев. Да нет же! У Меропы Давыдовны занимается письмоводством Чугунов, я его руку знаю; но иногда попадаются от нее бумаги, написанные отличным почерком.

Глафира. Так вам нужно точно такого писца?

Лыняев. Мне нужно знать, кто это пишет.

Глафира. Спросите у Чугунова.

Лыняев. Не скажет.

Глафира. Тут у вас что-то не просто?

Лыняев. Да вы знаете?

Глафира. Может быть, знаю больше, чем вы думаете.

Лыняев. Так скажите!

Глафира. Нельзя.
Лыняев. Почему?
Глафира. Потому что он мой любовник.
Лыняев. Час от часу не легче.
Глафира. Я немного сильно выразилась. Он действительно влюблен в меня и пишет мне стихами письма чуть не каждый день. Такой милый,— ответа не требует, а только изливает свои чувства передо мной.
Лыняев. Но кто же он, скажите.
Глафира. Он вам очень нужен?
Лыняев. Очень.
Глафира. Я не только могу его назвать вам, но через десять минут привести его сюда и отрекомендовать.
Лыняев *(потирая руки от радости)*. Что вы? Неужели?
Глафира. Только даром этого не сделаю.
Лыняев. Требуйте от меня, что вам угодно, чего только вам угодно.
Глафира. Я попрошу небольшого.
Лыняев. Все, все, что хотите.
Глафира. Притворитесь влюбленным в меня и целый вечер сегодня ухаживайте за мной.
Лыняев. А вы будете смеяться?
Глафира. Вероятно, если это будет смешно.
Лыняев. Ну, уж один вечер куда ни шло! Хоть и тяжеленько, да нечего делать, сам обещал. Так вы когда же мне его покажете?
Глафира. Хоть сейчас. Я видела, как он прошел на гулянье, я пойду и приведу его сюда. Подождите меня здесь! Вот и Евлампия Николаевна. *(Уходит.)*

Входят Купавина и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лыняев, Купавина, Анфуса.

Лыняев. Что же вы так скоро?
Купавина. И хотелось еще погулять, да скрываюсь от преследований.
Лыняев. Вот я вам говорил, что там пьяные; кто же вас преследует?
Купавина. Наш общий знакомый, Мурзавецкий. Проводите меня до дому.

Лыняев. Анфуса Тихоновна, будьте так добры, подождите здесь Глафиру Алексеевну и, когда она воротится, скажите ей, что я сейчас приду.

Купавина. Да не пускайте Мурзавецкого в сад, скажите, что меня дома нет, что я уехала.

Анфуса. Хорошо уж... я уж...

Лыняев. Да что с ним церемониться, просто гнать этого милого мальчика прочь!

Купавина. Ах нет, нельзя! С ним надо как можно осторожнее. Он скажет Меропе Давыдовне, тогда мы большую беду наживем. Поделикатнее как-нибудь, а то она меня съест.

Уходят Купавина и Лыняев, Анфуса садится на скамейку. Входит Мурзавецкий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анфуса, Мурзавецкий.

Мурзавецкий *(свищет)*. Тамерлан, Тамерлан, иси! Эко животное! Повешу, кончено... нет, брат, повешу,— кончено. Пардон, медам! Где ж они? *(Осматриваясь.)* А, вон! Кажется, обе тут. Так что-то как будто в глазах застилает, мелькает что-то: то одна, то две... нет, две, две... ну, конечно, две. *(Раскланиваясь издали.)* Честь имею.

Анфуса *(отворачиваясь)*. Ну уж... не надо уж...

Мурзавецкий. Нет, позвольте, Евлампия Николаевна!

Анфуса. Да какая... где уж она?..

Мурзавецкий. Нет, Евлампия Николаевна, нет, она здесь, в груди моей; пароль донёр. *(Вздыхает.)* Таких страданий, таких страданий...

Анфуса. Ну уж... довольно уж...

Мурзавецкий. Я с вами согласен, но если нет сил, что же мне делать, я вас спрашиваю! Влюблен, ну и... ну и... кончено.

Анфуса. Ах, право уж... ну, что?

Мурзавецкий. Не хотите, не хотите отвечать? А я вот тут... у вас... у ног... могу умереть. Отвечайте, отвечайте, мон анж! Ну, ен мо!

Анфуса. Да что уж... ну тебя!

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, оставьте, я вас прошу, я не с вами.

Анфуса. Не со мной уж... так, ну, с кем?

Мурзавецкий. С кем? Это странно. Ха-ха-ха! Это странно! Вы думали, с вами?

Анфуса. Да уж... никого тут больше-то... что еще?

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, тезеву! Евлампия Николаевна, бывают в жизни минуты... Что я! Одна минута, когда человек...

Анфуса. Ах уж... что мне с ним?..

Мурзавецкий. Вы молчите, за вас отвечают,— для благородной души моей это... это, я вам скажу... *(вздыхает)* тяжело.

Анфуса. Да откуда ж она... коли нет?

Мурзавецкий *(подходя)*. Чего нет? Как нет?

Анфуса. Да уж так вот...

Мурзавецкий *(осматривая Анфусу и скамейку)*. Да где ж она?

Анфуса. Коли нет... где ж мне!..

Мурзавецкий *(ударив себя по лбу)*. Боже мой! Боже мой!

Анфуса. Ну уж... чего еще?

Мурзавецкий. Однако какой обман!

Анфуса. Кому уж... нужно.

Мурзавецкий. Так что же это, что же? Обман чувств, игра воображения?

Входит Лыняев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мурзавецкий, Анфуса, Лыняев.

Мурзавецкий. Но нет, я шутить над собой не позволю, дудки!

Анфуса *(увидав Лыняева)*. Ах, вы уж... ну вот... уж сами... *(Идет в сад.)*

Мурзавецкий. Я еду, еду, не свищу, а наеду — не спущу.

Анфуса. Ну, мели уж... на просторе! *(Уходит.)*

Мурзавецкий. Но я, нет, я пойду.

Лыняев. Куда?

Мурзавецкий. К ней.

Лыняев. Увы!

Мурзавецкий. Что «увы»? Что такое, милостивый государь, увы?

Лыняев. Нельзя, не велено вас принимать.

Мурзавецкий. Меня не велено? О! Я вот посмотрю. *(Хочет идти в сад.)*

Лыняев *(загораживая калитку)*. Послушайте! Я вам вот что по-дружески посоветую: поезжайте домой, а то нехорошо.

Мурзавецкий. Что такое «нехорошо»? Позвольте вас... Позвольте вас спросить.

Лыняев *(таинственно)*. В саду поставлены люди, и, как вы войдете, так *(показывает знаком)* понимаете?

Мурзавецкий. Что, что?

Лыняев. Я не виноват, Евлампии Николаевне было угодно так распорядиться.

Мурзавецкий. Меня ведь не испугаешь; ну, да я, пожалуй, и не пойду, не надо. Я, знаете ли, хотел мое дело с ней миром; а теперь нет, шалишь, морген фри!

Лыняев. Что вам за охота миром?

Мурзавецкий. Да ведь жаль, черт возьми! Пятьдесят тысяч должна.

Лыняев. Хорошие деньги.

Мурзавецкий. Да я не хотел брать, зачем! Я просто, моншер, хотел, сан-фасон, предложить руку, чтобы, компрене ву, соединить капиталы. У меня ничего... то есть нет, что я! У меня состояние, у нее состояние, какие тут иски да взыски!

Лыняев. Хорошо бы, только она за вас не пойдет.

Мурзавецкий. Ну, так уж не взыщи, не помилую. Ах, моншер, что я с ней сделаю! Ограблю, начисто ограблю!

Лыняев. Пятьдесят тысяч потребуете?

Мурзавецкий. Нет, уж тут не пятидесятью пахнет. Полтораста! Усадьба эта моя будет, через неделю моя.

Лыняев. Вот и хорошо, соседи будем. *(Жмет руку Мурзавецкого.)* Прошу любить да жаловать. А теперь вам пора домой! Вон это не ваш ли экипаж? Вероятно, Меропа Давыдовна за вами прислала.

Мурзавецкий. Да, она ждет; я обещал решительный ответ привезти.

Лыняев. Уж чего же решительнее!

Мурзавецкий. А ведь жаль мадам Купавину, плакать будет. Оревуар! *(Уходит.)*

Слышен свист и голос: «Тамерлан, иси!» С противоположной стороны входят Глафира и Горецкий.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лыняев, Глафира, Горецкий.

Глафира. Вот, рекомендую: Горецкий, Клавдий. *(Горецкому.)* А это Михайло Борисыч Лыняев, наш сосед, помещик.

Горецкий *(снимая фуражку)*. Я их знаю-с.

Лыняев. Наденьте, пожалуйста!

Горецкий. Ничего-с. Глафира Алексеевна, позвольте для вас какую-нибудь подлость сделать.

Лыняев. Вот странная просьба.

Горецкий. Ничего не странная-с. Чем же я могу доказать? Нет, уж вы не мешайте. Глафира Алексеевна, хотите, весь этот забор изломаю?..

Глафира. Нет, зачем?

Горецкий. Как бы я для вас прибил кого-нибудь, вот бы трепку задал веселую!

Лыняев. Да ведь за это судить будут.

Горецкий. А пущай их судят.

Лыняев. Да ведь посадят.

Горецкий. А посадят, так сидеть будем. Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!

Глафира. Я уж, право, не знаю, что вам приказать!

Лыняев. Да зачем непременно подлость? Попросите его правду сказать.

Глафира. Ну, вот я попрошу вас мне правду сказать, вы скажете?

Горецкий. Какую правду-с?

Глафира. А вот какую мы спросим.

Горецкий. Извольте-с, все, что угодно-с.

Лыняев. А если секрет?

Горецкий. Да хотя бы рассекрет. У меня своих секретов нет, а если какой чужой, так что мне за надобность беречь его. Я для Глафиры Алексеевны все на свете...

Лыняев *(подавая Глафире письмо)*. Спросите, кто это писал?

Глафира *(показывая письмо Горецкому)*. Скажите, кто это писал?

Горецкий. Эх! Спросите что-нибудь другое!

Лыняев. А говорили, что все на свете.

Горецкий. Да мне что ж, пожалуй; только за это деньги заплочены.

Лыняев. Сколько?

Горецкий. Десять рублей.
Лыняев. А если я дам пятнадцать?
Горецкий. А если дадите, скажу.
Лыняев. Так вот, возьмите! *(Дает деньги.)*
Горецкий *(берет деньги)*. Покорно благодарю-с. *(Кладет деньги в разные карманы.)* Десять назад отдам,— скажу, мало дали. Это я писал-с.
Лыняев. Вы? Ну, так вы мне очень нужны будете. У вас есть свободное время?
Горецкий. Да у меня всегда свободное время-с.
Лыняев. Хотите ехать ко мне сегодня же? Я вам и заплачу хорошо, и стол у меня хороший, и вино, какое вам угодно.
Горецкий. С удовольствием-с. Что ж, Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!
Глафира. Да ведь уж вы сделали.
Горецкий. Велика ли это подлость! Да и за деньги.
Лыняев. Извините за нескромный вопрос. Вы знали когда-нибудь разницу между хорошим делом и дурным?
Горецкий. Как вам сказать-с? Нет, хорошенько-то не знаю.
Лыняев. Так и не знаете?
Горецкий. Ведь это философия; так нам где же знать!
Лыняев. Отчего же?
Горецкий. Семейство очень велико было.
Лыняев. Так что же?
Горецкий. С шести лет надо было в дом что-нибудь тащить, голодных ребят кормить.
Лыняев. Вас не учили?
Горецкий. Как не учить! Ведь учить у нас — значит бить; так учили и дома, и посторонние, кому не лень было. Особенно пьяные приказные по улицам, бывало, так и ловят мальчишек за вихры, это для них первое удовольствие.
Лыняев. Вы говорили, что вас большая семья была, куда ж все делись?
Горецкий. Все в люди вышли: один брат — ученый, в фершела вышел, да далеко угнали, на Аландские острова; один был в аптеке в мальчиках, да выучился по-немецки, так теперь в кондукторах до немецкой границы ездит; один в Москве у живописца краски трет; которые в писарях у становых да у квартальных; двое в суфлерах ходят по городам; один на

телеграфе где-то за Саратовом; а то один в Ростове-на-Дону под греческой фамилией табаком торгует; я вот в землемеры вышел. Да много нас, всякого звания есть.

Лыняев. Вас любопытно послушать. Вы уж прямо ко мне отсюда. Я вас с собой возьму.

Горецкий. Хорошо-с. Я вас в конторе подожду. До свидания, Глафира Алексеевна! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лыняев, Глафира.

Глафира. Ну, довольны вы?

Лыняев. Не могу выразить, как я вам благодарен. Я так рад, что готов прыгать и плясать, как ребенок.

Глафира. Ребенком быть нехорошо, будьте лучше юношей.

Лыняев. Как же это?

Глафира. Сдержите свое слово!

Лыняев. Какое?

Глафира. А любезничать со мной.

Лыняев. Неловок я, Глафира Алексеевна, что вам за радость, чтоб я, в мои лета, шута разыгрывал!

Глафира. Ну, хоть немного, слегка.

Лыняев. Ну, как же любезничать? Прикажете хвалить ваши глазки?

Глафира. Нет, это глупо

Лыняев. Или по-русски, как парни с девками любезничают,— те очень просто, без церемонии.

Глафира. А это уж слишком. Впрочем, все-таки лучше, чем говорить пошлости. Эко горе ваше! Любезничать не умеете, а любезничать надо. Ну, да не беспокойтесь, я вам помогу. Закутайтесь пледом, заткните уши ватой, а то сыро стало! Вот так. *(Одевает Лыняева пледом.)*

Лыняев. Благодарю вас.

Глафира. Теперь скажите: неужели вы в жизни не любили никого?

Лыняев. Как не любить!

Глафира. Вы говорили что-нибудь с предметом вашей страсти?

Лыняев. Много говорил, но я тогда был молод.

Глафира. Ну, так вспомните теперь, что вы говорили.

Лыняев. Это нетрудно. Я говорил одной блондинке,

что наши души, еще до появления на земле, были родные, что они носились вместе по необъятной вселенной, порхали, как бабочки, в лучах месяца.

Глафира. Ну, а другой что вы говорили?

Лыняев. А другой, брюнетке, я говорил, что найму ей великолепную дачу, куплю пару вороных рысаков.

Глафира. Это вот хорошо, мне этот разговор больше нравится. Вот и продолжайте в этом духе.

Лыняев. Я обещал ей горы золотые, говорил, что не могу жить без нее, хотел застрелиться, утопиться.

Глафира. А она что ж?

Лыняев. А она говорила: «Зачем вам стреляться или топиться? Женитесь, вот и не об чем вам больше беспокоиться». Нет, говорю, мой ангел, это для меня хуже, чем утопиться. «Ну, так, говорит, утопитесь, потому что я огорчать мамашу и родных своих не хочу».

Глафира. Да она была бедная девушка?

Лыняев. Бедная.

Глафира. Так глупа.

Лыняев. А вы что ж бы сделали на ее месте?

Глафира. Я бы вам противоречить ни в чем не стала, я бы взяла и дачу, и рысаков, и деньги — и все-таки вы бы женились на мне.

Лыняев. Но это невозможно: я так тверд в своем решении.

Глафира. Нет, очень просто.

Лыняев. Но каким же образом, скажите, объясните мне!

Глафира. Сядемте!

Садятся на скамью.

Ну, представьте себе, что вы меня любите немножко, хоть так же, как ту брюнетку! Иначе, конечно, невозможно ничего. *(Садится с ногами на лавку и прилегает к Лыняеву.)*

Лыняев. Позвольте, что же это вы?

Глафира *(отодвигаясь)*. Ах, извините!

Лыняев. Нет, ничего. Я только хотел спросить вас: что это вы в роль входите или потому, что меня за мужчину не считаете?

Глафира. Я озябла немного.

Лыняев. Так сделайте одолжение, не беспокойтесь, если это вам приятно.

Глафира *(опять прилегая к Лыняеву)*. Итак, вы меня любите, мы живем душа в душу. Я — олицетворенная кротость и покорность, я не только исполняю, но предупреждаю ваши желания, а между тем понемногу забираю в руки вас и все ваше хозяйство, узнаю малейшие ваши привычки и капризы и, наконец, в короткое время делаюсь для вас совершенной необходимостью, так что вы без меня шагу ступить не можете.

Лыняев. Да, я допускаю, это возможно.

Глафира. Вот в одно прекрасное утро я говорю вам: «Папаша, я чувствую потребность помолиться; отпусти меня денька на три на богомолье!» Вы, разумеется, сначала заупрямитесь; я покоряюсь вам безропотно. Потом изредка робко повторяю свою просьбу и смотрю на вас несколько дней сряду умоляющим взором; вы все, день за день, откладываете и наконец отпускаете. Без меня начинается в доме ералаш: то не так,— другое не по вас; то кофей горек, то обед опоздал; то у вас в кабинете не убрано, а если убрано, так на столе бумаги и книги не на том месте, где им нужно. Вы начинаете выходить из себя, часто вздыхать, то бегать по комнате, то останавливаться, разводить руками, говорить с собой; начинаете прислушиваться, не едут ли, часто выбегать на крыльцо; а я нарочно промедлю дня два, три. Наконец уж вам не сидится, вы теряете терпение и начинаете ходить по дороге версты за две от дому. Вот я еду. Сколько радости! Опять тихая, спокойная жизнь для вас; в ваших глазах только счастие и бесконечная нежность.

Лыняев *(со вздохом)*. Ну и чего ж еще, и чего ж еще!

Глафира. Но вот однажды, когда ваша нежность уж не знает пределов, я говорю вам со слезами: «Милый папаша, мне стыдно своих родных, своих знакомых, мне стыдно людям в глаза глядеть. Я должна прятаться от всех, заживо похоронить себя, а я еще молода, мне жить хочется...»

Лыняев. Да... ах, в самом деле!

Глафира. Прощай, милый папаша! Не нужно мне никаких твоих сокровищ.

Лыняев. Ах, черт возьми, как это скверно!

Глафира. Я выхожу замуж.

Лыняев. За кого?

Глафира. Ну, хоть за Горецкого.

Лыняев. Отличная партия!

Глафира. Да, он беден, но я все-таки буду иметь хоть какое-нибудь положение в обществе. Да уж кончено, я решилась.

Лыняев. Но нельзя же так вдруг, ни с того ни с сего бросить человека! Надо было прежде думать и заранее предупредить.

Глафира. Я боялась, милый папаша. Разве ты не видишь, я худею, сохну день ото дня, я могу захворать серьезно, умереть.

Лыняев. Это бессовестно! Все это притворство!

Глафира. Если ты не веришь, как тебе угодно; я готова пожертвовать для тебя даже жизнию.

Лыняев. Ну вот то-то же!

Глафира. Что делать, у мужчин такие твердые характеры.

Лыняев. Все-таки я поставил на своем.

Глафира. Да, на своем. Где ж нам спорить с вами! Только в тот же день к вечеру я незаметно исчезаю, и никто не знает, то есть никто не скажет вам, куда. Проходит день, другой; вы рассылаете по всем дорогам гонцов, сыщиков, сами мечетесь туда и сюда, теряете сон, аппетит, сходите с ума. И вот за несколько минут до того, когда вам уж действительно нужно помешаться, вам объявляют по секрету, где я скрываюсь. Вы бросаетесь ко мне с подарками, с брильянтами, со слезами умоляете меня возвратиться,— я непреклонна! Вы плачете, я сама рыдаю! Я люблю вас, мне жáль с вами расстаться, но я неумолима. Наконец я говорю вам: «Милый папаша, ты любишь холостую жизнь, ты не можешь жить иначе,— сделаем вот что! Обвенчаемся потихоньку, так что никто не будет знать; ты опять будешь вести холостую жизнь, все пойдет по-прежнему, ничто не изменится,— только я буду покойна, не буду страдать». Вы, после недолгого колебания, соглашаетесь.

Лыняев. Да, очень может быть, очень может быть, действительно, это возможно. Но я все-таки поставил по-своему.

Глафира. Да, по-своему. Но на другой же день откуда у меня эта светскость возьмется, эта лень, эта мед-

ленность в движениях! Откуда возьмутся эти роскошные туалеты!

Лыняев. Да, вот...

Глафира. Оттопырится нижняя губка, явится повелительный тон, величественный жест. Как мила и нежна я буду с посторонними и как строга с вами. Как счастливы вы будете, когда дождетесь от меня милостивого слова. Уж не буду я суетиться и бегать для вас, и не будете вы папашей, а просто Мишель... *(Говорит лениво.)* «Мишель, сбегай, я забыла в саду на скамейке мой платок!» И вы побежите. Это вот один способ заставить жениться; он хотя старый, но верный; а то есть еще и другие.

Лыняев. Да, но ведь так можно поймать человека только тогда, когда он любит.

Глафира. Разумеется. Вы в совершенной безопасности, потому что никого не любите.

Лыняев. Я в безопасности и очень этому рад. Но уж если бы мне пришлось полюбить кого-нибудь, то я полюбил бы вас. *(Целует руку Глафиры.)*

Глафира. Это что такое? Это зачем?

Лыняев. Так.

Глафира. Если просто «так», то обидно. На вас нежность нашла, ну, а благо я тут близко, так вы и беретесь прямо за меня руками.

Лыняев. Да нет. Ведь вы сами хотели, чтоб я любезничал с вами.

Глафира. Ах, я и забыла! Ну, так целуйте, пожалуй.

Лыняев. Да и поцелую. *(Целует другую руку.)*

Глафира. Вы, видно, тоже начинаете входить во вкус вашей роли.

Лыняев. Я давеча боялся чего-то; а теперь так нахожу, что это очень приятная шутка.

Глафира *(со вздохом)*. Да, да, к сожалению, только шутка.

Входит Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лыняев, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Ужинать уж... ждут... Что ночью-то!.. Сыро... Прислали уж... меня...

Глафира *(Лыняеву)*. Пойдемте!

Лыняев. Я сейчас за вами.

Глафира и Анфуса уходят.

А какая она хорошенькая, какая милая, умная! Ведь вот долго ли! Посидишь этак вечера два с ней — и начнешь подумывать; а там только пооплошай, и запрягут! Хорошо еще, что она в монастырь-то идет; а то бы и от нее надо было бегать. Нет, поскорей поужинать у них да домой, от греха подальше, только она меня и видела. А после хоть и увижусь с ней, так только «здравствуйте!» да «прощайте!» Хороша ты, Глафира Алексеевна, а свобода и покой, и холостая жизнь моя лучше тебя.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

КУПАВИНА.

ГЛАФИРА.

АНФУСА.

ЛЫНЯЕВ.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕРКУТОВ
помещик, сосед Купавиной; представительный мужчина, средних лет, с лысинкой, но очень живой и ловкий.

ГОРЕЦКИЙ.

ЛАКЕЙ *Купавиной.*

Комната в азиатском вкусе в доме Купавиной, с одним выходом на террасу; стеклянная растворенная дверь с портьерами; по сторонам двери два больших окна, закрытые драпировками; по стенам и под окнами мягкие диваны. За балюстрадой террасы виден сад и за ним живописная сельская местность.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Купавина, Глафира, потом лакей.

Купавина. Кажется, у тебя с Лыняевым дело подвигается?

Глафира. Ах, это только кажется.

Купавина. Он вчера был так любезен с тобой.

Глафира. По заказу,— это была шутка.

Купавина. Ты теряешь надежду, бедная?

Глафира. Ну, не совсем. Надо еще раз увидать его, тогда я буду знать наверное, можно на него рассчитывать или нет.

Купавина. А вот сегодня увидишь. Мне Горецкий принес письмо от него; он приедет, и угадай, с кем?

Глафира. Что угадывать-то! По глазам видно, что жениха дожидаешься.

Купавина. Да, осчастливил нас Василий Иваныч Беркутов, прибыл из Петербурга.

Глафира. Когда они приедут?

Купавина. Конечно, вечером. Надо приодеться для такого дорогого гостя.

Глафира. Но до вечера Меропа Давыдовна может прислать за мной лошадей.

Купавина. Лошади и подождут.

Глафира. Рассердится.

Купавина. Посердится, да и помилует.

Глафира. Нескоро, на это она нетороплива.

Входит лакей.

Лакей *(подавая письмо Купавиной)*. Меропа Давыдовна тарантас прислали и письмо приказали вам отдать.

Купавина распечатывает и читает письмо про себя.

Глафира. Ну, так я и знала! Эко несчастие! Опять черное платье, опять притворство и постничанье!

Купавина *(лакею)*. Вукол Наумыч в усадьбе?

Лакей. Никак нет-с, они в городе.

Купавина *(с беспокойством)*. Что ж мне делать? Это так неожиданно... Я совершенно теряюсь.

Глафира. Что с тобой?

Купавина. А вот послушай, что Меропа Давыдовна пишет! *(Лакею.)* Ступай, скажи, чтоб кучер подождал!

Лакей уходит.

Глафира. Читай, читай.

Купавина *(читает)*. «Милостивая государыня, Евлампия Николаевна!»

Глафира. Что-то строго начинается.

Купавина. Нет, ты послушай, что дальше-то! *(Читает.)* «Вам вчера не угодно было принять

моего племянника. Если б вы были дома одни или вели очень скромную жизнь, я б ничего не сказала, а то у вас были люди, которые ничем его не лучше. Он такой же дворянин, как и Лыняев, и уж, верно, не глупее его. Или вы сделали это не подумавши, или вас научил какой-нибудь умный человек. Если уж вы забыли все мои одолжения и милости к вам, так должны были помнить, что за обиду я никогда в долгу не остаюсь. Вы так развлеклись или увлеклись, что забыли, что у вас с Аполлоном есть тяжба. Мы, по простоте и по доброте своей, думали пожалеть вас, подобно как малого беззащитного ребенка, и хотели кончить все дело миром, истинно по-христиански, в любви и согласии. Но коль скоро вы сами отворачиваетесь от нас и презираете благодетелей, то уж не гневайтесь на нас. Взыскание с вас очень большой суммы, чего и все ваше имение не стоит, я произведу со всею строгостию и жалеть вас и плакать о вас не буду. Бывшая ваша благодетельница Меропа Мурзавецкая». Как тебе это покажется?

Глафира. Не пугает ли она тебя?

Купавина. Вот сюрприз! Я не знаю, что и отвечать. Надо подождать этих господ, посоветуюсь с ними. Вот тебе поневоле приходится остаться.

Входит Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Купавина, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Уж приехали ведь... что ж вы!

Купавина. Неужели они?

Анфуса. Да кому ж?..

Купавина. Так я пойду оденусь.

Анфуса. Само собой уж... нешто хорошо!.. Почитай, чужой...

Купавина. Попросите их подождать!

Анфуса. Да вон уж... Сюда... из саду.

Купавина *(Глафире)*. Пойдем!

Уходят Глафира и Купавина.

Анфуса. Что б раньше-то!.. Говорила уж...

Входят Лыняев и Беркутов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфуса, Лыняев, Беркутов.

Лыняев. Вот, Анфуса Тихоновна, рекомендую вам друга. Василий Иваныч Беркутов.

Анфуса. Уж знаю... давно ведь...

Беркутов. Как ваше здоровье, почтенная Анфуса Тихоновна?

Анфуса. Ничего... так... голова иногда. Обождать уж... хоть здесь... просила... сейчас, мол...

Лыняев. Не беспокойтесь, Анфуса Тихоновна, мы подождем.

Анфуса. Ну, то-то!.. Не долго, чай... что ей там. Не взыщите! *(Уходит.)*

Лыняев. Вот она сама тебе расскажет, как выманили у нее тысячу рублей.

Беркутов. Не горячись, пожалуйста, не горячись!

Лыняев. Как не горячись? Не могу не горячиться; ведь это подлог, понимаешь ты, подлог!

Беркутов. Успокойся! Никакого подлога нет.

Лыняев. Да Горецкий признался. Чего ж тебе! Жаль, я проспал и не успел еще расспросить его хорошенько сегодня утром; потом ты приехал и утащил его у меня.

Беркутов. Я долго говорил с Горецким и в город с ним ездил. Он тебя обманул. Ему понадобились деньги, он и сказал напраслину на себя. Хорош и ты, поверил Горецкому.

Лыняев. Что ни говори, а это дело не чисто.

Беркутов. По-моему, в вашем обществе Меропа Давыдовна должна стоять выше подозрений. Хорошо общество, где все смотрят друг на друга, как на разбойников.

Лыняев. От Меропы всего ждать можно.

Беркутов. Провинциалы любят уголовщину, уж это известно. Вам скучно без скандалов, подкапываетесь друг под друга; больше вам делать-то нечего.

Лыняев. Да ведь грабят Евлампию Николаевну.

Беркутов. Ну, как хочешь, а пока я здесь, ты в ее дела не путайся, пожалуйста; я тебя прошу. Поищи себе другое занятие!

Лыняев. По-твоему, и Чугунов хороший человек?

Беркутов. А что ж Чугунов? Подьячий как подьячий,— разумеется, пальца в рот не клади. Ведь вы, горячие

юристы, все больше насчет высших взглядов, а, глядишь, простого прошения написать не умеете. А Чугунов — старого закала, свод законов напамять знает; вот они и нужны.

Лыняев. Хорошо тебе — ты приедешь не надолго; а каково жить с этим народом! Попробовал бы ты.

Беркутов. Кто умеет жить, тот везде уживется; а кто ребячится, как ты, тому везде трудно. Я уживусь.

Лыняев. Посмотрим. Значит, ты к нам надолго?

Беркутов. Нет. После, может быть, и совсем здесь поселюсь; а теперь мне некогда: у меня большое дело в Петербурге. Я приехал только жениться.

Лыняев. На ком?

Беркутов. На Евлампии Николаевне.

Лыняев. У вас разве уж кончено?

Беркутов. Еще не начиналось.

Лыняев. Еще не начиналось, а ты уж так уверенно говоришь?

Беркутов. Да никаких причин не вижу сомневаться... Ох, брат, уж я давно поглядываю.

Лыняев. На Евлампию Николаевну?

Беркутов. Нет, на это имение, ну и на Евлампию Николаевну, разумеется. Сколько удобств, сколько доходных статей, какая красивая местность. *(Указывая в дверь.)* Погляди, ведь это роскошь! А вон, налево-то, у речки, что за уголок прелестный! Как будто сама природа создала.

Лыняев. Для швейцарской хижинки?

Беркутов. Нет, для винокуренного завода. Признаюсь тебе — грешный человек, я уж давно подумывал: Купавин — старик старый, не нынче, завтра умрет, останется отличное имение, хорошенькая вдова... Я уж поработал-таки на своем веку, думаю об отдыхе; а чего ж лучше для отдыха, как такая усадьба, красивая жена, какая-нибудь почетная должность...

Лыняев. Мы тебя в предводители.

Беркутов. Мы! А много ль вас-то? Вы тут ссоритесь, на десять партий разбились. Ну, вот я пристану к вам, так ваша партия будет посильнее. Знаешь, что я замечаю? Твое вольнодумство начинает выдыхаться; вы, провинциалы, мало читаете. Вышло много новых книг и брошюрок по твоей части; я с собой привез довольно. Коли хочешь, подарю тебе

Прогляди книжки две, так тебе разговору-то лет на пять хватит.

Лыняев. Вот спасибо. Значит, у тебя за малым дело стало, только жениться?

Беркутов. Да, жениться, мой друг, жениться поскорей. Имение я знаю, как свои пять пальцев; порядки в нем заведены отличные; надо торопиться, чтоб не успели запустить хозяйство. Умен был старик Купавин!

Лыняев. Под старость, кажется, немножко рехнулся.

Беркутов. Почему ты думаешь?

Лыняев. Лесу накупил тысяч на сто.

Беркутов. Эка умница! Вот спасибо ему!

Лыняев. Зато чистых денег Евлампии Николаевне оставил мало, она теперь нуждается.

Беркутов. И прекрасно сделал. Оставь он деньги, так их давно бы не было, а лес-то стоит да растет еще.

Лыняев. Да куда его девать? На лес у нас никакой цены нет.

Беркутов. Лес Купавиной стоит полмиллиона. Через десять дней вы услышите, что здесь пройдет железная дорога. Это из верных источников, только ты молчи пока.

Лыняев. Ай, ай! Ловко! А вот что! Я ведь тебе говорил, бланк-то она выдала Чугунову, бланк-то.

Беркутов. Могла скверная штука выйти.

Лыняев. Как «могла»?

Беркутов. Если б бланк попался в другие руки.

Лыняев. А Чугунов помилует, что ли?

Беркутов. У Чугунова, как у всех старых плутов, душа коротка, да и потребности ограничены. Я справлялся: он тут пустошь торгует,— три тысячи просят. Вероятно, он этим и удовольствуется.

Лыняев. Значит, препятствий нет, и ты женишься. Но любопытно, как ты это устроишь.

Беркутов. Ну, как — я еще не знаю, глядя по обстоятельствам; только, во всяком случае, это будет! Женщины любят думать, что они свободны и могут располагать собой, как им хочется. А на деле-то они никак и никогда не располагают собой, а располагают ими ловкие люди.

Входит Купавина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лыняев, Беркутов, Купавина.

Купавина. Извините, господа!

Лыняев. Нас извините, что мы не вовремя.

Беркутов *(целуя руку Купавиной)*. Моя торопливость простительна, я так давно не видал вас... Нетерпение мое было так велико...

Купавина *(с улыбкой)*. Что, если б крылья...

Беркутов. Я бы прилетел еще раньше.

Лыняев. Ну, для амура ты уж немножко тяжел стал.

Купавина. Да уж и стрелы, я думаю, порастратили.

Лыняев. Нет, он еще приберег для случая.

Купавина. Уж разве немного, и то не очень острые.

Беркутов. Зато я стал бережливее и не раскидываю их понапрасну.

Купавина. А стреляете только наверное?

Беркутов. По крайней мере не трачу даром, и то хорошо.

Лыняев. Не позволите ли вы мне погулять по саду? А то, если я после обеда долго в комнате...

Купавина. Так сон клонит?

Лыняев. Угадали.

Купавина. Сделайте одолжение, поступайте, как вам угодно.

Лыняев *(уходя)*. Чей это экипаж у вас на дворе?

Купавина. Мурзавецкая прислала за Глафирой Алексеевной.

Лыняев. Так она уезжает?

Купавина. А вам жаль?

Лыняев. Не скажу, чтоб очень. А скоро уезжает?

Купавина. Сейчас.

Лыняев. Счастливый путь, скатертью ей дорожка! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Купавина, Беркутов, потом лакей.

Купавина. Надолго вы к нам?

Беркутов. Нет, к несчастию, на короткое время, я приехал по делу.

Купавина. По делу?

Беркутов. Я бы мог обмануть вас, сказать, что приехал собственно затем, чтоб увидать вас, чтоб полюбоваться на вас; но, во-первых, вы этому не поверите...

Купавина. А может быть, и поверю.

Беркутов. Ну, так я не хочу вас обманывать. После двух лет разлуки, как я смею рассчитывать, что мои нежности будут вам приятны. Вы могли перемениться, да, вероятно, и переменились. Вы теперь женщина богатая и свободная, ухаживать за вами не совсем честно; да и вы на каждого вздыхателя должны смотреть, как на врага, который хочет отнять у вас и то, и другое, то есть и богатство, и свободу. Прежде — другое дело: вы были в зависимом положении, да и оба мы были помоложе. *(Со вздохом.)* Ах, какое хорошее время было!

Купавина. Так вы совершенно отказываетесь ухаживать за мной?

Беркутов. Совершенно. А вам хотелось помучить меня, позабавиться? Не запирайтесь! Уж я вижу по глазам вашим. Ну, бог с вами. Поберегите кокетство для других обожателей: у вас будет много. Побеседуем как деловые люди! Я приехал продать усадьбу.

Купавина. Что вам вздумалось? Родовое имение!

Беркутов. Так что ж, что родовое? Доходов очень мало, нет выгоды иметь его; чистые деньги мне больше дадут.

Купавина. И вас ничто не привязывает к месту вашего рождения, вам ничего не жаль здесь?

Беркутов. Может быть, и жаль, да расчету нет.

Купавина. Все расчеты, расчеты, и нисколько сердца.

Беркутов. Остывает оно с годами-то, Евлампия Николаевна. Купите у меня имение!

Купавина. У меня денег нет, да я и плохая хозяйка.

Беркутов. Вы скромничаете. У вас все так хорошо, все в таком цветущем виде, везде порядок, чистота.

Купавина. Чистота дело женское и очень немудреное; а как идет хозяйство у меня, я не имею и понятия. Бывают дела, которые выше моего соображения; я должна доверяться посторонним людям и, конечно, могу быть обманута.

Беркутов. Что же, например?

Купавина. Да вот и теперь есть у меня дело, которое меня очень беспокоит.

Беркутов. Если не секрет, скажите!

Купавина. Нимало не секрет, я даже хотела посоветоваться с вами и просить вашей помощи.

Беркутов. Всей душой рад помочь вам, если только время позволит. В чем дело?

Купавина. Рассказывать долго, а вот лучше прочтите письмо. *(Подает письмо Мурзавецкой.)*

Беркутов *(прочитав письмо, отдает его назад)*. Прочел-с.

Купавина. Что же вы скажете?

Беркутов. Надо узнать, как велика претензия, осмотреть документы.

Купавина. Я слышала, двадцать пять тысяч. А потом?

Беркутов. Потом поскорей заплатить деньги, чтоб не доводить до процесса. На всякий случай надо иметь тысяч тридцать. Есть у вас?

Купавина. Нет, у меня денег очень мало.

Беркутов. Это вот дурно.

Купавина. Вы меня пугаете.

Беркутов. Нисколько не пугаю; зачем мне вас пугать? Я только объясняю вам ваше положение.

Купавина. Какое же мое положение?

Беркутов. Незавидное. Вы очень богатая женщина, но эти тридцать тысяч так могут расстроить ваше состояние, что вам его никогда не поправить.

Купавина. Почему же?

Беркутов. Вы должны или заложить имение в банк...

Купавина. Вот и деньги!

Беркутов. Но тогда почти все доходы уйдут на проценты, и вам самим мало останется на прожитие.

Купавина. Так закладывать не надо.

Беркутов. В таком случае надо продать часть имения, лес например. У вас есть тысячи полторы десятин лесу.

Купавина. Как полторы? Четыре тысячи.

Беркутов. В другом месте это огромное богатство, а здесь на лес цены низки: лесопромышленники дадут вам рублей по десяти за десятину,— значит, надо продать его почти весь. А без лесу имение стоит грош. Дадут и дороже десяти рублей, но с рассрочкой платежа, по вырубке, а вам нужны деньги сейчас. Вот какое ваше положение!

Купавина. Да, я теперь вижу.

Входит лакей.

Лакей. Василий Иваныч, вас межевой спрашивает. Говорит, что непременно нужно вас видеть.

Беркутов *(Купавиной)*. Позвольте мне в вашем присутствии сказать Горецкому десять слов, не более.

Я посылаю его в Вологду межевать леса в моем имении.

Купавина. Сделайте одолжение. *(Лакею.)* Позови!

Лакей уходит.

Мы поговорить еще успеем.

Входит Горецкий.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беркутов, Купавина, Горецкий.

Беркутов *(Горецкому)*. Что вам угодно?

Горецкий. За мной дядя прислал, велит сейчас приезжать. Как прикажете?

Беркутов. Вы не знаете, зачем?

Горецкий. Говорят, дело есть.

Беркутов *(подумав)*. Поезжайте и делайте все, что вам прикажут. А между тем сбирайтесь; вы поедете завтра на пароходе в полдень. Утром вы мне будете нужны; постарайтесь меня увидать прежде, чем я буду у Меропы Давыдовны; выходите ко мне навстречу, на дорогу.

Горецкий. Хоть за пять верст, если прикажете.

Беркутов. Так далеко не нужно. Только постарайтесь, чтоб вас не заметили, вообще не будьте очень откровенны и не болтайте пустяков. Вы отдали пятнадцать рублей Михаилу Борисычу?

Горецкий. Сейчас в саду отдал-с. Денег мне не дадите?

Беркутов. Завтра утром пятьдесят рублей, а теперь ни гроша. Прощайте!

Горецкий кланяется и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Беркутов, Купавина.

Беркутов. Виноват. С Горецким я кончил и весь к вашим услугам.

Купавина. Угодно вам продолжать наш разговор? Утешьте меня!

Беркутов. Очень рад, очень рад. Я удивляюсь, как вы до сих пор не сочлись с Мурзавецкой,— вы видитесь с ней часто. Надо было хорошенько разобрать дело,— на слово никому верить не должно,— и сойтись на какую-нибудь сделку, склонить ее на уступку, на рассрочку, чтоб расплатиться без затруд-

нений и без хлопот. Вы, как видно, не успели привести в ясность ни имения вашего, ни доходов, ни обязательств, которые лежат на вашем имении. Вы скажете: «я все пела». Прекрасно. С вас и требовать многого нельзя: вы неопытны, ваше положение новое для вас. Но неужели у вас, кроме продажного подьячего, не было ни близких, ни знакомых, кто бы мог привести в порядок дела по вашему имению? Неужели вы ни в ком не видали участия к вам, не имели ни от кого доброго совета?

Купавина. Нет, имела.

Беркутов. Да что же?

Купавина. Да не послушала.

Беркутов. И даже не отвечали на письмо...

Купавина. Довольно странное, в котором...

Беркутов. Было все, что нужно для вас: дружеское участие и практические советы.

Купавина. Вы сердитесь на меня?

Беркутов *(с улыбкой)*. Нет.

Купавина. Так докажите, что не сердитесь, и помогите мне добрым советом!

Беркутов. Это моя обязанность. Но примете ли вы мой совет? Дайте мне слово, что вы меня послушаете.

Купавина. Связать себя словом, не зная...

Беркутов. Не бойтесь, мой совет бескорыстен: я имею в виду только вашу одну пользу.

Купавина. В таком случае я приму. Что ж вы мне посоветуете?

Беркутов. Выходите поскорей замуж!

Купавина *(с изумлением)*. Замуж? За кого?

Беркутов. За Мурзавецкого.

Купавина. Вы меня оскорбляете.

Беркутов. И в помышлении не имел ничего, кроме доброго расположения к вам.

Купавина. Я не знаю, как они осмелились! Намеки Меропы Давыдовны очень понятны были.

Беркутов. Да отчего ж им не сметь? Он — дрянь мальчик; но ведь своих недостатков он не замечает. Он дворянин, еще молод, может получить кой-что от тетки, и нельзя сказать, чтобы вы, с вашим приданым, стояли для него очень высоко.

Купавина. Вы или шутите, или хотите обидеть меня.

Беркутов. Ни то, ни другое; всякий умный человек скажет вам то же, что я.

Купавина. Так, по-вашему, для меня единственное средство — выйти за Мурзавецкого?
Беркутов. Не единственное, но лучшее, чтоб сохранить в целости имение и не разориться.
Купавина (*твердо*). Так выходить? Я вас решительно спрашиваю...
Беркутов. Да, выходите! Хорошо сделаете, очень хорошо.
Купавина. Какой тон у вас равнодушный! Вы, как медик, приговариваете к смерти без сострадания.
Беркутов. Но когда обращаются к медику, так от него не сострадания требуют, а знания своего дела и полезного совета.
Купавина. Я могла надеяться, судя по нашим прежним отношениям...
Беркутов. Беспощадное время уносит все.
Купавина. И по последнему письму...
Беркутов. За последнее письмо извините! Сбираясь сюда не надолго и, вероятно, в последний раз, я хотел встретиться со всеми любезно и оставить по себе хорошее впечатление. Может быть, я пересолил, впал в пошлость...
Купавина. Только?
Беркутов (*холодно*). Только. Вы еще не отвечали Мурзавецкой на письмо?
Купавина. Нет.
Беркутов. Надо отвечать.
Купавина. Я не знаю — что.
Беркутов. Это не мудрено. Если хотите, я вам помогу. Я завтра утром буду у Мурзавецкой и поговорю о вашем деле; может быть, оно и не так страшно, как кажется издали. Вы мне доверяете?
Купавина. Я прошу вас.

Входит Лыняев.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Купавина, Беркутов, Лыняев.

Лыняев. Ходил, ходил по саду, еще хуже, так и клонит.
Купавина. Этому горю помочь очень легко. Мы с Васильем Иванычем пойдем писать письмо Мурзавецкой, а вы можете расположиться здесь как вам угодно. Эту комнату мой муж нарочно и устроил для

послеобеденных отдыхов: окна на север, кругом зелень, тишина, мягкие диваны...

Лыняев. Именно все это мне и нужно для того, чтоб быть совершенно счастливым.

Купавина. Так и будьте!

Лыняев. Постараюсь.

Купавина и Беркутов уходят.

Кто что ни говори, а холостая жизнь очень приятна. Вот теперь, например, если б я был женат, ведь жена помешала бы спать. «Не спи, душенька, нехорошо, тебе нездорово, ты от этого толстеешь». А того и знать не хочет, как ее «душеньке» приятно уснуть, когда сон клонит и глаза смыкаются... *(Садится на диван под окном.)*

Глафира из-за портьеры смотрит на него страстным, хищническим взглядом, как кошка на мышь.

А как хорошо просыпаться холостому! Как только откроешь глаза, первая мысль: что ты сам себе господин, что ты свободен. Нет, я неисправимый холостяк, я свою дорогую свободу не променяю ни на какие ласки бархатных ручек! *(Медленно склоняется к изголовью.)*

Глафира, выйдя из-за портьеры, обнимает его одной рукой за шею и смотрит ему прямо в глаза. Лыняев, приподнимаясь, смотрит на Глафиру с испугом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лыняев, Глафира.

Глафира *(поднося платок к глазам)*. Что вы со мной сделали?

Лыняев *(вставая с дивана и протирая глаза)*. Я? Нет, что это вы-то со мной делаете?

Глафира. Я не знаю... я помешалась... я не помню ничего. А во всем вы виноваты, вы...

Лыняев. Ни душой, ни телом.

Глафира. Нет, вы... Я вам говорила...

Лыняев. Чем я виноват, чем?

Глафира. Я вам говорила, я вас предупреждала, что сильная страсть может вспыхнуть во мне каждую минуту... Я такая нервная... Ну, вот, ну, вот!.. А вы, зная мою страстность...

Лыняев. Да ведь я по вашему приказанию...

Глафира. Я вам говорила... а вы сводили меня с ума своими похвалами, целовали мои руки...

Лыняев. Да ведь шутка, Глафира Алексеевна... шутка...

Глафира. Я вам говорила, что любовь, кроме страданий, ничего мне не доставит... Я ведь вам говорила, а вы... Ну вот я не спала всю ночь; я полюбила вас до безумия.

Лыняев. Ах, вот беда-то! Ну, простите меня!

Глафира. Я вам говорила, что если уж я полюблю...

Лыняев. Да, говорили, кажется... но успокойтесь!

Глафира *(с отчаянием)*. Вы меня погубили.

Лыняев. Ну, я виноват, я каюсь. Ради бога извините! Я неумышленно... *(Хочет поцеловать у Глафиры руку.)*

Глафира. Не дотрагивайтесь до меня!.. Я такая нервная...

Лыняев. Но позвольте же поцеловать вашу ручку на прощанье! И поезжайте, поезжайте!..

Глафира. Ах, нет, оставьте... не трогайте!

Лыняев. На прощанье! Я по крайней мере буду знать...

Глафира. Я такая нервная...

Лыняев. Что вы меня не презираете. *(Берет руку Глафиры.)*

Глафира. Я говорила вам...

Лыняев. Ведь вы уедете?.. Уедете? Ну, и поезжайте! *(Целует руку Глафиры.)*

Глафира. Ах, я такая нервная... Ах, ах! *(Бросается на шею Лыняеву и закрывает глаза.)*

Лыняев. Что же это вы? Глафира Алексеевна! Глафира Алексеевна!

Глафира *(открыв глаза)*. Ах, сюда идут, кажется.

Лыняев. Они ходят по террасе.

Глафира. Ах, ах! *(Закрывает глаза.)*

Лыняев. Глафира Алексеевна, Глафира Алексеевна, не беспокойтесь... они сюда не пойдут.

Глафира. Вы меня погубили!.. Что подумают! Куда мне деться? Другого выхода нет...

Лыняев. Да вы потише, не очень громко, а то...

Глафира. Разве они слышат? Спрячьте меня, спрячьте!

Лыняев. Да куда же мне вас?.. Разве за драпировку?..

Глафира. Да вот они идут... Вы меня погубили!

Лыняев. Да тише, ради бога тише!

Глафира. Ах, что вы со мной сделали! *(Бросается ему на шею и закрывает глаза)*.

Показываются в дверях Беркутов и Купавина.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лыняев, Глафира, Беркутов, Купавина, потом лакей.

Беркутов. Что я вижу? Друг мой!

Купавина. Михайло Борисыч, Михайло Борисыч! Вот вы какой! Ах, притворщик!

Лыняев *(сквозь слезы)*. Ну, что ж! Ну, я женюсь.

Входит лакей.

Лакей. Глафира Алексеевна, лошади готовы.

Глафира. Ах, и люди тут! Что вы со мной сделали? Что теперь Меропа Давыдовна?..

Купавина. Ах, бедная! Ты останься у меня!

Беркутов. Не беспокойтесь! Я завтра утром буду у Меропы Давыдовны, я ей объясню все.

Лыняев *(чуть не плача)*. Ну, что ж, я женюсь. Ты так и скажи, пожалуйста! Скажи, что я женюсь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

МУРЗАВЕЦКАЯ.
МУРЗАВЕЦКИЙ.
ЧУГУНОВ.
БЕРКУТОВ.
КУПАВИНА.
АНФУСА.
ГЛАФИРА.
ЛЫНЯЕВ.
ПАВЛИН.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Павлин, входит Чугунов.

Чугунов. Здравствуй, Павлинушка!

Павлин. Здравствуйте, сударь! Немножко раненько пожаловали.

Чугунов. Так приказано. Дай-ка табачку-то!

Павлин *(подавая табакерку)*. Извольте, сударь.
Чугунов. Встали?
Павлин. Сели чай кушать. Да вот они сами изволят.

Входит Мурзавецкая. Павлин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мурзавецкая, Чугунов.

Мурзавецкая. А, ты здесь уж? Здравствуй!
Чугунов. Здравствуйте, матушка Меропа Давыдовна! Как почивать изволили?
Мурзавецкая *(садясь)*. Ничего. Садись!

Чугунов садится.

Гнать бы мне тебя надо было.
Чугунов. За что же, матушка?
Мурзавецкая. Просим бога избавить нас от лукавого; а лукавый-то ведь — это ты.
Чугунов. Где уж мне, благодетельница! Умишка на такую должность не хватит. Мне бы только вам уметь угодить, с меня и довольно.
Мурзавецкая. Письмо получила.
Чугунов. Слушаю-с.
Мурзавецкая. Приедет сегодня Несмеяна-то царевна, испугалась.
Чугунов. Чай, простите?
Мурзавецкая. Нет, отомщу, отомщу. Грех на душу возьму, а отомщу! *(Стучит костылем.)*
Чугунов. Чем отомстить-то? Все только грозите. А кто нынче угрозы-то боится?
Мурзавецкая. Твое дело дьявольства-то придумывать! Что у тебя на уме, сказывай!
Чугунов. Что сказывать-то, коли сердитесь.
Мурзавецкая. Нет, говори! Ты знаешь, я упряма; уж коли приказываю, так говори!
Чугунов. Как вам угодно, а, по-моему, простить нельзя-с. Против благодетельницы своей да такая насмешка!
Мурзавецкая. Да, да, вот!
Чугунов. Вы кто у нас в губернии-то? Каков бы ни был Аполлон Викторыч, да он ваш племянник. Легко сказать, племянник Меропы Давыдовны! Много ль таких-то особ.

Мурзавецкая. Ну вот, поди ж ты, какая герцогиня нашлась.
Чугунов. Сама приглашала; вы тут дожидаетесь ответу, беспокоитесь, а там его лакеи чуть не в шею.
Мурзавецкая. Да, да. *(Громко.)* Аполлон, поди сюда!
Чугунов. На что похоже, помилуйте!

Входит Мурзавецкий, одет по-охотничьи, в руках ружье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мурзавецкая, Чугунов, Мурзавецкий.

Мурзавецкая. Ты куда это?
Мурзавецкий. Вальдшнепы показались по садам, перебить надо.
Мурзавецкая. Купавина тебя сама приглашала?
Мурзавецкий. Сама, ма тант; я вам тогда говорил.
Мурзавецкая. Да, может быть, так, мимоходом?
Мурзавецкий. Мимоходом? Так на шею и бросается; уж я ее останавливал, говорил: лесе, не хорошо!
Чугунов. Вот, вот она какая!
Мурзавецкая. Может быть, Аполлон и лжет, а все же хоть что-нибудь есть и правды.
Мурзавецкий. Все правда, ма тант.
Мурзавецкая. Ну, а дальше что?
Мурзавецкий. А дальше — малёр. Мало того, что не пустила, а еще поставила засаду из лакеев. И если бы не мой Тамерлан — ну, адьё, мон плезир! Только бы вы меня и видели, ма тант. Лев, а не собака: того за горло, другого за горло, ну и разбежались, и я жив. Собака — друг. *(Свищет.)* Тамерлан, иси! Друг единственный!
Мурзавецкая. Не надо, не надо, оглушил. Ступай!

Мурзавецкий уходит в переднюю.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мурзавецкая, Чугунов ⟨потом Павлин⟩.

Мурзавецкая. Что ж это такое, Вукол, а?
Чугунов *(нюхая табак)*. Насмешка.
Мурзавецкая. Над кем?
Чугунов. Над вами, видимое дело.

Мурзавецкая. Отмстить-то ей я отомщу, уж найду случай, не умру без того; да мне бы теперь-то зло сорвать дороже всего.

Чугунов. Надо теперь, что откладывать! Еще забудете, пожалуй.

Мурзавецкая. Не забуду я, милый, не забуду никогда!

Чугунов. Они теперь, чай, смеются с Лыняевым.

Мурзавецкая. Да что ты меня дразнишь-то, сутяга! За тем, что ли, я тебя позвала-то?

Чугунов. Чем я вас дразню? Сами знаете, что смеются.

Мурзавецкая. Молодая бабенка, и ума-то не важного, смеется над нами, как над дураками; а мы с тобой, старые умники, сидим да ничего сделать ей не можем.

Чугунов. Все можно сделать, все.

Мурзавецкая. Да что? Пусть приедет, да прощенья просит, вот что мне нужно!

Чугунов. И это можно.

Мурзавецкая *(стуча костылем)*. Хвастаешь, хвастаешь, приказная крыса!

Чугунов. На коленях будет стоять.

Мурзавецкая. Говорю, не дразни! Костылем ведь я тебя!

Чугунов. Спасибо скажете, а не то, что костылем.

Мурзавецкая. Ну, бес воплощенный, что у тебя за каверзы, говори!

Чугунов *(вынимая бумагу)*. А вот покажите-ка ей, пусть посмотрит!

Мурзавецкая *(взяв бумагу)*. Что это? Письмо к Аполлону.

Чугунов. Извольте прочитать.

Мурзавецкая *(читает)*. «Милостивый государь, Аполлон Викторыч! По делам моим с покойным родителем вашим, остался я должен ему в разное время тысяч до тридцати, что вы можете усмотреть из конторских книг и счетов, если таковые сохранились. Но весьма может быть, что, по известной небрежности вашего родителя, в его бумагах не осталось никаких следов моего долга. Я нисколько не желаю скрывать оный и лишать вас удовлетворения, на каковой конец и прилагаю при сем узаконенной формы документ...». Так ты вот что придумал! А про Сибирь-то забыл?

Чугунов. Да что за пропасть! Только и слышу от всех, что Сибирь да Сибирь.

Мурзавецкая. Дела твои, милый, такие; оттого и слышать тебе часто приходится.

Чугунов *(вынув из кармана векселя)*. Вот и векселя!

Мурзавецкая. Готово уж? Нет, Вукол, в тебе дьявол сидит. Как вас, скариотов, земля терпит? А что за книга это у тебя?

Чугунов. Конторская старая; тут и счеты есть. Из кладовой мы ее достали, отсырела она, пятнышками пошла. Векселя у меня в ней всю ночь лежали, да и теперь пусть лежат, да выцветают, а то свежи чернила-то. Да тут им и быть следует! *(Берет векселя у Мурзавецкой.)* Поглядите, какая чистота-то!

Мурзавецкая. Что глядеть-то, дьявол тебе помогает.

Чугунов. Только это и слышу от вас. *(Кладет векселя в книгу и отдает Мурзавецкой.)*

Мурзавецкая. Да как же не дьявол! Разве человек сам на такую гадость решится? Да хоть бы и решился, так одному, без дьявола, не суметь.

Чугунов. Думаешь угодить, а вы браните. Вот житье-то мое!

Мурзавецкая. Полно хныкать-то!

Чугунов. Да право! Лучше отдайте, я их уничтожу.

Мурзавецкая. Ну, как не отдать! Говори, крыса, что мне с ними делать-то?

Чугунов. Евлампия Николаевна приедет, вы покажите векселя, да построже обойдитесь. Уплатите, мол, немедленно, а то ко взысканию подам. Ну, уж тут она вся в ваших руках: что хотите, то с ней и делайте.

Мурзавецкая. Ну, да, ну, да! Пугнуть только; а то неужто ж в суд представлять! Ведь они фальшивые. *(Кладет книгу на стол.)*

Чугунов. А как сделаны-то, загляденье! Эх! Представить бы их завтра к мировому — к вечеру исполнительный лист готов; а то письма пишете, грозите, предупреждаете только. Пожалуй, и доверенность мою уничтожат.

Мурзавецкая. Против своей барыни-то! Хорош управляющий!

Чугунов. Я уж себя обеспечил, на пустошь денег добыл. Что мне ее жалеть-то! Все тридцать тысяч взыскали бы — мне двадцать процентиков.

Мурзавецкая. Да как ты посмел рот-то разинуть! Кому ты говоришь? Благородной даме ты такие подлости предлагаешь! Так бы вот тебя по лысине-то и огрела. Да и стоит. *(Прислушиваясь.)* Никак кто-то подъехал! Поди закуси что-нибудь! Я тебя после позову.

Чугунов уходит. Входит Павлин.

Павлин. Василий Иваныч Беркутов.

Мурзавецкая. Какой такой Беркутов? Да, да, да, помню. Проси!

Павлин уходит. Входит Беркутов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мурзавецкая, Беркутов.

Беркутов. Честь имею представиться! Изволите помнить?

Мурзавецкая. Ну как, батюшка Василий Иваныч, не помнить! Милости прошу садиться!

Беркутов садится.

Давно приехали?

Беркутов. Третьего дня вечером. Извините! Вчера же хотел быть у вас, да очень устал с дороги. Еще в Петербурге поставил для себя долгом по приезде сюда, нимало не откладывая, явиться к вам засвидетельствовать свое почтение и сообщить, что молва о вашей подвижнической жизни, о ваших благодеяниях достигла уже и до столиц.

Мурзавецкая. Благодарю, батюшка!

Беркутов. Кроме того, мне, как приезжему, любопытно знать житье-бытье в нашей губернии; а от кого же я могу получить более верные сведения и более справедливые отзывы, как не от вас.

Мурзавецкая. Уж кому ж и знать наши дела, как не мне?

Беркутов. Как у нас земство, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. Ну, что! Через пень колоду валят.

Беркутов. А что же бы к вам за советом?

Мурзавецкая. Все сами умники, поедут они к старухе, как же!

Беркутов. Положим, что между ними есть люди и неглупые, но ведь у вас только могут они занять опытность, знание жизни народной и нужд здешнего края. Нет, если б я стал служить здесь...

Мурзавецкая. А кто ж мешает?

Беркутов. Дела есть неоконченные. Я бы, разумеется, стал баллотироваться на более видные должности.

Мурзавецкая. Да сделайте милость! Вот у нас скоро выборы будут в предводители, в председатели земской управы...

Беркутов. Я ведь только к тому говорю, Меропа Давыдовна, что если бы я служил, я бы без вашего совета ничего не делал.

Мурзавецкая. Послушай-ка, Василий Иваныч, уж извини меня, старуху, баллотируйся!

Беркутов. И своим-то умом бог не обидел, да с вашими бы советами... да тогда вся губерния была бы у нас с вами в руках.

Мурзавецкая. Говорю тебе, баллотируйся! Чего тебе бояться?

Беркутов. Да мне бояться нечего: я здесь со всеми в ладу. Хоть ребячеств Лыняева и всей их компании я и не одобряю, а все-таки не ссорюсь и с ними.

Мурзавецкая. Именно, ребячества, вот уж верное-то слово ты сказал.

Беркутов. Разумеется, я душою всегда буду с вами, в вашей партии.

Мурзавецкая. Ну, так мы тебя и запишем; значит, нашего полку прибыло.

Беркутов. Я подумаю, Меропа Давыдовна, подумаю. Позвольте вам услужить! Я с собой привез несколько книг духовного содержания...

Мурзавецкая. Сделай милость, одолжи!

Беркутов. Да я вам их подарю. *(Встав.)* Честь имею кланяться. Мне нужно сделать в городе несколько визитов. Я еще заеду к вам, и не один раз, если позволите. Беседа с вами так назидательна. *(Раскланивается.)*

Мурзавецкая. Милости прошу во всякое время.

Беркутов. Ах, извините! У меня есть к вам небольшая просьба.

Мурзавецкая. Что такое, батюшка? Очень рада служить, чем могу.

Беркутов. Я имею поручение от соседки моей, Евлампии Николаевны. Дело-то не важное.

Мурзавецкая. Как не важное? Нет, уж это она напрасно так думает.

Беркутов. Во-первых, она просит у вас извинения и сама сегодня будет у вас.

Мурзавецкая. Вот так-то лучше, давно бы ей догадаться.

Беркутов. А что касается до долга ее мужа вашему покойному брату, или теперь вашему племяннику, так неизвестно, признавал ли господин Купавин этот долг.

Мурзавецкая. Признавал, сам признавал, как же.

Беркутов. Да почем вы знаете?

Мурзавецкая. Письмо есть.

Беркутов. Послушайте, Меропа Давыдовна, и вы этому верите?

Мурзавецкая. Да как не верить, коли и документы, и все у меня налицо.

Беркутов. Какие же они негодяи! Что они с вами делают!

Мурзавецкая. Кто это, кто?

Беркутов. Племянничек ваш, Аполлон, и компания.

Мурзавецкая. Да вы не забывайтесь, милостивый государь! Вы у меня в доме.

Беркутов. Нет, гоните его, гоните всех их скорее!

Мурзавецкая. Он дворянин... Да если б он слышал. Да и я... ведь я его тетка! Или извольте замолчать...

Беркутов. Позвольте! Я вас понимаю: у вас такое любящее сердце, вы и не подозреваете всей гнусности...

Мурзавецкая. Нет, увольте меня от ваших разговоров! Сделайте одолжение, увольте! Прошу вас, увольте!

Беркутов. Что они? Им терять нечего. А этакую даму, почтенную, видеть на скамье подсудимых! Вся губерния будет смотреть...

Мурзавецкая *(в испуге)*. Как на скамье подсудимых?

Беркутов. Я вам сейчас объясню: скрывать незачем, уж все это теперь многим известно; завтра дойдет до прокурора, начнется следствие. Главный виновник, Горецкий, ничего не скрывает, его, должно быть, скоро арестуют.

Мурзавецкая. Да что такое, что?
Беркутов. Написаны фальшивые векселя на покойного Купавина; сделано это вчера; я подозреваю вашего племянника, не вас же подозревать, в самом деле.
Мурзавецкая. Нет, нет, не меня, не меня!
Беркутов. Написали письмо от имени Купавина вашему племяннику и два векселя, достали из кладовой старую конторскую книгу и положили их туда. *(Увидав на столе книгу.)* Вот в такую книгу. *(Берет книгу и развертывает.)* Да вот они здесь! И в книге счет выведен... помарки, почистки. Прекрасно! Вещественные доказательства...
Мурзавецкая. Батюшка, не погуби!
Беркутов. Теперь моя главная забота: спасать вас.
Мурзавецкая. Спасай меня, батюшка, спасай! В ножки поклонюсь.
Беркутов. Не беспокойтесь! Я постараюсь всеми силами потушить это дело. Вас очень жаль! Чем вы виноваты!
Мурзавецкая. Ничем, батюшка, ничем!
Беркутов. Еще есть письмо, по которому вы получили тысячу рублей.
Мурзавецкая. Уж не упомню, батюшка, не упомню; память плоха стала.
Беркутов. Я вам напомню. *(Вынув из кармана письмо.)* Вот оно! Оно того же мастера. Вам надо будет деньги возвратить.
Мурзавецкая. Где ж я возьму, уж я их все раздала бедным; они теперь бога молят... не отнимать же у них.
Беркутов. Разумеется, вы были в заблуждении; но что ж делать, возвратить придется, если дело дойдет до суда. Впрочем, вы пока не беспокойтесь, выкиньте все это из головы!
Мурзавецкая. И рада б выкинула, да нейдет. Ошеломил да и говорит: из головы выкиньте!
Беркутов. Развлеките себя! Поговорим о чем-нибудь другом.
Мурзавецкая. Боюсь я, голубчик, окружного-то суда; страсть как боюсь.
Беркутов. Ну, может быть, дело как-нибудь и уладится. Вот вам новость! Лыняев сделал предложение Глафире Алексеевне.

Мурзавецкая. Да ну их! Что это сердце-то как дрожит... Изловила-таки она его!

Беркутов. И, кажется, очень ловко.

Мурзавецкая. Поделом ему! Ничего мне его не жаль! Не унимается сердце-то... А вы-то холостой?

Беркутов. Холостой.

Мурзавецкая. Что ж не женитесь?

Беркутов. Сначала дела мешали, а теперь невесты не найду. Посватайте!

Мурзавецкая. Кого б тебе посватать? Вот в виски вступило. Да чего ж лучше, соседка твоя, Евлампия Николаевна.

Беркутов. Она, кажется, не очень расположена ко мне; а я бы непрочь.

Мурзавецкая. Так сватать, что ли?

Беркутов. Сватать не сватать, а я бы попросил вас поговорить с ней поласковее, узнать ее мнение, посоветовать ей.

Мурзавецкая. Да уж не учи, я не глупей тебя на эти дела. Только ты меня выручи! Да вот тысяча-то рублей...

Беркутов. Вы для меня, а я для вас. Евлампия Николавна должна сейчас приехать, а вместе с ней и Глафира Алексеевна, и Лыняев.

Мурзавецкая. Так уж ты меня извини, я пойду распоряжусь. Надо завтрак приготовить и кофей, жениха-то принять; ведь племянник будет.

Беркутов. Обо мне не беспокойтесь! Мне бы нужно сейчас же видеть Чугунова.

Мурзавецкая. Да он, каторжный, тут. Я его сейчас пошлю. Вукол, Вукол! Да вот он!

Мурзавецкая уходит. Входит Чугунов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беркутов, Чугунов.

Беркутов. Здравствуйте, Вукол Наумыч! *(Подает руку.)*

Чугунов. Мое почтение, Василий Иваныч! Давно ли пожаловать изволили-с?

Беркутов. Только что приехал. Очень приятно вас видеть. Как поживаете, Вукол Наумыч?

Чугунов. Благодарение создателю, Василий Иваныч, не жалуюсь.

Беркутов. Душевно рад. Я вас от дела не отвлекаю ли? Мне желательно поговорить с вами несколько минут.

Чугунов. Сколько вам угодно. Готов служить.

Беркутов. Нужно мне, почтеннейший Вукол Наумыч, некоторые сведения собрать насчет здешней местности.

Чугунов. Да-с? *(Вынув табакерку.)* Не прикажете ли?

Беркутов. Не нюхаю; а впрочем, позвольте! *(Нюхает.)* Чем это он пахнет?

Чугунов. Жасмином-с. Нарочно произращаю: и цветок приятно иметь в доме на окне, и запах-с. Хорошие табаки стали из моды выходить. Прежде был табак под названием «Собрание любви»,— вот, я вам доложу, Василий Иваныч, табак был... Так что же вам угодно насчет местности?

Беркутов. Видите ли, поговаривают о Сибирской железной дороге; мы, как здешние помещики, заинтересованы в этом деле; и если нет никаких физических препятствий, гор, например...

Чугунов. Препятствий и гор нет-с, плоская губерния. Только что же мы будем доставлять в Сибирь, какие продукты?

Беркутов. Продукты есть, Вукол Наумыч.

Чугунов. Интересно послушать-с.

Беркутов. Я думаю, вам случалось читать в газетах, что в последнее время много стало открываться растрат, фальшивых векселей и других бумаг, подлогов и вообще всякого рода хищничества. Ну, а по всем этим операциям находятся и виновные; так вот эти-то продукты мы и будем посылать в Сибирь, Вукол Наумыч.

Чугунов. Шутить изволите.

Беркутов. Какие шутки! Да вот, недалеко ходить, сейчас один молодой человек сам сознался, что наделал фальшивых векселей.

Чугунов *(качая головой)*. Скажите пожалуйста, какие дела творятся на белом свете!

Беркутов. Как его фамилия-то? Горецкий, кажется.

Чугунов. Горецкий... позвольте! Есть такой, есть-с... слыхал.

Беркутов. Он говорит, что его принудили, и черновые представил, с которых его списывать заставляли.

Чугунов. Очень нужно путать людей! Не понимаю. Ведь уж ему не легче от того будет. Молод еще.

Беркутов. Он еще сознался, что вексель на госпожу Купавину писал, а Евлампия Николаевна сегодня заявляет, что у нее похищен бланк.

Чугунов. Какие дела-то!

Беркутов. Вот что, Вукол Наумыч, не с вами ли вексель-то? А коль не с вами, так принесите его поскорей!

Чугунов. Нет, зачем же-с! Я вам очень благодарен, Василий Иваныч.

Беркутов. За что же?

Чугунов. Предупредили. Я теперь вексель уничтожению предам. Пусть Горецкий путает, а я и знать не знаю, у меня и не было никакого.

Беркутов. Жаль! Вам, хоть не всю сумму, а все-таки что-нибудь получить надо бы по этому векселю.

Чугунов. Да, конечно, Василий Иваныч, надо бы. Ведь какой благородный поступок-то с моей стороны! Выдают бланки зря... Да другой бы, помилуйте... Кому ж нужно от своего счастья отказываться!

Беркутов. Справедливо, Вукол Наумыч, справедливо. Да и Евлампию Николаевну надо наказать, чтобы она была вперед осторожнее.

Чугунов. Надо наказать, Василий Иваныч, надо. Как это можно бланки выдавать! Отберут имение-то как раз. Вот я только три тысячи написал, а ведь у всякого ли совесть-то такая, как у меня.

Беркутов. Укоротите вексель-то немного, Вукол Наумыч; напишите, что получили часть в уплату; а остальные Евлампия Николаевна заплатит. Доставайте вексель! Вот чернила и перо!

Чугунов. Слушаю-с. *(Вынимает вексель, надевает очки, берет перо.)* Как писать прикажете, Василий Иваныч?

Беркутов. По сему векселю получено в уплату две тысячи...

Чугунов. Тысячу рублей только оставляете? Маленько, Василий Иваныч.

Беркутов. Нет, и тысячи рублей много, Вукол Наумыч.

Чугунов. А какое благородство с моей стороны!

Беркутов. Вот мы его и оценим как следует. *(Диктует.)* Получено в уплату две тысячи пятьсот...

Чугунов. Только пятьсот? Уж это даже несколько и обидно.

Беркутов. Нет, и не пятьсот, а меньше. Пишите, пишите! Две тысячи пятьсот пятьдесят рублей. Почему я прибавил эти пятьдесят рублей, я вам скажу после. Остальные получите.

Чугунов *(положив вексель в карман)*. Покорнейше вас благодарю, чувствительнейшую вам приношу благодарность.

Беркутов. Когда ваш племянник рассказал мне все дела и ваши черновые представил, я сначала хотел ехать к прокурору.

Чугунов. Нет, зачем к прокурору! Вам, Василий Иваныч, в такие грязные дела путаться какой расчет? Только срам.

Беркутов. А потом рассудил переговорить прежде с Меропой Давыдовной и с вами.

Чугунов. Очень хорошо и основательно поступили. Мало, что ль, у прокурора дел-то и без наших!

Беркутов. А чтоб ваш племянник не болтал тут, чего не нужно... Он какой-то сорви-голова!

Чугунов. Шальной мальчишка!

Беркутов. Я его отправил в Вологду обойти мои леса; он уж теперь катит на пароходе. На дорогу я ему дал пятьдесят рублей; а ведь это ваша была обязанность, Вукол Наумыч; вот эти-то пятьдесят рублей я у вас и вычел.

Чугунов. Очень хорошо-с. Долго ли погостите у нас, Василий Иваныч?

Беркутов. Еще не знаю. Как дела позволят.

Чугунов. Коли будет какое делишко, так не обойдите, по старому знакомству!

Беркутов. Непременно, Вукол Наумыч, непременно.

Чугунов. Вот гости, должно быть. До приятного свидания-с! *(Уходит.)*

Входят Купавина и Анфуса, из гостиной выходит Мурзавецкая.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Беркутов, Мурзавецкая, Купавина, Анфуса.

Мурзавецкая *(Купавиной)*. Ну, вот и хорошо сделала, что приехала, родная моя. Старших уважай.

Купавина. Я очень жалею, Меропа Давыдовна, что подала вам повод к неудовольствию.

Мурзавецкая. Кто старое помянет, тому глаз вон.

Беркутов. Евлампия Николаевна, я ваше поручение исполнил.

Купавина. Благодарю вас.

Беркутов. Меропа Давыдовна и племянник ее считают себя совершенно удовлетворенными и никаких претензий на вас более не имеют. Так ли, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. Он правду говорит, правду. Посылай таких адвокатов, так всегда из воды суха выдешь.

Купавина. Значит, я всем обязана вам. Сколько же я вам должна?

Беркутов. Сочтемся после, Евлампия Николаевна.

Мурзавецкая *(Беркутову)*. Пошел бы ты закусил что-нибудь! Времени-то много; чай, с утра из усадьбы-то? Поди-ка, мать Анфуса, похозяйничай за меня! Мы сейчас придем.

Анфуса. Да, уж... с дороги-то... и я уж...

Уходят Беркутов и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мурзавецкая, Купавина.

Мурзавецкая. Извини меня, друг мой, что я строго так обошлась с тобой! Я ведь любя.

Купавина. Я не понимаю, чем я виновата. Вы делаете такие угрозы...

Мурзавецкая. И всегда буду делать угрозы, и всегда... Нет, ты виновата, виновата, у меня сердце болит глядеть на тебя. Еще не так тебя надо пугнуть.

Купавина. Да чем же я виновата?

Мурзавецкая. Зачем живешь одна? Отчего замуж не выходишь? Что хорошего! Только дела запутываешь да имение расстроиваешь. На Чугунова-то плоха надежда.

Купавина. Да ведь вы сами его рекомендовали.

Мурзавецкая. А разве в них влезешь? Он вот плут оказывается порядочный!

Купавина (*подумав*). Нет, как хотите, я за него не пойду; я не чувствую к нему никакого расположения.

Мурзавецкая. К кому?

Купавина. К Аполлону Викторычу.

Мурзавецкая. Да кто тебя неволит! Я думала, что ты его любишь; а нет, так и не надо. Твоя воля, выбирай любого!

Купавина. Из кого выбирать-то?

Мурзавецкая. Подумай! Да ты бы непрочь, кабы нашелся хороший человек?

Купавина. Отчего же нейти! Я и сама вижу, что мое хозяйство плохо.

Мурзавецкая (*тихо*). Беркутов-то долго здесь проживет?

Купавина. Нет, он на несколько дней. Да в нем никакого расположения ко мне незаметно.

Мурзавецкая. Жаль. А я было уж...

Купавина. Нет, как можно навязываться!

Мурзавецкая. Ну, а если он сам...

Купавина. Нет, ему нужно побогаче.

Мурзавецкая. Ну да, ах боже мой! Мало ль что? Может, вдруг фантазия придет.

Купавина. Не знаю.

Мурзавецкая. Разумеется, коли он на несколько дней, да и не ухаживает...

Купавина. Нисколько. И не думает ухаживать.

Мурзавецкая. Так нечего делать. Знаешь что? Нет ли у него в Питере какой?

Купавина. Должно быть, есть.

Мурзавецкая. Какая-нибудь из немков. Ну, мы хоть так поговорим с тобой... А если б он?..

Купавина. Право, я не знаю, что вам сказать.

Мурзавецкая. Да чего стыдиться-то? Мне-то ты скажи!

Купавина. Да зачем вам?

Мурзавецкая. Разве ты меня не знаешь? Страсть моя знать все на свете и соваться во все дела, где меня не спрашивают.

Купавина. Да отчего ж?.. Я бы с удовольствием.

Мурзавецкая. Вот и ладно. (*Громко.*) Василий Иваныч, поди сюда!

Купавина. Ах, позвольте! Что вы?

Мурзавецкая. Молчи уж! Мне только твое желание надо было знать,— ты мне дорога-то, а на них нечего смотреть! Я умею с ними обращаться, вот посмотри! Только уж помни русскую пословицу: давши слово, держись, а не давши, крепись! Василий Иваныч!

Входит Беркутов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мурзавецкая, Купавина, Беркутов.

Мурзавецкая. Василий Иваныч, целуй ручку у Евлампии Николавны!

Беркутов. Готов всегда с величайшим удовольствием!

Мурзавецкая. Бог вас благословит!

Беркутов. Что значат эти слова ваши, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. А то, что я тебя женить хочу. Что живешь, только небо коптишь!

Беркутов. Уж очень вы много власти берете надо мной, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Извини голубчик! Вижу я сиротство твое, родных у тебя нет,— надо и об тебе комунибудь позаботиться.

Беркутов. Хорошо, Меропа Давыдовна, что я люблю Евлампию Николаевну, и люблю давно; а если б не так, вы бы поставили нас в затруднительное положение.

Мурзавецкая. В затруднительное? Ошибаешься *(стучит костылем)*, ошибаешься, говорю тебе. Я лучше вас знаю, что вам нужно: что тебе нужно, что ей. Ее душа мне известна; я в нее, как в зеркало, смотрю: вот я сейчас вижу, что она тебя любит. И тебе пора остепениться. Денег, что ль, больших ищешь? Так стыдно тебе! А ты душу ищи.

Беркутов. Слушаю, Меропа Давыдовна, слушаю-с!

Мурзавецкая. Вы, питерские, думаете, что вас и рукой не достанешь, что вам у нас и пары нет, а вот есть!

Беркутов *(склонив голову)*. Евлампия Николаевна?..

Мурзавецкая *(Купавиной)*. Что молчишь? Ну, так я за тебя скажу. Она рада-радехонька!

Купавина. Я женщина простая, хитрить не могу;

я не умела скрыть своих чувств перед Меропой Давыдовной, не буду скрывать и перед вами.

Беркутов. Благодарю вас за счастие, которое вы мне доставляете! *(Целует руку Купавиной.)* Прошу вас зачислить меня вашим управляющим; это дело не терпит отлагательства.

Купавина. Сделайте одолжение!

Входит Чугунов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мурзавецкая, Купавина, Беркутов, Чугунов, потом Павлин.

Беркутов *(Купавиной)*. Вот ваш кредитор: вы ему должны по векселю.

Купавина. Я ничего не должна Вуколу Наумычу.

Чугунов *(целуя руку Купавиной)*. За службу мою, за усердие векселек выдали.

Купавина. Я вам всегда деньгами платила.

Чугунов. Запамятовали, сударыня, запамятовали.

Беркутов. В самом деле, Евлампия Николаевна, долго ли забыть! Вукол Наумыч действительно заслуживает награды: он человек старательный. Приходите завтра, вы получите все, что следует. Благодарите Евлампию Николаевну.

Чугунов. Завтра со всеми детьми приду, в ноги кланяться заставлю.

Входит Павлин.

Павлин. Михайло Борисыч и Глафира Алексеевна! *(Уходит.)*

Входят Лыняев и Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Мурзавецкая, Купавина, Беркутов, Чугунов, Глафира, Лыняев, потом Анфуса, Павлин.

Мурзавецкая. Вот как! Уж и вместе.

Глафира. Да чего ж мне церемониться, Меропа Давыдовна? Мишель очень дорог для меня, я не хочу с ним расставаться ни на минуту.

Мурзавецкая. Ну, будущая мадам Лыняева, просим любить да жаловать! Садитесь!

Лыняев. Меропа Давыдовна, извините меня, что я поторопился предложить руку Глафире Алексеевне, не спросив вашего дозволения!

Мурзавецкая. Не виновата я, батюшка, ни в чем не виновата.

Лыняев. Я вас и не виню; я прошу меня извинить.

Глафира. Он хочет поблагодарить вас. *(Лыняеву.)* Что ж ты молчишь, Мишель?

Лыняев *(со вздохом)*. Да-с, поблагодарить...

Глафира. Ему особенно понравилась во мне моя кротость. *(Бросая Лыняеву шаль.)* На, Мишель, подержи шаль! *(Мурзавецкой.)* Мое смирение. *(Лыняеву.)* Возьми хорошенько, не мни! *(Мурзавецкой.)* Моя скромность. А всем этим я обязана вам. *(Лыняеву.)* Ты все молчишь, Мишель, так уж я за тебя говорю.

Лыняев. Благодарен, Меропа Давыдовна, очень благодарен.

Мурзавецкая. Об одном, батюшка, я тебя прошу: не пеняй ты на меня, своя воля была. Вот эту пару так уж точно я сосватала, вот за них должна буду богу отвечать; а вы, как знаете.

Лыняев *(Беркутову)*. И ты женишься? Как ты скоро... Поздравляю тебя!

Глафира *(Купавиной)*. Ты решилась наконец! Ну, поздравляю!

Купавина. Да, я все мечтала о свободе... я потом убедилась, что наше женское счастье неразлучно с неволей.

Мурзавецкая. Не клевещи, матушка, на женщин! Всякие бывают; есть и такие, что не только своим хозяйством, а хоть губернией править сумеют, хоть в Хиву воевать посылай. А мужчины есть тоже всякие: есть вот и такие молодцы *(показывает на Беркутова)*, а то видали мы и таких, что своей охотой к бабам в лакеи идут.

Лыняев. Да, на свете волки да овцы, волки да овцы.

Павлин вносит кофе.

Глафира *(принимая чашку)*. Мишель, сделай милость, подержи мой зонтик! *(Смеется.)* Ах, у тебя все из рук валится.

Мурзавецкая *(Беркутову)*. Зиму-то здесь будете жить?

Беркутов. Я думаю, что Евлампии Николаевне приятнее будет эту зиму провести в Петербурге.

Купавина. Да, конечно.

Мурзавецкая *(Лыняеву)*. А вы?

Глафира. Мы эту зиму будем жить в Париже.

Лыняев. Мы в Париже.

Беркутов. А уж на лето к вам, под ваше крылышко.

Лыняев. И я тоже.

Глафира. Ах, нет, Мишель, ведь мы еще не решили. Я думаю провести лето в Швейцарии.

Лыняев. Да, мы еще не решили.

Беркутов. Меропа Давыдовна, благодарю вас за радушный прием и за участие, которое вы во мне приняли! Позвольте предложить вам этот маленький подарок. *(Подает Мурзавецкой коробочку.)* Это аквамариновые четки! Господа, я пробыл здесь недолго, но уж имел возможность вполне оценить эту во всех отношениях редкую женщину. Желательно, чтоб наши передовые люди всегда относились с глубоким уважением к Меропе Давыдовне. Мы должны подавать пример другим, как нужно уважать такую почтенную старость!

Чугунов *(утирая слезы)*. Все правда, все правда!

Мурзавецкая. Благодарю, Василий Иваныч, благодарю! *(Целует Беркутова в голову.)* Ну, батюшка, видала я на своем веку всяких людей, а таких, как ты, не приводилось. *(Тихо.)* Ну, я твое дело сделала, а ты мое как?

Беркутов. Уладится благополучно. Вам Чугунов скажет.

Купавина. Поедемте, господа! До свиданья, Меропа Давыдовна! Нам еще с Глафирой Алексевной нужно все магазины объездить. Вы уж позвольте мне ее взять к себе.

Мурзавецкая. Ах, матушка, с руками отдаю.

Глафира. Мишель, ты с нами?

Лыняев. У Евлампии Николаевны коляска ведь двуместная.

Глафира. Так что ж, Мишель? Сядь на козлы! Свой экипаж отдай Анфусе Тихоновне! Анфуса Тихоновна!..

Анфуса входит.

Поезжайте на лошадях Мишеля!

Анфуса. Хорошо уж... прощайте.

Лыняев. Да как же возможно мне, с моим сложением, на козлы? Да еще двенадцать верст трястись до усадьбы!

Глафира. Послушай меня, Мишель! Тебе это очень полезно: ты толстеешь так, что ни на что не похоже. Мы в Париж поедем, ведь самому будет совестно таким медведем приехать.

Уходят Беркутов, Купавина, Лыняев, Глафира и Анфуса.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Мурзавецкая, Чугунов, потом Мурзавецкий.

Чугунов *(у окна)*. В Париж да в Петербург! Что денег-то увезут из губернии!

Мурзавецкая. Что? Смаклерил дело-то хорошо? Благодарю! Осрамил было благородную, уважаемую даму.

Чугунов. Да вы уж хоть повесьте меня, а не воротишь!

Мурзавецкая. Что тебе, крысе, Беркутов-то говорил?

Чугунов. Все шито да крыто; и Клашку, чтоб он не болтал тут, в Вологду услал Василий Иваныч.

Мурзавецкая. Вот золотой-то человек! Я его в поминанье запишу. Запиши его ко мне в поминанье, да и к себе запиши!

Чугунов. Золотой-то он — точно золотой; а я вам вот что скажу! За что нас Лыняев волками-то называл? Какие мы с вами волки? Мы куры, голуби... по зернышку клюем, да никогда сыты не бываем. Вот они волки-то! Вот эти сразу помногу глотают.

За сценой слышен крик: «Тамерлан, Тамерлан!» Вбегает Мурзавецкий в отчаянии.

Мурзавецкий. Нет, ма тант, нет! Я не переживу.

Мурзавецкая. Успокойся, Аполлоша, успокойся!

Мурзавецкий *(опускаясь на стул)*. Нет, ма тант, лучшего друга моего...

Мурзавецкая. Ну, что ж делать-то?

Мурзавецкий. Лучшего друга, ма тант... Где пистолеты?

Мурзавецкая. Что ты... грех какой!

Мурзавецкий. Нет, застрелюсь, застрелюсь!.. Уж заряжен, ма тант, заряжен.

Мурзавецкая. Ах, бедный! Как тебе это...

Мурзавецкий. Да, ма тант, лучшего друга... Близ города, среди белого дня, лучшего друга... Тамерлана... волки съели!

Мурзавецкая. Тьфу ты! А я думала...

Чугунов. Близ города, среди белого дня! Есть чему удивляться!.. Нет... Тут не то что Тамерлана, а вот сейчас, перед нашими глазами, и невесту вашу с приданым, и Михайла Борисыча с его имением волки съели, да и мы с вашей тетенькой чуть живы остались! Вот это подиковинней будет.

Комедия
в четырех
действиях

БОГАТЫЕ НЕВЕСТЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

АННА АФАНАСЬЕВНА ЦЫПЛУНОВА
пожилая дама.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЦЫПЛУНОВ
ее сын, лет 30-ти.

ВСЕВОЛОД ВЯЧЕСЛАВИЧ ГНЕВЫШОВ
важный барин, действительный статский советник в отставке, лет под 60.

ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА БЕЛЕСОВА
девица, лет 23-х.

АНТОНИНА ВЛАСЬЕВНА БЕДОНЕГОВА
богатая вдова, купчиха, лет под 40.

ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ ПИРАМИДАЛОВ
мелкий чиновник.

Действие происходит в подмосковной местности, занятой дачами. С правой стороны (от зрителей) садовая решетка и калитка; за решеткой сад; с левой стороны дача Бедоноговой; на сцену выходит деревянная терраса, покрытая парусиной; в глубине роща.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бедонегова сидит на террасе; Пирамидалов выходит из садовой калитки.

Бедонегова. Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов. Честь имею кланяться, Антонина Власьевна. Что вам угодно?

Бедонегова. Да подойдите поближе, не укушу я вас.

Пирамидалов. Ах, Антонина Власьевна, я с ног сбился. Их превосходительство... на даче их нет... Вы не видали Всеволода Вячеславича?

Бедонегова. Да я и не знаю совсем, какой он такой ваш Всеволод Вячеславич.

Пирамидалов. Как? Вы не знаете генерала Гневышова, Всеволода Вячеславича?

Бедонегова. Да он холостой?

Пирамидалов. Нет, женатый.

Бедонегова. Так зачем мне и знать-то его! Идите ко мне чай пить.

Пирамидалов. Да помилуйте, какой чай! Мне Всеволода Вячеславича нужно видеть; приказали встре-

тить их здесь в шесть часов. Боюсь, не опоздал ли. *(Смотрит по сторонам.)*

Бедонегова. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

Пирамидалов. Что вам угодно?

Бедонегова. Нынешним летом я себе никакого удовольствия не вижу.

Пирамидалов. Ах, очень жалею, очень жалею!

Бедонегова. Переехала на дачу, думала себе удовольствие иметь, а никакого не вижу.

Пирамидалов. Да уж я-то не виноват, Антонина Власьевна.

Бедонегова. Прошлое лето здесь жила, много удовольствия себе видела... *(Нежно.)* И вы здесь жили. *(Печально.)* Где вы теперь живете?

Пирамидалов. В Москве, Антонина Власьевна.

Бедонегова. А вот нынче живу, так никакого... *(С сердцем.)* Куда вы это все смотрите?

Пирамидалов. Я уж сказал вам, что Всеволода Вячеславича дожидаюсь.

Бедонегова. Вы фальшивите,— вы какую-нибудь девушку посматриваете!

Пирамидалов. Ну, вот еще, нужно очень. До того ли мне?

Бедонегова. Да, право, так. Какие эти мужчины! Увидят молоденькую девушку — так уж как глаза-то таращат. А разве не все равно вообще весь женский пол?

Пирамидалов *(посмотрев на часы)*. Как мне приказано, так я и явился, теперь ровно шесть часов.

Бедонегова. Вы не соседку ли высматриваете?

Пирамидалов. Я вам сказал, что генерала жду. Какую еще соседку?

Бедонегова. А вот что дачу-то напротив наняла; она вчера переехала.

Пирамидалов. Так это моя знакомая, что мне ее смотреть-то! Я и так каждый день ее вижу, да и всегда, когда мне угодно.

Бедонегова. Какого она роду?

Пирамидалов. Роду-то? Роду хорошего.

Бедонегова. Девица?

Пирамидалов. Девица.

Бедонегова. А знакомство какое у ней?

Пирамидалов. И знакомство хорошее.

Бедонегова. Что ж она замуж нейдет?

Пирамидалов. Да почем же я знаю, помилуйте!

Бедонегова. Нет, вы знаете, да только сказать не хотите. Да ведь я все вызнаю, все доподлинно; я ее прислугу выспрошу, вы от меня своих подлостев не скроете. Я вот позову к себе ее горничную девушку чай пить — вот все и узнаю. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

Пирамидалов оглядывается.

Приданое есть за ней?

Пирамидалов. Будет приданое богатое.

Бедонегова. А будет приданое — будут и женихи,— где мед, там и мухи! Виталий Петрович, я говорю, что женихи у ней будут.

Пирамидалов. А будут, так будут,— до меня это не касается.

Бедонегова. Ну, как, чай, не касаться? Деньги всегда до людей касаются.

Пирамидалов *(про себя)*. Не бежать ли в рощу? *(Делает несколько шагов и потом останавливается.)* Пожалуй, еще разойдемся; уж лучше здесь подожду.

Бедонегова. Виталий Петрович!

Пирамидалов. Что прикажете?

Бедонегова. Я сама замуж хочу идти.

Пирамидалов. Сделайте одолжение! На здоровье!

Бедонегова. Нет, что же вы так? Вы не подумайте...

Пирамидалов. Я ничего и не думаю.

Бедонегова *(печально)*. Я от скуки.

Пирамидалов. Да от скуки ли, от веселья ли, мне решительно все равно.

Бедонегова. Виталий Петрович!

Пирамидалов. Извольте говорить, я слушаю.

Бедонегова. У меня ведь деньги есть, и даже очень много.

Пирамидалов. Ну, и слава богу!

Бедонегова. И вотчина есть.

Пирамидалов. Какая вотчина?

Бедонегова. Дом каменный с лавками.

Пирамидалов. Все это прекрасно, Антонина Власьевна. А вот, кажется, Всеволод Вячеславич идут.

Бедонегова. Виталий Петрович, как отпустит вас генерал, заходите ко мне закусить, мадерцы выпьем.

Пирамидалов. Пожалуй, поздно будет.

Бедонегова. Да ничего, хоть и запоздаете.

Пирамидалов. Извощика не найдешь: мне в Москву надо.

Бедонегова. Я вам лошадь дам; так же у меня стоят. *(Уходит.)*

Гневышов и Белесова входят разговаривая. Пирамидалов почтительно кланяется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пирамидалов, Гневышов и Белесова.

Гневышов *(Пирамидалову)*. А! Вы?

Пирамидалов. Я-с, ваше превосходительство.

Гневышов. Подождите, мой милый! *(Белесовой.)* Н... да-с, что же далее?

Белесова. Это меня начинает беспокоить.

Гневышов. Ах, мой друг, ну, стоит ли беспокоиться!.. Пусть его смотрит. Не обращать внимания, только и всего.

Белесова. Я стараюсь не обращать на него внимания, но не могу. Он не преследует меня; он смотрит всегда издали, из-за угла, из-за куста; где б я ни была, я вперед знаю, что эти неподвижные глаза откуда-нибудь смотрят на меня,— и я сама невольно оглядываюсь и ищу их.

Гневышов. Странно, очень странно. Кто он такой, вы не знаете?

Белесова. Не знаю. В лице есть что-то знакомое, но никак не могу припомнить.

Гневышов. И порядочный человек?

Белесова. Что за вопрос? Разве другие люди существуют для меня? Очень порядочный, иначе я не стала бы и говорить.

Гневышов. А давно это?

Белесова. Не более шести или семи дней.

Гневышов. Где же вы его видели?

Белесова. Везде! Я его встречала и в Москве... а вчера и сегодня здесь. Этот инквизиторский взгляд мне становится страшен; мне кажется, что он устремлен не на лицо мое, а прямо ко мне в душу и требует от меня какого-то ответа, какого-то отчета.

Гневышов. Вы даете значение самой пустой, обыкновенной вещи. Вы преувеличиваете, мой друг.

Белесова. Я ничего не преувеличиваю. Конечно, я не знаю, с какими мыслями он смотрит на меня; я вам

говорю только о том, какое действие производит на меня его взгляд. Есть положения, в которых долгий и серьезный взгляд непереносим: в нем укор, в нем обида, он будит совесть. *(С упреком.)* А вы сами знаете, что мне, для моего спокойствия, надо усыплять совесть, а не будить ее.

Гневышов. Вы стали очень нервны. Успокойтесь; все это объясняется очень просто: этот молодой человек влюблен в вас.

Белесова. Странная любовь! Зачем же он в таком случае бегает от меня? Сегодня утром мы встретились в роще довольно близко; он бросился в кусты и убежал. Мне иногда приходит в голову, не сумасшедший ли он.

Гневышов. Очень может быть. Вот вам новое доказательство того, какое могущество, какую силу имеет ваша красота: от вас уж буквально люди сходят с ума.

Белесова. Ну, довольно. Пора чай пить, пойдемте!

Гневышов. Идите, идите, я себя ждать не заставлю. Мне нужно сказать несколько слов Пирамидалову.

Белесова уходит в калитку.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гневышов и Пирамидалов.

Гневышов. Я надеюсь, мой милый, что вы аккуратно исполнили то, что я вам говорил?

Пирамидалов. Все исполнил, ваше превосходительство.

Гневышов. Вы должны помнить, что для знакомства с Валентиной Васильевной я желаю людей солидных, семейных — то, что называется людьми вполне почтенными. Нужды нет, если они будут немного старого покроя, это даже лучше: такие люди учтивее в обращении и почтительнее. Где же и взять других? В этой местности люди светские не живут, а хорошие семейства средней руки иногда попадаются.

Пирамидалов. Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Гневышов. Валентина Васильевна желала иметь дачу в местности здоровой и подальше от города, нисколько не заботясь о том, каковы будут ее соседи;

но это совсем не значит, чтоб она обрекла себя на одиночество и скуку. Хорошо бы познакомить с ней какую-нибудь пожилую даму, с которой она бы могла и гулять, и быть постоянно вместе. Ну, говорите, что вы узнали о здешних дачниках?

Пирамидалов. Вот напротив, ваше превосходительство, живет одна дама, богатая вдова, купчиха Бедонегова.

Гневышов. Вы с ней знакомы?

Пирамидалов. Прошлое лето познакомился.

Гневышов. Ну что ж, как она?

Пирамидалов. Я полагаю, ваше превосходительство, что для Валентины Васильевны...

Гневышов. Прошу не полагать и заключений не выводить. Вы только докладывайте по порядку,— а это уж мое дело знать, что нужно и чего не нужно для Валентины Васильевны. Ну, что же эта вдова, эта дама, как вы ее называете... она белится, румянится, пьет мадеру?

Пирамидалов. Так точно, ваше превосходительство.

Гневышов. Далее?

Пирамидалов. Госпожа Цыплунова.

Гневышов. Я, кажется, что-то слышал о Цып... Цып... Как?

Пирамидалов. Цыплунова-с.

Гневышов. Нет, то молодой человек. Он был мне представлен; его мне очень хвалили, как отлично образованного и примерно способного чиновника. Он ваших лет и уж, кажется, надворный советник.

Пирамидалов. Коллежский, ваше превосходительство!

Гневышов *(строго)*. Ну, вот видите.

Пирамидалов. Это вы про ее сына изволили слышать. Госпожа Цыплунова дама очень почтенная-с.

Гневышов. Да... дама... ну, что ж эта дама... какое у ней знакомство?

Пирамидалов. Никакого-с. Она ведет уединенную жизнь, не знает ни удовольствий, ни развлечений, живет только для сына, а он человек дикий.

Гневышов. Как дикий? Обдумывайте выражения! Вы всегда прежде подумайте, а потом и говорите. Почему он дикий?

Пирамидалов. Сидит все дома за бумагами да за книгами, не бывает нигде в обществе, даже и у товарищей; бегает от женщин. А если с ним женщина

заговорит, он краснеет и конфузится. Он все молчит-с.

Гневышов. Неправда, он говорит прекрасно и даже красноречиво.

Пирамидалов. Да, если о делах-с; а с женщинами уж не может.

Гневышов. Так это скромный, а не дикий. Ко всем его прекрасным качествам это еще новое и очень... очень дорогое, и еще более располагает в его пользу. Вы не знаете названия вещей. Я вам говорю, дикий — это... это sauvage[1]... это разрисованный, tatoué[2]... это совсем другое.

Пирамидалов. Виноват, ваше превосходительство!

Гневышов. Ваша развязность может нравиться только таким дамам, как ваша вдова Бедонегова, а его скромность приобретает ему расположение начальства и вообще лиц высокопоставленных. Ну, довольно, других соседей я знать не желаю. Вот вам, мой милый, еще поручение, постарайтесь исполнить его хорошенько!

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство!

Гневышов. Познакомьте меня с мадам Цып... Цып... Как?

Пирамидалов. Цыплунова.

Гневышов. Да, Цыплунова. Вы ее сначала предупредите, скажите, что я, генерал Гневышо́в, желаю с ней познакомиться и познакомить с ней тоже мою родственницу, которая переехала сюда на дачу и будет жить все лето. Слышите, родственницу...

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство.

Гневышов. Вы сделайте это сегодня же, сейчас же! Постарайтесь, чтоб я встретил вас с ней во время прогулки!

Пирамидалов. Вы, ваше превосходительство, вероятно, пойдете в рощу?

Гневышов. Совсем не вероятно. Вы слушайте и делайте, что вам приказывают. Чтобы соображать вероятности, надо иметь гораздо больше ума, чем вы имеете. Гуляйте здесь, мимо дач! В рощу я вечером не пойду, потому что там будет сыро.

---

[1] Дикий *(франц.)*
[2] Татуированный *(франц.)*

Пирамидалов. Я сейчас же и отправлюсь прямо к ним на дачу.

Гневышов. Ступайте! *(Уходит в калитку.)*

Пирамидалов уходит в лес. На террасе показывается Бедонегова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бедонегова, потом Цыплунов и Цыплунова.

Бедонегова *(громко)*. Виталий Петрович, Виталий Петрович! Куда же вы? Подождите немножко! Ушел. Зачем он бегает по дачам, чего он там еще ищет? У меня ему уж чего бы лучше, кажется. Как трудно понимать мужчин! А, вот Анна Афанасьевна с сыном! Ах, как он мил! Ах, какой интересный молодой человек!

Входят Цыплунова и Цыплунов.

Здравствуйте, Анна Афанасьевна! Здравствуйте, Юрий Михайлович!

Цыплуновы молча раскланиваются.

Сделайте одолжение, зайдите хоть на минуточку чайку напиться!

Цыплунова. Благодарю вас, мы уже пили.

Бедонегова. Юрий Михайлович, когда же, когда же? Долго ли мне ждать-то? Ах, обманщик! Сколько раз вы обещали! Ну, хоть на одну минуту... ну, рюмочку мадеры.

Цыплунов. Извините! Я занят делом весь день и только вечером имею немного свободного времени, чтобы отдохнуть, чтобы воспользоваться прогулкой и подышать чистым воздухом. Я зайду к вам завтра.

Бедонегова. Это я каждый день слышу от вас. И вам не жалко обманывать женщину, которая... с таким чувствительным сердцем?..

Цыплунов. Что делать! К сожалению, я должен признаться, что не могу своей особой доставить много практики для вашего чувствительного сердца.

Бедонегова. Ах, какая скука! Нынешнее лето я так мало вижу удовольствия для себя. Так не забудьте же, завтра я буду ждать вас.

Цыплунов кланяется. Бедонегова уходит с террасы.

Цыплунова. Это грубо, мой друг. Так не говорят с женщинами.

Цыплунов. Как же можно с ней говорить иначе, коли она чуть не бросается на шею каждому мужчине?

Цыплунова. Она богатая вдова, уж в летах; нельзя же требовать от нее, чтобы она вела себя, как институтка. Ей скучно жить одной; она хочет выйти замуж и употребляет для этого средства, какие знает. Впрочем, я никогда не слыхала, чтобы про нее говорили что-нибудь дурное; напротив, все ее считают доброй и хорошей женщиной. Да и просто как женщина она имеет право требовать если не уважения, так по крайней мере учтивости с твоей стороны.

Цыплунов. Ах, боже мой! Я готов уважать женщин, готов благоговеть перед ними; но зачем же они мелочны, зачем смешны! Вот чего им простить нельзя, не говоря уж о проступках.

Цыплунова. А за проступки ты бы казнил их смертной казнью? Ах, предоставь ты женщинам жить, как они хотят. Ты слишком тяжелую опеку берешь на себя: ведь их так много, мой друг!

Цыплунов. Чего я не вижу, до того мне и дела нет. Но когда в моих глазах унижается тот высокий идеал, который я себе создал, когда женщины с какой-то навязчивой откровенностью обнаруживают свои самые непривлекательные стороны,— не могу же я не замечать этого. Вот отчего я и избегаю общества и предпочитаю уединение.

Цыплунова. Но разве ты не замечаешь, что уединение губительно действует на твое здоровье? Ты человек деловой, постоянно занят умственной работой,— тебе непременно нужно хоть какое-нибудь развлечение. Юша, твое здоровье начинает меня беспокоить.

Цыплунов. Разве я переменился?

Цыплунова. Да, очень, особенно в последние два-три дня. Нет ли у тебя чего-нибудь такого, о чем бы нужно было поговорить со мной?

Цыплунов. Нет, решительно ничего.

Цыплунова. Ну, не хочешь ли ты послушать, что я тебе скажу?

Цыплунов. Я готов, извольте.

Цыплунова. Ты скучаешь, Юша?

Цыплунов. Да, я не скрою от вас, я скучаю.
Цыплунова. В твои года любят.
Цыплунов *(со вздохом)*. Да, любят, это правда, любят!
Цыплунова. В твои года женятся.
Цыплунов. Да, и женятся.
Цыплунова. И женатые не скучают, им некогда скучать: у них заботы, хлопоты, семейные радости, дети. Кто любит свою жену и детей, тот уж не может скучать.
Цыплунов. Все это правда, совершенная правда.
Цыплунова. Так женись!
Цыплунов. Что вы, что вы? На ком? Разве это возможно?
Цыплунова. Отчего ж невозможно? Значит, пары тебе нет на белом свете, достойных тебя нет? Бедные женщины!
Цыплунов. Может быть, и есть, но где искать их? Я любил не один раз в моей жизни; но вы сами знаете, почему я не женился. Всякий раз моя любовь оканчивалась или горьким разочарованием, или еще хуже, меня просто обманывали.
Цыплунова. И всегда виноват ты сам, потому что ты никогда не даешь себе труда разглядеть хорошенько женщин, которых ты удостоиваешь своей любви,— предполагаешь в них какие-то небывалые добродетели и требуешь от них того, чего в них нет.
Цыплунов. Может быть... но есть еще и другие причины.
Цыплунова. Какие?
Цыплунов. Из уважения к вам, к вашему полу, я бы не желал говорить о них.
Цыплунова. Ах, говори, сделай милость!
Цыплунов. То, что я скажу, очень нехорошо.
Цыплунова. Да говори, говори!
Цыплунов. Быть может, я ошибаюсь, но мне всегда казалось, что женщины отдают явное и очень обидное предпочтение людям нестрогой нравственности и даже иногда порочным перед людьми чистыми. Мало того, к людям совершенно чистым они показывают какую-то ненависть. Извините, мне так кажется.
Цыплунова. И ты думаешь, что сказал что-нибудь очень ужасное про женщин, что-нибудь очень обидное для нас? Так знай же, что женщины совершенно

правы в этом случае,— потому что нет более несносных деспотов, как вы, люди чистые. Вы создаете в своем воображении каких-то небывалых богинь да потом и сердитесь, что не находите их в действительности. Вы, чистые натуры, не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на те бледные, безжизненные шаблоны, которые созданы вашим досужим воображением.

Цыплунов. Как трудно жить на свете!

Цыплунова. Да, для тех, кому досадно, что свет идет так, как надо, а не так, как им хочется, должно быть, действительно трудно. Но что ж делать, этого поправить нельзя. Ну, а теперь ты в кого влюблен?

Цыплунов. Вы думаете, что я влюблен?

Цыплунова. Очень похоже на то.

Цыплунов. Да, похоже.

Цыплунова. Ну, в кого же?

Цыплунов. Помните вы, лет десять тому назад у нас часто бывала одна девочка?

Цыплунова. Мало ли девочек я видала на своем веку?

Цыплунов. Эту забыть нельзя. Ей было лет тринадцать или четырнадцать, но она была совершенный ребенок, вся прозрачная, тоненькие пальчики... Сколько в ней было детского кокетства, как она грациозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы!

Цыплунова. А, помню,— это Белесова, Валентиночка, сирота.

Цыплунов *(задумчиво)*. Да, Валентиночка.

Цыплунова. Как это ты об ней вспомнил и зачем? Неужели в мечтах-то у тебя она все еще девочка?

Цыплунов. Да, ангел-девочка!

Цыплунова. И ты не подумал, что она уж теперь большая, переменилась, вероятно подурнела, как это часто бывает, пожалуй, и замужем. Да кто знает, жива ли она.

Цыплунов. Я ее встретил недавно; я ее вчера и сегодня видел.

Цыплунова. Узнала она тебя? Говорил ты с нею?

Цыплунов. Ах, нет, я испуган, ошеломлен.

Цыплунова. Чем?

Цыплунов. Красотой ее.

Цыплунова. Вот как!

Цыплунов. Она, вероятно, замужем за богатым человеком. Какой экипаж, какой костюм, какой гордый взгляд!

Цыплунова. Если ты ее видел здесь — значит, она живет неподалеку на даче. Надо справиться о ней.

Цыплунов. Нет, зачем! Мне хотелось только вглядеться хорошенько в нее, а то теперь в моем воображении ее детский образ и женский сливаются в каком-то странном сочетании: детская чистота как-то сквозится из-под роскошной женской красоты. *(Опускает голову в задумчивости.)*

Цыплунова. Нет, Юша, ты или возобнови знакомство с ней и узнай ее хорошенько, или выкинь вздор из головы и уж не мечтай о ее детской чистоте, а то эта мечта мешает тебе видеть других женщин, которые, может быть, гораздо лучше ее и более достойны твоей любви.

Цыплунов. Да, да, может быть... это все может быть. Но, я пойду... мне нужно рассеяться... я пойду поброжу... я один... *(Уходит.)*

Цыплунова. Как это некстати! Зимой Юша был болен и много работал; я думала, что он отдохнет и поправится на даче; а теперь эта встреча, эта страсть! Что она может доставить ему, кроме страдания! У кого бы узнать про Белесову? А вот, кажется, бежит Пирамидалов; он кругом Москвы все дачи и всех дачников знает, да и в Москве-то от него ничто не скроется.

Входит Пирамидалов. Бедонегова показывается на террасе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Цыплунова, Пирамидалов, Бедонегова.

Бедонегова. Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов *(отирая пот)*. Вот устал, так уж устал.

Бедонегова. Зашли бы закусить чего-нибудь, мадерцы...

Пирамидалов. Некогда, Антонина Власьевна, некогда. Здравствуйте, Анна Афанасьевна! А я вас искал, к вам на дачу бегал.

Бедонегова. Ну что, право, не зайдете! Зовешь, зовешь, не дозовешься!

Пирамидалов. Как все дела кончу, так непременно зайду.

Бедонегова. Ну, хорошо. Смотрите же, я ждать буду. Я ведь со всем расположением... *(Уходит.)*

Пирамидалов *(Цыплуновой)*. Анна Афанасьевна, я к вам по поручению от генерала Гневышова, от Всеволода Вячеславича.

Цыплунова. Я, Виталий Петрович, не имею счастия знать никакого генерала Гневышова.

Пирамидалов. Это все равно. Он слышал об вас и знает вашего сына.

Цыплунова. Ну, так что же?

Пирамидалов. Он просил меня предупредить вас, что желает с вами познакомиться.

Цыплунова. Да что за церемонии! И зачем я ему? Мы с сыном люди скромные и знакомств не только не ищем, а даже бегаем от них. Так вы и скажите вашему генералу.

Пирамидалов. Да позвольте! Вы, Анна Афанасьевна, выслушайте сначала! Родственница Всеволода Вячеславича, девушка хорошей фамилии, переехала сюда на дачу, так их превосходительство желают...

Цыплунова. Что мне за дело до того, чего они желают.

Пирамидалов. Желают иметь общество для своей родственницы, компанию.

Цыплунова. Что вы, что вы, Виталий Петрович! Вы, кажется, меня в компаньонки приглашаете?

Пирамидалов. Вы не так меня поняли. Помилуйте! Ведь нельзя же девушке одной на даче... и погулять не с кем...

Цыплунова. Я и в провожатые тоже не пойду. Нет, вы заговорились. Вы лучше оставьте.

Пирамидалов. Так неужели вы отказываетесь?

Цыплунова. Конечно. Что ж тут удивительного?

Пирамидалов. В какое же вы меня положение ставите? Я хотел услужить их превосходительству; я уж обещал за вас.

Цыплунова. Напрасно. Вы услуживайте чем-нибудь другим, а меня уж оставьте в покое. Мне не до чужих; я, на сына глядя, измучилась.

Пирамидалов. Анна Афанасьевна, ведь вы меня губите, голову с меня снимаете. Ведь мне провалиться сквозь землю только и осталось.

Цыплунова. Уж как вам угодно.

Пирамидалов. Вы хоть поговорите с генералом.

Цыплунова. Да не стану я. Об чем мне с ним говорить!

Пирамидалов. Так я убегу, право, убегу. И нужно было мне услуги предлагать! Так вот... слабость. Прощайте! Убегу и уж сюда ни ногой, встречаться с ним не стану.

Цыплунова. Погодите бежать-то! Не знали ли вы Белесову, Валентину?

Пирамидалов. Белесову? Да это она самая и есть.

Цыплунова. Как? Что вы? Так она...

Пирамидалов. Родственница Всеволода Вячеславича, о которой я вам говорил.

Цыплунова. Ах, так погодите. Я очень рада. Вы бы давно сказали.

Пирамидалов. Ну, ожил. Как гора с плеч. А вот и их превосходительство.

Гневышов выходит из калитки. Пирамидалов бежит к нему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Цыплунова, Пирамидалов, Гневышов.

Пирамидалов. Ваше превосходительство, Анна Афанасьевна Цыплунова очень-с...

Гневышов *(тихо)*. Это она?

Пирамидалов. Она-с. Она очень счастлива, что может сделать угодное вашему превосходительству.

Гневышов, не слушая, снимает шляпу и кланяется Цыплуновой; делает знак рукою, чтобы Пирамидалов отошел назад. Пирамидалов, взглянув на Цыплунову, пожимает плечами и отходит.

Гневышов *(подходя к Цыплуновой)*. Рекомендуюсь, Всеволод Вячеславич Гневышов!

Цыплунова. Очень приятно!

Гневышов. Мы уж несколько знакомы; я знаю вашего сына. Для вас, вероятно, не редкость слышать похвалы ему; но я с своей стороны должен сказать вам, что его начальство имеет о нем самое лестное мнение.

Цыплунова. Благодарю вас.

Гневышов. Вы живете на даче?

Цыплунова. Да, здесь на даче. Я для сына больше, он не совсем здоров.

Гневышов. Да, здешняя местность в санитарном отношении лучшая из подмосковных. Вот тоже родственница моя, она дальняя, Валентина Васильевна Белесова...

Цыплунова. Я знала ее, когда она была еще ребенком.

Гневышов. Да? Ну, вот и прекрасно. Ей будет очень приятно, да и вы, вероятно, нисколько непрочь от того, чтобы возобновить знакомство.

Цыплунова. С удовольствием.

Гневышов. И чем скорее, тем лучше, разумеется?

Цыплунова. Конечно.

Гневышов. Валентина Васильевна взяла вот эту дачу. Дача так себе, не из важных.

Цыплунова. Здесь особенно роскошных дач нет.

Гневышов. Роскоши и не нужно, это лишнее. Для людей порядочных если что необходимо, так это комфорт, удобства, без этого уж обойтись нельзя.

Белесова показывается у калитки своей дачи.

А вот и хозяйка этой дачи!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Цыплунова, Гневышов, Белесова и Пирамидалов.

Цыплунова. Как она похорошела!

Гневышов. Да, она красавица положительно. Красота — дело хорошее; но нравственные качества в человеке должны стоять выше; и вы увидите...

Цыплунова. Я пойду к ней прямо. *(Подходя к Белесовой.)* Здравствуйте, Валентина Васильевна!

Белесова. Извините, пожалуйста...

Гневышов. Не узнаете старых знакомых,— это нехорошо.

Белесова. Право, я не помню.

Цыплунова. Не мудрено и забыть; и я бы вас не узнала: вы тогда были ребенком. Помните, на Арбате мы жили с вами в одном доме. Цыплунова.

Белесова. Теперь припоминаю. У вас был сын, молодой человек, Юрий... Юрий.

Цыплунова. Юрий Михайлович. Ну, уж теперь он не очень молодой..

Входит Цыплунов и издали смотрит на мать и Белесову.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гневышов, Цыплунова, Белесова, Пирамидалов и Цыплунов; потом Бедонегова.

Цыплунова *(увидав сына)*. Да вот, посмотрите сами, он очень переменился с тех пор.

Белесова *(взглянув на Цыплунова, Гневышову)*. Это он, это те самые глаза!

Гневышов. Очень рад; тем лучше, мой друг.

Цыплунова знаком подзывает сына.

Белесова *(Гневышову)*. Почему же?

Гневышов. Я вам после объясню. Занимайтесь с ними!

Цыплунова *(сыну)*. Юша, я встретила старую знакомую.

Цыплунов молча кланяется Гневышову и Белесовой.

Гневышов *(подавая руку Цыплунову)*. Здравствуйте, молодой человек. Очень рад вас видеть.

Белесова *(Цыплунову)*. Вы меня узнаете?

Цыплунов. Узнал с первого взгляда.

Белесова. Вот мы будем соседями, можем, если вам угодно, возобновить старую дружбу.

Цыплунов. О! Что касается меня... *(Взглянув на мать, со вздохом.)* Ах, маменька!

Гневышов *(Белесовой)*. Пригласите их к себе.

Белесова *(Цыплунову)*. Вы помните, как вы меня звали?

Цыплунов. Вы мне казались ангелом.

Белесова. Вы звали меня «ангельской душкой»; а теперь как я кажусь вам?

Цыплунов. Вы и теперь мне кажетесь тем же.

Белесова. Пойдемте ко мне на новоселье! Нам есть о чем поговорить, вспомним старое... *(Цыплуновой.)* Милости прошу! *(Подает руку Цыплунову.)*

Цыплунова, Цыплунов и Белесова входят в калитку.

Гневышов *(Пирамидалову)*. Идите за мной! Вы мне будете нужны. *(Идет в калитку.)*

Пирамидалов за ним. На террасе показывается Бедонегова.

Б е д о н е г о в а. Виталий Петрович! Виталий Петрович!

П и р а м и д а л о в, махнув рукой, уходит.

Вот опять его увели от меня! *(Громко.)* Виталий Петрович! Виталий Петрович!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ГНЕВЫШОВ.

БЕЛЕСОВА.

ЦЫПЛУНОВА.

ПИРАМИДАЛОВ.

ЦЫПЛУНОВ.

Комната на даче Белесовой, изящно убранная и меблированная. Две двери: одна с правой стороны (от актеров), другая в глубине, на террасу, растворена; с правой стороны трюмо.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г н е в ы ш о в и Ц ы п л у н о в а входят.

Г н е в ы ш о в. Хорошо молодым людям; они могут без вреда для своего здоровья быть на воздухе, наслаждаться красотой майского вечера, а для нас с вами в комнате безопаснее. Почти все пожилые люди в нашем климате не свободны от ревматизма; вот и я тоже иногда чувствую припадки этой болезни, хотя весьма легкие, но тем не менее очень неприятные...

Ц ы п л у н о в а. Всякая болезнь неприятна...

Г н е в ы ш о в. Я лечусь гомеопатией; советую и вам, помогает удивительно...

Ц ы п л у н о в а. Да, говорят... У Валентины Васильевны, кроме вас, никого родственников нет?

Г н е в ы ш о в. Ее мать умерла давно, и она осталась круглой сиротой. Моя жена приняла в ней участие, полюбила ее, как родную дочь; но потом стала хворать и уехала за границу...

Ц ы п л у н о в а. Она и теперь там?..

Гневышов. Она на днях приедет. Без нее Валентина Васильевна оставалась на моем попечении, и, признаюсь вам, эта опека для меня несколько тяжела...

Цыплунова. В каком отношении?

Гневышов. Хлопотно, лишние заботы; не мужское дело...

Цыплунова. А вот приедет ваша супруга...

Гневышов. Ну, где уж ей! Она совсем больная женщина... и при том вырастить девушку до известных лет,— ведь это еще не все, главное-то дело, главная забота впереди...

Цыплунова. Конечно...

Гневышов. В конце концов надо ей найти приличную партию; а разве это легко?..

Цыплунова. Я с вами согласна...

Гневышов. Надо изыскать, выбрать человека, проникнуть, так сказать, в его душу и совершенно убедиться в его хороших качествах, чтобы потом не принять на себя тяжелой ответственности. Потому, почтеннейшая Анна Афанасьевна, как я ни люблю Валентину Васильевну, а если б мне удалось поскорее сдать ее с рук на руки человеку, вполне ее достойному, я бы перекрестился обеими руками...

Цыплунова. Я вас понимаю...

Гневышов. Разумеется, все, что от нас зависит и что нам повелевает долг, мы исполним, то есть дадим богатое приданое. У нас детей нет.

Цыплунова. Так об чем же вам беспокоиться? Для невесты с богатым приданым всегда женихи найдутся.

Гневышов. Как не найтись!.. Да какие?.. Вот в чем вопрос... Вон и Пирамидалов, пожалуй, жених.

Цыплунова. Подождите, найдутся и лучше Пирамидалова...

Гневышов. В том-то и дело, что ждать неудобно. Как только приедет жена, мы уедем в деревню; надо будет или оставить Валентину Васильевну здесь без надзора и попечений, на произвол судьбы, или взять с собой и засадить в глуши.

Цыплунова. Да, я вижу, что вам действительно много заботы с Валентиной Васильевной...

Гневышов. Много, почтеннейшая Анна Афанасьевна, много. Хотя уже приданое ее определено, но если б нашелся человек очень хороший, то есть добрый,

не глупый и с карьерой,— я бы увеличил и даже удвоил... Вот что, почтенная Анна Афанасьевна... вы не удивляйтесь, пожалуйста, тому, что я вам скажу.

Цыплунова. Сделайте одолжение, говорите!

Гневышов. Оно, конечно, странно... что, видя вас в первый раз, я начинаю с вами очень важный решительный разговор... Положим, что я вас-то не знаю; но я давно знаю вашего сына, давно собираю о нем справки, и уж наметил его. Я знаю даже, что ваш сын любит Валентину Васильевну...

Цыплунова. Да, кажется.

Гневышов. Ну вот видите...

Цыплунова. Но ведь этого мало, Всеволод Вячеславич...

Гневышов. Как мало? Чего ж еще ему нужно?

Цыплунова. Может быть, с него этого и довольно, но мне мало. Он сам стоит любви, и я бы хотела, чтобы и его любили так же...

Гневышов. Да, вы правы.

Цыплунова. Он любит Валентину Васильевну, безумно любит; но, если он женится и не найдет взаимности, он умрет от горя, от отчаяния. Я его знаю и берегу... Он нежен, как ребенок; равнодушие жены убьет его.

Гневышов. У нас ведь не Италия... Страстной любви негде взять, да и искать ее даже неразумно...

Цыплунова. Страстной любви и не нужно; я бы хотела только, чтобы жена ценила его, уважала и так же, как мать, считала его лучшим человеком на свете. Только мне и нужно, и он стоит этого...

Гневышов. Нельзя сказать, чтоб ваши требования были очень умеренны, и я поручиться не могу... Но скажу вам по секрету, что Валентина Васильевна неравнодушна к вашему сыну...

Цыплунова. Неужели?..

Гневышов. Сколько я мог заметить, разумеется. Девушка порядочного воспитания своих чувств не выкажет; но я знаю, что она встретилась с ним сегодня не в первый раз, что она видела его и вчера, и раньше, и не без удовольствия, и что она его отличает. Дайте руку, почтенная Анна Афанасьевна! Вы поговорите с сыном, а я поговорю с Валентиной Васильевной. Я вас уполномочиваю даже объявить ему, что он нам нравится,— мне и Валентине Васильевне. А там уж как ему угодно.

Цыплунова. Как я ни рада за сына, но, извините меня, я вам пока решительного ничего сказать не могу.

Гневышов. Если вам угодно знать подробности о приданом, пойдемте в эту комнату, мы там можем говорить без помехи. Вас, как женщину, должен интересовать этот предмет, а я, как мужчина деловой, люблю делать дело аккуратно. Я слышу движение на террасе; вероятно, наши молодые люди хотят войти в дом... Пойдемте!..

Уходят.
Входят Цыплунов и Белесова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Белесова, Цыплунов, потом Пирамидалов.

Белесова *(с улыбкой мало скрытого неудовольствия)*. Очень вам благодарна. Я выслушала целую лекцию о нравственности и обязанностях человека. Я узнала, что такое серьезные люди, что значит серьезный взгляд на жизнь. Все, что вы говорили, вероятно, очень умно, все это очень полезно знать; и если я, к сожалению, мало поняла и мало воспользуюсь,— это уж моя вина.

Цыплунов. Ах нет, в таком случае виноват я; кто хочет, чтоб его понимали, тот должен прежде выучиться ясно говорить.

Белесова. Да, я согласна, но и себя не оправдываю. Надо уметь говорить обо всем и со всеми. Это не очень мудрено. Из бесчисленного множества красивых моральных фраз надо выучить несколько, чтобы уметь кстати вставить в разговор и свое слово. Хоть и очень редко, но может представиться такой случай,— как теперь, например.

Цыплунов. Ах, извините меня, сделайте одолжение! Будем говорить, о чем вам угодно, о чем вы привыкли. Говорить с вами для меня большое удовольствие; но я редко бываю в обществе; я не знаю, какие вопросы в ходу и об чем говорят теперь.

Белесова *(с раздражением)*. И теперь, как и всегда, говорят о том, что интересно и занимательно, и избегают того, что скучно,— например, всяких проповедей и поучений. И притом предполагается, что

каждый это сам знает, что каждый учился всему этому... если он совершеннолетний. У всех были наемные учителя и строгие наставники, которые так успели надоесть, что потом слушать даровых учителей не представляет уж особенного удовольствия. В разговоре вообще стараются не показывать слишком явно своего умственного или нравственного превосходства над прочими. Надо щадить людей. Когда кто-нибудь с уверенностью полного мастера говорит об обязанностях человека,— простые смертные, люди легкомысленные, такие, как я, должны думать, что этот урок относится к ним, что эта филиппика есть косвенное порицание их легкомысленного поведения. Ну, и конфузишься... торжествовать над нами легко. Но, мне кажется, и мы имеем право сказать учителю: да, мы легкомысленны; но мы не мешаем вам быть святым, не мешайте и нам быть грешными! Научить вы нас не научите, а оскорбить можете.

Цыплунов. О, сохрани меня бог оскорбить кого-нибудь!

Белесова. Ну, теперь позвольте вас послушать; я много говорила.

Цыплунов. И говорили очень хорошо. Прекрасные правила у вас.

Белесова. Я живу не по правилам, без программы; для меня, кроме моей воли, нет правил.

Цыплунов. О, конечно, для такой богато одаренной натуры к чему правила.

Белесова. Вы, мне кажется, немножко экзальтированы, вы любите преувеличивать. Я самая обыкновенная девушка, ничем не лучше других. Что особенно хорошего и так скоро вы могли заметить во мне?

Цыплунов. Я вас давно знаю, вы ничего не изменились,— вы так же искренны, как и прежде, когда были ребенком. А искренность такое редкое и дорогое качество.

Белесова. Быть искренной, если я не ошибаюсь, значит — не лгать, а это еще не очень высокая добродетель.

Цыплунов. А между тем женщины лгут постоянно. Что они подкрашивают себя, чтобы казаться лучше и моложе, это бы еще не беда; они притворяются наивными, доверчивыми и простосердечными, тогда

как в сущности очень ловки, расчетливы и сухи сердцем.

Белесова. Ах, не вините бедных женщин! Все их притворство по большей части не злой умысел; это простое, врожденное желание нравиться; это скорей малодушие, чем порок. Да и кого же они могут обмануть теперь, когда мужчины стали так умны? Только людей глупых или аскетов. А вы искренны?

Цыплунов. Может быть, больше чем следует.

Белесова. Если так, то скажите мне, зачем вы так странно глядели на меня, когда встречались со мной?

Цыплунов. Вы приказываете мне отвечать?

Белесова. Да. Вы любите искренность, следовательно даете право требовать ее и от вас. Говорите, что было в вашем взгляде?

Цыплунов. Робкое обожание.

Белесова. Только?

Цыплунов. Я не смел мечтать о счастии возобновить знакомство с вами; я думал, что опять потеряю вас из виду, и хотел наглядеться на вас, чтобы ясней и дольше удерживать ваш очаровательный образ в своей памяти.

Белесова. Я не мечтала о счастии получить такой ответ от вас. Лучше бы мне не спрашивать.

Цыплунов. Почему же?

Белесова. Я не умею слушать ни похвалы в глаза, ни лести. При этом обыкновенно как-то глупо и самодовольно улыбаются, а я предпочитаю спокойное выражение лица и не люблю гримас.

Цыплунов. Я не хвалю вас, не льщу вам; меньше того, что я сказал, сказать было нельзя: вы требовали искренности. Если я виноват, то разве в том только, что сказал вам мало, не все.

Белесова. Это уж похоже на признание... Надо вам заметить, что это тоже не совсем обыкновенный разговор; нам не каждый день приходится отвечать на признания, а потому слушать их во всяком случае неловко, а в иных — неприятно.

Цыплунов. Это признание вырвалось невольно. Прошу вас, не обращайте на него внимания: оно вас ни к чему не обязывает. Я только об одном прошу вас...

Белесова. Об чем же?

Цыплунов. Позвольте мне иногда, хоть изредка, глядеть на вас так близко, как я теперь гляжу...

Белесова. То есть, попросту сказать, бывать у меня? Сделайте одолжение, я ни от кого не прячусь.

Цыплунов. Благодарю вас!..

Молчание.

Белесова. Позвольте сделать вам еще вопрос! Где эти серьезные, высоконравственные люди находят по себе женщин... ну, жен, что ли?

Цыплунов. Там же, где и все. Почти всякая женщина имеет что-нибудь хорошее, за что можно ее полюбить.

Белесова. Но ведь им нужно добродетельных, серьезных, то есть бесстрастных... таких по крайней мере, которые бы не скучали с ними.

Цыплунов. Может быть, им нужно таких; но мы видим, что они увлекаются всякими.

Белесова. То есть могут увлечься красотой, например?

Цыплунов. Как же не увлечься, как не полюбить красавицу?

Белесова. Да всякую ли красавицу?

Цыплунов. Я вас не понимаю...

Белесова. Например, красавицу порочную, падшую?..

Цыплунов. Если она высоко держит голову, не стыдится своего порока, а гордится им,— такая женщина в глазах каждого порядочного человека заслуживает презрения; но если она сокрушается, раскаивается...

Белесова садится в кресло.

то она более всякой имеет право на любовь и сострадание, потому что только любовь может уврачевать ее сердце, растерзанное угрызениями; одна любовь может спасти ее от отчаяния, одна только всепрощающая любовь может помирить ее с жизнию... Что с вами?.. Вы плачете? О ангел! И мне не благоговеть перед вами! Вы с высоты своей непорочности, своей детской чистоты роняете свои алмазные слезы на этих несчастных! Вам мало того, что вас обожают, вы хотите знать, имеют ли и эти бедные надежду быть любимыми, не отнято ли у них это благо, без которого жизнь безотрадна, как мертвая пустыня...

Белесова *(утирая глаза)*. Да, да, правда... Но довольно, довольно... прошу вас. *(Погружается в глубокую задумчивость.)*

Цыплунов. О, если б я смел, я б упал в прах перед вами, чтоб целовать ваши ноги...

Белесова *(рассеянно)*. Что вы?.. Целовать... что целовать? *(Подает руку.)*

Цыплунов с немым восторгом целует руку Белесовой. Входит Пирамидалов и останавливается у двери.

Пирамидалов *(про себя)*. А, вот что!..

Белесова *(задумчиво и под влиянием невольной искренности)*. Вы удостоиваете? *(Быстро оправившись.)* Ах, я не знаю, что я говорю. *(Встает.)* Вы не обращайте внимания на мои слезы! У меня очень слабы нервы; я затем и переехала на дачу, чтобы полечиться...

Пирамидалов *(про себя)*. Переменяют разговор...

Входят Гневышов и Цыплунова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Белесова, Цыплунов, Цыплунова, Гневышов, Пирамидалов.

Цыплунова. Я сбираюсь домой, Юша!

Белесова *(Цыплуновой)*. Я провожу вас до вашей дачи; мне пришла охота погулять... *(Цыплунову.)* А вы меня обратно проводите...

Цыплунов *(Гневышову)*. Честь имею кланяться...

Гневышов. Прощайте! Навещайте почаще Валентину Васильевну!.. Постарайтесь, молодой человек, чтоб она не скучала на даче!..

Белесова, Цыплунов и Цыплунова уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гневышов и Пирамидалов.

Пирамидалов. Ваше превосходительство, Цыплунов...

Гневышов. Что Цыплунов?..

Пирамидалов. Очень уж явно ухаживает за Валентиной Васильевной...

Гневышов. Ну так что же? Вам что за дело?

Пирамидалов. Я считал своею обязанностию доложить об этом вашему превосходительству...

Гневышов. Благодарю вас за известие! Я очень дово-

лен, что Валентина Васильевна нравится Цыплунову.

Пирамидалов. Валентина Васильевна нравится не одному Цыплунову...

Гневышов. Ну да, конечно; но что ж из этого?

Пирамидалов. Валентина Васильевна нравится и мне, вероятно, не менее, чем Цыплунову; но я уверяю ваше превосходительство, я даже самому себе не смел признаться в этом...

Гневышов. И прекрасно делали.

Пирамидалов. Как же бы я смел, зная ваши отношения к Валентине Васильевне?..

Гневышов. А вот Цыплунов смелее вас...

Пирамидалов. На что же он может надеяться?

Гневышов. Он может надеяться быть мужем Валентины Васильевны, что не только не противно моим намерениям, но даже очень желательно...

Пирамидалов. Я всегда знал, что, рано ли, поздно ли, вы захотите, чтоб Валентина Васильевна имела прочное и солидное положение...

Гневышов. Да, именно — прочное и солидное.

Пирамидалов. Я знал, что это должно случиться; но я думал и надеялся...

Гневышов. Что вы думали, мой любезный, и на что надеялись?

Пирамидалов. Что Валентина Васильевна будет мне наградою за мою преданность к вашему превосходительству...

Гневышов. Вы ошибались.

Пирамидалов. Такое усердие, такое неусыпное, можно сказать, старание... я мог надеяться, что ваше превосходительство оцените.

Гневышов. Я вас ценю. Вы имеете мою протекцию; ваши услуги не пропадут даром. Я готов вам заплатить, но не такой ценой. Счастие милого существа для меня дорого. *(Строго.)* Ее судьбу, милостивый государь, я не могу вручить всякому...

Пирамидалов. Я умоляю, ваше превосходительство! Ваше превосходительство, не заставьте плакать и просить на коленях!..

Гневышов. Не трудитесь, мой милый, не трудитесь напрасно...

Пирамидалов. Цель моей жизни, ваше превосходительство, цель моей жизни!..

Гневышов. Цель вашей жизни: взять большое приданое и получить протекцию через жену?.. Да, нынче многие молодые люди имеют эту цель...

Пирамидалов. Но ведь я служил, не жалея себя. .

Гневышов. Я вам повторяю, что вы не годитесь в мужья Валентине Васильевне. Нам нужен человек, так сказать, избранный...

Пирамидалов. Но чем же Цыплунов лучше меня?..

Гневышов. Тут и сравнения быть не может. У Цыплунова блестящая будущность; он скоро займет очень выгодное место в московском обществе, а с ним и жена, разумеется; а вы хоть и хороший, исполнительный чиновник, но вы далеко не пойдете...

Пирамидалов. С вашей протекцией...

Гневышов. Даже и с моей протекцией! Уж самая наружность ваша...

Пирамидалов. Помилуйте, ваше превосходительство, Цыплунов и одеться порядочно не умеет, а я на портных да на куаферов трачу даже более, чем мои средства позволяют...

Гневышов. Я про лицо говорю, про выражение!..

Пирамидалов. Очень почтительное, ваше превосходительство, всегда очень почтительное!..

Гневышов. Да, уж слишком даже. Вы не обижайтесь: в вас есть что-то такое, немножко лакейское. Ну, а уж тут никакие куафюры не помогут...

Пирамидалов. Очень жалею, ваше превосходительство, что не мог или не умел...

Гневышов. Нет, вы оставьте этот разговор. Я сделаю для вас все, что могу... я в долгу не останусь...

Пирамидалов. Я сегодня более не нужен вашему превосходительству?..

Гневышов. Нет, прощайте! Да, постойте! Не будете ли вы здесь завтра?

Пирамидалов. Если прикажете.

Гневышов. Побывайте! Мне самому едва ли удастся, так вы понаведайтесь о здоровье Валентины Васильевны и вообще... как идут дела с Цыплуновыми, и сообщите мне.

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство! Честь имею кланяться!

Гневышов. Прощайте!..

Пирамидалов уходит.

Золотой человек, а нельзя... лакей! Говорят, что я важен очень, повелителен... но поневоле будешь важен, когда окружают такие люди, с которыми нельзя и говорить иначе, как начальническим тоном. Заговори с ними по-человечески, так они удивятся, растеряются...

Входит *Белесова*.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гневышов и Белесова.

Белесова *(садясь в кресло)*. Ну, вы довольны мной? Я, кажется, в точности исполняю все, что вам угодно.

Гневышов. Очень доволен, Валентина, очень доволен.

Белесова. Теперь позвольте вас спросить, зачем вы завезли меня в эту глушь, зачем вы навязываете мне каких-то чудаков, которых мне видеть странно? Я не хочу их обижать, а то бы я сказала другое слово...

Гневышов. Все это делается для вашей пользы, мой друг.

Белесова. Для моей пользы? Это любопытно.

Гневышов. Наши прежние отношения продолжаться не могут.

Белесова *(встает)*. Как?.. Что такое?.. Почему?

Гневышов. Сядьте и выслушайте меня спокойно и внимательно...

Белесова *(садясь)*. Ну-с, я слушаю. Только, пожалуйста, не мучьте меня, говорите короче. Я устала...

Гневышов. Для того чтоб я решился оставить вас, причины должны быть очень важные; иначе, конечно...

Белесова. Знаю! Говорите, что за причины!

Гневышов. Моя жена едет в Москву!..

Белесова. Ну!

Гневышов. Она приедет завтра... она знает все!..

Белесова. Ну и пусть ее знает!..

Гневышов. Она ставит непременное условие, чтоб наша связь была разорвана; в противном случае она не сойдется со мной.

Белесова. Да зачем вам сходиться?

Гневышов. Теперь это необходимо: она получила большое, громадное наследство...

Белесова. А!.. Вот что!..

Гневышов. Мои финансовые дела в большом расстройстве.

Белесова. Да, я понимаю: если вас заставили выбирать что-нибудь одно — меня или деньги,— так дело кончено: вы мной пожертвуете, вы и не задумаетесь даже.

Гневышов. Но ведь она жена...

Белесова. Ах, молчи, пожалуйста! Очень много ты беспокоился о жене, когда у ней денег не было! Ну, да что же делать! Рано или поздно это должно было случиться... Чем скорей, тем лучше!.. *(Утирая слезы.)* Страстной любви нет, и слез будет не много... *(С расстановкой.)* Любить тебя было бы глупо, но я все-таки тебя считаю человеком порядочным и не могу предположить, чтоб ты меня бросил совершенно, обрек меня на погибель... Ты, вероятно, позаботился о моей будущности...

Гневышов. Да, конечно, можешь ли ты сомневаться!

Белесова *(задумчиво)*. Чего я могу ждать от тебя?.. Чего?.. Ты, вероятно, предложил меня какому-нибудь своему старому другу, богатому человеку... и, конечно, разнежился при этом случае и сквозь слезы просил его любить меня и лелеять... *(Утирает слезы.)*

Гневышов. Ошибаешься, Валентина, ошибаешься...

Белесова. Разве хуже что-нибудь?

Гневышов. Нет, лучше! Я хочу, чтоб ты вышла замуж.

Белесова *(с испугом)*. Замуж?!

Гневышов. Да, замуж. Я хочу, чтоб ты занимала положение в обществе, какое следует тебе по твоему рождению, по твоей красоте, по твоим способностям. Я считаю своей обязанностью возвратить тебя на ту дорогу, с которой ты по моей вине уклонилась.

Белесова. Замуж! Но что же у меня есть для того, чтоб идти замуж?

Гневышов. Все есть! Хотя я в настоящее время стеснен в деньгах, но я не забыл своей обязанности, и у меня пятнадцать тысяч готовы для вас. Моя жена... она так великодушна, что предлагает столько же, чтоб...

Белесова. Чтоб избавиться от меня?

Гневышов *(строго)*. Чтоб устроить вашу судьбу, друг мой.

Белесова. Денег вы дадите, я знаю,— я в этом не сом-

неваюсь; но где ж у меня те качества, которые нужны, чтоб быть хорошей женой? Как я буду исполнять обязанности, о которых я понятия не имею? Вы как меня воспитали? Вы взяли в свой дом и баловали, и окружали роскошью бедного ребенка, сироту. Все, что нужно для внешности, для уменья держать себя, я узнала в подробности, а что честно и бесчестно для женщины, вы от меня скрыли. Замуж!.. Замуж!.. А что такое муж, дом, семья, разве я знаю, разве вы мне сказали? Ваша глупая жена всеми силами старалась развивать во мне гордость, мотовство, суетность; и как она радовалась своим успехам, нисколько не подозревая, что она старается для вас, что она действует в пользу ваших сластолюбивых замыслов. После такого воспитания вам нетрудно было обольстить меня; вам стоило только сказать: «Хочешь ты жить в бедности или в богатстве» — и кончено... и я ваша!

Гневышов. К чему эти слова, эти упреки, мой друг!..

Белесова. Ах, как я только подумаю, что у меня будет муж!..

Гневышов. Не бойся! Для такой красавицы, как ты, муж не что иное, как покорный слуга.

Белесова. Ну, кого ж вы нашли? Кто этот покорный слуга? Уж не тот ли жалкий, полусумасшедший господин, которого я видела сегодня?

Гневышов. Да, Цыплунов. Это лучший человек, какого только можно желать для вас! Вы ошибаетесь, мой друг!

Белесова. Нет, не ошибаюсь! Именно лучший-то мне и не годится. Вы не дали мне никакого понятия о нравственности, когда я была ребенком, а что было во мне хорошего от природы, вы погубили, лишь только я успела выйти из детства, и теперь торжественно вручаете меня мужу, серьезному человеку, пропитанному какими-то строгими правилами, какими-то мещанскими добродетелями.

Гневышов. Зачем придавать такое большое значение...

Белесова. Хорошо вам говорить! Вы уедете с спокойной совестью, вы исполнили свою обязанность! А я останусь лицом к лицу с ним, с этим мужем. Ведь это ужас, ужас!

Гневышов. Но если вам неприятен Цыплунов, есть другой: Пирамидалов готов предложить вам свою руку.

Белесова. Фи!.. Что вы! Не оскорбляйте меня по крайней мере! *(Задумывается.)*

Гневышов. Нечего думать! Нечего колебаться! Года через три-четыре Цыплунов займет видное место, и, вспомните мои слова, очень многие дамы будут завидовать вашему положению.

Белесова. Но ведь надо будет с ним объясниться, надо открыть ему все. Ах, мучение!

Гневышов. Зачем, зачем? Ни-ни!

Белесова. Как же можно обманывать? Это нечестно!

Гневышов. Нет, после, после. Ваше признание может затянуть дело... Что еще скажет его мать!

Белесова. Тебе хочется только сбыть меня, а как я буду разведываться с мужем, тебе и дела нет.

Гневышов. Нет-с! Я даю вам такой совет, потому что глубоко знаю натуру человеческую. Такие люди, как Цыплунов, только на то и созданы, чтобы прощать. Разве вы не видите: его привязанность к вам собачья, вы его можете гнать от себя, обижать, как вам угодно,— он все больше и больше будет любить вас.

Белесова. Ну... я подумаю. Прощайте!

Гневышов. Думать некогда. Завтра приезжает моя жена, и мы скоро отправляемся в деревню; а я хочу, чтобы все это кончилось при мне,— иначе я не буду покоен. Прощайте! Завтра я не буду у вас... Через день или два я привезу вам деньги. Не думайте, мой друг, не думайте!

Белесова. Не думать! Да разве это в моей власти! Какую ночь я проведу! Мне кажется, я поседею к утру... Уезжайте! *(Подходит к трюмо.)*

Гневышов. До свидания, мой друг!

Белесова *(глядя в зеркало и поправляя волосы)*. Вы разбили меня всю; я в эти полчаса постарела на пять лет! Прощайте! *(Подает руку назад, не оборачиваясь.)*

Гневышов сначала жмет ей руку, потом целует и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Белесова (одна).

Белесова. Не покончить ли с жизнию? *(Подумав.)* Нет, что за малодушие! Это средство всегда в моих руках, и я всегда им могу воспользоваться... Да, еще

успею... успею, когда нужно будет. Я ведь женщина, я любопытна; и страшно мне, и женское любопытство тянет меня заглянуть в этот неведомый для меня мир супружества. Как ничтожен казался мне этот человек, как мал передо мною; и вот теперь, когда я думаю о нем, мне кажется, что умаляюсь я, а этот пигмей растет, принимает грозный вид... и вот в моем воображении рисуется холодное и строгое лицо мужа перед недостойной женой. Ах, страшно, страшно!.. *(Садится.)* Но что это со мной? *(Хватается за грудь.)* Мне теснит грудь, я умираю... А! Нет... это... я знаю: это из глубины души идут благодатные слезы. Что это за слезы? Слезы обиды, стыда, отчаяния? Но какие бы слезы ни были, только бы слезы... слезы. Рыдай, рыдай, несчастная! И если эти слезы не облегчат тебя, лучше не живи! *(Рыдает.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ЦЫПЛУНОВ.

ЦЫПЛУНОВА.

БЕЛЕСОВА.

БЕДОНЕГОВА.

ПИРАМИДАЛОВ.

Садик при даче Цыплуновых; налево крыльцо дома; направо несколько деревьев и кустов, круглый стол и садовая мебель; в глубине дощатый забор и в нем калитка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Цыплунов и Цыплунова сходят с крыльца, потом Пирамидалов.

Цыплунов. Повторите мне, маменька, все, что она вам сказала; только, прошу вас, слово в слово, не изменяйте и не прибавляйте ничего.

Цыплунова. Она сказала мне: «Любовь вашего сына меня трогает; если б я была уверена, что достойна

его и могу составить его счастие, я б ни минуты не задумалась».

Цыплунов. Вы не клялись ей, что она была мечтой всей моей жизни, что даже видеть ее для меня блаженство невыразимое?

Цыплунова. Уж это твое дело.

Цыплунов. Что же вы ей сказали?

Цыплунова. Я поблагодарила ее за расположение к нам и сказала, что очень рада назвать ее своей дочерью и что пришлю тебя к ней.

Цыплунов. Ну, я иду, иду.

Цыплунова. Только ты будь посмелее. Она говорит: «Скажите ему, чтоб не дичился меня, чтоб он шел ко мне, как к невесте».

Цыплунов. Я иду к невесте, маменька! *(Обнимает мать и прилегает к ней на плечо.)* Я иду к невесте. Дождались вы?

Цыплунова. Дождалась, мой друг, дождалась радости. Ты повеселеешь, и я повеселею, а то ты ходишь, тоскуешь, неизвестно о чем, и я тоскую, на тебя глядя.

Цыплунов. Ну, прощайте!

Цыплунова. Приходите вместе, приводи и ее с собой. Она обещала к нам чай пить.

Цыплунов. Да, вместе придем, теперь уж всё вместе. Зачем нам разлучаться, и что может разлучить нас! *(Идет.)*

Навстречу ему из калитки выходит Пирамидалов.

Пирамидалов. А, Юрий Михайлович, здравствуйте!

Цыплунов. Здравствуйте, здравствуйте! Вот маменька, а мне некогда. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Цыплунова и Пирамидалов.

Цыплунова. А, это вы, Виталий Петрович!

Пирамидалов. Честь имею кланяться, Анна Афанасьевна! Куда это Юрий Михайлович так торопится?

Цыплунова. Он пошел к Валентине Васильевне.

Пирамидалов. Что ж он не сказал? Чудак, право, чудак. Так и я туда же. Прощайте!

Цыплунова. Нет, уж повремените немножко здесь!

Пирамидалов. Как повременить, зачем?

Цыплунова. Так уж, я вас прошу покорно.

Пирамидалов. Да мне нужно, Анна Афанасьевна, уверяю вас.

Цыплунова. Ну, уж полчасика куда ни шло. Вы ее увидите, она сама придет сюда с Юшей.

Пирамидалов. Всеволод Вячеславич очень занят сегодня и не может сюда приехать; так вчера он просил меня, чтоб я навестил Валентину Васильевну, ну, и к вам просил забежать: нет ли чего нового.

Цыплунова. Какие ж у нас могут быть новости? Я не понимаю вас.

Пирамидалов. Сватовство не началось ли?

Цыплунова. Так вы знаете?

Пирамидалов. Еще бы. Разве генерал от меня скрывает что-нибудь.

Цыплунова. А вы когда увидите Всеволода Вячеславича?

Пирамидалов. Завтра утром явлюсь к нему.

Цыплунова. Так скажите ему, что у нас дело кончено.

Пирамидалов. Вот как! Скоренько, Анна Афанасьевна, скоренько.

Цыплунова. Да чего ж нам ждать-то?

Пирамидалов. Нет, все-таки... Но я удивляюсь, как Юрий Михайлович со мной не посоветовался.

Цыплунова. До советов ли ему? Он так счастлив, что себя не помнит.

Пирамидалов. А не мешало б меня спросить: я Валентину Васильевну довольно хорошо знаю.

Цыплунова. Что ж вы знаете?

Пирамидалов. Прежде надо было спрашивать, Анна Афанасьевна, прежде. А теперь, хоть спрашивайте — ничего не скажу. Одно только скажу: не мое дело. Я, Анна Афанасьевна, умею молчать, когда нужно.

Цыплунова. Ну, как вам угодно: хоть молчите, хоть говорите,— нам все равно.

Пирамидалов. Генералу угодно, вы непрочь, а я что? Я мелко плаваю, следовательно, я должен молчать.

Цыплунова. Ну, так уж и молчите, я вас покорно прошу.

Пирамидалов. Вы думаете, что такие высокие люди, как Всеволод Вячеславич, и ошибаться не могут. Нет, могут и очень могут!

Цыплунова. Ничего я не думаю, и думать мне незачем.

Пирамидалов. Был у него человек, и человек достойный,— дело-то без хлопот бы обошлось; так не захотел Всеволод Вячеславич, не захотел-с. *(Про себя.)* Лакейское лицо, изволите ли видеть. *(Громко.)* Ну, а теперь мы еще посмотрим.

Цыплунова. Оставимте этот разговор.

Пирамидалов. Извольте, с удовольствием. Что уж тут! Ведь и я тоже влюблен в Валентину Васильевну и надеялся...

Цыплунова. А, понимаю теперь!

Бедонегова показывается в калитке.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Цыплунова, Пирамидалов и Бедонегова.

Бедонегова. Виталий Петрович, вот вы где! А я вас ищу. Как это, идете мимо дачи, и нет, чтобы...

Цыплунова. Зайдите, Антонина Власьевна, отдохните!

Бедонегова. Да, уж позвольте посидеть у вас. Вот далеко ли прошла, а устала. Я ведь на даче живу, никогда не гуляю, а выйду за ворота, посижу на лавочке — и довольно. Я больше для воздуху; потому на воздухе мне легче, а в комнате словно на меня тягость какая нападает.

Цыплунова. Так посидите в садике, а я пойду об чае похлопочу. Вот вам и кавалер. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пирамидалов и Бедонегова.

Бедонегова. Что ж вы это, к прочим людям ходите, а ко мне не заглянете?

Пирамидалов. К вам я после; вот всех обойду, тогда и к вам мадеры выпить.

Бедонегова. Да, на минуточку-то; некогда ни разговориться, ни что, да все домой торопитесь. А вы бы ко мне на весь день когда,— так с утра бы, чтобы уж как следует, не торопясь.

Пирамидалов. Как можно на весь день? Вы еще на неделю скажете! Ведь я человек служащий.

Бедонегова. Да что ваша служба! Выгоды от нее, как я посмотрю, большой нет. Вы, коли захотите, так и без службы можете себе хорошую выгоду иметь. А вы

сами не хотите, бегаете по всем дачам, а зачем — неизвестно. Если бы вы могли иметь любовь...

Пирамидалов. Вот еще, любовь, как же, нужно очень!

Бедонегова. Нет, вы не говорите! Любовь, коли кто может чувствовать, так это даже очень хорошо.

Пирамидалов. Нет уж, ну ее! До любви ли бедному чиновнику!

Бедонегова. Но вас может полюбить богатая женщина, и вы тогда можете иметь себе удовольствие в жизни и во всем достаток.

Пирамидалов. Да нет, я разочарован.

Бедонегова. А вы бы попытались, может, и выйдет счастье.

Пирамидалов. Я потому в жизни разочарован, что ни что на свете не вечно.

Бедонегова. Ну, уж это что ж делать!

Пирамидалов. Жизнь наша скоротечна, а любовь еще скоротечнее, особенно у богатых женщин. Полюбит — ну, и блажен, во всем довольстве; а вдруг увидит офицера — и разлюбила, и опять в бедность.

Бедонегова. Да, это бывает. Но и мужчины много фальшивят и неглижируют; а для женщины дороже всего, чтоб уж это постоянно...

Пирамидалов. Вот отчего я и не могу любить, и не верю в любовь, и разочарован. Кабы жениться, это другое дело.

Бедонегова. А что ж? Коли вами будут довольны...

Пирамидалов. Скажите, Антонина Власьевна, лакейское ли у меня лицо, или нет?

Бедонегова. Ах, что вы, что вы! Самое милое и благородное.

Пирамидалов. У вас какая вотчина-то?

Бедонегова. Дом с лавками.

Пирамидалов. А много ль доходу с них?

Бедонегова. Тысяч пятнадцать, чай, да у меня и окромя... А вы вот все от меня бегаете, к соседке моей, к Белесовой, ходите. Зачем вы к ней ходите?

Пирамидалов. Приказывают, так поневоле пойдешь.

Бедонегова. А я про эту соседку все доподлинно узнала.

Пирамидалов. Что ж вы узнали?

Бедонегова. Генерал этот ей не дяденька.

Пирамидалов. А кто же?

Бедонегова. А так, вроде как благодетель.

Пирамидалов. Ну так что ж за важность! Кому какое дело!

Бедонегова. Ну, уж не та честь, что генеральской племяннице. Нет уж, далеко, цена другая. Генеральскую племянницу взять всякому лестно, а эту кому нужно!

Пирамидалов. Не тот свет, не забракуют,— было бы только приданое.

Бедонегова. Само собой, генерал для нее не пожалеет, если человек состоятельный; только много не даст — не дочь ведь, что за крайность изъясниться! А коли и даст, так приданое будет дворянское.

Пирамидалов. Что такое за дворянское?

Бедонегова. Дворянское известно какое: одни только моды, а денег много не спрашивайте.

Пирамидалов. А протекция, разве этого мало?

Бедонегова. И с протекцией тоже ведь служить надо, голову свою утруждать, изнурять себя, а настоящего спокойствия и прохлаждения нет. А с деньгами-то сам себе господин: захотел — ну и ходи целую неделю дома в халате. Что может быть приятнее! И без нее есть невесты: и девушки из хороших семей, и вдовы; а на такой жениться и от людей совестно!

Пирамидалов. Кому совестно, а кому нет.

Бедонегова. Само собой, мало ль оглашенных-то!

Пирамидалов. Не про оглашенных речь. Вот Юрий Михайлович Цыплунов и не оглашенный, а людей не совестится.

Бедонегова. А что ж он?

Пирамидалов. Женится на Белесовой.

Бедонегова. Да из чего же?

Пирамидалов. Из приданого да из протекции.

Бедонегова. Такой гордый-то. Да он и на людей не смотрел. Батюшки, никак свет перевернуться хочет!

Пирамидалов. Вот на кого у меня злоба-то кипит. Ну, как не скажешь? А скажешь, так не нравится. Теперь и в люди выдет, и нос подымет, вот что обидно-то. А ты пресмыкайся всю жизнь!

Бедонегова. Да зачем, зачем? И вы можете себе линию найти.

Пирамидалов. Какая уж тут линия!

Бедонегова. Через женщину, через богатую.

В калитку входят Цыплунов и Белесова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирамидалов, Бедонегова, Цыплунов и Белесова.

Пирамидалов *(Бедонеговой)*. Вот, извольте полюбоваться! Уж и прогуливаются вместе.

Бедонегова. Да что вы, как будто сердитесь? Аль завидки берут? Вот и верь мужчинам!

Цыплунов, проходя с Белесовой к крыльцу, кланяется Бедонеговой.

Белесова *(Цыплунову)*. Кто эта дама, такая расписанная?

Цыплунов. Соседка наша.

Белесова. Купчиха, должно быть, лавочница какая-нибудь. Что за знакомство!

Цыплунов. Как от них избавишься? Насильно врываются.

Белесова. Я к вашей маменьке пойду, подождите меня здесь! *(Уходит на крыльцо.)*

Цыплунов долго смотрит ей вслед.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Цыплунов, Пирамидалов и Бедонегова.

Пирамидалов. Как смотрит-то, как смотрит! Скажите пожалуйста!

Бедонегова. И то. Ах, это смеху подобно! *(Смеется.)*

Пирамидалов смеется искусственно. Цыплунов садится на скамейку поодаль.

Пирамидалов *(громко)*. И меня ловили, да нет — я мелко плаваю, а честь берегу.

Бедонегова. Потому что она всякому нужная.

Пирамидалов. Нет, говорю, ваше превосходительство, ищите другого! Не беспокойтесь, говорю, найдутся избранники.

Бедонегова. Да как не найтись! Вот и нашлись.

Пирамидалов. Я, говорит, дам за ней хорошее приданое, буду оказывать вам покровительство по службе. Нет, говорю, ваше превосходительство, я вам очень благодарен, а, извините, решиться не могу. Да почему же? Потому что я себе цену знаю. А вы

обо мне как бы думали, Антонина Власьевна? Нет, я за словом в карман не полезу. Потому, говорю, ваше превосходительство, что у меня много знакомых, товарищей,— что они скажут! Как будут смотреть на меня! Другому это нипочем, а мне дорого,— я молодой человек, я только жить начинаю.

Бедонегова. Да ему, чай, за обиду показалось, что вы так говорите?

Пирамидалов. Я говорю: «Ваше превосходительство, я ее не обижаю»,— ну, то есть эту женщину, понимаете? «Я к ней со всем уважением, а жениться — нет, не могу. Может быть, через это, говорю, я ваше расположение теряю, а уж нет, не могу».

Цыплунов. Вы про какую это женщину говорите?

Пирамидалов. Нет, мы так, свой разговор ведем.

Цыплунов. Да, вы говорите между собой, но вы нарочно говорите громко, с явным намерением, чтобы ваши слова доходили до меня.

Пирамидалов. Нет, право, мы так вообще.

Цыплунов. Вы нарочно ударяли на те слова, которые должны меня затрогивать в моем настоящем положении. Я эту манеру знаю. Это манера мелких завистливых людишек. Извольте мне сказать, про какую женщину, про какого генерала вы говорили!

Бедонегова. Что это вы так пристаете?

Цыплунов. Что ж вы молчите? Отвечайте! Вы говорили про Валентину Васильевну?

Бедонегова. Да хоть бы и про нее, так ведь не принцесса.

Пирамидалов. Разве я не могу говорить, про что мне угодно?

Цыплунов. Можете. Теперь или вы идите сейчас же извиняться перед ней, или скажите мне прямо, почему нельзя жениться на ней честному человеку.

Бедонегова. Да стоит ли она еще того, чтобы из-за нее вам ссориться? Все-таки вы товарищи, а она что?

Цыплунов. Вы это слышите? Говорите сейчас, почему не честно жениться на Валентине Васильевне, иначе я...

Пирамидалов. Ну, что ж иначе? Что иначе?

Цыплунов. Иначе я просто вас убью!

Пирамидалов. Я говорил только про себя, а другим как угодно. Я не могу жениться.

Цыплунов *(горячо)*. Почему? Говори, почему!

Пирамидалов *(сердясь)*. Почему да почему! Ну, потому что не желаю утешать покинутых фавориток, не желаю подбирать того, что другие бросают. Я могу найти лучше.

Бедонегова. Еще бы не найти!

Цыплунов. Она покинутая фаворитка? Правда это?

Пирамидалов. Конечно, правда. На днях приедет из-за границы жена Всеволода Вячеславича; вот ему и хочется поскорей пристроить Валентину Васильевну.

Бедонегова. Да весь свет про это знает.

Цыплунов. Ну! *(Тяжело вздохнув и хватаясь за голову.)* Извините меня! *(Идет к крыльцу.)*

С крыльца сходят Цыплунова и Белесова.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Белесова, Цыплунова, Цыплунов, Пирамидалов и Бедонегова.

Цыплунов *(Белесовой)*. Вы не родственница Всеволоду Вячеславичу?

Белесова. Что за вопрос? Зачем вам?

Цыплунов. Мне нужно знать.

Белесова. Да разве для вас не все равно? Разве вам нужно родство?

Цыплунов. Нет, не все равно. Мне родства не нужно, но знать правду необходимо.

Белесова. А если необходимо, я вам скажу. Нет, не родственница, я его воспитанница.

Цыплунов. Да, я знаю, были воспитанницей, а теперь?

Белесова. Что за допросы?

Цыплунова. Юша, Юша, что с тобой?

Цыплунов *(Белесовой)*. А теперь?

Белесова *(с волнением)*. Если вы думаете, что я все тот же невинный ребенок, которого вы знали прежде...

Цыплунов *(хватаясь за голову)*. Да, я думал, что вы так же чисты.

Белесова. Так вы ошибаетесь... я должна признаться, что я уж не... дитя.

Цыплунов. Зачем же вы от меня скрыли, что вы утратили, погубили этот чистый детский образ? Ведь я его только и любил в вас.

Белесова. Вы меня ни о чем не спрашивали, вы мне говорили только, что любите меня. И вы должны быть мне благодарны, я сделала вам угодное; я позволила вам быть близко и любить меня.

Цыплунов. Да ведь в моих мечтах вы были чисты, кругом вас были лучи, сияние непорочности.

Белесова. Вы должны были знать, на ком вы женитесь.

Цыплунов. Вы меня обманули.

Белесова. Скажите лучше, что вы сами обманулись.

Цыплунов. Нет, вы меня обманули.

Белесова. Чем?

Цыплунов. Вашим ангельским лицом, оно у вас то же, прежнее.

Белесова. Я очень рада, что оно не изменилось.

Цыплунов. Но ведь оно лжет. Замажьте его белилами, румянами, чтоб оно не обманывало.

Белесова. Фи! Что вы, что вы! Опомнитесь!

Цыплунов. Вам жалко его, не правда ли? Да, жалко, жалко. Оно прекрасно, оно такое светлое, чарующее. Так оставьте его... но вывеску, вывеску, какую-нибудь вывеску! Длинный хвост, особую прическу. Мало ли этих примет, по которым любители продажной красоты узнают свой товар!

Белесова. Ах! Какое оскорбление! Как вы злы, ничтожный человек! Пирамидалов, заступитесь хоть вы за меня!

Пирамидалов *(подходя к Белесовой)*. Можно ли так оскорблять женщину? Что вы!

Цыплунова. Юша, Юша, что ты делаешь! Пожалей ты хоть самого-то себя!

Цыплунов. Вы уничтожили мечту всей моей жизни, опустошили мою душу.

Белесова *(презрительно)*. Да довольно. Пощадите!

Цыплунов. А вы меня щадили? Вы убили, вы утопили в грязи самую чистую любовь. Я ее лелеял в груди десять лет, я ее считал своим благом, своим счастием, даром небесным. Я благодарил судьбу за этот дар.

Белесова *(Пирамидалову)*. Пойдемте. Проводите меня! Убежимте из этого дома сумасшедших!

Цыплунов. Нет, это не дом сумасшедших. Но вы уходите! Это дом честных людей, и вам здесь не место. *(Обнимая мать.)* Посмотрите, как все здесь свято, какой здесь рай, и признайтесь перед собой

и перед нами, что вам нет места между мной и моей матерью.

Белесова. Если бы у меня был муж, или брат, или хоть молодой преданный любовник, я бы не успокоилась до тех пор, пока бы вас не убили.

Цыплунов. Зачем еще убивать меня? Я уж убит, убит вами... Ваш удар прямо в сердце! Вы убили любовь мою! Она была для меня дороже жизни, и ее нет... *(Хватается за грудь.)* Ее здесь нет... Нет и жизни! *(Падает без чувств в кресло.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

БЕЛЕСОВА.

ГНЕВЫШОВ.

ПИРАМИДАЛОВ.

ЦЫПЛУНОВ.

ЦЫПЛУНОВА.

Комната второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пирамидалов, с террасы входит Гневышов.

Гневышов. Ну что?

Пирамидалов. Валентина Васильевна меня видеть не желает, ваше превосходительство.

Гневышов, тихо подходя к двери направо, делает знак Пирамидалову, чтобы он отошел к стороне.

А я, по вашему приказанию...

Гневышов. Молчите! *(Стучится в дверь.)* Валентина, Валентина Васильевна, можно войти?

Голос Белесовой: «Подождите!»

(Отходит от двери.) Ну, она, кажется, ничего, а как вы меня испугали.

Пирамидалов. Я счел своею обязанностию сегодня утром доложить подробно вашему превосходитель-

ству все, что вчера происходило, как вы сами изволили мне приказать.

Гневышов. И поспешили сюда?

Пирамидалов. Так точно, ваше превосходительство, и передал Валентине Васильевне, что вы изволите прибыть вслед за мною.

Гневышов. Ну, и что же?

Пирамидалов. Я и понять не могу, ваше превосходительство...

Гневышов. Да где же вам!

Пирамидалов. Слушать меня не стали, а приказали мне сейчас же позвать к ним Цыплунова.

Гневышов. Как, Цыплунова, этого самого? Не понимаю, не понимаю.

Пирамидалов. Я говорю: «Валентина Васильевна, кого вы приглашаете? Где же у вас самолюбие! Я вас не узнаю!» Так ведь я говорил, ваше превосходительство?

Гневышов. Ну, ну, далее!

Пирамидалов. «Да он, говорю, не пойдет». — «Не ваше, говорит, дело. Прикажите ему от меня, чтоб он пришел. Ну просите его, ну умоляйте его». И больше ничего разговаривать не стали и ушли от меня.

Гневышов. Вы ходили?

Пирамидалов. Ходил, ваше превосходительство.

Гневышов. Что ж он?

Пирамидалов. Ломается: «Да зачем я пойду, да с какой стати, да что мне там делать?»

Гневышов. Да придет он или нет, я вас спрашиваю!

Пирамидалов. Хотел прийти.

Гневышов. Странно, очень странно.

Пирамидалов. Я вам говорил, ваше превосходительство, что он дикий; вы мне не изволили верить.

Гневышов. О мой милый, кто ж не ошибается! Человеку свойственно ошибаться. Но я в вине — я и в ответе; я постараюсь поправить эту ошибку.

Пирамидалов. Если что нужно будет вашему превосходительству, я буду здесь, в саду.

Гневышов. Да, хорошо, ступайте, я слышу шелест платья.

Пирамидалов уходит в сад. Из боковой двери выходит Белесова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гневышов и Белесова.

Гневышов. Здравствуй, Валентина!

Белесова. Ну, что вы? Зачем вы?

Гневышов. Мой друг, такой случай... не мог же я...

Белесова. Вы знаете?

Гневышов. Пирамидалов мне передал.

Белесова. Поймите же вы, в каком я положении, если вы способны понимать что-нибудь.

Гневышов. О мой друг, всякий может подвергнуться оскорблению, никто от этого не застрахован. Ну, представьте себе; я пошел прогуляться, и вдруг на меня из подворотни лает собака; неужели же мне этот грубый лай принять за оскорбление и обидеться! А эти глупые упреки, эта мещанская брань чем же лучше собачьего лая! И тебе, Валентина, не только обижаться, но даже и думать об этом не стоит.

Белесова. Стоит думать или не стоит, это уж мое дело. Это для меня теперь самый важный жизненный вопрос. *(Задумчиво.)* Но это не лай... Какая энергия, какое благородство! Я ничего подобного в жизни не видывала. И вместе какая обида, какая обида!

Гневышов. Ну, оставь же! Отнесись к этому факту с презрением, которого он заслуживает. Презрительность ко всему мелкому и вульгарному в твоей натуре, и она так мило выходит у тебя.

Белесова. Вы знаете все, все, знаете и человеческую натуру. Я себе никогда не прощу, что имела глупость вам поверить.

Гневышов. Я действительно хорошо знаю сердце человеческое, но могу иногда и ошибаться.

Белесова. Вот то-то же. Нет, в делах важных никогда не нужно слушать мудрецов и знатоков сердца человеческого, а надо следовать собственному внутреннему побуждению. В молодом сердце, как бы оно испорчено ни было, все-таки говорят еще свежие природные инстинкты. По вашим словам я думала, что Цыплунов вечно будет моим покорным рабом и что я, разумеется, ничего не обязана чувствовать к нему, кроме презрения. А вышло напротив: он меня презирает.

Гневышов. И это тебя беспокоит? Какое ты дитя!

Белесова. Беспокоит — мало сказать. Мучает меня, я вся дрожу, я не спала всю ночь. Я хочу его видеть.

Гневышов. Ну, зачем это, зачем? Ты должна выкинуть из головы всякое помышление о нем. Он человек грубый, для твоей деликатной натуры не годится: ну, значит, с ним и о нем всякие разговоры кончены. Я привез тебе деньги, сколько мог собрать. На первое время с тебя будет достаточно.

Белесова. Зачем ты привез именно нынче? Почему ты так поторопился?

Гневышов. Надо ж когда-нибудь, так не все ли равно, нынче или завтра... Я обещал, я должен.

Белесова *(с горечью)*. Нет, неправда. Ты узнал, что я оскорблена, и хотел меня утешить. Признайся! Детей утешают игрушками, конфетами, а женщин — деньгами. Ты думал, что всякую тоску, всякое горе, всякое душевное страдание женщина забудет, как только увидит деньги. Ты думал: она огорчена, оскорблена, она плачет, бедная; словами ее теперь не утешишь, это трудно и долго,— привезу ей побольше денег, вот она и запрыгает от радости.

Гневышов. Ну, это не совсем так!

Белесова *(настойчиво, со слезами)*. Нет, так, так!

Гневышов. Ты ко мне придираешься.

Белесова. Ах, мне хочется плакать... Подите прочь!

Гневышов. Скажи же мне наконец, что тебе нужно?

Белесова. От вас ничего. Мне нужно видеть Цыплунова.

Гневышов. Но зачем?

Белесова. Я не знаю. Мне хочется и убить его, и оправдываться перед ним, просить у него прощения.

Гневышов. Какие фантазии! Ну видишь, ты сама не знаешь, что ты хочешь.

Белесова. Не знаю, не знаю. Но я знаю только одно, что если он не снимет с меня этих упреков, этого позора, я могу дойти до отчаяния и сойти с ума.

Гневышов. Вы в ажитации, мой друг, вам надо успокоиться. Очень жаль, что вы поторопились послать за Цыплуновым; как бы это не расстроило вас еще более. Возьмите же деньги, уберите их. С этими деньгами ты можешь жить самостоятельно, не нуждаясь ни в ком. *(Подает Белесовой большой конверт.)*

Белесова *(с болезненным отвращением)*. Ах! *(Берет деньги и бросает их на стол.)* Если б можно было не брать их!

Гневышов. Вы не оскорбляйтесь! Дети берут же от отцов... Оскорбляться тут нечем. Деньги вещь необходимая. Я к вам как-нибудь заеду на этой неделе. Часто я у вас бывать не могу; вчера приехала жена. Впрочем, когда она узнала от меня, что вы выходите замуж, гнев ее рассеялся, и она шлет вам целую дюжину поцелуев. *(Прислушивается.)* Он здесь, он здесь, я слышу его голос. Я подожду, чем кончится ваше объяснение.

Белесова. Только не здесь. Подите в сад и пошлите его ко мне; сами вы можете войти после.

Гневышов уходит. Белесова, взволнованная, ходит по комнате. Входит Цыплунов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Белесова и Цыплунов.

Цыплунов. Что вам угодно?

Белесова. А, вы пришли, вы здесь, у меня; значит, вы признаете себя виноватым?

Цыплунов. Нисколько не признаю. Вы меня звали, и я пришел.

Белесова. Вы вчера меня оскорбили, вы думаете, что это так пройдет вам? Вы думаете, что все ваши упреки, всю вашу брань я должна принять, как должное, как заслуженное, и склонить голову перед вами? Нет, вы ошибаетесь. Вы не знаете моего прошедшего, вы не выслушали моих оправданий, и вы осудили, осыпали публично оскорблениями бедную, беззащитную женщину. За упреки вы услышите от меня упреки, за брань вы услышите брань.

Цыплунов. Извольте, я выслушаю.

Белесова. Вы грубый, вы дурно воспитанный человек! У кого вы учились обращаться с женщинами? Боже мой! И этот человек мог быть моим мужем! Теперь я верю вашей матери, что вы чуждались, бегали общества, это видно по всему. Нравы, приемы, обращение с женщинами порядочных людей вам совершенно незнакомы. В вас нет ни приличия, ни чувства деликатности. Каких вы женщин видели? Любопытно знать то общество, то знакомство, в котором вы усвоили себе такие изящные манеры и такую отборную фразеологию.

Цыплунов. Я с младенчества знаю одну женщину, лучше и выше которой не представит никакое общество.

Белесова. Да, это ваша матушка, об ней речи нет. Ну, а кроме ее? Кроме ее, вы видели женский пол только в прислуге, то есть горничных, нянек, кухарок; между ними вы выросли, между ними вы находитесь теперь и никак не можете подняться выше нравственного уровня этого общества. К вашей няньке, которую вы, по своей нелепой, неуклюжей и смешной страстности, конечно, обожаете, вероятно ходил пьяный муж, бранил, а может, и бил ее. От частого повторения вам это казалось естественным и законным, и вы подумали, что со всякой женщиной можно так же обращаться. Теперь вы видите, каким ничтожеством считаю я вас, и могу ли я обижаться вашими словами! Если я вас позвала, то затем только, чтобы уверить вас, что вчера ваша риторика не произвела того эффекта, на который вы рассчитывали, что брань ваша для меня совсем не оскорбительна, что она даже не задевает, не царапает, а только свидетельствует о вашей невоспитанности, о пошлости вашего ума и грубости сердца. Ступайте!

Цыплунов кланяется.

Постойте! Вы хотите казаться неуязвимым, вы разыгрываете роль святого. Как это смешно!

Цыплунов. Смейтесь, если вам смешно! Ну, все теперь?

Белесова. Нет, для меня этого мало.

Цыплунов. Да, я думаю.

Белесова. Позовите Всеволода Вячеславича и Пирамидалова и при них просите у меня извинения!

Цыплунов. Пожалуй. Только это ничему не поможет и ничего не исправит.

Белесова. Почему вы так думаете?

Цыплунов. Потому, что в словах моих была правда.

Белесова *(горячо)*. Как! Оскорбленная вами женщина ждет от вас извинения, а вы опять с своей школьной моралью!

Цыплунов. Извольте, я буду просить у вас извинения, буду просить униженно, коли вы хотите, даже на коленях; но это не поможет вам, вы ошибаетесь. Извинение мое может успокоить вас только на не-

сколько минут; горькие слова мои, сказанные вам вчера, всегда останутся с вами. Никаким развлечением, никакими забавами вы их не заглушите; они будут вас преследовать везде и вызывать краску стыда на лицо ваше; вы будете с ужасом просыпаться ночью и повторять их.

Белосова. Уйдите, уйдите с глаз моих!

Цыплунов *(поклонясь)*. Прощайте! *(Идет к двери.)*

Белесова. Ах, нет, постойте, постойте!

Цыплунов *(возвращаясь)*. Что вам угодно?

Белесова. Молчите, не говорите ни слова. Слушайте меня!

Цыплунов. Извольте.

Белесова. Я была дурно воспитана, избалована, я ничему не училась хорошему, ничего не знала, меня занимали только мелочами. Человек без сердца воспользовался моей ветренностию, моей пустотой... обман, обольщение...

Цыплунов. Позвольте!

Белесова. Дайте мне высказаться!

Цыплунов. Не нужно, не нужно. Вы хотите оправдываться?

Белесова. Да, я хочу оправдаться перед вами, я хочу, чтоб вы знали, как мало было моей вины... Я скажу вам все, все, и потом подам вам камень и посмотрю, подымется ли у вас рука убить меня.

Цыплунов. Да не трудитесь, не трудитесь! Скажите только два слова, что вы жертва обмана и обольщения, и я вам поверю.

Белесова. И не будете судить меня?

Цыплунов. Какое я имею право теперь судить вас, когда вы для меня чужая. Живите, как знаете, и делайте, что знаете!

Белесова. Однако я не совсем посторонняя для вас.

Цыплунов. Потому-то я и прощаюсь с вами не совершенно равнодушно; я чувствую, что должен пожалеть вас и пожелать вам возможного для вас счастья.

Белесова. Вчера вы не жалели меня.

Цыплунов. Да ведь жалеют только тех, которые страдают, плачут. Как можно догадаться, что женщина, которая высоко держит голову, у которой гордая и презрительная улыбка на лице, заслуживает сожаления? Вот теперь я вас жалею.

Белесова. И прощаете?
Цыплунов. За что?
Белесова. За то, что я вас оскорбила сейчас.
Цыплунов. О, вздор какой! Можно ли сердиться на женщину, когда она взволнована и не владеет собой! Но если хотите считаться, так обида за обиду, мы квиты. Мне кажется, вы должны быть довольны нашим объяснением и можете теперь успокоиться. Прощайте!
Белесова. Прощайте! Ах, нет, погодите! Еще не все... не все.
Цыплунов. Я слушаю.
Белесова. Останьтесь хоть на несколько минут!
Цыплунов. Зачем?
Белесова. Говорите что-нибудь... хоть браните меня, да только говорите... Ну, вот что скажите мне! Отчего это, когда я подумаю, что вы уходите, и уходите от меня навсегда, у меня как будто что отрывается от сердца, и остается в душе какая-то пустота? Точно меня бросили, кинули одну между чужими... Скажите, отчего это?
Цыплунов *(подумав)*. Не знаю. Скажите яснее!
Белесова. Мне кажется, что если бы вы или кто-нибудь из подобных вам людей навещали меня хоть изредка, мне было бы лучше, теплее на душе.
Цыплунов. А, понимаю. Вы начинаете скучать, жизнь без всякого содержания вам надоела, и вы почувствовали ее пустоту.
Белесова. Да, кажется, так.
Цыплунов. Это хорошее дело.
Белесова. Как же помочь моему горю? Я прошу вашего совета, не откажите мне!
Цыплунов. Извольте! Это очень просто. Найдите себе занятия, поищите хороших, дельных людей для знакомства, больше думайте, читайте; а лучше всего, познакомьтесь с какой-нибудь доброй, умной женщиной: она вас научит, что делать, чтобы избежать скуки и тоски.
Белесова. Мне этого мало.
Цыплунов. Уж извините, больше я ничего не имею предложить вам. Прощайте! *(Идет на террасу.)*
Белесова *(догоняя Цыплунова)*. Постойте! Подождите! Юрий Михайлович! Юрий Михайлович! Одну минуту!

Цыплунов *(возвращаясь)*. Что прикажете?

Белесова *(садясь в кресло и закрывая лицо руками)*. Я люблю вас!

Цыплунов. Что вы говорите? Такими словами не шутят. Посмотрите на меня, я так убит, так жалок, что шутить надо мной вам непростительно.

Белесова *(плача)*. Да нет, нет, правда, правда, я не шучу нисколько.

Цыплунов. Да как это могло случиться? Когда?

Белесова. Вчера, и сегодня особенно.

Цыплунов. Если это правда, то уж я не могу, не смею вас так оставить; я должен позаботиться о вас, должен что-нибудь сделать для вас.

Белесова *(печально)*. «Что-нибудь»... только что-нибудь!

Цыплунов. Нет, все... *(Одумавшись.)* Все, что могу, что я должен.

Входят Гневышов и Пирамидалов и останавливаются у двери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Белесова, Цыплунов, Гневышов и Пирамидалов.

Белесова. Конечно, я не вправе не только требовать от вас... но даже и надеяться... Но уж вы сделали для меня много, вы заставили меня полюбить вас... Я вижу, чувствую, что эта любовь для меня спасительна; умоляю вас, не покидайте меня! Мне нужна помощь, нужно участие..

Цыплунов. Что я могу, что я в силах...

Белесова. Ах, я знаю, я буду много, много тосковать... о погибшей молодости, о своем безумстве... Мне нужна будет поддержка, душевное участие и утешение, которое шло бы от сердца... А то ведь нас утешают обыкновенно вот чем! *(Указывает на конверт с деньгами.)*

Цыплунов. Что это?

Белесова. Это деньги; мне привез их сегодня Всеволод Вячеславич.

Цыплунов. Разве у вас своего ничего нет? Вы живете на счет Всеволода Вячеславича?

Гневышов. Нет, у нее есть и свои, но немного; а она должна жить прилично.

Цыплунов. Валентина Васильевна, если вас не оскорбляют эти деньги, тогда мне говорить нечего.

Белесова. Нет, оскорбляют. Я иногда пла́чу; но что ж делать? Я, признаюсь вам, не имею столько силы воли, чтоб...

Цыплунов. В таком случае позвольте мне помочь вам. Ведь вы меня просили?

Белесова. Да, просила и прошу.

Цыплунов. Вот первое доброе дело, которое я могу сделать для вас. Дайте мне эти деньги!

Белесова. Извольте!

Цыплунов. Вам их не жаль?

Белесова. Ах, нет, делайте с ними, что хотите; вы лучше меня знаете, что мне нужно.

Цыплунов (*Гневышову*). Всеволод Вячеславич, Валентина Васильевна отказывается от вашего подарка.

Гневышов. Что я дарю, я того не беру назад.

Цыплунов. Вы, ваше превосходительство, человек известный своей благотворительностью; Валентина Васильевна просит вас раздать эти деньги от ее имени бедным, которые действительно нуждаются.

Гневышов (*взяв деньги*). Да, если дело принимает такой оборот... (*Одобрительно шепчет Цыплунову.*) Хорошо, молодой человек, хорошо.

Цыплунов. Потом, потом... что еще потом я обязан сделать для вас?

Входит Цыплунова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Белесова, Цыплунов, Гневышов, Пирамидалов, Цыплунова.

Цыплунова. Юша, Юша! Он и так болен, бедный; зачем привели его сюда? Извините меня, Валентина Васильевна! Юша, пойдем домой!

Цыплунов. Маменька, вы так меня любите, в вас так много любви, такое обилие чувства, что вы можете уделить другим часть его, не обижая меня. Маменька, есть женщина, которая нуждается в сочувствии, в поддержке...

Цыплунова. Про кого ты говоришь, друг мой?

Белесова. Это я, Анна Афанасьевна!

Цыплунова. Ах, Юша, пойдем лучше!

Цыплунов. Маменька, погодите! Эта женщина очень несчастна. Ни одно высокое чувство в ней не было затронуто. Ей никто никогда не говорил о сострадании, о любви; она не знала даже, что порока нужно стыдиться, а не гордиться им.

Цыплунова. Юша, ты можешь обидеть ее...

Цыплунов. Нет, она теперь не обидится, она любит меня, и вы, я знаю, сами ее полюбите за это и сделаете для нее все, что может сделать умная, любящая женщина для молодой души.

Цыплунова *(подходя к Белесовой)*. Вы полюбили моего сына?.. Это правда?

Белесова. Да, я полюбила его, я люблю его все больше и больше; моя любовь растет вместе с уважением, которое я начинаю чувствовать к вам обоим. Да разве мне трудно полюбить его, вас? Мне стоит только вспомнить мое детство и забыть все, что было потом. Юрий Михайлович, помните, как мы с вами оба вместе, с двух сторон, бросались обнимать и целовать вашу матушку? Вы и теперь ее часто обнимаете... Как я вам завидую! Нет, вы ей не все сказали про меня. *(Берет за руку Цыплунову.)* Вы забыли ей сказать, что я сирота, совершенно одинокая; но что если бы я нашла руку, которую могла бы поцеловать с любовью... *(Хочет поцеловать руку Цыплуновой.)*

Цыплунов. Что вы, что вы, Валентина Васильевна!

Белесова. Прошу вас, пойдемте ко мне в комнату, на два слова только, на два слова!

Уходят.

Цыплунов *(про себя)*. Как мне досадно на себя: мои слова всегда так жестки! Но маменька ее утешит, она умеет, да, умеет... Какое положение! Но нет, не теперь, после, после... Я должен покойно и серьезно рассудить, как поступить в этом случае.

Гневышов *(Цыплунову)*. Молодой человек, прогоните меня, прогоните нас! Я очень хорошо понимаю, что мы здесь непрошеные гости, что мы здесь лишние...

Цыплунов. Это как вам угодно. Я здесь не хозяин.

Гневышов *(крепко жмет руку Цыплунова и, ударяя себя в грудь, говорит торжественно)*. Но, молодой

человек, позвольте мне гордиться, что, выбрав вас для нее, я не ошибся! Да-с, не ошибся. *(Делает знак Пирамидалову и отходит с ним на левую сторону.)*

Пирамидалов *(Гневышову)*. Ваше превосходительство, вы всегда были моим отцом, не откажите мне и теперь в вашем расположении, в вашей милости!

Гневышов. Просите, я сегодня в хорошем расположении духа.

Пирамидалов. Ваше превосходительство, я женюсь на Антонине Власьевне Бедонеговой; позвольте мне просить вас быть моим посаженым отцом. И для меня это честь выше всякой меры, да и по купечеству, вы знаете, ваше превосходительство, как важно...

Гневышов. Когда генерал на свадьбе... знаю, знаю! Ну, изволь, мой милый, я сделаю для тебя это удовольствие...

Входят Цыплунова и Белесова, одетая просто.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Цыплунов, Гневышов, Пирамидалов, Цыплунова и Белесова.

Цыплунов *(пораженный простым нарядом Белесовой)*. Маменька, я думал о том, что мы должны сделать для Валентины Васильевны.

Цыплунова *(с улыбкой)*. Погоди, мой друг! С тобой мы поговорить успеем. Хотя нам всегда приятно слушать тебя, но теперь у нас важное дело, которое надо кончить поскорей. *(Гневышову.)* Валентина оставляет эту дачу; вы можете сдать ее довольно выгодно, желающих много, лето еще только начинается.

Гневышов. Пирамидалов, устройте это дело! Но я не понимаю, зачем это?

Цыплунова. Эта дача велика и дорога для Валентины... *(Белесовой.)* Впрочем, говори ты сама!

Белесова *(указывает на Цыплунову)*. Маменька обещала мне найти по соседству с ними одну или две комнаты, больше мне не нужно. Завтра же я велю продать мебель и все свои лишние вещи; я возьму только цветы. Мы теперь идем смотреть новую квартиру.

Цыплунов. Маменька, как я вам благодарен! Мы весело будем жить на даче. Мне кажется, я могу сказать, что рай, о котором я мечтал, открывается для меня. Так ли это? Вы согласны со мной?

Цыплунова. Думай сам о себе! Я знаю только одно, что я нашла то, чего мне недоставало и чего я так желала,— я нашла дочь себе.

Цыплунов. Об чем же мне думать! И я нашел то, чего искал. В этих прекрасных чертах опять я вижу детскую чистоту и ясность и то же ангельское выражение... Это она, наша прежняя Валентина.

Комедия
в четырех
действиях

ПРАВДА — ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

АМОС ПАНФИЛЫЧ БАРАБОШЕВ
купец, лет за 40, вдовый.

МАВРА ТАРАСОВНА
его мать, полная и еще довольно свежая старуха, лет за 60; одевается по-старинному, но богато; в речах и поступках важность и строгость.

ПОЛИКСЕНА
дочь Барабошева, молодая девушка.

ФИЛИЦАТА
старая нянька Поликсены.

НИКАНДР МУХОЯРОВ
приказчик Барабошева, лет 30.

ГЛЕБ МЕРКУЛЫЧ
садовник.

ПАЛАГЕЯ ГРИГОРЬЕВНА ЗЫБКИНА
бедная женщина, вдова.

ПЛАТОН
ее сын, молодой человек.

Действие происходит в Москве.

Сад при доме Барабошевых; прямо против зрителей большая каменная беседка с колоннами; на площадке, перед беседкой, садовая мебель: скамейки с задками на чугунных ножках и круглый столик; по сторонам кусты и фруктовые деревья; за беседкой видна решетка сада.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Филицата и Зыбкина.

Зыбкина. Ах, ах, ах! Что ты мне сказала! Что ты мне сказала! То-то, я смотрю, девушка из лица изменилась, на себя не похожа.

Филицата. Все от любви, сердце ноет. И всегда так бывает, когда девушек запирают. Сидит, как в тюрьме,— выходу нет, а ведь уж в годах, уж давно замуж пора. Так чему дивиться-то?

Зыбкина. Да, да. Что ж вы ее замуж-то не отдаете? Неужто женихов нет?

Филицата. Как женихов не быть! Четвертый год сватаются, и хорошие женихи были; да бабушка у нас больно характерна. Коли не очень богат, так и слышать не хочет; а были и с деньгами, так, вишь, развязности много, ученые речи говорит, ногами шар-

кает, одет пестро; что-нибудь да не по ней. Боится, что уважения ей от такого не будет. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатого, и чтоб тихого, не из бойких, чтоб он с затруднением да не про все разговаривать-то умел; потому она сама из очень простого звания взята.

Зыбкина. Скоро ль ты его найдешь такого!

Филицата. И я то же говорю. Где ты нынче найдешь богатого да неразвязного? Кто его заставит длинный сертук надеть али виски гладко примазать? Вяжет-то человека что? Нужда. А богатый весь развязан и уж, обыкновенно, в цветных брюках. Ничего не поделаешь.

Зыбкина. Уж само собой, что в цветных; потому, какая ж ему неволя!..

Филицата. Мудрит старуха над женихами, а внучка, между тем временем, влюбилась да и сохнет сердцем. Кабы у нас знакомство было да вывозили Поликсену почаще в люди, так она бы не была так влюбчива; а из тюрьмы-то первому встречному рад: понравится и сатана лучше ясного сокола.

Зыбкина. Одного я понять не могу: в этакой крепости сидючи, за пятью замками, за семью сторожами, только и свету, что в окне,— как тут влюбиться? Мечтай, сколько хочешь, а живого-то нет ничего. Ведь чтоб влюбиться очень-то, все-таки и видеться нужно, и поговорить хоть немножко.

Филицата. Ох, все это было и не немножко. Разумеется, завсегда в этом мы, няньки, виноваты, мы — баловницы-то. Да ведь как и не побаловать! Вижу: в тоске томится — пусть, мол, поболтает с парнем для времяпровождения. А случай как не найти? Хоть сюда в сад проведу, никому и в лоб не влетит. А вот оно что вышло-то.

Зыбкина. Очень разве уж полюбила-то?

Филицата. До страсти полюбила. Сама суди: характер огневый, упорная, вся в бабушку. Вдруг ей придет фантазия: хочу, говорит, его видеть беспременно! А в другой раз никак нельзя, а ей вынь да положь,— вот и вертись нянька, как знаешь. И день, и ночь ноги трясутся: так вот и жду, так вот и жду, что до бабушки дойдет — куда мне тогда деваться-то? А моя ль вина? Я давно твержу: «Пора, пора, что вы ее переращиваете, куда бережете?» Так бабушка-то

у нас совсем состарилась, девичье-то положение понимать перестала. Я, говорит, живу же, ни об чем помышления не имею. На-ка! В семьдесят-то лет! А ты свою молодость вспомни!

Зыбкина. Диковинное дело, что у такого богатого, знаменитого купца дочь засиделась.

Филицата. Какой он богатый, какой знаменитый! Бабушка характерна, а он — балалайка бесструнная: никакого толку и не жди от них. Старуха-то богата, а у него своего ничего нет; он торгует от нее по доверенности,— дана ему небольшая; во сколько тысяч, уж не знаю. Да и то старуха за него каждый год приплачивает.

Зыбкина. Что ж им за радость в убыток торговать?

Филицата. Бабушка так рассуждает: хоть и в убыток, все-таки ему занятие; нарушь торговлю — при чем же он останется. Да уж морщится сама-то: видно, тяжело становится; а он — что дальше, то больше понятие терять начинает. Приказчик есть у нас, Никандра, такой-то химик, так волком и смотрит; путает хозяина-то еще пуще, от дела отводит; где хозяину — убыток, а ему — барыш. Слышим мы, на стороне-то так деньгами и пошвыривает, а пришел в одном сертучишке.

Зыбкина. Знаю я все это; сын мне сказывал.

Филицата. Ты за каким делом к хозяину-то пришла?

Зыбкина. Все об сыне. Да занят, говорят, хозяин-то; подождать велели. Взять я сына-то хочу, да опять беда — долг меня путает. Как поставила я его к вам на место, так хозяин мне вперед двести рублей денег дал — нужда была у меня крайняя. И взял хозяин-то с меня вексель, чтоб сын заживал. Да вот горе-то мое: нигде Платоша ужиться не может!

Филицата. Отчего бы так? Кажется, он парень смирный.

Зыбкина. Такой уж от рождения. Ты помнишь, когда он родился-то? В этот год дела наши расстроились; из богатства мы пришли в бедность; муж долго содержался за долги, а потом и помер — сколько горя-то было у меня! Вот, должно быть, на ребенка-то и подействовало, и вышел он с повреждением в уме.

Филицата. Какого же роду повреждение у него?

Зыбкина. Все он, как младенец, всем правду в глаза говорит.

Филицата. В совершенный-то смысл не входит?

Зыбкина. Говорит очень прямо; ну, значит, ничего себе в жизни составить и не может. Учился он хоть на медные деньги, а хорошо, и конторскую науку он всю понял; учителя все его любили и похвальные листы ему давали — и теперь у меня в рамках на стенке висят. Ну, конечно, всякому мило в ребенке откровенность видеть, а он и вырос, да такой же остался. Учатся бедные люди для того, чтоб звание иметь да место получить; а он чему учился-то, все это за правду принял, всему этому поверил. А по-нашему, матушка, по-купечески: учись, как знаешь, хоть с неба звезды хватай, а живи не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено.

Филицата. Что ж ему у нас-то не живется?

Зыбкина. Да нельзя, матушка. Поступил он к вам в контору булгахтером, стал в дела вникать и видит, что хозяина обманывают; ему бы уж молчать, а он разговаривать стал. Ну, и что же с ним сделали? Начали все над ним смеяться, шутки да озорства делать, особенно Никандра; хозяину сказали, что он дела не смыслит, книги путает; оттерли его от должности и поставили шутом. *(Оглядываясь.)* Какой у вас сад распрекрасный!

Филицата. Сама старуха за всем наблюдает, и сохрани бог, коли кто хоть одно яблоко тронет. А куда бережет? Ведь не торговать ими. Ужо, к вечеру, я пойду со двора, так занесу тебе десяточек, либо два.

Зыбкина. Спасибо.

Филицата. Надо мне сходить по нашему-то делу: колдуна я нашла.

Зыбкина. Ужели колдуна?

Филицата. Колдун не колдун, а слово знает. Не поможет ли он моей Поликсене? Все его в Москве не было, увидала я его третьего дня, как обрадовалась!

Входит Глеб, крутя в зубах веревку из мочала.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филицата, Зыбкина и Глеб.

Филицата. Меркулыч, ты мешок-то с яблоками убрал бы куда подальше, а то в кустах-то его видно. Сама пойдет да заметит — сохрани господи!

Глеб. Прибрано.

Филицата. То-то же.

Глеб. А ты почем знаешь, что он с яблоками? Может, там у меня жемчуг насыпан?
Филицата. Не жемчуг; видела я.
Глеб. Понюхала. Эко у вас любопытство! Ну уж!
Филицата. Тебя же берегу, Меркулыч.
Глеб. Не надо, я сам себя поберегу. Кабы в сад, окромя меня да хозяев, никому ходу не было — ну, был бы я виноват; а то всякий ходит — значит, с меня взыскивать нечего.
Филицата. Толкуй с тобой! Кому нужны ваши яблоки? Хоть и сшалит кто — ну, десяток, много два во все лето, а ты мешками таскаешь.
Глеб. Я виноват не останусь, ты не сумлевайся.
Филицата. Да мне что!
Зыбкина. Заходи ко мне, как пойдешь к колдуну-то!
Филицата. Да, уж пойду; там что ни выдет, а попробую я эту ворожбу. Вон никак сама идет, пойдем за ворота, постоим, потолкуем.

Уходят.

Глеб. Я себе оправдание найду.

Входят Мавра Тарасовна и Поликсена. Глеб отходит к стороне и подвязывает сук у дерева.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мавра Тарасовна, Поликсена и Глеб.

Мавра Тарасовна. Нет уж, миленькая моя, что я захочу, так и будет; никто, кроме меня, не властен в доме приказывать.
Поликсена. Ну, и приказывайте, кто ж вам мешает!
Мавра Тарасовна. И приказываю, миленькая, и все делается по-моему, как я хочу.
Поликсена. Ну, вот прикажите, чтоб солнце не светило, чтоб ночь была.
Мавра Тарасовна. К чему ты эти глупости! Нешто я могу, коли божья воля?
Поликсена. И многого вы, бабушка, не можете; так только уж очень вы об себе высоко думаете.
Мавра Тарасовна. Что бы я ни думала, а уж знаю я, миленькая, наверно, что ты-то вся в моей власти: что только задумаю, то над тобой и сделаю.
Поликсена. Вы полагаете?
Мавра Тарасовна. Да что мне полагать? Я без поло-

жения знаю. Полагайте уж вы, как хотите; а мое дело — вам приказы давать, вот что.

Поликсена. Стало быть, вы воображаете, что мое сердце вас послушает: кого прикажете, того и будет любить?

Мавра Тарасовна. Да что такое за любовь? Никакой любви нет: пустое слово выдумали. Где много воли дают, там и любовь проявляется, и вся эта любовь — баловство одно. Покоряйся воле родительской — вот это твое должное; а любовь не есть какая необходимая, и без нее, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебе незачем.

Поликсена. Знали, да забыли.

Мавра Тарасовна. Вот как не знала, что я — старуха старая, а мне и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена. Прежде так рассуждали, а теперь уж совсем другие понятия.

Мавра Тарасовна. Ничего не другие, и теперь все одно, потому женская природа все та же осталась; какая была, такая и есть, никакой в ней перемены нет; ну, и порядок все тот же: прежде вам воли не давали, стерегли да берегли,— и теперь умные родители стерегут да берегут.

Поликсена *(смеясь)*. Ну и берегите, да только хорошенько! *(Отходит к стороне.)*

Мавра Тарасовна *(Глебу)*. Вижу я, Меркулыч, что тебе у нас жить надоело,— больно хорошо место, не по тебе. Так ищи себе такого, где от вас дела не спрашивают, за пропажу не взыскивают! Оглядись хорошенько, что у нас в саду-то! Где ж яблоки-то? Точно Мамай с своей силой прошел — много ль их осталось?

Глеб. Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это — правда ваша; у вас глаз на это верный, золотой глаз,— убыль есть, это так точно.

Поликсена *(смеясь)*. Яблоков уберечь не можете, а хотите...

Мавра Тарасовна. Погоди, Глеб, постой! До тебя очередь после дойдет! *(Медленно подходит к Поликсене.)* Это ты что же, миленькая, с кем так разговариваешь?

Поликсена. Сама про себя. Да я уж и забыла, что сказала.

Мавра Тарасовна. Ты не огорчайся, что ты поза-

была; я запомню. Будешь ты сидеть дома под замком вплоть до свадьбы.

Поликсена. До какой свадьбы?

Мавра Тарасовна. А вот когда я найду тебе, миленькая, жениха по своей мысли.

Поликсена. А коли найдете по своей мысли, так сами за него и выходите, а мне какая надобность!

Мавра Тарасовна. Уж извини, надобностей твоих мы разбирать не станем, а отдадим за кого нам нужно.

Поликсена. Утешайтесь в мыслях-то, утешайтесь!

Мавра Тарасовна. Да не то что в мыслях, а и на деле будет то самое. Знаю я это твердо и так-то покойна, как нельзя быть лучше.

Поликсена. Бывает, что и бегают из дому-то.

Мавра Тарасовна. Бегают, у кого привязки нет.

Поликсена. А меня что удержит?

Мавра Тарасовна. Приданое богатое. Пожалеешь его, миленькая, не бросишь. Да вот что: уж очень ты разговорилась, а птица ты еще не велика, и не пристало мне с тобой много разговорных слов говорить. Есть у тебя охота, так болтай с нянькой. На то она в доме, чтоб твои глупости слушать, за то ей и жалованье платят. Ты грезишь, словно к зубам, а она поддакивает — вот вам и занятие, будто дело делаете. Мне распорядок в доме вести, а не балясы с вами точить. А ты мне убегом не грози! Коли замки у нас старые плохи, так слесаря нам, по знакомству, новые сделают, покрепче.

Поликсена. И вы мне, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивеет, кто захочет из нее вырваться, тот себе дорогу найдет.

Мавра Тарасовна. Куда это, не слыхать ли?

Поликсена *(на ухо бабушке)*. В могилу. *(Уходит.)*

Мавра Тарасовна *(вслед ей)*. Ну, миленькая, не вдруг-то туда сберешься — подумаешь прежде.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мавра Тарасовна и Глеб.

Мавра Тарасовна. Где же, Меркулыч, яблоки-то?

Глеб. Яблоки? Это точно, как я теперь замечаю, их бы надо больше быть,— умаление есть.

Мавра Тарасовна. Да от чего умаление-то?

Глеб. Вот что, сударыня, Мавра Тарасовна: я их стеречь приставлен...

Мавра Тарасовна. Ну, да, ты; я с тебя и спрашиваю.

Глеб. Позвольте! Я их стеречь приставлен, так вы себя успокойте: я вам вора предоставлю.

Мавра Тарасовна. Давно б тебе догадаться. Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, так не скоро найдешь; не поискать ли нам самим поближе?

Глеб. Я вам вора предоставлю; потому мне тоже слушать такие слова от вас — ой-ой!

Мавра Тарасовна. Напраслину терпишь, миленький, задаром обидели?

Глеб. Что угодно говорите — на все ваша воля... А только я вам вот что скажу: нам без ундера никак нельзя.

Мавра Тарасовна. Какого, миленький, ундера, на что он нам?

Глеб. У ворот поставить. Сторожка у нас новая построена, вот он тут и должен существовать.

Мавра Тарасовна. У нас дворники есть.

Глеб. Ну, что дворники! Мужики — одно слово.

Мавра Тарасовна. Ундер ундером, это наше дело; а я с тобой об яблоках толкую.

Глеб. Да ундер для всего лучше, особливо если с кавалерией... Кто идет — он опрашивает: к кому, за чем? Кто выходит — он осмотрит, не несет ли чего из дому. Как можно! Первое дело — порядок, второе дело — вид. Купеческий дом, богатый, да нет ундера у ворот — это что ж такое!

Мавра Тарасовна. Ундера, это правда, для всякой осторожности... Я прикажу поискать.

Глеб. А вора, вы не беспокойтесь, я вам найду, я его устерегу. Не для вас, а для себя постараюсь, потому этот вор должен меня оправдать перед вами. Вам обидно, я вижу, вижу; но однако и мне... такое огорчение... это хоть кому...

Мавра Тарасовна. Ты с огорчения-то, пожалуй...

Глеб. Ну, уж не знаю, перенесу ли. Я вам наперед докладываю. Вон хозяин в сад вышел... *(Уходит.)*

Входят Барабошев и Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мавра Тарасовна, Барабошев и Мухояров.

Мухояров *(Барабошеву)*. Давно я вас приглашаю: пожалуйте в контору; потому — хозяйский глаз... без него невозможно...

Барабошев. Не в расположении. *(Матери.)* Маменька, я расстроен. *(Мухоярову.)* Мне теперь нужен покой... Понимай! Одно слово и довольно. *(Матери.)* Маменька, я сегодня расстроен.

Мавра Тарасовна. Уж слышала, миленький, что дальше-то будет?

Барабошев. Все так и будет, в этом направлении. Я не в себе.

Мавра Тарасовна. Ну, мне до этих твоих меланхолиев нужды мало; потому ведь не божеское какое попущение, а за свои же деньги, в погребке или в трактире расстройство-то себе покупаете.

Барабошев. Верно... Но при всем том и обида...

Мавра Тарасовна. Так вот ты слушай, Амос Панфилыч, что тебе мать говорит.

Барабошев. Могу.

Мавра Тарасовна. Нельзя же, миленький, уж весь-то разум пропивать; надо что-нибудь, хоть немножко, и для дому поберечь.

Барабошев. Я так себя чувствую, что разуму у меня для дому достаточно.

Мавра Тарасовна. Нет, миленький, мало. У тебя и в помышлении нет, что дочь — невеста, что я к тебе третий год об женихах пристаю...

Барабошев. Аккурат напротив того, как вы рассуждаете: потому как я постоянно содержу это на уме.

Мавра Тарасовна. Да что их на уме-то содержать, ты нам-то их давай.

Барабошев. Через этих-то самых женихов я себе расстройство и получил. Вы непременно желаете для своей внучки негоцианта?

Мавра Тарасовна. Какого негоцианта! Так, купца попроще.

Барабошев. Все одно — негоцианты разные бывают: полированные и не полированные. Вам нужно черновой отделки, без политуры и без шику, физиономия опойковая, борода клином, старого пошибу, суздальского письма? Точно такого негоцианта я в предмете и имел; но на деле вышел конфуз.

Мавра Тарасовна. Почему же так, миленький?

Барабошев. Извольте, маменька, понимать; я сейчас вам буду докладывать. Сосед Пустоплесов тоже дочери жениха ищет.

Мавра Тарасовна. Знаю, миленький.

Барабошев. Стало быть, нам нужно ту осторожность иметь, чтоб себя против него не уронить. Спрашиваю я его: «Кого имеете в предмете?» — «Фабриканта»,— говорит. Я думаю: «Значит, дело вровень, ушибить ему нас нечем». Только по времени слышу от него совсем другой тон. Намедни сидим с ним в трактире, пьем мадеру, потом пьем лафит «Шато ля роз», новый сорт, мягчит грудь и приятные мысли производит. Только опять зашла речь об этих женихах-мануфактуристах. «Вы,— говорит,— отдавайте: дело хорошее, вам такого и надо, а я раздумал».— «Почему?» — спрашиваю. «А вот увидишь»,— говорит. Только вчера встречаю его, едет в коляске сам-друг, кланяется довольно гордо и показывает мне глазом на своего компаниона. Гляжу — полковник, в лучшем виде и при всем параде.

Мухояров. Однако плюха!

Мавра Тарасовна. Ай, ай, миленький!

Барабошев. Как я на ногах устоял, не знаю. Что я вина выпил с огорчения! «Шато ля роз» не действует, а от мадеры еще пуще в жар кидает. Велите-ка, маменька, дать холодненького.

Мавра Тарасовна. Прохладиться-то, миленький, еще успеешь... Видела я, сама видела, что к ним военный подъезжал. Как же нам думать с Поликсеной-то?

Барабошев. Ты скажи, маменька: обида это или нет?

Мавра Тарасовна. Ну как не обида! Само собой, обида.

Барабошев. Поклонился, да глазами-то так и скосил на полковника: на-ка, мол, Барабошев, почувствуй!

Мавра Тарасовна. Ведь зарезал, миленький, зарезал он нас!

Мухояров. Он теперь в мыслях-то подобно как на колокольне, а вы с грязью вровень-с.

Мавра Тарасовна. Но до этого случая ему возноситься над нами было нечем. Амос Панфилыч ни в чем ему переду не давал.

Барабошев. И теперь не дадим. Раскошеливайся, маменька, камуфлет изготовим.

Мавра Тарасовна. Да какой такой камуфлет?

Барабошев. К ним в семь часов господин полковник наезжает, и все они за полчаса ждут у окон, во все глаза смотрят... И сейчас — без четверти семь,

подъезжает к нашему крыльцу генерал! Вот мы им глазами-то и покажем.

Мухояров. Закуска важная! Сто твоих помирил, да пятьсот в гору.

Мавра Тарасовна. Да где ж ты, миленький, генерала возьмешь?

Барабошев. В образованных столицах, где живут люди просвещенные, там на всякое дело можно мастера найти. Ежели вам нужно гуся, вы едете в Охотный ряд, а ежели нужно жениха...

Мавра Тарасовна. Ну, само собой, к свахам.

Барабошев. К этому самому сословию мы и обращались и нашли настоящую своему делу художницу. Никандра, как она себя рекомендовала?

Мухояров. «Только птичьего молока от меня не спрашивайте, потому негде взять его; а то нет того на свете, чего бы я за деньги не сделала».

Барабошев. Одно слово: баба — орел; из себя королева, одевается в бархат, ходит отважно, говорит с жаром, так даже, что крылья у чепчика трясутся, точно он куда лететь хочет.

Мавра Тарасовна. И тебе не страшно будет, миленький, с генералом-то разговаривать?

Барабошев. У меня разговор свободный, точно что льется, без всякой задержки и против кого угодно. Такое мне дарование дано от бога разговаривать, что даже все удивляются. По разговору мне бы давно надо в думе гласным быть или головой; только у меня в уме суждения нет и что к чему — этого мне не дано. А обыкновенный разговор, окромя сурьезного, у меня все равно что бисер.

Мавра Тарасовна. У тебя есть дарование, а мне-то как, миленький?

Барабошев. И вы так точно, под меня подражайте.

Мавра Тарасовна. А денег-то сколько нужно? Как это генералу полагается?

Барабошев. Деньги — всё те же; но лучше отдать их вельможе, чем суконному рылу.

Мавра Тарасовна. Да шутишь ты, миленький, или вправду?

Барабошев. Завтрашнего числа развязка всему будет: придет сваха с ответом, и тогда у нас рассуждение будет, какой генералу прием сделать.

Мавра Тарасовна. Нам хоть кого принять не стыдно: дом как стеклушко.

Барабошев. Об винах надо будет заняться основательно, сделать выборку из прейскурантов.

Мавра Тарасовна. Да, вот еще, не забыть бы: нужно нам ундера к воротам для всякого порядку; а теперь, при таком случае, оно и кстати.

Барабошев. Это — дело самое настоящее; я об ундере давно воображал.

Мавра Тарасовна. Так я велю поискать, нет ли у кого из прислуги знакомого. *(Уходит.)*

Входит Зыбкина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Барабошев, Мухояров и Зыбкина.

Зыбкина *(кланяясь)*. Я к вам, Амос Панфилыч.

Барабошев. Оченно вижу-с. Чем могу служить? Приказывайте!

Зыбкина. Наше дело — кланяться, а не приказывать. Насчет сынка.

Барабошев. Что же будет вам угодно-с?

Зыбкина. Коли он к вашему делу не нужен, так вы его лучше отпустите!

Барабошев. В хорошем хозяйстве ничего не бросают: потому всякая дрянь пригодиться может.

Зыбкина. Да что ж ему у вас болтаться? Он в другом месте при деле может быть.

Барабошев. И сейчас при должности находится: он у нас заместо Балакирева.

Зыбкина. Он должен свое дело делать, чему обучен; ему стыдно в такой должности быть.

Барабошев. А коли это звание для него низко, мы его можем уволить. Сам плакать об нем не буду и другим не прикажу.

Зыбкина. Так уж сделайте одолжение, отпустите его!

Барабошев. Я против закону удерживать его не могу, потому всякий человек свою волю имеет. Но из вашего разговору я заключаю так, что вы деньги принесли по вашему документу.

Зыбкина. Уж деньги-то я вас покорно прошу подождать.

Барабошев. Да-с, это, по-нашему, пустой разговор

называется. Разговаривать нужно тогда, когда в руках есть что-нибудь; а у вас нет ничего, значит, все ваши слова — только одно мечтание. Но мечтать вы можете сами с собой, и я вас прошу своими мечтами меня не беспокоить. У нас, коммерсантов, время даже дороже денег считается. Затем до приятного свидания *(кланяется)*, и потрудитесь быть здоровы! *(Мухоярову.)* Никандра, какие у нас дела по конторе спешные?

Мухояров. Задержка в корреспонденции, побудительные письма нужно подписать; потому платежи в большом застое.

Барабошев. Скажи Платону Иванову Зыбкину, чтобы он все, что экстренное, сюда принес.

Мухояров уходит.

Зыбкина. Я одного боюсь, Амос Панфилыч: как бы он на ваши шутки вам не согрубил; пожалуй, что обидное скажет.

Барабошев. Никак не может; потому обида только от равного считается. Мы над кем шутим, так даже и ругаться дозволяем; это для нас одно удовольствие.

Зыбкина. Нечего делать, надо будет денег искать.

Барабошев. Сделайте одолжение! И ежели где очень много найдете, так покажите и нам, и мы в оном месте искать будем. Честь имею кланяться.

Зыбкина уходит. Входят Мухояров и Платон Зыбкин: в руках у него письма и чернилица с пером.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Барабошев, Мухояров и Платон.

Барабошев. Корреспонденция?

Платон. Совершенно справедливо-с. *(Кладет письма на столик и ставит чернилицу.)*

Барабошев. А сколько писем? Чтоб не было мне утомления...

Платон. Подпишете без утомления, потому только пять.

Барабошев *(шутя)*. Почему, братец, нечетка? Как ты неаккуратен!

Мухояров. Сколько чего — вы его не спрашивайте: он в счете сбивчивость имеет.

Платон. Нет, я счет твердо́ знаю и тебя поучу.

Мухояров. Извольте подписывать, после сосчитаем. *(Подкладывает еще письмо и делает знак Барабошеву.)*

Барабошев *(подписывая)*. Я пять подписал, а вот еще. *(Берет письмо, которое положил Мухояров.)*

Мухояров. Я говорю, что счету не знает-с.

Платон. Моих пять, а шестого я не знаю-с.

Барабошев. Кто же из нас кого обманывает? Чья это рука?

Мухояров. Его-с. А ты, Платон, не отпирайся, нехорошо.

Платон *(подходя)*. Позвольте! Я свою руку знаю. *(Смотрит на письмо, потом с испугом хватается за карман.)* Это письмо у меня украли... Оно сюда не принадлежит... Пожалуйте! Это я сам про себя... Это — мое сочинение. *(Хочет взять письмо.)*

Барабошев. Осади назад, осади назад! Ты мне сам его подал, значит, я вправе делать с ним, что хочу.

Платон. Позвольте, позвольте! Что я вам скажу... вы, может, не знаете... Да ведь это неблагородно, это довольно даже низко, Амос Панфилыч, чужие письма читать.

Барабошев. Что для меня благородно, что низко — я сам знаю; ни в учителя, ни в гувернеры я тебя не нанимал. Не пристань ты ко мне, я б твою литературу бросил, потому, окромя глупости, ты ничего не напишешь; а теперь ты меня заинтересовал, пойми!

Платон. Амос Панфилыч, ну имейте сколько-нибудь снисхождения к людям!

Барабошев. Стало быть, это тебе будет неприятно?

Платон. Да не то что неприятно, а для чувствительного человека это — подобно казни, когда над его чувствами смеются.

Барабошев. А ты разве чувствительный человек? Мы, братец, этого до сих пор не знали. Сейчас мы вставим двойные стекла *(надевает пенсне)* и будем разбирать твои чувствия.

Платон *(отходя)*. В пустой чердак двойных стекол не вставляют.

Барабошев. Вы полагаете, что в пустой?

Платон. Да уж это так точно. *(Хватаясь за голову.)* Но за что же, боже мой, такое надругательство?

Барабошев. А вот за эти ваши каламбуры.

Мухояров. И за два года вперед зачти!

Барабошев. По вашим заслугам надо бы вам еще по затылку награждение сделать...

Платон. Что ж, деритесь! Все это вы можете, и драться, и чужие письма читать; но при всем том мне вас жалко, очень мне вас жалко, да-с.

Барабошев. Отчего ж это такая подобная скорбь у вас?

Платон. Оттого, что вы — купец богатый, известный, а такие ваши поступки, и даже хотите драться...

Барабошев. Так что же-с?

Платон. А то, что это есть верх необразования и подлость в высшей степени.

Входит Мавра Тарасовна, за ней Филицата и Поликсена, которые останавливаются в кустах.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Барабошев, Мухояров, Платон, Мавра Тарасовна, Филицата и Поликсена.

Барабошев. Пожалуйте, маменька! Очень вы кстати; сейчас мы вам развлечение доставим: будем читать сочинение господина Зыбкина.

Мавра Тарасовна садится. Поликсена прислушивается из кустов.

Платон. Вот уж благодарю, вот уж покорно вас благодарю. Куда как благородно!

Барабошев *(читает)*. «Красота несравненная и душа души моей». Важно! Ай да Зыбкин!

Платон. Эх! Как это довольно подло, что вы делаете!

Барабошев *(читает)*. «Любить и страдать — вот что мне судьба велела. Нельзя открыть душу, нельзя показать чувства — невежество осмеет тебя и растерзает твое сердце. Люди необразованные имеют о себе высокое мнение только для того, чтоб иметь высокое давление над нами, бедными. Итак, я должен молчать и в молчании томиться».

Мавра Тарасовна *(сыну)*. Что ж это, миленький, такое написано?

Барабошев. Любовное письмо от кавалера к барышне.

Мавра Тарасовна. Какой же это кавалер?

Барабошев. А вот рекомендую: чувствительный человек и несостоятельный должник! Он должен мне по векселю двести рублей, на платеж денег не имеет и от этого самого впал в нежные чувства.

Мавра Тарасовна. К кому же это он, любопытно бы...

Барабошев. И даже очень любопытно. *(Платону.)* Слышишь, Зыбкин: нам с маменькой любопытно знать твой предмет; так потрудись объяснить, братец.

Платон. Мало ли кому что любопытно! Нет уж, будет с вас. Я так, про себя писал.

Мухояров. Да ты тень-то не наводи, говори прямо!

Мавра Тарасовна. Скажи, миленький! Вот и посмеемся все вместе: все-таки забава.

Платон. Умру, не скажу.

Барабошев. Он сейчас, маменька, скажет; у меня есть на него талисман. *(Вынимает вексель.)* Видишь свой документ? Коли скажешь, год буду деньги ждать.

Платон. Да невозможно. Смейтесь надо мной одним — чего вам еще нужно?

Мухояров. Как есть храбрый лыцарь, но, при всем том, без понятия к жизни.

Барабошев. Мало тебе этого? Ну, изорву, коли скажешь.

Платон. Жилы из меня тяните — не скажу.

Барабошев. Ну, так пеняй на себя. Сейчас пишу уплату: двадцать пять рублей тебе за месяц. Ставлю бланк, без обороту на меня. *(Пишет на векселе.)* Передаю вексель доверенному моему. *(Отдает вексель Мухоярову.)* Видишь?

Платон. Что ж, ваша воля: отдавайте, кому хотите.

Барабошев *(Мухоярову)*. Завтра же представь вексель, получи исполнительный лист и *(показывая на Зыбкина)* опусти его в яму.

Платон *(с испугом)*. Как в яму! Зачем? Я — молодой человек; помилуйте, мне надо работать, маменьку кормить.

Барабошев. Ничего, братец, посиди, там не скучно; мы тебя навещать будем.

Мавра Тарасовна. Да, миленький, в богатстве-то живя, мы бога совсем забыли, нищей братии мало помогаем; а тут будет в заключении свой человек; все-таки вспомнишь к празднику, завезешь калачика, то, другое — на душе-то и легче.

Барабошев. Покорись, братец.

Платон *(опустив голову)*. Ну, в яму — так в яму! Но только я теперь ожесточился.

Мавра Тарасовна. Какой ты, миленький, глупый! Двести рублей для вас — велики деньги. Хоть бы мать-то пожалел.

Платон. Ах, уж не мучьте вы меня!

Мавра Тарасовна. Ведь так, чай, какая-нибудь полоумная либо мещаночка забвенная. Хорошая девушка, из богатого семейства, тебя не полюбит: ну, что ты за человек на белом свете?

Платон. Ничем я не хуже вас — вот что! Я молодой человек; наружность мою одобряют, за свое образование — я личный почетный гражданин.

Мухояров. Нет, не личный, а ты лишний почетный гражданин.

Барабошев. Вот это верно, что ты лишний.

Платон. Нет, вы — лишние-то, а я — нужный; я — ученый человек, могу быть полезен обществу. Я патриот в душе и на деле могу доказать.

Барабошев. Какой ты можешь быть патриот? Ты не смеешь и произносить, потому это высоко и не тебе понимать.

Платон. Понимаю, очень хорошо понимаю. Всякий человек, что большой, что маленький,— это все одно, если он живет по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает свое дело себе и другим на пользу,— вот он и патриот своего отечества. А кто проживает только готовое, ума и образования не понимает, действует только по своему невежеству, с обидой и с насмешкой над человечеством, и только себе на потеху, тот — мерзавец своей жизни.

Барабошев. А как ты обо мне понимаешь? Ежели я ни то, ни другое и, промежду всего этого, хочу быть сам по себе?

Платон. Да уж нельзя; только два сорта и есть, податься некуда: либо патриот своего отечества, либо мерзавец своей жизни.

Барабошев. В таком случае поди вон и ожидай себе по заслугам.

Мухояров. А вот он у меня другую песню запоет.

Платон. Всю жизнь буду эту песню петь; другой никто меня не заставит.

Барабошев. Однако у меня от этих глупых прениев в горле пересохло. Маменька, попотчуйте холодненьким, не заставьте умереть от жажды!

Мавра Тарасовна. Пойдем, миленький, и я с тобой

выпью. Какое это вино расчудесное, ежели его пить с разумом.

Платон. Прощайте, бабушка.

Мавра Тарасовна. Прощай, внучек! Бабушка я, да только не тебе.

Барабошев. Господин Зыбкин, до свидания у Воскресенских ворот! *(Мухоярову.)* Проводи его честь-честью!

Платон. Чему вы рады? Кого вы гоните? Разве вы меня гоните? Вы правду от себя гоните—вот что! *(Уходит.)*

За ним Мухояров, Мавра Тарасовна и Барабошев. Из кустов выходят Поликсена и Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Поликсена и Филицата.

Поликсена. Няня, няня! Филицата!

Филицата *(не слушая)*. Ай, что он тут наделал-то! что натворил! На-ка, хозяевам в глаза так прямо,

Поликсена. Филицата, да слушай ты меня!

Филицата. Ну, что, что тебе?

Поликсена. Чтобы ночью, когда все уснут, он был здесь в саду! Слышишь ты, слышишь? Непременно.

Филицата. Что ты, что ты? Опомнись! Тебя хотят за енарала отдавать, а ты ишь что придумываешь!

Поликсена. Я тебе говорю: чтобы он был здесь ночью! И ничего слышать не хочу; ты меня знаешь.

Филицата. Что ты об своей голове думаешь? На что он тебе? Он тебе совсем не под кадрель. Ну, хоть будь он какой советник, а то люди говорят, что он какой-то лишний на белом свете.

Поликсена. Так ты не хочешь? Говори прямо: не хочешь?

Филицата. Да с какой стати, и с чем это сообразно, коли тебя за енарала...

Поликсена *(доставая деньги)*. Так вот что: поди купи мне мышьяку!

Филицата. Ай, батюшки! Ай, что ты, греховодница!

Поликсена *(отдавая деньги)*. Купи мне мышьяку! А если не купишь — я сама найду. *(Уходит.)*

Филицата. Ай, погибаю, погибаю! Вот когда моей головушке мат пришел.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ЗЫБКИНА.

ПЛАТОН.

МУХОЯРОВ.

ФИЛИЦАТА.

СИЛА ЕРОФЕИЧ ГРОЗНОВ
отставной унтер-офицер, лет 70, в новом очень широком мундире старой формы, вся грудь увешана медалями, на рукавах нашивки, фуражка теплая.

Бедная, маленькая комната в квартире Зыбкиной; в глубине дверь в кухню, у задней стены диван, над ним повешаны в рамках школьные похвальные листы; налево окно, направо шкафчик, подле него обеденный стол; стулья простой, топорной работы, на столе тарелка с яблоками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зыбкина (сидит у окна), входит Платон.

Платон *(садится утомленный)*. Готово. Теперь чист молодец: все заложил, что только можно было. Семи рублей нехватает, так еще часишки остались.

Зыбкина. А как жить-то будем?

Платон. А как птицы живут? У них денег нет. Только бы долг-то отдать, а то руки развязаны. Вот деньги-то! *(Подает Зыбкиной деньги.)* Приберите! Завтра снесем.

Зыбкина. А как жалко-то; столько денег в руках, и вдруг их нет.

Платон. Да ведь нечего делать: и плачешь, да отдаешь.

Зыбкина. Уж это первое дело — долг отдать, петлю с шеи скинуть,— последнего не пожалеешь. Бедно, голо, да зато совесть покойна, сердце на месте.

Платон. Как это, маменька, приятно, что у нас с вами мысли одинакие.

Зыбкина. А ты думаешь, ты один честный-то человек? Нет, и я понимаю, что коли брал, так отдать надо. Просто уж это очень.

Платон. А как я давеча этой ямы испугался!

Зыбкина. Ну, вот! Да разве я допущу? Я последнее

платье продам. Мухояров за тобой из трактира присылал: дело какое-то есть.

Платон. Надо идти: у него знакомства много, работы не достану ли через него.

Зыбкина. Поди! Убытку не будет, дома-то делать нечего.

Платон уходит.

Перечесть деньги-то да в комод запереть. *(Считает деньги и запирает в шкафчик.)*

Входит Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Зыбкина и Филицата.

Филицата. Снова здорово, соседушка!

Зыбкина. Здравствуй, Филицатушка! Садись! Как дела-то: по-прежнему, аль что новое есть?

Филицата. Ох, уж и не говори! Голова кругом идет.

Зыбкина. Была у колдуна-то?

Филицата. Была. До утра ворожбу-то отложили; уж завтра натощак — что бог даст; а теперь другая забота у меня. Вот видишь ли: хозяева наши хотят ундера на дворе иметь, у ворот поставить.

Зыбкина. Что ж, дело хорошее, при большом доме не лишнее.

Филицата. Вот я и ездила за ним, у меня знакомый есть; да куда ездила-то! В Преображенское. Привезла было его с собой, да не вовремя: видишь, дело-то к ночи, теперь хозяевам доложить нельзя, забранятся, что безо времени беспокоят их, а до утра чужого человека в доме оставить не смеем.

Зыбкина. Так вели ему завтра пораньше явиться, а теперь пусть домой идет.

Филицата. Что ты, что ты! Уж куда ему назад плестись да завтра опять такую даль колесить! Я его и сюдато, в один конец, насилу довезла, боялась, что дорогой-то развалится.

Зыбкина. Старенький?

Филицата. Ветхий старичок.

Зыбкина. Так на что ж вам такого?

Филицата. Да что ж у нас работа, что ль, какая! У ворот-то сидеть — трудность невелика. У нас два дворника, а его только для порядку; он — кандидат, на

линии офицера, весь в медалях,— вахмистр, как следует. Состарился, так уж это не его вина: лета подошли преклонные, ну и ослаб; а все ж таки своего геройства не теряет.

Зыбкина. Где ж он у тебя?

Филицата. У калитки на лавочке сидит, отдыхает; растрясло, никак раздышаться не может. Так вот я тебя и хочу просить; приюти ты его до утра; он человек смирный, солидный.

Зыбкина. Что ж, ничего, пусть ночует; за постой не возьму...

Филицата. Смирный он, смирный, ты не беспокойся. А уж я тебе за это сама послужу. Дай ему поглодать чего-нибудь, а уснет — где пришлось: солдатская кость, к перинам не привычен. *(Подходит к окну.)* Сила Ерофеич, войдите в комнату! *(Зыбкиной.)* Сила Ерофеич его зовут-то. Сын-то у тебя где?

Зыбкина. По делу побежал недалеко.

Филицата. А и мне его нужно бы. Ну, да я к тебе еще зайду; далеко ль тут? Всего через улицу перебежать. Кстати тебе яблочков кулечек принесу.

Зыбкина. Да у меня и прежние твои еще ведутся. Вот на столе-то!

Филицата. Ну, все-таки не лишнее, когда от скуки пожуешь; у меня ведь не купленые.

Входит Грознов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зыбкина, Филицата и Грознов.

Грознов *(вытягиваясь во фрунт)*. Здравия желаю!

Зыбкина. Здравствуйте, Сила Ерофеич.

Филицата. Это моя знакомая — Палагея Григорьевна... Вот вы, Сила Ерофеич, здесь и ночуете.

Грознов. Благодарю покорно.

Зыбкина. Садитесь, Сила Ерофеич!

Грознов садится к столу.

Яблочка не угодно ли?

Грознов *(берет яблоко с тарелки)*. Налив?

Зыбкина. Белый налив, мягкие яблоки.

Грознов. В Курске яблоки-то хороши... Бывало, набьешь целый ранец.

Зыбкина. А дешевы там яблоки?

Грознов. Дешевы, очень дешевы.

Зыбкина. Почем десяток?

Грознов. Ежели в саду, так солдату задаром, а с прочих — не знаю, и на рынке тоже не покупал.

Зыбкина. Да, уж это на что дешевле!

Филицата. Ну, мне пора домой бежать *(Подходит к Грознову.)* Вот что, Сила Ерофеич: чтоб вас завтра скорей в дом-то к нам допустили, вы, отдохнувши, сегодня же понаведайтесь к воротам. У нас завсегда либо дворник, либо кучер, либо садовник у ворот сидят; поговорите с ними, позовите их в трактир, попотчуйте хорошенько! Своих-то денег вам тратить не к чему, да вы и не любите, я знаю; так вот вам на угощение! *(Дает рублевую бумажку.)*

Грознов. Это хорошо, хорошо. Я так и сделаю, я люблю в компании-то, особенно ежели на чужие-то...

Филицата. А завтра, когда придете, скажите, что мой родственник; вас прямо ко мне наверх и проводят задним крыльцом.

Грознов. Я скажу — кум. Я все, бывало, так-то и смолоду: когда нужно повидать либо вызвать кого, так кумом сказывался. Хе-хе-хе.

Филицата. Значит, вас учить нечего.

Грознов. Что ученого учить! Тоже ведь ходок был.

Зыбкина. Да вы и сейчас на вид-то не очень чтобы... еще мужчина бравый.

Грознов. Что ж, я еще хоть куда, еще молодец; ну, а уж кумовство все ушло, прежнего нет — тю-тю!

Филицата. Вот вы и потолкуйте. Вы, Сила Ерофеич, расскажите, в каких вы страженияx стражались, какие страсти-ужасти произошли, каких королей, принцов видели; вот у вас время-то и пройдет. А я через час забегу, сына твоего мне нужно видеть непременно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зыбкина и Грознов.

Зыбкина. И рада бы я вас послушать: очень я люблю, когда страшное что рассказывают, ну и про королей, про принцев тоже интересно, да на уме-то у меня не то, свое горе одолело.

Грознов. Я про сражения-то уж плохо и помню,— давно ведь это было. Прежде хорошо рассказывал, как Браилов брали, а теперь забыл. Я больше двадцати лет в чистой отставке; после-то все в вахмистрах да в присяжных служил, гербовую бумагу продавал.

Зыбкина. Всё у денег, значит, были?

Грознов. Много их через мои руки перешло.

Зыбкина. А мы вот бьемся, так бьемся деньгами-то. Уж как нужны, как нужны!

Грознов. Кому они не нужны! Жить трудно стало; за все деньги плати.

Зыбкина. Жить-то бы можно; а вот долг платить тяжело.

Грознов. Да, платить тяжело; занимать гораздо легче.

Зыбкина. Ну, не скажите! Вот я понабрала деньжонок долг-то отдать, а все еще нехватает, да на прожитие нужно рублей тридцать бы призанять теперь; а где их возьмешь? У того нет...

Грознов. А у другого и есть, да не даст. Вот у меня и много, а я не дам.

Зыбкина. Что вы говорите!

Грознов. Говорю: денег много, а не дам.

Зыбкина. Да почему же?

Грознов. Жалко.

Зыбкина. Денег-то?

Грознов. Нет, вас.

Зыбкина. Как же это?

Грознов. Я проценты очень большие беру.

Зыбкина. Скажите! Да на что вам: вы, кажется, человек одинокий?

Грознов. Привычка такая. А вы кому должны?

Зыбкина. Купцу.

Грознов. Богатому?

Зыбкина. Богатому.

Грознов. Так и не платите. Об чем горевать-то? Вот еще! Нужно очень себя разорять.

Зыбкина. Да ведь по векселю.

Грознов. Так что ж за беда, что по векселю? Нет, что вы, помилуйте! И думать нечего! Не платите — да и все тут. А много ли должны-то?

Зыбкина. Да без малого двести рублей.

Грознов. Двести? Ни, ни, ни! Что вы, в уме ли? Столько денег отдать? Да ни под каким видом не платите!

Зыбкина. Да ведь он документ взял, говорю я вам.

Грознов. Ну, а взял, так чего ж ему еще? И пусть его смотрит на документ-то.

Зыбкина. Да ведь посадит сына-то.

Грознов. Куда?

Зыбкина. В яму, к Воскресенским воротам.

Грознов. Что ж, это ничего, пущай посидит, там хорошо... пищу очень хвалят.

Зыбкина. Да ведь срам, помилуйте!

Грознов. Нет, ничего: там и хорошие люди сидят, значительные, компания хорошая. А бедному человеку — так и на что лучше: покойно, квартира теплая, готовая, хлеб все больше пшеничный.

Зыбкина. Это, действительно, правда ваша, только жалко, сын ведь.

Грознов. Что его жалеть-то! Посидит да опять домой придет. Деньги-то жальче — они уж не воротятся: запрет их купец в сундук, вот и идите домой ни с чем. А спрятать их подальше да вынимать понемножку на нужду — так на сколько их хватит! Ну, пропади у вас столько денег, что бы вы сказали?

Зыбкина. Сохрани бог! С ума можно сойти.

Грознов. Украдут — жалко, а своими руками отдать не жалко. Смешно. Руки-то по локоть отрубить надо, которые свое добро отдают.

Зыбкина. Справедливы ваши речи, очень справедливы; а все-таки у меня-то сомнение! Чужие деньги, взятые,— как их не отдать?

Грознов. Да вы разве на сбереженье брали? Коли на сбереженье брали, да они у вас целы,— так отдавайте. А я думал, это трудовые. Трудовые-то люди жалеют, берегут.

Зыбкина. Так вы не советуете отдавать?

Грознов. Купец от ваших денег не разбогатеет, а себя разорите.

Зыбкина. Уж как я вам благодарна. Женский ум, что делать-то — всего не сообразишь. А ежели сын требовать будет?

Грознов. А что сын? Сиди, мол, вот и все! Надоест купцу кормовые платить, ну и выпустит; либо к празднику кто выкупит.

Зыбкина. Как это все верно, что вы говорите.

Входят Платон и Мухояров. Грознов садится сзади стола у шкафа и жует яблоко.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Зыбкина, Грознов, Платон и Мухояров.

Мухояров *(садится, разваливается и надевает пенсне)*. Скажите, пожалуйста, я вас спрашиваю: ваш сын имеет в себе какой-нибудь рассудок?

Зыбкина. Не знаю, как вам сказать. Кажется, бог не обидел; ну, и учили мы его.

Мухояров. Однако и образования настоящего по бухгалтерской части я не вижу.

Платон. Фальшивые балансы-то тебе писать? Нет, уж это на что же!

Мухояров. Не с вами говорят, а с вашей маменькой. Но я даю ему работу и очень интересную: баланс стоит сто рублей; я предлагаю полтораста, но он не берет.

Платон. Совести не продам, сказано тебе, и не торгуйся лучше.

Мухояров. Какой же ты бухгалтер! От тебя твоей науки сейчас требуют, а не совести; значит, ты не своим товаром торгуешь.

Платон. Да уж будет разговаривать-то. Тысячи рублей не возьму — вот тебе и сказ.

Мухояров. Твоя глупость при тебе,— я спорить не стану. Мы людей найдем. *(Зыбкиной.)* У нас дело вот какого роду: много денег в кассе нехватает; хозяин издержал на свои развлечения: так нам требуется баланс так оттушевать, чтобы старуха разобрать ничего не могла. *(Показывая на Грознова.)* Что это у вас за орангутант?

Зыбкина. Какой орангутант, помилуйте! Это — кавалер. Ваша нянька хочет его к вам в ундера поставить. *(Грознову, указывая на Платона.)* Вот, Сила Ерофеич, сынок-то мой, про которого говорили.

Грознов. Парень знатный! *(Манит рукой Платона.)* Поди-ка сюда поближе!

Платон подходит.

Кто это? *(Указывая на Мухоярова.)*

Платон. Приказчик от Барабошева.

Грознов. О!.. А я думал!.. *(Отворачивается и жует яблоко.)*

Мухояров *(вставая)*. Хорош мужчина!

Грознов. Недурен. А ты как думал?

Зыбкина. Он в разных сражениях бывал, королей, императоров и всяких принцев видел.

Мухояров. Врет все: ничего он не видел, за пушкой лежал где-нибудь.

Грознов. Нет, видел.

Мухояров. На картинке?

Грознов *(сердито)*. В натуре.

Мухояров. Которого?

Грознов. Австрицкого, прежнего.

Мухояров. А какой он из себя? Мал, велик, толст, тонок? Вот и не скажешь.

Грознов. Нет, скажу.

Мухояров. А скажешь — так и говори! Вот мы твою правду и узнаем. Ну, какой?

Грознов *(передразнивая)*. Какой, какой! Солидный человек, не тебе чета. *(Встает.)* Ну, я пойду.

Зыбкина. Идите, Сила Ерофеич!

Мухояров. Куда нам такую ветошь? У нас не Матросская богадельня. Разве для потехи?

Грознов. Поживи-ка с мое, так сам в богадельню запросишься, а я еще на своих харчах живу. А у Барабошевых тебя держать станут ли, нет ли, не знаю, а я жить буду. А коли будем жить вместе, не прогонят тебя, так ты мне вот как будешь кланяться. Не больно ты важен: видали и почище. *(Уходит.)*

Мухояров. Я прихожу к вам вроде как благодетель, интересую вас работой, но вы сами не хотите, значит, прощайте! Между прочим сказать, я вам не опекун. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Зыбкина и Платон.

Платон. Поняли, маменька?

Зыбкина. Нечего мне понимать, да и незачем.

Платон. Какую штуку-то гнет! Сами обманывать не умеют, так людей нанимают.

Зыбкина. Кого обманывать-то?

Платон. Старуху, Барабошеву старуху. Какую работу нашел — скажите!

Зыбкина. Да ты эту работу умеешь сделать?

Платон. Как не уметь, коли я этому учился.

Зыбкина. Деньги дадут за нее?

Платон. Полтораста посулил.

Зыбкина. Миллионщики мы?

Платон. Мы не миллионщики, но я, маменька, патриот.

Зыбкина. Изверг ты — вот что! *(Утирает платком глаза.)*

Платон. Об чем же вы плачете? Вы должны хвалить меня; я вот последние часишки продал.

Зыбкина. Зачем это?

Платон. Чтобы долг заплатить. *(Достает деньги.)* Вот, приложите к тем.

Зыбкина. Нет, оставь у себя, пригодятся. Без денег-то везде плохо.

Платон. Да ведь там нехватает.

Зыбкина. Чего нехватает?

Платон. Долг-то отдать: не все ведь!

Зыбкина. Да уж я раздумала платить-то. Совсем было ты меня с толку сбил; какую глупость сделать хотела! Как это разорить себя...

Платон. Маменька, что вы! что вы!

Зыбкина. Хорошо еще, что нашлись умные люди, отсоветовали. Руки по локоть отрубить, кто трудовые-то отдает.

Платон. Маменька, маменька, да ведь меня в яму, в яму!

Зыбкина. Да, мой друг. Уж поплачу над тобой, да, нечего делать, благословлю тебя да и отпущу. С благословением моим тебя отпущу, ты не беспокойся.

Платон. Маменька, да ведь с триумфом меня повезут, провожать в десяти экипажах будут, извозчиков наймут, процессию устроят, издеваться станут — только ведь им того и нужно.

Зыбкина. Что ж делать-то? Уж потерпи, пострадай!

Платон. Маменька, да ведь навещать будут, калачи возить — всё с насмешкой.

Зыбкина. Мякинький калачик с чаем, разве дурно?

Платон. Ну, а после чаю-то, что мне там делать целый день? Батюшки мои! В преферанс я играть не умею. Чулки вязать только и остается.

Зыбкина. И то дело, друг мой: все-таки не сложа руки сидеть.

Платон *(с жаром)*. Так готовьте мне ниток и иголок, больше готовьте, больше!

Зыбкина. Приготовлю, мой друг, много приготовлю.

Платон *(садится, опуская голову)*. От вас-то я, маменька, не ожидал! Признаться сказать, никак не ожидал!

Зыбкина. Зато деньги будут целее, милый друг мой!

Платон. Всю жизнь я, маменька, сражаюсь с невежеством, только дома утешение и вижу, и вдруг какой удар: в родной матери я то же самое нахожу.

Зыбкина. Что то же самое? Невежество-то? Брани мать-то, брани!

Платон. Как я, маменька, смею вас бранить. Я не такой сын. А только ведь оно самое и есть.

Зыбкина. Обижай, обижай! Вот посидишь в яме-то, так авось поумней будешь.

Платон. Что ж мне делать-то? Кругом меня необразование, обошло оно меня со всех сторон, одолевает меня, одолевает. Ах! Пойду брошусь, утоплюсь.

Зыбкина. Не бросишься.

Платон. Конечно, не брошусь, потому это глупо. А я вот что, вот что. *(Садится к столу, вынимает бумагу и карандаш.)*

Зыбкина. Это что еще?

Платон. Стихи буду писать. В таком огорчении всегда так делают образованные люди.

Зыбкина. Что ты выдумываешь?

Платон. Чувств моих не понимают, души моей оценить не могут и не хотят — вот все это тут и будет обозначено.

Зыбкина. Какие ж это будут стихи?

Платон. «На гроб юноши». А вам читать да слезы проливать. Будет, маменька, слез тут ваших много, много будет. *(Задумывается, пишет и опять задумывается.)*

Входит Филицата с узлом.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Зыбкина, Платон и Филицата.

Филицата. Вот я тебе яблочков принесла! На-ка! *(Отдает узел.)* Салфеточку-то не забудь,— хозяйская.

Зыбкина. Спасибо, Филицатушка, об салфетке попомню.

Филицата. Освободи-ка нас на минутку: нужно мне Платону два слова сказать.

Зыбкина. Об чем же это?

Филицата. Наше дело; мы с ним только двое и знаем.

Зыбкина. Я уйду, говорите. Говори, что хочешь, только бы нам на пользу шло. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Платон и Филицата.

Филицата. Послушай-ка ты, победитель!

Платон. Погоди, не мешай! Фантазия разыгрывается.

Филицата. Брось, говорю. Не важное какое дело-то пишешь, не государственное! Я послом к тебе.

Платон *(пишет)*. Ничего хорошего от тебя не ожидаю.

Филицата. В гости зовут.

Платон. Когда?

Филицата. Сейчас, пойдем со мной! Провожу я тебя в сторожку, посидишь там до ночи, а потом в сад, когда все уснут. По обыкновению, как и прежде бывало, ту же канитель будем тянуть.

Платон. Не до того; я очень душой расстроен.

Филицата. А ты выручи меня! Приказала, чтоб ты был беспременно.

Платон. Да ведь это мука моя! Ведь тиранство она надо мной делает.

Филицата. Что ж делать-то! Не ровная она тебе... а ты бы уж и рад... Мало ль что? Чин твой не позволяет.

Платон. Скоро что-то; давно ль виделись! Прежде, бывало, дней через пять, через шесть.

Филицата. Значит, нужно. Оказия такая случилась.

Платон. Что еще? Говори, не скрывай.

Филицата. Слушай меня! Надежды ведь ты никакой на нее не имеешь?

Платон. Какая надежда! На что тут надеяться!

Филицата. Значит, и жалеть о ней тебе много нечего.

Платон. Не знаю. Как сердце примет. Тоже ведь оно у меня не каменное.

Филицата. Ну, авось не умрешь. Ее за енарала отдают.

Платон. За генерала?

Филицата. Да. Так уж ты тут при чем? Что ты против енарала можешь значить?

Платон. Где уж! Такая-то мелочь, такая-то мелочь, что самому на себя глядеть жалко. *(Качая головой.)* Но кто ж этого ожидал!

Филицата. Так пойдем. Должно быть, проститься с тобой хочет.

Платон. Приказывает, так надо идти. Вот она, жизнь-то моя,— одно горе не оплакал, другое на плечи валится. *(Махнув рукою.)* Одни стихи не кончил, другие начинай! *(В задумчивости.)* Вот и повезут, и по-

везут нас врозь: ее в карете венчаться с генералом, а меня судебный пристав за ворот в яму.

За сценой голос Грознова: «Если б завтра да ненастье, то-то б рада я была».

Это что ж такое?

Филицата. Должно быть, Сила Ерофеич вернулся: в трактире был с нашими, с дворником да с садовником.

Голос за сценой: «Если б дождик, мое счастье».

Ну, он и есть.

Входят Зыбкина и Грознов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Платон, Филицата, Зыбкина и Грознов.

Грознов *(поет)*. «За малинкой б в лес пошла». *(Садится на стул.)*

Филицата *(Зыбкиной)*. Угомони ты его! Он теперь уснет, как умрет. А сына твоего я с собой уведу.

Зыбкина. Пущай идет. Своя воля — не маленький.

Филицата и Платон уходят.

Грознов *(поет)*. «За малинкой б в лес пошла». Где он тут?

Зыбкина. Кто он-то?

Грознов. Приказчик этот. Вот он теперь поговори со мной. Я его! *(Топает ногами.)*

Зыбкина. Он давно ушел, Сила Ерофеич.

Грознов. Подайте его сюда! Смеяться над Грозновым!.. Вот я ему задам!

Зыбкина. Да где же его взять-то?

Грознов. Ты смеяться надо мной? Ах ты молокосос! Что ты, что ты? Ты знаешь ли, что такое Грознов... Сила Грознов?.. Грознов — герой... одно слово... пришел, увидел, ну и кончено. Какие дела Грознов делал... какие дела? Это только уму... у... у... непостижимо.

Зыбкина. Ах, скажите пожалуйста!

Грознов. Молодой Грознов... ну да, не теперь, а молодой...

Зыбкина. Ах, как это интересно.

Грознов. Была женщина красавица, и были у нее станы ткацкие, на Разгуляе... там далеко... в Гав... в Гав... в Гавриковом переулке и того дальше... Только

давно это было... перед турецкой войной. Тогда этот турка взбунтовался, а мы его... били... за это... Вот каков Грознов! А ты шутить!.. Мальчишка!

Зыбкина. Ну, и что же эта женщина, Сила Ерофеич?

Грознов. Вот и полюбила она Грознова... и имел Грознов от нее всякие продукты и деньги... И услали Грознова под турку... и чуть она тогда с горя не померла... так малость самую... в чем душа осталась. А Грознов стал воевать... Вот каков Грознов, а ты мальчишка! У... у... у... *(Топает ногами.)*

Зыбкина. Дальше-то, дальше-то что, Сила Ерофеич?

Грознов. Только умереть она не умерла, а вышла замуж за богатого купца... очень влюбился... такая была красавица... по всей Москве одна. Первая красавица в Москве, и та любила Грознова... Вот он какой, вот он какой!

Зыбкина. И уж вы после эту женщину не видали?

Грознов. Как не видать — видел. *(Поет.)* «За малинкой б в лес пошла».

Зыбкина. Чай, не узнала вас, отвернулась, будто и не знакомы?

Грознов. Ну, нет. Тут такая история была, такая история, что и думать — так не придумаешь.

Зыбкина. Уж вы, будьте столь добры, доскажите все до конца.

Грознов. Вот пришел я в Москву в побывку, узнал, что она замужем... расспросил, как живет и где живет. Иду к ней; дом — княжеские палаты; мужа на ту пору нет... Как увидала она меня, и взметалась, и взметалась... уж очень испугалась... Муж-то ее в большой строгости держал... И деньги-то мне тычет... и перстни-то снимает с рук, отдает; я все это беру... Дрожит, вся трясется, так по стенам и кидается; а мне весело. «Возьми, что хочешь, только мужу не показывайся!» Раза три я так-то приходил... тиранил ее... Ну, и стал прощаться; надо в полк идти, а она-то себя не помнит от радости, что покойна-то будет... И что же я с ней тогда сделал... по научению умных людей... Мудрить-то мне над ней все хотелось... Взял я с нее такую самую страшную клятву, что ежели эту клятву не исполнить, так разнесет всего человека... С час она у меня молилась, все себя заклинала, потом сняла образ со стены... А клятва эта была в том, что ежели я ворочусь бла-

гополучно и что ни истребую у нее, чтоб все было... А на что мне? Так, пугал... И клятва эта вся пустая, так, слова дурацкие: на море на окиане, на острове на буяне... В шею бы меня тогда... а она всурьез... Так вот каков Грознов!

Зыбкина. А что ж дальше-то?

Грознов. Ничего. Чему быть-то?.. Я всего пять дней и в Москве-то... Умирать на родину приехал, а то все в Питере жил... Так чего мне?.. Деньги есть; покой мне нужен — вот и все... А чтоб меня обидеть — так это нет, шалишь... Где он тут? Давайте его сюда! *(Топает ногами, потом дремлет.)* «За малинкой б в лес пошла».

Зыбкина. Ложились бы вы, храбрый воин, почивать.

Грознов *(стряхивая дремоту)*. Зорю били?

Зыбкина. Били.

Грознов. Ну, теперь одно дело — спать.

Зыбкина. Вот сюда, на диванчик, пожалуйте!

Грознов *(садясь на диван, отваливается назад и поднимает руки)*. Царю мой и боже мой!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

МАВРА ТАРАСОВНА.
БАРАБОШЕВ.
ПОЛИКСЕНА.
МУХОЯРОВ.
ПЛАТОН.
ФИЛИЦАТА.
ГЛЕБ.

Декорация первого действия.
Лунная ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глеб (один).

Глеб. Какая все, год от году, перемена в Москве; совсем другая жизнь пошла. Бывало, в купеческом доме в девять часов хозяева-то уж второй сон видят, так

для людей-то какой простор! А теперь вот десять часов скоро, а еще у нас не ужинали, еще прохлаждаются, по саду гуляют. А что хорошего? Только прислуге стеснение. Вот мешки-то с яблоками с которых пор валяются, никак их со двора не сволочешь, не улучишь минуты за ворота вынести: то сам тут путается, то сама толчется. Тоже ведь и нам покой нужен; вот снес бы яблоки — и спать, а то жди, когда они угомонятся.

Входят Мавра Тарасовна и Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глеб, Мавра Тарасовна и Филицата.

Глеб. Я вот, Мавра Тарасовна, рассуждаю, стою, что пора бы нам яблоки-то обирать. Что они мотаются! Только одно сумление с ними да грех; стереги их, броди по ночам, чем бы спать, как это предуставлено человеку.

Мавра Тарасовна. Я свое время знаю, когда обирать их.

Глеб. То-то, мол. Отобрать бы: которые в мочку, которые в лежку, опять ежели варенье...

Мавра Тарасовна. Уж это, миленький, не твое дело.

Глеб. Да мне что! Я со всем расположением... уж я теперь неусыпно... Нет, я за ум взялся: стеречь надо, вот что!

Мавра Тарасовна. Стереги, миленький, стереги!

Глеб. А вора я вам предоставлю... Что я виноват, уж это... нет, едва ли! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мавра Тарасовна и Филицата.

Мавра Тарасовна. Амос Панфилыч давно уехал?

Филицата. Да он, матушка, дома.

Мавра Тарасовна. Что так замешкался?

Филицата. Да, видно, не поедет: и лошадей не закладывают, да и кучер со двора отпросился.

Мавра Тарасовна. По будням все ночи напролет гуляет, а в праздник дома; чему приписать, не знаю.

Филицата. Что человека из дому-то гонит? Отвага. А ежели отваги нет, ну и сидит дома. Вот какое дело; а то чему ж другому быть-то?

Мавра Тарасовна. Куда ж это его отвага девалась?

Филицата. Первая отвага в человеке — коли денег много; а деньги под исход — так человек скромнее бывает и чувствительнее, и об доме вспомнит, и об семействе.

Мавра Тарасовна. Так от безденежья, ты думаешь?

Филицата. Одно дело, что прохарчился, матушка.

Мавра Тарасовна. Ты с приказчиками-то, миленькая, дружбу водишь, так что́ говорят-то? Ты мне, как на духу!

Филицата. Да что уж! Тонки дела, тонки.

Мавра Тарасовна. Торговля плоха, стало быть?

Филицата. Да что торговля! Какая она ни будь, а если нынче из выручки тысячу, завтра две, да так постепенно выгребать, много ли барыша-то останется? А тут самим платить приходится; а денег нет: вот отчего и тоска, и уж такого легкого духу нет, чтоб тебя погулять манило.

Мавра Тарасовна. А много ль Амос Панфилыч на себя забрал из выручки-то?

Филицата. Говорят, тысяч двадцать пять в короткое время.

Мавра Тарасовна. Ну, что ж, миленькая, пущай: мы люди богатые, только один сын у меня; в кого ж и жить-то?

Филицата. Да что уж! Только б быть здоровыми.

Мавра Тарасовна. Еще чего не знаешь ли? Так уж говори кстати, благо начали!

Филицата. Платона даром обидели — вот что! Он хозяйскую пользу соблюдал и такие книги писал, что в них все одно что в зеркале, сейчас видно, кто и как сплутовал. За то и возненавидели.

Мавра Тарасовна. Конечно, такие люди дороги: а коли грубит, так ведь одного дня терпеть нельзя.

Филицата. Ваше дело; мы судить не смеем.

Проходят. С другой стороны входят Барабошев и Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Барабошев и Мухояров.

Барабошев. Почему такое, Никандра, у нас в кассе деньги не в должном количестве?

Мухояров. Такая выручка, Амос Панфилыч, ничего не поделаешь.

Барабошев. Мне нужно тысячи две на мои удовольствия, и вдруг — сюрприз.

Мухояров. Уплаты были, сроки подошли.

Барабошев. А как, братец, наш портфель?

Мухояров. Портфель полнехонек, гербовой бумаги очень достаточно.

Барабошев. В таком разе дисконтируй!

Мухояров. Где прикажете?

Барабошев. Никандра, ты меня удивляешь. Ступай, братец, по Ильинке: налево один банк, направо другой.

Мухояров. Да-с, это точно-с. Вот если б вы сказали: ступай по Ильинке, налево один трактир, дальше — другой, в одном спроси полуторный, в другом порцию солянки закажи,— так это осуществить можно-с. А ежели заходить в банки, так это один моцион и больше ничего-с; хоть налево заходи, хоть направо — ни копейки за наши векселя не дадут.

Барабошев. Но мой бланк чего-нибудь стоит?

Мухояров. Еще хуже-с.

Барабошев. Значит, я тебя буду учить, коли ты настоящего не понимаешь. Нужны деньги — процентов не жалей, дисконтируй в частных руках, у интересантов.

Мухояров. Все это мне давно известно-с! Но в частных руках полторы копейки в месяц за хорошие-с.

Барабошев. А за наши?

Мухояров. Ни копейки-с.

Барабошев. Получение предвидится?

Мухояров. Получения много; только получить ничего нельзя-с.

Барабошев. А платежи?

Мухояров. А платежи завтрашнего числа, и послезавтра, и еще через неделю.

Барабошев. Какая сумма?

Мухояров. Тысяч более тридцати-с.

Барабошев. Постой, постой! Ты, братец, должен осторожнее... Ты меня убил. *(Садится на скамейку.)*

Мухояров. У Мавры Тарасовны деньги свободные-с.

Барабошев. Но у нее у сундука замок очень туг.

Мухояров. Приидите, поклонимся!

Барабошев. Она любит, чтоб ей вприсядку кланялись до сырой земли.

Мухояров. И ничего не зазорно-с, потому родительница.

Барабошев. Хрящи-то у меня срослись, гибкости, братец, прежней в себе не нахожу.

Мухояров. Оно точно-с: выделывать эти самые па довольно затруднительно,— но, при всем том, обойтись без них никак невозможно-с.

Барабошев. Поклоны-то — поклонами, эту эпитимию мы выдержим, но для убеждения нужна и словесность.

Мухояров. За словесностью остановки не будет, потому как у вас на это дар свыше. Пущайте против маменьки аллегорию, а я в ваш тон потрафлю — против вашей ноты фальши не будет.

Барабошев. Значит, спелись.

Входит Мавра Тарасовна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Барабошев, Мухояров и Мавра Тарасовна.

Мавра Тарасовна. Ты дома, миленький? На чем это записать? Как это ты сплоховал, что тебя ночь дома застала, соловьиное время пропустил?

Барабошев. Соловьиное время только до Петрова дни-с.

Мавра Тарасовна. Для тебя, миленький, видно, круглый год поют; вечерняя заря тебя из дому гонит, а утренняя загоняет. Дурно я об сыне думать не могу; так все полагала, что ты соловьев слушаешь. Уж здоров ли ты?

Барабошев. Болезни во мне никакой, только воздыхание в груди частое и оттого стеснение.

Мавра Тарасовна. Не от вина ли? Ты бы ему немножно отдохнуть дал.

Барабошев. Вино на меня действия не имеет. А еже-

ли какой от него вред случится, только недельку перегодить и на нутр цапцапарель принимать,— все испарением выдет, и опять сызнова можно, сколько угодно. Скорей же я могу расстроиться от беспокойства.

Мавра Тарасовна. Что же тебя, миленький, беспокоит?

Барабошев. Курсы слабы. Никандра, как на Лондон?

Мухояров. Двадцать девять пять осьмых-с.

Барабошев. А дисконт?

Мухояров. Приступу нет-с.

Мавра Тарасовна. Да на что тебе Лондон, миленький?

Барабошев. Лондон, конечно, будет в стороне; но мне от дисконту большой убыток. Денег в кассе наличных нет...

Мавра Тарасовна. Куда ж они делись?

Барабошев. Я на них спекуляцию сделал в компании с одним негоциантом. Открыли натуральный сахарный песок, так мы купили.

Мавра Тарасовна. Как так — натуральный?

Барабошев. По берегам рек.

Мавра Тарасовна. Как же он не растает?

Барабошев. В нашей воде точно растаять должен, а это — в чужих землях... Где, Никандра, нашли его?

Мухояров. В Бухаре-с. Там такие реки, что в них никогда воды не бывает-с.

Мавра Тарасовна. Так ты с барышом будешь, миленький?

Барабошев. Интересы будут значительные; но в настоящее время есть платежи и нужны наличные деньги, а их в кассе нет.

Мавра Тарасовна. Так бы ты и говорил, что нужны, мол, деньги, а сахаром-то не подслащал.

Барабошев. Я вам в обеспечение ваших денег представлю векселей на двойную сумму.

Мавра Тарасовна. Пойдем, миленький, в комнатах потолкуем, да векселя и все счеты мне принесите! Я хоть мало грамотна, а разберу кой-что.

Барабошев. Захвати, Никандра, все нужные документы!

Уходят Мавра Тарасовна, Барабошев и Мухояров. Входит Глеб.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Глеб, потом Филицата и Поликсена.

Глеб. Насилу-то их унесло. Теперь мешки на плечи: один по одному, да по заборчику; по холодку-то оно любо. Хоть и тяжеленьки, меры по две будет в каждом, да своя ноша не тянет. Где они тут?

Входят Поликсена и Филицата.

Вот еще принесло! Эх, наказанье!

Филицата подходит. Поликсена остается вдали.

Что на вас угомону нет? Полуночники, право, полуночники!

Филицата. Да тебе что за печаль?

Глеб. Ну, уж дом! Попал я на местечко!

Филицата. Не греши! Чего тебе мало? Завсегда сыт, пьян, хоть не сплошь, так уж через день аккуратно; с хорошего человека и довольно бы.

Глеб. Вы долго прогуляете?

Филицата. Ты сторожем, что ль, при нас приставлен?

Глеб. Я — при яблоках.

Филицата. Говорить-то тебе нечего. Шел бы спать, расчудесное дело.

Глеб. Стало быть, я вам мешаю?

Филицата. Да что торчишь тут? Какая приятность смотреть на тебя?

Глеб. А может, ты мне мешаешь-то, знаешь ли ты это?

Филицата. Как не знать! Премудрость-то не велика: бери мешок-то, тащи, куда тебе надобно; мы и видели, да не видали

Глеб. Да у меня их два.

Филицата. За другим после придешь.

Глеб. Это вот дело другого роду, так бы ты и говорила. *(Берет из куста мешок на плечи и уходит.)*

Поликсена подходит ближе.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Поликсена и Филицата.

Поликсена. Где же он?

Филицата. Погоди, не вдруг; дай садовнику пройти. Он у меня в сторожке сидит, дожидается своего сроку.

Поликсена. Какая ты милая, добрая! Уж как тебя благодарить — не знаю.

Филицата. Вот будешь енаральшей-то, так не оставь своими милостями; ты мне на лоб-то галун нашей.

Поликсена. Полно глупости-то! Поди, поди!

Филицата. Куда идти, зачем? Мы ему сигнал подадим. *(Отходит к кустам и достает что-то из-под платка.)*

Поликсена. Что там у тебя? Покажи, что?

Филицата. Что да что! Тебе что за дело? Ну, телеграф.

Поликсена. Как телеграф? Какой телеграф?

Филицата. Какой телеграф да какой телеграф! Отстань ты! Ну, котенок. Вот я ему хвост подавлю, он замяукает, а Платон услышит и придет — так ему приказано.

Котенок мяукает.

Поликсена. Да будет тебе его мучить-то!

Филицата. А он служи хорошенько; я его завтра за это молоком накормлю. Ну, ступай! Теперь ты свою службу кончил. *(Пускает котенка за кусты.)*

Поликсена. Как это тебе в голову приходит?

Филицата. Твои причуды-то исполнять, так всему научишься. На все другое подозрение есть: стук ли, собака ли залает — могут выйти из дому, подумают, чужой. А на кошку какое подозрение, хоть она разорвись,— мало ль их по деревьям да по крышам мяучат?

Входит Платон.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Поликсена, Филицата, Платон, потом Глеб.

Филицата. Вот и побеседуйте! На-те вам по яблочку, чтоб не скучно было. *(Уходит в беседку, садится у окна, потом постепенно склоняет голову и засыпает.)*

Поликсена *(потупясь)*. Здравствуй, Платоша!

Платон. Здравствуйте-с!

Поликсена. Ты идти не хотел, я слышала.

Платон. Да что мне здесь делать! Я в последний раз вам удовольствие, а себе муку делаю; так имейте сколько-нибудь снисхождения. Я и так судьбой своей обижен.

Поликсена. Как ты можешь жаловаться на свою судь-

бу, коли я тебя люблю? Ты должен за счастие считать.

Платон. Да где ж она, ваша любовь-то?

Поликсена. А вот я тебе сейчас ее докажу. Садись! Только ты подальше от меня.

Садятся на скамейку.

Ну, вот слушай!

Платон. Слушаю-с.

Поликсена. Я тебя полюбила.

Платон. Покорно вас благодарю.

Поликсена. Может быть, ты и не стоишь; да и конечно не стоишь.

Платон. Лучше бы уж вы не любили, мне бы покойнее было.

Поликсена. Нет, это я так, к слову, чтоб ты больше чувствовал. А я тебя люблю, люблю и хочу доказать.

Платон. Доказывайте!

Поликсена. Миленький мой, хорошенький! Так бы вот и съела тебя!

Платон подвигается.

Только ты не подвигайся, а сиди смирно.

Платон. При таких ваших словах смирно сидеть невозможно-с.

Поликсена. Нет, нет, отодвинься.

Платон отодвигается.

Вот так! Как бы я расцеловала тебя, мой миленький!

Платон. Кто же вам мешает-с? Сделайте ваше одолжение!

Поликсена. Нет, этого нельзя. Вот видишь, что я тебя люблю, вот я и доказала!

Платон. Только на словах-с.

Поликсена. Да, на словах. А то как же еще? Ну, теперь ты мне говори такие же слова.

Платон. Нет, уж я другие-с.

Поликсена. Ну, какие хочешь, только хорошие, приятные; я и глаза зажмурю.

Платон. Уж не знаю, приятны ль они будут, только от всей души.

Поликсена. Ну, говори, говори, я дожидаюсь.

Платон. Не только любви, а никакого чувства настоящего и никакой жалости в вас нет-с.

Поликсена. Так разве это у меня не любовь? Что же это такое?

Платон. Баловство одно, только свой каприз тешите. Одна у вас природа с Амосом Панфилычем — вот что я замечаю.

Поликсена. Конечно, одна, коли он мой отец.

Платон. И одно у вас удовольствие — издеваться над людьми и тиранить. Вы воображаете, что в вас существует любовь, а совсем напротив. Года подошли, пришло такое время, что уж пора вам любовные слова говорить; вот вы и избираете кого посмирнее, чтоб он сидел да слушал ваши изъяснения. А прикажет вам бабушка замуж идти, и всей этой любви конец, и обрадуетесь вы первому встречному. А мучаете вы человека так, от скуки, чтоб покуда, до жениха, у вас даром время не шло. И сиди-то он смирно, и не подвигайся близко, и никакой ему ласки; все это вы бережете суженому-ряженому, какому-то неизвестному. Обрящет вам тятенька где-нибудь в трактире, шут его знает, какого оглашенного, и вы сейчас ему на шею, благо дождались своего настоящего.

Поликсена. Как ты смеешь?..

Платон. Позвольте! Так уж вы посадите куклу такую, да и выражайте ей свою любовь! Ни чувствовать она не может, ни казниться не будет, а для вас все одно.

Поликсена. Как ты смеешь такие слова говорить!

Платон. Отчего же и не говорить, коли правда?

Поликсена. Да ты и правду мне не смей говорить.

Платон. Нет, уж правду я никому не побоюсь говорить. Самому лютому зверю — льву и тому в глаза правду скажу.

Поликсена. А он тебя растерзает.

Платон. Пущай терзает. А я ему скажу: терзай меня, ну, терзай, а правда все-таки на моей стороне.

Поликсена. Не за тем я тебя звала.

Платон. Не за тем вы звали, да за тем я шел. Кабы я вас не любил, так бы не говорил. А то я вас люблю и за эту самую глупость погибаю. Все надо мной смеются, издеваются; хозяин из меня шута сделал; мне бы давно бежать надо было, а я все на вас, на вашу красоту любовался.

Поликсена подвигается.

Куда ж вы подвигаетесь?

Поликсена. Не твое дело.

Платон. А теперь вот из дому выгнали; а я человек честный, благородный. Да в яму еще сажают; завтра повезут, должно быть. Прощайте!

Поликсена подвигается.

Вот уж вы и совсем близко.

Поликсена. Ах, оставь ты меня! Я так желаю, это мое дело.

Платон. Да ведь я живой человек, не истукан каменный.

Поликсена *(подвигаясь очень близко)*. И очень хорошо, что живой. Я ведь ничего тебе не говорю, ничего не запрещаю.

Платон. Да, вот так-то лучше, гораздо благороднее. *(Обнимает Поликсену одной рукой.)* Вот как я люблю-то тебя, слышала ты? А от тебя что я вижу?

Поликсена. Так как же мне любить-то тебя? Научи!

Платон. А вот ты почувствуй любовь-то хорошенько, так уж сама догадаешься, что тебе делать следует.

Поликсена ложится к нему на плечо.

Что ж это ты со мной делаешь, скажи на милость?

Поликсена. Постой, погоди; не трогай, не мешай мне. Я думаю.

Входит Глеб.

Глеб *(издали)*. Вот они дела-то! Чужой человек в саду. Ну, теперь я виноват не останусь. *(Уходит.)*

Поликсена. Я теперь знаю, что мне делать; я выдумала: я скажу завтра бабушке, что люблю тебя и, кроме тебя, ни за кого замуж не пойду.

Платон. Вот это с твоей стороны благородно; только от бабушки никакого благородства ждать нельзя: она беспременно подлость какую-нибудь выдумает.

Поликсена. Скажу: коли не хотите обидеть меня, так дайте приданое, а то и не надо... я и без приданого пойду за него.

Платон. Вот это по душе...

Поликсена *(печально)*. Да, по душе... Только ты не очень-то, видно, рад? А говорил, что живой человек.

Платон. Что ж? Да как? Я, право, не знаю.

Поликсена. Ты хоть бы мне спасибо сказал за мою любовь... ну... поцеловал бы, что ли...

Платон. Вот уж это я дурак! *(Целует ее.)* Извини! Не суди строго! Все чувства убиты.

Поликсена *(обнимая Платона)*. Как я тебя люблю!

Вот когда ты сидел далеко, я так тебя не любила, а теперь, когда ты близко, я, кажется, все для тебя на свете, ну все, что ты хочешь.

Платон. Вот теперь мне и в яму не так горько идти.

Поликсена. Да забудь ты про все, забудь! Знай ты во всем мире только меня одну, твою Поликсену! Милый ты мой, хороший!

Входит Глеб.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Платон, Поликсена и Глеб.

Глеб *(Поликсене)*. Эх, Поликсена Амосовна! Дурно, очень дурно! Ничего нет хорошего! Вон тятенька с бабушкой идут.

Поликсена. Ах! Ну, спасибо, Глеб. *(Платону.)* Беги скорей! Прощай! *(Уходит в беседку.)*

Платон идет в кусты.

Глеб. Ты куда? Нет, ты погоди!

Платон. Да что ты? В уме ли? Зачем ты меня держишь?

Глеб. Пустить нельзя! Шалишь, брат.

Платон. Ну, сделай милость! Ну, не губи ты меня и Поликсену Амосовну.

Глеб. Ее дело сторона: она хозяйская дочь, может в саду во всякое время; а ты как сюда попал, какой дорогой?

Платон. Да тебе что за дело?

Глеб. Как что за дело? Да кому ж дело-то, как не мне? Мне за вас напраслину терпеть.

Платон. Да об чем ты?

Глеб. Об чем? Об яблоках. *(Громко.)* Караул!

Входят Мавра Тарасовна, Барабошев, Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Платон, Глеб, Мавра Тарасовна, Барабошев, Мухояров. В беседке Поликсена и Филицата.

Барабошев *(Глебу)*. Что, братец, за дебош? Коль скоро ты поймал вора, сейчас крути ему назад ло-

патки и представь на распоряжение полицейской администрации.

Мухояров *(Глебу)*. Как ты хозяев до беспокойства доводишь, караул кричишь? Нынче уж эта песня из моды выходит: приглашают полицию, составляют акт, без этого невежества.

Глеб. Я вам докладывал, что вора предоставлю: вот, извольте, и с поличным! *(Берет у Платона из рук яблоко.)*

Барабошев. Да это Платон Зыбкин. На словах ты, братец, патриот, а на деле фрукты воруешь.

Платон. Я не вор.

Барабошев. В таком случае, зачем твои променажи в чужом саду?

Платон. Я не вор.

Мавра Тарасовна. Так ты, миленький, не воровать приходил?

Платон. Да нет же, говорю я вам, на что мне ваши яблоки!

Мавра Тарасовна. Что ж вы на парня напали? За что его обижаете? Он не вор; он гулять в наш сад приходил, время провести. С кем же ты, миленький, здесь в саду время проводил?

Барабошев. От таких твоих променажей может быть урон для нашей чести. У нас каменные заборы и железные вороты затем и поставлены, что в нашей фамилии существует влюбчивость.

Мавра Тарасовна. Уж ты не утаивай от меня, я хозяйка. Коли есть в доме такие гулёны, так их унять можно.

Платон *(решительно)*. Вяжите меня скорей! Я вор, я за яблоками, я хотел весь сад обворовать.

Поликсена *(выходя из беседки)*. Не верьте ему! Он ко мне приходил.

Барабошев. Маменька, удар! Я даже разговору лишился и не имею слов. Обязан я убить его сейчас, на месте, или эту казнь правосудию предоставить? Я в недоумении.

Мавра Тарасовна. Погоди, миленький! Ничего я тут особенного не вижу; это часто бывает. Сейчас я все дело рассужу. Кто виноват, с того мы взыщем, а для чего мы девушку здесь держим? И не пристало ей пустые разговоры слушать, и почивать ей пора. Ну-ка ты, стража неусыпная!

Филицата. Кому что, а уж мне будет.

Мавра Тарасовна. Веди ты ее, укладывай почивать! Коли бессонница одолеет, сказочку скажи!

Поликсена *(обнимая Платона)*. Бабушка, поздно вы хватились! Нас разлучить невозможно.

Мавра Тарасовна. Да зачем вас разлучать, кому нужно? Только не сейчас же вас венчать; вот уж завтра, что бог даст. Утро вечера мудренее. А спать-то тебе надо, да и ему пора домой идти. Ишь, он как долго загостился. Иди-ка, иди с богом!

Поликсена *(целуя Платона)*. Прощай, мой милый! Я слово сдержу. Мое слово крепко, вот так крепко, как я тебя целую теперь.

Мавра Тарасовна. Ну, вот так-то, честь-честью — чего лучше! Уж еще поцелуйтесь! При людях-то оно не так зазорно.

Поликсена целует Платона и уходит.

Небось хорошо, сладко?

Платон. Чудесно-с! Но ежели вы меня убивать — так сделайте ваше одолжение, поскорей!

Мавра Тарасовна. Погоди, твоя речь впереди! Чтоб не было пустых разговоров, я вам расскажу, что и как тут случилось. Вышла Поликсеночка погулять вечером да простудилась, и должна теперь, бедная, месяца два-три в комнате сидеть безвыходно, а там увидим, что с ней делать. Парень этот ни в чем не виноват, на него напрасно сказали; яблоков он не воровал — взял, бедный, одно яблочко, да и то отняли, попробовать не дали. И отпустите его с миром домой. Вот только и всего, больше ничего не было — так вы и знайте!

Платон. Очень, очень премного вами благодарен.

Мавра Тарасовна. Не за что, миленький.

Платон. Есть за что: рук не вязали, оглоблей не били. Только душу вынули, а членовредительства — никакого.

Барабошев. Красноречие оставь! Тебе оно нейдет.

Мавра Тарасовна. Не тронь его, пусть поговорит. Проводить успеем.

Платон. Вы разговору моему не препятствуете? И за это я вас благодарить должен. Все вы у меня отняли и убили меня совсем, но только из-под политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Уж

на что еще учтивее и политичнее: дочь-девушку, богатую невесту, при себе целовать позволяете! И кому же? Ничтожному человеку, прогнанному приказчику! Ах, благодетели, благодетели вы мои! Замучить-то вы и ее и меня замучите, высушите, в гроб вгоните, да все-таки учтиво, а не по-прежнему. Значит, наше взяло! Ура!! Вот оно — правду-то вам говорить почаще, вот!.. Как вы много против прежнего образованнее стали! А коли учить вас хорошенько, так вы, пожалуй, скоро и совсем на людей похожи будете.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

МАВРА ТАРАСОВНА.

БАРАБОШЕВ.

ПОЛИКСЕНА.

МУХОЯРОВ.

ПЛАТОН.

ГРОЗНОВ.

ФИЛИЦАТА.

Большая столовая; прямо стеклянная дверь в буфетную, через которую ход в сени и на заднее крыльцо; направо две двери: одна ближе к авансцене, в комнату Мавры Тарасовны, другая в комнату Поликсены; налево две двери: одна в гостиную, другая в коридор; между дверями ореховый буфет, посередине обеденный стол, покрытый цветной скатертью. Мебель дорогая, тяжелая.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из середней двери выходят Филицата и Грознов.

Филицата. Вот это у нас столовая, Сила Ерофеич! Вот буфет: тут посуда, столовое белье, серебро.

Грознов. Много серебра-то?

Филицата. Пуды лежат, шкаф ломится: и старого, и нового есть довольно.

Грознов. Хорошо, у кого серебра-то много.

Филицата *(у двери гостиной)*. Уж на что лучше. А вот это у нас комнаты не живущие: гостиная, да еще другая гостиная, а там зала.

Грознов. Как полы-то лоснятся!

Филицата. В год два раза гости бывают, а каждую неделю натирают — вот они и лоснятся. А вот комната Мавры Тарасовны! *(Отворяет дверь.)*

Грознов. Ишь ты, какой покой себе, какую негу нажила!

Филицата. И деньги свои, и воля своя — так кто ж ей запретит?

Грознов. А сундук-то железный — с деньгами, чай?

Филицата. С деньгами.

Грознов. Чай, много их там?

Филицата. Большие тысячи лежат. А внизу у нас две половины: в одной Амос Панфилыч живет, а в другой — приказчики да контора. Вот, Сила Ерофеич, я вам все наши покои показала; а теперь подождите в моей каморке! Теперь скоро сама-то приедет. Когда нужно будет, я вас кликну. Только уж вы ничего не забудьте, всё скажите.

Грознов. Ну, вот еще! Меня учить не надо.

Филицата. А я вам поднесу для храбрости. *(Провожает Грознова в среднюю дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филицата *(одна)*. Эка тишина, точно в гробу! С ума сойдешь от такой жизни! Только что проснутся, да все как и умрут опять. Раз пять дом-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь — только и занятия. Бродишь одна по пустым комнатам — одурь возьмет. Муха пролетит — и то слышно.

Поликсена показывается из своей двери.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Филицата и Поликсена.

Поликсена. Тоска меня загрызла, места не найду.

Филицата. Уж нечего делать, потерпи; может, моя ворожба и на пользу будет. Утопающий за соломинку

хватается. Сама видишь: я рада для тебя в ниточку вытянуться.

Поликсена. Ты где же была все утро?

Филицата. Все в хлопотах. Снарядивши бабушку к обедне, к соседям сбегала, провела сюда, пока самой-то дома нет.

Поликсена. И Платоша здесь?

Филицата. Здесь, у меня в каморке. Ведь мало ль что? Я куражу не теряю.

Поликсена *(с нетерпением)*. Что ж это бабушка-то так долго?

Филицата. Должно быть, зашла к Кирилушке.

Поликсена. К какому Кирилушке?

Филицата. Блаженненький тут есть; просто сказать, дурачок.

Поликсена. Так зачем она к нему?

Филицата. За советом. Ведь твоя бабушка умная считается; за то и умной зовут, что все с совету делает. Какая ж бы она умная была, кабы с дураком не советовалась?

Поликсена. Да об чем ей советоваться?

Филицата. А как тебя тиранить лучше. Ты думаешь, своим-то умом до этого скоро дойдешь? Нет, матушка: на все на это своя премудрость есть. Вот позвонил кто-то. Ты поди к себе, посиди пока, да погоди сокрушаться-то! Бог не без милости, казак не без счастья.

Поликсена уходит. Входит Мавра Тарасовна и садится к столу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мавра Тарасовна и Филицата.

Филицата *(подобострастно)*. Утрудились?

Мавра Тарасовна. Никто меня не спрашивал?

Филицата. Амос Панфилыч раза два наведывались, в город ехать сбираются.

Мавра Тарасовна. Подождет; не к спеху дело-то. Вели сказать ему, чтобы зашел через полчаса. Пошли ко мне Поликсену.

Филицата *(в дверь Поликсене)*. Поди, бабушка тебя кличет. *(Уходит.)*

Входит Поликсена.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мавра Тарасовна и Поликсена.

Мавра Тарасовна. Ты, миленькая, помимо нашей воли, своим умом об своей голове рассудила? Нешто так можно?

Поликсена. Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна. Да, пойдешь, если позволят.

Поликсена. Вы меня приданым попрекали; я пойду за него без приданого! Возьмите себе мое приданое!

Мавра Тарасовна. Ты меня, миленькая, подкупить не хочешь ли? Нет, я твоим приданым не покорыстуюсь; мне чужого не надо; оно тебе отложено и твое всегда будет. Куда б ты ни пошла из нашего дому, оно за тобой пойдет. Только выходов-то тебе немного: либо замуж по нашей воле, либо в монастырь. Пойдешь замуж — отдадим приданое тебе в руки; пойдешь в монастырь — в монастырь положим. Хоть и умрешь, боже сохрани, за тобой же пойдет: отдадим в церковь на помин души.

Поликсена. Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна. Коли тебе такие слова в удовольствие, так, сделай милость, говори. Мы тебя, миленькая, не обидим, говорить не закажем.

Поликсена. Зачем вы меня звали?

Мавра Тарасовна. Поговорить с тобой. Сделаем-то мы по-своему, а поговорить с тобой все-таки надо.

Поликсена. Ну вот, вы слышали мой разговор?

Мавра Тарасовна. Слышала.

Поликсена. Может быть, вы не хорошо расслушали, так я вам еще повторю: я пойду за того, кого люблю. Нынче всякий должен жить по своей воле.

Мавра Тарасовна. Твои «нынче» и «завтра» для меня все равно что ничего; для меня резонов нет. Меня не то что уговорить, в ступе утолочь невозможно. Не знаю, как другие, а я своим характером даже очень довольна.

Поликсена. А у меня характер: делать все вам напротив; и я своим тоже очень довольна.

Мавра Тарасовна. Так, миленькая, мы и запишем.

Поликсена уходит. Входит Фелицата.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мавра Тарасовна и Филицата.

Мавра Тарасовна. Поди-ка ты сюда поближе!

Филицата. Ох, иду, иду. *(Подходит.)* Виновата. *(Кланяется, касаясь рукой пола.)*

Мавра Тарасовна. Мне из твоей вины не шубу шить. Как же это ты не доглядела? Аль, может, и сама подвела?

Филицата. Ее дело молодое, а все одна да одна,— жалость меня взяла... Ну, думаешь: поговорят с парнем да и разойдутся. А кто ж их знал? Видно, сердце-то не камень.

Мавра Тарасовна. Уж очень ты жалостлива. Ну, сбирайся!

Филицата. Куда сбираться?

Мавра Тарасовна. Со двора долой. В хорошем доме таких нельзя держать.

Филицата. Вот выдумала! А еще умной называешься. Кто тебя умной-то назвал, и тот дурак. Сорок лет я в доме живу, отца ее маленьким застала, все хороша была, а теперь вдруг и не гожусь.

Мавра Тарасовна. С летами ты, значит, глупеть стала.

Филицата. Да и ты не поумнела, коли так нескладно говоришь. Виновата я, ну, побей меня, коли ты хозяйка; это, по крайности, будет с умом сообразно; а то на-ка, с двора ступай! Кто ж за Поликсеной ходить-то будет? Да вы ее тут совсем уморите.

Мавра Тарасовна. Что за ней ходить, она не маленькая.

Филицата. И велика, да хуже маленькой. Я вчера, как мы из саду вернулись, у ней изо рту коробку со спичками выдернула. Вот ведь какая она глупая! Нешто этим шутят?

Мавра Тарасовна. Кто захочет что сделать над собой, так не остановишь. А надо всеми над нами бог; это лучше нянек-то. А тебя держать нельзя: ты больно жалостлива.

Филицата. Такая уж я смолоду. Не к одной я к ней жалостлива, и к тебе, когда ты была помоложе, тоже была жалостлива. Вспомни молодость-то, так сама внучку-то пожалеешь.

Мавра Тарасовна. Нечего мне помнить: чиста моя душенька.

Филицата. А ты забыла, верно, как дружок-то твой вдруг налетел? Кто на часах-то стоял? Я от страху-то не меньше тебя тряслась всеми суставами, чтобы муж его тут не захватил. Так меня после целую неделю лихорадка била.

Мавра Тарасовна. Было, да быльем поросло, я уж в этом грехе и каяться перестала. И солдатик этот бедненький давно помер на чужой стороне.

Филицата. Ох, не жив ли?

Мавра Тарасовна. Никак нельзя ему живым быть, потому я уж лет двадцать за упокой его души подаю: так нешто может это человек выдержать?

Филицата. Бывает, что и выдерживают.

Мавра Тарасовна. Что я прежде и что теперь — большая разница; я теперь очень далека от всего этого и очень высока стала для вас, маленьких людей.

Филицата. Ну, твое при тебе.

Мавра Тарасовна. Так ты пустых речей не говори, а сбирайся-ка, по-добру по-здорову! Вот тебе три дня сроку!

Филицата. Я хоть сейчас. Поликсену только и жалко, а тебя-то, признаться, не очень. *(Отворив стеклянную дверь.)* Матушка, да вот он!

Мавра Тарасовна. Кто он-то?

Филицата. Сила Ерофеич твой. *(Уходит.)*

Входит Грознов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мавра Тарасовна, Грознов, потом Филицата.

Грознов. Здравия желаю!

Мавра Тарасовна. Батюшки! Как ты? Кто тебя пустил?

Грознов. Меня-то не пустить, Грознова-то? Да кто ж меня удержит? Я Браилов брал, на батареи ходил.

Мавра Тарасовна. Да уж не окаянный ли ты, не за душой ли моей пришел?

Грознов. Нет, на что мне душа твоя? Давай жить да друг на друга любоваться.

Мавра Тарасовна. Да как же ты жив-то? Я давно, как ты в поход ушел, тебя за упокой поминаю. Видно, не дошла моя грешная молитва!

Грознов. Я добрей тебя; я молился, чтоб тебе бог здоровья дал, чтоб нам опять свидеться. Да вот и дожил до радости.

Мавра Тарасовна. Ну, сказывай, не томи: зачем ты теперь ко мне-то?

Грознов. Да ты помнишь клятву, свою клятву страшную?

Мавра Тарасовна. Ох, помню, помню. Как ее забудешь? Ну, чего ж тебе от меня надобно?

Грознов. Хочу стать к тебе на квартиру. Выберу у тебя гостиную, которая получше, да и оснуюсь тут: гвоздей по стенам набью, амуницию развешаю.

Мавра Тарасовна. Ах, беда моей головушке!

Грознов. А вы каждое утро ко мне всей семьей здороваться приходите, в ноги кланяться, и вечером опять то же, прощаться, покойной ночи желать. И сундук ты тот, железный, ко мне в комнату под кровать поставь.

Мавра Тарасовна. Да как ты, погубитель мой, про сундук-то знаешь?

Грознов. Грознов все знает, все.

Мавра Тарасовна. Варвар ты был для меня — варвар и остался.

Грознов. Нет, не бранись, я шучу с тобой.

Мавра Тарасовна. Так денег, что ль, тебе нужно?

Грознов. И денег мне твоих не надо — у меня свои есть. На что мне? Я одной ногой в могиле стою; с собой не возьмешь.

Мавра Тарасовна. Мне уж и не понять, чего ж тебе?

Грознов *(утирая слезы)*. Угол мне нужен, век доживать; угол — где-нибудь в сторожке, подле конуры собачей.

Мавра Тарасовна *(утирая слезы)*. Ах ты, миленький, миленький!

Грознов. Да покой мне нужен, чтоб ходил кто-нибудь за мной: тепленьким когда напоить,— знобит меня к погоде. У тебя есть старушка Филицата — вот бы мне и нянька.

Мавра Тарасовна. А я только что ее прогнать рассудила.

Грознов. Ну, уж для меня сделай милость! Не приказываю, а прошу.

Мавра Тарасовна. Чего я для тебя не сделаю! Все на свете обязана.

Грознов *(оглядывая комнату)*. А то — нет, где уж мне в такие хоромы! Ты пшеничная, ты в них и живи; а я оржаной — я на дворе.

Мавра Тарасовна *(с чувством)*. А еще-то чего ты, сирота горькая, от меня потребуешь?

Грознов. Еще потребую, за тем пришел; только уж не много и никакого тебе убытку.

Мавра Тарасовна. Только б не деньги, да чести моей посрамления не было; а то все — с великим удовольствием. Вижу я, не грабитель ты, а как есть степенный человек стал; так уж мне и горя нет, и не задумаюсь я, всякую твою волю исполню.

Грознов. Ну, и ладно, ну, и ладно.

Мавра Тарасовна. И в ножки я тебе поклонюсь, только сними ты с меня ту прежнюю клятву, страшную.

Грознов. А! Что! Вот ты и знай, каков Грознов!

Мавра Тарасовна. Каково жить всю жизнь с такой петлей на шее. Душит она меня.

Грознов. Сниму, сниму; другую возьму, полегче.

Мавра Тарасовна. Да я и без клятвы для тебя все...

Грознов. А сделаешь — так и шабаш, в ничью разойдемся. Вот и надо бы мне поговорить с тобой по душе, хорошенько!

Мавра Тарасовна. Так пойдем ко мне в комнату. Филицата!

Входит Филицата.

Чай-то готов у меня?

Филицата. Готов, матушка, давно готов.

Мавра Тарасовна. Подай рому бутылку, водочки поставь, пирожка вчерашнего — ну, там, что следует.

Филицата. Слушаю, матушка. *(Уходит.)*

Грознов. Говорят, тебе ундер нужен?

Мавра Тарасовна. Да, миленький; ищем мы ундера-то, ищем.

Грознов. Так чего ж тебе лучше,— вот я!

Мавра Тарасовна. Значит, и жалованье тебе положить?

Грознов. Так неужто задаром? Я везде хорошее жалованье получал, я кавалерию имею.

Мавра Тарасовна. А много ль с нас-то запросишь?

Грознов. Четырнадцать рублей двадцать восемь копеек с денежкой; я на старый счет.

Мавра Тарасовна. Ну, уж с нас-то возьми, по знакомству, двенадцать...

Грознов. Ах ты! *(Топнув ногой.)* Полтораста!

Мавра Тарасовна. Ну, четырнадцать, так четырнадцать... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

Грознов. Не четырнадцать, а четырнадцать двадцать восемь копеек с денежкой! И денежки не уступлю. А как харчи?

Мавра Тарасовна. Харчи у нас людские — хорошие, по праздникам водки подносим; ну, а тебя-то когда Филицата и с нашего стола покормит.

Грознов. Я разносолов ваших не люблю: мне чего помягче.

Мавра Тарасовна. Да, да, состарелся ты, ах, как состарелся!

Грознов. Кто? Я-то? Нет, я еще молодец, я куда хочешь. А вот ты так уж плоха стала, больно плоха.

Мавра Тарасовна. Что ты, что ты! Я еще совсем свежая женщина.

Грознов. А как жили-то мы с тобой, помнишь, там, в Гавриковом, у Богоявленья?

Мавра Тарасовна. Давно уж время-то; много воды утекло.

Грознов. Теперь только мне и поговорить-то с тобой; а как поселюсь в сторожке, так ты — барыня, ваше степенство, а я — просто Ерофеич.

Входит Филицата.

Филицата. Пожалуйте! Готово!

Мавра Тарасовна. Ну, пойдем. Закуси, чем бог послал. *(Филицате.)* Коли кто спросит, так вели здесь подождать. *(Уходит; Грознов за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Филицата *(одна)*. Ну как мне себя не хвалить! Добрая-то я всегда была, а ума-то я в себе что-то прежде не замечала: все казалось, что мало его, не в настоя-

щую меру; а теперь выходит, что в доме-то я умней всех. Вот чудо-то: до старости дожила, не знала, что я умна! Нет, уж я теперь про себя совсем иначе понимать буду. Какую силу сломили! Ее и пушкой-то не прошибешь, а я вот нашла на нее грозу.

Входят Барабошев и Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Филицата, Барабошев и Мухояров.

Барабошев. Но где же маменька?

Филицата. Подождать приказано.

Барабошев. У нас сурьезное финансовое дело, никакого замедления не терпит.

Филицата. У тебя сурьезное, а у нас еще сурьезнее. Там у нее ундер.

Барабошев. Ундер — чин незначительный.

Филицата. Незначительный, а беспокоить не велели. Да авось над нами не каплет — подождать-то можно.

Голос Мавры Тарасовны: «Филицата!»

Вон, зовут! *(Уходит.)*

Барабошев. Никандра, наши обстоятельства в упадке! В таком кризисе будь в струне!

Мухояров. Первый голос вы, а я вам акомпаниман.

Выходит Филицата.

Филицата *(говорит в дверь)*. Хорошо, матушка. А Платон сейчас будет здесь, он тут недалеко.

Барабошев. Какой Платон, и какая в нем в настоящую минуту может быть надобность?

Филицата. Дело хозяйское, не наше. *(У двери Поликсены.)* Красавица, утри слезки-то да выползай! *(Отворяя стеклянную дверь.)* Платоша, требуют!

Барабошев. Для чего этот весь конгресс, это даже трудно понять.

Мухояров. Я так по всему заключаю, что тут будет для нас с вами неожиданный оборот.

Входят Мавра Тарасовна, Поликсена, Платон и Грознов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Барабошев, Мухояров, Мавра Тарасовна, Поликсена, Платон, Грознов и Филицата.

Мавра Тарасовна. Здравствуйте! Садитесь все!

Все садятся, кроме Филицаты и Грознова, который стоит бодро, руки по швам.

Вот, миленькие мои, вздумала я порядок в доме завести, вздумала, да и сделала. Первое дело: чтоб порядок был на дворе, наняла я ундера. Амос Панфилыч, вот он!

Грознов. Здравия желаю, ваше степенство!

Барабошев. Как прозываешься, кавалер?

Грознов. Сила Ерофеев Грознов.

Барабошев. Ундер в порядке: и нашивки имеет, и кавалерию; я его одобряю.

Грознов. Ради стараться, ваше степенство!

Мавра Тарасовна. Я тебе, Ерофеич, весь наш дом под присмотр отдаю: смотри ты за чистотой на дворе, за всей прислугой, ну и за приказчиками не мешает, чтоб раньше домой приходили, чтоб по ночам не шлялись. *(Мухоярову.)* А вы его уважайте! Ну, теперь на дворе хорошо будет, я покойна — надо в доме порядок заводить. Слышала я, Платон, что заставляли тебя меня обманывать, фальшивые отчеты писать?

Платон. Про хозяина сказать не смею, а Мухояров заставлял — это точно.

Мавра Тарасовна. И деньги тебе, миленький, обещал, да ты сказал, что тысячи рублей не возьмешь?

Платон. Да напрасно меня и просить: это смешно даже.

Мавра Тарасовна. Вот, для порядку, и назначаю я Платона главным приказчиком и всю торговлю и капитал ему доверяю.

Барабошев. Но он несостоятельный должник: у меня его вексель.

Мавра Тарасовна. Дай-ка вексель-то сюда!

Барабошев подает.

Вот тебе и вексель. *(Разрывает и бросает на пол.)*

Барабошев. Маменька, у меня к вам финансовый вопрос.

Мавра Тарасовна. Погоди, и до тебя очередь дойдет.

Мухояров. Значит, я своей должности решен?

Мавра Тарасовна. Нет, зачем же! Ты умел над Платоном шутить, так послужи теперь у него под началом! А вот тебе работа на первый раз! Поди напиши билетец: «Мавра Тарасовна и Амос Панфилыч Барабошевы, по случаю помолвки Поликсены Амосовны Барабошевой с почетным гражданином Платоном Иванычем Зыбкиным, приглашают на бал и вечерний стол». А число мы сами поставим.

Поликсена. Бабушка, так Платоша мой? Ну, вот я говорила...

Мавра Тарасовна. Никто не отнимет, не бойся!

Поликсена *(Платону)*. Пойдем в гостиную, к роялю, я тебе спою: «Вот на пути село большое».

Мавра Тарасовна. Сиди, сиди! Что заюлила!

Барабошев. Но как же, маменька, генерал?

Мавра Тарасовна. Куда уж нам? Высоко очень!

Барабошев. Значит, Пустоплёсов над нами преферанс возьмет?

Филицата. Ты у меня про Пустоплёсова-то спроси! У них вчера такая баталия была, что чудо. Сам-то пьяный согрубил что-то жениху, так тот за ним по всему дому не то с саблей, не то с палкой бегал,— уж не знаю хорошенько. Так все дело и врозь.

Барабошев. В таком случае, я на этот брак согласен. Но, маменька, финансовый вопрос... Мне надо в город ехать, по векселям платить...

Мавра Тарасовна. Ты хотел Платона-то в яму сажать, так не сесть ли тебе, миленький, самому на его место? На досуге там свой цапцапарель попьешь — лик-то у тебя прояснится.

Барабошев. Если со мной такое кораблекрушение последует, так на все семейство мараль; а мы затеваем бракосочетание и должны иметь свой круг почетных гостей.

Мавра Тарасовна. А не хочешь в яму, так Платону кланяйся, чтоб он заплатил за тебя; и уж больше тебе доверенности от меня не будет.

Платон. Вот она правда-то, бабушка! Она свое возьмет.

М а в р а Т а р а с о в н а. Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не случай тут один, так плакался бы ты с своей правдой всю жизнь. А ты вот как говори: не родись умен, а родись счастлив — вот это, миленький, вернее. Правда — хорошо, а счастье лучше.

Ф и л и ц а т а *(Грознову)*. Ну-ка, служивый, поздравь нас.

Г р о з н о в. Честь имею поздравить Платона Иваныча и Поликсену Амосовну! Тысячу лет жизни и казны несметное число. Ура!

Комедия
в пяти
действиях

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ЮЛИЯ ПАВЛОВНА ТУГИНА
молодая вдова.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА
тетка Юлии, пожилая небогатая женщина.

ВАДИМ ГРИГОРЬЕВИЧ ДУЛЬЧИН
молодой человек.

ЛУКА ГЕРАСИМЫЧ ДЕРГАЧЕВ
приятель Дульчина, довольно невзрачный господин и по фигуре и по костюму.

ФЛОР ФЕДУЛЫЧ ПРИБЫТКОВ
очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто.

МИХЕВНА
старая ключница Юлии.

Небольшая гостиная в доме Тугиной. В глубине дверь входная, направо от актеров дверь во внутренние комнаты, налево окно. Драпировка и мебель довольно скромные, но приличные.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Михевна (у входной двери), потом Глафира Фирсовна.

Михевна. Девушки, кто там позвонил? Вадим Григорьич, что ли?

Глафира Фирсовна *(входя)*. Какой Вадим Григорьич, это я. Вадим-то Григорьич, чай, позже придет.

Михевна. Ах, матушка, Глафира Фирсовна! Да никакого и нет Вадима Григорьича; это я так, обмолвилась... Извините!

Глафира Фирсовна. Сорвалось с языка, так уж нечего делать, назад не спрячешь. Эка досада, не застала я самоё-то! Не близко место к вам даром-то путешествовать; а на извозчиков у меня денег еще не нажито. Да и разбойники же они! За твои же деньги тебе всю душеньку вытрясет, да еще, того гляди, вожжами глаза выхлестнет.

Михевна. Что говорить! То ли дело свои...

Глафира Фирсовна. Что свои? Ноги-то, что ли?

Михевна. Нет, лошади-то, я говорю.

Глафира Фирсовна. Уж чего лучше! Да только

у меня свои-то еще на Хреновском заводе; все купить не сберусь — боюсь, как бы не ошибиться.

Михевна. Так вы пешечком?

Глафира Фирсовна. Да, по обещанию, семь верст киселя есть. Да вот не в раз; видно, придется обратно на тех же, не кормя.

Михевна. Посидите, матушка; она, надо быть, скоро воротится.

Глафира Фирсовна. А куда ее бог понес?

Михевна. К вечеренке пошла.

Глафира Фирсовна. За богомолье принялась. Аль много нагрешила?

Михевна. Да она, матушка, всегда такая; как покойника не стало, все молится.

Глафира Фирсовна. Знаем мы, как она молится-то.

Михевна. Ну, а знаете, так и знайте! А я знаю, что правду говорю, мне лгать не из чего. Чайку не прикажете ли? У нас это мигом.

Глафира Фирсовна. Нет, уж я самоё подожду. *(Садится.)*

Михевна. Как угодно.

Глафира Фирсовна. Ну, что ваш плезир-то?

Михевна. Как, матушка, изволили сказать? Не дослышала я...

Глафира Фирсовна. Ну, как его поучтивей-то назвать? Победитель-то, друг-то милый?

Михевна. Не понять мне разговору вашего, слова-то больно мудреные.

Глафира Фирсовна. Ты дуру разыгрываешь аль стыдишься меня? Так я не барышня. Поживешь с мое-то, да в бедности, так стыдочек-то всякий забудешь, ты уж в этом не сомневайся. Я про Вадима Григорьича тебя спрашиваю...

Михевна *(приложив руку к щеке)*. Ох, матушка, ох!

Глафира Фирсовна. Что заохала?

Михевна. Да стыдно очень. Да как же вы узнали? А я думала, что это никому неизвестно...

Глафира Фирсовна. Как узнала? Имя его ты сама сейчас сказала мне: Вадимом Григорьичем окликнула.

Михевна. Эка я глупая!

Глафира Фирсовна. Да, кроме того, я и от людей слышала, что она в приятеля своего много денег проживает... Правда, что ли?

Михевна. Верного я не знаю; а как, чай, не проживать; чего она для него пожалеет!

Глафира Фирсовна. То-то муж-то ее, покойник, догадлив был; чувствовало его сердце, что вдове деньги понадобятся, и оставил вам миллион.

Михевна. Ну, какой, матушка, миллион! Много меньше.

Глафира Фирсовна. Ну, уж это у меня счет такой: я все на миллионы считаю; у меня что больше тысячи, то и миллион. Сколько в миллионе денег, я и сама не знаю, а говорю так, потому что это слово в моду пошло. Прежде, Михевна, богачей-то тысячниками звали, а теперь уж всё сплошь миллионщики пошли. Нынче скажи-ка про хорошего купца, что он обанкрутился тысяч на пятьдесят, так он обидится, пожалуй, а говори прямо на миллион либо два,— вот это верно будет. Прежде и пропажи-то были маленькие, а нынче вон в банке в одном семи миллионов не досчитались. Конечно, у себя-то в руках и приходу и расходу больше полтины редко видишь; а уж я такую смелость на себя взяла, что чужие деньги всё на миллионы считаю; и так-то свободно об них разговариваю... Миллион — и шабаш! Как же она: вещами, что ль, дарит ему аль деньгами?

Михевна. Про деньги не знаю, а подарки ему идут поминутно и всё дорогие. Ни в чем у него недостатка не бывает,— и в квартире-то все наше: то она ему чернилицу новую на стол купит со всем прибором...

Глафира Фирсовна. Чернилица-то дорогая, а писать нечего.

Михевна. Какое писанье, когда ему; он и дома-то не живет. И занавески ему на окна переменит, и мебель всю заново. А уж это посуда, белье и что прочее, так он и не знает, как у него все новое является: ему-то кажется, что все то же... Да чего уж, до самой малости: чай с сахаром, и то от нас туда идет.

Глафира Фирсовна. Все еще это не беда, стерпеть можно. Разные бабы-то бывают: которая любовнику вещами,— та еще, пожалуй, капитал и сбережет; а которая деньгами, ну, уж тут разоренье верное.

Михевна. Сахару больно жалко: много его у них выходит... Куда им пропасть этакая?

Глафира Фирсовна. Как же это у вас случилось, как ее угораздило такой хомут на шею надеть?

Михевна. Да все эта дача проклятая. Как жили мы тогда, вскоре после покойника, на даче — жили скромно, людей обегали, редко когда и на прогулку ходили, и то куда подальше... тут его и нанесло, как на грех. Куда не выдем из дому, все встретится да встретится. Да молодой, красивый, одет как картинка; лошади, коляски какие! А сердце-то ведь не камень... Ну, и стал присватываться, она непрочь; чего еще — жених хоть куда и богатый. Только положили так, чтоб отсрочить свадьбу до зимы: еще мужу год не вышел, еще траур носила. А он, между тем временем, каждый день ездит к нам, как жених, и подарки, и букеты возит. И так она в него вверилась, и так расположилась, что стала совсем как за мужа считать. Да и он без церемонии стал ее добром, как своим, распоряжаться. «Что твое, что мое,— говорит,— это все одно». А ей это за радость: «Значит,— говорит,— он мой, коли так поступает; теперь у нас,— говорит,— за малым дело стало, только повенчаться».

Глафира Фирсовна. Да, за малым! Ну, нет, не скажи! Что ж дальше-то? Траур кончился, зима пришла...

Михевна. Зима-то пришла, да и прошла, да вот и другая скоро придет.

Глафира Фирсовна. А он все еще в женихах числится?

Михевна. Все еще в женихах.

Глафира Фирсовна. Долгонько. Пора б порешить чем-нибудь, а то что людей-то срамить!

Михевна. Да чем, матушка! Как мы живем? Такая-то тишина, такая-то скромность, прямо надо сказать, как есть монастырь: мужского духу и в заводе нет. Ездит один Вадим Григорьич, что греха таить, да и тот больше в сумеречках. Даже которые его приятели, и тем к нам ходу нет. Есть у него один такой, Дергачев прозывается, тот раза два было сунулся...

Глафира Фирсовна. Не попотчуют ли, мол, чем?

Михевна. Ну, конечно, человек бедный, живет впроголодь,— думает и закусить, и винца выпить. Я так их и понимаю. Да я, матушка, пугнула его. Нам не жаль, да бережемся: мужчины чтоб ни-ни, ни под каким видом. Вот как мы живем. И все-то она молится да постится, бог с ней.

Глафира Фирсовна. Какая ж тому причина, с чего ей?..

Михевна. Чтоб женился. Уж это всегда так.

Глафира Фирсовна. А я так думаю, что не даст ей бог счастья. Родню забывает... Уж коли задумала она капитал размотать, так лучше бы с родными, чем с чужими. Взяла бы хоть меня; по крайности, и я бы пожила в удовольствие на старости лет...

Михевна. Это уж ее дело; а я знаю, что у ней к родным расположение есть.

Глафира Фирсовна. Незаметно что-то. Сама прочь от родных, так и от нас ничего хорошего не жди, особенно от меня. Женщина я не злая, а ноготок есть, удружить могу. Ну, вот и спасибо, только мне и нужно, все я от тебя вызнала. Что это, Михевна, как две бабы сойдутся, так они наболтают столько, что в большую книгу не упишешь, и наговорят того, что, может быть, и не надо?

Михевна. Наша слабость такая, женская. Разумеется, по надежде говоришь, что ничего из этого дурного не выдет. А кто же вас знает, в чужую душу не влезешь, может, вы с каким умыслом выспрашиваете. Да вот она и сама, а я уж по хозяйству пойду. *(Уходит.)*

Входит Юлия Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глафира Фирсовна, Юлия.

Юлия *(снимая платок)*. Ах, тетенька, какими судьбами? Вот обрадовали!

Глафира Фирсовна. Полно, полно уж будто и рада?

Юлия. Да еще бы! Конечно, рада.

Целуются.

Глафира Фирсовна. Бросила родню-то, да и знать не хочешь! Ну, я не спесива, сама пришла, уж рада ль, не рада ль, а не выгонишь, ведь тоже родная.

Юлия. Да что вы! Я родным всегда рада. только жизнь моя такая уединенная, никуда не выезжаю. Что делать-то, уж такая я от природы! А ко мне всегда милости просим.

Глафира Фирсовна. Что это ты, как мещанка, платком покрываешься? Точно сирота какая.

Юлия. Да и то сирота.

Глафира Фирсовна. С таким сиротством еще можно жить. Ох, сиротами-то зовут тех, кого пожалеть некому, а у богатых вдов печальники найдутся! Да я бы, на твоем месте, не то что в платочке, а в аршин бы шляпку-то соорудила, развалилась в коляске, да и покатывай! На, мол, смотри!

Юлия. Не удивишь нынче никого, что ни надень. Да и мне рядиться-то не к чему и не к месту было,— я к вечерне ходила.

Глафира Фирсовна. Да, уж тут попугаем-то вырядиться не для кого, особенно в будни. Да что ты долго? Вечерни-то давненько отошли.

Юлия. Да после вечерни-то свадьба была простенькая, так я осталась посмотреть.

Глафира Фирсовна. Чего это ты, милая, не видала? Свадьба как свадьба. Чай, обвели да и повезли, не редкость какая.

Юлия. Все-таки, тетенька, интересно на чужую радость посмотреть.

Глафира Фирсовна. Ну, посмотрела, позавидовала чужому счастью, и довольно! Аль ты свадьбы-то смотришь, как мы, грешные? Мы так глаза-то вытаращим, что не то что бриллианты, а все булавки-то пересчитаем. Да еще глазам-то не верим, так у всех провожатых и платья, и блонды перещупаем, настоящие ли?

Юлия. Нет, тетенька, я в народе не люблю: я издали смотрела; в другом приделе стояла. И какой случай! Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят, уставилась на жениха-то, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья так и полились. Жалко мне ее стало, подошла я к ней, чтоб разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу.

Глафира Фирсовна. Ты-то об чем, не слыхать ли?

Юлия. Заговорили мы: «Пойдемте,— говорю я,— дорогой потолкуем! Мы тут со слезами-то не лишние ли?» — «Вы-то, не знаю,— говорит,— а я лишняя». Посмотрела с минуточку на жениха, кивнула головой, прошептала: «прощай», и пошли мы со слезами.

Глафира Фирсовна. Дешевы слезы-то у вас.

Юлия. Уж очень тяжело это слово-то — «прощай». Вспомнила я мужа покойника; очень я плакала,

как он умер, а как пришлось сказать: «прощай», в последний раз, так ведь я было сама умерла. А каково сказать «прощай навек» живому человеку? Ведь это хуже, чем похоронить.

Глафира Фирсовна. Эка у вас печаль по этим заблужденным! Да бог с ней! Всякая должна знать, что только божье крепко.

Юлия. Так-то так, тетенька, да коли любишь человека, коль всю душу в него положила?

Глафира Фирсовна. И откуда это в вас такая горячая любовь проявляется?

Юлия. Что ж делать-то! Ведь уж это кому как дано. Конечно, кто любви не знает, тем легче жить на свете.

Глафира Фирсовна. Э, да что нам до чужих! Поговори о себе! Как твой-то сокол?

Юлия. Какой мой сокол?

Глафира Фирсовна. Ну, как его величать-то прикажешь? Жених там, что ли? Вадим Григорьич.

Юлия. Да как же?.. Да откуда ж вы?..

Глафира Фирсовна. Откуда узнала-то? Слухом земля полнится: хоть в трубы еще не трубят, а разговор идет.

Юлия *(конфузясь)*. Да теперь скоро, тетенька, свадьба у нас.

Глафира Фирсовна. Полно, так ли? Ненадежен он, говорят, да и мотоват очень.

Юлия. Уж каков есть, такого и люблю.

Глафира Фирсовна. Удерживать бы немножко.

Юлия. Как можно, что вы говорите! Ведь не жена еще, как я смею что-нибудь сказать? Вот бог благословит, тогда другое дело; а теперь я могу только лаской да угождением. Кажется, рада бы все отдать, только б не разлюбил.

Глафира Фирсовна. Что ты, стыдись! Молодая, красивая женщина, да на мужчину разоряться! Не старуха ведь.

Юлия. Да я и не разоряюсь и не думала разоряться: он сам богат. А все ж таки чем-нибудь привязать нужно. Живу я, тетенька, в глуши, веду жизнь скромную, следить за ним не могу: где он бывает, что делает... Иной раз дня три, четыре не едет, чего не передумаешь; рада бог знает что отдать, только бы увидать-то.

Глафира Фирсовна. Чем привязать, не знаешь? А ворожба-то на что! Чего другого, а этого добра в Москве не занимать стать. Такие снадобья знают, испробованные. Я дамы четыре знаю, которые этим мастерством занимаются. Вон Манефа говорит: «Я своим словом на краю света, в Америке, достану и там на человека тоску да сухоту нагоню. Давай двадцать пять рублей в руки, из Америки ворочу». Вот ты бы съездила.

Юлия. Нет, что вы, как это можно?

Глафира Фирсовна. Ничего. А то есть один отставной секретарь, горбатый: так он и ворожит, и на фортепьянах играет, и жестокие романсы поет,— так оно для влюбленных-то как чувствительно!

Юлия. Нет, ворожить я не стану.

Глафира Фирсовна. А ворожить не хочешь, так вот тебе еще средство: коли чуть долго не едет к тебе, сейчас его, раба божьего, в поминанье за упокой! Какую тоску-то нагонишь, мигом прилетит...

Юлия. Ничего этого не нужно.

Глафира Фирсовна. Греха боишься? Оно точно что грех.

Юлия. Да и нехорошо.

Глафира Фирсовна. Так вот тебе средство безгрешное: можно и за здравие, только свечку вверх ногами поставить: с другого конца зажечь. Как действует!

Юлия. Нет, уж вы оставьте! Зачем же!

Глафира Фирсовна. А лучше-то всего, вот наш тебе совет: брось-ка ты его сама, пока он тебя не бросил.

Юлия. Ах, как можно, что вы! Всю жизнь-то положивши... да я жива не останусь.

Глафира Фирсовна. Потому как нам, родственным людям, сраму от тебя переносить не хочется. Послушай-ка, что все родные и знакомые говорят!

Юлия. Да что им до меня! Я никого не трогаю, я совершеннолетняя.

Глафира Фирсовна. А то, что нигде показаться нельзя, везде спросы да насмешки: «Что ваша Юлинька? Как ваша Юлинька?» Вон посмотри, как Флор Федулыч расстроен через тебя.

Юлия. И Флор Федулыч?

Глафира Фирсовна. Я его недавно видела, он сам хотел быть у тебя сегодня.

Юлия. Ай, стыд какой! Зачем это он? Такой почтенный старик.

Глафира Фирсовна. Сама себя довела.

Юлия. Я его не приму. Как я стану с ним разговаривать! Со стыда сгоришь.

Глафира Фирсовна. Да ты не очень бойся-то. Он хоть строг, а до вас, молодых баб, довольно-таки снисходителен. Человек одинокий, детей нет, денег двенадцать миллионов.

Юлия. Что это, тетенька, уж больно много.

Глафира Фирсовна. Я так, на счастье говорю, не пугайся: мои миллионы маленькие. А только много, очень много, страсть сколько денжищев! Чужая душа — потемки: кто знает, кому он деньги-то оставит. Вот все родные-то перед ним и раболепствуют. И тебе тоже его огорчать-то бы не надо.

Юлия. Какая я ему родня! Седьмая вода на киселе, да и то по муже.

Глафира Фирсовна. Захочешь, так родней родни будешь.

Юлия. Я этого не понимаю, тетенька, и не желаю понимать.

Глафира Фирсовна. Очень просто: исполняй всякое желание его, всякий каприз, так он еще при жизни тебя озолотит.

Юлия. Надо знать, какие у него капризы-то! Другие капризы и за ваши двенадцать миллионов исполнять не согласишься

Глафира Фирсовна. Капризные старики кому милы, конечно. Да старик-то он у нас чудной: сам стар, а капризы у него молодые. А ты разве забыла, что он твоему мужу был первый друг и благодетель? Твой муж перед смертью приказывал ему, чтоб он тебя не забывал, чтоб помогал тебе и советом, и делом, и был тебе вместо отца.

Юлия. Так не я забыла-то, а он. После смерти мужа я его только один раз и видела.

Глафира Фирсовна. Можно ль с него требовать? Мало ль у него делов-то без тебя! У него все это время мысли были заняты другим. Сирота у него была на попечении, красавица, получше тебя гораздо; а вот теперь он отдал ее замуж, мысли-то у него и освободились, и об тебе вспомнил, и до тебя очередь дошла.

Юлия. Очень я благодарна Флору Федулычу, только я никаких себе попечителей не желаю, и напрасно он себя беспокоит.

Глафира Фирсовна. Не отталкивай родню, не отталкивай! Проживешься до нитки, куда денешься? К нам же прибежишь.

Юлия. Ни к кому я не пойду, гордость моя не позволит, да мне и незачем. Что вы мне бедность пророчите! Я не маленькая, и сама собой и своими деньгами я распорядиться сумею.

Глафира Фирсовна. А я другие разговоры слышала.

Юлия. Нечего про меня слышать. Конечно, от сплетен не убережешься, про всех говорят, особенно прислуга; так хорошему человеку, солидному, стыдно таким вздором заниматься.

Глафира Фирсовна. Вот так! Сказала, как отрезала. Так и знать будем.

Входит Михевна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Юлия, Глафира Фирсовна и Михевна.

Михевна. Чай готов, не прикажете ли?

Глафира Фирсовна. Нет, чай — бог с ним! Вот чудо-то со мной, вот послушай! Как вот этот час настанет, и начинает меня на съестное позывать. И с чего это сталось?

Юлия. Так можно подать.

Глафира Фирсовна. Зачем подавать! У тебя ведь, я чай, есть такой шкапчик, где все это соблюдается — и пропустить можно маленькую, и закусить! Я не спесива: мне огурец — так огурец, пирог — так пирог.

Юлия. Есть, тетенька, как не быть!

Глафира Фирсовна. Вот мы к нему и пристроимся. Перекушу я малым делом, да уж и пора мне. Засиделась я у тебя, а мне еще через всю Москву шествовать.

Юлия. Неужели такую даль пешком? Тетенька, если вы не обидитесь, я бы предложила вам на извощика. *(Вынимает рублевую бумажку.)* А то лошадь заложить?

Глафира Фирсовна. Не обижусь. От другого обижусь, а от тебя нет, не обижусь, от тебя возьму. *(Берет бумажку.)* Когда тут лошадь закладывать!

Юлия и Глафира Фирсовна уходят в дверь направо, Михевна идет за ними. Звонок.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Михевна, потом Дергачев.

Михевна. Ну, уж это Вадим Григорьич, по звонку слышу. *(Идет к двери, навстречу ей Дергачев.)* Ох, чтоб тебя!

Дергачев *(важно)*. Я желаю видеть Юлию Павловну.

Михевна. Ну, да мало ль чего вы желаете. К нам, батюшка, в дом мужчины не ходят. И кто это вас пустил? Сколько раз говорила девкам, чтоб не пускали.

Дергачев *(пожимая плечами)*. Вот нравы!

Михевна. Ну да, нравы! Пускать вас, так вы повадитесь.

Дергачев. Я не за тем пришел, чтоб твои глупости слушать. Доложи, милая, Юлии Павловне.

Михевна. Да, милый, нельзя.

Дергачев. Что за вздор! Мне нужно видеть Юлию Павловну.

Михевна. Ну, да ведь не особенная какая надобность!

Дергачев. У меня есть письмо к ней.

Михевна. А письмо, так давай его и ступай с богом.

Дергачев. Я должен отдать в собственные руки.

Михевна. И у меня свои собственные руки, не чужие. Чего боишься? Не съем его!

Входит Юлия Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дергачев, Михевна, Юлия Павловна.

Юлия. Что у вас тут за разговор? А, Лука Герасимыч, здравствуйте!

Дергачев. Честь имею кланяться. Письмо вот от Вадима. *(Подает письмо.)*

Юлия. Покорно вас благодарю. Ответа не нужно?

Дергачев. Ответа не нужно-с; он сам заедет.

Юлия. Что, здоров он?
Дергачев. Слава богу-с.
Михевна. Не держи ты его, отпусти поскорее, что хорошего?
Дергачев. Могу я его здесь подождать-с?
Юлия. Лука Герасимыч, извините! Я жду одного родственника, старика, понимаете?
Михевна. Да, Герасимыч, ступай, ступай!
Дергачев. Герасимыч! Какое невежество!
Михевна. Не взыщи!
Юлия. Не сердитесь на нее, она женщина простая. До свидания, Лука Герасимыч!
Дергачев. До свидания, Юлия Павловна! Как ни велика моя дружба к Вадиму, но уж подобных поручений я от него принимать не буду, извините-с! Я сам ему предложил-с, я думал провести время...
Михевна. Ну, что еще за разговоры развел?
Юлия. Что делать, у нас это не принято. *(Кланяется.)*
Михевна *(Юлии)*. Глафира Фирсовна ушла?
Юлия. Ушла.
Михевна *(Дергачеву)*. Пойдем, пойдем, я провожу.

Дергачев раскланивается и уходит, Михевна за ним.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Юлия, потом Михевна.

Юлия *(раскрывает письмо и читает)*. «Милая Юлия, я сегодня буду у тебя непременно, хоть поздно, а все-таки заеду». Вот это мило с его стороны. *(Читает.)* «Не сердись, моя голубка...». *(Повторяет.)* «Моя голубка». Как хорошо пишет. Как на такого голубя сердиться! *(Читает.)* «Я все эти дни не имел минуты свободной: все дела и дела и, надо признаться, не очень удачные. Я все более и более убеждаюсь, что мне без твоей любви жить нельзя. И хотя я подвергаю ее довольно тяжким испытаниям и сегодня же потребую от тебя некоторой жертвы, но ты сама меня избаловала, и я уверен заранее, что ты простишь все твоему безумному и безумно любящему тебя Вадиму».

Входит Михевна.

Михевна. Кто-то подъехал, никак Флор Федулыч?

Юлия *(прячет письмо в карман)*. Так ты поди сядь в передней, да посматривай хорошенько! Если приедет Вадим Григорьич, проводи его кругом да попроси подождать в угольной комнате. Скажи, мол, дяденька у них.

Михевна уходит. Входит Флор Федулыч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Юлия, Флор Федулыч.

Флор Федулыч *(кланяясь и подавая руку)*. Честь имею... Прошу извинить!

Юлия. Забыли, Флор Федулыч, забыли. Прошу садиться.

Флор Федулыч. Да-с, давненько. *(Садится.)*

Юлия *(садясь)*. Я ведь никуда, Флор Федулыч, я все дома — а ежели ко мне кто, я очень рада.

Флор Федулыч. Здоровьице ваше?

Юлия. Да ничего, я — слава богу...

Флор Федулыч. Дюшесы нынче не дороги-с...

Юлия. Что вы так смотрите на меня, Флор Федулыч? Переменилась я?

Флор Федулыч. К лучшему-с.

Юлия. Ну, что вы, не может быть!

Флор Федулыч. Позвольте, позвольте-с! В этом мы не ошибаемся, на том стоим: очаровательность женскую понимаем. *(Осматривая комнату.)* Домик-то так после смерти супруга и не отделывали?

Юлия. Кто у меня бывает, кто его видит! Зачем же лишний расход?

Флор Федулыч. Что касается приличия, то никогда не лишнее, а даже необходимое-с. А дом этот точно отделывать не стоит. Он почти за чертой города, доходу не приносит, состоит при фабрике, которая давно нарушена, ну, и значит, вам надо это имение продать.

Юлия. А где же мне жить, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Зачем же вам жить в захолустье и скрывать себя? Вы должны жить на виду и дозволить нам любоваться на вас. Патти не приедет-с.

Юлия. Очень жаль, так я ее и не услышу.

Флор Федулыч. Не услышите-с. Да ведь у вас есть другой дом, в городе-с. Отделать там небольшую

квартиру, комнат шесть-семь хороших: две-три гостиные-с, будуар. Мебель а ля Помпадур-с.

Юлия. Сколько хлопот, да и не привычна я к такой жизни.

Флор Федулыч. Хлопоты-с эти не ваше дело-с, это я беру на себя; вам только и труда будет переехать-с. А если вы не привычны к такой жизни, так мы вас постепенно приучим.

Юлия. Покорно вас благодарю.

Флор Федулыч. А лошадок держите?

Юлия. Пару продала, а то всё те же, старые.

Флор Федулыч. Пора переменить-с; да это дело минутное, не стоит и говорить-с. Экипажи тоже надо новенькие, нынче другой вкус. Нынче полегче делают и для лошадей, и для кармана; как за коляску рублей тысячу с лишком отдашь, так в кармане гораздо легче сделается. Хоть и грех такие деньги за экипаж платить, а нельзя-с, платим,— наша служба такая. Я к вам на днях каретника пришлю, можно будет старые обменить с придачей...

Юлия. Все это напрасно, Флор Федулыч, мне ничего не нужно.

Флор Федулыч. Не то что напрасно, а обойтись нельзя без этого. Уж если у нас бабы, пудов в семь весом, в таких экипажах разъезжают, так уж вам-то, при вашей красоте, в забвении-с быть невозможно-с. Абонемент на настоящий сезон не имеете?

Юлия. Нет, я еще об этом не подумала.

Флор Федулыч. Что прикажете: кресло, бельэтаж-с?

Юлия. Не беспокойтесь, если вздумаю, так еще успею достать.

Флор Федулыч. Теперь позвольте объяснить, в чем состоит цель моего визита.

Юлия. Сделайте одолжение.

Флор Федулыч. Денег приехал занять у вас, Юлия Павловна.

Юлия. Денег? Да на что вам? У вас своих девать некуда.

Флор Федулыч. Мы найдем место, употребим с пользой. Я вам хорошие проценты дам.

Юлия. А много ли же вам нужно?

Флор Федулыч. Да все пожалуйте, все, что у вас есть.

Юлия. А у меня-то что ж останется?

Флор Федулыч. Да вам и не след иметь деньги, это не женское дело-с. Женское дело — проживать, тратить; а сберегать капиталы, в настоящее время, и для мужчины довольно хитро, а для женщины невозможно-с.

Юлия. Вы так думаете, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Не думаю, а наверно знаю. У женщины деньги удержаться не могут, их сейчас отберут. До прочих нам дела нет; а вас мы беречь должны. Коли мы за вашими деньгами не усмотрим, нам будет грех и стыдно. Ведь если вас оберут, мы заплачем. А вы мне пожалуйте ваши деньги и все бумаги, я вам сохранную расписку дам и буду вашим кассиром. Капитал ваш останется неприкосновенным, а сколько вам потребуется на проживание, сколько бы ни потребовалось, вы всегда можете получить от меня.

Юлия. Но я могу прожить более того, сколько мне следует процентов.

Флор Федулыч. Это не ваши расчеты; и барыш мой, и убыток мой, на то мы и купцы. Ваше дело — жить в удовольствии, а наше дело — вас беречь и лелеять.

Юлия. Даром я ничьих услуг принимать не желаю: чем же я заплачу вам за ваши заботы?

Флор Федулыч. Разве дети платят что-нибудь своим родителям?

Юлия. Платят, Флор Федулыч, и очень дорого: платят любовью.

Флор Федулыч. Так ведь и мне, кроме этого, ничего не нужно-с.

Юлия. Я вам очень благодарна за вашу доброту; но принять вашего предложения решительно не могу.

Флор Федулыч. Почему же-с?

Юлия. Я выхожу замуж.

Флор Федулыч. Это дело другого роду-с. Позвольте полюбопытствовать! Имя, отчество и звание вашего будущего супруга?

Юлия. Я теперь не могу сказать: еще дело не решено.

Флор Федулыч. Хоть и не решено, но зачем же скрывать-с? Тут дурного ничего нет-с. Я могу быть вам полезен, могу лучше вас разузнать о человеке и вовремя предупредить, если дело не подходящее. Не шутка-с, счастие и несчастие всей жизни зависит.

Юлия. Нет, Флор Федулыч, в таком деле я на людей полагаться не хочу, я сама желаю устроить свою жизнь.

Флор Федулыч *(встает)*. Как вам будет угодно-с. Значит, мои услуги вам не нужны-с?

Юлия. Очень жалею, Флор Федулыч, что не могу принять их.

Флор Федулыч. Значит, вы всем довольны и счастливы? Это очень приятно видеть-с. Ну, хоть какой-нибудь нужды, хоть какой-нибудь надобности нет ли у вас? Доставьте мне удовольствие исполнить вашу просьбу!

Юлия. Мне решительно ничего не нужно.

Флор Федулыч. И дай бог, и дай бог, чтоб всегда так было-с. А ежели, чего сохрани бог...

Юлия. Какая б у меня ни была нужда, я к родным не пойду за милостыней.

Флор Федулыч. Не о милостыне речь-с...

Юлия. Ничего у родных и знакомых, Флор Федулыч, ничего, это мое правило.

Флор Федулыч. Но, во всяком случае, прошу не забывать-с! Милости прошу откушать как-нибудь. Я всякий день дома-с; от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с.

Юлия. Благодарю вас. Постараюсь, Флор Федулыч.

Флор Федулыч. Честь имею кланяться. *(Идет к двери.)* Росси изволили видеть?

Юлия. Нет, я ведь совершенно никуда.

Флор Федулыч. Хороший актер-с. Оно довольно для нас непонятно, а интересно посмотреть-с. До свидания-с. *(Уходит.)*

Из боковой двери выходит Дульчин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Юлия, Дульчин.

Юлия *(бросаясь к Дульчину)*. Ах, милый, ты уж здесь?

Дульчин. Здравствуй, Юлия, здравствуй!

Юлия *(вглядываясь)*. Ты чем-то расстроен?

Дульчин. Отвратительное положение.

Юлия. Что такое? Говори скорей!

Дульчин. Ох, уж мне совестно и говорить-то тебе.

Юлия. Да что, скажи, не мучь меня!

Дульчин. Денег нужно.
Юлия. Много?
Дульчин. Много.
Юлия. Ах, милый мой, да давно ли...
Дульчин *(хватаясь за голову)*. А, черт возьми! Уж я не знаю, давно ли,— теперь нужно, платить по векселю нужно,— завтра срок.
Юлия. Что же ты прежде не подумал, отчего не предупредил меня?
Дульчин. Совсем из головы вон. Да я надеялся, что он отсрочит, он столько пользовался от меня. А вчера вдруг, ни с того ни с сего: «Нет,— говорит,— тебе больше кредиту, плати».
Юлия. Да кто он-то?
Дульчин. Салай Салтаныч. А кто он такой, кто ж его знает. Обалдуй-Оглы Тараканов... турецкий жид, армянский грек, туркмен, бухарец... Восточный человек, разве в них жалость есть, он зарежет равнодушно.
Юлия. Как же быть-то?
Дульчин. Как быть? Надо платить.
Юлия. Где же взять-то?
Дульчин. Где-нибудь надо. Мне не дадут, конечно, и толковать нечего.
Юлия. Отчего же, мой друг?
Дульчин. В Москве и всегда было мало кредиту, потому он и дорог; а теперь и совсем нет. Капиталисты — какие-то скептики. Далеко еще нам до Европы; разве у нас понимают, что кредит — великий двигатель? Ну, что мы, крупные землевладельцы, без кредиту,— все равно, что без рук. Подумай хорошенько, Юлия, поищи, попроси у кого-нибудь!
Юлия. Где же мне искать, у кого просить? Решительно не у кого.
Дульчин. Ах, отчаяние! Вот урок, вот урок! Ведь меня арестуют!
Юлия *(испугавшись)*. Как арестуют?
Дульчин. Так; посадят в знаменитую московскую яму. Ведь это конец всякой репутации, всякого кредита.
Юлия. Ах, мой милый, так надо искать денег, непременно надо.
Дульчин. «Надо, надо!» Разумеется, надо. А как найдешь? *(Махнув рукой.)* Э, да что тут! Лучше не искать.

Юлия. Что же? Как же?
Дульчин. Так. Сесть в яму попробовать.
Юлия. Ах, срам! Что ты, что ты?
Дульчин. Может быть, это образумит меня несколько, исправит. Ведь ты все-таки меня будешь любить, не разлюбишь за это?
Юлия. Какие глупости!
Дульчин. Одного только боюсь: потеряешь уважение к себе, потеряешь самолюбие. А без самолюбия легко сделаться грязным трактирным героем или шутом у богатых людей. Нет, уж лучше пулю в лоб.
Юлия. Ах, перестань! Какие страшные вещи ты говоришь.
Дульчин. Нисколько не страшно. А коли, на твой взгляд, это уж очень страшно кажется, так ищи денег.
Юлия. Погоди, дай подумать. Вот сейчас у меня был богатый человек; он обещал и предлагал мне все, что я пожелаю.
Дульчин. Вот и прекрасно! Что же ты ему сказала?
Юлия. Я ему сказала, что ни в чем не нуждаюсь, что у меня свой капитал; да если б и нуждалась, так от него ничего и никогда не приму.
Дульчин. Зачем же это, Юлия, зачем? Это просто возмутительно! Эх вы, женщины! Человек набивается с деньгами, а ты его гонишь прочь. Такие люди нужны в жизни, очень нужны, пойми ты это!
Юлия. Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание.
Дульчин. Да... вот что... Ну, конечно... а впрочем...
Юлия. Как «впрочем»? Ты с ума сошел?
Дульчин. Нет, я не то... Все-таки с ним нужно поласковее. А так, по знакомству, он не даст тебе? Взаймы не даст?
Юлия. Не знаю, едва ли. Но как просить у него? Сказать ему, что я солгала, что у меня капиталу уж нет? Так ведь надо объяснить, куда он делся. Придется выслушать разные упреки и сожаления, а может быть, и неучтивый, презрительный отказ. Сколько стыда, унижения перенесешь. Ведь это пытка!
Дульчин *(целуя руки Юлии)*. Юлия, голубушка, попроси, спаси меня!

Юлия. Надо спасать, нечего делать. Тяжело будет и стыдно, ох, как стыдно.

Дульчин. Это уж последняя твоя жертва, клянусь тебе!

Юлия *(задумавшись)*. Я думаю, что выпрошу. У женщин есть средство хорошее: слезы. Да коли они от души, так должны подействовать.

Дульчин. Нет, зачем, нет, зачем! Юлинька, ангел мой, он тебе и так не откажет. Ты пококетничай с ним, я позволяю.

Юлия. Ты позволяешь, да я-то себе не позволю. *(Со слезами.)* А лгу, ведь, может быть, и позволю. Что не сделает женщина для любимого человека? *(Подумав.)* Много ли тебе нужно?

Дульчин. Я должен около пяти тысяч, а ты проси уж больше, проси шесть. Нужно заплатить за квартиру.

Юлия. За квартиру заплачено.

Дульчин. Я и не знал. Надо расчесться с извозчиком за коляску за два месяца.

Юлия. Я заплатила.

Дульчин. Ах, какая я дрянь! Зачем ты платишь за меня, зачем?

Юлия. Э, мой друг, я не жалею денег, был бы только ты счастлив.

Дульчин. Да ведь я жгу деньги, просто жгу, бросаю их без толку, без смыслу.

Юлия. И жги, коли это доставляет тебе удовольствие.

Дульчин. В том-то и дело, что не доставляет никакого, а, напротив, остается после только одно раскаяние, отчаянное, каторжное, которое грызет мне душу. Одно еще только утешает, спасает меня...

Юлия. Что, скажи?

Дульчин. То, что я могу еще исправиться, потому что я не злой, не совсем испорченный человек. Другие губят и свое, и чужое состояние хладнокровно, а я сокрушаюсь, на меня нападают минуты страшной тоски. А как бы мы могли жить с тобой, если б не мое безумие, если б не моя преступная распущенность!

Юлия. Мы и теперь можем жить хорошо. Нет чистых денег, так у меня еще два дома, заложенных, правда, да ведь они чего-нибудь стоят; у тебя большое имение. Ты займешься хозяйством, будешь служить, я буду экономничать.

Д у л ь ч и н. Да, Юлинька, пора мне переменить жизнь. Это я могу, я себя пробовал, стоит только отказаться от излишней роскоши. Я могу работать: я учился всему, я на все способен. Меня только баловать не нужно, баловать не нужно, Юлия... Уж это будет твоя последняя жертва для меня, последняя.

Ю л и я. Я на всякие жертвы готова для тебя, мой милый, только я должна признаться, мое положение становится очень тяжело для меня. Мои родные и знакомые откуда-то проведали о тебе и начинают меня мучить своим участием и советами.

Д у л ь ч и н. Что твои родные! Стоит обращать на них внимание. Их успокоить легко. Только бы мне расплатиться с этим долгом, я переменяю жизнь, и кончено. А то, поверишь ли, у меня руки и ноги трясутся: я так боюсь позора.

Ю л и я. Да расплатимся, расплатимся, не беспокойся!

Д у л ь ч и н. Верно, Юлия?

Ю л и я. Верно, мой милый, верно: чего бы мне ни стоило, я через час достану тебе денег.

Д у л ь ч и н. Только ты помни, что это твоя последняя жертва. Теперь для меня настанет трудовая жизнь; труд, и труд постоянный, беспрерывный: я обязан примирить тебя с родными и знакомыми, обязан поправить твое состояние, это мой долг, моя святая обязанность. Успокой своих родных, пригласи их всех как-нибудь на днях, хоть в воскресенье. Я не только их не видывал, я даже по именам их не знаю, а надо же мне с ними познакомиться.

Ю л и я. Да, да, конечно, надо.

Д у л ь ч и н. Вот мы их и удивим: явимся с тобой перед ними и объявим, что мы жених и невеста, и пригласим их через неделю на свадьбу.

Ю л и я. Что же значат все мои жертвы! Ты мне даришь счастие, ты мне даришь жизнь. Какое блаженство! Я никогда в жизни не была так счастлива. Я не нахожу слов благодарить тебя, милый, милый мой!

Д у л ь ч и н. Юлия, ты мало себя ценишь; ты редкая женщина, я отдаю тебе только должное.

Ю л и я *(положив руки на плечи Дульчина)*. Нет, я тебя не стою. Ты моя радость, моя гордость! Нет и не будет женщины счастливее меня. *(Прилегает к нему на грудь.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ФЛОР ФЕДУЛЫЧ ПРИБЫТКОВ.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

ЛАВР МИРОНЫЧ ПРИБЫТКОВ
племянник Флора Федулыча, полный красивый брюнет, с внушительной физиономией, большие бакенбарды, тщательно расчесанные, одет богато и с претензиями. Держит себя прямо, важно закидывает голову назад, но с дядей очень почтителен.

ИРИНА ЛАВРОВНА
его дочь, девица 25 лет, с запоздалой и слишком смелой наивностью.

ЮЛИЯ ПАВЛОВНА.

ВАСИЛИЙ
лакей Прибыткова.

Богатая гостиная, изящно меблированная; на стенах картины в массивных рамах, тяжелые драпировки и портьеры. В глубине дверь в залу, налево — в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Флор Федулыч сидит в креслах с газетою в руках. Входит Василий, потом Глафира Фирсовна.

Василий. Когда прикажете кушать подавать?

Флор Федулыч. Еще рано, погоди, может быть, подъедет кто-нибудь.

Входит Глафира Фирсовна.

Видишь, вот и гости. Через четверть часа закуску, через десять минут после закуски — обед.

Василий. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Глафира Фирсовна. Здравствуйте, Флор Федулыч, вовремя ль я пришла-то?

Флор Федулыч. Момент самый благоприятный,— к обеду-с.

Глафира Фирсовна. Я уж и позавтракала, и обедала раза два, и полдничала.

Флор Федулыч. Это ничего-с. У нас простые люди говорят: палка на палку нехорошо, а обед на обед нужды нет.

Глафира Фирсовна. Да я и не откажусь лишний

раз пообедать; беда не большая, стерпеть можно. Совсем не обедать нездорово, а по два да по три раза хоть бы каждый день бог дал.

Флор Федулыч. Покорнейше прошу садиться.

Глафира Фирсовна. Присяду, присяду, окружила-таки я нынче Москву-то.

Флор Федулыч. Я сам только сейчас вернулся.

Глафира Фирсовна. Видела я, батюшка, вас, видела, я только от Юлии Павловны, а вы к ней.

Флор Федулыч. Да-с, сегодня я ей визит сделал.

Глафира Фирсовна. И поговорили-таки с ней?

Флор Федулыч. Говорил-с; но разговор наш был без результата.

Глафира Фирсовна. А я-таки допыталась кой до чего, тайности ее выведала.

Флор Федулыч. Надеюсь, что вы от меня ваших сведений не скроете?

Глафира Фирсовна. Батюшка, да что мне скрывать-то, с какой стати! Вот еще, была оказия! Что я ей, мать, что ли? Все дочиста выложу, как есть. С чего начинать-то?

Флор Федулыч. С чего угодно-с.

Глафира Фирсовна. Так вот-с, приятель у ней есть и очень близкий.

Флор Федулыч. Так и ожидать надо было.

Глафира Фирсовна. Дульчин он, Вадим Григорьич.

Флор Федулыч. Дульчин-с? Я его знаю-с, в клубе встречаюсь; с виду барин хороший.

Глафира Фирсовна. И я его знаю, года три назад он в одном знакомом доме сватался, так я у него даже на квартире бывала. А теперь захотела узнать покороче; есть у меня одна дама знакомая, она сваха, так у нее все эти женихи на счету. Я с ней в ссоре немножко, семь лет не кланяемся, да уж так и быть, покорилась,— сейчас была у нее. Вот вести какие: жених хороший, живет богато, шику много, на большого барина хватит. «Только,— говорит,— если с этим женихом в хороший, степенный дом сунешься, так, пожалуй, прическу попортят; за это,— говорит,— ручаться нельзя, на какого отца попадешь. Другой разговаривать не любит, а прямо за шиньон».

Флор Федулыч. Аттестат не очень одобрительный-с.

Глафира Фирсовна. «Надо,— говорит,— узнать, на какие он деньги живет, на свои или на чужие, и что

у него есть; а это,— говорит,— я вам скорехонько узнаю».

Флор Федулыч. Значит, надо подождать-с.

Глафира Фирсовна. Чего ждать-то? Пока он ее ограбит совсем? А жениться-то он и не думает, чай; так водит изо дня в день, пока у нее деньги есть.

Флор Федулыч. Что же мы можем предпринять?

Глафира Фирсовна. Вы не мешайте только мне, а уж я похлопочу; разобью я эту парочку.

Флор Федулыч. В таком случае большую благодарность получите.

Глафира Фирсовна. Да разве я из благодарности? Жалеючи ее делается. Конечно, я — человек бедный; вот, бог даст, зима настанет, в люди показаться не в чем.

Флор Федулыч. Шуба за мной-с, хорошая шуба.

Глафира Фирсовна. Ну, уж куда мне хорошую! Хоть бы какую-нибудь, только, отец родной, чтоб бархатом крыта, хоть не самым настоящим. Как его, манчестер, что ли, называется. Чтоб хоть издали-то на бархат похоже было.

Флор Федулыч. Для вашего удовольствия все будет исполнено.

Глафира Фирсовна. Что это, я смотрю на вас, вы как будто не в духе?

Флор Федулыч. Неприятности есть-с, от племянников.

Глафира Фирсовна. От кого же и ждать неприятности, как не от своих. Который же вас огорчает?

Флор Федулыч. Да все-с. Мотают, пьянствуют, только фамилию срамят. Жена умерла, детей не нажил; как подумаешь, кому состояние достанется, вот и горько станет.

Глафира Фирсовна. Женились бы, Флор Федулыч.

Флор Федулыч. Поздно, людей совестно-с.

Глафира Фирсовна. Что за совесть! Были бы свои наследники.

Флор Федулыч. Это дело такое, что разговор о нем я считаю лишним.

Глафира Фирсовна. Как угодно, батюшка Флор Федулыч, к слову пришлось. Ну, а Лавр Мироныч как поживает?

Флор Федулыч. Лавр Мироныч больше других беспокоит, потому жизнь неосновательную ведет.

Глафира Фирсовна. Ему-то бы грешно: он всем

вам обязан; сколько раз вы его из ямы-то выкупали.

Флор Федулыч. На яму он мало обращает внимания-с. Пристроишь его к должности, он человек способный-с, живет год, другой хорошо и вдруг в одну минуту задолжает; когда успеет, только дивишься. И ничего его долги не беспокоят, платить он их и в помышлении не имеет. Хоть бы глазом моргнул-с. Наберет где-то с полсотни переводных французских романов и отправляется в яму равнодушно, точно в гости куда. Примется читать свои романы, читает их дни и ночи, хоть десять лет просидит — ему все равно. Ну, и выкупаешь из жалости. А выкупишь, сейчас расчешет бакенбарды, наденет шляпу набок и пошел щеголять по Москве, как ни в чем не бывало.

Глафира Фирсовна. Уж какой из себя видный, точно иностранец.

Флор Федулыч. Настоящий милорд-с! Ему бы только с графом Биконсфильдом разговаривать-с. Отличные места занимал-с, поведет дело — любо дорого смотреть, за полгода верно можно ручаться, а там заведет рысаков с пристяжными,— году не пройдет, глядишь — и в яму с романами-с. И сейчас имеет место приличное — около десяти тысяч жалованья; кажется, чего ж еще, можно концы с концами сводить.

Глафира Фирсовна. Разве нуждается, денег просит?

Флор Федулыч. Это бы ничего-с. Широко зажил; слух идет, что деньги бросает. Значит, какие-нибудь источники находит: либо должает, либо... уж кто его знает. Дело не красивое-с.

Глафира Фирсовна. По надежде на вас действует. Дочку его, внучку свою, вы облагодетельствовали, ну, думает, и отцу что-нибудь перепадет.

Флор Федулыч. Да чем же я ее облагодетельствовал-с?

Глафира Фирсовна. Еще бы! Триста тысяч за ней денег даете.

Флор Федулыч. И все это его сочинение-с.

Глафира Фирсовна. Что-нибудь-то дадите, ну, а прилгнул, так ему простительно: всякому отцу хочется свое детище устроить.

Флор Федулыч. Да все-таки чужими-то деньгами распоряжаться не спросясь не следует.

Глафира Фирсовна. Уж по всей Москве гремит ваша внучка. Кто говорит, дедушка даст за ней двести тысяч, кто триста, а кто миллион. Миллион уж лучше, круглее.

Флор Федулыч. Вот изволите видеть, я-то последний про свое благодеяние узнал-с.

Глафира Фирсовна. Ну, да ведь не все и верят.

Флор Федулыч. Все-таки, значит, есть люди, которые обмануты-с.

Входит Лавр Мироныч под руку с Ириной.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч и Ирина.

Лавр Мироныч *(почтительно кланяясь)*. Честь имею кланяться, дяденька! Мое почтение, Глафира Фирсовна! *(Кивает головой и садится.)*

Ирина страстно целует Флора Федулыча, приседает Глафире Фирсовне, садится в кресло и погружается в глубокую задумчивость.

Флор Федулыч. Откуда вы теперь, Лавр Мироныч?

Лавр Мироныч. Из городу домой заехал, пробежал газеты, захватил Ирень и к вам. Биржевую хронику изволили смотреть-с?

Флор Федулыч. Все то же, перемены нет-с.

Лавр Мироныч. Немножко потверже стало. Из политических новостей только одна: здоровье папы внушает опасения.

Глафира Фирсовна. Кому же это? Уж не тебе ли?

Лавр Мироныч. В Европе живем, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Да бог с ним, нам-то что за дело! Жив ли он, нет ли, авось за Москвой-то рекой ничего особенного от того не случится.

Лавр Мироныч. У нас дела не за одной Москвой-рекой, а и за Рейном, и за Темзой.

Флор Федулыч *(Ирине)*. В унынии находитесь, Ирина Лавровна?

Глафира Фирсовна. Да уж и я тоже смотрю.

Ирина. Ах!.. я — несчастная... я — самая несчастная... если есть на свете несчастная девушка, так это я.

Глафира Фирсовна. Что так это уж очень?

Лавр Мироныч. Моя бедная Ирень влюблена.

Флор Федулыч. Я полагаю, что это больше от чтения происходит.

Лавр Мироныч. Да, дяденька, мы с ней постоянно следим за европейской литературой; все, решительно все, сколько их есть, переводные романы выписываем.

Ирина. Только одно это утешение для меня в жизни и есть. Еще папа меньше меня читает, он делом занят, а я просто погружаюсь, погружаюсь...

Лавр Мироныч. Прежние романы лучше были; нынче уж не так интересно пишут. Вот я теперь четвертый раз Монте-Кристо читаю; как все это верно, как похоже!..

Флор Федулыч. Что там похожего-с? Я считаю так, что это только одна игра воображения.

Лавр Мироныч. Да на меня, дяденька, похоже, точно с меня писано.

Ирина. Нет, папа, на вас это еще не так похоже.

Лавр Мироныч. Это потому тебе кажется, что у меня денег нет; а чувства и поступки все мои, и если б мне досталось такое состояние...

Ирина. Нет, уж кто похож на Монте-Кристо, кто похож... так это... это один человек.

Глафира Фирсовна. Не в него ли ты и влюблена-то?

Ирина. Ах, да разве есть средства, есть какая-нибудь возможность для девушки не полюбить его? Это выше сил. Разве уж которая лед совершенный.

Глафира Фирсовна *(всплеснув руками)*. Ах, батюшки! Вот так победитель! Откуда такой проявился?

Флор Федулыч. Нам бы, кажется, Ирина Лавровна, про всякие такие диковинки знать надо; а мы что-то не слыхали.

Ирина. Он, дедушка, не торговый человек.

Лавр Мироныч. В своем роде, дяденька, это феномен-с.

Глафира Фирсовна. Что такой за финомен? Я про таких людей сроду не слыхивала.

Лавр Мироныч. Это значит, Глафира Фирсовна, необыкновенное явление природы.

Глафира Фирсовна. Что же в нем необыкновенного?

Ирина. Все, все необыкновенное! Красавец собой, умен, ловок, как одет, как деньги проигрывает! Он совсем их не жалеет, бросает тысячу, две на стол, а сам шутит. Сядет ужинать, кругом него толпа, и он за

всех платит; людям меньше пяти рублей на водку не дает.

Флор Федулыч. Таких-то феноменов мы достаточно видали.

Ирина. Ах, дедушка, надо его знать, чтоб понять все это очарование, а на словах не расскажешь.

Флор Федулыч. А где же вы его узнали-с?

Ирина. В саду, в клубе, там семейные вечера бывают. Я с ним очень хорошо знакома.

Флор Федулыч. Вот как-с! Интересно узнать этот феномен-с.

Лавр Мироныч. Какая цель скрывать тебе, Ирень? Чего тебе бояться? Соперниц у тебя нет; он только на тебя одну и обращает внимание.

Ирина. И как богат! Какие имения, и всё в самых лучших губерниях.

Глафира Фирсовна. Что ж ты на красоту свою, что ли, очень надеешься, что такого жениха подцепить задумала?

Ирина. У всякого свой вкус: для вас ведь одна красота существует, чтоб женщина была толста да румяна; а мужчины, особенно образованные, в этом деле гораздо больше и лучше вас понимают. По-вашему, мадам Пивокурова — вот это красавица.

Глафира Фирсовна. У ней красота-то в кармане да в сундуках; эту красоту образованные мужчины тоже хорошо понимают. Смотри, как бы она у тебя жениха-то не отбила.

Ирина. Невозможно. При таком его богатстве ему ничего не надо, ему надо только любящее сердце. А деньги он за ничто считает, он даже презирает их.

Лавр Мироныч. Ну, нет, Ирень, не скажи! *(Флору Федулычу.)* Дяденька, прошел слух, что, в случае выхода в замужество Ирень, вы ее не оставите своей милостью; суммы не назначают, говорят различно,— так я слышал стороной, что он этим интересуется. Уж я, дяденька, не знаю, откуда этот слух.

Флор Федулыч. А я знаю, Лавр Мироныч.

Глафира Фирсовна. Да погодите, мы этот слух после разберем. *(Делает знак Флору Федулычу, чтоб он молчал.)* Коли что Флор Федулыч обещал, так он от своих слов не отопрется; я его характер знаю, портить дела вашего он не станет. Ты мне скажи, кто у вас этот богач-то?

Ирина. Ах, как вы этого не знаете, странно! Ведь он один в Москве-то, больше нету; Вадим Григорьич Дульчин.

Глафира Фирсовна. Да-да; так вот кто! Ну, чего уж еще? Вот вас теперь пара: ты богатая невеста, он богатый жених.

Ирина. Ах, не жених еще! Это еще только моя надежда, моя мечта.

Лавр Мироныч. Одно предположение с нашей стороны. Мы с Ирень между страхом и надеждой.

Глафира Фирсовна. Да что ж ему не жениться на Аринушке?

Ирина. Вы думаете?

Глафира Фирсовна. Какой еще невесты? Он один в Москве, и ты тоже одна в Москве — чего еще!

Ирина. Ах, благодарю вас. Дедушка, это у вас новая картина в зале?

Флор Федулыч. Недавно купил на выставке-с.

Лавр Мироныч. Оригинал?

Флор Федулыч. Я копий не покупаю-с.

Ирина. Пойдемте, папа, надо ее посмотреть хорошенько.

Ирина и Лавр Мироныч уходят в залу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Флор Федулыч, Глафира Фирсовна.

Флор Федулыч. Слышали? Что же это такое-с? Это фантасмагория какая-то!

Глафира Фирсовна. Да пущай их обманывают друг друга. Вам бы, Флор Федулыч, еще поддакнуть: точно, мол, я за внучкой ничего не пожалею. А после дали бы тысяч пять-шесть, вот и квит.

Флор Федулыч. Да оно больше и не следует-с. Дать деньги можно, но обещаний никаких-с; я в их спекуляцию не войду. Я в таких летах и в таком капитале, что свои слова на ветер бросать не могу-с.

Глафира Фирсовна. Позвольте, позвольте! Вы будете совсем в стороне; лгать буду я. А с меня что взять-то! Солгала, так солгала.

Флор Федулыч. Это уж как угодно-с; я вам лгать запретить не могу.

Глафира Фирсовна. Ведь тут дело-то хорошее, Флор Федулыч, выходит, смешное.

Флор Федулыч. Да-с; но я в это дело не войду.

Глафира Фирсовна. Подите-ка на минутку, а я с Лавром Миронычем потолкую.

Флор Федулыч. Только вы сделайте одолжение, пуще всего-с, чтоб моей репутации ущербу не было. Я ничего не знаю и ни во что не вхожу.

Глафира Фирсовна. Сама людей учу, чего меня учить-то.

Флор Федулыч. Я, во всяком случае, в стороне-с. *(Уходит в залу.)*

Глафира Фирсовна *(у двери в залу)*. Лавр Мироныч! а Лавр Мироныч! Да ну-ка ты, финомен, поди сюда!

Входит Лавр Мироныч.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч.

Лавр Мироныч. Что вам угодно-с?

Глафира Фирсовна. Как же тебе не стыдно так огорчать Флора Федулыча!

Лавр Мироныч. Про какое огорчение изволите говорить?

Глафира Фирсовна. Да как же! Распустили молву, а у него и в помышлении не было.

Лавр Мироныч. И в помышлении не было! Невозможно-с. Мысли у дяденьки благородные, притом же единственная родная внучка.

Глафира Фирсовна. «Я,— говорит,— и не думал; с чего они взяли! Разве можно,— говорит,— моим таким знаменитым именем людей обманывать?».

Лавр Мироныч. Да-с; значит, с нашей стороны роковая ошибка. Но рассудите, без денег женихов не найдешь, приманка нужна.

Глафира Фирсовна. Вот тебе и приманка! Что призадумался?

Лавр Мироныч. Задумаешься-с! Если это правда, так дело плохо, очень плохо,— я на снисхождение дяденьки очень рассчитывал. Мне оно нужно, а то беда-с.

Глафира Фирсовна. Знаешь, за что он больше сердится? Только это секрет.

Лавр Мироныч. Уж сделайте одолжение, доверьте! Мне необходимо знать дяденькины мысли.

Глафира Фирсовна. Ну, вот слушай! У него на уме было Аринушке суприз сделать.

Лавр Мироныч. Сюрприз-с?

Глафира Фирсовна. Да; приехал бы в девичник да выложил бы перед женихом бумажник,— вот, дескать, вам.

Лавр Мироныч (*с любопытством*). А неизвестно, сколько-с?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Лавр Мироныч (*отшатнувшись*). Невообразимо-с! Хоть бы половину, да и то невероятно.

Глафира Фирсовна. Ну, уж я не знаю; а только по его чувствам видно было, что около того. Какова штука? Красиво?

Лавр Мироныч (*со вздохом*). Эффект удивительный!

Глафира Фирсовна. Заговорили б в Москве-то.

Лавр Мироныч (*ударив себя в лоб*). Поразительный эффект, Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна. А теперь дело испорчено; разгласили, суприз-то и не выдет. Вот старику-то и обидно, что ему Москву-то удивить помешали.

Лавр Мироныч. Как это дело поправить-с?

Глафира Фирсовна. Да ведь ты важен больно. Покорись мне, поправлю.

Лавр Мироныч. При всей важности в ноги поклониться готов. Ведь это роман, помилуйте! В жизни и вдруг роман!

Глафира Фирсовна. Ну, так ладно, выручу. Пойдем, за закуской потолкуем. Вот Флор Федулыч-то сюда идет.

Глафира Фирсовна и Лавр Мироныч уходят; входят Флор Федулыч и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Флор Федулыч, Василий, потом Юлия Павловна.

Василий. Они желают вас одних видеть.

Флор Федулыч. Проси, проси сюда.

Василий уходит.

Флор Федулыч. Скоренько вздумала визит отдать, скоренько.

Входят Юлия Павловна и Василий.

Василий. Сюда пожалуйте-с!

Флор Федулыч. Милости просим! И прямо к обеду-с.

Юлия. Я обедала. Я вам не помешаю, я на несколько минут, а впрочем, я могу и подождать.

Флор Федулыч. Как можно, помилуйте-с! Пообедать мы еще успеем, не к спеху дело. *(Василью.)* Ступай! Затвори двери!

Василий уходит.

К вашим услугам. Покорнейше прошу. *(Указывает кресло.)*

Юлия. Скажите, скоро можно продать дом?

Флор Федулыч. Коли есть покупатель да документы в порядке, так недели в две, в три, а то и месяц пройдет.

Юлия. Как это долго, а мне бы поскорей хотелось отделаться от этого имения.

Флор Федулыч. Извольте, я займусь этим делом, поспешу.

Юлия. А не купите ли вы сами у меня, сейчас, в два слова? Я с вас недорого возьму.

Флор Федулыч. Нет, я не куплю-с, мне расчету нет-с. Я вам покупателя за настоящую цену найду.

Юлия. Я вам дешево, очень дешево продам.

Флор Федулыч. Ни себе дешево купить у вас, ни вам дешево продать я не дозволю-с. Зачем дешево продавать то, что дорого стоит? Это плохая коммерция-с.

Юлия. Но если я желаю дешево продать? Это мое имение, мне запретить нельзя.

Флор Федулыч. Совершенно справедливо-с. Только вы извольте обращаться к другому покупателю, а не ко мне-с. Кушать не угодно ли? Пожалуйте! Хоть посидите с нами для компании.

Юлия. Благодарю вас. *(Помолчав.)* Флор Федулыч!

Флор Федулыч. Что прикажете?

Юлия. Вы давеча приезжали занять денег у меня?

Флор Федулыч. Так точно-с.

Юлия. Теперь я приехала к вам занять денег.

Флор Федулыч. Напрасно беспокоитесь; я взаймы не даю-с.

Юлия. Но я вам большие проценты заплачу.

Флор Федулыч. Обидно слышать-с. Если вы желаете большие проценты платить, так извольте обратиться к ростовщикам.

Юлия. Я их не знаю. Где они? Кто они?

Флор Федулыч. И не дай бог знать-с. И я не знаю-с.

Юлия. Флор Федулыч, мне нужны деньги.

Флор Федулыч. Не верю, извините, не может быть-с. На что вам деньги, вы не торгуете. Что вам нужно-с? Богатый гардероб, экипажи, ну, птичьего молока-с? Извольте, я все достану, а денег не дам-с.

Юлия. Флор Федулыч, вы меня обижаете. Я не милости пришла просить у вас. Я сама имею большие средства, я прошу вас только одолжить меня на короткое время. Через месяц или два я вам возвращу с благодарностью. Это пустяки, это такое одолжение, в котором никогда не отказывают знакомым людям. И если вы хоть сколько-нибудь расположены ко мне...

Флор Федулыч *(холодно)*. Душевно бы рад-с; денег нет, нуждаюсь, занимаю сам. Смею вас заверить.

Юлия. Я вас не узнаю. Молодая, хорошенькая женщина просит у вас денег, а вы отказываете! Да вы с ума сошли! Дайте мне денег, я вам приказываю!

Флор Федулыч. Ха, ха ха! Шутите! Не строго приказываете. Уж коли приказывать, так надо построже, а коли просить, так надо поучтивее.

Юлия. Флор Федулыч, милый, ведь я ни к кому другому не обратилась, а прямо к вам, цените это!

Флор Федулыч. Ценю-с, очень ценю.

Юлия. Ведь расположение женщины только услугами можно приобресть.

Флор Федулыч. Да-с, это правда.

Юлия. Женщины капризны; чтоб исполнить свой каприз, они готовы на все.

Флор Федулыч. Да-с, это точно-с.

Юлия *(подходит к Флору Федулычу)*. Женщины переменчивы, Флор Федулыч; я давеча отказалась от ваших услуг, а теперь, видите, на них напрашиваюсь. Я обдумалась, милый Флор Федулыч, я заметила в вас такую нежность ко мне... Ведь вы меня любите и желаете мне добра?

Флор Федулыч. Всей душой желаю добра-с, оттого и денег не даю.

Юлия *(садится на ручку кресла, на котором сидит Флор Федулыч)*. Ну, голубчик, Флор Федулыч! *(Обнимает его.)* Ну, милый мой!

Флор Федулыч *(освободясь)*. Извините-с. Извольте садиться на место, Юлия Павловна! Мы и в этаких позициях дам видали, только уж это другой сорт-с; а вам нехорошо. Извольте садиться на кресло, я желаю быть к вам со всем уважением.

Юлия *(садясь на кресло)*. Вы даже в мою искренность не верите!

Флор Федулыч. Не верю и в дураках быть не хочу-с. Ведь после вы посмеетесь надо мной, скажете: на какую пустую штуку поддела старика. Да посмеетесь-то не одни.

Юлия. Бог с вами!

Флор Федулыч. Скажите, зачем вам деньги, скажите всю правду!

Юлия. Обманывать я вас не хочу, а и правды сказать не могу.

Флор Федулыч. В таком случае кончимте этот разговор. Если кушать вам не угодно, так кофею не угодно ли или фруктов? Я прикажу сейчас подать.

Юлия. Ах, ничего мне не надо. Но поймите вы, что я без этих денег не могу возвратиться домой.

Флор Федулыч. Деньги эти не вам и не на дело-с: они будут брошены.

Юлия. Что вам до того, кому они нужны? Прошу я, уж мое дело, куда я их дену.

Флор Федулыч. Нет, не так рассуждать изволите. Прежде чем просить, вы мне дайте отчет-с, куда вы дели те деньги, которые вам муж оставил?

Юлия. Как! Вы требуете от меня отчета?

Флор Федулыч. Да-с. Да не нужно, я и без вас знаю, куда деньги делись, это история простая. Любовник долго нейдет, день, другой не кажется, ну, сейчас посла за ним: «Возьми, что хочешь, только приходи! Мало тысячи, возьми две!» Отчего же ему и не взять-с? Потом и двух мало, бери пять, либо десять. Вот куда идут наши деньги-с.

Юлия *(закрываясь руками)*. Ах, Флор Федулыч!

Флор Федулыч. А разве за тем мужья женам капиталы-то оставляют? Нет-с, они знают, что женщине добыть негде, а жить ей барыней, сложа руки, нужно. Муж копит да бережет для жены, его-то скупым да

скаредом прозовут, а любовника после добрым барином величать будут. На наши деньги они себе добрую славу и заслуживают. Положим, слава неважная,— больше промежду извощиками да трактирными служителями, так им и то дорого, и то в честь. Муж-то почему бережет деньги? Потому что он историю каждого рубля знает, как он ему достался; а любовнику-то что ж не бросать деньги! Он не считая, полной горстью их в карман кладет, не считая и бросает. Так что ж за напасть! Уж лучше прокутить самому, пусть меня добрым барином зовут, а не любовника моей жены.

Юлия. Может быть, все это правда, но...

Флор Федулыч. Но оставим этот разговор; он ни к чему не поведет. Вам сегодня куда за город не угодно ли-с?

Юлия. Могу ли я!

Флор Федулыч. Нет, отчего же-с! Погода благоприятная... Кадуджу послушать...

Юлия. До того ли мне, Флор Федулыч!

Флор Федулыч. Любопытно-с. Она креолка-с; эти женщины совсем особенные-с. Тоже была вот как-то не надолго здесь одна итальянка в этом роде, немало удивления производила-с фигурой своей. И больше всех певиц бриллиантов имела от разных особ за границей.

Юлия. Не мучьте вы меня. Спасите, Флор Федулыч, умоляю вас!

Флор Федулыч. Не могу-с; у меня деньги дельные и на дело должны идти. Тут, может быть, каждая копейка оплакана, прежде чем она попала в мой сундук, так я их ценю-с. А ваш любовник бросит их в трактире со свистом, с хохотом, с хвастовством. У меня все деньги рассчитаны, всякому рублю свое место; излишек я бедным отдаю; а на мотовство да на пьянство разным аферистам у меня такой статьи расхода в моих книгах нет-с.

Юлия. От этих денег зависит все мое счастье.

Флор Федулыч. Не верю-с.

Юлия. Это уж последняя жертва, последняя, которую я для него делаю.

Флор Федулыч. Не верю-с. Эти деньги завтра же или даже нынче будут проиграны, и другие понадобятся.

Юлия. Через неделю наша свадьба, а если я этих денег не достану...

Флор Федулыч. Никакой свадьбы... Ничему я не верю-с.

Юлия *(сложив руки)*. Флор Федулыч, Флор Федулыч, умоляю вас!

Флор Федулыч. Не могу-с.

Юлия *(падая на колени)*. Флор Федулыч, от вас зависит счастие всей моей жизни. Не погубите меня!..

Флор Федулыч *(хочет поднять ее)*. Что вы, что вы, помилуйте!

Юлия. Нет, я не встану. Если вы дадите денег, я буду благословлять вас, как благодетеля, как отца. Если вы откажете, вы будете причиной моей погибели, я прокляну вас... вы будете моим злодеем...

Флор Федулыч. Нет, нет-с... Замолчите, прошу вас!.. Я не допущу, чтоб вы считали меня злодеем-с. *(Поднимает Юлию.)* Много ли вам нужно-с?

Юлия. Шесть тысяч.

Флор Федулыч. Шесть тысяч-с? И из такой малости вы себя унижаете!.. Вы, богатая, добрая, милая дама, боже мой!

Юлия. Для мужа можно на все решиться.

Флор Федулыч. Все-таки даме-то, которая в уважении... Нет, это грустно-с!

Юлия. Моего стыда никто, кроме вас, не знает и, надеюсь, не узнает; вы меня пощадите.

Флор Федулыч. Это будьте без сомнения, только все-таки-с... Теперь у меня к вам просьба: я вам поверю эти деньги на слово, но вы возьмите документ непременно-с, так не отдавайте! Это мое условие.

Юлия. Хорошо, я возьму!..

Флор Федулыч уходит в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Юлия *(одна)*. Думала я, что это будет скверно, а такого стыда не ожидала. В другой раз просить денег не пойдешь, хоть кому отобьет охоту. Гадко, стыдно... Как неловко, когда чувствуешь, что на лице пятна от стыда выступают... *(Прикладывает руки к лицу.)* Стараешься сдержаться, а они еще больше разго-

раются... Уж вынес бы он деньги поскорей, взять их да домой.

Входит Флор Федулыч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Юлия Павловна, Флор Федулыч.

Флор Федулыч Вот, извольте-с. *(Подает деньги.)*

Юлия *(берет дрожащими руками деньги и торопливо прячет)*. Ах, благодарю вас, благодарю!.. *(Крепко обнимает и целует Флора Федулыча.)*

Флор Федулыч. Этот поцелуй, Юлия Павловна, дорогого стоит. Да-с. Это от души... дорогого стоит.

Юлия. Вы мне возвратили жизнь, вы мне подарили счастье...

Флор Федулыч. Дорогого стоит ваш поцелуй-с.

Юлия. При первой возможности я вас с благодарностью, с величайшей благодарностью... и еще такой же поцелуй... Прощайте, мой милый, добрый Флор Федулыч!

Флор Федулыч. Я до сих пор опомниться не могу. Я к вам завтра-с.

Юлия *(отворяя дверь в залу)*. Милости просим... Ах, не провожайте меня... Вон идут ваши гости! Прощайте. *(Идет в залу и уходит.)*

Флор Федулыч *(следуя за ней)*. Дорогого стоит-с.

Входят Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч и Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Флор Федулыч, Лавр Мироныч, Глафира Фирсовна, Ирина, потом Василий.

Глафира Фирсовна. Уж улетела пава-то?

Флор Федулыч. Уехали-с... Побеседовали и уехали; просил обедать — отказались, они уже кушали. Ирина Лавровна, вы имеете желание понравиться господину Дульчину?

Ирина. Как не желать, когда я им брежу и во сне, и наяву. Это мой идол, я ему поклоняюсь.

Флор Федулыч. Я одобряю ваш выбор-с.

Ирина. Но, дедушка, одного желания мало...

Флор Федулыч. Справедливо-с... Для таких кавалеров — первое дело: нужно одеваться по самой по-

следней моде, чтоб против журнала никакой отлички не было...

Ирина. Я стараюсь, но...

Флор Федулыч. Но не имеете средств?.. Мы это препятствие устраним; моя обязанность, как близкого родственника, помочь вам. *(Достает деньги.)* Позвольте предложить вам на этот предмет пятьсот рублей. Понадобится еще, скажите только — отказу не будет.

Ирина. Дедушка, вы так добры, что даже сверх ожиданий!.. *(Бросается Флору Федулычу на шею.)*

Глафира Фирсовна *(толкает локтем Лавра Мироныча)*. Понял?

Лавр Мироныч. Да-с, теперь я свою роль понимаю и разыграть ее сумею...

Василий *(входит)*. Кушать готово-с.

Флор Федулыч *(освободясь от Ирины, про себя)*. Не то, разница большая... тот... тот дорогого стоит.

Ирина. Что вы, дедушка, изволите говорить?

Флор Федулыч. Ничего-с. Это у меня свои мысли. Кушать пожалуйте-с!

Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч и Ирина идут к дверям.

Разница большая... тот поцелуй дорогого стоит!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ДУЛЬЧИН.

ДЕРГАЧЕВ.

ЛАВР МИРОНЫЧ.

ИРИНА.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

ФЛОР ФЕДУЛЫЧ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧ
очень приличный мужчина, неопределенных лет, физиономия азиатская.

ПИВОКУРОВА,
богатая, очень полная и очень румяная вдова, лет за сорок.

ИНОГОРОДНЫЙ
купец средней руки, костюм и манеры провинциальные.

МОСКВИЧ
скромный посетитель клуба, ничем не выдающаяся личность.

НАБЛЮДАТЕЛЬ
шершавый господин, лицо умное, оригинал, но с достоинством.

РАЗНОСЧИК ВЕСТЕЙ
бойкий господин, имеющий вид чего-то полинявшего; глаза бегают, и весь постоянно в движении.

ТРИ ПРИЯТЕЛЯ
постоянные посетители клуба, играющие очень счастливо во все игры: 1-й — безукоризненно красивый и изящный юноша, 2-й — человек средних лет, мясистая, бледная, геморoидальная физиономия, 3-й — старик, лысый, в порыжевшем пальто, грязноватый.

САКЕРДОН
СЕРГЕЙ } *клубные лакеи.*

Пестрая толпа кавалеров и дам в разнообразнейших костюмах: от полумещанских провинциальных до парижских, последней моды. Клубная прислуга.

Августовская ясная ночь. Площадка клубного сада; по обе стороны деревья, подле них ряд столбов, наверху которых группы из освещенных фонарей; между столбами протянута проволока с висящими шарообразными белыми фонарями; подле столбов, по обе стороны, садовые скамейки и стулья; в глубине эстрада для музыки; в левом углу сцены видны из-за деревьев несколько ступеней с перилами, что должно означать вход в здание клуба. Полное освещение.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса издали слышен туш кадрили; разнообразная толпа поднимается по лестнице в здание клуба. На авансцене с правой стороны сидит, развалясь на скамье, Наблюдатель, против него на левой стороне сидит Москвич. Иногородный стоит посреди сцены в недоумении. Несколько публики, в небольших группах, остается на сцене; между ними бегает Разносчик вестей.

Разносчик вестей *(подходя к первой группе)*. Слышали новость?

Один из группы. Какую?

Разносчик вестей. Богатая невеста проявилась.

Один из группы. Слышали, слышали.

Вся группа уходит в здание клуба.

Разносчик вестей *(подходя ко второй группе)*. Богатая невеста проявилась, господа...

Голос из второй группы. И слышали, и видеть имели счастие.

Вторая группа уходит в клуб.

Разносчик вестей *(подходя к третьей группе)*. Слышали?

Голос из третьей группы. Слышали, слышали.

Разносчик вестей. Да ведь пятьсот тысяч, господа.

Голос из третьей группы. Знаем, знаем.

Третья группа уходит в клуб.

Разносчик вестей *(подходя к Наблюдателю)*. Слышали, Флор Федулыч дает за внучкой пятьсот тысяч?

Наблюдатель. То есть обещает, да и то едва ли правда.

Разносчик вестей. Нет, дает.

Наблюдатель. Не верю.

Разносчик вестей. Почему же?

Наблюдатель. Время не такое.

Разносчик вестей. Какое же время?

Наблюдатель. А такое, в которое обещать пятьсот тысяч еще можно, а уж давать нельзя.

Разносчик вестей. Вы ничему не верите и всегда спорите. А я верно знаю. *(Убегает.)*

Иногородный *(осматривается, потом подходит к Москвичу)*. Музыка в саду отошла-с?

Москвич. Отошла-с.

Иногородный. Что же теперь... куда мне-с?

Москвич. Да куда хотите: танцовать, в карты играть, ужинать.

Иногородный. Нет, извините, это я так только хотел спроситься; здешних обыкновениев не знаем, потому — мы приезжие. А я так полагаю: теперь, по-нашему, самое настоящее время выпить.

Москвич. Это как вам угодно; коли жажду чувствуете, так выпейте.

Иногородный. Все это справедливо; но позвольте-с! Жажда-жаждой, а еще вот какой резон: мы зачем в Москву ездим-с? Затем собственно, чтоб деньги прожить-с. Так я боюсь, что мало доходу клубу доставлю. Вот почему пьем, собственно из боязни. Только без компании не повадно-с.

Москвич. Так поищите компанию.

Иногородный. А ежели вы-с?

Москвич. Не знаю, как вам сказать.

Иногородный. Подумайте, дело серьезное-с.

Москвич *(вставая)*. Пожалуй! Меня уговорить нетрудно.

Иногородный. В буфет направимся, прямо к источнику-с?

Москвич. Да, на половинных издержках.

Иногородный. Что за складчина-с! Раскутиться не раскучусь, а и платить вам не позволю, за стыд себе поставлю. *(Обращаясь к Наблюдателю.)* Не угодно ли за компанию?

Наблюдатель. Я не пью.

Иногородный. Может, в карты любите?

Наблюдатель. И в карты не люблю.

Иногородный. Так ведь это одурь возьмет так-то сидеть.

Наблюдатель. На людей смотрю.

Иногородный. На нас, провинциалов, а после нас в газете опубликуете?

Наблюдатель. Бог миловал, я этим не занимаюсь.

Иногородный. Все-таки с вами опасно. *(Москвичу.)* Побежимте поскорей от греха в буфет-с.

Москвич с Иногородным уходят в клуб. С лестницы сходит Дульчин и, пройдя несколько шагов, останавливается в раздумье; из-за деревьев выходит Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев.

Дергачев *(издали)*. А, вот ты, наконец.

Дульчин *(сжав кулаки и с дрожью в голосе)*. Этакое идиотское счастье!

Дергачев. Я давно тебя дожидаюсь. *(Тихо.)* Нет ли у тебя рубля серебром?

Дульчин *(не слушая)*. Это ужасно!..

Дергачев. Да что такое?

Дульчин. Сейчас в пикет играл с одним уродом. Вот тут и рассчитывай на уменье! Нет, уж как не везет...

Дергачев. Что такое еще с тобой случилось?..

Дульчин. А то же, что получил я нынче шесть тысяч рублей...

Дергачев. Шесть тысяч?

Дульчин. Что тут удивительного? Что ты рот-то разинул! Велики для меня деньги шесть тысяч!

Дергачев. Нет, я так... Конечно, что за деньги!.. *(Тихо.)* Нет ли у тебя рубля серебром?

Дульчин *(не слушая)*. И повез их к Салаю Салтанычу, должен я ему и, как на грех, не застал его дома. Воротился домой, а тут у меня приятели сидят, банк мечут, золото по столу рассыпано... «Пристань, да пристань!» И не хотел, клянусь тебе, не хотел. Дернуло как-то поставить карточку, одну, другую... и просадил около трех тысяч... А надо долг платить, завтра срок; хоть в петлю полезай! Достань мне денег!

Дергачев. Где же я тебе достану? Я бы рад радостью, да негде. Вон Салай Салтаныч идет. Послушай, дай мне, пожалуйста, рубль серебром!

Дульчин *(достает портмоне)*. Хорошо, дам.

Дергачев. Я тебя здесь подожду. Коли что нужно, ты так и знай: я буду здесь. Только не играй в карты, сделай милость! Когда ты играешь, у меня всегда волнение.

Дульчин. На! Убирайся ты с своим волнением! Надоел.

Дергачев уходит в клуб. Из-за деревьев выходит Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Наблюдатель, Дульчин, Салай Салтаныч.

Дульчин. Где тебя черт носит?

Салай Салтаныч *(с неудовольствием)*. Что я тебе? Здесь я.

Дульчин. Вижу, что здесь. Давеча где был? Я заезжал к тебе.

Салай Салтаныч. Что тебе? Зачем я тебе?

Дульчин. Я тебе деньги привозил, заплатить хотел.

Салай Салтаныч. Зачем торопиться? Не надо торопиться! Завтра получу.

Дульчин. Да, получишь, как же! Держи карман-то!.. Было бы что получать-то...

Салай Салтаныч. А мне что! У меня документ... Не заплатишь, заставят заплатить.

Дульчин. Послушай, Салай Салтаныч, да неужели подождать не можешь?

Салай Салтаныч. Чего ждать? Себе деньги нужны. Вам давай, вам жди, а сам занимай! Теперь всем нужно, хорошие люди, верные просят.

Дульчин. Подожди хоть месяц!

Салай Салтаныч. Зачем пустяки говорить?.. Теперь нет, а через месяц где возьмешь?

Дульчин. Юлия Павловна заплатит.

Салай Салтаныч. Шути, шути! Был ей кредит; последний дом заложила, какой кредит!

Дульчин. Да у нее еще много осталось.

Салай Салтаныч. Осталось... заплати сейчас; а ждать месяц, ничего не будет, всё промотаешь.

Дульчин. Ну, делай, как знаешь... Провались ты! Ты меня ограбил и не хочешь никакого одолжения сделать.

Салай Салтаныч. Люди берут деньги, спасибо скажут, а тебе давай — ты бранишь. А что ты был? Я тебе жизнь давал, человеком делал. Кабы умен был, барином жил — и тебе хорошо, и мне хорошо. Кто виноват? Сама себя бьет, кто не чисто жнет.

Дульчин. А вот я застрелюсь завтра, вот ты и знай.

Салай Салтаныч. А мне что,— стреляй! Была, не была,— все одно. Мне что жалеть! Ты не будешь, другой будет, все равно.

Дульчин. Вот я лучше тебя: ты меня не жалеешь, а я тебя жалею и люблю, и докажу это.

Салай Салтаныч. Что говоришь, чем докажешь?

Дульчин. А вот, бог даст, ты будешь в остроге сидеть, я тебя навещу и калачик подам.

Салай Салтаныч. Спасибо, спасибо! Я тебя прежде навещу, пять копеек калач принесу.

Дульчин. А ты слышал, говорят, Прибытков за внучкой пятьсот тысяч дает?

Салай Салтаныч. Слышал, говорят... Кто говорит, какой народ, кому верить? Дедушка здесь, я спрошу. Он скажет — верить можно, купец обстоятельный. Я пойду его искать, ужинать с ним надо.

Дульчин отходит в глубину, к лестнице.

Наблюдатель. Салай Салтаныч!

Салай Салтаныч. А, здравствуй! Что тебе?

Наблюдатель. Ты не беспокойся, ты с Дульчина деньги получишь.

Салай Салтаныч. Почем знаешь?

Наблюдатель. Получишь. Только не оттуда, откуда думаешь.

Салай Салтаныч. Тебе поверю, ты все знаешь.

Наблюдатель. Наверно получишь, будь покоен.

Салай Салтаныч. Хорошо, будем ждать. *(Уходит.)*

Из клуба выходят Глафира Фирсовна и Пивокурова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Глафира Фирсовна и Пивокурова.

Глафира Фирсовна *(Дульчину)*. А, сокол ясный! Сто лет не видались.

Дульчин. Меньше, Глафира Фирсовна.

Пивокурова. Ах, какой мужчина! *(Закрывается веером и смеется.)*

Дульчин. Что это за дама с вами?

Глафира Фирсовна. А это Пивокурова, богатая вдова, добрейшей души женщина.

Дульчин. Чему же она смеется?

Глафира Фирсовна. Как тебе сказать, чтоб не солгать? Она, видишь ли, к вечеру в кураже бывает; вот ей и весело. А осуждать ее за это нельзя. Сам посуди: вдова, скучает; да и кто ж без греха?.. Жениха теперь ищет, больно соскучилась... Вот невеста — золотая!

Пивокурова. Ах, какой мужчина! *(Закрывается веером.)*

Дульчин. Золотая-то здесь другая, а не эта.

Глафира Фирсовна. Какая же?

Дульчин. Прибыткова.

Глафира Фирсовна. Та-та-та! Высоко, брат, высоко, не достанешь. Ты руби дерево-то, чтоб под силу было. Та княжеская невеста.

Дульчин. Да я об ней и не думаю.

Глафира Фирсовна. Как, чай, не думать! Ведь за ней Флор Федулыч миллион дает.

Дульчин. Много меньше, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Кому ты говоришь? Она мне племянница, так мне вернее знать. Не хочешь ли с нами?

Дульчин. Да вы куда?

Глафира Фирсовна. Ужинать хотим, давно позывает, так все в одно место слетаемся, под березками. Нас компания будет большая.

Дульчин. Пожалуй, я провожу вас.

Глафира Фирсовна *(Пивокуровой)*. Пава, пойдем.

Пивокурова *(взглянув на Дульчина)*. Ах, красота! *(Закрывается веером.)*

Дульчин, Глафира Фирсовна, Пивокурова уходят под деревья налево. Из клуба выходит публика и остается в глубине площадки. На авансцену выходят Разносчик вестей, Иногородный и Москвич.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Наблюдатель, Разносчик вестей, Москвич, Иногородный, публика, прислуга.

Разносчик вестей *(Наблюдателю)*. Еще невеста, слышали?

Наблюдатель. Мало ль их здесь!

Разносчик вестей. Я знаю, что много; да о тех не стоит говорить; а эта с большими достоинствами.

Наблюдатель. Пивокурова, что ли?

Разносчик вестей. Да, вдова Пивокурова, с большим капиталом.

Наблюдатель. Повадилась по клубам да по гуляньям, так отберут капитал-то.

Иногородный. Как отберут-с?

Наблюдатель. Так и отберут, как отбирают: руками. Вы науку «политическую экономию» знаете?

Иногородный. Домашнюю экономию знаем и понимаем-с, а о политической у нас, в провинции, не слыхать-с.

Наблюдатель. Эта наука требует, чтоб залежи не было, чтоб капиталы не залеживались без обращения. Значит, нельзя допустить, чтоб вдова какая-нибудь, получивши после мужа деньги, села на них, как наседка на яйцах. Надо их на волю пустить, в обращение.

Иногородный. Наука хорошая-с.

Наблюдатель. Хорошая; у нас в Москве ее твердо знают.

Москвич. Смирней надо сидеть с деньгами-то, так целей будут.

Наблюдатель. И смиренство не поможет.

Разносчик вестей. Недавно и смиренницу одну обобрали.

Иногородный. Это как же?

Наблюдатель. Подпуском, как на Волге рыбу ловят.

Разносчик вестей. Сыскали молодого человека, красивенького, окопировали его, дали тысячи три-четыре; а он за это, в благодарность, выдал векселей на пятьдесят тысяч. Посадили его в коляску и подпустили в виде жениха, богатого помещика.

Иногородный. И что же-с?

Наблюдатель. Месяца через два она и заплатила за него все деньги по векселям-то.

Иногородный. Расчет тонкий, без ума такого дела не сделаешь.

Разносчик вестей. Ведь это только догадки, а я слышал, что у него у самого большое состояние.

Наблюдатель. Надо у Салая Салтаныча спросить, какое у него состояние.

Разносчик вестей. Да Салай-то и говорит.

Наблюдатель. Ну, значит, кого-нибудь еще ограбить собираются.

Иногородный. Я вот здесь только в первый раз, и только какое это заведение бесподобное-с.

Москвич. Чего лучше!

Иногородный *(с чувством)*. Водка, возьмите!

Москвич. Где ж ей и быть!

Иногородный *(с пафосом)*. В мире нет-с!

Москвич. Да, на то Москва.

Иногородный. Опять моды, боже мой!

Москвич. Моды парижские.

Иногородный. Извольте видеть — шутка! Теперь, пожалуйте, скажите, дамы, барышни какие!

Москвич. Ну, это вам так с дороги показалось. Разве чем другим, а этим похвастаться не можем.

Иногородный. Нет, напрасно. Сейчас вот эта самая вдова Пивокурова — страсть! Вся, как жар, горит; одно слово — пышность. Может, по московскому вкусу оно не придется?

Москвич. Ничего, ничего, у нас не побрезгуют.

Наблюдатель. А знаете, кто женится на Пивокуровой?

Разносчик вестей. Как узнаешь? Она и сама-то не знает. Мечется, как угорелая.

Наблюдатель. Дульчин.

Разносчик вестей. Ничего нет похожего; невозможно, у него совсем другие планы.

Наблюдатель. А вот посмотрим!

Разносчик вестей. Ни под каким видом.

За сценой туш, публика и Разносчик вестей уходят в клуб.

Иногородный *(Москвичу)*. Не пройтись ли и нам?

Москвич. Опять к источнику?

Иногородный. Уж что ж от него уклоняться? Тепло, покойно, учтивость необыкновенная. Потому и тянет, что я учтивость люблю. Кабы не было учтивости, меня бы туда и калачем не заманить.

Москвич. Пожалуй, пойдемте.

Иногородный *(Наблюдателю)*. Вам не угодно-с?

Наблюдатель. Не угодно.

Иногородный. А мы пойдем-с.

Наблюдатель. Сделайте одолжение.

Иногородный. Нет, позвольте! Вы не подумайте. Время к ночи, надо против сырости какие-нибудь меры принять аль нет-с? Вот какое дело, а не то что-с!..

Иногородный и Москвич уходят в клуб. С левой стороны выходят Лавр Мироныч, Дульчин, Глафира Фирсовна, Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Наблюдатель, Лавр Мироныч, Глафира Фирсовна, Дульчин, Ирина и прислуга: Сакердон и Сергей, потом Салай Салтаныч.

Дульчин под руку с Ириной гуляют в глубине сцены, Глафира Фирсовна поодаль.

Лавр Мироныч *(манит лакея)*. Эй ты, фрачок! Фалдочки! Какую прислугу держат: факельщики какие-то вместо официантов. Эй, любезный, оглянись! Шевелись, братец!

Сакердон *(подходя)*. Что угодно-с?

Лавр Мироныч. Звезды считаешь, любезный? Не трудись, сосчитаны. Как зовут тебя?

Сакердон. Сакердон-с.

Лавр Мироныч. Как, как?

Сакердон. Сакердон-с.

Лавр Мироныч. Ну, ступай с богом!

Сакердон. Помилуйте, за что же! Я могу-с...

Лавр Мироныч. Коли я теперь, трезвый, твое имя не скоро выговорю, как же я с тобой после ужина буду разговаривать? Мы с дамами ужинаем, любезный. Что мне за неволя язык-то коверкать да конфузиться. Я приехал сюда, чтоб в удовольствии время прожить. Ступай, ступай! *(Машет другому служителю.)* Эй, милый!..

Сергей *(подходит)*. Что прикажете?

Лавр Мироныч. Как дразнят-то тебя?

Сергей. Сергеем-с.

Лавр Мироныч. Ну, так вот что, Сережа, служи!

Сергей. Будем стараться-с.

Лавр Мироныч. Ты прежде пойми нас!

Сергей. Кажется, могу-с... Не в первый раз, служили господам-с.

Лавр Мироныч. Вон там под березками закуску сформируй!

Сергей. Слушаю-с. *(Вынимает книжку и карандаш.)*

Лавр Мироныч. Пиши! Водка всех сортов, высших только. Зернистая икра.

Сергей. На сколько персон прикажете?

Лавр Мироныч. Не перебивай! Твое дело слушать. А еще похвалился, что господам служил.

Сергей. Виноват-с.

Лавр Мироныч. Честер. Селедок не надо, сардинок тоже. Анчоусы есть?

Сергей. Спрошу-с.

Лавр Мироныч. Оливки фаршированные, омар в соку... Ну, ты понял теперь, что нам нужно? Так уж сам подумай, не все тебе сказывать.

Сергей. Слушаю-с.

Лавр Мироныч. Да, вот еще: головку подай поросячью! Мы мозжечок вынем, язычка покрошим помельче, тронем перцем, да маленькие тартинки и намажем.

Сергей. Закуска высокая-с.

Лавр Мироныч. В рассуждения не вступай! Господам служил! Либо господа у тебя плохи были, либо господа-то хорошие, да ты-то плох был.

Сергей. Виноват-с.

Лавр Мироныч. Да закажи ужин заранее, чтоб не дожидаться, чтоб шло как по маслу, без антрактов. Дай карту!

Сергей подает, Лавр Мироныч рассматривает карту.

Ирина. Папа занимается ужином, как серьезным делом. Как это смешно.

Дульчин. А для вас ужин не серьезное дело?

Ирина. Нет, я живу только поэзией, самой высокой поэзией... Что такое ужин? Проза. Вот луна, звезды...

Дульчин. Да что в них хорошего? Газ лучше, светлее.

Ирина. Ах, нет! Особенно, когда подле тебя человек, который...

Дульчин. Который что?

Ирина. Не хочу отвечать. Что вы меня экзаменуете!

Отходят в глубь.

Лавр Мироныч *(Сергею)*. Пиши! Беф а ля мод с трюфелями, стерляди паровые, вальдшнепы жареные в кастрюлях. Да чтоб ворчали, когда подаешь...

Сергей. Понимаю-с.

Лавр Мироныч. Все это персон на двенадцать. Скажи поварам, что кушать будет Флор Федулыч, а платить Лавр Мироныч; нас знают. Да чтоб после ужина приходили, получат пять рублей на водку.

Сергей. Слушаю-с.

Лавр Мироныч. Вместо пирожного виноград и фрукты в вазах. Персики чтоб спелые были. Зеленый персик та же репа. Да поставь два ананаса... с зеленью, для декорации!

Сергей. Слушаю-с.

Лавр Мироныч. Теперь вина: к говядине лафит, самый высший, дамам особенно подать послаще чего-нибудь... Икем, тоже высший. Да смотри, как у дам вино доходит, сейчас чтоб другая, да переменяй так, чтоб глазом нельзя заметить.

Глафира Фирсовна. Как об нас-то, голубчик, старается!

Лавр Мироныч. Ты Германа фокусника видел? Бутылка одна, но чтоб бесконечная, чтоб двух бутылок перед дамами не стояло. Боже тебя сохрани!

Сергей. Понимаем, помилуйте-с.

Лавр Мироныч. После лафиту прямо шампанское *(Дульчину.)* Ведь так, я думаю?

Дульчин кивает головой.

И чтоб это беспрерывно.

Салай Салтаныч выходит из-за деревьев и останавливается сзади Лавра Мироныча, который его не замечает.

Как по стакану разольешь, пустые бутылки прочь и чтоб пара свежих стояла, так постепенно и подставляй! Как ты ставишь, как откупориваешь, этого чтоб я не видал, а чтоб две свежих на столе постоянно были, а пустой посуды ни под каким видом, чтоб она исчезала. Слышишь? — две, ни больше, ни меньше! Мы приехали поужинать и выпить, а не хвастаться! К нам будут подходить разные господа, так чтоб видели, что ужин богатый, а скромный: фруктов много, а вина мало.

Сергей. Слушаю-с.

Салай Салтаныч *(Лавру Миронычу)*. Кутишь?

Лавр Мироныч *(пожимая плечами)*. Вот народ! Нельзя поужинать порядочно: сейчас кутишь. Когда я дождусь, что вы образованнее будете?

Салай Салтаныч. Чего тебе ждать! Кути, кути!

Лавр Мироныч. Не могу же я копеечничать по-твоему, у меня другие привычки. *(Тихо.)* Дочь невеста, пойми! И не рад, да тратишься. Нам надо жениха не какого-нибудь, дедушка принимает большое участие.

Салай Салтаныч. Жених есть?

Лавр Мироныч. Нет еще. Куда торопиться? Не нам с Флором Федулычем за женихами бегать; пусть за нами побегают.

Салай Салтаныч *(Сергею)*. Кажи, что написал?

Сергей подает книжку.

Лавр Мироныч. Да, посмотрим еще! Ты всю жизнь на счет должников и обедаешь, и ужинаешь, так навострился, вкус знаешь.

Рассматривают книжку. Дульчин и Ирина выходят на авансцену, Глафира Фирсовна за ними.

Ирина. Пойдемте танцовать!

Дульчин. Нет, уж увольте! Это занятие для меня никакого интереса не представляет. Мало ли кавалеров?

Ирина. Я знаю, что много, да какие! Ах, если бы женщины ангажировали!
Дульчин. Что ж бы было?
Ирина. Я бы вас ангажировала.
Дульчин. Польку танцовать?
Ирина *(со вздохом)*. Нет.
Дульчин. Что же? На звезды смотреть?
Ирина. Нет, на всю жизнь.
Глафира Фирсовна *(Дульчину)*. А ты слушай, да на ус мотай!
Ирина. Наша участь очень печальна: не мы ангажируем, а нас ангажируют. Наше дело сидеть у косящата окна, мечтать, вздыхать и ждать счастья.
Глафира Фирсовна. А ты слушай, да себе на ус мотай!

Проходят в глубину.

Салай Салтаныч *(отдает книжку Сергею)*. Хорошо, чего еще! Закуску прибавь: балык. Хороший есть, с Дону пришел.
Лавр Мироныч. Благодарю, забыл, из ума вон. Ты с нами ужинаешь, Салай?
Салай Салтаныч. Куда еще пойду! Конечно.
Лавр Мироныч *(Дульчину)*. Вадим Григорьич, вы сделаете нам честь откушать с нами? Позвольте вас просить.
Дульчин *(издали)*. Благодарю вас, с удовольствием.
Лавр Мироныч *(Сергею)*. Пойдем, я тебе покажу место.

Лавр Мироныч и Сергей уходят. Входят Дергачев и три приятеля: Молодой, Средний и Старый.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Ирина, Глафира Фирсовна, Дергачев, три приятеля: Молодой, Средних лет и Старый, и прислуга.

Молодой *(Дульчину)*. Мы идем в макао играть; недостает четвертого, не угодно ли вам?
Дульчин. Хорошо, господа, я приду.
Салай Салтаныч *(тихо Дульчину)*. Не равна игра, не играй.
Молодой. Так мы сядем. Подождать, что ли?

Дульчин. Садитесь! Уж я сказал, что приду.

Салай Салтаныч. Проиграть можно, выиграть нельзя. Какая игра! *(Пожимает плечами и уходит.)*

Средний. Да что ж, не в ноги ему кланяться. Пойдемте, четвертого найдем.

Старый *(Дульчину)*. Мы вас подождем. Мне-то вот уж и не надо бы играть, не надо бы. Проиграю наверное, уж я это знаю: быть бычку на веревочке.

Дульчин. Почему же?

Старый. Примета есть, сон нехороший видел. Приходите.

Три приятеля уходят в клуб.

Дульчин *(Ирине)*. Извините, я должен буду вас оставить.

Ирина *(пожимая плечами)*. Играть! Неужели игра может занимать вас?

Дульчин. Жизнь наша такая скучная, такая пошлая, а карты производят некоторое волнение; я эти ощущения люблю.

Ирина. Какие это ощущения! *(Потупясь.)* Разве нет ощущений, которые гораздо приятнее? *(Быстро.)* Так вот проиграете же за это.

Дульчин. За что же за это?

Ирина. Что меня оставляете. А, во-вторых... кто в любви счастлив, тот в картах несчастлив. *(Отходит.)*

Глафира Фирсовна. А ты слушай, да на ус мотай.

Глафира Фирсовна и Ирина уходят налево.

Дергачев. Ты опять играть? Ох, не советую, Вадим, не советую.

Дульчин. Поди ты прочь! Я люблю игру, вот и все. Мне теперь нужно играть и рисковать... может быть, я и выиграю. Где же я возьму денег? Ты, что ль, мне дашь?

Дергачев. Ну, как знаешь, как знаешь. Конечно, нужно рисковать: ты прав. Вадим, нет ли у тебя двух рублей серебром?

Дульчин. Ты вот только с советами лезешь да денег просишь! И нашел время просить. Я иду играть, а он денег просит.

Дергачев. Здесь нельзя без издержек; а ведь я езжу только для тебя.

Дульчин. Да зачем ты мне?

Дергачев. Ну, все-таки... я хоть посижу подле тебя для счастья... это иногда много значит.

Дульчин и Дергачев уходят в клуб. Прилив публики из клуба. На авансцену выходят Разносчик вестей, Москвич и Иногородный.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Наблюдатель, Разносчик вестей, Иногородный, Москвич, публика.

Разносчик вестей. Слышали? Здесь две компании кутить собираются?

Наблюдатель. На здоровье.

Разносчик вестей. После в Стрельну поедут, вот бы примазаться.

Наблюдатель. Надо знать, на какие деньги кутят.

Разносчик вестей. Да разве не все равно?

Наблюдатель. Нет, не все равно; деньги разные бывают. Прежде покутить любо было. Прежде деньги были веселые, хорошие такие, барские. Где, бывало, кутят, где бросают деньги, туда иди смело. Так и знаешь, что компания хорошая, люди честные, доверчивые, великодушные, бесхитростные, как птицы небесные, которые ни сеют, ни жнут, ни в житницы собирают.

Иногородный. А если ни сеют, ни жнут, откуда же у них деньги были?

Наблюдатель. Деньги им обязаны были доставлять те, которые и сеют, и жнут, и в житницы собирают.

Иногородный. Все это вы верно говорите, вот как есть.

Наблюдатель. А теперь, где кутят, там по большей части дело не совсем чисто; а иногда и прокурорский надзор, того гляди, себе занятие найдет.

Разносчик вестей. Да ведь такую компанию сразу заметишь.

Наблюдатель. Не заметите, мы плохие физиономисты. Читают в газетах: такой-то уличен в подделке векселей, такой-то скрылся, а в кассе недочету тысяч двести; такой-то застрелился. Знакомые: «Помилуйте, говорят, я вчера с ним ужинал.— А я играл в преферанс по две копейки.— А я ездил с ним за город, и ничего не было заметно». Нет,

пока физиономика не сделалась точной наукой, от таких компаний лучше подальше.

Разносчик вестей. Вы скептик, вы мизантроп, с вами разговаривать нельзя, вам лечиться нужно.

За сценой туш. Публика и Разносчик вестей уходят в клуб.

Иногородный *(Наблюдателю)*. Наша компания не опасная-с, не угодно ли?

Наблюдатель. Не угодно.

Иногородный. Опять-таки не угодно-с?

Наблюдатель. Опять-таки.

Москвич *(Иногороднему)*. Нет, уж теперь позвольте и мне. Пора и честь знать.

Иногородный. На все ваша воля! Слова не услышите. Я и угощать люблю, и от угощенья никогда не бегаю.

Москвич. Опять туда же? К источнику, в буфет?

Иногородный. Да помилуйте, место какое! Кажется, кабы не жена да не торговля, жить бы туда переехал.

Москвич и Иногородный уходят. Слева входят Флор Федулыч и Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Наблюдатель, Флор Федулыч, Салай Салтаныч.

Салай Салтаныч. Редко ездишь, Флор Федулыч. Зачем приехал?

Флор Федулыч. Погулять, Салай Салтаныч, погулять.

Салай Салтаныч. Гуляй, гуляй. С внучкой вместе приехал?

Флор Федулыч. Нет, один-с, она с отцом. Я, Салай Салтаныч, вольная птица, как и вы-с, то есть как ты. Кто-же вам «вы» говорит!

Салай Салтаныч. Все равно, и мы так говорим. Хорошая девушка.

Флор Федулыч. Не дурна-с.

Салай Салтаныч. Надо жених искать, надо замуж отдать, самый пора.

Флор Федулыч. Отдадим, Салай Салтаныч, не беспокойся!

Салай Салтаныч. Хороший жених — много деньги надо.

Флор Федулыч. Наше дело; у тебя занимать не станем.

Салай Салтаныч. Зачем тебе занимать, свои деньги есть.

Флор Федулыч. Хочу подумать об этом; дело не чужое-с.

Салай Салтаныч. Много дашь?

Флор Федулыч. Не обижу.

Салай Салтаныч. И сто тысяч дашь — не обидишь, и пять тысяч дашь — не обидишь. Деньги — какая обида!

Флор Федулыч. Глядя по жениху, и деньги будут.

Салай Салтаныч. Что скрываешь? Зачем скрывать?

Флор Федулыч. Ведь не ты женишься. Да за тебя и не отдадим, очень нам нужно азиатцев-то разводить. Ничего не даю, ничего-с.

Салай Салтаныч. Шутишь, шутишь! Есть благородные женихи.

Флор Федулыч. А с благородными благородный и разговор будет; а с тобой, Салай Салтаныч, мы этот разговор кончим.

Салай Салтаныч. Водка пил?

Флор Федулыч. Нет еще, своего часу дожидаюсь.

Салай Салтаныч. Пойдем, балык есть, с Дону пришел.

Флор Федулыч и Салай Салтаныч уходят. Из клуба выходят Дульчин и Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Наблюдатель, Дульчин и Дергачев.

Дульчин. Вот так ловко! В десять минут... Не томили долго.

Дергачев. Я тебе говорил.

Дульчин. Убирайся! Ну, музыка, нечего сказать! И какой разговор невинный: у того зубы болят, охает, на свет не глядит... тот приметам верит, дурной сон видел; третий на свидание торопится: «Мне, говорит, некогда; пожалуйста, господа, не задерживайте!..» Чиста работа!

Дергачев. Каково было мне смотреть, как ты деньги отдавал!

Дульчин. Ну, кончено дело! Об себе я не тужу, я пустой человек, и жалеть меня нечего. Мне жаль Юлию... ты ее успокой.

Дергачев. Зачем ее успокоивать?

Дульчин. Вот что: ты ночуешь, конечно, у меня?

Дергачев. Пожалуй!

Дульчин. Напьемся завтра кофейку, потом заряжу я револьвер...

Дергачев. Полно, что ты!

Дульчин. Что ж, в яму садиться? А после ямы что? Ведь я жил, жил барски, ни в чем себе не отказывал, каждая прихоть моя исполнялась. Ведь мне ходить по Москве пешком в узеньких, коротеньких брючках да в твиновом пальто с разноцветными рукавами — это хуже смерти. Я — не ты, пойми! Я рубли-то выпрашивать не умею.

Дергачев. За что ж ты меня обижаешь? Я тебе преданный человек.

Дульчин. Что мне в твоей преданности? Гроша она не стоит медного, а мне нужны тысячи. Где я их возьму? Сегодня последний день моей веселой жизни. Прокутим остальные деньги, поедем отсюда куда-нибудь, мне здесь все надоело, все противно.

Входит Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев, Салай Салтаныч.

Салай Салтаныч *(Дульчину)*. Проиграл?

Дульчин. Проиграл.

Салай Салтаныч. Пустой ты человек, пустой ты человек.

Дульчин. Ну, пожалуйста, ты не очень, я не люблю.

Салай Салтаныч. Пустой ты человек, дрянь.

Дульчин *(грозно)*. Салай!

Салай Салтаныч. Что пугаешь? Нажил деньги — человек, прожил деньги — дрянь.

Дульчин. Да как я наживу, ефиоп ты этакий? Деньги наживают либо честным трудом, либо мошенничеством; ни того, ни другого я не умею и не могу.

Салай Салтаныч. Честно-нечестно, кому нужно? Нажил деньги, хороший человек стал, все кланяются; детям оставил, спасибо скажут.

Дульчин. Знаю я вашу азиатскую философию-то.

Салай Салтаныч. Я твой папенька знал, хороший был человек, деньги нажил, тебе оставил, а ты что?

Дульчин. Толкуй! Тогда можно было наживать.

Салай Салтаныч. Всегда можно, надо ум.

Дульчин. Ум-то хорошо, да и совесть иметь не мешает.

Салай Салтаныч. Какая совесть? Где твоя совесть? Чужие деньги бросал — это совесть? Тому должен — не заплатил, другому должен — не заплатил, это совесть? Украл, ограбил — не хорошо; а бросал деньги — хуже. Украл, ограбил — молись богу, бедным давай, бог простит. Я знал один грек, молодой был, разбойник был, по морю ходил, пушки палил, людей бил, грабил; состарил, монастырь пошел, монах стал, человек нравоучительный.

Дульчин. Ну, что ты с баснями-то, очень мне нужно!

Салай Салтаныч. Кто бросал деньги, убить его скорей; такой закон надо. Слушай: были три брата, там на Кавказе...

Дульчин. Мне и без тебя скучно, а ты с глупостями.

Салай Салтаныч. Родитель деньги оставил: один торговал, другой торговал — наживал, третий мотал. Братья подумал, подумал, поговорил промежду себя, посоветовал, зарядил ружье, убил его, как собака. Больше не стоит.

Дульчин. Ну, прощай! Твоих рассказов не переслушаешь.

Салай Салтаныч. Куда — прощай? Пойдем, ужинать будем. Слушай меня! Будешь слушать меня, человек будешь; не будешь слушать — пропадешь.

Входит Глафира Фирсовна.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев, Салай Салтаныч, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Иль нейдет, упрямится? Поди, Салай Салтаныч, я его приведу, у меня не вырвется.

Салай Салтаныч *(Дульчину)*. Приходи, будем ждать. *(Уходит налево.)*

Глафира Фирсовна. Эк тебе счастье привалило! Не ожидала, признаюсь. С ума ведь ты девку-то свел.

Дульчин. Будто?

Глафира Фирсовна. Уж верно. Только ты теперь не зевай, лови, а то улетит. Закружи ее хорошенько, и шабаш! Аль не умеешь?

Дульчин. Положим, что умею; увлечь девушку не трудно, особенно такую чувствительную, да что толку?

Глафира Фирсовна. Как что толку? Миллион — шутишь ты этим?

Дульчин. Это не про нас; что себя обманывать? Тут, кроме нее, отец да дедушка, им мушника ведь надо посолидней; нашему брату таких денег не дают. Разве это люди? Это бульдоги.

Глафира Фирсовна. Ошибаешься: они ее неволить не станут; кто мил, за того и ступай! С такими-то деньгами, да за немилого идти — была оказия! Не принцесса, не высокого рода, только что деньги, так с деньгами и идти за милого человека, это прямой расчет. Чем ты не кавалер, чем ты не пара? Вон она сама идет; не утерпела. Ты смелей с ней, без канители; она не очень чтоб из стыдливых.

Дульчин *(с иронией)*. Благодарю за науку. Я в свое счастье, Глафира Фирсовна, плохо верю.

Глафира Фирсовна уходит.

(Дергачеву.) Отойди подальше! Отойди прочь!

Дергачев уходит в глубину. Входит Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев, Ирина.

Ирина. Что же вы нейдете ужинать с нами, Вадим Григорьич? Мы сейчас садимся.

Дульчин. Не хочется, не расположен.

Ирина *(заглядывая Дульчину в лицо)*. Что вы такой мрачный?

Дульчин. Жизнь надоела, Ирина Лавровна.

Ирина *(с испугом)*. Да вы серьезно?

Дульчин. Очень серьезно.

Ирина. Вам все надоело; вы так много испытали всего?

Дульчин. Да, я все испытал, и все надоело; одного только я не испытал и, вероятно, никогда не испытаю.

Ирина. Чего же это?

Дульчин. Не скажу я вам, с чего вы взяли! Не обо всем можно говорить с барышней.

Ирина. Со мною можно говорить обо всем.

Дульчин. Вы не знаете жизни, не видали, не испытали ничего; вы меня не поймете и не должны понимать.

Ирина. Я не испытала жизни, но я читала много романов, и я понимаю всё, всё.

Дульчин. А начни я говорить, вы застыдитесь и убежите.

Ирина. О нет, вы меня не знаете.

Дульчин. Ну, извольте, я не испытал страстной любви.

Ирина. Страстной?

Дульчин. Да. Любовь наших женщин какая-то вялая, сонная. Мне надо жгучей страсти, бешеной, с кинжалом и ядом.

Ирина. Быть может, вы ее не замечали?

Дульчин. Хороша бешеная страсть, коли ее даже заметить нельзя.

Ирина *(тихо)*. Вадим!

Дульчин. Что угодно?

Ирина. Она здесь, она давно кипит в груди моей.

Дульчин. Неужели?

Ирина. Да, бешеная, африканская страсть... поверь мне.

Дульчин. Верю, и очень может быть, что я близок к счастью, но...

Ирина. Зачем «но»!

Дульчин. Но ты не должна идти против родных: ты не должна терять их расположения, терять богатство, которое они тебе обещают. Не увлекайся своими африканскими страстями, Ирень! Я от тебя такой жертвы не приму.

Ирина. Да никакой жертвы, никаких даже препятствий! Зачем же мне сдерживать свою страсть, милый Вадим! Ты ведь мой?

Дульчин. Невероятно; это уж слишком много счастья.

Ирина. Ах, поверь, поверь! Погоди, я пришлю сейчас к тебе папашу, поговори с ним. *(Отходит.)* Милый, милый! *(Посылает поцелуй и уходит.)*

Дульчин *(Дергачеву)*. Лука!

Дергачев подходит.

Дульчин. Будем жить, братец, судьба начинает мне улыбаться. Я сейчас делаю предложение.

Дергачев. А как же Юлия Павловна?

Дульчин. А что ж Юлия Павловна? Что я могу для нее сделать? Жениться на ней, о чем она мечтает и дни и ночи; а чем жить будем? У ней ничего, у меня тоже. Что ж, нам мелочную лавочку открыть да баранками торговать? А я женюсь и, по крайней мере, расплачусь с ней, это честнее будет. Конечно, я ее огорчу очень, очень; ну, поплачет, да тем и дело кончится! А пока надо ей солгать что-нибудь.

Дергачев. Ах, лгать! А лгать нехорошо, Вадим, очень нехорошо.

Дульчин. Ты опять с нравоучениями! Так вот я тебя лгать-то и заставлю, и ты будешь лгать. Ты пойдешь завтра к Юлии Павловне и скажешь, что я в Петербург уехал.

Дергачев. Что ж, я пожалуй, я пойду; только ведь меня гоняют оттуда.

Дульчин. Претерпи, бедный друг, все претерпи ради дружбы.

Дергачев. Претерплю. Вадим, я у тебя шафером, я платье новое сошью. Нет ли у тебя трех рублей серебром?

Дульчин. Опять денег просить! Какая привычка у тебя!

Дергачев. Ты ужинать пойдешь, сядешь за стол с компанией, а мне на вас глазами хлопать? Ведь я езжу сюда только для тебя, а ты знаешь, как здесь все дорого.

Дульчин *(достает деньги)*. Ну, на рубль, отвяжись!

Входит Лавр Мироныч.

Отойди, исчезни!

Дергачев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Лавр Мироныч.

Лавр Мироныч. Вадим Григорьич, пожалуйте, милости просим.

Дульчин. Лавр Мироныч, два слова.

Лавр Мироныч. К вашим услугам, весь внимание.

Дульчин. Между благородными людьми разговор должен быть короткий.

Лавр Мироныч. Совершенно справедливо-с.

Дульчин. Мне нравится ваша дочь.

Лавр Мироныч. Девушка хорошая, образованная и с большим приданым.

Дульчин. Она и так хороша, а с приданым, конечно, еще лучше. Но не о приданом речь. Теперь вот в чем вопрос: нравлюсь ли я вам?

Лавр Мироныч. Вы? Как же, помилуйте, мы ваше знакомство за честь себе считаем.

Дульчин. Да погодите, не распространяйтесь! Я хочу жениться на вашей дочери; вы отец, вас обойти нельзя; так согласны вы или нет, как говорится, осчастливить нас?

Лавр Мироныч. С полным удовольствием. За честь почту.

Дульчин. Ну и прекрасно! Только с одним условием: погодите разглашать, мне надо устроить кой-какие делишки.

Лавр Мироныч. Как вам угодно. Не извольте себя стеснять ни в чем. Пожалуйте кушать; а послезавтра прошу на вечер ко мне, познакомитесь с нами покороче, посмотрите, как живем.

Дульчин. А вы мастер ужины заказывать.

Лавр Мироныч. Какой это ужин! Здесь клуб, тот же трактир, вот дома — другое дело! Отчего ж себе и не позволить, коли есть средства? Пожалуйте, пожалуйте, ждут-с!

Лавр Мироныч и Дульчин уходят. Прилив публики.
На авансцену выходят Разносчик вестей, Москвич, Иногородный.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Разносчик вестей, Наблюдатель, Иногородный, Москвич, публика.

Разносчик вестей *(Наблюдателю)*. Вот вы и не угадали; Дульчин женится на Прибытковой.

Наблюдатель. Погодите, не торопитесь.

Разносчик вестей. Да чего годить! Я сейчас был у их стола и разговор слышал между дамами и не-

вестой. Вон посмотрите: их посадили вместе, за их здоровье пьют.

Наблюдатель. Погодите, цыплят осенью считают.

Иногородный. За чье здоровье пьют-с?

Разносчик вестей. За здоровье жениха и невесты.

Иногородный. Какая оказия-то! Помилуйте, как такой случай пропустить! И мы за их здоровье по бокальчику, по другому опрокинем. *(Москвичу.)* Пожалуйте в буфет-с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ЮЛИЯ ПАВЛОВНА.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

ФЛОР ФЕДУЛЫЧ.

ДЕРГАЧЕВ.

МИХЕВНА.

ЛАВР МИРОНЫЧ.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Юлия Павловна (у двери направо), потом Михевна.

Юлия. Михевна, дай-ка там из шифоньерки картон.

Михевна за сценой: «Синенький?»

Да, синенький.

Михевна: «Запереть шифоньерку-то?»

Не надо, после запрешь, от кого нам запираться-то?

Входит Михевна с картоном.

Михевна. Что это какой он легкий, ровно пустой?

Юлия. А вот посмотрим, что в нем. *(Садится у стола, открывает картон и вынимает подвенечный газовый вуаль с флер д'оранжем.)*

Михевна. Ай, прелести какие!

Юлия. Я венчалась в этом, Михевна.

Михевна. Помню, помню. Уж больно хорошо было смотреть на тебя; все как есть любовались. Вот опять бог привел, опять скоро наденешь.

Юлия. Нет, надо новенький купить, да и цветы не годятся: я не девушка.

Михевна. Вот еще разбирать, надела, да и все тут. Стоит на один раз покупать.

Юлия. И, мать моя, неловко, не годится. Да что на такое дело жалеть! Я и платье новое закажу. Я, знаешь, что думаю? Сделать себе убор из незабудок.

Михевна. Из незабудок? Да, мол, не забудь меня!

Юлия. Уж теперь чего мне бояться? Все мои страхи кончились: связаны будем на всю жизнь. И какой человек, Михевна, превосходный! Прямо можно сказать, что благородный человек.

Михевна. Чего лучше! Бравый кавалер, ловкий, смелый, разительный. Кажется, ни перед кем на свете не сробеет.

Юлия. А что Глафира Фирсовна говорила: «Брось ты его сама, пока он тебя не бросил». За что так обижать человека, что он ей сделал?

Михевна. Зависть: ненавистно чужое счастье.

Юлия. Я так и подумала. Конечно, я ему все свои деньги отдала; так ведь я не без рассудка, не без расчета это сделала. Я-таки довольно скупа и на деньги жалостлива.

Михевна. Ох, жалостлива! К мужчинам-то вы больно жалостливы!

Юлия. Что ж делать-то! А все-таки денег даром не брошу.

Михевна. Как можно бросить! Вперед-то не угадаешь; бог знает, как придется век-то доживать.

Юлия. Да, да; первое дело себя обеспечить... Я, нужды нет, что женщина, а очень хорошо жизнь понимаю. И до чего он благороден! Он ведь ни одной копейки у меня так не взял, на всё документы выдал. А разве не все равно, что деньги, что документы? Значит, все мои деньги при мне. Разумеется, с другого взять нечего, а у него имение большое. Он мне все планы показывал и все рассказывал, где леса, где луга. Только оно еще не разделено с сестрицей, ей нужно часть какую-то выделить. Как разделятся, он все имение на мое имя запишет, а я ему документы от-

дам — вот и квит. А имение-то гораздо дороже. Вот как благородно с его стороны. Летом будем в деревне жить, ты у меня будешь хозяйством заниматься. То-то всякой птицы разведешь.

Михевна. Ах, страсть моя! Вот уж душеньку-то отведу. Я вчера у соседей белых индюшек видела, так на чужих больше часу любовалась. Петуха кохинхинского мы отсюда своего возьмем; этакой красоты за сто рублей не сыщешь.

Юлия. Какое чувство в человеке! Вчера по его делам ему вдруг деньги понадобились; ну, я выручила его; так веришь ли, на коленях стоял, руки целовал, плакал, как ребенок.

Михевна. Когда свадьбу-то думаете?

Юлия. Да мы решили, что в будущую середу. Сегодня приедет, поговорим, когда вечер сделать, родных позвать. *(Разбирая в картоне.)* Ах, что это, как попало сюда?

Михевна. Что такое, матушка?

Юлия. Иммортель, цветы с гроба. Это я на похоронах мужа в сумасшествии-то ухватила... Как они очутились здесь?

Михевна. Да что мудреного! Сунула сама как-нибудь; а то кому же?

Юлия. К добру ли?

Михевна. Ничего. Что ж тут дурного? Память. Съезди на могилку!

Юлия. Ах, сердце упало. Какая я глупая, суеверная; теперь все будет думаться. А ведь ехать надо платье заказывать, а то после некогда будет с хлопотами.

Михевна. А что ж, поезжай! Убрать кардон-то?

Юлия. Оставь до меня, я скоро приеду. *(Уходит.)*

Михевна за ней и скоро возвращается.

Михевна. Чего испугалась? Сама не знает, чего. Ну, вот и мы скоро заживем по-людски... А то всех стыдимся, от людей прячемся; только и свету в глазах, что Вадим Григорьич... Что хорошего? А насчет индеек я секрет знаю: я цыплят выхожу, всех выхожу. Главная причина, когда они будут оперяться... *Звонок.*

Кого бог дает? Гости за гостями! Что-то разъездились! А бывало, по месяцу человека не увидишь.

Входит Глафира Фирсовна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Михевна и Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Никак опять не застала?

Михевна. Не застала, матушка.

Глафира Фирсовна. То-то я вижу, прокатила как будто она. Я было крикнула, не оглядывается,— не бежать же мне за ней, я не скороход. Все-таки, думаю, зайду, хоть отдохну. *(Садится у стола.)* Что новенького, с чем поздравить?

Михевна. Свадьба у нас.

Глафира Фирсовна. Что ты говоришь! Когда?

Михевна. В середу.

Глафира Фирсовна. Ну, что ж, давай бог. *(Взглянув в картон.)* Уж и вуаль подвенечный вынула, вот как торопится.

Михевна. Платье заказывать поехала.

Глафира Фирсовна. Подвенечное?

Михевна. Подвенечное.

Глафира Фирсовна. Какая заботливая!

Михевна. Уж поскорей бы, да и из головы вон. Легко ли дело, полтора года маемся.

Глафира Фирсовна. Бывает, что и накануне свадьбы дело расходится.

Михевна. Ну, уж не дай бог и вздумать-то! Да она, кажется, не переживет.

Глафира Фирсовна. Все на свете бывает. Вольный человек, что ветер, как его удержишь? Как бы на цепь их приковывать, другое дело. Да я так болтаю. Пируйте, пируйте, да и нас зовите. Чтой-то, мать, стала я замечать за собой: меня около этого часу все как будто на пищу позывает.

Михевна. Нешто дурное дело? Значит, весь здоров человек. Там пирожок есть.

Глафира Фирсовна. В шкапчике?

Михевна. В шкапчике.

Звонок.

Глафира Фирсовна. Вон звонит кто-то. Ты не беспокойся, я дорогу знаю. *(Уходит.)*

Входит Лавр Мироныч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Михевна и Лавр Мироныч.

Лавр Мироныч. Юлия Павловна у себя?

Михевна. Нету, батюшка, нету; сейчас только выехала.

Лавр Мироныч. Скоро будут, может быть?

Михевна. Не знаю, батюшка, к портнихе поехала.

Лавр Мироныч. Уж я дожидаться ни в каком случае не могу. Потрудись сказать, милая, что я сам заезжал.

Михевна. Хорошо, батюшка, хорошо.

Лавр Мироныч. Так и скажи: Лавр Мироныч сами, мол, были.

Михевна. Уж знаю, знаю.

Лавр Мироныч. Просят пожаловать завтра на вечер.

Михевна. Хорошо, скажу.

Лавр Мироныч. Усерднейше, мол, просят.

Михевна. Да, да, так, так.

Лавр Мироныч. Убедительнейше, мол, просят.

Михевна. «Победительно просят». Так и скажу, отчего ж не сказать?

Лавр Мироныч. Нет, уж не надо; ты меньше говори, а лучше отдай вот это. *(Подает пригласительный билет.)*

Михевна. Записочку?

Лавр Мироныч. Да, записочку. Да скажи, что Лавр Мироныч сами заезжали.

Михевна. Хорошо, скажу.

Лавр Мироныч. Только не забудь, пожалуйста.

Михевна. Кто ж его знает? Долго ль забыть-то? Какая память-то у меня плохая стала. Надо быть, что забуду.

Лавр Мироныч. Сделай милость, попомни!

Михевна. Рада б радостью. Погоди, батюшка, я вот что: я вот сюда положу. *(Кладет билет на стол.)* Коли я на грех забуду, так она сама увидит.

Звонок.

Еще гости, ну! А может, и сама.

Входит Флор Федулыч. Глафира Фирсовна входит из боковых дверей.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лавр Мироныч, Михевна, Флор Федулыч, Глафира Фирсовна.

Михевна *(Флору Федулычу)*. Нету самой-то. Подождете разве? *(Уходит.)*

Глафира Фирсовна. Ну, все вместе съехались.

Лавр Мироныч. Дяденька, честь имею кланяться. Заехал пригласить Юлию Павловну.

Флор Федулыч. Для чего же это вам Юлия Павловна понадобилась?

Глафира Фирсовна. Да он всю Москву приглашает, так уж кстати.

Лавр Мироныч. Всю Москву мне и поместить негде, а что касается до Юлии Павловны, так у нас многие дамы лансье не танцуют, а они в этом танце всегда отличались.

Глафира Фирсовна. Ну, уж ей, чай, не до танцев будет!

Флор Федулыч. Нет, уж вы, Лавр Мироныч, Юлию Павловну оставьте в покое-с.

Лавр Мироныч. Как им будет угодно; я им билет оставил, вот здесь на столе.

Флор Федулыч. Совсем напрасно, совсем напрасно-с.

Лавр Мироныч. Моя обязанность, дяденька, была учтивость соблюсти против них.

Флор Федулыч. Я вам объяснять теперь не стану, после сами узнаете; только напрасно, Лавр Мироныч, напрасно-с.

Глафира Фирсовна. Да убрать его, вот и вся недолга.

Флор Федулыч. Приберите-с.

Глафира Фирсовна *(берет билет)*. Я его себе возьму на знак памяти. *(Про себя.)* Вот на подвенечный вуаль его и положим. *(Кладет в картон.)* Он и мне билет завез. Где это ты такой бумаги взял? Уж такая деликатность, такая деликатность.

Лавр Мироныч. Заезжал, карточки для меню покупал, так понравилась бумага, я и взял.

Флор Федулыч. И меню напишете?

Лавр Мироныч. Да-с, разложим по кувертам.

Флор Федулыч. Значит, у вас будет ужин во всей форме?

Лавр Мироныч. Где же, дяденька, во всей форме? На это капиталу моего нехватит. Я думал сначала а ля фуршет, да после рассудил, что ужин будет солиднее.

Глафира Фирсовна. Мороженое будет?

Лавр Мироныч. Без мороженого невозможно. Будет всех сортов.

Глафира Фирсовна. А мое-то, которое я-то люблю?

Лавр Мироныч. Это какое же-с?

Глафира Фирсовна. Что в стаканчиках-то подают.

Лавр Мироныч. Пунш гласé? Собственно для вас особенное будет.

Глафира Фирсовна. Вот спасибо. Только вели почаще подавать. Ты отсюда домой, что ли? Так подвез бы меня.

Лавр Мироныч. Я нынче дома ближе ночи не буду-с. Вот теперь занимаюсь цветами. К беседке на площадку нужно померанцевых деревьев в кадках. Ужинать будем на террасе; она парусиной покрыта; так чтоб замаскировать потолок, хотим распланировать гирлянды из живых цветов. При всем том букеты нужны: при входе будем каждой даме предлагать.

Глафира Фирсовна. Чудесно, брат.

Лавр Мироныч. Опять же об музыке беспокоюсь. Приятно, дяденька, полный оркестр иметь и чтоб настоящие артисты были. За ужином увертюру из «Аиды», потому вещь новая. А ежели «Морской разбойник Цампа», так это довольно обыкновенно.

Флор Федулыч. А я еще помню, когда из «Лодоиски» играли и из «Калифа Багдадского».

Лавр Мироныч. А в заключение «Барыню», и человек двенадцать вприсядку пускались. Прошли, дяденька, те времена. Европа-то бы от нас недалеко ушла, кабы у нас, у людей со вкусом, побольше капиталу было.

Глафира Фирсовна. Ты отсюда куда же?

Лавр Мироныч. К Бутырской заставе в оранжерею.

Глафира Фирсовна. Ну, мне не по дороге.

Флор Федулыч. Не беспокойтесь, я вас доставлю.

Лавр Мироныч. Дяденька, честь имею кланяться! Глафира Фирсовна, равномерно и вам. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, потом Михевна.

Глафира Фирсовна. Люблю молодца за обычай. Удивит Москву Лавр Мироныч!

Флор Федулыч. Да уж он давно удивляет: задает пиры, точно концессию получил.

Глафира Фирсовна. С деньгами-то не мудрено; а попробуй-ка без денег шику задать! Тут очень много ума нужно.

Флор Федулыч. Да-с, уж либо очень много ума иметь, либо совсем не иметь ни ума, ни совести. Вы зачем же собственно к Юлии Павловне пожаловали?

Глафира Фирсовна. Рассказать ей про друга-то хотела.

Флор Федулыч. Какую же в этом надобность вы находите?

Глафира Фирсовна. Ах, боже мой, какую надобность!.. Вы, Флор Федулыч, стало быть, женской натуры не знаете. Поди-ка, утерпи! Так тебя и подмывает, да чтоб первой, чтоб кто другой не перебил.

Флор Федулыч. Нет, уж эту неприятную обязанность я на себя возьму-с.

Глафира Фирсовна. Опять же и то любопытно посмотреть, как она тут будет руками разводы разводить да приговоры приговаривать. Ведь ишь ты, подвенечное платье поехала заказывать, а тут вдруг удар! Этакого представления разве скоро дождешься!

Флор Федулыч. Нет, уж вы не извольте беспокоиться,— из чужого горя для себя спектакль делать. Ежели не взять осторожности, так может быть вред для здоровья Юлии Павловны. Поедемте, я вас подвезу немного, а через четверть часа я заеду сюда опять, чтобы, сколько возможно, успокоить их.

Глафира Фирсовна. А я к ней вечерком забегу понаведаться.

Из передней входит Михевна.

Михевна. Уезжаете? Как же сказать-то, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Ничего не говорите. Я заеду-с.

Флор Федулыч и Глафира Фирсовна уходят.

Михевна. Разъехались, и слава богу. Того и гляди, приедет Вадим Григорьич; что хорошего при чужих-то! Стыд головушке.

Звонок.

Вот он, должно быть, и есть, либо сама.

Входит Д е р г а ч е в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

М и х е в н а, Д е р г а ч е в.

Д е р г а ч е в. Дома Юлия Павловна?

М и х е в н а *(махает рукой)*. Нету дома, нету, нету.

Д е р г а ч е в. Ну, я подожду; хорошо, я подожду.

М и х е в н а. Да чего ждать! Шли бы!

Д е р г а ч е в. Как шли бы? Это странно! Мне нужно.

М и х е в н а. Да вы приятель Вадима Григорьича или сродственник ему доводитесь?

Д е р г а ч е в. Ну, приятель, друг, как хочешь.

М и х е в н а. Так мы его самого ждем; а уж вы-то тут при чем же? Еще кабы сродственник, так не выгонишь, потому свой; а коли посторонний, так бог с тобой. Шел бы в самом деле домой, что уж!

Д е р г а ч е в. Да коли я говорю, что у меня дело есть.

М и х е в н а. Ну, какое дело! Обыкновенно, съесть что-нибудь послаще, винца выпить хорошенького, коли дома-то тонко. Как погляжу я на тебя, ты, должно быть, бедствуешь; все больше, чай, по людям кормишься?

Д е р г а ч е в. Что говорит, что говорит! Ах!

М и х е в н а. Так, милый человек, на все есть время. Вот будет свадьба, так милости просим: кушайте и пейте на здоровье, сколько душа потребует; никто тебя не оговорит. Нам не жалко, да не ко времени.

Д е р г а ч е в. Ах, черт возьми! Вот положение! Вот она дружба-то! Кто тебе говорит о съестном! Ничего мне съестного не нужно, пойми ты. Мне надо говорить с Юлией Павловной.

М и х е в н а. Об чем говорить? Все переговорено, все покончено. Не твоего это ума дело. Заходи в другой раз, я тебя попотчую, а теперь не прогневайся.

Д е р г а ч е в. Ничего мне от тебя не надо, никакого потчеванья.

Михевна. Ну, как можно! Шел далеко, и устал, и проголодался. По всему видно, что человек тощий. Да, милый, не в раз ты попал.
Дергачев. Как с такой бабой говорить! Вот тут и сохраняй свое достоинство.
Михевна. Коли вправду что нужно, так подожди у ворот, а то лезешь прямо в комнаты.
Дергачев. А! У ворот! С ума можно сойти!
Михевна. Поди, поди, бог с тобой; честью тебя просят.
Дергачев. Не пойду я, отойди от меня!
Михевна. Так неужто за квартальным посылать!

Звонок.

Эх, срамник! Во всем доме только бабы одни, а он лезет насильно.

Входит Юлия Павловна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дергачев, Юлия Павловна, Михевна.

Юлия *(быстро)*. Вадим Григорьич еще не приезжал?
Михевна. Нету, матушка, много гостей было, а он не приезжал. Да вот тут приятель его толчется, невесть чего ему нужно, не выживу никак.
Юлия *(увидав Дергачева)*. Ах, Лука Герасимыч, я вас и не вижу. Вы от Вадима Григорьича?
Дергачев. По его поручению-с.
Михевна. Так бы и говорил, а то лепечет без толку.
Юлия. Оставь нас, Михевна.

Михевна уходит.

Что, здоров он? Приедет сегодня? Конечно, приедет. Скоро он приедет?
Дергачев. Нет-с, вы не ждите; он никак не может.
Юлия *(с испугом)*. Как? Почему? Болен он? Захворал вдруг? Да говорите же!
Дергачев. Совершенно здоров. Он уехал в Петербург.
Юлия. Не может быть, вы лжете. Он бы должен сказать, предупредить меня. *(Потерявшись.)* Как же это?
Дергачев. Он теперь должен быть... позвольте... на какой станции?.. Я думаю, в Клину-с.

Юлия. Почему же он не предупредил меня? Что все это значит? Да скажите же, ради бога!

Дергачев. Почему не предупредил? Я это не знаю-с. Это, вероятно, впоследствии объяснится.

Юлия. Когда впоследствии? Зачем впоследствии? Отчего не теперь? Да что же это такое значит?

Дергачев. Он, вероятно, скоро напишет мне из Петербурга.

Юлия. Вам? Да он мне должен писать, а не вам. Что это, что это... *(Плачет.)*

Дергачев. Конечно, и вам напишет; вы не беспокойтесь!

Юлия. Ведь у нас день свадьбы назначен. Вы знаете, вы слышали, что в среду наша свадьба?

Дергачев. Нужно отложить-с.

Юлия. Да надолго ли? Когда этому конец будет? Надолго ли еще откладывать?

Дергачев. На неопределенное время-с.

Юлия. Нет у него жалости ко мне. Истерзалась я, истерзалась. Лука Герасимыч, ну, будьте судьей! Назначить через пять дней свадьбу и вдруг уехать, не сказавшись. Ну разве так делают? Честно это? Ну разве это не мученье для женщины? За что же, ну скажите, за что же! Отчего ж он не показался? Говорите, отчего он не показался?

Дергачев. Может быть, ему совестно.

Юлия *(с испугом)*. Совестно? Что же он сделал? Что он сделал?

Дергачев. Он ничего не сделал-с. Денег нет у него, а сегодня по векселю платить нужно.

Юлия. Как нет денег? У него были деньги, я знаю, что были. Это вздор!

Дергачев. Да, он получил вчера каких-то шесть тысяч. Так велики ли деньги, надолго ль ему? Он имел несчастие или, лучше сказать, неосторожность проиграть их тут же в полчаса. Разве вы его не знаете?

Юлия. Что вы говорите! Уж и не верится. Да нет, не может быть, нельзя ему проиграть этих денег: они слишком дороги для него и для меня. Слышите вы,— слишком дороги!

Дергачев. А вот проиграл-с. Я останавливал; да что ж делать, слабость.

Юлия. Ах, нет! Бессовестно, безбожно! Не оправдывайте его! Грех проиграть эти деньги, обида кровная.

Чему верить после этого? Всего можно ждать от такого человека. *(Задумывается.)*

Дергачев. Я Вадима не оправдываю, оправданий ему нет.

Юлия. Скажите, еще-то что, что еще-то?

Дергачев. Ах, не спрашивайте! Вы расстроены... уехал в Петербург за деньгами, вот и все. Что я вам могу еще сказать?

Юлия *(с трудом выговаривая слова)*. Очень-то дурного ничего нет?

Дергачев. Не знаю, не знаю-с. Я все сказал, что мне приказано.

Юлия. А!! Вы говорили, что вам приказано? Вы говорили не то, что было, что знаете, а то, что вам приказано; значит, вы говорите неправду, вы меня обманываете? *(Покачав головой.)* Видно, все вы одинаковы! Вам ничего не стоит обмануть женщину. Бессовестные, бессовестные!

Дергачев. Я лучше уйду-с; что мне в чужом пиру похмелье принимать!

Юлия. Да ступайте, кто вас держит... Погодите... Надо же мне знать... Совсем, что ль, он хочет меня бросить? Так бы вы и говорили! Да и как еще он смеет это сделать? Как смеет?

Дергачев. Помилуйте, как я могу отвечать вам на такие вопросы!

Юлия. А не можете, так зачем вы пришли? Зачем вы пришли, я вас спрашиваю?.. Только расстроивать, только мучить меня.

Дергачев. Меня послали к вам, я и пришел и сказал все, что велено.

Юлия. Да ведь не верю я вам; ни вам, ни ему не верю я ни в одном слове. Какой же тут разговор!

Дергачев. Не верите, а сами спрашиваете. Я ухожу, Юлия Павловна, прощайте!

Юлия. Давно бы вам догадаться! *(Садится к столу.)* Разве вы не видите, в каком я положении?

Дергачев идет к двери.

Ах, постойте!

Дергачев останавливается.

Нет, прощайте!

Дергачев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Юлия (одна).

Юлия. Точно сердце чувствовало, так вот и ждала, что какая-нибудь помеха случится... Однако совестно ему: не показался... Ну, да как не совеститься!.. Проиграть деньги, которые я с таким стыдом... А ведь покажись, пожалуй, простила бы... ну, само собой, простила бы... Боится меня. Нет, еще есть в нем совесть! Значит, еще не совсем он испорчен... В Петербург поехал за деньгами... Какие у него там деньги... Долго ль он за ними проездит? Ничего неизвестно... Пожалуй, целый месяц пройдет. А в месяц мало ли что может случиться... Чего не передумаешь!.. С ума можно сойти... Давеча этот цветок, этот иммортель... как он очутился в картоне? И не трогала я этого картона, до нынешнего дня не прикасалась к нему... Понять не могу. *(Смотрит в картон.)* Это еще что такое? *(Вынимает пригласительный билет и читает.)* «Лавр Мироныч Прибытков покорнейше просит сделать ему честь — пожаловать на бал и вечерний стол по случаю помолвки дочери его Ирины Лавровны с Вадимом Григорьичем Дульчиным». *(Протирает глаза рукой и снова читает.)* «С Вадимом Григорьичем Дульчиным...». Михевна, Михевна!

Входит Михевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Юлия Павловна, Михевна.

Юлия. Кто... кто был без меня? Вот это кто привез?

Михевна. Лавр Мироныч, матушка.

Юлия *(бессознательно)*. Лавр Мироныч... Лавр Мироныч... на бал и вечерний стол...

Михевна. Да, матушка, очень просили-с.

Юлия *(едва переводя дух)*. Очень просили... По случаю помолвки Ирины Лавровны с Вадимом Григорьичем Дульчиным.

Михевна. Что ты, матушка, бог с тобой! Разве другой какой!..

Юлия. Нет, он, Михевна; сердце говорит, что он... *(Громко.)* Он, он! *(Встает.)* Михевна, я поеду, я поеду... Давай шляпку!..

Михевна. Зачем, матушка, зачем ехать?
Юлия. Надо ехать, надо... Я поеду сейчас.
Михевна. Куда? Что ты? Не пущу!
Юлия. Да мне видеть его только; в глаза посмотреть... Какие у него глаза-то...
Михевна. В таком ты огорчении, да со двора ехать! Нет, нет!
Юлия. Захотел он меня обидеть, ну бог с ним!.. Я с него потребую, я возьму деньги мои... Ведь как же мне жить-то? Ведь все он взял.

Входит Флор Федулыч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Юлия Павловна, Михевна, Флор Федулыч.

Юлия. Ах, Флор Федулыч, горе, горе! *(Показывает билет.)* Вот посмотрите!
Флор Федулыч *(взглянув на Михевну)*. Какая неосторожность-с!
Михевна. Да разве я, батюшка, знала.
Юлия. Флор Федулыч, помогите! Хоть бы деньги-то мне воротить, хоть бы деньги-то!
Флор Федулыч. Вам одно остается, Юлия Павловна, пренебречь.
Юлия. Конечно, не надо мне его, не надо. А деньги-то, Флор Федулыч, ведь почти все мое состояние... Я хочу получить.
Флор Федулыч. Получить с него невозможно-с, но вы не беспокойтесь.
Юлия. Нет, я возьму... За что же... После такой обиды... Нет, помилуйте, за что же я ему подарю?..
Флор Федулыч. У него ничего нет-с.
Юлия. Как нет? Есть. У него имение большое, богатое... Он мне планы показывал.
Флор Федулыч. Положительно ничего нет-с. Я верные известия имею. Было после отца имение, да давным-давно продано и прожито-с.
Юлия *(с испугом)*. Значит, и это был обман? *(Едва держится на ногах.)* Обман! Все, все брошено даром...
Флор Федулыч. Успокойтесь, успокойтесь!
Юлия. Я покойна... Да неужели, да неужели он так бесстыден?
Флор Федулыч. Вы очень доверчивы-с... Пренебречь его следует, пренебречь!

Юлия. Ограблена и убита! *(Садится.)* Я нищая, обиженная совсем... За что же они еще смеются-то надо мной, на свадьбу-то приглашают? Ах, ах! *(Обморок.)*

Флор Федулыч *(Михевне)*. Им дурно. Поскорей спирту, что нибудь-с!

Михевна уходит.

Юлия *(в бреду)*. Сероватое платье-то себе заказала... Правду люди-то говорили, а я не верила... Теперь как же?.. Две у него невесты-то? Сероватое я платье-то заказала... Ах, нет, желтоватое. *(Несколько придя в себя.)* Ах, что это я говорю?.. *(Тихонько смеется.)* Ха, ха, ха! Флор Федулыч! Ха, ха, ха! *(Подает руку Флору Федулычу.)*

Входит Михевна.

Надеть подвенечное платье и флер д'оранж, да и ехать на бал... ха, ха, ха!.. Они рядом будут сидеть... взять бокал... Совет вам да любовь... ха, ха, ха! Ну, поцелуйтесь! *(Обморок.)*

Флор Федулыч *(Михевне)*. Опять обморок, и руки похолодели. Этим не шутят-с, скорей за доктором-с... Это уж близко смерти-с...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ДУЛЬЧИН.

ДЕРГАЧЕВ.

САЛАЙ САЛТАНЫЧ.

ИРИНА.

ГЛАФИРА ФИРСОВНА.

ЮЛИЯ ПАВЛОВНА.

ФЛОР ФЕДУЛЫЧ.

МАРДАРИЙ
человек Дульчина.

Богато убранный кабинет; ни книг, ни бумаг, вообще никаких признаков умственной работы незаметно. Большой письменный стол, на нем два-три юмористических листка, чернилица со всем прибором, револьвер и фотографический портрет. Две двери: одна, в глубине, в залу, другая с левой стороны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дульчин (выходит из боковой двери), потом Мардарий.

Дульчин. Эй, Мардарий!

Входит Мардарий.

Кто там звонил?

Мардарий. Да старуха эта оттуда, как ее!..

Дульчин. Какая старуха?

Мардарий. От Юлии Павловны.

Дульчин. Михевна?

Мардарий. Да, Михевна.

Дульчин. Что ей надо?

Мардарий. За портретом приходила.

Дульчин. За каким портретом?

Мардарий. Вот за этим самым-с.

Дульчин. На что ей портрет?

Мардарий. Кто ж их знает? Нужно, говорит.

Дульчин. Да кому нужно-то, Юлии Павловне, что ли?

Мардарий. Ничего этого она не говорит, ладит одно; нужно, очень нужно, вот и все.

Дульчин. Что же ты?

Мардарий. Говорю: барин в Петербург уехал, отдать нельзя, потому нам трогать ничего не приказано.

Дульчин. Что ж, поверила?

Мардарий. Как их разберешь? Морщится как-то, стоит, не то она плачет, не то смеется. А словно как не верит.

Дульчин. А дальше что?

Мардарий. Об чем еще с ней разговаривать! Запер дверь; она домой пошла.

Дульчин. Одеваться приготовил?

Мардарий. Приготовил.

Дульчин. Фрак?

Мардарий. Фрак.

Дульчин. И сапоги лаковые?

Мардарий. Все как следует.

Дульчин. Достань бриллиантовые запонки!

Мардарий. Что ж, и запонки можно.

Дульчин. Завтра поутру я встану поздно...

Мардарий. По обыкновению.

Дульчин. Нет, поздней обыкновенного. Так приготовь ты мне к завтраку бифштекс хороший, сочный.

Звонок.

Дульчин. Кто там еще? Если кто из кредиторов, так ты...

Мардарий. Да уж знаю, не привыкать стать...

Дульчин. Только ты разнообразь свою фантазию; а то всем одно и то же.

Мардарий уходит.

Надо у Салая денег взять: потребуются расходы. Надо казаться богатым женихом, а это недешево стоит.

Входит Дергачев в старомодном фраке, завит весьма неискусно, барашком, держит себя важно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дульчин, Дергачев, потом Мардарий.

Дергачев. Здравствуй, Вадим! Во-первых, не беспокойся, там все благополучно; я устроил. Ну, душа моя, поедем!

Дульчин. Куда это?

Дергачев. К Прибытковым.

Дульчин. С этих-то пор?

Дергачев. Разве рано? Ну, подождем. *(Важно ходит по комнате.)*

Дульчин. Зачем же вихры-то у тебя? Да еще в разные стороны торчат.

Дергачев. Ах, оставь. Я знаю, что я делаю. Хорошо тебе,— ты красавец. Я тебе не льщу, ты заметь, я не льщу никогда... Ты красавец, тебе прикрас не нужно; а с моей фигурой и физиономией надо же что-нибудь.

Дульчин. Сомневаюсь, чтоб такие вихры могли кому-нибудь служить украшением.

Дергачев. Я прошу тебя, оставь! Пожалуйста, без сарказмов. Это уж мое дело.

Дульчин. И фрак подгулял.

Дергачев. Фрак! Ну, что ж такое фрак! Где я возьму? Фрак еще ничего... Ты скажи там всем, что я оригинал, ну, и кончено... что я могу хорошо одеваться, да не хочу. Мало ли какие оригиналы бывают!

Дульчин. Если ты находишь оригинальным ходить в засаленном фраке...

Дергачев. Ну, оставь же, я тебя прошу.

Дульчин *(ложась на диван)*. Однако я не совсем хорошо себя чувствую.

Дергачев. Что с тобой?

Дульчин. Гадко спал сегодня.

Дергачев. Отчего это?

Дульчин. Все-таки, как хочешь, важный шаг, миллионное дело; да уж очень совестно перед Юлией.

Дергачев. Ты в сентиментальном расположении?

Дульчин. Как ни толкуй, как ни поворачивай дело, а ведь я поступил с ней жестоко. Да, сумел я устроить свою жизнь,— что ни шаг, то подлость. Нет, довольно. Сколько мучений, сколько вот таких ночей! А тоска, братец!.. Кончено! Давай руку.

Дергачев. Зачем?

Дульчин. Я, Лука, человек слабый, распущенный, вот мое несчастие. Мне непременно нужно торжественно поклясться перед кем-нибудь, дать честное слово, оно меня будет удерживать.

Дергачев. Ну, изволь, на!

Дульчин. Вот тебе честное, благородное слово, что это последняя глупость в моей жизни. И я сдержу свое слово. Пора быть честным человеком!

Дергачев. Да, уж это ни в каком случае не мешает.

Дульчин. Да и гораздо покойнее для себя-то, ты пойми.

Дергачев. Еще бы!

Дульчин. Ну, что Юлия, как она?

Дергачев. Ничего; задумалась, может быть, поплачет. Я ей сказал, что скоро она получит известие от тебя. Теперь тебе остается написать ей честное, откровенное письмо.

Дульчин. Письмо написать недолго, но как избежать объяснений? А ведь это, я тебе скажу, такая неприятная история! Женские слезы для меня нож острый.

Дергачев. Объяснения предоставь мне. На то и друзья, чтоб все неприятное сваливать на них. Ну, душенька, вставай, поедем!

Дульчин. Рано еще. Кто ж ездит на вечер засветло?

Дергачев. Если ты еще не скоро поедешь, так что ж моим лошадям стоять! Послушай, нет ли у тебя чего-нибудь мелочи, кучеру дать на чай? Пусть он съездит, пока чаю напьется.

Дульчин. Какому кучеру? Откуда у тебя кучер?

Дергачев. Ну, извозчик, разве это не все равно? Я к тебе в карете приехал.

Дульчин. С какой стати? Друг мой, не вдавайся в роскошь, она ведет к погибели.

Дергачев. Отчего же не позволить себе изредка? Все с тобой, все на чужой счет, точно приживалка. Ты сам по себе приедешь, а я сам по себе, больше тону.

Входит Мардарий.

Мардарий. Дама какая-то желает вас видеть.

Дульчин *(вставая с дивана)*. Незнакомая? Не Юлия Павловна?

Мардарий. Никак нет-с.

Дульчин. Проси сюда. *(Дергачеву.)* Убирайся!

Мардарий уходит.

Дергачев. Куда же мне?

Дульчин. Куда хочешь.

Дергачев. Мне бы только посмотреть, что это за дама такая.

Дульчин. Ступай в залу, взгляни и останься там, и не смей сюда носу показывать.

Дергачев уходит. Входит Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дульчин, Ирина.

Дульчин. Кого я вижу! Ирина Лавровна!

Ирина. Ах, Вадим, ах!

Дульчин. Какими судьбами? Я сейчас сам к вам сбирался...

Ирина. Нет, нет, Вадим, не надо.

Дульчин. Как, что такое, что случилось?

Ирина. Бежим.

Дульчин. Куда?

Ирина. Куда хочешь, только подальше от Москвы, подальше от людей.

Дульчин. Чем же нам люди мешают? Зачем бежать?

Ирина. Зачем? Ты спрашиваешь? Затем, чтоб утопать в блаженстве.

Дульчин. Да утопать в блаженстве мы можем и здесь.

Ирина. Ах, это такая проза, так обыкновенно, так пошло...

Дульчин. Ваша правда; но зато блаженство будет прочнее, потому что с благословением родительским соединяются и другие блага, которые необходимы в жизни.

Ирина. Но я, Вадим, боюсь.

Дульчин. Чего, моя фея, чего?

Ирина. Нас могут разлучить, есть препятствие.

Дульчин. Я знаю, про какое препятствие ты говоришь... Я ожидал этого... Не бойся, она, то есть это препятствие, не помешает. Когда я желаю достигнуть цели, я знать не хочу никаких препятствий.

Ирина. Какой высокий, благородный характер! Вот и у меня такой же: видишь, какая я смелая. Итак, Вадим, или бежать, или сейчас же венчаться, чтоб ничто не могло помешать нам.

Дульчин. Сейчас нельзя: это так скоро не делается.

Ирина. Как ты хочешь, но уж я тебя не оставлю, я готова на все.

Дульчин. Как не оставишь? Что это значит?

Ирина. Я к тебе совсем, я не уйду от тебя.

Дульчин. Ирина, подумай!

Ирина. Нет, нет; иначе бы я не была достойна тебя. Ты мой, и никто нас не разлучит. Вадим, ты искал страстной любви... счастливец, ты ее нашел! *(Бросается на шею к Вадиму.)*

Звонок.

Дульчин. Постой, погоди! Кто-то звонит. Войди на минуту вот сюда! *(Провожает Ирину в боковую дверь и идет в залу.)*

Входит Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дульчин, Салай Салтаныч.

Дульчин. Салай Салтаныч, вот кстати.

Салай Салтаныч. Я всегда кстати, мы не ходим некстати.

Дульчин. Денег, Салай, денег! Давай больше!

Салай Салтаныч. Зачем шутить? Шутить не надо.

Дульчин. Какие шутки? Я тебе серьезно говорю, мне нужны деньги.

Салай Салтаныч. Кому не нужны? Всем нужны. И мне нужны. Заплати по векселю!

Дульчин. По какому векселю? Ты никак с ума сошел. Ты обещал ждать, и сам же кредит предлагал. Ну, вчера, вчера, помнишь? Ты опомнился ли со вчерашнего-то?

Салай Салтаныч. Вчера был день,— нынче другой; вчера было дело,— нынче другое.

Дульчин. Белены, что ль, ты объелся?

Салай Салтаныч. Я дома хороший шашлык ел, кахетинский пил, белены не кушал. Плати деньги.

Дульчин. Да ты много кахетинского-то выпил?

Салай Салтаныч. Самый мера, сколько надо. Мы много не пьем: бутылка-другой выпил, довольно. Зачем разговор? Плати деньги.

Дульчин. Откуда я тебе возьму? Ты мои дела знаешь: мои деньги впереди, пока у меня только надежда.

Салай Салтаныч. Твоя надежда — ничего! Никто грош не даст.

Дульчин. Но ведь ты сам верил, ты сам меня жениться заставлял.

Салай Салтаныч. Кто знал?.. Он пустой человек, дрянь человек. Тебя обманул, меня обманул, всех обманул.

Дульчин. Кто «он»? Кто обманул?

Салай Салтаныч. Лавр Мироныч. Он фальшивый векселя делал.

Дульчин. Фальшивый! Зачем?

Салай Салтаныч. Дисконт отдавал, деньги брал.

Дульчин. На чье же имя?

Салай Салтаныч. Зачем далеко ходить? Дядя есть, Флор Федулыч. Чего долго думать?

Дульчин. Ну, что ж Флор Федулыч? Да говори толком!

Салай Салтаныч. Нынче узнал, нынче и деньги платил.

Дульчин. Заплатил-таки?

Салай Салтаныч. А не заплати,— Лавр Мироныч в Сибирь гуляй. А теперь мало-мало сидит в яме; дело знакомый, не привыкать.

Дульчин. Да ты видел Флора Федулыча?

Салай Салтаныч. Сейчас видел, в Троицком с ним сидел, долго говорил.

Дульчин. А как же внучка, Ирина Лавровна?
Салай Салтаныч. А внучка чем виновата? Ее дело сторона.
Дульчин. Значит, его расположение к ней не изменилось?
Салай Салтаныч. За что обижать?
Дульчин. И приданое даст?
Салай Салтаныч. Обижать не будет.
Дульчин. Да сколько даст-то?
Салай Салтаныч. Не обидит.
Дульчин. Да говори! Ведь уж ты выспросил, вызнал все; разве ты утерпишь?
Салай Салтаныч. Говорил, пять тысяч дам. Его слову верить можно, купец обстоятельный: как сказал, так и будет.
Дульчин. Ты меня зарезал.
Салай Салтаныч. Кто тебя резал? Сам себя резал. Деньги платить будешь?
Дульчин. Разумеется, не буду; откуда я возьму?
Салай Салтаныч. Так и знать будем. А мне что с тобой делать, скажи? Советуй, сделай милость!
Дульчин. Мое дело было занимать, а уж получай с меня, как знаешь; это твое дело. Не мне тебя учить.
Салай Салтаныч. И за то спасибо, прощай! *(Уходит.)*

Вбегает Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дульчин, Дергачев.

Дергачев. Я слышал, все слышал. Какое несчастие, какое ужасное несчастие, Вадим!
Дульчин *(хохочет)*. Миллионы-то как скоро растаяли!
Дергачев. Значит, ехать незачем. Как же карета?
Дульчин. Какой урок, какой урок!
Дергачев. Куда я денусь с каретой?
Дульчин *(не слушая)*. Но!!.. Падать духом не надо; еще не все потеряно. Юлия меня выручит.
Дергачев. Разве отпустить карету да велеть завтра приехать за получением?
Дульчин. Вот когда узнаёшь цену искренней любви.
Дергачев. А потом опять «завтра» и так до бесконечности. Денег у меня нет, ведь я для тебя нанимал.

Дульчин. К ней, сейчас же к ней! Ручки, ножки целовать. Лука, я тебе клялся, что больше не сделаю ни одной глупости в жизни; я тебе повторяю эту клятву, торжественно повторяю. Ты ее помни!

Дергачев. Да я ее помню... А как же мне с каретой-то?

Дульчин. А мне что за дело? *(Подойдя к боковой двери.)* Ирина Лавровна!

Ирина выходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дульчин, Дергачев, Ирина.

Дульчин. Ирина Лавровна, теперь я знаю препятствие, которое мешает нашему блаженству.

Ирина. Вы знаете? *(Кланяется Дергачеву.)*

Дульчин. И, к несчастию, оно так серьезно, что вам надо будет отправляться к родителю.

Ирина. Что это значит, Вадим Григорьич?

Дульчин. У меня сейчас был Салай Салтаныч; вы, вероятно, слышали хоть часть нашего разговора?

Ирина. Я не имею обыкновения подслушивать.

Дульчин. Он мне передал, какое несчастие случилось с вашим родителем.

Ирина. Ну, так что же? Это до меня не касается.

Дульчин. Нет-с, в таком положении оставлять родителя не следует; ваша обязанность — утешать его в горе.

Ирина. Со мной шутить нельзя, Вадим Григорьич. Мне здесь лучше, чем дома, и я отсюда не выйду. Вы завлекли меня до того, что я прибежала в вашу квартиру, в квартиру молодого человека; для меня отсюда только один выход: под венец.

Дульчин. Можно и под венец, только нет никакой надобности.

Ирина. Как нет надобности?

Дульчин. Решительно никакой. У вас приданого только пять тысяч, у меня ни копейки и пропасть долгу.

Ирина. Где же ваше состояние?

Дульчин. Было когда-то; но от него осталось одно только воспоминание, и уж я давным-давно гол, как сокол, и кругом в долгу. Но меня очень

полюбили мои кредиторы и не захотели ни за что расстаться со мной. Они меня ссужали постоянно деньгами, на которые я и жил по-барски, но ссужали не даром. За меня вдвое, втрое заплатила им одна бедная женщина. То есть она была богата, а мы ее сделали бедной. Теперь она ограблена и кредиту больше нет. На днях меня посадят в яму, а по выходе из ямы мне предстоит одно занятие: по погребкам венгерские танцы танцовать за двугривенный в вечер: «Чибиряк, чибиряк, чибиряшечки!..»

Ирина. Ах, какая гадость!

Дульчин. «С голубыми ты глазами, моя душечка!» Угодно вам идти со мной под венец?

Ирина. Я думала, что вы очень богаты.

Дульчин. И я думал, что вы очень богаты.

Ирина. Как я ошиблась!

Дульчин. И я ошибся!

Ирина. Но как же вы говорили, что вы ищете страстной любви?

Дульчин. Отчего ж мне не говорить?

Ирина. Но как вы смели обращаться с такими словами к девушке?

Дульчин. Однако вы слушали мои слова очень благосклонно...

Ирина. Но какое вы имели право желать страстной любви?

Дульчин. Всякий смертный имеет право желать страстной любви.

Ирина. Скажите пожалуйста! Человек, ничего не имеющий, требует какой-то бешеной, африканской страсти. Да после этого всякий приказчик, всякий ничтожный человек... Нет, уж это извините-с. Только люди с большим состоянием могут позволять себе такие фантазии, а у вас ничего нет, и я вас презираю.

Дульчин. На ваше презрение я желал бы вам ответить самой страстной любовью, но... что вы сказали о мужчинах, то же следует сказать и о женщинах: на страстную любовь имеют право только женщины с большим состоянием.

Ирина. Вы невежа, и больше ничего.

Дульчин. Что вы сердитесь? Оба мы ошиблись одинаково, и нам друг на друга претендовать нельзя. Мы люди с возвышенными чувствами и, чтоб удив-

лять мир своим благородством, нам недостает пустяков — презренного металла. Так ведь это не порок, а только несчастие. И потому дайте руку и расстанемся друзьями.

Ирина. Конечно, и я тоже виновата. *(Подает руку.)*

Дульчин. Ну, вот! Зачем ссориться? Жизнь велика; мы можем встретиться при других, более благоприятных обстоятельствах.

Ирина. Ах, кабы это случилось!

Дульчин. И непременно случится, я в свою звезду верю: такие люди, как я, не пропадают. А теперь садитесь в карету и поезжайте домой. *(Дергачеву.)* Бедный друг мой, проводи Ирину Лавровну. Вот и для твоей кареты работа нашлась. *(Почтительно целует руку Ирины.)*

Ирина уходит под руку с Дергачевым.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дульчин (один).

Дульчин. Я даже рад, что дело так кончилось, на совести покойнее. Да и по русской пословице: «старый друг лучше новых двух». Она хоть и говорит, что больше у нее денег нет, да как-то плохо верится: поглядишь, и найдутся. Оно точно, я просил последней жертвы, да ведь это только так говорится. Последних может быть много, да еще несколько уж самых последних.

Входит Глафира Фирсовна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дульчин, Глафира Фирсовна.

Дульчин. Глафира Фирсовна, очень рад вас видеть.

Глафира Фирсовна. Хоть бы ты и не рад, да нечего делать, я по должности, с обыском пришла. *(Осматривает комнату.)*

Дульчин. От кого, Глафира Фирсовна, по какому полномочию?

Глафира Фирсовна. Пропажа у нас, вот и послали меня сыщиком. Да ты говори прямо: у тебя, что ли?

Дульчин. Что за пропажа, чего вы ищете?

Глафира Фирсовна. Вещь не маленькая и не дешевая. Уголовное, брат, дело: живой человек пропал — Ирина Лавровна сбежала.

Дульчин. Так почему же вы у меня ее ищете?

Глафира Фирсовна. Где ж искать-то? Ей больше деваться некуда. Явное подозрение на тебя. Она нынче утром толковала: убегу, да убегу к нему, жить без него не могу.

Дульчин. Ошиблись вы в расчете, Глафира Фирсовна, хитрость ваша не удалась. Не вы ли ее и отправили ко мне, чтобы потом захватить с поличным и заставить меня жениться.

Глафира Фирсовна. А мне-то какая корысть, женишься ты или нет?

Дульчин. Много ли приданого-то за Ириной Лавровной?

Глафира Фирсовна. Али уж вести дошли?

Дульчин. Миллионы-то ваши где?

Глафира Фирсовна. Было, да сплыло. Разве я виновата? Ишь ты, отец-то у нее какой круговой! Дедушка было к ней со всем расположением... А его расположение как ты ценишь? Меньше миллиона никак нельзя. Теперь на племянников так рассердился — беда! «Никому, говорит, денег не дам, сам женюсь!» Вот ты и поди с ним! И ты хорош: тебе только, видно, деньги нужны, а душу ты ни во что считаешь. А ты души ищи, а не денег! Деньги — прах, вот что я тебе говорю. Я старый человек, понимающий, ты меня послушай.

Дульчин. И я человек понимающий, Глафира Фирсовна: я знаю, что душа дороже денег. Я такую душу нашел, не беспокойтесь.

Глафира Фирсовна. Нашел, так и слава богу.

Дульчин. Я — счастливец, Глафира Фирсовна; меня любит редкая женщина, только я ее ценить не умел. Но после таких уроков я ее оценил; я ее люблю так, как никогда не любил.

Глафира Фирсовна. Где же ты такую редкость обрящил?

Дульчин. Эта женщина — Юлия Павловна Тугина.

Глафира Фирсовна. А ты думаешь, я не знала? Вот новость сказал! Да, добрая, хорошая была женщина.

Дульчин. Как «была»? Она и теперь есть!

Глафира Фирсовна. Да, есть; поди посмотри, как она есть. Эх, голубчик, уходил ты ее...

Дульчин. Что такое? Что вы говорите? «Уходил»! Что значит «уходил»? Я вас не понимаю.

Глафира Фирсовна. Померла, брат.

Дульчин. Вот вздор какой! Что вы сочиняете? Она вчера была и жива, и здорова.

Глафира Фирсовна. Утром была здорова, а к вечеру померла.

Дульчин. Да пустяки, быть не может!

Глафира Фирсовна. Да что ж мудреного! Разве долго помереть? Оборвется нутро, жила какая-нибудь лопнет, вот и конец.

Дульчин. Не верю я вам; с чего вдруг здоровый человек умрет? Нужно очень сильное нравственное потрясение или испуг.

Глафира Фирсовна. И все это было: заехал Лавр Мироныч, завез приглашение на бал и вечерний стол по случаю помолвки Ирины Лавровны с Вадимом Григорьичем Дульчиным, оборвалось сердце, и конец.

Дульчин. Да неужели? Умоляю вас, говорите правду.

Глафира Фирсовна. Какой еще тебе правды? Ошиб обморок, приведут в чувство, опять обморок. Был доктор, говорит: коли дело так пойдет, так ей не жить. Вечером поздно я была у ней, лежит, как мертвая; опомнится, опомнится да опять глаза заведет. Сидим мы с Михевной в другой комнате, говорим шепотом, вдруг она легонько крикнула. Поди, говорю, Михевна, проведай! Вернулась Михевна в слезах: «Надо быть, говорит, отходит». С тем я и ушла.

Дульчин. Да лжете вы, лжете вы! Вы только хотите мучить меня. Что ж вы не плачете? Кто ж не заплачет об такой женщине? Камнем надо быть...

Глафира Фирсовна. Эх, голубчик, всех мертвых не оплачешь! Будет с меня, наплакалась я вчера... А вот хоронить будем, и еще поплачу.

Дульчин *(схватясь за голову)*. Были в моей жизни минуты, когда я был гадок сам себе, но такого отчаяния, такого аду я еще не испытывал; знал я за собой слабости, проступки, оплакивал их, хоть и

без пользы... а уж это ведь преступление! Ведь я... ведь я — убийца! *(Останавливается перед портретом Юлии.)*

Глафира Фирсовна. Не воротишь, мой друг, не воротишь Да что это темнота какая! Хоть огня велеть подать. *(Уходит в залу.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дульчин (один).

Дульчин. За что я погубил это сокровище? Я губил тебя, губил твое состояние, как глупый ребенок, который ломает и бросает свои дорогие, любимые игрушки. Я бросал твои деньги ростовщикам и шулерам, которые надо мной же смеются и меня же презирают. Я поминутно оскорблял твою любящую, ангельскую душу, и ни одной жалобы, ни одного упрека от тебя. И наконец я же убил тебя и не был при твоих последних минутах! Я готов бы отдать свою жизнь, чтоб слышать последние звуки твоего голоса, твой последний прощающий вздох.

Тихо входит Юлия.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дульчин, Юлия Павловна.

Дульчин. Боже мой! Что это? Юлия! Юлия! Или это обман чувств, милый призрак! Юлия, ты жива?

Юлия тихо подходит к столу и берет портрет.

Но ведь видений не бывает! *(С радостью.)* Юлия, ты жива, ты сама пришла ко мне! А́ мне сказали, что ты умерла.

Юлия. Да, это правда, я умерла.

Дульчин *(с ужасом)*. Умерла!..

Юлия. Да, умерла... для вас.

Дульчин. О, если ты жива для других, так жива и для меня. Ты не можешь принадлежать никому, кроме меня; ты слишком много любила меня, такая любовь не проходит скоро, не притворяйся! Твоя бесконечная преданность дала мне несчастное право

мучить тебя. Твоя, любящая душа все простит, и ты опять будешь любить меня и приносить для меня жертвы.

Юлия. Я принесла последнюю.

Дульчин. Юлия, не обманывай себя и меня! Ну, что такое особенно ужасное я сделал? Все это было и прежде, и все ты мне прощала.

Юлия. Я вам прощаю это; одного я простить не могу.

Дульчин. Чего же, чего же?

Юлия. Вы проиграли деньги.

Дульчин. Да разве это в первый раз? Да и велики ль деньги?

Юлия. Какие б ни были, но они мне стоили слез, стыда и унижения, а вы их бросили.

Дульчин. Во-первых, для женщин слезы стоят недорого, а во-вторых, женщины ничего не жалеют и все переносят для любимого человека.

Юлия. Я и не жалела ничего для вас; я вам отдала все, что у меня было; я все переносила для вас; одного я перенесть не могу... Вы заставляли меня терпеть стыд и унижение и не оценили этой жертвы. Я рассудила, что лучше мне разлюбить вас, чем сделаться для вас бесстыдной попрошайкой.

Дульчин. Хороша любовь, которая может хладнокровно рассуждать.

Юлия. А эта любовь хороша? *(Подает пригласительный билет Лавра Мироныча.)*

Дульчин. Это клевета, это интрига против меня. Впрочем, как я глуп, что оправдываюсь перед тобой! Разве перед любовницами оправдываются, разве их уговаривают? Слова только больше сердят их, логика на них не действует; на них действуют ласки, поцелуи, объятия...

Юлия. У меня есть защита.

Дульчин *(смеется)*. Защита? Зачем? Разве я обижать тебя хочу?

Юлия. Ваши ласки хуже обиды для меня.

Дульчин. Защита! Но кто же может, кто осмелится защищать тебя от моих ласк, да еще здесь, в моей квартире. *(Хочет обнять Юлию.)*

Юлия *(громко)*. Флор Федулыч!

Входят Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Дульчин, Юлия Павловна, Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, Дергачев.

Флор Федулыч. Честь имею кланяться, милостивый государь! Извините, что без приглашения. Впрочем, мы люди знакомые. *(Юлии.)* Что вам угодно, Юлия Павловна?

Юлия. Нам пора домой.

Флор Федулыч *(предлагая руку)*. Пожалуйте-с!

Дульчин. Позвольте, Юлия Павловна, у нас остаются неконченные счеты: я вам должен.

Юлия. Вы мне ничего не должны.

Дульчин. У вас есть мои документы.

Флор Федулыч. Изволите ли видеть-с, я имею согласие Юлии Павловны на вступление со мной в брак; так ваши документы поступают ко мне вместо приданого.

Дульчин *(в изумлении)*. Вместо приданого?

Флор Федулыч. Так точно-с. Угодно вам будет деньги заплатить, или прикажете представить их ко взысканию? Один Монте-Кристо на днях переезжает в яму-с; так, может быть, и другому Монте-Кристо угодно будет сделать ему компанию? Во всяком случае прошу вашего извинения. Имею честь кланяться. *(Уходит под руку с Юлией.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дульчин, Глафира Фирсовна, Дергачев.

Глафира Фирсовна. Вот так отрезал! Коротко и ясно. Каков старик-то у меня?

Дульчин. Револьвер! *(Идет к столу.)*

Глафира Фирсовна. Ах, страсти!

Дергачев *(загораживая Дульчину дорогу)*. Что ты, что ты?

Дульчин. Револьвер, говорю я! *(Подходит к столу.)* Отойди, убью!

Глафира Фирсовна. Что ты, что ты! Дай мне срок хоть на улицу выбраться!

Дульчин. Никто ни с места!

Глафира Фирсовна *(падая в кресло)*. Постой! Дай хоть зажмуриться-то!

Дульчин *(взяв револьвер)*. Прощай, жизнь! *(Садится к столу.)* Без сожаления оставляю я тебя, и меня никто не пожалеет; и ты мне не нужна, и я никому не нужен. *(Осматривает револьвер.)* Как скоро и удовлетворительно решает он всякие затруднения в жизни. *(Открывает стол.)* Написать несколько строк?.. Э! Зачем! *(Взглянув в ящик.)* Вот еще денег немножко, остатки прежнего величия. Зачем они останутся? Не прокутить ли их или уж не затягивать? *(Подумав несколько, бьет себя по лбу.)* Ба! Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна. Что, батюшка? Да ты застрелился или нет еще?

Дульчин. Нет еще, черт возьми, а надо бы! Да это еще не уйдет от меня. Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денег?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Дульчин. Сватай мне вдову Пивокурову!

Глафира Фирсовна. Давно бы ты за ум взялся.

Дульчин. Вези меня к ней сейчас! *(Встает.)*

Глафира Фирсовна. Вот и расчудесно. Поедем! *(Встает.)*

Дергачев. Нет, позволь, а как же мне быть с каретой-то?

Дульчин. А вот женюсь на Пивокуровой, тогда за все расплатимся.

ВАРИАНТЫ

В «Вариантах» к тому печатаются:
варианты пьес «Поздняя любовь», «Волки и овцы», «Богатые невесты», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Последняя жертва».

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Вариант белового автографа.

Действие первое ∽ Явление первое.

После слов «Людмила выходит ∽ и подходит к окну» *было* «Какая ужасная погода! Вьюга, ветер! Страшно глядеть! А все уж лучше глядеть на осеннюю вьюгу, чем в свою душу, там еще страшнее. Что там? Бедно, ах, как бедно! Хоть бы какой луч света или сильная буря, а то вечное плаксивое ненастье. Замереть надо, ничего не видеть, ничего не чувствовать, ни о чем не думать, а только ждать. Я было успокоилась душой, думала: пора моя прошла, уж я больше не полюблю никого, и так тихо потекли скучные дни... а вдруг этот случай, этот разговор! И без того горько жить на свете, а вот еще новое горе: ношусь я с этой любовью, лелею ее, и она растет, растет без границ; а он может быть и не знает. Что за жизнь в самом деле, как подумаешь, как бедны даже желания-то мои! Посидеть подле него вечерком, поговорить с ним... так о чем-нибудь, о пустяках, только бы поговорить с ним, с человеком, которого любишь, а не зевать с этой каторжной женской работой. Вот соберемся мы, две, три работницы... стук машинки, мерный взмах иглы, беспрестанная зевота с крещением губ, а там вдали доплакивает прихлопнутый крышкой самовар; вдруг ветер постучит в окно и испугает, потом брызнет каплями, да забарабанит; заколышится огонь догорающей свечки, с тоской взглянем мы на нее и плотней сдвинемся кругом запылавшего огарка. А он? Для него теплые и ярко освещенные трактиры и клубы... неужели я для него ничего не значу? Неужели в нем нет, уж не говорю любви ко мне, а жалости... ну, хоть просто интересу, любопытства? Видимся часто, я не скрываю своего расположения... Думаешь, думаешь, мысли-то путаются, путаются... В этой тоске безысходной либо уж вовсе окрепнешь в добродетели, либо...

Шаблова выходит из своей комнаты».

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Варианты первопечатной редакции («Отеч. зап.»).

Стр. 114, строка 5
Вместо «большую силу в губернии» / «большую силу».

Стр. 115, строка 14
Фраза «Донесли бы ∽ было что» *отсутствует.*

Стр. 115, строка 15
Вместо «Маляр» / «Столяр».

Стр. 116, строки 32—33
Вместо «Чугунов. Дай-ка березинского-то!
Павлин подает табакерку» /
«Чугунов. Дай-ка березинского-то!
Павлин (подавая табакерку). Пожалуйте!»

Стр. 117, строка 28
Вместо «хамов» / «холопов».

Стр. 117, строка 43
Вместо «и наживусь, и наживусь» / «и наживусь и поживлюсь».

Стр. 118, строки 36—37
Вместо «Тоже, как крепостными-то были...» / «Тоже, крепостными-то были...».

Стр. 119, строка 21
Вместо «фриштыкать приготовят» / «фриштык приготовят».

Стр. 121, строки 30—31
Вместо «Не в службу, а в дружбу, братец, понимаешь?» / «Не в службу, а в дружбу, братец».

Стр. 124, строки 20—21
Вместо «благородного человека» / «благоразумного человека».

Стр. 125, строки 1—2
Вместо «Арапник-то нужен для тебя» / «Арапник-то нужен на тебя».

Стр. 125, строка 23
Вместо «Только не вдруг, сразу нельзя» / «Только вдруг, сразу, нельзя!»

Стр. 126, строка 32
Вместо «я за тех молюсь» / «и за тех молюсь».

Стр. 127, строка 7
Вместо «смею не верить-с?» / «смею не поверить-с?»

Стр. 127, строки 22—23
Вместо «(Целует руку и садится)» / «(Целует руку у Мурзавецкой и садится)».

Стр. 128, строка 1
Вместо «целует у ней руку» / «целует руку у Мурзавецкой».

Стр. 129, строки 14—15
Вместо «а женим Аполлона» / «а женить Аполлона».

Стр. 129, строка 21
Вместо «в свои ручки» / «в свои руки».

Стр. 129, строка 25
Вместо «нагрел руки-то» / «погрел руки-то».

Стр. 130, строка 31
Вместо «мне только того» / «только того».

Стр. 130, строка 32
Вместо «да еще это дело» / «да это дело».

Стр. 131, строка 19
Вместо «возьму ли я» / «Да возьму ли я».

Стр. 132, строки 14—15
Вместо «все одно, что бросили» / «все одно бросили».

Стр. 134, строка 26
Вместо «Не то чтоб» / «Не только чтоб».

Стр. 135, строка 6
После слов «Мурзавецкая. Замуж хочется?» *было*
«Купавина. Нет, я еще и не думаю замуж идти.
Мурзавецкая. Ой, правда ли?»

Стр. 136, строка 23
Вместо «Найдем» / «Поищем».

Стр. 136, строки 27—28
Вместо «а кого полюблю» /«а кого люблю».

Стр. 136, строка 36
Вместо «о себе-то ты помнишь» / «о себе-то помнишь».

Стр. 138, строки 10—12
Вместо «Мурзавецкая вынимает деньги ∽ и звонит» / «Мурзавецкая вынимает деньги и считает; часть их кладет опять в книгу, а остальные себе в карман. Садится в кресло».

Стр. 140, строка 25
Вместо «и как вы» / «а как вы».

Стр. 141, строки 23—24
После слов «в руки бланк!» *было* «Боже мой!»

Стр. 142, строка 21
Вместо «Прочитайте, прочитайте!» / «Прочитайте, прочитайте скорей!»

Стр. 142, строка 35
Вместо «радости» / «радостей».

Стр. 145, строка 40
Вместо «Извините» / «Так уж извините».

Стр. 150, строка 18
Вместо «Когда же вы» / «Но когда же вы».

Стр. 151, строка 9
Вместо «И если уж» / «А если уж».

Стр. 153, строка 13
После слов «откровенность и простоту» *было* «Вы видите, что у меня оружия довольно».

Стр. 155, строка 7
Вместо «Изволь!» / «Изволь, изволь».

Стр. 155, строка 34
Вместо «как все мне впору!» / «как мне все впору!».

Стр. 157, строка 38
Вместо «перед чужими» / «перед другими».

Стр. 163, строка 27
Вместо «где уж она?..» / «где уж та?..»

Стр. 163, строки 40—41
Вместо «оставьте, я вас прошу» / «оставьте! Оставьте! Я вас прошу».

Стр. 164, строка 2
Вместо «думали, с вами?» / «думали, я с вами?»

Стр. 164, строка 9
Вместо «это... это я вам скажу» / «это... я вам скажу».

Стр. 164, строка 19
Вместо «чего еще?» / «что еще?»

Стр. 165, строки 6—7
Вместо «Позвольте вас... Позвольте вас спросить» / «Позвольте вас спросить».

Стр. 165, строка 15
Вместо «с ней миром» / «с ней кончить миром».

Стр. 165, строка 37
Вместо «за вами прислала» / «за вами прислали».

Стр. 166, строка 41
Вместо «что ж, пожалуй» / «что ж? Я пожалуй».

Стр. 168, строка 2
После «табаком» *было* «в лавке».

Стр. 168, строка 13
После «Я так рад» *было* «Так рад».

Стр. 168, строка 29
Вместо «пошлости» / «глупости».

Стр. 169, строка 36
Вместо «что же это вы?» / «что это вы?»

Стр. 170, строка 4
Вместо «но предупреждаю» / «но и предупреждаю».

Стр. 170, строка 26
Вместо «а я нарочно» / «и я нарочно».

Стр. 170, строка 29
Вместо «радости!» / «радостей!»

Стр. 170, строка 32
Вместо «Ну и чего ж» / «Ну и что ж».

Стр. 172, строка 3
Вместо «Да, вот...» / «Да, вот что!»

Стр. 172, строка 23—24
Вместо «нежность нашла» / «нежность напала».

Стр. 178, строка 40
После слов «как им хочется» *было* «с ними и спорить не надо — надо соглашаться».

Стр. 181, строки 1—2
Вместо «прочтите письмо» / «прочтите это письмо».

Стр. 181, строка 8
Вместо «слышала, двадцать пять тысяч» / «слышала, что двадцать пять тысяч».

Стр. 182, строка 35
Вместо «Очень рад, очень рад» / «Очень рад».

Стр. 182, строка 40
Вместо «чтоб расплатиться» / «чтоб заплатить».

Стр. 183, строка 26
Вместо «вашу одну пользу» / «одну вашу пользу».

Стр. 185, строка 35
Вместо «Нет, вы...» / «Нет, вы, вы...».

Стр. 188, строка 24
Вместо «Нет, отомщу, отомщу» / «Нет, отомщу».

Стр. 189, строка 4
Слово «беспокоитесь» *отсутствует*

Стр. 191, строка 32
Вместо «Пугнуть только» / «Попугать только»,

Стр. 191, строка 37
Вместо «грозите» / «грозные».

Стр. 191, строка 43
Вместо «мне ее жалеть-то!» / «мне ее жалованье-то!»

Стр. 192, строки 3—4
Вместо «по лысине-то и огрела» / «костылем и огрела».

Стр. 195, строки 7—8
Вместо «вашему племяннику» / «к вашему племяннику».

Стр. 195, строка 26
Вместо «Вынув» / «Вынимает».

Стр. 199, строка 19
Вместо «в такие грязные дела» / «в такие дела».

Стр. 199, строка 21
Вместо «переговорить» / «лучше переговорить».

Стр. 201, строка 35
Вместо «Право, я не знаю» / «Право, не знаю».

Стр. 204, строка 35
Вместо «А мужчины» / «А и мужчины».

Стр. 205, строка 15
Вместо «предложить вам» / «представить вам».

Стр. 205, строка 40
Вместо «Так что ж, Мишель? Сядь» / «Так что же? Ты, Мишель, сядь».

Стр. 206, строка 17
Вместо «благородную» / «благоразумную».

Стр. 207, строка 1
Вместо «Нет, застрелюсь, застрелюсь!..» / «Нет, застрелюсь...».

Стр. 207, строка 3
Вместо «Как тебе это...» / «Как тебе она...».

Стр. 207, строки 10—11
Вместо «с приданым» / «да и с приданым».

БОГАТЫЕ НЕВЕСТЫ

Варианты первопечатной редакции *(«Отеч. зап.»)*.

Стр. 209, строки 17—18
Вместо «садовая решетка и калитка» / «чугунная решетка и такие же ворота».

Стр. 209, строки 18—20
Вместо «дача Бедонеговой ∽ покрытая парусиной» / «небольшой палисадник, обнесенный невысокой загородкой, у загородки скамейка».

Стр. 209, строка 23
Вместо «из садовой калитки» / «из чугунных ворот».

Стр. 209, строки 37—38
Вместо «Идите ко мне» / «Пойдемте ко мне».

Стр. 210, строки 13—14
Ремарки «(Нежно.)» и «(Печально.)» *отсутствуют.*

Стр. 210, строка 17
Ремарка «(С сердцем.)» *отсутствует.*

Стр. 210, строки 33—34
Вместо «дачу-то напротив наняла; она вчера» / «дача-то напротив; вчера».

Стр. 210, строка 44
Вместо «она замуж нейдет?» / «замуж нейдет?».

Стр. 211, строка 1
Вместо «Да почем же» / «Да почему же».

Стр. 211, строка 27
Ремарка «(печально)» *отсутствует.*

Стр. 212, строка 9
Вместо «А! Вы?» / «А! Это — вы?».

Стр. 212, строка 18
После слов «не преследует меня» *было* «не встречается со мной».

Стр. 212, строка 32
Вместо «шести или семи дней» / «четырех дней».

Стр. 212, строки 34—35
Вместо «Везде ∽ вчера и сегодня здесь» / «Везде, везде. Поехала на Кузнецкий мост, выхожу из магазина, он стоит на другой стороне улицы и смотрит; вчера утром ездила за фруктами, выхожу из лавки, он стоит и смотрит; вечером пошла гулять в рощу и сквозь кусты шиповника видела те же глаза. Да и сегодня».

Стр. 212, строка 40
После слов «Вы преувеличиваете» *было* «вы ошибаетесь».

Стр. 213, строки 10—12
Вместо «Зачем же он в таком случае ∽ в роще довольно близко» / «Он не только не ищет сближения со мной, но даже бежит от меня. Сегодня утром я пошла в рощу — ну, разумеется, увидала его. Он стоял вдалеке, прислонясь к дереву; мне вдруг пришла мысль подойти к нему и заговорить с ним; я пошла ускоренным шагом, смело.
Гневышов. И что же?»

Стр. 213, строка 13
Вместо «и убежал» / «и убежал от меня».

Стр. 213, строка 22
Вместо «уходит в калитку» / «уходит в чугунные ворота».

Стр. 213, строки 33—34
Вместо «люди учтивее» / «люди учтивы».

Стр. 215, строки 27—28
Вместо «переехала сюда на дачу» / «приехала сегодня на дачу».

Стр. 215, строки 32—33
Слова «во время прогулки» *отсутствуют.*

Стр. 215, строка 38
Вместо «гораздо больше ума» / «больше ума».

Стр. 216, строка 3
Вместо «Уходит в калитку» / «Уходит в чугунные ворота».

Стр. 216, строка 4
Вместо «На террасе показывается» / «За загородкой сада своей дачи показывается».

Стр. 216—220
Явление четвертое первого действия приводится в редакции «Отеч. зап.» полностью.

«Бедонегова (громко). Виталий Петрович! Виталий Петрович! Ушел. Что он бегает? У меня, кажется, уж чего бы ему лучше! Все бегают от меня: и Юрий Михайлович бегает, и Виталий Петрович бегает. Нынешним летом я себе никакого удовольствия не вижу.

Входят Цыплунов и Цыплунова.

Юрий Михайлович, Анна Афанасьевна, заходите ко мне чайку напиться.

Цыплунова. Благодарю вас, мы уже пили.

Бедонегова. Юрий Михайлович, вы все обещаете, а все не зайдете. Как вы оченно милы и как вы все обманываете! Зайдите теперь хоть закусить что-нибудь, мадерцы...

Цыплунов. Извините-с... я — человек занятой-с... я завтра к вам зайду.

Бедонегова. Все завтра да завтра, а все фальшивите! Ну, что, право! Никакого я себе удовольствия... (Уходит.)

Цыплунова. Юша, пойдем к ней! Развлекись немного.

Цыплунов. Нет, нет. С какой стати? Что мне делать у нее! Уж если мне и дома скучно, так у ней еще скучнее будет. Пойдемте куда-нибудь подальше!

Цыплунова. Да, пожалуй! Только я тебе, Юша, вот что скажу: всё бегать от людей, всё один, да один — так не годится. Так ведь, боже сохрани, можно с ума сойти. Надо найти развлечение какое-нибудь, непременно надо. Ты меня пугаешь; ты стал сам на себя не похож, особенно последние два-три дня.

Цыплунов. Разве я переменился?

Цыплунова. Очень, очень переменился. Поговорил бы ты со мной откровенно, успокоил бы сердце матери.

Цыплунов. Да об чем говорить-то?

Цыплунова. Уж я бы нашла, об чем.

Цыплунов (подумав). Я готов, извольте.

Цыплунова. Я хорошо вижу — это заметно, очень заметно — что ты скучаешь.

Цыплунов. Да, я не буду скрывать от вас: я скучаю.

Цыплунова. Послушай, Юша, в твои годы любят.

Цыплунов. Да, любят.

Цыплунова. В твои годы женятся.

Цыплунов. Да, и женятся.

Цыплунова. И женатые не скучают, им некогда скучать: у них заботы, хлопоты, семейные радости, дети. Кто любит свою жену и своих детей, тот уж не может скучать.

Цыплунов. Все это правда, правда.

Цыплунова. Так женись!

Цыплунов. Что вы, что вы! — На ком? разве это возможно?

Цыплунова. По моему, так очень возможно. За тебя пойдет всякая невеста. Чего тебе недостает? Ты отлично идешь по службе, у тебя добрый характер, поведение твое безукоризненно. Ты можешь выбрать жену, какую хочешь: и хорошо образованную, и с деньгами, и красавицу. За кого бы ты ни посватался, за тебя отдадут с радостию.

Цыплунов. Ах, не говорите, не говорите! Где они, эти краса-

вицы, образованные? Ведь их надо искать днем с огнем; бывать в собраниях, в театрах, заводить сотни знакомств, бегать из дома в дом. Ну, а способен ли я на такие поиски? Даже изредка, раза два в год, бывать в обществе новых людей, и то для меня — пытка невыносимая. Когда вы меня маленького хотели отучить от робости, вы брали меня с собой на вечера, на разные свадьбы и именины; вы помните, как я вел себя? Я, бывало, сижу в углу, опустя глаза, ничего и никого не видя. А если вы заставляли меня говорить или танцевать с какой-нибудь девочкой, я краснел, дрожал и чувствовал только одно, что у меня горят уши. Я постоянно дергал вас за платье, чтоб скорее уехать, и только тогда был счастлив, когда, бывало, приеду домой и свободно переведу дух. Таков я был в десять, в пятнадцать лет, таков я и в тридцать.

Цыплунова. Так предоставь мне найти тебе невесту.

Цыплунов. Вы найдете, а я по вашему указанию должен буду полюбить ее? Нет, это невозможно.

Цыплунова. Да зачем непременно полюбить? Довольно, если тебе девушка нравится.

Цыплунов. Нет, я — не султан; я не могу брать в жены женщин, потому только, что они мне нравятся. Я могу жениться только на той, которую очень полюблю.

Цыплунова. Ты можешь полюбить ее впоследствии. Ты не бойся, я тебе не посватаю такую невесту, как Бедонегова, хотя она на тебя очень умильно поглядывает.

Цыплунов. Кабы вы знали, как обидны для меня и оскорбительны эти умильные ее взгляды!

Цыплунова. Да отчего же, мой друг?

Цыплунов. Да как же не обида! Она так смело смотрит в глаза, так уверена, что за свои сто тысяч может купить всякого.

Цыплунова. Ты уж очень строг к людям.

Цыплунов. Нет, только к себе. Я других никогда не сужу, пусть живут, как знают, как умеют — только бы меня не трогали. Но если кто вздумает подкупить меня, дать мне взятку и вообще склонить меня на какую-нибудь подлость — тогда я обижусь глубоко. Как? не зная человека, подходить к нему прямо с грязью и говорить: «позвольте вас вымазать!»

Цыплунова. Но послушай, неужели ты не любишь или не любил никого? У тебя такое мягкое сердце.

Цыплунов. Мы, идеалисты, любим мечту и счастливы только в мечтах.

Цыплунова. Что же за мечты у тебя, скажи мне, я прошу тебя убедительно.

Цыплунов. Как всякие мечты, они глупы; но я вас прошу не смеяться над ними: они мне дороги, и я ими счастлив. Что делать! я так создан.

Цыплунова. Как можно смеяться, что ты мне, чужой, что ли!

Цыплунов. Помните ли вы, лет десять тому назад, у нас часто бывала одна девочка?

Цыплунова. Мало ли девочек я видела на своем веку?

Цыплунов. Эту забыть нельзя. Ей было лет тринадцать или четырнадцать, но она была совершенный ребенок: вся прозрачная, тоненькие пальчики... сколько в ней было детского кокетства, как она грациозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы.

Цыплунова. А, помню, это — Белесова Валентиночка, сирота.

Цыплунов (задумчиво). Да, Валентиночка.

Цыплунова. Ты все об ней-то и думаешь? В мечтах-то у тебя она — все еще девочка?

Цыплунов. Да, ангел-девочка.

Цыплунова. Ах, Юша, с тех пор много воды утекло. Она уж теперь большая; переменилась, чай, подурнела, как это часто бывает; пожалуй и замужем. Да кто знает, может быть, ее и в живых-то нет.

Цыплунов. Я ее встретил недавно, я ее вчера и сегодня видел.

Цыплунова. Узнала она тебя? Говорил ты с ней?

Цыплунов. Ах, нет! я испуган, ошеломлен.

Цыплунова. Чем?

Цыплунов. Красотой ее. Она, вероятно, замужем, за богатым человеком; какой экипаж, какой гордый взгляд!

Цыплунова. Если ты ее видел здесь, значит она живет неподалеку на даче. Надо справиться о ней.

Цыплунов. Нет, зачем! Пусть она так и останется мечтой моей. Надо в нее вглядеться хорошенько; а то теперь в моем воображении ее детский образ и женский сливаются в каком-то странном сочетании: детская чистота как-то сквозится из-под роскошной женской красоты. (Опускает голову в задумчивости.)

Цыплунова. Не хорошо это, Юша; ты любишь какую-то мечту, самим же созданную, и эта мечта мешает тебе видеть других женщин, которые, может быть, гораздо лучше ее и более достойны твоей любви.

Цыплунов. Да, да, может быть... это все может быть. Но, ах... я пойду... мне нужно рассеяться... я пойду поброжу... я один... (Уходит.)

Цыплунова. Эко горе мне с сыном! Сходит с ума по женщине, а подойти боится. Да диви бы чужая, а то знакомы были. Надо разузнать хорошенько. У кого бы спросить-то? Спрошу у Пирамидалова; он кругом Москвы все дачи и всех дачников знает, да и в Москве-то от него никто не скроется. Никак это он бежит.

Входит Пирамидалов; Бедонегова показывается у загородки».

Стр. 220, строка 38
Вместо «вас искал» / «вас искал, искал».

Стр. 220, строка 39
После «на дачу бегал» *было*
«Цыплунова. Здравствуйте! А я только сейчас об вас поминала».

Стр. 221, строка 1
Вместо «так непременно» / «непременно».

Стр. 221, строка 13
После слов «Он просил меня» *было*
«Цыплунова. Вас просил?
Пирамидалов. Да, мы с ним очень близки. Он просил меня».

Стр. 221, строка 27
После слов «в компаньонки приглашаете?» *было* «Я женщина со средствами, имею дом, хозяйство».

Стр. 222, строка 4
После слов «мне услуги предлагать» *было* «Ведь он — мне не начальник, даже не начальник, Анна Афанасьевна».

Стр. 222, строка 17
Вместо «выходит из калитки» / «выходит из ворот».

Стр. 223, строка 5
Вместо «Я знала ее, когда она была еще ребенком» / «Я ее еще ребенком знала».

Стр. 224, строка 10
Ремарка «(Гневышову)» *отсутствует.*

Стр. 224, строка 37
Вместо «Идет в калитку» / «Идет в ворота».

Стр. 224, строка 38
Вместо «Пирамидалов ∽ показывается» / «Пирамидалов за ним. У загородки своего сада показывается».

Стр. 225, строки 12—14
Текст «Комната на даче ∽ с правой стороны трюмо» *отсутствует.*

Стр. 226, строка 26
Вместо «то есть дадим» / «то есть дадим ей».

Стр. 226, строка 43
Слова «Хотя уже приданое ее определено» *отсутствуют.*

Стр. 227, строки 1—2
Вместо «даже удвоил» / «даже удвоил приданое».

Стр. 227, строки 30—32
Вместо «Нельзя сказать, чтоб ∽ Но скажу вам по секрету» / «Ну так я вам скажу по секрету».

Стр. 228—232
Явление второе второго действия приводится в редакции «Отеч. зап.» полностью.

«Б е л е с о в а. Нет, как хотите, а я серьезных людей немножко боюсь...

Ц ы п л у н о в. Чего бояться их?..

Б е л е с о в а. У них какие-то особые взгляды на жизнь, строгие требования...

Ц ы п л у н о в. У серьезных людей и взгляды на жизнь, и на все серьезны... они других иметь не могут...

Б е л е с о в а. Ну, и прекрасно... и пусть имеют; да зачем же они от других того же требуют? Ведь если б все были серьезны, было бы очень скучно на белом свете! Не правда ли, а? Что вы молчите?

Ц ы п л у н о в. Я слушаю вас...

Б е л е с о в а. Когда на меня смотрит кто-нибудь строгим, испытующим взглядом, мне так и хочется сказать ему: ну, да, я — легкомысленная женщина; но ведь я не мешаю вам быть серьезным, не мешайте мне быть легкомысленной. Ну, я хочу вас послушать, я много говорила...

Ц ы п л у н о в. И говорили очень хорошо... у вас прекрасные правила!

Б е л е с о в а. Какие это правила? Я ни правил никаких, ни уставов знать не хочу — они очень связывают. Я говорю, что мне в голову приходит.

Ц ы п л у н о в. О, тем лучше... тем лучше! Значит, у вас прекрасная, богато одаренная натура, и тогда на что вам какие-нибудь правила!..

Б е л е с о в а. Как вы экзальтированы! Мне кажется, что я — самая обыкновенная девушка. Что же хорошего вы во мне заметили?

Ц ы п л у н о в. О! Ведь я вас давно знаю, и вы не изменились, вы так же искренны, как и прежде, когда были ребенком. А искренность — редкое и дорогое качество...

Б е л е с о в а. Почему же?..

Ц ы п л у н о в. Ну, представьте себе, что человек, который вас

любит, думает видеть в вас серьезную женщину; вы его сами выводите из заблуждения. Как он должен благодарить вас и уважать...

Б е л е с о в а. Да за что же?..

Ц ы п л у н о в. За то, что вы избавили его от обмана и горького разочарования.

Б е л е с о в а. Извините меня, мне кажется, этим серьезным людям, как вы их называете, тоже хочется быть веселыми, да они не умеют; оттого они так и сердятся на веселых людей, так и смотрят мрачно...

Ц ы п л у н о в. Может быть, может быть!..

Б е л е с о в а. Послушайте, Юрий Михайлович, я вам задам вопрос: признайтесь, зачем вы так страшно глядели на меня, когда встречались со мной?..

Ц ы п л у н о в. Вы приказываете мне отвечать?..

Б е л е с о в а. Да! Вы любите искренность, так будьте сами искренны... Что было в вашем взгляде?..

Ц ы п л у н о в. Робкое обожание!..

Б е л е с о в а. Только?..

Ц ы п л у н о в. Я хотел наглядеться на вас, чтоб ясней и дольше удержать ваш образ в своей памяти...

Б е л е с о в а. Значит, лучше бы мне вас не спрашивать...

Ц ы п л у н о в. Почему же?..

Б е л е с о в а. Потому что слышать такие ответы очень неловко...

Ц ы п л у н о в. Извините меня...

Б е л е с о в а. Так же неловко, как всякую похвалу в глаза, как всякую лесть...

Ц ы п л у н о в. Я не льщу вам...

Б е л е с о в а. Так это — признание! Это мне еще тяжелее слышать...

Ц ы п л у н о в. Это признание вырвалось невольно. Прошу вас, не обращайте на него внимания; оно вас ни к чему не обязывает. Я только об одном прошу вас...

Б е л е с о в а. Об чем же?..

Ц ы п л у н о в. Позвольте мне иногда глядеть на вас так близко, как я теперь гляжу.

Б е л е с о в а. То есть, по просту сказать, бывать у меня. Сделайте одолжение, когда вам угодно; я всегда вас приму с удовольствием...

Ц ы п л у н о в. Благодарю вас!..

Молчание.

Б е л е с о в а. Скажите мне, пожалуйста! Человек порядочный, умный и с сердцем, может ли любить всякую женщину?..

Ц ы п л у н о в. Вероятно, во всякой найдется что-нибудь хорошее, за что можно полюбить ее...

Б е л е с о в а. Ну, положим, она — красавица!..

Ц ы п л у н о в. Как же не любить красавицу?

Б е л е с о в а. Да всякую ли красавицу?..

Ц ы п л у н о в. Я вас не понимаю...

Б е л е с о в а. Например, красавицу порочную, падшую?..

Ц ы п л у н о в. Если она не стыдится своего порока, она не стоит любви, она заслуживает презрения; но если она сокрушается, раскаивается, то она более всякой имеет право на любовь и сострадание; потому что только любовь может уврачевать ее сердце, растерзанное угрызениями; одна любовь может спасти ее от отчаяния; одна только всепрощающая любовь может помирить ее с жизнью... Что с вами?.. Вы плачете? О, ангел! И мне не благоговеть перед вами! Вы с высоты своей непорочности, своей детской чистоты, роняете свои алмазные слезы на этих несчастных. Вам мало того, что вас обожают; вы хотите знать, имеют ли и эти бедные надежду быть любимыми, не отнято ли у них это благо, без которого жизнь безотрадна, как мертвая пустыня...

Б е л е с о в а (утирая глаза). Да, да, правда... но довольно! (Погружается в глубокую задумчивость.)

Ц ы п л у н о в. О, если б я смел, я б упал в прах перед вами, чтоб целовать ваши ноги...

Б е л е с о в а. Что вы? Целовать... что целовать? Руку, что ли? Так извольте... (Подавая руку.) Да не бойтесь! Ну, я прошу вас... ну, удостойте меня этого поцелуя...

Цыплунов с немым восторгом целует руку Белесовой. Входит П и р а м и д а л о в и останавливается у двери.

П и р а м и д а л о в (про себя). А, вот что!

Б е л е с о в а (оправившись). Вы не обращайте внимания на мои слезы! У меня очень слабые нервы; я затем и переехала на дачу, чтобы полечиться...

П и р а м и д а л о в (про себя). Переменяют разговор!..

Входят Г н е в ы ш о в и Ц ы п л у н о в а».

Стр. 233, строка 29
Вместо «Вы ошибались» / «Вы ошиблись».

Стр. 233, строка 33
Вместо «Я вас ценю» / «Ну, я вам сам буду полезен».

Стр. 235, строка 31
Вместо «Знаю!» / «Знаю, знаю!».

Стр. 239, строка 15
Вместо «Рыдай, рыдай, несчастная!» / «Рыдай, несчастная!».

Стр. 239, строка 34
Вместо «если б я была уверена» / «если б я знала».

Стр. 240, строка 20
Вместо «и я тоскую» / «а я тоскую».

Стр. 248, строка 33
Вместо «Да довольно» / «Довольно».

Стр. 251, строка 14
Вместо «принять за оскорбление» / «принимать за оскорбление».

Стр. 251, строка 27
Вместо «мило выходит» / «грациозно выходит».

Стр. 251, строки 28—29
Вместо «Вы знаете всё ∽ никогда не прощу, что» / «В моей натуре... Вы говорили, что хорошо знаете человеческую натуру, и я».

Стр. 251, строки 35—36
Вместо «внутреннему побуждению» / «внутреннему убеждению».

Стр. 251, строка 40
Вместо «ничего не обязана» / «ничего не обязана буду».

Стр. 252, строка 25
Вместо «Ах, мне хочется» / «Мне хочется».

Стр. 252, строка 26
Вместо «Скажи же мне наконец, что» / «Ты скажи мне, что».

Стр. 252, строка 28
Вместо «Но зачем?» / «Зачем?».

Стр. 252, строка 29
Вместо «Я не знаю» / «Я не знаю, зачем».

Стр. 252, строка 39
Вместо «Возьмите же деньги» / «Возьмите деньги».

Стр. 254, строка 5
Вместо «а кроме ее? Кроме ее, вы» / «а кроме ее? вы».

Стр. 254, строка 12
Вместо «а может, и бил» / «а может быть, и бил».

Стр. 254, строка 25
Вместо «Цыплунов кланяется» / «Цыплунов с поклоном идет к двери».

Стр. 254, строки 26—28
Вместо «Постойте! Вы хотите казаться ∽ Ну, все теперь?» / «Постойте! Воротитесь.

Цыплунов возвращается».

Стр. 255, строки 32—33
Слова «Живите ∽ что знаете!» *отсутствуют*.

Стр. 255, строка 34
Вместо «Однако я ∽ для вас» / «Не совсем».

Стр. 255, строка 39
Вместо «Вчера вы не жалели меня» / «Однако вчера не пожалели».

Стр. 255, строки 40—41
Вместо «которые страдают» / «которые терпят, страдают».

Стр. 256, строка 8
Вместо «можете теперь успокоиться» / «можете успокоиться».

Стр. 256, строка 24
Вместо «из подобных вам людей» / «из хороших людей».

Стр. 257, строки 14—17
Текст «Белесова (печально) ∽ что я должен» *отсутствует.*

Стр. 257, строки 23—24
Вместо «требовать от вас» / «требовать от вас чего-нибудь».

Стр. 258, строка 7
После слов «вы меня просили» *было* «принять в вас участие».

Стр. 258—261
Явление пятое четвертого действия (финал пьесы) приводится в редакции «Отеч. зап.» полностью.

«Цыплунова. Юша, Юша! Он и так болен, бедный; зачем привели его сюда? Извините меня, Валентина Васильевна! Юша, пойдем домой!

Цыплунов. Маменька, подите сюда, подите!

Цыплунова. Что тебе, друг мой?

Цыплунов. Маменька, вы так меня любите, в вас так много любви, такое обилие чувства, что вы можете уделить другим часть его, не обижая меня. Маменька, есть женщина, которая нуждается в сочувствии, в поддержке...

Цыплунова. Про кого ты говоришь, друг мой?

Белесова. Это я, Анна Афанасьевна!..

Цыплунова. Ах, Юша, пойдем лучше!

Цыплунов. Маменька, погодите! Эта женщина очень несчастна. Ни одно высокое чувство в ней не было затронуто. Ей никто никогда не говорил о сострадании, о любви; она не знала даже, что порока нужно стыдиться, а не гордиться им...

Цыплунова. Юша, ты можешь обидеть ее.

Цыплунов. Нет, она теперь не обидится, она любит меня... и вы, я знаю, сами ее полюбите за это и сделаете для нее все, что может сделать умная, любящая женщина для молодой души...

Ц ы п л у н о в а (подходя к Белесовой). Вы полюбили моего сына? За что же, за что же? Он так обидел вас...

Б е л е с о в а. Ах, дайте перевести дух; я так страдала со вчерашнего вечера... С этой обиды я и полюбила его.

Ц ы п л у н о в а. Как это хорошо! Что за ссоры! Вы страдали, он тоже страдал, и я... (Говорит шепотом.)

Г н е в ы ш о в (Цыплунову). Молодой человек! прогоните меня, прогоните нас! Я очень хорошо понимаю, что мы здесь — непрошенные гости, что мы здесь лишние... хе, хе, хе! Но мы вам не помешаем, мы отойдем к сторонке... (Крепко жмет руку Цыплунова и, ударяя себя в грудь, говорит торжественно.) Но, молодой человек, позвольте мне гордиться, что, выбрав вас для нее, я не ошибся! Да-с, не ошибся. (Делает знак Пирамидалову и отходит с ним на левую сторону.)

Белесова с Цыплуновой тихо разговаривают. Цыплунов, посреди комнаты, смотрит на них с любовью.

П и р а м и д а л о в (Гневышову). Ваше превосходительство, вы всегда были моим отцом, не откажите мне и теперь в вашем расположении, в вашей милости!

Г н е в ы ш о в. Просите, я сегодня в хорошем расположении духа.

П и р а м и д а л о в. Ваше превосходительство, я женюсь на Антонине Власьевне Бедонеговой — позвольте мне просить вас быть моим посаженым отцом. И для меня это честь выше всякой меры, да и по купечеству, вы знаете, ваше превосходительство, как важно...

Г н е в ы ш о в. Когда генерал на свадьбе... знаю, знаю! Ну, изволь, мой милый, я сделаю для тебя это удовольствие...

Б е л е с о в а (подходя к Цыплунову). Юрий Михайлович, вы часто обнимаете и целуете вашу матушку. Какое это счастие, и как я вам завидую! А не все сказали про меня вашей матушке... (Берет за руку Цыплунову.) Вы забыли ей сказать, что я — сирота, совершенно одинокая, но что, если б я нашла руку, которую могла бы поцеловать с любовью... (Хочет поцеловать руку Цыплуновой.)

Ц ы п л у н о в а. Что вы, что вы, Валентина Васильевна!..

Ц ы п л у н о в. Нет, рано еще, рано, не теперь... Вот маменька станет вас учить всему доброму, хорошему, а я... а я... буду опять бродить по лесу и мечтать о том ангеле-ребенке, которого я любил и люблю, образ которого в моих глазах потускнел на минуту... И вот, когда она вас научит работать, трудиться, когда она научит вас чувствовать так, как мы чувствуем... может быть, и вы полюбите уединенные прогулки. И вот, когда-нибудь, после дневного труда, взволнованные

сочувствием к несчастию и горю ближнего, вы выйдете подышать свежим вечерним воздухом и помечтать о лучшей будущности для человечества; может быть, я вас встречу и увижу детскую чистоту и ясность в прекрасных чертах вашего лица: тогда рай, о котором я мечтаю, будет для меня возможен!»

ПРАВДА — ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ

Варианты первопечатной редакции *(«Отеч. зап.»)*.

Стр. 266, строка 25
Вместо «хоть одно яблоко» / «одно яблоко».

Стр. 267, строка 36
Вместо «уж очень вы» / «уж очень».

Стр. 268, строка 23
Вместо «стéрегли да берегли» / «смотрели да берегли».

Стр. 268—269, строки 44—1
Вместо «что ты позабыла» / «что позабыла».

Стр. 273, строка 31
Вместо «все равно что бисер» / «все равно что жемчуг».

Стр. 276, строка 21
Вместо «довольно даже низко» / «довольно даже глупо».

Стр. 276, строки 23—24
Вместо «что низко — я сам знаю» / «что глупо — я сам знаю».

Стр. 276, строка 37
Вместо «твои чувствия» / «твои чувства».

Стр. 281, строка 17
Вместо «(сидит у окна), входит Платон» / «(сидит у окна, вяжет) и Платон».

Стр. 281, строка 24
Вместо «Приберите!» / «Приберегите!»

Стр. 283, строка 18
Вместо «побежал недалеко» / «побежал недалечко».

Стр. 285, строка 14
Вместо «занимать гораздо легче» / «занимать легче».

Стр. 287, строка 26
Вместо «хозяин издержал» / «хозяин задержал».

Стр. 288, строка 16
Вместо «не тебе чета» / «не тебе, прохвосту, чета».

Стр. 289, строки 27—28
Вместо «извозчиков наймут» / «пустых извозчиков наймут».

Стр. 289, строка 34
Вместо «а после чаю-то» / «а после-то».

Стр. 290, строка 7
Вместо «только ведь оно» / «только оно».

Стр. 291, строка 28
Вместо «тебе много нечего» / «тебе нечего».

Стр. 292, строка 28
После «Я его!» *было* «У-у-у!»

Стр. 293, строка 2
Вместо «а мы его... били... за это» / «а мы его... били».

Стр. 293, строка 23
Вместо «так не придумаешь» / «так не придумать».

Стр. 293, строки 28—29
После слов «мужа на ту пору нет» *было* «провели меня прямо к ней».

Стр. 294, строка 1
Вместо «что ни истребую» / «что ни потребую».

Стр. 294, строки 11—12
После слов «Давайте его сюда!» *было* «Давайте его сюда! Давайте сюда!»

Стр. 297, строки 21—22
Вместо «осуществить можно-с» / «все осуществить можно-с».

Стр. 298, строки 30—31
Вместо «до Петрова дни-с» / «До Петрова дня-с».

Стр. 299, строка 20
Вместо «так мы купили» / «так мы купили партию».

Стр. 301, строка 14
Вместо «он замяукает» / «он замяучит».

Стр. 301, строка 38
Вместо «Да что мне здесь делать!» / «Да что выговор!»

Стр. 302, строка 34
Вместо «как же еще?» / «как же?».

Стр. 303, строка 24
Вместо «казниться не будет» / «корчиться не будет».

Стр. 304, строки 32—33
Вместо «без приданого пойду за него» / «без приданого — только б за него».

Стр. 304, строка 42
После слов «я тебя люблю!» *было* «Как я тебя люблю!»

Стр. 305, строка 26
Вместо «Да тебе что за дело?» / «Да что тебе за дело?».

Стр. 305, строка 28
После слов «напраслину терпеть» *было* «место терять».

Стр. 306, строки 29—30
Вместо «так их унять можно» / «так их унять нужно».

Стр. 306, строка 44
После слов «стража неусыпная» *была ремарка* «(Филицате)».

Стр. 307, строки 29—30
Вместо «И отпустите его с миром домой» / «И отпустили его домой с миром».

Стр. 308, строки 7—8
Вместо «правду-то вам говорить» / «правду-то вам в глаза говорить».

Стр. 309, строка 29
Вместо «все как и умрут опять» / «все так и умрут опять».

Стр. 311, строка 17
Вместо «отдадим приданое» / «отдадут приданое».

Стр. 315, строка 10
Вместо «Еще потребую» / «И еще потребую».

Стр. 315, строка 14
Вместо «Вижу я, не грабитель ты» / «Вижу я, что не грабить».

Стр. 315, строка 30
Вместо «Филицата» / «Филицата! Филицата».

Стр. 317, строка 24
Вместо «я вам акомпаниман» / «я ваш акомпаниман».

Стр. 317, строка 35
Вместо «Я так по всему» / «А я так по всему».

В конце текста подпись: А. Островский.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Варианты первопечатной редакции *(«Отеч. зап.»)*.

Стр. 322, строки 26—27
Вместо «позже придет» / «попозже придет».

Стр. 323, строка 3
Вместо «Так вы пешечком?» / «Так все пешечком»?.

Стр. 323, строка 42
Вместо «я и от людей» / «и от людей».

Стр. 324, строка 1
Вместо «Верного я не знаю» / «Верно я не знаю».

Стр. 324, строка 5
После слов «оставил вам миллион» *было* «Да не мало ли?»

Стр. 324, строка 21
Вместо «всё на миллионы считаю» /«всё миллионами считаю».

Стр. 324, строки 25—26
Вместо «подарки ему идут поминутно» / «подарки ему идут поминутные».

Стр. 324, строка 29
Вместо «Чернилица-то дорогая» / «Чернилица новая, дорогая».

Стр. 324, строка 32
Вместо «занавески ему на окна» / «занавески на окна ему».

Стр. 324, строка 35
Вместо «ему-то кажется» / «ему-то все кажется».

Стр. 324, строка 43
Вместо «Как же это» / «Как это».

Стр. 325, строки 3—4
Вместо «когда и на прогулку ходили» / «на прогулку ходили».

Стр. 325, строка 15
Вместо «и он без церемонии» / «и он-то уже без церемонии».

Стр. 325, строка 17
Вместо «говорит,— это все» / «это, говорит,— все».

Стр. 325, строка 33
После слов «как есть монастырь» *было* «Ни мы никуда, ни к нам никого, а».

Стр. 325, строка 35
После слов «тот больше в сумеречках» *было* «а посторонних и к воротам не пускаем».

Стр. 325, строка 41
После слов «пугнула его» *было* «в другой раз и не заглянет».

Стр. 325, строка 42
Вместо «мужчины чтоб ни-ни» / «мужчины чтоб в дом ни-ни».

Стр. 326, строка 3
Вместо «Чтоб женился. Уж это всегда так» / «Она и всегда была богомольна, а теперь надо за двоих. Все молит, чтоб бог помог Вадиму Григорьичу на настоящую дорогу установиться, от гулевой жизни отстать, а пуще-то всего, чтоб женился.

Глафира Фирсовна. Стало быть радости-то с своим другом не много видит?

Михевна. Какие радости! Радости-то ждем впереди, а теперь только одна мука да сумление.

Глафира Фирсовна. А он-то любит ее, или только ради денег, один вид показывает?

Михевна. Грех сказать, чтоб не любил; обыкновенно — молодость, постоянства настоящего нет.

Глафира Фирсовна. Да не фальшивит ли?

Михевна. Нет! Зачем неправду говорить? Фальши в нем нет, он только путаный человек, а не фальшивый».

Стр. 326, строки 4—5
После слов «не даст ей бог счастья» *было* «Михевна. За что же, матушка?»

Стр. 326, строка 8
После слов «в удовольствие на старости лет» *было*

«Михевна. Да она не только родных, она и бедных не забывает, помогает чем может. А вот что́ надо сказать: стыдится родных, оттого их и обегает. Уж как стыдлива, что и невидано.

Глафира Фирсовна. Да что меня стыдиться-то! Взяла бы меня к себе в дом для солидности: оно все-таки ей лучше под прикрытием-то. А разве я могу ей что запретить? да еще и захочу ли? Ее же хлеб ем, да буду ее удерживать! А для прочих-то я, коли захочу, так снаружи-то на себя такую солидность напущу, что подойти страшно. Про наш дом и подумать-то никто дурно не посмел бы — горло перерву. Служила б я ей; а теперь поневоле другим служу».

Стр. 326, строка 18
Вместо «и не надо?» / «и не надо бы?».

Стр. 326, строки 22—23
Вместо «может, вы с каким умыслом выспрашиваете» / «может, вы и с каким умыслом выспрашиваете да выведываете?

Глафира Фирсовна. Никакого у меня умысла нет.

Михевна. Да мне что! Сказала, так сказала. Там какая моя хозяйка ни будь, все же я ее ни на кого не променяю и готова, кажется, за нее душу положить».

Стр. 326, строка 28
Вместо «снимая платок» / «снимая платок с головы».

Стр. 326, строка 37
Вместо «никуда не выезжаю» / «никуда я не выезжаю».

Стр. 326, строки 40—41
Вместо «платком покрываешься?» / «платочком покрываешься?».

Стр. 327, строка 9
Вместо «и мне рядиться-то не к чему и не к месту было» / «мне и рядиться-то не к месту было».

Стр. 327, строка 16
Вместо «Чего это ты, милая» / «Чего это, милая, ты».

Стр. 327, строки 19—20
После слов «на чужую радость посмотреть» *было* «Ведь коли любят-то друг друга, да бог благословит, так как на лица-то, тетенька, хорошо смотреть».

Стр. 327, строка 25
Вместо «глазам-то не верим, так у всех» / «глазам-то не больно верим: у всех».

Стр. 327, строки 30—31
Вместо «в лице ни кровинки» / «бледная, в лице ни кровинки».

Стр. 327, строка 32
Вместо «точно помешанная» / «точно как помешанная».

Стр. 327, строки 33—34
Вместо «в три ручья так и полились» / «так в три ручья и полились».

Стр. 327, строка 39
Вместо «а я лишняя» / «а я-то лишняя».

Стр. 327, строка 40
Вместо «Посмотрела с минуточку» / «Поглядела с минуточку».

Стр. 327, строка 44
После слов «очень я плакала» *было* «очень плакала».

Стр. 328, строка 3
Вместо «живому человеку?» / «живому-то человеку?».

Стр. 328, строка 8
Вместо «любишь человека» / «любишь человека-то».

Стр. 328, строка 30
Вместо «Ведь не жена еще» / «Ведь я не жена еще».

Стр. 328, строка 31
Вместо «что-нибудь сказать?» / «что сказать?».

Стр. 328, строка 33
Вместо «рада бы все отдать» / «рада все отдать».

Стр. 328, строки 39—40
После слов «чем-нибудь привязать нужно» *было* «Он добрый человек, он может видеть и чувствовать, что я для него ничего не жалею».

Стр. 328, строка 44
После слов «только бы увидать-то» *было* «Ведь счастье мое на волоске висит».

Стр. 329, строка 15
Вместо «ворожить я не стану» / «ворожить я не буду».

Стр. 329, строки 16—17
Вместо «вот тебе еще средство» / «вот еще средство».

Стр. 329, строка 44
Вместо «хотел быть у тебя сегодня» / «хотел сегодня быть у тебя».

Стр. 330, строка 13
Вместо «сколько денжищев!» / «сколько у него этих денжищев!».

Стр. 330, строка 15
Вместо «все родные-то» / «все родные».

Стр. 330, строки 24—25
Вместо «он еще при жизни тебя» / «он тебя еще при жизни своей».

Стр. 330, строки 40—41
Вместо «Сирота у него была» / «Сирота была у него».

Стр. 331, строки 9—10
Вместо «своими деньгами я» / «своими деньгами».

Стр. 331, строка 23
Вместо «вот послушай!» / «послушай!».

Стр. 331, строки 27—28
Вместо «ведь, я чай, есть» / «ведь, чай, есть».

Стр. 331, строки 39—40
Вместо «лошадь заложить?» / «лошадь заложим?».

Стр. 332, строка 12
Вместо «Ну, да мало ль» / «Ну, мало ль».

Стр. 332, строки 14—15
Вместо «чтоб не пускали» / «чтоб не пускать».

Стр. 332, строка 26
Вместо «и ступай» / «да и ступай».

Стр. 332, строка 29
Вместо «Не съем его!» / «Не съем я его!».

Стр. 332, строки 35—36
Вместо «вот от Вадима» / «вам от Вадима».

Стр. 333, строка 3
Вместо «Не держи ты его, отпусти» / «Не держите его, отпустите»

Стр. 333, строка 7
Вместо «старика, понимаете?» / «старика, ну, понимаете?».

Стр. 333, строка 15
Вместо «принимать не буду» / «принимать не стану».

Стр. 333, строка 19
Вместо «Глафира Фирсовна» / «Глафира-то Фирсовна».

Стр. 333, строка 22
Вместо «раскланивается и уходит» / «раскланявшись, уходит».

Стр. 333, строка 32
Вместо «все дела и дела» / «все дела, дела».

Стр. 333, строка 37
Вместо «и я уверен заранее» / «и я заранее уверен».

Стр. 334, строка 4
Вместо «проводи его кругом» / «проведи его кругом».

Стр. 334, строки 23—24
Вместо «мы не ошибаемся» / «мы не ошибемся».

Стр. 334, строка 25
Вместо «понимаем» / «тонко понимаем».

Стр. 334, строки 27—28
Вместо «Зачем же лишний» / «Зачем лишний».

Стр. 334, строки 29—30
Вместо «то никогда ∽ необходимое-с» / «это никогда не лишнее, а даже необходимость-с».

Стр. 334, строка 40
После слов «Не услышите-с» *было* «У них теперь процесс с мужем насчет Николини».

Стр. 335, строка 5
Вместо «Хлопоты-с эти» / «Хлопоты — это».

Стр. 335, строка 10
Вместо «А лошадок» / «Лошадок».

Стр. 335, строка 19
Вместо «к вам на днях» / «к вам на дом на днях».

Стр. 335, строка 27
Вместо «сезон не имеете?» / «сезон имеете?».

Стр. 335, строка 32
Вместо «позвольте объяснить» / «позвольте вам объяснить».

Стр. 335. строка 41
Вместо «много ли же» / «много ли».

Стр. 336, строка 3
Вместо «а сберегать капиталы» / «сберегать капиталы».

Стр. 336, строка 9
Вместо «вас мы беречь должны» / «вас мы должны беречь».

Стр. 336, строка 12
Вместо «и все бумаги» / «все бумаги».

Стр. 336, строка 13
Вместо «расписку дам» / «расписочку дам».

Стр. 336, строка 14
Вместо «останется неприкосновенным» / «останется навсегда неприкосновенным».

Стр. 336, строка 17
Вместо «прожить более того» / «прожить больше того».

Стр. 336, строки 25—26
Вместо / «своим родителям?» «родителям?».

Стр. 336, строка 38
Вместо «теперь не могу» / «теперь еще не могу».

Стр. 331, строка 1
После «Юлия» *было* «(перебивая)».

Стр. 337, строка 2
Вместо «я сама желаю» / «я желаю сама».

Стр. 337, строка 8
Вместо «вы всем довольны» / «вы совсем довольны».

Стр. 337, строка 16
Вместо «Какая б у меня ни была» / «Не договаривайте!..— какая б ни была».

Стр. 337, строка 21
Вместо «прошу» / «покорнейше прошу».

Стр. 338, строка 23
Вместо «Мне не дадут, конечно» / «Мне не дадут».

Стр. 338, строка 37
Вместо «испугавшись» / «с испугом».

Стр. 338, строка 39
Вместо «Ведь это конец» / «Ведь это черт знает что такое! Ведь уж это конец».

Стр. 338, строки 42—43
Вместо «А как найдешь?» / «А как найдем?».

Стр. 339, строка 5
Вместо «Ведь ты ∽ будешь любить» / «Ведь ты меня все-таки любить будешь».

Стр. 339, строки 17—18
Вместо «у меня был богатый человек» / «был у меня очень богатый человек».

Стр. 339, строка 18
Вместо «обещал и предлагал мне» / «обещал мне и предлагал».

Стр. 339, строки 21—22
Вместо «что у меня свой» / «у меня свой».

Стр. 339, строка 24
Вместо «Юлия, зачем?» / «Юлия? зачем же».

Стр. 339, строка 37
Вместо «Не знаю, едва ли» / «Нет, едва ли».

Стр. 340, строка 3
Вместо «Это уж последняя» / «Уж это последняя».

Стр. 340, строка 10
Вместо «я позволяю» / «я тебе позволяю».

Стр. 340, строки 12—13
Вместо «Что не сделает женщина» / «Что не сделают женщины».

Стр. 340, строка 18
Вместо «Я и не знал» / «Я не знал».

Стр. 340, строка 31
Вместо «Одно еще только» / «Одно только».

Стр. 340, строка 35
Вместо «и свое, и чужое» / «свое и чужое».

Стр. 340, строка 42
Вместо «они чего-нибудь стоят» / «чего-нибудь стоят».

Стр. 341, строка 3
Вместо «от излишней роскоши» / «от лишней роскоши».

Стр. 341, строки 3—4
Вместо «я учился всему, я на все способен» / «я всему учился, на все способен».

Стр. 341, строка 6
Вместо «твоя последняя жертва» / «последняя жертва».

Стр. 341, строка 19
Вместо «Верно, мой милый» / «Верно, милый».

Стр. 341, строка 21
Вместо «что это» / «что уж это».

Стр. 341, строка 28
Вместо «я даже по именам их не знаю» / «а даже и по именам не знаю».

Стр. 341, строка 40
Вместо «на плечи Дульчина» / «ему на плечи».

Стр. 342, строки 7—8
Вместо «тщательно расчесанные» / «тщательно расчесаны».

Стр. 342, строка 19
Вместо «налево — в кабинет» / «налево дверь в кабинет».

Стр. 342, строка 31
Вместо «я пришла-то?» / «я приплыла-то?».

Стр. 343, строки 14—15
Вместо «допыталась кой до чего» / «допыталась кой-чего».

Стр. 343, строка 33
Вместо «все эти женихи» / «все женихи».

Стр. 344, строка 5
Вместо «он и не думает, чай» / «он, чай, и не думает».

Стр. 344, строка 43
Вместо «потому жизнь неосновательную» / «по-моему жизнь неосновательную».

Стр. 345, строка 7
Вместо «платить он их» / «платить их он».

Стр. 345, строка 22
Вместо «верно можно ручаться» / «можно верно ручаться».

Стр. 345, строки 41—42
Вместо «хочется свое детище» / «свое детище хочется».

Стр. 345, строка 43
Вместо «чужими-то деньгами» / «чужими деньгами».

Стр. 346, строка 14
Вместо «почтительно кланяясь» / «почтительно кланяется».

Стр. 346, строка 18
Вместо «садится в кресло» / «садится на кресло».

Стр. 346, строка 22 и далее в репликах
Вместо «Ирень» / «Ирен».

Стр. 346, строка 26
Вместо «только одна» / «только одно».

Стр. 346, строка 27
Вместо «внушает опасения» / «внушает серьезные опасения».

Стр. 346, строка 28
Вместо «Кому же это?» / «Кому это?».

Стр. 347, строка 5
Вместо «сколько их есть» / «сколько их ни есть».

Стр. 347, строка 12
Вместо «все это верно» / «это все верно».

Стр. 347, строка 27
Вместо «уж которая» / «уж только которая».

Стр. 348, строка 7
Вместо «А где же вы его» / «А вы где же его».

Стр. 348, строка 12
Вместо «скрывать тебе, Ирень?» / «скрывать, Ирен?».

Стр. 348, строки 26—27
Вместо «образованные мужчины тоже» / «тоже образованные мужчины».

Стр. 348, строка 35
Вместо «суммы не назначают» / «суммы не определяют».

Стр. 348, строка 36
Вместо «он этим интересуется» / «он этим очень интересуется».

Стр. 348, строка 42
Вместо «от своих слов не отопрется» / «от своих слов не откажется».

Стр. 348, строка 43
Вместо «дела вашего он не станет» / «дела он вам не станет».

Стр. 349, строка 1
Вместо «вы этого не знаете» / «вы это не знаете».

Стр. 349, строка 7
Вместо «Это еще только» / «Это только еще».

Стр. 349, строка 41
Вместо «выходит, смешное» / «выходит».

Стр. 350, строки 7—8
Вместо «чего меня учить-то» / «что меня учить-то».

Стр. 351, строки 3—4
Вместо «на уме было» / «на уме-то было».

Стр. 351, строка 5
Вместо «Сюрприз-с?» / «Сюрпризец-с?».

Стр. 351, строка 7
Вместо «да выложил бы» / «да выложил».

Стр. 351, строка 9
Вместо «А неизвестно» / «А неизвестно вам».

Стр. 351, строка 19
Вместо «ударив себя в лоб» / «ударив себя по лбу».

Стр. 351, строка 22
Вместо «Вот старику-то» / «Вот старику».

Стр. 351—352, строки 38—3
Текст «Василий. Они желают вас ∽ Входят Юлия Павловна и Василий» *отсутствует.*

Стр. 352, строка 5
Вместо «И прямо к обеду-с» / «И как кстати — прямо к обеду-с».

Стр. 352, строка 18
Вместо «поскорей хотелось» / «хотелось поскорей».

Стр. 352, строка 34
Вместо «вы извольте обращаться» / «уж вы извольте обратиться».

Стр. 353, строка 11
Вместо «я все достану» / «я все это достану».

Стр. 353, строка 35
Вместо «они готовы на все» / «они на все готовы».

Стр. 353, строки 38—40
Вместо «давеча отказалась ∽ на них напрашиваюсь» / «давеча отказывалась от ваших услуг, а, видите, теперь сама на них напрашиваюсь».

Стр. 354, строки 2—3
Вместо «Обнимает его» / «Обнимает Флора Федулыча».

Стр. 354, строка 4
Вместо «освободясь» / «освобождаясь».

Стр. 354, строки 21—22
Вместо «кофею не угодно ли» / «кофею не прикажете ли».

Стр. 354, строка 24
Вместо «возвратиться домой» / «вернуться домой».

Стр. 354, строка 31
Вместо «вам муж оставил» / «ваш муж оставил».

Стр. 354, строка 43
Вместо «добыть негде» / «уж добыть негде».

Стр. 355, строка 2
Вместо «На наши деньги» / «На наши-то деньги».

Стр. 355, строка 4
Вместо «больше промежду» / «всё больше промежду».

Стр. 355, строка 9
Вместо «полной горстью их» / «их полной горстью».

Стр. 355, строка 10
После слов «Так что ж за напасть!» *было* «Зачем нам себе в удовольствии отказывать!»

Стр. 355, строка 11
Вместо «добрым барином» / «добрым-то барином».

Стр. 355, строка 13
Вместо «все это правда» / «все это и правда».

Стр. 355, строка 22
Вместо «Тоже была вот как-то» / «Тоже вот как-то была».

Стр. 355, строка 36
Вместо «у меня такой статьи» / «такой статьи».

Стр. 356, строка 1
Вместо «Через неделю» / «Последняя... Через неделю».

Стр. 356, строки 17—18
Вместо «Поднимает Юлию» / «Поднимает Юлию Павловну».

Стр. 356, строка 25
После слов «Нет, это грустно-с!» *было* «Такие пассажи только в простонародии приличны».

Стр. 357, строка 10
После «Флор Федулыч» *было* «(тронутый)».

Стр. 357, строка 14
Вместо «ваш поцелуй-с» / «ваш поцелуй, дорогого-с».

Стр. 357, строки 16—17
После слов «еще такой же поцелуй» *было*
«Флор Федулыч. Дорог ваш поцелуй, очень дорог; вы запомните мои слова! Очень дорог.
Юлия»

Стр. 357, строка 23
Вместо «Идет в залу и уходит» / «Идет в залу».

Стр. 357, строка 24
После слов «Дорогого стоит-с» *было*
«Юлия. До свиданья, до свиданья! (Убегает)».

Стр. 358, строка 4

Вместо «Но не имеете» / «Не имеете».

Стр. 358, строка 16
Вместо «входит» / «входя».

Стр. 358, строка 17
Вместо «освободясь от Ирины» / «освободясь от объятий Ирины».

Стр. 358, строка 18
Вместо «тот... тот дорогого» / «нет... тот дорогого».

Стр. 358, строка 38
Вместо «манеры провинциальные» / «манеры провинциала».

Стр. 359, строки 32—33
Вместо «сидит Москвич» / «скромно сидит Москвич».

Стр. 360, строка 19
Вместо «давать нельзя» / «дать нельзя».

Стр. 360, строка 26
Вместо «Да куда хотите» / «Куда хотите».

Стр. 360, строки 28—29
Вместо «хотел спроситься» / «хотел спросить».

Стр. 361, строка 19
Вместо «я этим не занимаюсь» / «и этим не занимаюсь».

Стр. 361, строки 36—38
Вместо «Нет, уж как не везет ∽ с тобой случилось» *было* «Нет, уж как повезет...

Дергачев. Знакомый?

Дульчин. Какой знакомый! Лохматый какой-то, нечесаный, сюртук нечищенный, глаза оловянные, и карт-то держать в руках порядочно не умеет.

Дергачев. Сколько раз я тебе говорил: не играй с незнакомыми! Сколько раз! Зачем играешь!

Дульчин. С советами еще! Затем играю, чтоб выиграть. Не мешайся не в свое дело!

Дергачев. Я потому говорю, Вадим, что люблю тебя. Ведь уж такого друга, как я, ты не найдешь. (Тихо.) Нет ли у тебя рубля серебром?

Дульчин (не слушая). Вот думаю, простачок попался, да сам и проиграл все шесть королей. Да какие короли-то! Меньше пятисот не было, да хвосты. Такую он за мной арифметику вывел...

Дергачев. Только шесть королей и играли?

Дульчин. Не стал больше. Я, говорит, ужинать хочу. Я подождал, поглядел на него. Выпил он рюмок пять водки,

съел порцию поросенка, потом другую — все того же поросенка, спросил кружку квасу, закурил грошовую сигару, да, кажется, еще не с того конца.— Угодно продолжать?— говорю.— «Нет, говорит, я не в расположении», и отвернулся от меня. Каков гусь!

Д е р г а ч е в. По пятачку играли?

Д у л ь ч и н. По десяти.

Д е р г а ч е в. Значит, ты около тысячи рублей проиграл?

Д у л ь ч и н. Больше. Такой сегодня несчастный день для меня. Уж это я знаю: как пойдет, так только держись.

Д е р г а ч е в. Ты меня пугаешь. Что такое еще с тобой случилось?»

Стр. 362, строка 5
Вместо «повез их к Салаю» / «повез их Салаю».

Стр. 362, строка 14
Вместо «Где же я тебе достану?» / «Где ж я достану?».

Стр. 362, строка 22
После «Д у л ь ч и н» *было* «(дает деньги)».

Стр. 363, строка 10
Вместо «еще много осталось» / «еще довольно осталось».

Стр. 363, строка 36
Вместо «верить можно» / «можно верить».

Стр. 364, строка 17
Вместо «А это Пивокурова» / «Это Пивокурова».

Стр. 364, строка 21
Вместо «к вечеру в кураже» / «к вечеру немножечко в кураже».

Стр. 364, строка 38
Вместо «Кому ты говоришь?» / «Кому говоришь?».

Стр. 365, строка 2
Вместо «все в одно место» / «в одно место».

Стр. 365, строки 19—20
Вместо «о тех не стоит» / «о них не стоит».

Стр. 365, строки 29—30
Вместо «знаем и понимаем-с» / «знаем и наблюдаем-с».

Стр. 365, строка 33
Вместо «капиталы не залеживались» / «капиталы не застаивались».

Стр. 365, строка 39
Вместо «у нас в Москве» / «и у нас в Москве».

Стр. 366, строка 1
Вместо «не поможет» / «не помогает».

Стр. 366, строка 5
Вместо «рыбу ловят» / «рыбку ловят».

Стр. 366, строки 6—7
Вместо «человека, красивенького» / «человека красивого».

Стр. 366, строки 7—8
Вместо «тысячи три-четыре» / «денег тысячи три-четыре».

Стр. 366, строка 19
Вместо «состояние» / «состояние-то».

Стр. 366, строка 23
Вместо «только в первый раз» / «в первый раз».

Стр. 366, строка 29
Вместо «Да, на то Москва» / «На то Москва».

Стр. 366, строка 35
Вместо «похвастаться не можем» / «похвалиться не можем».

Стр. 366, строки 38—39
Вместо «по московскому вкусу оно» / «по московскому вкусу она».

Стр. 366, строка 40
Вместо «Ничего, ничего» / «Нет, ничего».

Стр. 367, строка 4
Вместо «А вот посмотрим!» / «А вот посмотрите!».

Стр. 367, строка 8
Вместо «и нам?» / «нам!».

Стр. 367, строка 21
Вместо «меры принять» / «меры принимать».

Стр. 368, строка 27
Вместо «А еще похвалился» / «А еще похвастался».

Стр. 368, строка 33
Вместо «ты понял теперь» / «понял теперь».

Стр. 369, строки 22—23
Вместо «а платить Лавр Мироныч» / «и Лавр Мироныч».

Стр. 369, строка 24
Вместо «получат пять рублей» / «получать пять рублей».

Стр. 369, строки 27—28
Вместо «чтоб спелые были ∽ та же репа» / «чтоб спелые! А то вы подаете какую-то репу вместо персиков».

Стр. 370, строка 14
Вместо «будут ∽ господа» / «будут разные господа подходить».

Стр. 370, строка 18
Вместо «Кутишь?» / «Кутим?».

Стр. 370, строка 20
Вместо «Нельзя поужинать» / «Нельзя и поужинать».

Стр. 370, строка 28
После «Салай Салтаныч» *было* «(тихо)».

Стр. 370, строка 34
Вместо «всю жизнь» / «всю-то жизнь».

Стр. 371, строка 24
Вместо «откушать с нами?» / «откушаете с нами?»

Стр. 371, строка 34
Вместо «средних лет» / «средний».

Стр. 371, строка 38
Вместо «тихо Дульчину» / «Дульчину тихо».

Стр. 372, строка 10
Вместо «сон нехороший видел» / «сон нехорош видел».

Стр. 372, строка 23
Вместо «За что же, за это?» / «За что, за это?».

Стр. 372, строка 25
Вместо «тот в картах несчастлив» / «тот несчастлив в картах».

Стр. 372, строка 35
Вместо «нужно рисковать» / «нужно рискнуть».

Стр. 372, строки 37—38
Вместо «лезешь да денег просишь» / «лезть да денег просить».

Стр. 373, строки 12—13
После слов «вот бы примазаться» *было*
«Наблюдатель. Не советую.
Разносчик вестей. Отчего же».

Стр. 373, строка 19
Вместо «туда иди смело» / «туда смело иди».

Стр. 373, строки 20—21
Вместо «честные, доверчивые» / «доверчивые».

Стр. 373, строки 22—23
Вместо «ни в житницы собирают» / «ни в житницы не собирают».

Стр. 373, строка 24
Вместо «ни сеют, ни жнут» / «ни сеют».

Стр. 373, строка 30
Вместо «где кутят, там» / «где кутят, так».

Стр. 373, строка 31
Вместо «дело не совсем чисто» / «дело не очень чисто».

Стр. 373, строка 35
Вместо «мы плохие физиономисты» / «вы плохой физиономист».

Стр. 373, строка 36
Вместо «Читают в газетах» / «Читают газеты».

Стр. 373, строка 37
Вместо «такой-то скрылся» / «такой-то кассир скрылся».

Стр. 373, строка 38
После слов «такой-то застрелился» *было* «Кто прежде всего удивляется».

Стр. 374, строки 12—13
Вместо «позвольте и мне» / «позвольте мне».

Стр. 375, строки 2—3
Вместо «деньги есть» / «деньги дашь».

Стр. 375, строка 12
Вместо «Зачем скрывать?» / «Зачем скрываешь?».

Стр. 375, строка 29
Вместо «Вот так ловко!» / «Вот это ловко!».

Стр. 375, строка 35
Вместо «на свидание» / «на любовное свидание».

Стр. 376, строки 12—13
Вместо «рубли-то выпрашивать» / «рубли выпрашивать».

Стр. 376, строка 20
Вместо «все противно» / «противно».

Стр. 377, строки 11—12
Вместо «молодой был» / «молод был».

Стр. 377, строка 14
Вместо «монах стал» / «стал монах».

Стр. 377, строка 25
Вместо «Твоих рассказов» / «Твоих разговоров».

Стр. 377, строка 38
Вместо «Эк тебе счастье привалило!» / «(Дульчину.) Эко тебе счастье».

Стр. 378, строки 4—5
Вместо «девушку не трудно» / «девушку не долго».

Стр. 378, строка 10
Вместо «им мушника ведь надо» / «им жениха ведь надо».

Стр. 378, строка 18
Вместо «чем ты не пара?» / «чем не пара?».

Стр. 378, строки 31—32
Вместо «такой мрачный?» / «какой мрачный?».

Стр. 379, строки 8—9
Вместо «много романов» / «очень много романов».

Стр. 379, строка 19
Вместо «бешеная страсть» / «сумасшедшая страсть».

Стр. 379, строки 36—37
После «милый Вадим!» *было* «Мой Вадим».

Стр. 379, строка 40
Вместо «Отходит» / «Отойдя».

Стр. 380, строки 12—13
Вместо «А лгать ∽ очень нехорошо» / «Лгать нехорошо, Вадим, нехорошо».

Стр. 381, строки 16—17
Вместо «За честь почту» / «За счастие почту».

Стр. 381, строка 23
Вместо «прошу на вечер ко мне» / «прошу ко мне на вечер».

Стр. 382, строка 26
Вместо «после запрешь» / «после запрем».

Стр. 383, строки 3—4
Вместо «хорошо было смотреть» / «хорошо смотреть было».

Стр. 383, строка 6
Вместо «новенький купить» / «новенький вуаль купить».

Стр. 383, строки 11—12
Вместо «Я, знаешь, что думаю?» / «А я знаешь, что думаю? Я думаю».

Стр. 383, строки 15—16
Вместо «И какой человек» / «И какой».

Стр. 383, строки 27—28
После слов «на деньги жалостлива» *было* «даром их не брошу».

Стр. 383, строки 29—31
Текст «М и х е в н а. Ох, жалостлива ∽ денег даром не брошу» *отсутствует.*

Стр. 383, строка 32
Вместо «Как можно бросить!» / «Как можно даром бросать!».

Стр. 383, строка 36
Вместо «И до чего он» / «И до чего только он».

Стр. 383, строка 42
Вместо «не разделено с сестрицей» / «не разделено с сестрой».

Стр. 384, строка 12
Вместо «так веришь ли» / «веришь ли».

Стр. 384, строка 29
Вместо «все будет думаться» / «все и будет думаться».

Стр. 385, строка 27
Вместо «как его удержишь?» / «как ты его удержишь?».

Стр. 386, строка 28
Вместо «Хорошо, скажу» / «Хорошо, ладно».

Стр. 386, строка 31
Вместо «у меня плохая стала» / «у меня стала».

Стр. 386, строка 34
Вместо «Рада б радостью» / «Рада б я радостью».

Стр. 387, строки 33—34
Вместо «на подвенечный вуаль его» / «на подвенечный-то вуаль его».

Стр. 389, строка 6
Вместо «Да уж он давно» / «Да он уж давно».

Стр. 389, строка 36
Вместо «вечерком забегу» / «вечером забегу».

Стр. 390, строка 1
Вместо «Того и гляди» / «Того гляди».

Стр. 390, строка 10
Вместо «махает рукой» / «машет рукой».

Стр. 390, строки 23—24
Вместо «коли дома-то» / «особенно коли дома-то».

Стр. 390, строки 30—31
После слов «тебя не оговорит» *было* «А теперь уж освободи».

Стр. 391, строка 18
Вместо «еще не приезжал?» / «еще не приехал?».

Стр. 391, строка 25
Вместо «лепечет без толку» / «лепечешь без толку».

Стр. 392, строка 3
Вместо «Я это не знаю-с» / «Это я не знаю-с».

Стр. 392, строка 7
Вместо «скоро напишет мне» / «скоро мне напишет».

Стр. 392, строка 10
Слова «что это» *отсутствуют.*

Стр. 393, строка 9
Вместо «с трудом выговаривая» / «с трудом произнося».

Стр. 393, строка 14
Вместо «что знаете» / «что вы знаете».

Стр. 393, строка 15
Вместо «вы говорите» / «вы говорили».

Стр. 393, строка 18
Вместо «бессовестные!» / «вы бессовестные!».

Стр. 394, строка 29
Вместо «Кто... кто был» / «Кто был... кто был».

Стр. 394, строка 39
Слова «что он» *отсутствуют.*

Стр. 395, строка 4
Вместо «в глаза посмотреть» / «только в глаза посмотреть, в глаза»

Стр. 395, строка 14
Вместо «Показывает» / «Показывая».

Стр. 395, строка 23
Перед «Конечно, не надо» *было* «Как пренебречь».

Стр. 395, строка 39
Вместо «Я покойна» / «Я спокойна».

Стр. 396, строка 5
Вместо «что нибудь-с!» / «чего нибудь-с!».

Стр. 396, строка 7
Вместо «платье-то себе» / «я платье-то себе».

Стр. 396, строки 10—11
Вместо «придя в себя» / «приходя в себя».

Стр. 396, строка 18
Вместо «Ну, поцелуйтесь» / «Поцелуйтесь».

Стр. 396, строка 36
Вместо «фотографический портрет» / «фотографический женский портрет».

Стр. 397, строка 6
Вместо «звонил?» / «звонит?».

Стр. 398, строка 8
Вместо «Надо казаться» / «Надо будет казаться».

Стр. 398, строки 14—15
Вместо «не беспокойся» / «ты не беспокойся».

Стр. 398, строка 21
Вместо «поедем!» / «едем!».

Стр. 399, строка 2
Вместо «ну, и кончено» / «ну, и кончено дело».

Стр. 399, строка 5
Вместо «Отчего это?» / «С чего это?».

Стр. 399, строка 10
Вместо «ведь я поступил» / «ведь я поступаю».

Стр. 399, строка 19
Перед «Ну, изволь, на!» *было* «(подавая руку)».

Стр. 399, строка 21
Вместо «последняя глупость» / «последняя низость».

Стр. 400, строка 3
Вместо «Друг мой» / «Друг».

Стр. 400, строки 7—8
Вместо «а я сам по себе, больше тону» / «я — сам по себе; больше шику».

Стр. 400, строка 18
Вместо «только посмотреть» / «только взглянуть».

Стр. 400, строки 20—21
Вместо «и не смей» / «не смей».

Стр. 401, строка 5
Вместо «соединяются и другие» / «соединятся и другие».

Стр. 401, строка 8
Вместо «Но я, Вадим» / «Но, Вадим, я».

Стр. 401, строка 25
Вместо «иначе бы я» / «иначе я бы».

Стр. 401, строка 27
Вместо «на шею к Вадиму» / «на шею Вадиму».

Стр. 401, строка 29
Вместо «Кто-то звонит» / «Кто-то позвонил».

Стр. 401, строки 36—37
Вместо «мы не ходим некстати» / «мы некстати не ходим».

Стр. 401, строка 38
Вместо «Денег, Салай, денег!» / «Денег, Салай Салтаныч!».

Стр. 402, строка 6
Вместо «кредит предлагал» / «мне кредит предлагал».

Стр. 402, строка 34
Слова «Чего долго думать?» *отсутствуют.*

Стр. 403, строка 13
Вместо «Говорил, пять» / «Говорит, пять».

Стр. 403, строка 19
Вместо «откуда я возьму?» / «откуда возьму?».

Стр. 403, строки 36—37
Вместо «велеть завтра приехать» / «велеть приехать завтра».

Стр. 403, строка 38
Вместо «искренней любви» / «истинной-то любви».

Стр. 404, строки 2—3
Вместо «ни одной глупости» / «ни одной низости».

Стр. 404, строка 27
Вместо «лучше, чем дома» / «лучше, нежели дома».

Стр. 404, строка 29
Вместо «молодого человека» / «холостого человека».

Стр. 404, строка 30
Вместо «только один выход» / «один только выход».

Стр. 404, строки 34—35
Вместо «только пять тысяч» / «пять тысяч».

Стр. 404, строки 38—39
Вместо «одно только воспоминание» / «только одно воспоминание».

Стр. 405, строки 6—7
Вместо «больше нет» / «мне больше нет».

Стр. 405, строка 8
Вместо «одно занятие» / «только одно занятие».

Стр. 405, строка 21
Вместо «обращаться с такими словами» / «с такими словами обращаться».

Стр. 405, строка 25
Вместо «вы имели право» / «право вы имели».

Стр. 405, строки 29—30
Вместо «не имеющий, требует» / «не имеет и требует».

Стр. 405, строка 36
Вместо «вам ответить» / «ответить вам».

Стр. 405, строка 42
Вместо «Что вы сердитесь?» / «За что вы сердитесь?».

Стр. 406, строка 4
Вместо «расстанемся друзьями» / «расстанемтесь друзьями».

Стр. 406, строка 7
Вместо «мы можем встретиться» / «мы потом встретимся».

Стр. 406, строка 15
После слов «целует руку Ирины.» *было*

«И р и н а. Ах, Вадим, зачем ты не богат! Какое это несчастье!
Д у л ь ч и н. Я был богат и буду богат, и счастие еще не уйдет от нас.
Д е р г а ч е в (Ирине). Позвольте предложить вам свои услуги. (Подает руку.)»

Стр. 406, строки 25—26
После слов «несколько уж самых последних» *было* «Это всегда так бывает. Вот у фокусников и акробатов последнее представление никогда не бывает последним, за ним идут еще несколько последних, потом — «перед отъездом из Москвы», потом — «по требованию публики» и так далее».

Стр. 407, строка 23
Вместо «как ты ценишь?» / «как ты оценишь?».

Стр. 409, строка 1
Вместо «это ведь преступление!» / «это преступление!».

Стр. 409, строка 4
Вместо «мой друг» / «друг мой».

Стр. 409, строки 16—17
Вместо «и не был при» / «и я не был при».

Стр. 409, строки 17—18
Вместо «отдать свою жизнь» / «отдать всю жизнь».

Стр. 409, строка 19
Вместо «твой последний прощающий вздох» / «чтоб уловить твой последний прощающий взгляд».

Стр. 409, строка 20
Вместо «Ю л и я» / «Ю л и я П а в л о в н а».

Стр. 410, строка 7
После слов «все ты мне прощала» *было*
«Ю л и я. Где ваши имения, планы которых вы мне показывали?
Д у л ь ч и н. Да, гадко, гадко — я сознаюсь.
(М а р д а р и й вносит свечи и уходит»).

Стр. 410, строка 18
Вместо «я вам отдала» / «я вам отдавала».

Стр. 411, строка 24
Вместо «Имею честь кланяться» / «Имеем честь кланяться».

Стр. 411, строка 25
Вместо «с Юлией» / «с Юлией Павловной».

Стр. 411, строка 37
Вместо «на улицу выбраться!» / «на улицу-то выбраться!».

Стр. 412, строка 7
Вместо «Э! Зачем!» / «А! Зачем!».

Стр. 412, строка 10
Вместо «бьет себя» / «ударяет себя».

Стр. 412, строка 25
После «Д у л ь ч и н» *было* «(берет шляпу)».

В конце текста дата и подпись: «11 октября 1877 года. А. Островский».

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК — авторизованная писарская копия.
АТК — авторизованная театральная писарская копия.
БА — беловой автограф.
ЛПК — литографированная писарская копия.
ТПК — театральная писарская копия.
ЦПК — цензурная писарская копия.
ЧА — черновой автограф.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ЛГТБ — Ленинградская театральная библиотка им. А. В. Луначарского.
ММТ — Библиотека музея Московского Малого театра.
ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

«Бирж. вед.» — газета «Биржевые ведомости».
ЕИТ — Ежегодник императорских театров.
«Моск. вед.» — газета «Московские ведомости».
«Отеч. зап.» — журнал «Отечественные записки».
«Рус. вед.» — газета «Русские ведомости».
«Рус. мир» — журнал «Русский мир».
«Спб. вед.» — газета «Санктпетербургские ведомости».
«Сын отеч.» — газета «Сын отечества».

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М.—Пг., ГИЗ, 1923.

«Восп.» — «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., изд-во «Художественная литература», 1966.

«Неизд. письма» — «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М. — Л., «Academia», 1932.

Некрасов — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем ⟨в 12-ти томах⟩, М., Гослитиздат, 1948—1953.

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собрание сочинений ⟨в 20-ти томах⟩, М., Гослитиздат, 1941—1957.

Словарь — Н. С. Ашукин, С. И. Ожегов, В. А. Филиппов, Словарь к пьесам А. Н. Островского (1948. Верстка книги. Хранится в Центральной научной библиотеке ВТО).

А. Н. ОСТРОВСКИЙ в 1873—1877 годах

1

В 4-й том Полного собрания сочинений Островского входят пьесы, написанные им с 1873 по 1877 год: две «сцены из жизни захолустья» — «Поздняя любовь» и «Трудовой хлеб» и четыре комедии — «Волки и овцы», «Богатые невесты», «Правда — хорошо, а счастье лучше» и «Последняя жертва». Все эти пьесы впервые увидели свет в журнале Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина «Отечественные записки», который, по свидетельству одного из видных революционеров-семидесятников, «почти безраздельно властвовал над умами той эпохи» (*О. В. Аптекман, Общество «Земля и воля» 70-х гг., Пг., 1924, стр. 34).*

Эти годы были для Островского в известном смысле порой подведения итогов. Полвека прожито: в день своего пятидесятилетия — 31 марта 1873 года — он дописывает последние строфы «Снегурочки». Четверть века безраздельно отдано литературе и театру: позади — скромно отпразднованный 25-летний юбилей литературной деятельности, от которого остались поднесенный артистами серебряный вызолоченный венок, теплые приветственные адреса да оскорбительный отказ в заслуженной пенсии. Юбилей вообще принес писателю больше грусти, нежели радости. «Наши труды, при условиях, как вы знаете, не всегда благоприятных, — скажет юбиляр чествовавшим его собратьям по перу, — не особенно способствуют веселому настроению духа в человеке». Он вспомнит, отвечая на приветствия, «прожитые неудачи, огорчения и тяжесть труда, весьма часто соединенного с лишениями» (*ПСС, XII, 85).* В 1874 году завершается выход в свет нового Собрания сочинений Островского в восьми томах. В том же году он становится во главе созданного по его инициативе Общества русских драматических писателей и оперных композиторов; единогласное избрание его на председательский пост, который он будет занимать до конца своих дней, лишь подтвердило неоспоримо принадлежащее ему первенство в русской драматической литературе.

Выше среднего роста, коренастый, широкоплечий, лысый, с рыже-красной окладистой бородой, с лицом чрезвычайно умным и симпатичным, с глазами, в которых сохранился блеск молодости, — таким запомнился пятидесятилетний драматург тем, кто встречался

с ним в эту пору. Годы, однако, давали себя знать. Все чаще жалобы на состояние здоровья в письмах: «здоровье мое не хорошо», «здоровье мое плохо», «здоровье мое отвратительно», «здоровье мое хуже прежнего», «здоровье мое все хуже и хуже», «душит кашель», «лихорадочные приступы», «нервы разбиты», «сердцебиение замучило», «расходились ревматизмы» *(там же, XV, 21, 35, 48, 55, 57, 58, 67, 93)*.

Жизнь идет по заведенному кругу — осень и зима в Москве, с мая по сентябрь — в Щелыкове, нечастые и недолгие отлучки по делам в Петербург да в Кинешму. Путешествовать недосуг: «За границу я часто порываюсь, да, по русской пословице, «сам-то прост, да привязан хвост», т. е. семья велика» *(там же, XV, 99)*. Прибавилось еще двое детей — дочь и сын, теперь их уже шестеро. Старый дом становится тесен для разросшейся семьи: «Я наконец покинул свое разрушающееся пепелище и нанял квартиру в доме князя Голицына, на Пречистенке, против строящегося храма Спасителя〈...〉 Теснота помещения и нездоровая местность выгнали меня из-под родного крова» *(там же, XV, 96, 98)*. Расходы растут, а в пенсии, как мы знаем, отказано. Остается одно — работать, работать, работать.

Каждый год драматург дает театрам новую пьесу, а то и две, да еще надо поспешать, чтоб не опоздать к бенефису; кроме собственных шести пьес — совместная работа с начинающим литератором Н. Я. Соловьевым над комедиями «Счастливый день» и «Женитьба Белугина». Он продолжает переводить с итальянского и французского, предпринимает перевод пьесы древнеиндусского драматурга Парашурамы «Дэвадаси» («Баядерка»), вынужден браться и за переделки пьес иностранных авторов, хотя сам отрицательно относится к таким переделкам, называя их «гермафродитами драматического искусства» *(там же, XII, 321)*. Много времени уходит на хлопоты по делам Общества драматических писателей и Артистического кружка; весьма серьезно писатель относится и к своим обязанностям присяжного Московского окружного суда, почетного мирового судьи и гласного уездного земского собрания в Кинешме.

Письма драматурга за эти годы полны упоминаний о «каторжном» труде. 1873 год: «Любезный друг, посылаю тебе пьесу. Руки болят, грудь болит, сердцебиение замучило,— переписывал чуть ли не неделю...» 1874 год: «Я с самого рождества сижу работаю, почти не разгибаясь, начал три пьесы и все не удовлетворяюсь, теперь работаю над четвертой...»; «занят каторжным образом»; «занят пьесой по горло». 1875 год: «Я не совсем здоров, но работаю усердно: кроме готовой начато две пьесы, над которыми придется работать в Москве в продолжении зимы»; «приехал в Петербург в пятницу

7-го числа и до 15-го сидел безвыходно и не разгибаясь работал дома, работая по 18-ти и более часов в сутки». 1876 год: «Я теперь работаю не разгибаясь»; «я теперь принялся очень прилежно и сижу не разгибаясь»; «я занят не то что по горло, а по самые уши»; «у меня нет ни одной минуты свободной»; «сижу день и ночь, оканчивая пьесу»; «я уже не сплю целую неделю». 1877 год: «Я принялся за пьесу и от умственного напряжения так расстроил нервы, что потерял сон и аппетит и дошел до отчаяния»; «над своей пьесой я работаю день и ночь до истощения сил и скоро ее кончу»; «нервы разбиты, пишу пьесу, собираю последние силы, чтобы ее кончить»; «день и ночь сижу над писанием новой пьесы» *(там же, XV, 21, 31, 32, 43, 53, 54, 55, 71, 73, 75, 91, 93, 97)*.

Писателя подгоняла нужда, но, разумеется, не только этим — и даже не столько этим — объясняется его феноменальное трудолюбие. Главное — в неиссякаемой творческой энергии, в глубокой художнической потребности воплотить в образы свои думы о жизни, в бескомпромиссной взыскательности к собственному творчеству.

Весьма непросто складываются в эту пору отношения драматурга с театрами. В 1875 году образованного, любящего искусство, хотя и безвольного С. А. Гедеонова сменил на посту директора императорских театров невежественный самодур К. К. Кистер, остававшийся в этой должности до 1881 года. «Барон Кистер цинически относился к русскому искусству ⟨...⟩ Положение драматических писателей стало невыносимо; для русского драматического искусства настало «лихолетье». Я теперь удивляюсь, как мы перенесли это время, как не бросили писать»,— с негодованием будет вспоминать эти мрачные годы Островский в своей автобиографической заметке *(там же, XII, 247)*.

Хотя на афишах Малого и Александринского театров продолжает из года в год сохраняться по 12—15 пьес Островского, даются они редко, в среднем на каждую пьесу в год приходится не больше трех-четырех представлений. В 1877 году на обеих «казенных» столичных сценах, если рассматривать их репертуар в совокупности, 17 его пьес были даны всего лишь 79 раз (укажем для сравнения, что в 1853 году, когда молодой драматург только еще дебютировал на сцене, всего три его пьесы выдержали 77 представлений, а десять лет спустя, в 1863 году, 18 его пьес прошли 163 раза; с тех пор репертуар, предоставленный драматургом в распоряжение театров, удвоился, а зрителей, имевших возможность посетить представления его пьес, стало вдвое меньше). О том, что «казенные» театры далеко не удовлетворяли действительного интереса публики к драматургии Островского, красноречиво свидетельствуют хотя бы следующие данные: все шесть пьес, вошедшие в этот том, прошли

при жизни драматурга в Александринском театре 100 раз, в Малом театре — 82 раза, тогда как на частных сценах обеих столиц за те же годы эти пьесы, по далеко не полным дошедшим до нас данным, выдержали 140 представлений (не забудем при этом, что монополия императорских театров на представления в Петербурге и Москве была отменена только в 1882 году и каждое театральное начинание в столицах наталкивалось на многочисленные трудности).

Причина крылась не только в недоброжелательном отношении театрального начальства к последовательному демократизму и бескомпромиссному реализму драматургии Островского. Уходило со сцены то актерское поколение, с которым он вместе начинал свой путь. Александринская труппа лишилась самых близких ему по духу артистов — давно уже нет в живых великого А. Е. Мартынова, в 1871 году умирает Ю. Н. Линская, в 1874 году уходит из театра П. В. Васильев. В Малом театре уже не играет Л. П. Никулина-Косицкая, первая Катерина русской сцены, потерял зрение и вынужден был оставить сцену С. В. Васильев, но самым тяжелым ударом для драматурга была смерть в 1872 году его близкого друга и единомышленника, гениального П. М. Садовского, участвовавшего в 28 премьерах Островского. «Московская труппа стареет и вымирает,— констатирует драматург еще в конце 1860-х годов,— оттого многие мои пьесы, нравящиеся публике и могущие приносить сборы театру и мне выгоды, или нейдут вовсе, или идут неудовлетворительно» *(там же, XII, 70)*. Контакты с новым актерским поколением устанавливались не так просто и удавались не во всех случаях. Сужался круг актеров, выбиравших пьесы Островского для своих бенефисов: в Москве из шести пьес, помещенных в этом томе, пять были поставлены в бенефис Н. И. Музиля, а в Петербурге — четыре в бенефис Ф. А. Бурдина. Многие влиятельные актеры предпочитали иметь дело с покладистыми драматургами-ремесленниками типа В. А. Крылова, которые услужливо приспосабливались к их возможностям, поставляя им «выигрышные» роли, приноровленные к мещанским вкусам буржуазной публики. «У вас в театре порядки нехороши,— жаловался Островский в 1874 году своему постоянному петербургскому корреспонденту Бурдину,— а у нас еще хуже; наши главные актеры все, что можно сделать скверного автору,— сделают неукоснительно» *(там же, XV, 45)*. Островский все реже и реже бывает на спектаклях когда-то горячо любимого им театра — в одном из поздних своих писем он с горечью признается, что уже пятнадцать лет не ходит в театр.

В то время как старые пьесы Островского выполняли в репертуаре функции классики, каждая новая его пьеса, естественно, воспринималась театром, публикой, критикой как явление современного репертуара; должны были пройти годы, прежде чем эти новые

пьесы пополнили фонд классики; во многих случаях это происходило уже не при жизни драматурга.

Блестящий социологический анализ отношения к Островскому различных кругов русского общества 70-х годов мы найдем в незавершенной статье И. А. Гончарова, писавшейся, очевидно, в 1874 году. «Высший класс, или beau monde, не знает Островского почти вовсе, с некоторыми немногими исключениями, и, следовательно, вовсе не ценит его»,— констатирует он. «Истинные, естественные и тонкие почитатели и единственные компетентные критики» драматурга — «все образованные и развитые люди среднего класса, смежного с простым людом и знающие этот люд, как знает его сам Островский. Это составляет огромную, надежную, лучшую опору нашего драматурга — самую разумную группу его публики. Остальная часть его публики, громадное большинство и грамотных и неграмотных простых людей, знают Островского только по сцене и любят его слепо, инстинктивно, не входя в критическую литературную оценку, ценят чутьем, которое наводит их на некоторые темные соображения о правдивости изображаемых на сцене их нравов, обычаев, слабостей и хороших, симпатичных сторон» *(И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8, М., Гослитиздат, 1955, стр. 172, 176)*.

Однако не эта демократическая публика задавала тон в столичных театрах той поры, а «купеческая аристократия», которая, по словам самого Островского, «заслонила театр от прочих обывателей». «Буржуазия,— добавляет драматург,— и везде не отличается особенно благодетельным влиянием на искусство, а в Москве тем более ⟨...⟩ Эта публика понижает искусство...» *(ПСС, XII, 118—119)*.

Различное отношение к Островскому разных слоев публики нашло свое отражение и в прессе 70-х годов. Но, подобно тому как буржуазная публика, «понижавшая искусство», заслоняла театр от «истинных, естественных и тонких почитателей» Островского, шумливая и беспардонная фельетонная критика, выражавшая позиции этой премьерной публики, заглушала голоса «единственных компетентных критиков» драматурга. «Никогда театральная критика не была бестолковее, пристрастней и озлобленнее, чем в последнее время»,— утверждал Островский на склоне лет *(там же, XII, 131)*.

Из года в год рецензенты упорно «хоронят» Островского. Приведем лишь несколько примеров. «Чутье изменило Островскому, а творческих способностей у него нет; отсюда — можно ли что-нибудь писать и не лучше ли автору покинуть навсегда перо?» *(«Новое время», 1870, 22 апреля)*. «Как измельчал талант первого нашего драматурга!» *(«Библиотека дешевая», 1871, № 10)*. «Талант г. Остров-

ского выдыхается с каждым годом и нам с грустью приходится присутствовать при его окончательном падении 〈...〉 Он пережил свой талант» *(«Новое время», 1872, 1 марта)*. «Выдохшаяся знаменитость—печальнее могилы» *(«Новости», 1874, 6 декабря)*. «Островский из апельсина превратился в репу» *(«Новороссийский телеграф», 1877, 19 февраля)*. Характерно, что об упадке таланта Островского рецензенты пишут как о чем-то само собой разумеющемся, как об общем месте, которое и повторять-то неловко. Островский для них «давно померкшее светило», «ждать от него нового слова давно перестали», он «не в первый раз» выступает со слабыми вещами, он является перед зрителями «все бледнее и бледнее», зрители уже давно «остыли к нему, охладели, забыли о нем», остается лишь зафиксировать его «окончательное падение». Чуть ли не каждая новая пьеса характеризуется как «слабая», «сравнительно слабая», «слабейшая», «самая дурная из дурных пьес» драматурга.

Разумеется, в прессе встречаются и отзывы благоприятные для драматурга, но они буквально тонут в массе резко критических суждений. Большинство критических откликов, отличаясь друг от друга по тону, иногда — издевательскому, иногда — сочувственному, иногда же издевательски-сочувственному, различаясь по степени уважения или неуважения к писателю, расходясь, подчас решительно, в исходных позициях и конечных намерениях,— сходятся, однако, в том, что сравнение новых пьес Островского со старыми его произведениями говорит не в пользу драматурга; в том, что он повторяется; в том, что новая, пореформенная действительность не дается ему.

Недовольство пьесами Островского 70-х годов высказывают не только мракобесы и реакционеры, не только умеренные либералы, но и самые ярые радикалы. Одним критикам кажется, что он чернит действительность, другим недостает в палитре драматурга сатирических красок, третьи полагают, что он идеализирует пореформенную русскую жизнь. Если консерватор В. Г. Авсеенко видит в одной пьесе Островского «проникнутое фальшивой моралью изображение какой-то подпольной нечистоты», а в другой — «такое захолустье, в которое нельзя заглянуть без некоторого брезгливого ужаса» *(«Рус. мир», 1874, 1 марта)*, то либерал П. Д. Боборыкин отваживается звать драматурга следовать примеру Щедрина, показавшего, «как можно из текущей действительности извлечь ряд блестящих сатирических картин» *(«Слово», 1878, № 8)*, а безымянный критик журнала «Сияние», настроенный весьма радикально, риторически вопрошает: «Неужели наше обширное темное царство настолько просветлело, что перестает стимулировать великого творца «Свои люди — сочтемся» и «Грозы» к бичеванию нравственного безобразия и великого сонмища темных сил, грязные потоки кото-

рых угрожают запрудить светлые ручейки новой жизни, кое-где пробивающиеся из под мусора всякой мерзости?» *(1872, № 7)*.

Два самых прогрессивных журнала того времени — «Отечественные записки» и «Дело» — откликнулись на выход нового восьмитомного Собрания сочинений Островского капитальными статьями, в которых впервые после смерти Добролюбова была сделана попытка дать общую характеристику творчества драматурга. Почти одновременно появляются статьи А. М. Скабичевского «Особенности русской комедии» *(«Отеч. зап.», 1875, № 1 и 2)* и Н. Языкова (Н. В. Шелгунова) «Бессилие творческой мысли» *(«Дело», 1875, № 2* и *4)*. Оба критика утверждают, что драматургу не под силу изобразить и осмыслить новые общественные явления пореформенной России. Скабичевский уверял, что «точка зрения той школы комедии, представителем которой является Островский, оказывается недостаточной для новых нарождающихся у нас явлений». Шелгунов был еще категоричнее: «Потребность перемены почувствовалась, и время Островского кончилось 〈...〉 Его недостало на новый мир, и нового мира ему никогда не узнать и не изобразить».

Таким образом, все — или почти все — писавшие об Островском в 70-е годы, не только беспардонные рецензенты и бойкие фельетонисты, не только реакционные публицисты и эстетствующие критики, не только конкуренты и завистники, но даже прогрессивные деятели эпохи, даже искренние почитатели его таланта сходились на том, что драматург не сумел постичь и запечатлеть в своих пьесах пореформенную Русь. Приговор современников, как известно, был пересмотрен уже в следующем поколении, и в исторической перспективе обнаружилось, что театр Островского является одним из самых ярких и достоверных художественных документов, запечатлевших динамику русской жизни. Суждения художника о своем времени оказались на поверку более проницательными, а его наблюдения более меткими, чем это представлялось его современникам, не пожелавшим к тому же посчитаться с теми трудностями, объективными и субъективными, которыми сопровождается эстетическое освоение меняющейся действительности.

«Временем общей ломки экономики и психики» назовет 70-е годы В. Н. Фигнер. «Мечущимся временем» назовет эти годы Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя». Определяя замысел романа «Подросток» (1875), он записывает: «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду в обществе». Л. Н. Толстой в «Анне Карениной» (1877) сходным образом характеризует эпоху: «У нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается...»

В. И. Ленин, приведя эти слова из романа Толстого, утверждал, что «трудно себе представить более меткую характеристику

периода». «То, что «переворотилось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому,— писал он в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха».— Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения» *(В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 100—101)*.

В прежних своих пьесах Островский не только создавал мастерские картины «старого порядка», заново открывая для своих читателей и зрителей то, что, казалось, было им «вполне знакомо», но и прослеживал внутреннее разложение, распад этого «старого порядка». Уже в эпоху 40—60-х годов XIX века, когда, по известному определению В. И. Ленина, «*все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками», когда «новые общественно-экономические отношения и их противоречия ⟨...⟩ были еще в зародышевом состоянии» *(В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 520)*, уже тогда Островский как чуткий художник сумел распознать в зародыше противоречия только еще складывающихся буржуазных общественных отношений. По мере того как отношения эти развивались, по мере того как противоречия эти вызревали, антикрепостнический пафос его творчества все более перерастает в пафос антибуржуазный.

Даже некоторая идеализация патриархальных отношений, которой драматург отдал временную дань в середине 50-х годов, в известной мере была связана как раз с трезвым недоверием к благодетельности буржуазной цивилизации; кстати, это недоверие, глубоко органичное для Островского, впоследствии позволит ему по достоинству распознать «цивилизованных» буржуа в беркутовской и прибытковской их разновидностях. Даже в цикле сатирических комедий конца 60-х годов, которые не без оснований принято считать антидворянскими («На всякого мудреца довольно простоты», «Бешеные деньги», «Лес»; к этому циклу примыкает и комедия «Волки и овцы», публикуемая в настоящем томе),— даже в этих пьесах антибуржуазные мотивы слышатся весьма отчетливо.

У Островского, правда, было то несомненное преимущество перед большей частью современных ему писателей, что новоявленные хозяева пореформенной жизни — буржуа — отнюдь не были ему внове: он предостаточно присмотрелся к ним еще в ту пору, когда они для многих были если не заморской, то замоскворецкой диковиной. Ему предстояло, однако, не только проследить эволюцию самодурства в новых исторических условиях, но и выявить ресурсы нравственной стойкости личности перед лицом обезличивающей и обезволивающей силы торжествующего денежного мешка. Если раньше главнейшая забота драматурга состояла в обнаружении

зависимости характера от среды, от формирующих его общественных условий, то теперь (не отказываясь, разумеется, от генерального принципа социальной детерминированности характеров), он особенно пристально исследует различные проявления духовной *независимости*, тоже, между прочим, обусловленные в конечном счете процессами общественного брожения.

«Новая русская литература,— утверждал Щедрин,— не может существовать иначе как под условием уяснения ⟨...⟩ положительных типов русского человека...» (*Салтыков-Щедрин, VIII, 58*). Островский ищет эти «положительные типы русского человека» прежде всего в среде разночинной демократической интеллигенции. С сердечной симпатией и искренним сочувствием рисует он образы стряпчего Маргаритова, учителя Корпелова, бухгалтера Зыбкина, чиновника Цыплунова. Он исследует драматическое положение любящей и самоотверженной женщины в собственническом обществе. Людмила в «Поздней любви», Наташа в «Трудовом хлебе», Белесова в «Богатых невестах», наконец, Юлия Павловна Тугина в «Последней жертве» — все эти характеры в той или иной мере были как бы эскизами к портрету Ларисы Огудаловой в «Бесприданнице», которую драматург задумывает еще в 1874 году.

2

Первые две пьесы, открывающие этот том,— «Поздняя любовь» и «Трудовой хлеб» — обозначены автором одинаково: «сцены из жизни захолустья в четырех действиях». Называя некоторые свои пьесы «сценами» (или «картинами»), драматург не только уклонялся от точного жанрового определения (комедия, драма), но и как бы уславливался с публикой (и с критикой), что на этот раз предлагает не полновесную пьесу, а всего лишь «сцены», не претендующие на особую целостность и сюжетную стройность. Критика так это и понимала, порой, правда, с излишней прямолинейностью: «Что такое сцена, картина в драматическом искусстве? То же, что этюд, эскиз, студия в живописи. Обозначая так свои последние пьесы, г. Островский как бы предупреждает зрителя или читателя, чтобы он не ждал от него произведения законченного, вполне продуманного и доделанного, а относился к нему с нетребовательностью, с какой смотрят на набросок, на опыт» (*«Моск. вед.», 1874, 5 декабря*). Драматург рассчитывал, разумеется, не на нетребовательность зрителей, а на понимание ими тех особых задач, которые ставит перед собой автор «сцен».

Правда, и «Поздняя любовь» и «Трудовой хлеб» существенно отличаются от «сцен» раннего Островского. И дело не только в том,

что в каждой из них по четыре действия, а не по две-три картины, как это бывало обычно раньше; дело в том, что эти две пьесы, особенно первая из них, обладают развитой сюжетной структурой и потому меньше всего напоминают бессюжетную жанровую бытовую зарисовку типа «Семейной картины» или «Утра молодого человека». Недаром Вл. И. Немирович-Данченко ставил «Позднюю любовь» по искусству архитектоники рядом с «Бесприданницей» и выше «Грозы». «Островский,— писал он уже после смерти драматурга,— в некоторых драмах, как в «Бесприданнице» и «Поздней любви», вырабатывает очень интересную для авторского мастерства архитектонику, причем ему удается без малейшей аффектации, без всяких технических натяжек соединить почти все три единства с покойным, ему одному свойственным, эпическим течением драмы ⟨...⟩ И «Бесприданница», и «Поздняя любовь» по мастерству техники далеко оставляют за собой и «Грозу», и «Бедную невесту», и «Бешеные деньги» (*«Русская мысль», 1900, № 9*).

Любопытно отметить, что Островский, уже написавший «Позднюю любовь» и только еще задумывавший «Бесприданницу», сам критически отзывается о «постройке» «Грозы». Он писал И. С. Тургеневу в связи с переводом «Грозы» на французский язык и предполагавшейся постановкой этой драмы на парижской сцене: «Напечатать «Грозу» в хорошем французском переводе не мешает, она может произвести впечатление своей оригинальностью; но следует ли ее ставить на сцену — над этим можно задуматься. Я очень высоко ценю уменье французов делать пьесы и боюсь оскорбить их тонкий вкус ужасной неумелостью. С французской точки зрения постройка «Грозы» безобразна, да надо признаться, что она и вообще не очень складна. Когда я писал «Грозу», я увлекся отделкой главных ролей и с непростительным легкомыслием отнесся к форме, да при том же торопился, чтобы поспеть к бенефису покойного Васильева. Теперь я сумею сделать пьесу немного хуже французов, и, если хотите, пришлю Вам оригинал «Грозы», переделанный для французской сцены» (*ПСС, XV, 38*). Письмо это датировано 14 июня 1874 года, то есть оно написано непосредственно после завершения «Поздней любви» и во время работы над «Трудовым хлебом». Оно, думается, имеет принципиальное значение для понимания позиций позднего Островского. Конечно, драматург не без иронии пишет о том, что теперь он сумеет «сделать пьесу немного хуже французов»; конечно, он не собирался становиться на «французскую точку зрения». Но нельзя усомниться в искренности и серьезности драматурга, когда он упрекает себя за то, что не уделил должного внимания «постройке» «Грозы» и что эта драма, как ему теперь кажется, «вообще не очень складна». Это написано не «с французской точки зрения», а с точки зрения Островского 70-х годов, ма-

стера, уже умудренного огромным опытом, уже написавшего после «Грозы» «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце», «Лес» и, наконец, «Позднюю любовь».

В «Поздней любви» действительно строго выдержаны все три единства — времени, места и — главное — самого действия. События пьесы длятся немногим более суток (кстати, во всех шести пьесах, включенных в данный том, время действия не превышает двух-трех дней; такая концентрация действия во времени весьма характерна для позднего Островского). Соблюдено и единство места действия: все четыре акта «Поздней любви» происходят в одной декорации. Что же касается единства самого драматического действия, то оно последовательно и энергично спрессовано вокруг сюжетного стержня. Напомним основные перипетии сюжета. Промотавшийся адвокат Николай Шаблов находится в крайности: если он срочно не раздобудет денег, ему грозит долговая тюрьма; разбитная вдовушка Лебедкина обещает ему солидный куш, а заодно и свою благосклонность, если он выкрадет у стряпчего Маргаритова представленный ко взысканию вексель с подделанным Лебедкиной фальшивым поручительством; дочь Маргаритова Людмила, беззаветно влюбленная в молодого адвоката, передает ему вексель, чтобы спасти любимого от «ямы»; тот якобы отдает вексель Лебедкиной, но, как выясняется в самом конце пьесы, это была снятая им копия, а подлинный документ он возвращает потрясенному Маргаритову, который и взыскивает с бесчестной вдовушки долг, получив за это баснословный гонорар; Николай женится на Людмиле, старый стряпчий прощает дочь и передает молодому адвокату свое дело. Такую сюжетную насыщенность, согласимся, не часто встретишь даже в поздних пьесах Островского. Драматург здесь проявляет особую заботу о поддержании интереса зрителей к стремительно развивающейся интриге, на редкость богатой неожиданными поворотами драматических событий.

В этом отношении чрезвычайно показательна переписка Островского с Бурдиным по поводу особенностей сюжетного построения «Поздней любви».

«По моему мнению,— писал Ф. А. Бурдин драматургу,— ты сделал большую ошибку, поставивши в конце 3-го действия ход пьесы так, что зритель заранее предугадывает развязку,— а самая главная ошибка заключается в том, что в 4 акте из объяснения Николая с Лебедкиной видно, что он ее обманывает, и публика уже не может ожидать сильного драматического положения между отцом и дочерью,— отчего ослабевает и самая развязка» (*Бурдин, стр. 180*).

Что же ответил драматург на эти упреки? Может быть, он утверждал, что в его расчеты входило, чтобы зритель уже в конце

третьего акта четырехактной пьесы предугадывал развязку? Может быть, он отвечал, что он как раз и хотел, чтобы в четвертом акте из объяснения Николая и Лебедкиной публике было видно, что он ее обманывает? Именно так должен был отвечать драматург, в пьесах которого, как считается, интерес с развязки снят. Возможно, что примерно так и ответил бы молодой Островский, не слишком заботившийся о том, чтобы заинтриговать зрителя неожиданными поворотами сюжета. Но автор «Поздней любви» отвечал иначе: «Ты находишь *большую ошибку* в конце 3-го действия; а это сделано мной с умыслом, и если ты поглубже вникнешь в пьесу, так поймешь для чего. Потом ты находишь *главную ошибку* в том, что в 4-м акте из объяснения Николая с Лебедкиной видно, что он ее обманывает; по-моему, нисколько этого не видать. Если актер в этой сцене примет саркастический тон и будет насмешливо улыбаться, то уж он сделает ошибку, а не я; надо играть человека сконфуженного и озадаченного» *(ПСС, XV, 23—24)*.

В чем же состоял «умысел» драматурга? Последняя реплика Николая в конце третьего акта гласит: «Вы свой долг исполнили, теперь уж и я знаю, что мне нужно сделать». Но зритель не знает, как именно поступит герой. Драматург показывает, что Николай находится в полном замешательстве: «Я в крайности, в ужасной крайности; за себя поручиться нельзя, может найти минута слабости, и упадешь так низко...» Значит, не исключается,— если найдет минута слабости,— что он может вернуть Лебедкиной заемное письмо. Есть и еще один выход; об этом выходе он говорит Лебедкиной: «Я скорей себе пулю в лоб...» Таким образом, финал третьего акта, отнюдь не позволяет зрителю, вопреки утверждению Бурдина, заранее предугадать развязку; этот финал лишь делает *возможной* ту развязку, которой оканчивается пьеса. Именно это, надо полагать, имел в виду драматург, когда писал, что «это сделано мной с умыслом».

Что же касается сцены объяснения Николая с Лебедкиной в четвертом акте, то здесь драматург прямо говорит, что, согласно его замыслу, зритель не должен раньше времени догадываться о том, что адвокат обманывает богатую барыньку; следовательно, и в этом случае вовсе не «ослабевает и самая развязка».

Заметим попутно, забегая несколько вперед, что, когда «Петербургская газета» 25 октября 1877 года поместила после чтения у Бурдина только что законченной Островским «Последней жертвы» краткое изложение сюжета этой пьесы, драматург был раздосадован: «Уж пускай бы только судачили о достоинствах; а то рассказывать сюжет пьесы, которая половину интереса имеет в неожиданностях! Где же так водится?» *(ПСС, XV, 99)*. Тут для нас важно, что сам драматург считал, что эта его пьеса «половину интереса имеет

в неожиданностях»,— это характерно именно для манеры позднего Островского.

Секрет этой новой для Островского манеры драматического письма состоял, однако, не в капитуляции перед канонами французской школы «хорошо сделанной пьесы», а в том, что сюжетной насыщенности и концентрации действия драматург достигал, не поступаясь свойственным ему покойным, эпическим течением драмы. Лучшие из его пьес поздней поры действительно «хорошо сделаны», но как раз этой «сделанности» мы в них и не ощутим — они оставались «пьесами жизни». Напрасно современная критика винила драматурга в том, что одна из его новых пьес — «Поздняя любовь» — «отдает букетом французских мелодрам» *(«Одесский вестник», 1874, № 38)*, а в другой — в «Трудовом хлебе» — «вообще французского, дурного французского немало» *(«Моск. вед.», 1874, 5 декабря)*. Не в театре французских бульваров, а в жизни московского захолустья находил драматург те сюжетные мотивы, которые могли показаться заимствованными из традиционного мелодраматического репертуара,— подлог, обман, подкуп, обольщение и т. п.

«Здесь, Людмилочка, сторона голодная,— говорит дочери старый стряпчий Маргаритов о захолустье,— народ живет изо дня в день, что урвет, тем и сыт〈...〉 Здесь все украдут и все продадут 〈...〉 Нужно подкупить человека на подлог, на преступление, нужно купить девичью честь — иди сюда, купишь и недорого купишь 〈...〉 Помни еще, Людмила, что рядом с нуждой всегда живет порок,— это страшнее». Драматург обнажает обыденную житейскую основу мелодраматических сюжетных мотивов, порой делая это с почти пародийной наглядностью. Как реплика из старинной мелодрамы звучит, например, фраза того же Маргаритова в последнем действии: «Каких дьяволов вызвали из ада, чтоб обмануть, обольстить твою праведную душу?» Ответ Людмилы сразу же снимает своей простотой и обыденностью мелодраматическую напыщенность этой тирады: «Ничего не было: никто меня не обольщал, не обманывал...» Еще пример. Николай говорит о своем возможном самоубийстве: «Вот толков-то наделаю. Не влюблен ли безнадежно, казенные деньги не затратил ли? Как будто нет причин проще». «Каких же?» — спрашивает Людмила. «Жить незачем,— отвечает Николай.— Как хочется жить, так нельзя; а как можно, так не хочется».

Достоверная обыденность захолустного существования по-новому освещает традиционные сюжетные мотивы, превращая их из сугубо театральных в житейские. Неспроста Островский придавал особое значение достоверному решению интерьера как раз в «Поздней любви»: чем замысловатее сюжет, тем реальнее должна быть обстановка, в которой возникают неожиданные сюжетные перипетии. Казалось бы, что тут вполне можно было обойтись обычной

в те времена для оформления бытовых спектаклей сборной декорацией, но драматург решительно пишет инспектору репертуара московских театров, что «нужна новая декорация» *(ПСС, XV, 24)*, а в авторской ремарке на редкость подробно описывает «бедную, потемневшую от времени комнату в доме Шабловой». Тут ничего не забыто — и «узкие однопольные двери», и «изразчатое зеркало голландской печи с топкой», и «старинный комод с стеклянным шкапчиком для посуды», и «старинное зеркало», и «две тусклые картинки в бумажных рамках», и «большой стол простого дерева», и «стулья разного вида и величины», и «старое, полуободранное вольтеровское кресло». «Дешевые квартиры все такие»,— говорится в самой пьесе; драматургу как раз и было важно, чтобы в декорациях был точно воспроизведен типичный интерьер мещанского захолустья. «Я помню,— писал позднее драматург в одной из своих записок о переустройстве театрального дела,— как Шумский благодарил декоратора Исакова за маленькую, бедную комнату в пьесе «Поздняя любовь». «Тут и играть не надо,— говорит он,— тут жить можно. Я как вошел, так сразу напал на настоящий тон» *(ПСС, XII, 233)*.

Отметим попутно, что и в «Поздней любви» и в «Трудовом хлебе» к моменту поднятия занавеса сцена пуста — персонажи произносят свои первые реплики «входя». Драматург как бы дает зрителям возможность ознакомиться с обстановкой, в которой живут его персонажи, чуть раньше, чем он познакомит нас с самими действующими лицами. «Как в жизни,— писал он,— мы лучше понимаем людей, если видим обстановку, в которой они живут, так и на сцене правдивая обстановка сразу (сразу!— *Е. Х.*) знакомит нас с положением действующих лиц и делает выведенные типы живее и понятнее для зрителей» *(ПСС, XII, 233)*.

Меняется с годами и жанровая природа «сцен». Если ранние «сцены» и «картины» Островского это чаще всего маленькие комедии, то позже (начиная примерно с «Шутников») это, скорее, небольшие драмы. Авторская ирония, порой благодушная, а иной раз и саркастическая, сменяется пафосом сострадания и живым сочувствием к житейским невзгодам маленького человека. Но и за десятилетие, прошедшее после «Шутников» (1864), авторский угол зрения на «захолустье» не остается неизменным, как не остается прежним и само захолустье. Взгляд драматурга становится жестче, явственнее ощущается привкус горечи. Драматург теперь взывает не столько к чувству сострадания, сколько к чувству уважения, которое вполне заслуживают представители разночинной демократической интеллигенции, выведенные в двух новых «сценах из жизни захолустья». Нагляднее всего эта эволюция обнаруживается при сопоставлении образа стряпчего Оброшенова из «Шутников» с образами его кол-

леги Маргаритова («Поздняя любовь») и особенно учителя Корпелова («Трудовой хлеб»).

В Маргаритове сильнее развито чувство собственного достоинства, хотя он еще ниже спустился по социальной лестнице (у Оброшенова хоть собственный домишко остался). Поставленный в еще более жесткую зависимость от капризов бородатой клиентуры, чем герой «Шутников», Маргаритов, однако, держит себя с купцом Дородновым совсем иначе, чем Оброшенов с купцом Хрюковым,— куда достойнее и независимее.

Еще независимее чувствует себя и еще энергичнее защищает свое человеческое достоинство Иосаф Наумыч Корпелов, «учитель, промышляющий дешевыми частными уроками», как сказано о нем в перечне действующих лиц «Трудового хлеба». Если старик Оброшенов сделался шутом на потребу богатых «шутников», от которых зависит его существование, то шутовство Корпелова — это броня, надежно защищающая его от любых посягательств на его независимость. Лучше подшучивать самому над собой, нежели позволять другим над собой потешаться. Паясничество, которое стало его второй натурой, помогает ему отгородиться и от оскорбительного высокомерия и от непрошеного сочувствия. Постоянное веселое расположение духа его — это своего рода самовнушение, призванное скрыть от самого себя драму несостоявшейся личности. Только однажды признается он с горечью, старательно спрятанной за обычной шутливой манерой: «...я и на свете-то живу не человеком, а заместо человека. Я и на службе-то был заместо кого-то, потому что служил исправляющим должность помощника младшего сверхштатного учителя приходского училища». Даже в самом неистребимом жизнелюбии его ощущается горьковатый привкус самоутешения: «Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь — и бедная, и горькая — все радость» Житейские невзгоды выработали в нем философический взгляд на жизнь. В нем слит воедино стоик и эпикуреец, оптимист и скептик.

Иосаф Наумыч всю жизнь «пешешествует» по Руси — «В Тамбове год, в Ростове полгода, в Кашине три месяца〈...〉 С какой котомкой вышел из Москвы, с такой же и вернулся». Но Корпелов не просто беден — он беден, так сказать, из принципа. По его понятиям, бедность не только не порок, но, напротив, добродетель, предмет особой гордости. Это гордость честного труженика. Корпелов, к примеру, ничуть не завидует разбогатевшему чиновнику Потрохову, который был когда-то его школьным товарищем, а ныне «захмелел от глупости и от денег» и вздумал отделаться от него оскорбительной подачкой. Отповедь «учителишки жалкого» звучит гневно и внушительно: «Ведь я Корпелов: честный, благородный труженник, а не нищий, не шут〈...〉 Да я... я... я не хочу быть богатым,

мне так лучше. Ты вот и с деньгами, а не сумел сберечь благородства; а я мерз, зяб, голодал, а все-таки джентельмен перед тобой». Это не фразерство, продиктованное обидой,— это жизненная позиция.

Есть в колоритной фигуре учителя Корпелова нечто от двух других «пешешествующих» героев Островского — одновременно и от комика Счастливцева (гаерство, неприкаянность, склонность к возлияниям) и от трагика Несчастливцева (гордость бедняка, презрение к неправедному богатству, внутреннее джентльменство).

Мотив беззаветной и жертвенной женской любви, столь характерный для драматургии Островского 70—80-х годов, разработан в «сценах из жизни захолустья» в двух родственных, хотя во многом несхожих образах — Людмилы Маргаритовой («Поздняя любовь») и Наташи Сизаковой («Трудовой хлеб»).

Людмила «прожила свою молодость без любви, с одной только потребностью любить». «Жажда любви» и «готовность самопожертвования» в ней тем сильнее, что чувство к Николаю Шаблову, по ее собственным словам,— «ведь это поздняя, быть может последняя любовь». «...я готова на всякие жертвы, решительно на всякие»,— говорит она любимому. И это не только слова. Она поверила в то лучшее, что ее любящая душа сумела разглядеть в нем, и эта вера придала ему силы, чтобы найти достойный выход из отчаянного положения, в которое завела его собственная слабохарактерность. Ее бескорыстная любовь нравственно возродила запутавшегося в тенетах жизни честолюбивого молодого человека.

Наташа Сизакова, «сирота, красивая девушка лет 25-ти», по понятиям того времени тоже уже не молода, ее любовь к аферисту Копрову — это тоже «поздняя любовь». Как и Людмила, она любит беззаветно и жертвенно. Она полюбила человека недостойного, но, узнав об этом, не отвернулась от него: «Надо ж, чтоб и его кто-нибудь любил». И даже тогда, когда он предательски отрекся от нее, тайком решив жениться на другой, на богатой, даже тогда она находит в себе достаточно душевных сил, чтобы пожалеть не себя, а его: «Прощай, голубчик! Не мой ты, а жаль мне тебя; вдруг тебе не удастся, что с тобой будет?»

Если Людмила ближе к мечтательной и несколько сентиментальной Марье Андреевне из «Бедной невесты», то Наташа, скорее, напоминает самостоятельную и практичную белошвейку Олиньку из пьесы «Старый друг лучше новых двух». «Мысль этой пьесы,— писал драматург Н. А. Некрасову о замысле «Трудового хлеба»,— девушка-работница, но работница русская» *(ПСС, XV, 33)*. Наташа Сизакова,— пожалуй, первая в драматургии Островского героиня, которая самостоятельно живет на деньги, заработанные собственным трудом,— напомним, что проблема женского труда была для семидесятников одной из самых злободневных. В Наташе, как и в Корпе-

лове (быть может, не без его влияния), живет гордость трудового человека. «Мы живем по средствам, трудами, нам и жить лучше нельзя 〈...〉 — говорит она подруге.— Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бедность — гордость наша!»

«Ты не конфузься, не теряй своего достоинства»,— к этому звали зрителя-труженика обе «сцены из жизни захолустья».

3

В «сценах» Островский как бы опробовал новую для себя манеру сюжетосложения — в «Поздней любви» более успешно, в «Трудовом хлебе» не столь удачно. В следующей за «сценами» большой пятиактной комедии «Волки и овцы» (1875) драматург продемонстрировал, как виртуозно, свободно и изящно умеет он спаять воедино комедию нравов, в которой он всегда был признанным мастером, с комедией интриги, которая, как казалось, чужда его художественной манере.

Островский, разумеется, был самой крупной и самой влиятельной фигурой в русском театре своего времени, но театральное искусство всегда формируют многие, порой разнонаправленные факторы. Театр Островского утверждался в значительной мере в борьбе с установлениями, модами и предрассудками эпохи. Иногда драматург вступал с этими косными установлениями и модными репертуарными веяниями в прямое и открытое столкновение, иногда он пытался их обойти, иногда он вынужден был идти на компромисс с ними, но не считаться с силами театральной инерции и театральной моды он не мог никогда. Нередко Островский, так сказать, давал бой на территории противника, используя уже сложившиеся или, напротив, новомодные и пользующиеся у публики успехом типы, жанры театральных представлений, преобразовывая или даже взрывая эти жанры изнутри.

«Волки и овцы» иногда называют одной из самых «французских» комедий русского драматурга. В этом, пожалуй, есть свой резон. И дело тут не в том, что Островский поддался репертуарной моде и сделал попытку изложить занимавшую его российскую проблематику в манере популярной тогда повсеместно французской «школы здравого смысла» Ожье, Понсара и Дюма-сына, отказавшись ради этого от собственного творческого почерка. Дело в том, что сама пореформенная российская жизнь стала переиначиваться на некий среднеевропейский, точнее — на некий среднебуржуазный лад, и Островский, как чуткий художник, уловил этот новый стиль жизни, который не мог не повлиять на стиль современной драмы. Избрав на этот раз не вполне «свой» жанр, Островский тем не менее в буквальном смысле слова «освоил» его, то есть в полной мере

подчинил жанр раскрытию темы «волков и овец» в ее российском варианте.

«Волки и овцы» — последняя из трех «усадебных» комедий Островского (после «Воспитанницы» и «Леса»; только в пьесах, написанных совместно с Н. Я. Соловьевым и П. М. Невежиным, Островский вернется к изображению помещичьего быта). Антидворянская направленность всех этих трех комедий очевидна, но в «Волках и овцах» — хотя все главные действующие лица пьесы дворяне — столь же очевидно и сатирическое обличение автором буржуазного стяжательства, наглой предприимчивости и неразборчивости в средствах обогащения.

«Изобретение интриги потому трудно, что интрига есть ложь, а дело поэзии — истина,— замечает Островский в одной из своих записей.— Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие даже невероятное объяснить законами жизни» *(ПСС, XII, 321)*. В «Волках и овцах» драматург отнюдь не «выдумывает небывалую интригу» — интригу этой комедии как бы «изобретают» сами действующие лица, стремящиеся околпачить друг друга по волчьим законам жизни. Став в этом смысле блестящей «комедией интриги», «Волки и овцы» не перестали быть «пьесой жизни»,— напротив, именно самой пореформенной жизнью и подсказана весьма изощренная интрига этой комедии.

Тема, обозначенная в самом названии комедии, заявлена уже в первом акте, в диалоге Лыняева, «богатого, ожиревшего барина лет под 50, почетного мирового судьи», и Мурзавецкой, «девицы лет 65-ти, помещицы большого, но расстроенного имения, особы, имеющей большую силу в губернии». «Л ы н я е в. Да разве кругом нас люди живут? М у р з а в е ц к а я. Батюшки! Да кто же, по-твоему? Л ы н я е в. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать〈...〉 М у р з а в е ц к а я. А меня ты куда ж? Да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть и женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу».

В последнем акте эта тема заново осмысливается и уточняется в репликах стряпчего Чугунова: «...а я вам вот что скажу. За что нас Лыняев волками-то называл? Какие мы с вами волки? Мы куры, голуби... по зернышку клюем, да никогда сыты не бываем. Вот они волки-то! Вот эти сразу помногу глотают». И уже в самом конце комедии, когда Аполлон Мурзавецкий, у которого погибла любимая собака, делится своим горем: «Тамерлана... волки съели!»,— Чугунов разражается целой тирадой: «Есть чему удивляться!.. Нет... Тут не то что Тамерлана, а вот сейчас, перед нашими глазами, и невесту вашу с приданым, и Михайла Борисыча с его имением волки съели, да и мы с вашей тетенькой чуть живы остались! Вот это подиковинней будет».

Этими словами заканчивается пьеса. Волки, которых имеет в виду Чугунов,— это Беркутов, делец новой формации, присоединивший к своим имениям поместье богатой вдовы Купавиной, которую чуть было не обобрали самым мошенническим образом Мурзавецкая с Чугуновым; это Глафира, которая сумела женить на себе закоренелого холостяка-богача Лыняева. Но Чугунов напрасно прибедняется, причисляя себя и свою покровительницу к голубям,— нет, они, конечно, тоже волки, да только в борьбе за добычу нашлись волки посильнее. Важно, однако, что Беркутов не предал гласности мошенничество Мурзавецкой, не отдал Чугунова под суд за подлог. «Все шито и крыто». Все они — одного поля ягоды. Кстати, из брачного союза «волка» Беркутова с «овцой» Купавиной выгоды извлекают обе стороны — за таким мужем недалекой Евлампии Николаевне не страшны рыщущие кругом волки помельче, чуть было не разорившие ее.

Глафира Алексеевна, «бедная девица, родственница Мурзавецкой», не хочет, как и ее тетушка, быть овцой. Она принадлежит к тем барышням, которых Лыняев считает самыми опасными волками: «Смотрит лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и вцепится». Лыняев как бы предчувствует, что неминуемо произойдет с ним самим, если он чуть зазевается.

Глафира искусно приспосабливается к обстоятельствам, в которых она оказывается волею судеб. Это своего рода Глумов в юбке.

В первом акте Глафира произносит всего лишь двенадцать коротеньких реплик — семь в диалоге с Аполлоном и пять в разговоре с Мурзавецкой. Она предстает надменной и колкой в пикировке с Аполлоном и покорно-смиренной, отрешенной от всего земного в разговоре со своей благодетельницей. Если в первом диалоге речь ее интенсивно окрашена вопросительными и восклицательными интонациями, то во втором диалоге ее речь обесцвечена, притушена, она не позволяет себе ни одного восклицания, ни одного вопрошения: «Приказывайте, матушка»; «Слушаю, матушка»; «О, с удовольствием, матушка, с удовольствием»; «Мои мечты другие, матушка; моя мечта — келья»; «Я о земном не думаю».

Какова же Глафира Алексеевна на самом деле? Драматург не спешит ответить на этот вопрос. Он характеризует в первом акте свою героиню не столько свойственной ей манерой речи, сколько разительным несовпадением двух продемонстрированных ею манер. В следующих актах к этому добавится непринужденный и, кажется, искренний тон в дружеской беседе с Купавиной и целая гамма оттенков в диалогах с Лыняевым — от подчеркнутой скромности до кокетливой гривуазности, от иронической насмешливости до вос-

торженной страстности, от вкрадчивой ласковости до деспотической капризности.

Какая же она? И такая и этакая, отвечает драматург, как ей понадобится. Пожалуй, сама собой она остается в наибольшей степени в откровенном и даже задушевном разговоре с Купавиной. Но хотя Глафира в сцене с Купавиной действительно не притворяется, из этого не следует, что она на время упустила из виду свои цели, потеряла контроль над собой, расчувствовалась и перестала рассчитывать каждое свое слово. Нет, просто ей не расчет фальшивить с Купавиной,— откровенность в данном случае представляется ей более выгодной. Она признается Купавиной: «Мой костюм, поведение, проповеди — все это маска». Но из следующей же фразы становится ясно, зачем она признается: «Я буду с вами откровенна, только помогите мне».

Глафира постоянно меняет свои «речевые костюмы», дабы не быть узнанной и успешно выдать себя не за ту, коей она на самом деле является. Она извлекает все выгоды из этого лингвистического маскарада и добивается своих целей.

«Где же истинно хорошие люди?» — спрашивал один из немногих современных драматургу критиков, сумевших по достоинству оценить эту замечательную комедию. И отвечал: «Они явятся. Это без сомнения. Теперь же на свете все «волки да овцы, овцы да волки» *(«Одесский вестник», 1875, 24 декабря)*.

Сразу же по окончании работы над «Волками и овцами», не дав себе никакой передышки, Островский принимается за следующую пьесу, написав эту четырехактную комедию в небывало короткий срок (задумана 15 октября 1875 года, начата 24 октября, завершена вчерне 11 ноября, переписана набело 14 ноября, две недели спустя поставлена в Петербурге, а еще через два дня в Москве). Пьеса «Богатые невесты» не имела успеха у современников писателя, а впоследствии ставилась очень редко, не оставив сколько-нибудь заметного следа в сценической истории драматургии Островского. Разгадка этой действительно странной для Островского пьесы до сих пор не найдена.

Быть может, образом Цыплунова, безупречного главного героя комедии, драматург пытался ответить на вопрос, сформулированный критикой после «Волков и овец»: «Где же истинно хорошие люди?» В самом деле, Цыплунов высоконравственен, сам себя называет идеалистом (в журнальной редакции: «Мы, идеалисты, любим мечту и счастливы только в мечтах»), о нем отзываются как об отлично образованном и способном человеке. Но неужели эта ходячая добродетель могла казаться идеалом автору «Доходного места»? Конечно же, нет. Драматург иронически относится к этому преуспевающему чиновнику, который к тридцати годам

стал уже надворным советником (что соответствовало, по табели о рангах, чину полковника), у которого, по словам генерала Гневышова, «блестящая будущность», ибо «начальство имеет о нем самое лестное мнение». Недаром автор награждает своего героя нелепой фамилией Цыплунов («Цып... Цып... Как?» — никак не может запомнить эту фамилию престарелый генерал); недаром мать зовет Юрия Михайловича даже при людях смешным уменьшительным именем «Юша». Но даже сама любящая маменька, которая озабочена судьбой своего великовозрастного сына, никак не решающегося выбрать себе невесту, понимает истинную цену его идеальничания: «Нет более несносных деспотов, как вы, люди чистые〈...〉 Вы, чистые натуры, не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на бледные, безжизненные шаблоны, которые созданы вашим досужим воображением».

И вот этого-то высоконравственного ригориста драматург ставит в жизненную ситуацию, в которой терпят крах идеальные схемы, созданные его «досужим воображением». Жизнь сталкивает его с Валентиной Белесовой, в которую он когда-то, когда она была почти девочкой, был без памяти влюблен. Давнее чувство вспыхивает в нем с новой силой, их сватают, но тут он узнает, что она вовсе не родственница, а содержанка генерала Гневышова, которую тот в свое время совратил и развратил, а теперь, чтобы сбыть ее с рук, хочет выдать замуж и дает за ней богатое приданое.

Ситуация, возможно, навеяна историей Настасьи Филипповны и богача Тоцкого в «Идиоте» Достоевского, хотя между двумя героинями, пожалуй, больше различия, нежели сходства. Сирота Белесова тоже жертва тягостных обстоятельств и старческого сластолюбия, она тоже искренна («А искренность такое редкое и дорогое качество»), но ей недостает той бунтарской нравственной силы, которая отличала героиню Достоевского и которая делала Настасью Филипповну личностью незаурядной. Белесова, скорее, заурядна и сама это прекрасно понимает: «Я самая обыкновенная девушка, ничем не лучше других». Быть может, именно поэтому ее поначалу так раздражают «проповеди и поучения» Цыплунова: «...мы не мешаем вам быть святыми, не мешайте и нам быть грешными!» Сперва она совершенно равнодушна к Цыплунову, называет его «жалким, полусумасшедшим господином», «человеком, пропитанным какими-то строгими правилами, какими-то мещанскими добродетелями». Потом, когда он обрушивает на нее нравоучительную проповедь, она начинает его ненавидеть, но в конце концов, оценив по достоинству его твердые нравственные правила и его преданность, сама готова полюбить его. Этот переход от равнодушия к ненависти, а от ненависти к любви психологически обрисован очень тонко.

Возможно, что некоторая сбивчивость жанра этой наскоро написанной пьесы, в которой элементы комические и драматические, сатирические и психологические сочетаются весьма причудливо, и оказалась причиной того, что комедия эта не может быть причислена к лучшим произведениям Островского.

4

В комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» Островский, казалось бы, вновь возвращается к мотивам, ситуациям и характерам знакомым-перезнакомым читателям и зрителям его прежних пьес. Опять застойный купеческий быт в канонической уже замоскворецкой версии; снова невежественное самодурство, бесстыдно попирающее человеческое достоинство; в который раз бедный, но честный приказчик (бедность не порок!) влюбляется в хозяйскую дочку и любим ею взаимно (горячее сердце!). И — опять, снова, в который раз — счастливая развязка...

Действительно, все как будто устроилось наилучшим образом: бедный, но честный Платон Зыбкин назначен главным приказчиком, и в награду за благородство ему отдают в жены купеческую дочь, красавицу Поликсену Барабошеву, мошенник Мухояров изобличен и посрамлен, а вздорный притеснитель нашего героя Амос Панфилыч Барабошев пристыжен и укрощен... «Вот она правда-то, бабушка! — прочувствованно восклицает добродетельный Платон.— Она свое возьмет». Тут бы автору и поставить точку, на этом бы публике и разойтись по домам в приятственном и утешительном убеждении, что правда — она свое возьмет. Ан нет, автор почему-то оставляет последнее слово не за восторженным юнцом Зыбкиным, а за язвительной старухой Барабошевой: «Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не случай тут один, так плакался бы ты с своей правдой всю жизнь. А ты вот как говори: не родись умен, а родись счастлив — вот это, миленький, вернее. Правда — хорошо, а счастье лучше».

Публике оставалось, казалось бы, только порадоваться тому, что все, слава богу, так счастливо обошлось и что Платоше Зыбкину не пришлось плакаться со своей правдой. «Ура!» Ура-то ура, но что-то нам не больно радостно. Отчего бы это? Не оттого ли, что житейская мудрость, послужившая заглавием комедии, оскорбляет наше нравственное чувство? Ведь нам хотят внушить, что правда, дескать, хорошо, кто же спорит, но счастье, что ни говори, не в пример лучше. Очень нам не хочется соглашаться с такой аморальной моралью, но приходится: вся логика пьесы убеждает нас в том, что в барабошевском царстве, мухояровском государстве правде никак не восторжествовать, разве что счастливый случай придет на подмогу. Похоже, что в замысел драматурга как раз и

входило задеть, возмутить, оскорбить нравственное чувство публики зрелищем противоречия между нравственным идеалом (правда — хорошо) и безнравственной действительностью (а счастье лучше).

«Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся», — говорит нам драматург вслед за Барабошевой. Только Мавра Тарасовна Барабошева говорит это со злорадством, а Александр Николаевич Островский — с горечью.

Платон Зыбкин ведет свою родословную от приказчика Мити из комедии «Бедность не порок» (1854). Оба бесправны, оба честны, оба влюблены без памяти в хозяйских дочек, оба питают склонность к стихотворству. Но за те десятилетия, которые разделяют эти две комедии, характер героя претерпел существенные изменения. Платон куда более решителен и последователен, чем его робкий и безответный предшественник. Он не просто лицо страдательное — он поднимается до обличения «мерзавцев своей жизни», в нем сильнее развито чувство человеческого достоинства. Другие времена!

Но именно потому, что времена настали другие, иным стал и спрос с героя. Глубоко сочувствуя своему герою, с симпатией рисуя в нем приверженность к правде и обостренное чувство собственного достоинства, Островский отнюдь не обольщается насчет его способности выдержать борьбу с барабошевским миропорядком и тем паче выйти из этой борьбы победителем. Драматург обнажает комическое несоответствие между тем, чем кажется Платон самому себе, и тем, чем он кажется окружающим. В своих глазах он герой, рыцарь правды («Самому лютому зверю — льву и тому в глаза правду скажу»), в глазах других — простак («Все он, как младенец, всем правду в глаза говорит»). Это противоречие очень точно формулирует мошенник Мухояров: «Как есть храбрый лыцарь, но, при всем том, без понятия к жизни».

Счастливчик Платоша не способен на подлость, но не способен и на борьбу. Просто повезло на этот раз славному человечку, порадуемся за него, пожелаем ему «тысячу лет жизни и казны несметное число», но, право, какой уж из него герой, где уж ему, болезному, куда уж ему. Обидят его — он «садится к столу, вынимает бумагу и карандаш»: «Стихи писать буду. В таком огорчении всегда так делают образованные люди». Стихи его драматург озаглавил явно пародийно: «На гроб юноши». Уж очень Платоше самого себя жаль, ну прямо до слез. О степени его образованности дает представление стиль его послания к «предмету»: «Красота несравненная и душа души моей». Посадят его в яму — будет сидеть только оттого, что маменьке жаль отдавать трудовые денежки, взятые, однако, в долг. И огорчает его при этом помимо сраму вот что: «В преферанс я играть не умею. Чулки вязать только и остается».

Ироническое отношение автора к своему герою следует уже из сочетания имени и фамилии его. Ведь не для того же, в самом деле, он назвал героя комедии Платоном, чтобы подтвердить уверенность поэта в том, что

«...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать...».

Он — Зыбкин. Может быть, от слова «зыбка», то есть «люлька», «колыбель» (вспомним: «...он, как маленький...»). А может быть, от наречия «зыбко», означающего нечто неопределенное, неустойчивое, неустоявшееся. Как ни верти, ничего героического этимология этой фамилии не обещает. Такие фамилии с окончанием «кин», заметим, охотно давались писателями «натуральной школы» так называемым «маленьким людям» — например, Акакий Акакиевич Башмачкин в «Шинели» Гоголя, Василий Семенович Кузовкин в «Нахлебнике» Тургенева, Макар Алексеевич Девушкин в «Бедных людях» Достоевского; в «Идиоте» Достоевского «сниженная» фамилия героя — Мышкин — призвана контрастировать с аристократическим титулом князя и оттенить простоту и внутреннюю демократичность «идиота».

Кстати, при всей несоизмеримости масштаба и глубины гениального романа Достоевского и комедии Островского (о которой сам он писал, что «это не комедия, а сцены из московской жизни, и я им большой важности не даю») можно провести некоторую параллель между замыслом драматурга и романиста; в комедии весьма последовательно подчеркнута мысль о том, что *естественное* поведение героя, отвечающее элементарным нормам человеческого общежития, воспринимается всеми окружающими как нечто *противоестественное*, обнаруживая тем самым противоестественность существующего и узаконенного порядка вещей. Нормальный человек в этом ненормально устроенном мире считается ненормальным. У Достоевского взят трагический, а у Островского комический аспект этой коллизии.

Мотив мнимой невменяемости героя наводит и на сопоставление Платона Иваныча Зыбкина с Александром Андреичем Чацким. Такое сопоставление может показаться натянутым, но назвал же когда-то Писемский комедию Островского «Свои люди — сочтемся!» купеческим «Горем от ума» — куда больше оснований назвать так комедию «Правда — хорошо, а счастье лучше». Если Чацкого могли счесть сумасшедшим, то о Платоне Зыбкине даже родная мать говорит, что «вышел он с повреждением в уме». Чацкий ставит себя в комическое положение, когда «мечет бисер» перед людьми, которые даже понять его не в состоянии, сочувствовать же его мыслям и подавно. («Это непростительно»,— замечает Пушкин). Что же

сказать о нашем замоскворецком Чацком, расточающем пылкие обличения перед теми, кто его «поставили шутом»? Тирады Чацкого хоть пугают Фамусова («Опасный человек!.. Не слушаю, под суд!..») — Барабошева же тирады Зыбкина только забавляют («...он у нас заместо Балакирева ⟨...⟩ Мы над кем шутим, так даже и ругаться дозволяем: это для нас одно удовольствие»).

Платона Зыбкина и впрямь можно признать своего рода Чацким Замоскворечья, если допустить, что самодур Барабошев — гостинодворский Фамусов, дочь его Поликсена — купеческая версия Софьи, если уподобить угодливого Мухоярова Молчалину, а властную старуху Барабошеву, скажем, Хлёстовой. Заговори вдруг Амос Панфилыч стихами, он мог бы, пожалуй, воскликнуть:

«Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!»

или вдруг саркастически заметить:

«Друг, нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок...»

(В барабошевской прозе это выглядит, разумеется, несколько иначе; например: «Через этих-то самых женихов я себе расстройство и получил». Или: «В таком случае, зачем твои променажи в чужом саду?»)

Поликсена Барабошева — характер вроде бы и не новый в обширной галерее купеческих дочек, портреты которых Островский писал во многих своих пьесах. Но если присмотреться, она отличается и от бесчувственной Липочки Большовой («Свои люди — сочтемся!»), и от покорной Любы Торцовой («Бедность не порок»), и от бесшабашной Варвары Кабановой («Гроза»), и от прямодушной Параши Курослеповой («Горячее сердце»). Поликсена — девица упрямая, взбалмошная, зело избалованная, чувственная, предельно эгоистичная — истинно барабошевское отродье, достойная внучка своей бабушки. Сказано же о ней: «...характер огневый, упорная, вся в бабушку».

Платону она «совсем не под кадрель», как говорит проницательная нянька Филицата. Любит ли она его? Сам Платон полагает, что «Не только любви, а никакого чувства настоящего и никакой жалости в вас нет-с». «Так разве это у меня не любовь? — капризно протягивает Поликсена.— Что же это такое?» «Баловство одно,— отвечает Платон,— только свой каприз тешите». И он прав: Поликсена «уж в годах, уж давно замуж пора». Как признается ее папенька Амос Панфилыч, «...в нашей фамилии существует влюбчивость», а мудрая Филицата ставит диагноз еще точнее: «Кабы у нас знакомство было ⟨...⟩ так она бы не была так влюбчива; а из

тюрьмы-то первому встречному рад...». Платон и оказался для нее этим «первым встречным» и сам прекрасно это понимает: «Года подошли, пришло такое время, что уж пора вам любовные слова говорить; вот вы и избираете кого посмирнее, чтоб он сидел да слушал ваши изъяснения». В Поликсене говорит не столько горячее сердце, сколько жаркая плоть. «Так бы вот и съела тебя»,— она произносит с таким вожделением, что страшновато становится за бедного малого.

Но разве, могут сказать, не служит достаточно красноречивым доказательством искренности чувства и силы любви готовность ее покончить с собой, если ей не дадут соединить свою жизнь с любимым? Разве, могут спросить, это не роднит ее с Парашей «Горячего сердца», с Аксюшей «Леса», с Аннушкой «Бойкого места», с Наденькой «Воспитанницы»? Драматург, однако, вовсе не верит в серьезность ее угроз. «Кому неволя опротивеет,— заявляет она бабушке,— кто захочет из нее вырваться, тот себе дорогу найдет».— «Куда это, не слыхать ли?» — саркастически вопрошает Мавра Тарасовна. «В могилу»,— пугает она старуху. Но та и не подумала поверить внучке: «Ну, миленькая, не вдруг-то туда соберешься, подумаешь прежде». Так же мало пугает Мавру Тарасовну и другая угроза внучки: «Бывает, что и бегают из дому-то». «Бегают,— спокойно отвечает она,— у кого привязки нет». «А меня что удержит?»— интересуется Поликсена. Ответ: «Приданое богатое». И точно, этой привязи для Поликсены вполне достаточно.

И когда все заканчивается ко всеобщему благополучию, когда Поликсена восклицает радостно: «Бабушка, так Платоша мой? Ну, вот я говорила...» — становится ясно: ей важно, что она приобрела миловидного Платошу в полную собственность («мой»), но еще важнее, пожалуй, что она поставила на своем и переупрямила старуху («я говорила»). И вновь нам неспокойно становится за нашего правдолюбца и закрадывается сомнение, точно ли он нашел свое счастье в этой милой семейке, может ли он быть счастлив с дочерью Амоса Панфилыча и внучкой Мавры Тарасовны.

Барабошевский миропорядок, представленный в пьесе почтенной Маврой Тарасовной и ее малопочтенным сынком, нимало не поколеблен ни обличительными тирадами приказчика, ни тем паче причудами и капризами купеческой дочки. Платон, став, так сказать, принцем-консортом этого семейства, попросту взят в услужение этим отживающим миропорядком и будет служить ему верой и правдой, оберегая барабошевский капитал от мухояровских поползновений. А наследная принцесса Поликсена станет, можно не сомневаться, достойной продолжательницей рода Барабошевых, разве только деньги после смерти бабушки будет хранить не в сундуке, а в процентных бумагах.

Островский показал в своей комедии не столько отживающий мир, сколько мир доживающий и даже не подозревающий, что дни его сочтены. Барабошевы уже не наживают, а проживают нажитое — это относится не только к их капиталу, но и ко всему их бессмысленному бытию. Вот в этом-то рантьерском или, проще сказать, паразитическом образе их жизни и углядел драматург зловещий призрак их неминуемой обреченности.

Кулацкая прижимистость Мавры Тарасовны и легкомысленное расточительство Амоса Панфилыча — две стороны одной и той же медали, две разновидности паразитизма... Сколько бы она ни наняла дворников и «ундеров» для охраны священной барабошевской собственности, сколько бы он ни симулировал интенсивную негоциантскую деятельность — оба они, мать и сын, живут какой-то призрачной жизнью: она — от гадалки до гадалки, он — от попойки до попойки; она — охотно давая ему обманывать себя, он — не только обманывая ее, но и сам непрестанно обманываясь.

Амос Панфилыч прикидывается то почтительным сыном, то заботливым отцом, то глубокомысленным коммерсантом, но в действительности ничегошеньки его не занимает, кроме разве «финансового вопроса» — где раздобыть денег на очередной кутеж. Дома ему невыносимо скучно, и он рад-радешенек каждому случаю доставить себе развлечение — то над Зыбкиной поломается, то над Платоном поглумится, и все это не по злобе, а так, со скуки, чтоб себя потешить. Знакомясь с ним, начинаешь постигать буквальный смысл формулы, которой заклеймил Платон своего хозяина: «...мерзавец своей жизни». Поистине не только чужие жизни заедает этот «полированный негоциант», но и своей собственной жизни, которая ведь для чего-нибудь была дана ему, он «мерзавец».

Старуху Барабошеву можно рассматривать как своего рода комедийную версию самодурного характера Кабанихи. Обе — богатые купчихи, обе — вдовы, обе деспотичны, обе стремятся держать в повиновении своих домашних, обе не терпят возражений.

Первая реплика Кабанихи: «Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я сказала». Первая реплика Барабошевой: «Нет уж, миленькая моя, что я захочу, так и будет; никто, кроме меня, не властен в доме приказывать». Сходство бросается в глаза, но нельзя не почувствовать и различия. Марфа Игнатьевна более раздражительна, резка, категорична. Мавра Тарасовна более иронична, насмешлива, спокойна.

Выпишем рядом две реплики, обращенные каждой из старух к своим сыновьям:

«Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?»

«Ты дома, миленький? На чем это записать? Как это ты сплоховал, что тебя ночь дома застала, соловьиное время пропустил?»

Зная особенности «образа выражения» обеих купчих, мы ни на минуту не усомнимся, что первая реплика обращена Кабановой к Тихону, а вторая — Барабошевой к Амосу Панфилычу. Там, где Марфа Игнатьевна сердится, там Мавра Тарасовна издевается. И эти различия продиктованы не только индивидуальными особенностями характеров. Почти два десятилетия отделяют одну пьесу от другой. За эти десятилетия незыблемость патриархальных семейных отношений изрядно порасшаталась — то, что было драмой крушения власти для старухи Кабановой, оборачивается для старухи Барабошевой комедией неповиновения.

5

«Старик, влюбленный в молодую вдову, старается под видом покровительства и попечительства разлучить ее с любимым ею молодым человеком, в чем и успевает. Молодому человеку подставляют девушку, выдавая ее за богатую невесту; он увлекается и изменяет вдове. Та, не перенеся измены, сходит с ума, а он, узнав об этом и в припадке отчаяния, лишает себя жизни».

Такую пьесу собирался написать Островский, когда вывел карандашом на чистом листе бумаги заглавие «Жертва века» и изложил фабулу будущей драмы. А когда драматург дописал последнюю реплику и проставил дату окончания, оказалось, что он написал совсем другую пьесу — комедию «Последняя жертва», в которой «та» вовсе не сходит с ума, а выходит замуж за богатого «старика», «он» же отнюдь не лишает себя жизни, а решает жениться на другой богатой вдове.

Правда, героиня и герой сделали все, что от них зависит, чтобы не выйти из авторской воли: она, узнав об обмане, согласно авторским ремаркам, падает в обморок, говорит в бреду, снова падает в обморок; он действительно берет в руки револьвер и уже прощается с жизнью. Но в ней обнаружилось слишком много здравого смысла, чтобы сойти с ума, а в нем слишком много жизнелюбия, чтобы лишить себя жизни. Да и третий («старик, влюбленный в молодую вдову») оказался не из тех, кто просчитывается и терпит фиаско, а из тех, кто умеет верно рассчитать и получить свое.

Так герои пьесы вступили в спор с автором пьесы, выбрав себе иной жребий, а заодно и иной жанр.

Драматург сдался. Комедия? Хорошо, пусть будет комедия. Счастливая развязка? Ладно, пусть так. Но при этом ему было совсем не смешно от этой комедии русской жизни, и вовсе не так уж он был счастлив от этой счастливой развязки. Свою пьесу он дописывал совсем в ином настроении: «Нервы разбиты, пишу пьесу, соби-

раю последние силы, чтоб ее кончить,— сообщает драматург Бурдину 6 сентября 1876 года.— Трогательно драматический сюжет пьесы, в который я погружаюсь всей душой, еще более расстраивает меня» *(ПСС, XV, 93—94)*. Вот вам и комедия...

Итак, «молодая вдова» Юлия Павловна Тугина без памяти влюблена в Вадима Григорьича Дульчина, блестящего, красивого, но беспутного «молодого человека», который выдает себя за богатого помещика, надеясь женитьбой на состоятельной вдове поправить свои вконец расстроившиеся дела. Откладывая свадьбу со дня на день и растранжирив почти все состояние Юлии Павловны, он бросает ее, чтобы жениться на «богатой невесте», за которой Флор Федулыч Прибытков, «старик, влюбленный в молодую вдову», якобы обещает дать баснословное приданое. Обманута Тугина. Обманут обманщик Дульчин. В финале Флор Федулыч предлагает руку Юлии Павловне и получает ее согласие.

Что же все-таки написал драматург? Комедию обманов со счастливой развязкой или драму попранной любви и жестокого крушения мечты о счастье? Что же все-таки происходит в финале пьесы? Прозрение Юлии Павловны, которая, разочаровавшись в вертопрахе Дульчине, сумела по достоинству оценить богача Прибыткова, человека солидного, благородного и преданно ее любящего? Или же согласие героини выйти за богатого старика это для нее лишь выход из безвыходного положения, всего только жест безразличия, граничащего с отчаянием?

«Последняя жертва» — не драма и не комедия. Это, если хотите, и драма и комедия, но элементы драматические и комедийные взяты в пьесе в таком соотношении, что образуют некий особый жанр, своеобразие которого продиктовано своеобразием коллизии, положенной в основу пьесы, и характерами ее главных героев.

Юлия Павловна Тугина — один из самых привлекательных женских характеров Островского, хотя к «горячим сердцам» ее, пожалуй, не причислишь — для этого она слишком уравновешенна по натуре; она способна к искреннему увлечению, но не к безумной страсти. Скромная, всегда приветливая, ко всем доброжелательная, глубоко порядочная и потому доверчивая, религиозная без мистицизма, нравственная без ханжества, чувствительная без экзальтации, в меру рассудительная, в меру мечтательная, нежная и самоотверженная в любви,— она сама женственность.

Как могла такая достойная и разумная женщина увлечься пустышкой Дульчиным? Дело тут не только в том, что он ее обманул, и даже не в том, что она в нем обманулась, а, скорее, в том, что он сам в себе обманывался. Ведь Дульчин — не негодяй Вихорев («Не в свои сани не садись»), который притворился влюбленным, чтобы заполучить богатое приданое; не бессердечный авантюрист

Глумов, готовый на все ради карьеры («На всякого мудреца довольно простоты»). Вадим Григорьич тоже в своем роде «жертва века», его отравила «золотая лихорадка», его увлекла всеобщая погоня за «бешеными деньгами». Человек слабый, он не устоял перед искушениями беспечной жизни и запутался в долгах. Человек увлекающийся, он искренне увлекся Юлией Павловной и так же искренне поверил, что эта любовь переродит его, что он бросит играть и кутить, начнет новую жизнь... вот только бы отыграться. Женский инстинкт подсказал Юлии, что любимый нуждается в ее нравственной поддержке. Ее, смолоду отданную в замужество старику, которого она могла уважать, но не могла любить, ее, приученную к скучноватой размеренности добропорядочного семейного купеческого быта,— ее привлекла к Дульчину не только его молодость, не только его импозантная внешность, но и его барственность, безоглядность, умение жить с размахом, пренебрежение к копеечной расчетливости. Ее привлекало в Дульчине то, что в нем сродни Паратову («Бесприданница»), то, чего так недоставало ее покойному мужу.

Будучи сама по натуре человеком благодарным, Тугина и в других превыше всего ценит именно это качество души. Она готова для любимого на новые и новые жертвы — ведь он так умеет быть благодарным («Вчера по его делам ему вдруг деньги понадобились; ну, я выручила его; так веришь ли, на коленях стоял, руки целовал, плакал, как ребенок»). Вот почему в предательстве Дульчина ее больнее всего поразила чудовищная неблагодарность его: «Да неужели, да неужели он так бесстыден?»

Правда, первое, о чем она подумала, когда на нее обрушилось известие об его обмане,— о своих деньгах: «Я с него потребую, я возьму деньги мои... Ведь как же мне жить-то? Ведь все он взял». И снова: «Хоть бы деньги-то мне воротить, хоть бы деньги-то!» Не бросает ли подобный практицизм и даже меркантилизм неблаговидную тень на облик идеальной героини? Но в том-то и дело, что Островский рисует образ вовсе не идеальный, а вполне реальный и поставленный к тому же в абсолютно реальные обстоятельства буржуазного существования. Да ведь и сама Юлия Павловна отнюдь не выдает себя за бессребреницу: «Я-таки довольно скупа и на деньги жалостлива ⟨...⟩ — говорит она о себе с некоторым самодовольством.—...первое дело себя обеспечить... Я, нужды нет, что женщина, а очень хорошо жизнь понимаю». Но прежде чем строго осудить героиню за столь негероическую меркантильность, подумаем и о том, что она, обобранная любовником, осталась совершенно без средств к существованию: «Я нищая...» Что же тут удивительного, что она, дитя своего века и своей среды, сразу же подумала о своих деньгах, обманом отнятых у нее?

И все же в приведенных словах ее: «Ведь как же мне жить-то?» — речь не только о том, что жить теперь не на что, но и о том, что жить теперь не к чему; о том, как страшно и бесприютно жить в этом жестоком мире эгоизма и бесчестия.

«Ограблена и убита!» — восклицает Тугина в отчаянии. Не только ограблена, но и убита. Убита неблагодарностью. Глубокий смысл таится в ее скорбных словах, обращенных в последнем акте к Дульчину: «Да, это правда, я умерла». И смысл этот не в том лишь, что она умерла для Дульчина («Да, умерла... для вас»), но и в том, что убита, растоптана ее вера в любовь, в возможность счастья. Ведь брак с Прибытковым для нее в лучшем случае тихая пристань, но никак не счастье. Богатый старик, воспользовавшись жестоким крушением ее надежд, покупает ее молодость, ее любовь — и она этого не может не понимать, с какой бы внешней благопристойностью и уважительностью ни обставлялась эта сделка.

Флор Федулыч Прибытков еще не появился на сцене, а мы уже знаем о его неблаговидных намерениях по отношению к красивой молодой вдове. Догадывается об этом и сама Юлия Павловна. После смерти мужа, которому он был «первый друг и благодетель», она его «только один раз и видела», а тут вдруг надумал пожаловать. К чему бы это? Глафира Фирсовна, которая послана им предупредить Тугину о его предстоящем визите, весьма прозрачно намекает на планы богатого старика: «Сирота у него была на попечении, красавица, получше тебя гораздо; а вот теперь он отдал ее замуж, мысли-то у него и освободились, и об тебе вспомнил, и до тебя очередь дошла». Тугина поняла намек: «Очень я благодарна Флору Федулычу, только я никаких себе попечителей не желаю, и напрасно он себя беспокоит». Еще решительнее она отвергает «попечительство» Прибыткова, когда он является сам и предлагает «беречь и лелеять» Юлию Павловну. То, что она нисколько не сомневается в истинном циничном смысле этого предложения, явствует из ее слов, обращенных к Дульчину: «...он обещал и предлагал мне все, что я пожелаю〈...〉 Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание».

Поняв, что Тугина никогда не согласится стать его содержанкой, Прибытков вырабатывает новый план действий: он решает жениться на ней, разлучив ее с Дульчиным и воспользовавшись безвыходным положением разорившейся молодой женщины. Для этого он готов прибегнуть к услугам грязной сплетницы и интриганки Глафиры Фирсовны, которая понимает его с полуслова: «...разобью я эту парочку». Что ж, он заплатит за подмогу: «В таком случае большую благодарность получите». Его волнует только одно: «Пуще всего-с, чтоб моей репутации ущербу не было». Безупречная репутация — это его главный капитал: «Я в таких летах и в таком

капитале, что свои слова на ветер бросать не могу-с». Моральный аспект этой ситуации его нисколько не беспокоит. И деньги, которые понадобились Тугиной для любовника, он, покуражившись вдосталь, решает дать ей, чтобы Юлия Павловна еще раз смогла убедиться в том, что представляет собой Дульчин, а заодно связать ее чувством благодарности. И в предпоследнем акте, когда Тугиной предстоит узнать об измене Дульчина, Флор Федулыч появляется в ее доме не столько для того, чтобы по возможности смягчить этот удар, сколько для того, чтобы убедиться, что события развиваются точно по его плану и ничто не помешает этому плану осуществиться.

В большой сценической истории «Последней жертвы» на дореволюционной и советской сцене в разные времена разные исполнители с разной мерой строгости подходили к этому характеру. Когда в первых рядах партера восседали такие же Прибытковы, случалось, что Флор Федулыч превращался в благородного спасителя обманутой Юлии Павловны, великодушно предлагающего разоренной молодой вдове руку, сердце и состояние. В другие времена, отвечая на настроения совсем другого зрительного зала, слова «очень богатый купец» нередко однозначно переводились на язык сцены как «очень плохой человек». Тогда по сцене гордо вышагивал бессердечный богатей, коварно плетущий сеть интриг, чтобы опутать облюбованную им жертву своего старческого сладострастья.

Между тем Прибытков — характер далеко не однозначный, достаточно сложный, внутренне противоречивый и вместе с тем целостный. Драматург не отказывает ему в большом уме, в способности к искреннему чувству, в джентльменском по-своему отношении к женщине; с другой стороны, он показан в пьесе человеком деспотического нрава, расчетливым, хитрым и не слишком разборчивым в выборе средств для достижения цели. Его самоуверенность граничит с самодовольством, он в любой ситуации чувствует себя хозяином положения; его философия — это философия собственника, уверенного, что в этом мире все продается и все можно купить; надо только не поскупиться, но и не переплатить, разумеется.

В галерее дельцов новой формации, создаваемой Островским в пореформенную пору, Прибыткову принадлежит особое место. Галерею эту открыл Васильков, герой «Бешеных денег», но Васильков (как и Беркутов в «Волках и овцах», обрисованный, правда, более эскизно) — делец из дворян. Прибытков же — первый в «пьесах жизни» Островского представитель так называемого «цивилизованного купечества».

В перечне действующих лиц о нем сказано: «румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто». Драматург, надо полагать, не случайно настаивает на том, что Флор

Федулыч гладко выбрит,— это было в те времена, когда писалась пьеса, отличительной чертой европеизированных буржуа нового пошиба; встарь купцы непременно отращивали бороды, их так и прозывали — «бородками».

Если герою «Бешеных денег» драматург дал фамилию нейтральную, «почти мещанскую», как аттестует ее сам Васильков, то «очень богатый купец» в «Последней жертве» наделен фамилией недвусмысленно значимой — Прибытков. Фамилия призвана тут не только подтвердить принадлежность Флора Федулыча к купеческому сословию, но и отрекомендовать — пусть предварительно — эту фигуру. Васильков только прокладывал себе путь к богатству. Прибытков уже богат, очень богат. Савва Геннадиевич — мелкий помещик, который хочет стать — и станет — крупным предпринимателем. Флор Федулыч,— надо полагать, потомственный купец, если не унаследовавший, то давным-давно составивший свое состояние и непрерывно его приумножающий. Ощущение прочности, основательности, незыблемости своего имущественного положения (а следовательно, и положения в обществе) придает ему особую самоуверенность и самоуважение.

Классовое самосознание в нем развито необыкновенно сильно. Недаром он в пьесе так часто говорит о себе во множественном числе — не от переизбытка самоуважения, а оттого, что говорит он не только от своего собственного имени, а от имени людей своего социального положения. Так, например, выражая свою неприязнь к Дульчину, он возмущается вообще утечкой купеческих капиталов в дырявые карманы прожигателей жизни: «Муж копит да бережет для жены, его-то скупым да скаредом прозовут, а любовника после добрым барином величать будут. На наши деньги они себе добрую славу и заслуживают».

Флор Федулыч считает себя человеком вполне цивилизованным. Послушать его — можно подумать, что он завзятый театрал, не мыслящий своей жизни без искусства: «Патти не приедет-с»; «Абонемент на настоящий сезон не имеете?»; «Росси изволили видеть?»; «Кадуджу послушать...» На самом деле это всего лишь внешние знаки того, что Флор Федулыч считает нужным поддержать репутацию человека, идущего в ногу с цивилизацией. Не о таких ли Прибытковых писал Островский в одной из своих записок о театре: «Посещать публичные собрания и увеселения для богатого купца — не внутренняя потребность, а внешняя необходимость: нельзя от других отставать; эта публика бывает в театре точно по наряду: «Наша служба такая», — как они сами выражаются. Эта публика купеческая, второе и третье поколение разбогатевших московских купцов, купеческая аристократия московская» *(ПСС, XII, 118)*. Думается, что Флор Федулыч принадлежит именно к этой купече-

ской московской аристократии и преувеличивать его интеллигентность нет никаких оснований. Кстати, в «Последней жертве» Прибытков произносит ту же самую фразу, которую Островский приводит в своей записке: «Наша служба такая». Правда, эта фраза относится не к театру, а к необходимости тратиться на дорогие экипажи: «Хоть и грех такие деньги за экипаж платить, а нельзя-с, платим,— наша служба такая». Посещение театров для него такое же средство поддерживать свой престиж, как и приобретение модного экипажа. Не случайно, что все его многочисленные упоминания о театре в тексте пьесы служат лишь средством заполнить паузу или переменить тему разговора. Сами суждения его весьма поверхностны. О Росси: «Хороший актер-с. Оно довольно для нас непонятно, а интересно посмотреть-с». Его интерес к приезжим певицам довольно специфического свойства: «Она креолка-с;— говорит он о Кадудже,— эти женщины совсем особенные-с. Тоже была вот как-то не надолго здесь одна итальянка в этом роде, немало удивления производила-с фигурой своей. И больше всех певиц бриллиантов имела от разных особ за границей».

Конечно, из среды московской купеческой аристократии выходили Третьяковы и Бахрушины, из этой среды вышел Алексеев-Станиславский, но это — исключения. Прибытков — не исключение, он плоть от плоти и кость от кости своего класса.

С таким человеком Юлия Павловна Тугина не может быть счастлива. Она могла бы сказать словами Ларисы Огудаловой, героини «Бесприданницы», пьесы, которая будет написана вслед за «Последней жертвой»: «Я любви искала и не нашла».

Большую часть пьес, помещенных в этом томе, можно рассматривать в известном смысле как своего рода подступы к «Бесприданнице» — этим шедевром драматурга откроется следующий том Собрания сочинений Островского.

Е. Холодов

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1874, № 1, январь, стр. 75—140.

Рукописные источники:

черновой автограф *(ЧА)* пьесы *(ГБЛ)*;

беловой автограф *(БА)* с авторской правкой — наборная рукопись. На лл. 1—1 об. и 2—2 об. вычеркнуто 1-е явление первого действия (монолог Людмилы), см. *варианты*, т. 4, стр. 415 *(ГПБ)*;

писарская копия *(ЦПК)* — цензурный экземпляр, представлявшийся в Главное управление по делам печати, с резолюцией цензора: «К представлению дозволено безусловно. С.-Петербург 26 октября 1873 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм» *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия *(ТПК)* — режиссерский цензурованный экземпляр с надписью: «По журналу Театрально-Литературного Комитета 27 октября 1873 г., к представлению на сцене одобряется. Председатель комитета П. Юркевич» *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок», со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 9, строки 18 и 24—25
«абвокатство», «абвокатом» *вместо* «адвокатство», «адвокатом» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*, *ТПК)*.

Стр. 12, строка 32
«ежели» *вместо* «если» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*).

Стр. 13, строка 41
«сбирается» *вместо* «собирается» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*, *ТПК*).

Стр. 15, строка 38
«в уголок» *вместо* «в угол» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*, *ТПК*).

Стр. 29, строки 38—39
«откровенность» *вместо* «нравственность» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*, *ТПК*).

Стр. 35, строка 4
«и не раздеваясь» *вместо* «и переодеваясь» (по *ЧА*, *БА*, *ТПК*).

Стр. 38, строка 31
«Я и верить» *вместо* «Я поверить» (по *ЧА*, *БА*).

Стр. 38, строка 42
«кого любишь?» *вместо* «кого любите?» (по *ЧА*, *БА*, *ТПК*).

Стр. 39, строка 6
«поведут» *вместо* «повезут» (по *ЧА*, *БА*, *ТПК*).

Стр. 41, строка 10
«перчатку» *вместо* «перчатки» (по *ЧА*, *БА*, *ТПК*).

Стр. 44, строка 29
«отстраняясь» *вместо* «опираясь» (по *ЧА*, *БА*).

Стр. 47, строка 3
«по голове» *вместо* «на голове» (по *ЧА*, *БА*).

Стр. 48, строка 3
«за благородного» *вместо* «за благороднейшего» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*).

Стр. 49, строка 16
«не в чем» *вместо* «не за чем» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*, *ТПК*).

Э. Ефременко

13 августа 1873 г. Островский пишет Ф. А. Бурдину о начале работы над новой пьесой. «Пьеса тебе готова, т. е. обдумана совершенно и начата. Напишу я ее скоро» *(ПСС, XV, 17)*. Однако работа затягивается, и 20 сентября драматург в письме успокаивает Ф. Бурдина: «...не беспокойся, пьеса будет готова скоро. Для скорости переписки я тебе буду присылать ее по актам. Я слишком долго пробился над сценариумом, мне хотелось обладить сюжет поэффектнее; пьеса выйдет короткая и сильная» *(ПСС, XV, 20)*.

22 сентября было начато второе действие, 28 сентября — третье (см. пометы в черновом автографе *ГБЛ*).

30 сентября 1873 г. пьеса озаглавлена Островским, о чем он сообщает Бурдину: «Пьесу жди на этой неделе, но до присылки ее подержи в секрете заглавие, которое таково: «Поздняя любовь», сцены из жизни захолустья, в 4-х действиях» *(ПСС, XV, 21)*. В октябре пьеса окончательно завершена, 10 октября 1873 г. Островский высылает рукопись Бурдину в Петербург и в течение двух недель ничего не знает о ее судьбе.

Новая пьеса вызывает интерес. Некрасов хочет получить ее для «Отечественных записок». «Извещают о новой Вашей комедии. Я питаю надежду, что Вы не обойдете нас ею; нам она весьма нужна и желательна,— известите же хотя единым словом, как Вы намерены ею распорядиться, на какое время мы можем на нее рассчитывать, если Вы нам ее отдадите»,— пишет он Островскому 16 октября 1873 г. *(Некрасов, XI, 273)*.

27 октября 1873 г. Бурдин высылает Островскому прошедший накануне цензуру экземпляр пьесы и сообщает о чтении ее в Театрально-литературном комитете.

«Поздняя любовь» одобрена Комитетом, однако Бурдин не ожидает большого успеха: «Большого успеха я не ожидаю и вот по каким причинам: первый акт прекрасен и очень занимателен; во втором интерес ослабевает и я нахожу много длиннот, в особенности в объяснении Людмилы с Николаем; в третьем то же самое и, по моему мнению, ты сделал большую ошибку, поставивши в конце 3-го действия ход пьесы так, что зритель заранее предугадывает развязку,— а самая главная ошибка заключается в том, что в 4 акте из объяснения Николая с Лебедкиной видно, что он ее обманывает, и публика уже не может ожидать сильного драматического положения между отцом и дочерью, отчего ослабевает и самая развязка ⟨...⟩ Надеюсь, ты мне дозволишь сделать необходимые сокращения, которые я признаю полезными» (*Бурдин, стр. 180*).

«Мое мнение совершенно сошлось с мнением Комитета»,— добавляет Бурдин в следующем письме от 31 октября 1873 г. *(Бурдин, стр. 183).*

Островский огорчен письмами Бурдина: «Давно ли ты стал радоваться, что твои мнения сходятся с мнениями Комитета! Деликатно ли с твоей стороны сообщать мне в назидание мнение убогой компании, тогда как не только я, но и все порядочные люди, оскорбляются, что пять-шесть плоских бездарностей, с развязностью почти военного человека, судят произведения настоящих художников» *(ПСС, XV, 25).* Драматург не согласен с позицией Бурдина и Комитета: «Мне кажется, что ты смотришь на нее (пьесу.— *З. Б.*) односторонне, считая свою роль за главную, тогда как вся сущность комедии в Николае и Людмиле. Нельзя сказать, чтоб я писал эту комедию наскоро, я целый месяц думал о сценариуме и сценических эффектах и очень тщательно отделывал сцены Николая и Людмилы, и мне кажется, они написаны не совсем глупо. Ты находишь *большую ошибку* в конце 3-го действия; а это сделано мною с умыслом 〈...〉 Потом ты находишь *главную ошибку* в том, что в 4-м акте из объяснения Николая с Лебедкиной видно, что он ее обманывает; по-моему, нисколько этого не видать. Если актер в этой сцене примет саркастический тон и будет насмешливо улыбаться, то уж он сделает ошибку, а не я; надо играть человека сконфуженного и озадаченного 〈...〉 Впрочем, если ты находишь нужным сделать некоторые сокращения, то делай» *(ПСС, XV, 23—24).*

В ноябре Островский читает свою пьесу в Москве с успехом: «...все находят ее одной из лучших моих пьес, а по постройке самой лучшей,— сообщает он Бурдину 15 ноября 1873 г.— Длиннот не находят решительно никаких, исключая первого монолога Людмилы, который я и сам считаю лишним. Я прошу тебя замарать его» *(ПСС, XV, 27).*

Этот монолог, составляющий первое явление первого действия, был вычеркнут Бурдиным из списка, хранящегося ныне в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде, и Островским из белового автографа, посланного для напечатания в «Отечественные записки». Впервые текст этого монолога Людмилы опубликован в Собрании сочинений А. Н. Островского под ред. Н. Н. Долгова *(т. 8, 1923, стр. 457).*

После опубликования пьесы в прессе появились статьи откровенно враждебные. Особенно развязен отзыв рецензента газеты «Гражданин», где Людмила названа «воровкой с цинизмом» и «нигилисткой». «Отчего вы не умерли до написания «Поздней любви»?»— обращается рецензент к драматургу и заключает свой отзыв: «Бесцеремонная постройка пьесы, еще более бесцеремонное обращение с психическою стороною своих героев, превосходящее даже бесцеремонность г. Дьяченко» *(1873, 3 декабря).*

В. Н. Буренин (Z) считает, что «содержание пьесы до такой степени странно 〈...〉 что могло быть выдумано только юным гимназистом» *(«Спб. вед.», 1874, 26 января).*

О «пустоте содержания» и «отсутствии характеров» в пьесе пишет С. Г. Герце-Виноградский в «Одесском вестнике» *(1874, 16 февраля).* «Слабые отголоски неосуществленного поэтического творчества», «возможность грандиозной концепции», не получившей «ни выражения, ни исхода», находит в пьесе рецензент «Голоса» *(1873, 27 ноября).* Особые возражения вызывает развитие сюжета пьесы, в частности последнее действие и развязка, которую, как

считают некоторые рецензенты, Островский строит на манер «французской мелодрамы» (*«Одесский вестник», 1874, 16 февраля*), но берется за это «неопытной и неумелой рукой» и «не справляется с задачами, которые он на себя принял» (*«Гражданин», 1874, 11 марта*).

«В пьесе нет ничего действительного, а все оказывается ни с чем не сообразным измышлением автора. Невероятность на невероятности»,—заключает рецензент «Сына отечества» (*1874, 5 февраля*).

Наиболее полно выразил позиции этой группы критиков В. Г. Авсеенко в «Русском мире». Оценивая творчество Островского в целом, критик связывает его с Гоголем в стремлении «изображать низменную, грубую среду». «Подобные произведения,— считает рецензент,— оказывают принижающее действие на публику, которая не выносит из театра никаких возвышающих впечатлений». В «Поздней любви» В. Авсеенко видит обычную для Островского пьесу, в которой поэтому «только безмерное количество грязи», и сомневается, чтобы «подобные пьесы могли заинтересовать кого-либо вне той самой подпольной среды, которой автор посвящает свою литературную плодовитость» (*1874, 1 марта*).

Вместе с тем некоторые критики, не ставя «Позднюю любовь» рядом с «капитальными пьесами, относящимися к первой половине ⟨...⟩ литературной деятельности» Островского, видели в ней «неоспоримые достоинства» (*«Спб. вед.», 1873, 30 ноября*). К ним рецензент относит живость первых двух актов, мастерски очерченные лица и, главное, язык пьесы, изобилующий, «как всегда у Островского, удачными, меткими, типическими выражениями». О той же «меткой наблюдательности, твердой обрисовке характеров и замечательной образности выражений» говорит рецензент «Голоса» (*1873, 30 ноября*).

К «отрадным и капитальным явлениям нашей современной драматической литературы» причисляет пьесу критик газеты «Новое время» (*1873, 30 ноября*).

Пьеса Островского была высоко оценена И. А. Гончаровым в его незаконченном очерке.

«Последние пьесы Островского встречаются и в печати и на сцене довольно холодно. Между тем пьесы эти, как справедливо было замечено кем-то, не хуже прежних. А две последние, именно — «Не все коту масленица» и самая последняя — «Поздняя любовь» — можно отнести к группе лучших его произведений» (*И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8, М., Гослитиздат, 1955, стр. 170*).

В защиту А. Н. Островского выступил и В. С. Курочкин в статье «Русский театр в Петербурге». Отвечая газетным рецензентам, которые «решаются наперекор фактам и здравому смыслу инсинуировать, что Островский исписался», он пишет: «...нужно изумляться тому, что Островский сделал и продолжает делать для русской сцены, не говоря уже об его таланте, нужно преклоняться перед его неоскудевающей любовью к делу и непреклонною твердостью воли, обнаруживающими его историческое призвание действовать на общую пользу» (*«Отеч. зап.», 1874, № 3*).

Лишь много позже была оценена и понята новая драматическая манера Островского, новая его сценичность. Об этом будет в 1900 г. говорить Вл. И. Немирович-Данченко: «Островский в некоторых драмах, как в «Бесприданнице» и «Поздней любви», вырабатывает очень интересную для авторского мастерства архитектонику ⟨...⟩

С этой точки зрения «Бесприданница» и «Поздняя любовь» по мастерству техники далеко оставляют за собой и «Грозу» и «Бедную невесту» и «Бешеные деньги». Вообще после «Ревизора» эти две пьесы едва ли не самые замечательные по технике» *(«Русская мысль», 1900, № 9)*.

«Поздняя любовь» была впервые поставлена на сцене Малого театра в Москве 22 ноября 1873 г., в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Маргаритов — С. В. Шумский, Людмила — Г. Н. Федотова, Николай — Н. Е. Вильде, Лебедкина — Н. А. Никулина, Дормедонт — Н. И. Музиль, купец — К. Ф. Берг, Шаблова — С. А. Акимова. Декорации к спектаклю были сделаны по эскизу П. А. Исакова.

«Я помню,— вспоминает Островский,— как Шумский благодарил декоратора Исакова за маленькую, бедную комнату в пьесе «Поздняя любовь». «Тут и играть не надо,— говорил он,— тут жить можно. Я как вошел, так сразу напал на настоящий тон» *(ПСС, XII, 233)*.

Пресса отнеслась к спектаклю неодобрительно, но отмечала тщательность отделки роли Людмилы Г. Н. Федотовой *(«Голос», 1873, 27 ноября)*.

В Александринском театре «Поздняя любовь» была дана в бенефис Ф. А. Бурдина, 28 ноября 1873 г. По просьбе Островского были сделаны новые декорации (см.: *Бурдин, стр. 184)*, драматург дает подробные инструкции относительно костюмов действующих лиц *(ПСС, XV, 27—28)*. Роли исполняли: Маргаритов — Ф. А. Бурдин, Людмила — Е. П. Струйская, Николай — А. А. Нильский, Лебедкина — В. К. Лядова-Сариотти, Дормедонт — Н. Ф. Сазонов, купец — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Шаблова — П. К. Громова.

На следующий день после спектакля Бурдин пишет Островскому: «Поздравляю тебя с успехом пьесы, за которую я сильно боялся ⟨...⟩ Накануне бенефиса явилась в «Голосе» корреспонденция из Москвы, обругавшая пьесу и объявившая, что она в Москве упала ⟨...⟩ Артисты были в ажитации страшной, рвались изо всех сил — и дело наше выгорело. Струйская была хорошо закостюмирована и хорошо играла. Лядова тоже, принимали их очень хорошо; у меня имела большой успех сцена в 4 действии. Сазонов был прекрасен» *(Бурдин, стр. 186)*.

«Публика отнеслась к новой пьесе с участием и уважением»,— пишет рецензент «Голоса» *(1873, 30 ноября)*. Из исполнителей выделяли Н. Ф. Сазонова и В. К. Лядову-Сариотти, которая «может причислить Лебедкину к лучшим ролям своего репертуара» *(там же)*. Считая неудачными «все сцены между Людмилой и адвокатом» и неудовлетворительной развязку пьесы, критик «Санктпетербургских ведомостей» заключает: «Каковы бы ни были недостатки новой пьесы г. Островского, она *смотрится с большим удовольствием* и, вероятно, долго не сойдет с репертуара. Публика отнеслась к ней сочувственно: автора вызывали, но его не оказалось в театре. После всех бездарностей, которые приходится смотреть каждую неделю, отдыхаешь на подобном произведении...» *(1873, 30 ноября)*.

Присутствовавший на одном из первых представлений Островский писал жене 9 декабря 1873 года: «По окончании пиесы,

когда публика узнала, что я в театре, подняла крик невообразимый, меня вызывали несколько раз» *(ПД)*. Однако драматург в целом остался недоволен петербургской постановкой, особенно исполнением Е. П. Струйской роли Людмилы. «Мне самому поставить эту пьесу в Петебурге не пришлось, я приехал туда после, когда она уже прошла несколько раз; в газетах я прочитал, что пьеса идет недурно. Струйская играет очень хорошо, но роль ее неблагодарна, и в ней встречаются странные и неисполнимые психологические неверности. Я пошел посмотреть, что творится на сцене и что там изображают вместо моей пьесы,— и вот что увидел: в последнем акте Струйская не обнаруживала никакой борьбы и в сцене между отцом и молодым человеком оставалась безучастной, и на слова отца: «Дитя мое, поди ко мне», вместо горького раздумья и короткого ответа: «Нет, я к нему пойду», она отвечала довольно весело: «Ах, нет, милый, добрый папаса, я к нему пойду!» (*ПСС*, *XII*, *212)*.

6 декабря 1873 г. «Поздняя любовь» была поставлена в Артистическом кружке в Москве. Об этом спектакле пишет Островскому старшина кружка М. И. Цуханов. «Вчера в публичном спектакле пьеса Ваша прошла великолепно. Еще первый акт прослушан был довольно холодно, но, начиная со второго, смех почти не прерывался ни на минуту; вызовы и аплодисменты были очень дружны〈...〉 артисты сами говорят, что они играли хорошо потому, что слышали Ваше чтение пьесы и старались держаться того тона, который Вы давали им при чтении» *(«Неизд. письма», стр. 597)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 13 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 27 раз (последний спектакль в Москве состоялся 9 сентября 1874 г., в Петербурге — 19 февраля 1878 г.).

Стр. 8

Изразчатое зеркало печи — выходящая в комнату поверхность печи, облицованная изразцами, то есть тонкой плиткой, покрытой глазурью.

Вольтеровское кресло — глубокое кресло с высокой спинкой, названное по имени французского писателя Вольтера.

Стр. 10

Выханжила — выпросила.

Стр. 10—11

...извозчика берет с биржи... — то есть с уличной стоянки, с извозчичьей биржи.

...на паре с пристяжкой... — две лошади, одна из которых запряжена сбоку от оглобель в помощь коренной.

...сосуд скудельный... — устаревшее книжное обозначение человека как бренного, слабого существа.

Стр. 14

Бауер Петр Иоган Людвиг — испанский консул, торговавший в Москве в 70-е гг. XIX в. иностранными винами.

Апелляционные дела — дела, связанные с обжалованием решения суда в высшую инстанцию.

И зачем только эти прокламации — здесь: заявления.

Стр. 16
Произволение — воля, желание.

Стр. 25
...никаких резонов не принимает — никаких уговоров не слушает.

Стр. 26
Рацеи — назидательные речи, поучения.

Стр. 30
Бурнус — женская верхняя одежда в виде накидки.

Стр. 31
Вантаж, авантаж — выгода.

Стр. 33
Стрельня — знаменитый ресторан (в Петровском парке), в котором был большой зимний сад с тропическими растениями, гротами, беседками, фонтанами, излюбленное место купеческих кутежей (См. *Словарь, стр. 203*).

Стр. 34
...в парк едем.— Парк — Петровско-Разумовский парк, куда выезжало на прогулки преимущественно московское дворянство.

Стр. 35
«Перикола» — популярная оперетта Оффенбаха (1819—1880), впервые поставлена в Петербурге в 1869 г. на сцене Александринского театра. Была широко распространена и в провинции.

Ведь его на цугундер...— призовут на расправу, к ответственности.

Яма — простонародное название московской долговой тюрьмы, которая находилась у Воскресенских ворот.

Кормовые — деньги, выдаваемые на прокормление.

Стр. 39
Опекунский совет — учреждение, ведавшее попечением о вдовах, сиротах и незаконнорожденных.

Стр. 41
«Пьяная улица» — название песни, печатавшейся в песенниках начиная с середины XIX в. в разных вариантах.

Стр. 42
Жюль Фавр — французский буржуазный политический деятель, по профессии — адвокат.

Стр. 45
Квартал — отделение городской полиции.

Стр. 47
Стряпчий — ходатай по делам, частный поверенный.

Стр. 50
Потрафлять — угождать.

Стр. 52
...гербовый лист в сорок копеек испортил...—Бумага с изображением государственного герба (или с наклеенными гербовыми марками),

на которой писались официальные документы, а также просьбы и жалобы. За гербовую бумагу взималась определенная плата, которая являлась формой государственной пошлины.

«Кольцо души девицы я в море уронил» — строка из «Песни» (1816) В. А. Жуковского. Впервые напечатана в 1818 г. в сборнике «Для немногих», а с 1827 г. встречается в песенниках.

Стр. 57
Коллежский асессор — по табели о рангах гражданский чин 8-го класса.

З. Блюмина

ТРУДОВОЙ ХЛЕБ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1874, № 11, ноябрь, стр. 5—68.

Отрывок из пьесы (явления 2—6 II д.) предварительно был опубликован в сборнике «Складчина» *(Спб., 1874)*, изданном в пользу пострадавших от голода крестьян Самарской губернии.

Рукописные источники:

отрывок белового автографа, опубликованный в сб. «Складчина» *(ПД)*;

писарская копия *(ЦПК)* — цензурный экземпляр с резолюцией: «К представлению безусловно дозволено. 15-го октября 1874 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм» *(ЛГТБ)*;

авторизированная театральная писарская копия *(АТК)* — режиссерский экземпляр Малого театра. Содержит полный текст пьесы, без подписи, но с авторскими поправками ошибок кописта: восстановлены пропуски, дописан текст песни в конце пьесы, вписаны латинские слова *(ММТ)*;

театральная писарская копия *(ТПК)* — суфлерский экземпляр Малого театра. Содержит полный текст пьесы. На титульном листе сверху надпись: «31 октября 1874 г. Передать Господину инспектору репертуара». После названия пьесы отметки режиссера: «С цензурованным экземпляром верно. Режиссер Лепин, 29 октября 1874 года. Впервые сыграна в Москве 28 ноября 1874 г., в бенефис Н. И. Музиля на М. Т.» *(ММТ)*.

Печатается по тексту Сочинений А. Н. Островского, т. IX, М., изд. Ф. И. Салаева, 1878, со следующими основными исправлениями по рукописям и журнальному тексту:

Стр. 61, строки 7—8
Восстановлен конец ремарки, снятый в издании Салаева:
«По занятию — учитель, промышляющий дешевыми частными уроками» (по *АТК*, *ТПК*, *«Отеч. зап.»)*.

Стр. 72, строка 2
«на фортепьянах» *вместо* «на фортепьяно» (по *АТК*, *ТПК*).

Стр. 73, строки 15—16
«Что ж такое за важность! Знаем-с. Копров» *вместо* «Что ж такое за важность! Копров» (по *АТК*, *ТПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 92, строки 8—9
«проклажаться-то нечего» *вместо* «прохлажаться-то нечего» (по *АТК*, *ТПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 94, строка 14
«обещал вам приятную» *вместо* «обещал приятную» (по *АТК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 96, строка 7
«их и нельзя не уважать» *вместо* «их нельзя и не уважать» (по *АТК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 98, строки 29—30
«не видывал» *вместо* «не видал» (по *АТК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 100, строка 22
«женского роду» *вместо* «женского рода» (по *АТК*, *ТПК*).

Э. Ефременко

5 февраля 1874 г. Островский пишет Ф. А. Бурдину о начале работы над новой комедией: «Я 〈...〉 занят каторжным образом; чтобы дать что-нибудь для сборника, я должен был обдумывать целую комедию и отделать из нее один акт» *(ПСС, XV, 31)*.

Речь идет о комедии «Трудовой хлеб» и отрывке из нее для сборника «Складчина», издаваемого Н. А. Некрасовым в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии.

Островский тяжело переживает отрицательную оценку прессой его последних пьес и пишет 8 марта 1874 г. Некрасову: «В последнее время я дошел до крайней нерешительности; обруганный со всех сторон за свою честную деятельность, я хочу быть прав хоть перед своей совестью; я не выпускаю нового произведения до тех пор, пока не уверюсь, что употребил на него все силы, какие у меня есть, а на *нет* и суда нет. Отрывок я кончу дней через пять непременно и пришлю Вам, а всю вещь кончу к апрелю, но возьму с собою в деревню и доставлю Вам к сентябрю. Мысль этой пьесы: девушка работница, но работница русская, в отрывке будет сцена эпизодическая и героини не будет; поэтому интерес пьесы преждевременным обнародованием отрывка нисколько не ослабится» *(ПСС, XV, 32—33)*.

Некрасов заинтересован в отрывке и отвечает 10 марта 1874 г. Островскому: «...мы будем ждать Вашего вклада до последней минуты» *(Некрасов, XI, 303)*.

13 марта Островский посылает в Петербург Некрасову начало отрывка с обещанием завтра выслать остальное. «Когда Вам вышлю остальное, сделайте одолжение, напишите мне, хорошо ли это и стоит ли печатать; сам я не могу собрать никаких мыслей в голове» *(ПСС, XV, 33)*. Не дожидаясь конца отрывка, Некрасов 14 марта успокаивает Островского телеграммой: «Получили за обедом. Читал Гончаров. Хохотали. Скорей конец» *(ГЦТМ, архив А. Н. Островского)*.

«Складчина, литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии» вышел 28 марта 1874 г. В нем был помещен отрывок из второго действия (2—6-е явл.) будущей пьесы.

Работа над «Трудовым хлебом» продолжается все лето, о чем Островский упоминает в письмах к Тургеневу от 14 июня *(ПСС, XV, 38)* и Н. А. Дубровскому от 22 июня и 31 августа *(ПСС, XV, 39, 43)*. Н. Ф. Сазонову, которому пьеса обещана для бенефиса,

драматург пишет 3 августа: «...уведомьте меня, когда Ваш бенефис, а я в конце августа (но никак не ближе) могу определить, когда пьеса будет непременно готова» *(ПСС, XV, 42)*.

К концу сентября работа закончена. 24 сентября Островский извещает Бурдина: «Трудовой хлеб» переписывается в Москве и будет у Вас в Петербурге дня через 4» *(ПСС, XV, 44)*.

Некрасов торопится закрепить новую пьесу за журналом и пишет 28 сентября в два адреса (в Москву и в Щелыково): «...распорядитесь, чтоб нам доставили Вашу пиесу (которую я, согласно Вашему письму, считаю за «От⟨ечественными⟩ з⟨аписками⟩»). Мы желали бы поместить ее в XI № «От. з.» этого года» *(Некрасов, XI, 334)*.

15 октября 1874 г. «Трудовой хлеб» «дозволен к представлению» драматической цензурой, 12 ноября — одобрен Театрально-литературным комитетом.

Первое действие новой комедии Островский читает на литературном вечере 18 ноября. 20 ноября пьеса читается в Артистическом кружке.

Пресса отнеслась к новой комедии весьма неодобрительно. «Одесский вестник» *(1874, 12 декабря)* называет Островского «померкшим светилом»; «Новый критик» (И. И. Кущевский) — «выдохшейся знаменитостью» *(«Новости», 1874, 6 декабря)*; «больно и досадно за драматурга»,— подводит итог критик «Санктпетербургских ведомостей» *(1874, 6 декабря)*. Содержание пьесы «не отличается ни единством, ни отделкой образов и картин» *(«Сын отеч.», 1874, 31 декабря)*; «Трудовой хлеб» по содержанию достигает пределов наивного» *(«Спб. вед.», 1874, 6 декабря)*; «пьеса производит чрезвычайно грустное впечатление, вследствие крайне низменного уровня ее внутреннего содержания»,— пишет В. Г. Авсеенко *(«Рус. мир», 1874, 4 декабря)*. Так оценивают пьесу большинство рецензентов. Более развернутый отзыв помещает в «Биржевых ведомостях» «Заурядный читатель» (А. М. Скабичевский). Критик считает, что жизнь требует от комедии теперь новых образов и новых точек зрения, а «у Островского носятся в воображении все те же старые и привычные образы, и выходит из этого невыразимая путаница». Так, поступки Наташи должны бы вытекать из ее образа жизни, а эта самостоятельная трудовая девушка поставлена в положение «безвольной героини, отдающейся своей страсти к первому встречному». Причину неудачи комедии Скабичевский видит не в падении таланта Островского, а в несоответствии между некоторыми новыми идеями пьесы и старой логикой поведения героев. «Лучше старое, доставившее г. Островскому непоколебимую славу, чем то вливание нового вина в старые мехи, которыми он ныне занимается» *(1874, 5 декабря)*.

Некоторые рецензенты отмечают своеобразие языка комедии *(«Спб. вед.», 1874, 6 декабря)*, мастерские штрихи в характерах Корпелова и Потрохова *(«Сын отеч.», 1874, 31 декабря)*; критик «Московских ведомостей» *(1874, 5 декабря)* считает возможным сопоставить Корпелова с Любимом Торцовым, Кулигиным, Оброшеновым. В способности Островского «высмотреть чисто русский характер, каков разночинец Корпелов» видит автор этой статьи положительную сторону комедии. Однако «мир захолустий, в котором с такой любовью теперь рисует типы г. Островский, никого не может интересовать» *(«Гражданин», 1874, 31 декабря)*. Жизнь этих людей, показанную просто, как она на самом деле происходит,

без сценических приключений сделать интересной нельзя, считает критик «Гражданина» Павел Павлов.

Почти все рецензенты выделяют как самый удачный второй акт, но считают, что он выпадает из всей пьесы и может быть выкинут без ущерба *(«Рус. вед.», 1874, 15 декабря)*. Остальные сцены «сшиты на живую нитку» *(«Сын отеч.», 1874, 31 декабря)*, в них «все совершается по щучьему велению» *(«Спб. вед.», 1874, 6 декабря)*.

28 ноября 1874 г. комедия Островского была поставлена в Москве, в Малом театре, в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Корпелов — С. В. Шумский, Наталья Петровна — Г. Н. Федотова, Копров — Н. Е. Вильде, Евгения Львовна — Н. А. Никулина, Грунцов — М. П. Садовский. Чепурин — Н. И. Музиль, Потрохов — И. В. Самарин, Потрохова — Е. Н. Васильева. Декорации к спектаклю были сделаны по эскизу П. А. Исакова, уже работавшего над декорациями к пьесе «Поздняя любовь».

Рецензенты отмечают определенный успех спектакля, особенно выделяя Самарина в роли Потрохова. «Во II акте не знаешь, чему удивляться — автору, создавшему тип, или актеру, вдохнувшему в него жизнь» *(«Голос», 1874, 3 декабря)*. Г. Н. Федотова не была достаточно проста и естественна в роли Натальи Петровны *(там же)*; у актрисы, считают критики, появился несвойственный героине трагический элемент *(«Рус. вед., 1874, 15 декабря)*.

В Александринском театре комедия «Трудовой хлеб» была поставлена в бенефис И. Ф. Горбунова, которому Н. Ф. Сазонов ее уступил еще в октябре. Островский уделяет много внимания подготовке спектакля, стремясь наилучшим образом распределить роли. «Роль учителя едва ли подойдет к тебе,— пишет драматург Ф. А. Бурдину еще 8 сентября,— она требует особенной подвижности: нужно петь, плясать, гримасничать 〈...〉 Отчего бы тебе не играть Потрохова? Эта роль хороша и требует отделки» *(ПСС, XV, 43—44)*. «О Грунцове нечего и говорить,— эта роль давно обещана Сазонову» (из письма И. Ф. Горбунову 27 ноября 1874 г.,— *ПСС*, *XV*, *46*). «Я сделал одно изменение: вместо Жулевой поставил Читау, которой эта роль (Потроховой.— *З. Б.*) более подходит» *(там же)*.

Спектакль был показан 18 декабря 1874 г. Роли исполняли: Корпелов — В. В. Самойлов, Наталья Петровна — М. Г. Савина, Евгения Львовна — Н.И. Хлебникова (Хлебникова 2-я), Грунцов — Н. Ф. Сазонов, Чепурин — И. Ф. Горбунов. Потрохов — Ф. А. Бурдин, Потрохова — А. М. Читау.

Пресса единодушно отмечает успех спектакля. Особенно высоко оценивают рецензенты исполнение М. Г. Савиной роли Натальи Петровны. «Давно уже мы не видели ничего прелестнее этого исполнения, которое было, можно сказать, насквозь проникнуто художественной правдой».— пишет газета «Голос» *(1874, 20 декабря)*.

О том же пишет «Незнакомец» (А. Суворин) в газете «Санктпетербургские ведомости»: «На сцене все кажется естественным, благодаря тому, что перед вами живые лица, даровитая артистка, глубоко схватившая роль Наташи. Как бесподобно передала она всякий оттенок своей роли». Критик отмечает «блестящий ансамбль» в спектакле, выделяет В. Самойлова в роли Корпелова, который «создал типическое лицо и прекрасно воспользовался всем тем, что

давала роль». «Давно ни одна пьеса Островского не имела такого успеха, как «Трудовой хлеб»,— заключает критик *(1874, 20 декабря)*.

«Трудовой хлеб» до сих пор игрался при полных сборах»,— пишет Ф. А. Бурдин Островскому 16 января 1875 г. *(Бурдин, стр. 201)*. Отзыв А. И. Вольфа, считавшего, что спектакль «не очень пришелся по вкусу публике, несмотря на то, что Самойлов (Корнелов), Сазонов (Грунцов) и Савина (Нат. Петр.) сделали все возможное для поддержания нового произведения Островского» *(А. И. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. II, Спб., 1877, стр. 54)* является исключением.

В сезон 1874/75 г. «Трудовой хлеб» был показан в Москве, в Артистическом кружке (см.: *П. Россиев, Артистический кружок в Москве.— «Исторический вестник», 1912, № 7*).

С 1875 по 1886 г. «Трудовой хлеб» прошел на частных сценах Москвы и Петербурга 18 раз, в провинциальных театрах — 67 раз.

В сезон 1894/95 г. «Трудовой хлеб» был возобновлен как в Малом, так и в Александринском театре, но в основном для утренних спектаклей.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 15 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 6 раз (последний спектакль в Москве состоялся 4 ноября 1875 г., в Петербурге — 15 января 1875 г.).

Стр. 61

Сак-пальто — полупальто свободного покроя.

Стр. 62

Сократ — древнегреческий философ, живший в V в. до н. э.

Возбряцать — поиграть.

Стр. 63

«Бегут быстротечные годы!» — говорит Гораций — цитата из «Од» («Carmina», II, XIV, 1—4) римского поэта Квинта Горация Флакка (65—8 гг. до н. э.).

Меценат — богатый римлянин, жил в I в. до н. э., прославился широким покровительством художникам, писателям и ученым. Имя его стало нарицательным для каждого богатого покровителя искусств и наук.

...пешешествуя по стогнам столицы семо и овамо...— Стогна (церк.-слав.) — площадь, широкая улица. *Семо и овамо* — туда и сюда. Все выражение имеет шутливый оттенок.

Сиречь — то есть.

Камер-Коллежский вал — земляной вал, которым в 1742—1752 гг. были окружены подмосковные слободы, включенные в черту города. С начала XIX в. перестал существовать, но название сохранилось.

Стадия — древнегреческая мера длины, равная 150—190 м.

Динарии, юноша, имеешь? — здесь вообще о деньгах. *Динарий* — древнеримская серебряная монета.

Зело — очень.

Стр. 66
Денег ни одного абага нет — нет ни копейки; *абаз* — мелкая восточная серебряная монета.

Профит — прибыль, барыш (*франц.* profit).

Стр. 67
Негоциант — купец, ведущий крупную торговлю. Здесь в ироническом смысле.

Канты — похвальные песнопения торжественного или религиозного содержания.

«*Среди долины ровныя...*» — песня, слова А. Мерзлякова, музыка Кашина. Благодаря красивой и легкой музыке песня проникла в широкие слои общества и воспринималась как народная.

Стр. 68
Салоп — род женской верхней одежды, очень широкое теплое пальто.

Стр. 69
Рожер (Роже, 1815—1879) — французский оперный певец, тенор. Здесь каламбур, построенный на созвучии фамилии певца и слова «рожа».

Мировой — судья, занимающийся разбором мелких гражданских и уголовных дел.

Стр. 70
Золотник — русская мера веса, около 4,26 грамма.

Денежка — в просторечье денежкой называли половину копейки.

Стр. 71
Крез — легендарный царь Лидии, владевший огромными богатствами; имя его вошло в поговорку: «богат как Крез».

Стр. 73
Таганка — район в Москве, заселенный в старину богатым купечеством.

Стр. 76
Диоген — древнегреческий философ (V в. до н. э.), проповедник строгой морали и аскетизма.

Пикет — карточная игра для двух лиц.

Стр. 78
Сам-пятнадцать — в пятнадцать раз больше.

Сам-друг — вдвое больше посеянного.

Стр. 79
«*Не уезжай*» — цыганский романс.

Стр. 80
Гульден — золотая, а затем серебряная денежная единица Германии, Австрии, Голландии.

Стр. 81
Сокольники — ближайшая к Москве дачная местность, с начала XIX в.— излюбленное место гулянья москвичей.

Стр. 82
Homo sum — человек есмь; начало латинской поговорки, заимствованной из комедии римского драматурга Теренция (183—158 гг. до н. э.) «Самоистязатель»: «Homo sum: humani nihil a me alienum puto» — я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

Стр. 83
Просвирня — женщина, которая печет просвиры (просфоры), небольшие хлебцы из пшеничной муки, употребляемые в обрядах православного богослужения.

Стр. 85
Полсема десятка — шестьдесят пять.

Стр. 87
Опоек, полувал, юфть — сорта кожи, выделанной из телячьей или коровьей шкуры. Здесь употреблено в качестве бранных слов.

Стр. 89
Забвенный — никчемный, не стоящий внимания.

Стр. 90
Гурин — владелец одного из старейших русских трактиров в Москве. Существовал до 1876 г,

Листовочка — водка, настоянная на листьях черной смородины.

Стр. 92
Орясина — дубина.

Скиф — здесь: дикий, грубый, неотесанный человек.

Стр. 94
Долговое отделение — тюрьма, в которую заключались несостоятельные должники.

Стр. 96
Заветные деньги — хранимые по завету, полученные.

Стр. 104
...выедет в эгоистке... — то есть в пролетке для одного седока.

Стр. 106
Блонды — шелковые кружева с желтоватым отливом. В Россию шли главным образом из Франции.

Стр. 111
Святки — праздничное время от рождества (25 декабря) до крещенья (6 января).

Стр. 112
«Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus» («Будем веселиться, пока мы молоды») — начало студенческой песни, возникшей из латинских застольных песен вагантов. Полный текст напечатан в сборнике «Старые студенческие песни», Спб., 1899.

З. Блюмина

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки». 1875, № 11, декабрь, стр. 5—126.

Рукописные источники:

черновой автограф пьесы *(ЧА)* с датой: 28 апреля 1875 г. *(ПД)*;

беловой автограф пьесы *(БА)* с авторской правкой, датой и подписью: «Конец. А. Островский, 28 апреля 1875 г.» *(ГБЛ)*;

литографированная писарская копия Малого театра *($ЛПК_1$)* — цензурный экземпляр. Содержит полный текст пьесы. Вверху титульного листа слева надпись: «Дозволено цензурою. Спб. 14-го октября 1875 г.». Справа — штамп: «27 октября 1875 г.» и помета режиссера: «С экземпляром, одобренным Театрально-литературным комитетом верно. И. о. главного режиссера Лепин». Ниже резолюция цензора: «К представлению дозволено. С. Петербург. 28 октября 1875 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм». С листа 41-го по 45-й (д. III, явл. 3) в литографированную копию вшит рукописный текст *(ММТ)*;

литографированная писарская копия *($ЛПК_2$)*, цензурованный экземпляр, без двух последних листов, с резолюцией цензора драматических сочинений Нилькгейма: «К представлению дозволено 28 октября 1875 г.» *(ГТБЛ)*.

Печатается по тексту Сочинений А. Н. Островского, т. IX, М., изд. Ф. И. Салаева, 1878, со следующими основными исправлениями по рукописным источникам и журнальному тексту:

Стр. 115, строка 30
«счетцем» *вместо* «счетом» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 116, строки 4—5
«как же так» *вместо* «как так» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 116, строка 6
«Пройдут» *вместо* «Придут» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 116, строка 8
«тогда вам всем» *вместо* «тогда вам» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 116, строка 20
«всеми манерами» *вместо* «всеми мерами» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 126, строка 16—17
«Осмелюсь вам доложить» *вместо* «Осмеливаюсь доложить» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 135, строка 1
«на свое кресло» *вместо* «на свое место» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 141, строка 30
«Мизинца они вашего» *вместо* «Мизинца вашего» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 147, строка 27
«меня вы должны» *вместо* «меня должны» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 152, строка 4
«окружали» вместо «окружили» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 154, строка 34
«Я не отвечала» *вместо* «Я отвечала» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 157, строка 33
«говори!» *вместо* «говорю!» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 163, строка 22
«конечно» *вместо* «кончено» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 164, строка 35
«Лыняев» *вместо* «Анфуса» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 166, строка 25
«попрошу вас» *вместо* «прошу вас» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 171, строки 5—6
«кончено» *вместо* «конечно» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 172, строка 32
«чего-то» *вместо* «что-то» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 175, строка 5
«не подумавши» *вместо* «не послушавши» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 176, строка 20
«Да Горецкий признался. Чего ж тебе!» *вместо* «Чего ж тебе! Да Горецкий признался» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 188, строка 21
«а лукавый-то» *вместо* «а лукавый» (по *БА*, *ЛПК*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 188, строка 26
«Все только» *вместо* «Вы только» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 193, строка 20
«не делал» *вместо* «не сделал» (по *БА*, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 201, строка 6
«порядочный!» *вместо* «нарядный!» (по *ЛПК*).

Стр. 203, строка 30
«Глафира Алексеевна» *вместо* «Глафира Николаевна» (по *«Отеч. зап.»*).

Э. Ефременко

Замысел пьесы мог возникнуть у Островского осенью 1874 г. в связи с окончанием большого процесса над игуменьей Митрофанией, обвиненной в мошенничестве и подлогах (4—20 октября 1874 г.). Возможно, что именно об этой пьесе драматурга упоминает Некрасов в своих письмах к нему от 10 ноября и 1 декабря 1874 г. (см.: *Некрасов*, *XI*, *343*, *344*). 26 марта 1875 г. Островский сообщал писателю А. А. Потехину: «новую пьесу начал недавно, и еще не знаю, успею ли хоть что-нибудь сделать до апреля» *(ПСС*, *XV*, *50)*. В апреле продолжается интенсивная работа, о которой, видимо, осведомлен Некрасов, настойчиво напоминающий: «...пришлите пьесу» (см. письмо от 26 апреля 1874 г.— *Некрасов*, *XI*, *358*). К концу апреля первоначальная редакция комедии была завершена, о чем можно судить по дате на черновом автографе: «Конец. 28 апреля 1875 г.».

Работа над пьесой продолжается в Щелыкове, где Островский проводит лето. «...пьесу «Волки и овцы» я не считаю оконченной,—

пишет драматург Ф. А. Бурдину 22 июля,— займусь ею в августе месяце и по окончании представлю в дирекцию» *(ПСС, XV, 51)*.

В августе была создана новая, значительно переработанная редакция пьесы, текст которой, перебеленный рукой Островского, также заканчивается пометой: «Конец. А. Островский. 28 апреля 1875 г.». Дата эта не соответствует времени создания этой редакции и, очевидно, механически перенесена из черновой рукописи.

Вторая редакция была отослана в «Отечественные записки» в августе, но вслед за этим Островский просит Некрасова отложить печатание комедии до получения нового текста (см. *ПСС, XV, 52*, письмо Бурдину от 27 августа). «Согласно Вашему желанию,— отвечает Н. А. Некрасов 1 сентября,— отлагаю комедию на одиннадцатую книгу «От⟨ечественных⟩ з⟨аписок⟩». Я откладывал прочтение ее до корректуры, но читавший ее Плещеев говорит, что это одна из лучших Ваших вещей вообще. Пришлите же новый текст» *(Некрасов, XI, 371)*.

К середине сентября, внеся ряд существенных поправок, Островский заканчивает работу над текстом пьесы, посылает рукопись В. И. Родиславскому и просит «переписать с нее поскорее два экземпляра» *(ПСС, XV, 53)*. В начале октября 1875 г. новый текст пьесы послан из Москвы в Петербург, о чем Островский сообщает Бурдину 10 октября: «...сегодня В. А. Крылов должен доставить Павлу Степановичу мою пьесу «Волки и овцы». Я послал Федорову письмо, в котором прошу его содействия, ты, с своей стороны, похлопочи тоже, чтобы пьеса скорей прошла в Комитете и цензуре и была литографирована» *(там же)*.

Тогда же, очевидно, новый текст пьесы был получен и «Отечественными записками». 11 октября «Волки и овцы» были одобрены Театрально-литературным комитетом, 14 октября — получено цензурное разрешение на отдельное литографированное издание, 28 октября пьеса разрешена театральной цензурой к представлению.

В процессе работы над пьесой Островский уходит от первоначальной близости сюжета к судебному делу игуменьи Митрофании. Меняется заглавие пьесы, названной вначале «Ловит волк, ловят и волка». Из первой редакции был изъят монолог Мурзавецкой, в котором видны явные следы вскрытых на процессе махинаций игуменьи. Изменены имена действующих лиц. Так, вместо Леонида Викторовича Глызина появился Аполлон Викторович Мурзавецкий, Леонтия Мартыновича Линёва сменил Михаил Борисович Лыняев, дворецкий Мардарий стал Павлином Савельичем.

В процессе работы над разными редакциями Островский стремился придать характерам более обобщающее значение, большую типичность.

Еще не поставленная и не напечатанная, комедия вызывает общий интерес. Литератор и педагог В. П. Острогорский просит разрешения Островского прочитать на литературно-музыкальном утре по корректурным листам «Отечественных записок» одну из сцен новой комедии *(«Неизд. письма», стр. 320)*. 15 ноября приехавший в Петербург Островский читал для артистов «Волки и овцы» и «устал до совершенного упадка сил» *(ПСС, XV, 55)*; 29 ноября он читает в Москве первый акт в Собрании в пользу Общества русских драматических писателей.

После появления комедии Островского в «Отечественных записках» многие рецензенты стали связывать ее содержание с недавно закончившимся судебным процессом игуменьи Митро-

фании. «Сюжет комедии заимствован целиком из текущей хроники событий»,— пишет Эксъ (А. П. Чебышев-Дмитриев) в «Новом времени» *(1875, 6 декабря)*; «комедия «Волки и овцы» плоха уже потому, что она намекает на недавние события»,— вторит ему «Театральный нигилист» (А. А. Соколов) в «Петербургском листке» *(1875, 10 декабря)*; «главная суть комедии в подлоге и фальсификации векселей»,— считает рецензент «Сына отечества» *(1875, 10 декабря)*. Эта группа критиков видит в «Волках и овцах» только «памфлет» *(«Голос», 1876, 4 февраля)*, «неудачный фарс» *(«Рус. мир», 1875, 29 ноября)*.

Далеко не вся современная критика поняла и оценила по достоинству новую комедию Островского. «Неясно, кому сочувствовать, кто кого обижает»,— недоумевает В. М. (В. В. Марков), рецензент «Санктпетербургских ведомостей» *(1875, 29 ноября)*. Своеобразное лицемерие Мурзавецкой показалось странным соединением черт «глупой бабы, купца-самодура и Ивана Грозного» *(«Рус. мир» 1875, 29 ноября)*. Тип хищника новой формации тоже не был осознан многими критиками. Рецензент «Сына отечества», пишущий под псевдонимом Эмъ, увидел в Беркутове просто «молодого помещика, ищущего руки Купавиной. Он все выводит на чистую воду, за что в награду за свою добродетель и получает руку Купавиной» *(1875, 29 ноября)*. Критик «Нового времени» тоже считает, что Беркутов не проявляет «волчьих качеств, он просто умный человек, избегающий скандалов» *(1875, 6 декабря)*.

Рядом с обвинением в невыдержанности характеров *(«Спб. вед.», 1875, 10 декабря)*, отсутствии ярко очерченных типов *(«Дело», 1876, № 6)* стоят упреки в карикатурности *(«Рус. мир», 1875, 29 ноября; «Спб. вед.», 1875, 29 ноября*; *«Иллюстрированная неделя», 1875, 14 декабря)*, искусственности вымысла *(«Голос», 1875, 10 декабря)*, неестественности положений и развязки *(«Петербургский листок», 1875, 10 декабря)*. «Пьеса не может быть названа художественной в строгом смысле»,— заканчивает свою «Литературную летопись» В. Марков *(«Спб. вед.», 1875, 29 ноября)*; «Островскому пора перестать писать для сцены»,— еще более категорично резюмирует «Театральный Нигилист» (А. Соколов) в «Петербургском листке» *(1875, 10 декабря)*.

В некоторых статьях, однако, сделана попытка более глубоко разобраться в общественном содержании комедии. Это главным образом провинциальная пресса. Так, критик Б. в газете «Одесский вестник» видит две группы хищников, изображенных в пьесе: «У одних волчьи склонности выражаются грубо, неумело, примитивно; у других все делается, повидимому, на чистоту, а между тем вся внутренняя махинация их действий показывает, что это волки, их маскирует только «овечья шкура». Вся разница между двумя категориями этих волков в манере действий: одни глупы, их образ действий ведется путем противозаконным, и они так и просятся на скамью подсудимых, другие «ловки», действуют на законной почве, хотя пускают в ход и не совсем нравственные средства ⟨...⟩ В обыденной жизни первые клеймятся названием «плутов», вторые «ловких людей». В этой статье Беркутов назван «главным волком пьесы». В современной жизни нет «истинно хороших людей,— считает критик,— на свете все волки да овцы, овцы да волки» *(1875, 24 декабря)*.

О значении образа Беркутова, увиденного Островским в современной жизни, пишет рецензент «Казанских губернских ведомо-

стей»: «Это волки, усовершенствовавшиеся в своем хищничестве, оставшиеся победителями в борьбе за существование с когда-то, казалось, грозными, непобедимыми волками — матушками Мурзавецкими и пройдохами Чугуновыми, на которых держался долго весь строй старой жизни». Особой заслугой драматурга считает рецензент «выявление волков новой породы, новой формации», к которым он причисляет не только Беркутова, но и Глафиру *(1875, 24 декабря)*.

Восторженно оценивает комедию Островского М. И. Писарев в письме к М. П. Садовскому от 11 декабря 1875 г. «Что за прелесть последняя комедия А. Н.! Я ей просто начитаться не могу! Какой могучий художник! Правда, читая ее, страшно становится за человека, жить среди того общества, где рыщут только ненасытные волки, ловя глупых, ленивых овец, и где эти овцы в тысячу раз отвратительнее, пожалуй, самих волков, смиренно, безропотно и гнусно, как рабы, подставляют свое горло под хищные зубы, довольные участью безответных жертв ⟨...⟩ Где дышать нечем, где жить невмочь. И что ужаснее тут, что в комедии нет ничего преувеличенного, ложного, карикатурного. Напротив, везде голая истина — проклятая, беспощадная... но неотразимая! Какой бы памятник воздвиг я Островскому за эту комедию!» *(«Театральное наследство», М., «Искусство», 1956, стр. 341)*.

«Наиболее удачной вещью из всего написанного Островским в последние годы» называет комедию «Волки и овцы» «Заурядный читатель» (А. М. Скабичевский) в статье в «Биржевых ведомостях» *(1875, 28 ноября)*. Комедию отличает сложная и затейливая интрига,— считает критик,— она самобытна, хороша по замыслу. Но само содержание пьесы в статье не раскрыто, а в сценичности комедии А. Скабичевский видит влияние на Островского западноевропейских образцов.

Впервые комедия «Волки и овцы» была поставлена в Александринском театре 8 декабря 1875 г., в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Мурзавецкая — А. М. Читау, Мурзавецкий — Н. Ф. Сазонов, Купавина — В. Н. Лядова-Сариотти, Лыняев — Ф. А. Бурдин, Глафира — М. Г. Савина, Беркутов — А. А. Нильский, Чугунов — К. А. Варламов, Горецкий — И. Ф. Горбунов, Анфуса Тихоновна — М. М. Александрова, Павлин — В. Р. Шемаев.

Островский обеспокоен ходом работы над спектаклем, жалеет, что из-за нездоровья не может присутствовать на репетициях (см. письма Бурдину 2 и 5 декабря 1875 г.; *ПСС, XV, 56, 57*). Брат драматурга, М. Н. Островский, пишет ему после премьеры об успехе спектакля, однако критика в целом отзывается о спектакле очень сухо. В театральных заметках «Сына отечества» отмечено, что пьеса была «изрядно разыграна» и «были вызовы автора» *(1875, 10 декабря)*, и критик И. Я. в журнале «Дело» упоминает, что «пьеса была дружно разыграна артистами и имела успех» *(1876, № 6)*. Большая же часть рецензентов отмечает «слабый успех» *(«Голос», 1875, 10 декабря)*, плохое исполнение *(«Спб. вед.», 1875, 10 декабря)* и т. п.

Особенно слаб был Бурдин в Лыняеве, пишет А. Соколов, рецензент «Петербургского листка». «Вместо ожиревшего барина, это был сладкий селадон» *(1875, 10 декабря)*. Роль Чугунова тоже была испорчена Варламовым, считает критик «Санктпетербургских

ведомостей» *(1875, 10 декабря)*. Савина «была очень мила и естественна в некоторых сценах ⟨...⟩ но все-таки находилась все время не в своей тарелке ⟨. . .⟩ Она кокетничала так, что казалось, будто бы наивная девушка только притворно кокетничает, готовая сама расхохотаться над своим напущенным лукавством» *(там же)*; «в ней слишком мало замечалось лицемерия» *(«Дело», 1876, № 6)*. Лучшими в спектакле, по мнению критики, были Читау — Мурзавецкая, «вся проникнутая ханжеством» *(«Всемирная иллюстрация», 1875, 20 декабря)*, и Сазонов — Мурзавецкий, готовый «из-за рюмки водки забыть о целом свете» *(«Спб. вед.», 1875, 10 декабря)*.

26 декабря 1875 г. «Волки и овцы» были поставлены в Московском Малом театре в бенефис Н. А. Никулиной. Роли исполняли: Мурзавецкая — Е. Н. Васильева, Мурзавецкий — М. П. Садовский, Купавина — Г. Н. Федотова, Лыняев — И. В. Самарин, Глафира — Н. А. Никулина, Беркутов — Н. Е. Вильде, Чугунов — С. В. Шумский, Горецкий — Н. И. Музиль, Анфуса Тихоновна — С. П. Акимова, Павлин — Д. В. Живокини (Живокини 2-й).

Спектакль был принят очень хорошо. Особенно высоко оценивали рецензенты игру Самарина, Васильевой, Никулиной, «ожиревшего барина», Лыняева, нельзя себе представить иным, чем каким изобразил его г. Самарин»,— пишет рецензент «Московских ведомостей» *(1875, 31 декабря)*. В отличие от Н. Ф. Сазонова, игравшего в Мурзавецком столичного пропойцу, М. П. Садовский, по мнению современников, подчеркивал в своем герое остатки человечности, вызывая и смех и жалость к этому провинциальному пьянице.

«В Москве мне несчастье,— пишет Островский Бурдину 19 января 1876 г.,— «Волки и овцы» идут с огромным успехом, но захворали Федотова и Никулина, и пьеса остановилась» *(ПСС, XV, 58)*. В сезон 1875/76 г. комедия в Москве прошла только 10 раз, в сезон 1876/77 г.— 4 раза, в сезон 1877/78 г.— 2 раза.

27 января 1893 г. в Московском Малом театре в бенефис М. П. Садовского «Волки и овцы» были возобновлены с выдающимся составом исполнителей: Мурзавецкая — Г. Н. Федотова, Мурзавецкий — М. П. Садовский, Глафира — Е. К. Лешковская, Купавина — М. Н. Ермолова, Анфуса Тихоновна — О. О. Садовская, Чугунов — Н. И. Музиль, Лыняев — А. П. Ленский, Беркутов — А. И. Южин, Горецкий — Н. И. Васильев.

«Я еще застал некоторые представления в Малом театре, которых нельзя забыть. Одно из них — была выдающаяся пьеса Островского «Волки и овцы»,— вспоминает В. А. Теляковский *(«Воспоминания, 1898—1917», Пг., 1924, стр. 151)*.

В сезон 1895/96 г. «Волки и овцы» были возобновлены в Петербурге в пользу фонда на устройство читальни в Костроме.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 16 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 19 раз (последний спектакль в Москве состоялся 16 октября 1877 г., в Петербурге — 12 мая 1882 г.).

С 1875 по 1886 г. пьеса прошла на частных столичных сценах 19 раз, в театрах провинции — 159 раз.

Стр. 115
Умбра — коричневая краска.

Бычок-опбечек — сосунок.

Стр. 116
...всем резолюция и выдет — решение судьбы, участи.

Комиссия — здесь: хлопоты, забота, затруднения.

Березинский табак — сорт нюхательного табака, куда для большей крепости подсыпали золу.

Стр. 117
Протори — издержки, расходы.

Подьячий — мелкий чиновник, ходатай по делам. Здесь с оттенком презрительного отношения.

Стр. 119
Фриштыкать — завтракать (от *нем.* das Frühstück).

Кантуют — кутят, пьянствуют.

Стр. 120
Ма тант — тетка (*франц.* ma tante).

...либо пудель, либо осечка.— Пудель (от нем. pudeln)—промах.

Стр. 122
Ма тант иррите — тетя раздражена (*франц.* ma tante irrite).

Атанде — подождите (*франц.* attendez).

Стр. 124
Пароль донёр—честное слово (*франц.* parole d'honneur.)

Соте — прыгать (франц.—sauter).

Стр. 125
Доне муа де ляржан — дайте мне денег (*франц.* donne moi de l'argent).

Енпё — немного (*франц.* un peu).

Стр. 126
Закоренелость — косность, упрямство.

Стр. 132
Телепень — неповоротливый, вялый, неуклюжий человек.

Гостиный двор — торговые ряды.

Стр. 133
Травленый — опытный, видавший виды.

Окружной (суд) — по уставу 1864 г. ведал делами, не подлежащими ведению мировых судей.

Стр. 135
Распетушье — кастрированный петух, каплун.

Стр. 137
Выханжить — см. прим. к стр. 10.

Стр. 139
Образная — комната, увешанная образами, перед которыми горят лампады, где стоит столик с молитвенником.

Стр. 141
Бланк — вексель, на котором на оборотной чистой стороне проставлены подпись, имя, отчество и полное звание векселедержателя. Такой бланк в случае денежных затруднений векселедержатель передавал частному лицу, получая с него часть денег по договоренности. По истечении срока векселя новый его владелец взимал с должника деньги обычным путем. В данном случае на подписанном Купавиной бланке могла быть проставлена любая сумма.

Стр. 145
Лесе — оставьте (*франц.* laissez).

Храмовый праздник — день, когда празднуется святой, во имя которого построена данная церковь.

Стр. 146
Маньифик — великолепно (*франц.* magnifique).

Муа — я (*франц.* moi).

Жаме де ма ви — никогда в жизни (*франц.* jamais de ma vie).

Стр. 147
Компрене ву — понимаете ли (*франц.* comprenez-vous).

Миль пардон — тысячу извинений (*франц.* mille pardon).

Стр. 148
Имажине ву — представляете, вообразите (*франц.* imaginez-vous).

Апрезан келькшоз — сейчас хоть сколько-нибудь (*франц.* à présent quelque chose).

Сетасе — достаточно (от *франц.* c'est assez).

Крамбамбулевая (чешск.— krampampule) — водка, настоенная на гвоздике, корице и вишневых косточках.

Кель иде! — Какая идея! (*франц.* quelle idée).

Стр. 149
Вуле ву — не желаете ли (*франц.* voulez-vous).

Же ву засюр — я вас уверяю (*франц.* je vous assure).

Антр ну дё — между нами (*франц.* entre nous deux).

Стр. 152
Буфф — театр легкого жанра в Петербурге.

Стр. 157
Астролябия — старинный геодезический прибор для измерения углов.

Стр. 163
Иси — сюда (*франц.* ici).

Мон анж — мой ангел (*франц.* mon ange).

Ен мо — одно слово (*франц.* un mot).

Стр. 164
Тезе ву — замолчите (*франц.* taisez-vous).

Стр. 165
Морген фри — завтра утром (от *нем.* morgen früh).

Моншер — мой дорогой (от *франц.* mon cher).

Сан-фасон — без церемоний (*франц.* sans façon).

Оревуар — до свидания (*франц.* au revoir).

Стр. 181
Межевой — землемер.

Стр. 189
Малёр — беда, несчастье (*франц.* malheur).

Адье, мон плезир — прощайте, моя радость (*франц.* adieux, mon plaisir).

Стр. 191
Скариот — искаженное Искариот. Иуда Искариот, по евангельскому сказанию,— один из ближайших учеников Христа, предавший его за 30 сребреников. Это имя стало синонимом предательства.

Стр. 192—193
Земство, земская управа — местное самоуправление, введенное в России с 1864 г., ведавшее хозяйством губернии или уезда.

Стр. 193
Предводитель дворянства — выборный представитель дворянского сословия уезда или губернии.

З. Блюмина

БОГАТЫЕ НЕВЕСТЫ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1876, т. 224, № 2, февраль, стр. 283—346.

Первое действие пьесы было напечатано в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцоговины», Спб., 1876. (Доход с этого издания шел в пользу семей повстанцев против турецкого ига в 1875—1876 гг.)

Рукописные источники:

черновой автограф *(ЧА)* — карандаш; полный текст пьесы, 34 стр. большого формата со вставками, подклейками, многочисленными вычерками, заменами и пр. На стр. 1 *ЧА* авторские даты: «Задумана 15 окт. 1875 г.», «Начата 24 окт. 1875». В конце рукописи подпись и дата окончания работы над *ЧА*: «А. Островский, 11-е ноября 1875 г. ($10^1/_2$ ч. вечера)». Последний слой *ЧА* близок к журнальному тексту, но между ними есть некоторые расхождения, иная редакция реплик и т. п. Видимо, работа продолжалась в неизвестном нам беловом автографе или в корректуре *(ГБЛ)*;

две писарские копии *($ТПК_{1-2}$)* Малого театра, суфлерский и режиссерский экземпляры. Немногочисленные карандашные исправления ошибок писца, неверно прочитанных и неразобранных слов, принадлежат, вероятно, Островскому (так как известно, что автор сам перечитывал копии), но писарской текст обеих *ТПК* все же изобилует описками и искажениями *(ММТ)*;

две писарские копии Александринского театра, обе с визой цензора Нилькгейма, разрешившего пьесу к представлению 15 ноября 1875 года *(ЛГТБ)*.

Все четыре театральные копии представляют интерес как источники, воспроизводящие текст неизвестного нам *БА*.

Готовя пьесу к публикации в Собрании сочинений в 1878 г., Островский значительно переработал текст, проведя большую стилистическую правку, сокращая длинноты, давая новую редакцию многим репликам и диалогам (см. *Варианты*). Четвертое явление первого действия, второе явление второго действия и финал были переписаны заново.

Печатается по тексту Сочинений А. Н. Островского, т. IX, М., изд. Ф. И. Салаева, 1878, с устранением опечаток и искажений по рукописям и журнальному тексту:

Стр. 223, строка 18
«у калитки своей дачи» *вместо* «у ворот своей дачи» (по *ЧА; неоконченная правка автора*).

Стр. 226, строка 14
«разве это легко» *вместо* «разве легко» (по *ЧА*, *ТПК*$_{1-2}$, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 233, строки 15—16
«мужем Валентины Васильевны» *вместо* «мужем Валентины» (по *ЧА*, *ТПК*$_{1-2}$, *«Отеч. зап.»*).

Стр. 246, строка 22
«Это манера» *вместо* «Эта манера» (по *ЧА*, *ТПК*$_{1-2}$, *«Отеч. зап.»*).

Пьеса «Богатые невесты», как и все произведения драматурга середины 70-х гг., создавалась в большой спешке, в предельно короткий (полмесяца) срок, в пору довольно бедственного материального положения. К тому же автора подгоняли постоянные настойчивые просьбы актеров-друзей написать новую пьесу к бенефису. Он ухитрялся писать даже в дороге, во время переезда из Москвы в Петербург. Так, 10 ноября 1875 г. Островский писал жене: «...доехал благополучно. Расскажу тебе все по порядку. Закусив немного в Клину, я перешел из средней залы в особое отделение, артельщик принес мне стол и свечи,— я сел писать и к половине двенадцатого закончил 3-й акт. Всю пятницу я сидел дома, переписал 3-й акт, который в вагоне был написан на маленьких бумажках и начал 4-й акт» *(ПД)*.

Едва поставив последнюю точку в черновике, Островский принялся за переписку набело, посадив рядом с собой трех писцов, снимавших копии с еще не просохших листов белового автографа.

12 ноября 1875 г. Островский из Петербурга писал Н. И. Музилю, которому была обещана новая вещь: «...пьесу я кончил, она переписывается в трех экземплярах; но ранее пятницы я послать ее к Вам никак не успею. В пятницу же она будет у цензора, а в субботу я сам буду читать ее в Комитете» *(ПСС, XV, 54)*.

Более подробно о своем труде он рассказывает В. И. Родиславскому в письме от 18 ноября 1875 г.: «Приехал в Петербург в пятницу 7-го числа и до 15-го сидел безвыходно и не разгибаясь дома, работая по 18-ти и более часов в сутки. 14-го числа утром я кончил

переписку набело «Бедные невесты» [1] и до вечера прочитывал три экземпляра ее, которые одновременно со мною переписывали писцы, и один из них отправил в цензуру. Вечером в тот же день я прочел пьесу дома для небольшого кружка знакомых. В субботу, 15 числа, я утром читал в Комитете «Бедные невесты» (4 акта) ⟨...⟩ В воскресенье я утром делал для артистов считку пьесы «Бедные невесты» *(ПСС, XV, 54—55)*.

15 ноября 1875 г. было получено одобрение Театрально-литературного комитета и в тот же день — цензурное разрешение. Сразу же копии были отправлены в театры, где и начались репетиции пьесы.

Премьера была показана в Александринском театре 28 ноября и в Малом — 30 ноября 1875 г.

13 декабря 1875 г. Некрасов в письме просит Островского: «Пьеса Ваша «Бог⟨атые⟩ нев⟨есты⟩» мне очень нужна для набора. Я ее не получил. Пришлите скорее» *(Некрасов, XI, 374)*. Перед отправкой пьесы в «Отечественные записки» драматург вносит в текст некоторые стилистические исправления. 16 января 1876 г. Некрасов извещал Островского о получении «исправленного экземпляра» пьесы и сообщал, что она будет помещена во втором номере журнала *(там же, 385—386)*. На этом этапе и закончилась работа автора над первой редакцией пьесы. Именно этот журнальный вариант (близкий к сценическому) был известен читателю и зрителю прошлого века, именно его оценивали критики в многочисленных статьях и рецензиях.

Пьеса вызвала очень противоречивые мнения. Среди «небольшого кружка знакомых», которым Островский читал пьесу «дома» 14 ноября (см. выше письмо Родиславскому), был Некрасов, оценивший очень высоко новую работу драматурга. Островский писал об этом жене 15 ноября 1875 г.: «Вчера вечером я читал пьесу дома, были: Сазонов, Бурдин, Горбунов, Некрасов, Максимов и еще кой-кто. Пьеса всем очень понравилась, а Некрасов расхвалил ее сверх границ» *(ПД; цит. по ст.: В. Лакшин, Островский и Некрасов. — «Наука и жизнь», 1973, № 4)*.

Весьма скептически отозвался о комедии М. Е. Салтыков-Щедрин в письме к Некрасову из Ниццы 4 марта 1876 г.: «А Островский что пишет,— ах, какой срам! Во всех четырех действиях только одна сцена и есть (когда герой спрашивает у девицы, почему она родственницей себя зовет?), все прочее — Дьяченко» *(Салтыков-Щедрин, XVIII, 348)*.

Журналы и газеты опубликовали множество самых разноречивых статей, так и не оценив истинные достоинства и недостатки пьесы. В значительной степени это объясняется тем фактом, что в середине 70-х гг. в критике не было крупной фигуры, определяющей направление критической мысли. В пухлых статьях о «Богатых невестах», как правило построенных на скучном пересказе содержания, встречаются то мелочные и необоснованные придирки, то бездоказательные восхваления.

30 ноября 1875 г., через день после того, как петербургская публика познакомилась с комедией, две столичные газеты поместили пространные отзывы о пьесе. Рецензент «Голоса» объявил, что Островский написал пьесу «сжатую по форме, стройную по

---

[1] Здесь и далее трижды описка Островского. Надо — «Богатые невесты».

сценарию, чуждую всяких искусственных эффектов». Каждое из шести действующих в ней лиц «необходимо для гармонии целого, и характеры всех их обрисованы с строгою последовательностью, как бы выхвачены из жизни». По мнению рецензента, герой новой комедии, «написанной от начала до конца в высшей степени правдиво и жизненно,— идеалист в самом благородном значении слова...»; особенно же хороша Белесова *(1875, 30 ноября)*.

Автор обзора в «Санктпетербургских ведомостях» (статья за подписью S), напротив, нашел, что пьеса «весьма странна, а мораль, которою она проникнута, до такой степени рутинна, что ее неловко слышать даже с подмостков Александринского театра». По его определению, «Богатые невесты» — произведение поверхностное, незрелое, по-детски задуманное; первое действие в ней лишнее, так как завязка начинается только во втором. Герой же по жалкому виду напоминает, скорее, пациента из водолечебного заведения. Лишь Пирамидалов выступает как «личность довольно забавно очерченная» *(1875, 30 ноября)*.

В дальнейшем критика продолжала либо расточать похвалы в адрес драматурга, либо безмерно поносить его пьесу. В тех же «Санктпетербургских ведомостях» была помещена статья В. М., который определил пьесу как «новое слово». Тема, которую развивает Островский, «совершенно небывалая в русской литературе: искупление падшей женщины посредством любви»,— это опыт «в котором блещут золотые искры таланта, слышится одушевление». Самым патетическим моментом пьесы критик находит сцену объяснения Белесовой с Цыплуновым, исполненную «большою психологическою правдою». Особо отмечает он финал, где «перед героинею, уже облагороженною влиянием любви, открывается впереди перспектива труда и серьезного отношения к жизни». «Из всех отечественных сценических произведений,— заключает В. М.,— в этой комедии впервые взята тема с общечеловеческим интересом, выходящая за рамки чисто национальных задач искусства...» *(1876, 6 марта)*.

В большинстве же случаев оценка прессы была отрицательной. Газета Краевского «Голос», только что восхвалявшая пьесу, допустила чрезвычайно недружественный выпад против Островского после авторского чтения первого акта на вечере Общества русских драматических писателей *(«Голос», 1875, 9 декабря)*. Отзыв прозвучал так грубо, что Некрасов счел необходимым написать Островскому письмо, в котором пытался объяснить поступок Краевского, являвшегося также издателем «Отечественных записок» (см. письмо от 13 декабря 1875 г.; *Некрасов, XI, 374)*.

«Биржевые ведомости» поместили статью «Заурядного читателя» (А. М. Скабичевского), который находил, что Островский «давно уже не писал ничего в такой мере слабого, как это произведение». Он отмечал в пьесе отсутствие «рельефности характеров и нравов русской жизни», особенно Цыплунов «уже совсем не личность, не характер, а какая-то ходячая на сцене отвлеченная формула добродетели». В способе самовыражения героев Островский,— по убеждению критика,— допустил «грубую и вопиющую ошибку против всех законов драматического искусства» *(1876, 5 марта)*.

«Сын отечества» назвал комедию «уродливейшим измышлением» *(1876, 10 марта)*, а обозреватель журнала «Дело» писал: «Содержание новой пьесы г. Островского довольно рутинно, отделка пьесы слаба, мораль — тошнотворна и с претензиями на проповедь»,

в комедии нет «ни типов, ни характеров, ни верности изображения действительной жизни, а есть только одни говорящие и резонирующие — хотя бы и на прекрасные и очень добродетельные темы — манекены» *(1876, № 6).*

Видимо, Островский сам не вполне был удовлетворен этой редакцией пьесы. Свидетельство тому — кардинальная переработка текста для тома Сочинений.

В Александринском театре премьера «Богатых невест» прошла 28 ноября 1875 г., в бенефис Е. М. Левкеевой. Роли исполняли: Белесова — М. Г. Савина, Гневышов — А. А. Нильский, Цыплунов — Н. Ф. Сазонов, Цыплунова — Е. Н. Жулева, Пирамидалов — И. И. Монахов, Бедонегова — Е. М. Левкеева.

Петербургская пресса очень сдержанно писала о премьере. Даже те журналисты, которые положительно оценивали пьесу, весьма критически отзывались об актерском исполнении. Единодушны были упреки в адрес Савиной. Так «Санктпетербургские ведомости» писали: «Г-жа Савина совсем не вдумалась в роль и изображала только г-жу Савину»; единственное, что удалось ей, это в финале второго акта «показать свое искусство в изображении нервных припадков» *(1875, 30 ноября).*

Очень резко писал о Савиной А. С. Суворин. Сцена объяснения Белесовой и Цыплунова, по мнению Суворина, «представляет такой блистательный материал, что можно заставить дрожать театр от рукоплесканий, но г-жа Савина проговорила всю эту сцену плохо, и было жаль драматурга, с созданием которого обращаются так легкомысленно, так неумело, так рутинно. Г-жа Савина, очевидно, совсем не поняла этой роли, не поняла женщины, которая от пренебрежения переходит к ненависти и от ненависти к любви ⟨...⟩ Прислушиваясь к суфлеру, г-жа Савина, однообразно повторяла доносившиеся до нее фразы, не придавая им никакого внутреннего значения» *(А. С. Суворин, Театральные очерки, Спб., 1914, стр. 464).*

Газета «Голос» писала, что эта сцена носила комичный характер, в чем повинен автор: он затрудняет актрису, заставляя ее четыре раза отсылать и возвращать Цыплунова *(1875, 30 ноября).*

Неудачным было признано исполнение Жулевой. «Г-жа Жулева (Цыплунова) *декламировала* свою роль, но не исполняла ее; то и дело при этом произносила она: «всо» вместо «всё», «рэбонком знала» вместо «ребенком», «дэньги» вместо «деньги», «бэдный» вместо «бедный» и т. под. Кто научил александринских актеров произносить так мудрено и смешно самые простые и обыкновенные слова?» *(«Дело», 1876, № 6).*

Некоторый успех выпал на долю Сазонова и Нильского. Сазонов «недурно представил маниака Цыплунова»,— писал рецензент «Санктпетербургских ведомостей». И он же считал, что Нильский «удачно изображал деревянного и бездушного генерала, ни одного слова не сказавшего от души» *(1875, 30 ноября).* Нильский «прилично изобразил генерала»,— отметил и корреспондент «Голоса» *(1875, 30 ноября).* Обе эти газеты сообщили, что автора вызывали по окончании спектакля, хотя это были робкие и не очень настойчивые вызовы.

Много лет спустя Савина вспоминала, что «Богатые невесты» не имели успеха в Александринском театре *(«Восп.», стр. 405).*

В Малом театре первое представление «Богатых невест» было 30 ноября 1875 года, в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Белесова — Г. Н. Федотова, Гневышов — С. В. Шумский, Цыплунов — Н. Е. Вильде, Цыплунова — Е. Н. Васильева, Пирамидалов — Н. И. Музиль, Бедонегова — С. П. Акимова.

Вопреки обыкновению, Островский не мог присутствовать на репетиции, и постановка осуществлялась почти без его участия. «Репетиции моей пьесы «Богатые невесты» идут целую неделю,— писал он Ф. А. Бурдину накануне премьеры,— а я не бываю на них; был только один раз и то простудился» *(ПСС, XV, 55)*.

Спектакль пользовался успехом у московской публики. Особо высоко критика ценила исполнение Г. Н. Федотовой. Рецензент «Московских ведомостей» писал: «Представление «Богатых невест» на Малом театре замечательно по игре г-жи Федотовой в роли девицы Белесовой. Такая игра по справедливости должна быть названа созданием роли. Белесова, какою мы ее видим на сцене, столько же принадлежит г-же Федотовой, сколько г. Островскому». В Федотовой — Белесовой «чувствуются существенные черты типа: вечная, непроходимая, придурковатая наивность, детская беспечность и беспечальность, сердечная доброта и простота, прибавьте к этому молодость, хорошенькую головку, недоумело-вопросительный взгляд и ребяческую речь. Тип, возбуждающий невольную жалость и смягчающий слово осуждения!» Федотова передала этот тип, заключает рецензент, «с глубокою правдой, с великим мастерством и артистическим талантом» *(1875, 31 декабря)*.

5 декабря 1875 г. после третьего представления Островский писал Бурдину: «Богатые невесты» идут у нас каждый день и с возрастающим успехом, а я еще их не видал» *(ПСС, XV, 57)*.

При жизни Островского театры ставили пьесу в ее первой редакции. В Москве, в Малом театре, пьеса прошла 10 раз, в Петербурге, в Александринском театре, 9 раз (последний спектакль в Москве состоялся 12 мая 1878 г., в Петербурге — 12 октября 1876 г.).

С 1876 по 1886 г. пьеса прошла на частных столичных сценах 17 раз. В провинциальных театрах — 34 раза.

Стр. 209

Действительный статский советник — по табели о рангах гражданский чин IV класса, соответствует первому генеральскому званию, генерал-майора.

Стр. 211

Вотчина — вид поземельной собственности в крепостнической Руси, передача земли по наследству от отца (отчина) к сыну. Здесь звучит иронически.

Стр. 214

Надворный советник — гражданский чин VII класса, соответствует военному званию подполковника.

Коллежский — коллежский советник — гражданский чин VI класса, соответствующий военному званию полковника.

Стр. 229

Филиппика — гневная обличительная речь, направленная против

кого-либо. Изначально так назывались речи древнегреческого оратора Демосфена против своего политического противника, Филиппа II Македонского.

Стр. 234
...на куаферов трачу...— на парикмахеров (*франц.* coiffeur).

...никакие куафюры... — то есть никакие прически (*франц.* coiffure).

Стр. 243
Неглижировать — то есть относиться небрежно, невнимательно (франц. — négliger).

Стр. 252
Вы в ажитации... — то есть в волнении (*франц.* agitation).

Л. Смирнова

ПРАВДА — ХОРОШО, А СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1877, № 1, январь, стр. 5—76.

Рукописные источники:

черновой автограф *(ЧА)* — карандаш, 38 лл. большого формата: обычные для *ЧА* вычерки, вставки, замены, переносы текста (перестановка целых явлений) и т. п. На л. 1 *ЧА* авторские даты «Начата [15] 29 сентября 1876 г.», «Кончена 3-го ноября», первоначальное заглавие пьесы — «Наливные яблоки» (это заглавие зачеркнуто и заменено на «Правда — хорошо, а счастье лучше») и первый список действующих лиц. На л. 36 об. авторская дата «Конец. 3 ноября 1876 г.». Последний слой *ЧА* близок к журнальному, но многие реплики и сцены существенно отличаются от первопечатного текста, имеют иную редакцию *(ГБЛ)*;

авторизованная писарская копия *(АПК)* — суфлерский экземпляр Малого театра, снималась несколькими писцами. Некоторые карандашные исправления ошибок, неразборчивых слов, пропущенных реплик в *АПК* принадлежат Островскому *(ММТ)*;

писарская копия *(ТПК)* — режиссерский экземпляр — интересная тем, что виза цензора здесь помечена 8 ноября 1876 г. На л. 1 *ТПК* среди многих служебных записей стоит: «К представлению дозволено. С. Петербург. 8 ноября 1876 года. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм». Этот же экземпляр проходил и Театрально-литературный комитет. Виза на *ТПК* за подписью П. Юркевича имеет дату 9 ноября 1876 г. *(ММТ)*.

Среди нескольких театральных копий Александринского театра две (литографированная и писцовая) также имеют визы цензора Нилькгейма, но датированы 15 ноября 1876 г. *(ЛГТБ)*.

Для Сочинений в издании Ф. И. Салаева Островский внес в текст некоторые исправления — произвел замены отдельных слов, вычерки нескольких фраз и т. п.

Печатается по тексту Сочинений А. Н. Островского, т. IX, М., изд. Ф. И. Салаева, 1878, с устранением опечаток и искажений по рукописям и журнальному тексту:

Стр. 267, строка 6
«сам себя поберегу» *вместо* «сам себя берегу» (по *ЧА*, *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 278, строка 36
«навещать будем» *вместо* «посещать будем» (по *ЧА*, *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 279, строка 6
«мещаночка забвенная» *вместо* «мещанка забвенная» (по *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 280, строка 39
«я сама найду» *вместо* «я сама пойду» (по *ЧА*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 281, строка 14
«топорной работы» *вместо* «токарной работы» (по *ЧА*, *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 285, строка 19
«и есть, да не даст» *вместо* «есть, да не даст» (по *ЧА*, *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 286, строки 39—40
«к празднику кто выкупит» *вместо* «к празднику кто выпустит» (по *ЧА*, *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 293, строки 42—43
«все себя заклинала» *вместо* «все себя проклинала» (по *ЧА*, *где слово* проклинала *исправлено на* заклинала).

Стр. 296, строка 7
«Куда ж это» *вместо* «Куда ж эта» (по *ЧА*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 297, строки 30—31
«в частных руках у интересантов» *вместо* «в частных руках у...» (по *ЧА*, *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 319, строка 15
«Никто не отнимет» *вместо* «Никто не отнимает» (по *ЧА*, *АПК*, *ТПК*, «*Отеч. зап.*»).

Самые первые наброски пьесы «Наливные яблоки» могли быть сделаны весной 1876 г. В письме к В. И. Родиславскому из Щелыкова 29 июня 1876 г. драматург упоминает о какой-то пьесе, обещанной к очередному бенефису Музиля и начатой еще в Москве *(ПСС, XV, 66—67)*. В мае — июле Островский работал над пьесами Соловьева, и только в августе 1876 г. он мог эпизодически обращаться к своей оригинальной пьесе. Но едва ли правильно все упоминания о напряженной работе («работаю не разгибаясь», «я теперь очень занят» и т. п.) в письмах за август — начало сентября соотносить с пьесой «Наливные яблоки», как это традиционно принято в литературе об Островском. В этот период драматург пытался реализовать многие свои планы и замыслы. По его собственному выражению, он «многое начинал, да все бросал...» *(ПСС, XV, 71)*. Не исключено, что наброски, сделанные весной 1876 г., также не были реализованы.

Островский обычно очень точно датировал свои рукописи, помечая даты возникновения замысла, начала и окончания работы.

В данном случае начало работы определяется двумя авторскими датами на л. 1 *ЧА* — 15 сентября (эта дата зачеркнута) и 29 сентября 1876 г. Очевидно, драматург приступил к работе над «Наливными яблоками» 15 сентября, а затем прервал эту работу и вернулся к ней лишь две недели спустя.

Писатель отверг первое название «Наливные яблоки», отказался от первоначальной фабулы, уточнил имена действующих лиц, основательно перекомпоновал все уже написанное. Возможно, что работа над этой второй черновой редакцией (зафиксированная в том же *ЧА*) началась 29 сентября, почему на черновике и появилась вторая дата.

В первых числах октября Островский еще не избрал окончательно новое название пьесы, да и работа шла не особенно интенсивно: «Название пьесы я тебе сообщу из Москвы,— писал он Бурдину,— скажу только, что это не комедия, а сцены из московской жизни и я им большой важности не даю. Все мое внимание и все мои силы устремлены на следующую большую пьесу...» *(ПСС, XV, 74)*.

Но чем дальше, тем настойчивее делались просьбы бенефициантов Бурдина и Музиля, работа становилась все более спешной и напряженной. «Теперь сижу день и ночь, оканчиваю пьесу»,— сообщает драматург Бурдину 25 октября *(ПСС, XV, 75)*.

Наконец 3 ноября 1876 г. пьеса готова и писатель в этот же день просит Бурдина организовать экстренное, пусть даже в воскресенье, заседание Театрально-литературного комитета, чтобы возможно скорее получить одобрение *(ПСС, XV, 75)*. Еще два дня потребовалось для переписки набело и снятия копий. 7 ноября Островский приезжает в Петербург с новой пьесой. На следующий день, 8 ноября, он добивается визы театрального цензора, а 9 ноября — одобрения Театрально-литературного комитета. Экземпляр пьесы (писарская копия) с этими двумя визами спешно отправляется в Москву, где на 18 ноября 1876 года назначен бенефис Музиля. Цензорская дата «15 ноября 1876 г.» на двух копиях Александринского театра, видимо, появилась в связи с формальной необходимостью иметь в театре цензурованные экземпляры и была проставлена цензором механически. В Александринском театре пьеса впервые прошла 22 ноября 1876 г.

В оценке пьесы «Правда — хорошо, а счастье лучше» Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин разошлись во мнениях. Некрасов отозвался о пьесе с похвалой. На письме И. Ф. Горбунова к М. В. Островской 15—16 ноября 1876 г. драматург сделал приписку: «Милочка Маша, пьеса моя произвела восторг, я ее читал у Некрасова. Театральное начальство обещает поставить в лучшем виде» *(ПСС, XV, 76)*. А Щедрин, вероятно, также присутствовавший на этой встрече, писал 25 ноября 1876 г. П. В. Анненкову, что эта пьеса ниже «Богатых невест» *(Салтыков-Щедрин, XIX, 82)*.

Сочувственно и с большим пониманием встретила пьесу актерская среда. С большим успехом Островский прочитал комедию актерам Александринского театра. М. Г. Савина вспоминала впоследствии: «Бурдин объявил нам, что Александр Николаевич дал ему свою новую пьесу «Правда — хорошо, а счастье лучше» для бенефиса и сам приедет читать. Чтение состоялось ко всеобщему

удовольствию, так как Островский читал превосходно...» *(«Восп.», стр. 405)*.

В критике о пьесе были в основном доброжелательные отзывы, хотя и на этот раз не обошлось без некоторого брюзжания и попыток во что бы то ни стало доказать, что Островский не создает больше новых типов. Зачастую даже в пределах одной небольшой статьи оценки были весьма противоречивы. Возможно, подобная неустойчивость мнений отчасти объясняется тем, что критики и рецензенты воспринимали пьесу на слух, в журнале она была напечатана через два месяца после театральных премьер.

Рецензент «Голоса», отметив как удачу автора образ старухи Барабошевой, Платона, унтера Грознова, назвав «прелестной» сцену комического любовного объяснения Платона и Поликсены, где оба характера «как нельзя лучше выдержаны: беспардонная правдивость Платона и родовые черты упрямства и самодурства Поликсены», заканчивает свою статью упреком Островскому в том, что он показывает вечно одно и то же — неподвижный купеческий мир, над которым бессильно веяние времени *(1876, 23 ноября)*.

«Санктпетербургские ведомости» отнесли пьесу к числу наиболее удачных. По мнению автора обзора, комедия при несложной и наивной фабуле «богата внутренним содержанием и необыкновенно мастерскою обработкой характеров. Все лица комедии живые и яркие сценические образы...». Объяснения Поликсены с Платоном и Барабошевой с Грозновым «написаны с мастерством тем более изумительным, что оно необыкновенно просто» *(1876, 24 ноября)*.

Автор театрального обзора в «Новом времени», напротив, не видит в пьесе никакого смысла и считает, что написана она «по образцу русских сказок, где Ванюшка дурачок дурит себе, дурит», пока не явится добрая волшебница и не сделает его царем. Платон «несмотря на все старания автора вышел довольно скучною, безжизненною личностью, каким-то дурачком-резонером». Мавра Тарасовна — это Кабаниха на новый лад. Она «не раздает зуботычины по-старинному, но распоряжается всем в доме и тиранствует над всеми не хуже своей старшей сестры по духу». При всем том обозреватель «Нового времени» находит в пьесе «много достоинств»: «Язык очень хорош; много попадается метких выражений; много также забавных комических сцен...» *(1876, 24 ноября)*.

Также двойственна оценка «Биржевых ведомостей» и «Русских ведомостей». Критик «Биржевых ведомостей» пишет, что новая комедия Островского «напоминает все пьесы последнего периода его деятельности, страдающие однообразием мотивов ⟨...⟩ спешностью работы, неудовлетворительностью развязки...», но отличается «необыкновенно комическими бытовыми подробностями, счастливыми выражениями и типичностью языка» *(1876, 24 ноября)*.

Почти с тех же упреков начинает и хроникер «Русских ведомостей». Новая комедия «не отличается богатством содержания и занимательностью интриги», характеры ее «не представляют собою новых типов и в большинстве суть повторение прежних». Но автор «Русских ведомостей» отмечает большую заслугу Островского в раскрытии «нового уголка открытого им темного царства, вводя нас в семью современного нам купечества, которое уже не носит смазных сапогов и полушубков, сменило небритую патриархальную бороду ⟨...⟩ которое знает также толк в шато-ла-роз и рейнвейне ⟨...⟩ не ложится спать с петухами, а проводит вечера как подобает цивилизованным людям — в клубе» *(1876, 26 ноября)*.

Автор дамского журнала «Модный свет» считает, что новая комедия Островского «остается все-таки самым выдающимся явлением, несмотря на все упреки в избитости темы, в искусственности концепции, в растянутости и недостатке единства 〈...〉 действия». Особенно хороша в ней сцена свидания: «характер правдивого Платона и капризная упрямая Поликсена очерчены здесь превосходно». Автор «Модного света» отводит упреки критиков в том, что Мавра Тарасовна — это вариант Кабанихи *(1876, № 46)*.

Безусловно отрицательными были отзывы в «Московских ведомостях» *(1876, 1 декабря)*, в «Русском мире» *(1877, 13 февраля)* и в «Сыне отечества» *(1877, 25 февраля)*. Две последние газеты повторили все придирки, уже ранее высказанные в прессе.

Впервые комедия была поставлена в Москве, в Малом театре, 18 ноября 1876 г., в полубенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Мавра Тарасовна — Н. В. Рыкалова, Барабошев — К. Ф. Берг, Поликсена — Н. А. Никулина, Платон — Н. И. Музиль, Зыбкина — Е. Н. Васильева, Филицата — С. П. Акимова, Грознов — С. В. Шумский, Мухояров — М. П. Садовский, Глеб — Д. В. Живокини (Живокини 2-й).

Несмотря на то, что пьеса шла при неполном зале, несмотря на бедность внешнего оформления («В Москве отказали в ничтожном расходе на садовую беседку, которую бенефициант Музиль сделал на свой счет»,— писал впоследствии Ф. А. Бурдин. — «*Вестник Европы*», *1886, кн. 12, стр. 673*. Об этом случае рассказывал и Островский в официальной записке «О причинах упадка драматического театра в Москве».— См.: *ПСС, XII, 150)*, спектакль прошел под аплодисменты зрителей. Это признавали даже журналисты, критически оценивающие пьесу. «Пьеса смотрится не без удовольствия»,— отметили «Русские ведомости». Музиль «много задушевности и теплоты внес своею простою и естественною игрою...». Автор «Русских ведомостей» выделял также Никулину, которая «прекрасно исполнила роль Поликсены», Рыкалову и Шумского. Очень художественно вышел у Шумского — Грознова рассказ о давней связи с Маврой Тарасовной и «отповедь» отсутствующему Мухоярову *(1876, 26 ноября)*.

С особенным энтузиазмом демократический зритель воспринял монолог Платона в третьем действии. Д. Аверкиев, тенденциозно обругавший пьесу и допустивший в своей статье грубые, оскорбительные выпады против актеров, писал: «Монолог о просвещении произвел сенсацию в галлерее, и двое тамошних зрителей закричали: «Автора!» *(«Моск. вед.», 1876, 1 декабря)*. Это повторялось и на последующих представлениях. Через три месяца после премьеры обозреватель «Новороссийского телеграфа», видевший спектакль в Москве, писал: «Дети Москвы» встретили монолог Платона шумными рукоплесканиями и вызывали автора» *(1877, 19 февраля)*.

После премьеры спектакль прошел еще 9 раз и сошел со сцены со смертью Шумского. Пьеса была возобновлена в Малом театре лишь через двадцать лет — 17 августа 1897 г.

В Петербурге, в Александринском театре, пьеса впервые была сыграна 22 ноября 1876 г., в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Мавра Тарасовна — А. М. Читау, Барабошев — Ф. А. Бурдин, Поликсена — М. Г. Савина, Платон — Н. Ф. Сазонов, Зыбкина — В. В. Стрельская, Филицата — П. К. Громова, Грознов —

К. А. Варламов, Мухояров — И. Ф. Горбунов, Глеб — В. И. Виноградов.

Островский присутствовал на премьере, которая прошла с большим успехом и была хорошо принята прессой. Все газеты писали, что автора многократно вызывали — после третьего действия, признанного лучшим, и по окончании пьесы. Отмечали дружную и ровную игру актеров, и особенно все восхищались игрой Савиной и Сазонова. «Сценический успех пьесы в сегодняшнем ее исполнении на сцене Александринского театра, был полный,— писал рецензент «Голоса»,— автор дружно и много раз был вызван после третьего (лучшего) акта и в конце пьесы. Успеху комедии содействовало ровное вообще исполнение ее и особенно прелестная игра г-жи Савиной и г. Сазонова. Из других исполнителей заслуживали некоторой похвалы г-жа Стрельская и г. Горбунов» *(1876, 23 ноября).*

Обозреватель «Биржевых ведомостей» также писал, что комедия имела значительный успех, автора вызывали «бесчисленное множество раз, после 3-го акта и по окончании пьесы, вызывали громко, дружно, восторженно. Он выходил на сцену с артистами и один». Савина и Сазонов очень забавно разыграли сцену любовного свидания в саду. Савина была безупречна, хотя до того не играла купеческих дочек. «Живее и реальнее других были г. Горбунов и г-жа Стрельская» *(1876, 24 ноября).*

По мнению В. Марова, Савина «сумела выделить типичные стороны характера Поликсены и создать живую личность» *(«Модный свет», 1876, № 46).*

Островский был очень доволен Сазоновым в роли Платона. Он писал впоследствии, что «исполнение роли правдолюбивого приказчика в комедии «Правда хорошо, а счастье лучше» было уж совсем артистическое» *(ПСС, XII, 223).*

Пожалуй, единодушно театральная критика осуждала только игру Читау и Бурдина. «Санктпетербургские ведомости» отмечали: «Роль Барабошевой, ехидной самодурки, была непонята г-жою Читау ⟨...⟩ Бенефициант тоже был плох». «Превосходное и довольно новое» в купечестве лицо Барабошева «было воспроизведено фальшиво и бледно» *(1876, 24 ноября).*

То же считал и рецензент «Нового времени», вообще скептически оценивший и актерское исполнение и саму пьесу. «Верно схваченный, резко очерченный тип Мавры Тарасовны совершенно пропадал и стушевывался в бесцветном исполнении г-жи Читау» *(1876, 24 ноября).*

Варламов, сыгравший в премьере Грознова, вызвал упрек критики за излишне сдержанную и сухую игру. «Г. Варламов играл несколько суховато; недостаточно жизни и комизму было в этом храбром воине»,— писали «Биржевые ведомости» *(1876, 24 ноября).* Со временем актер внес в эту роль много выдумки, комических штрихов, доведя свое исполнение до блеска.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 10 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 25 раз (последний спектакль в Москве состоялся 6 сентября 1879 г., в Петербурге — 15 февраля 1884 г.).

С 1876 по 1886 г. пьеса прошла на частных столичных сценах 37 раз, в провинциальных театрах — 138 раз.

Стр. 270

...без ундера никак нельзя.— Унтер-офицер в царской армии —

начальствующий нижний чин, осуществляющий непосредственное обучение солдат (*нем.* Unteroffizier, от unter — под, низший, и Offizier — офицер). Звание не давало никаких сословных преимуществ.

...с кавалерией...— то есть с орденами и медалями (кавалер орденов). Поначалу «кавалерией» называлась орденская лента, которую носят через плечо.

Стр. 271
Негоциант — см. прим. к стр. 67.

...физиономия опойковая...— то есть телячья; переносно —послушная, невозражающая; опоек — теленок-сосунок, а также название выделанной телячей кожи.

...суздальского письма — здесь в смысле — старообразного по внешнему виду.

Стр. 272
Камуфлет — взрыв мины для разрушения минных подземных работ противника (от *франц.* le camouflet). Переносно — неожиданная обида, подвох, неприятность.

Стр. 273
Сто твоих помирил, да пятьсот в гору — жаргон картежников; определяет очень удачную игру на выигрыш.

Охотный ряд—название одного из рядов торговой Москвы, где находились мясные и рыбные лавки и продавали дичь, битую и живую домашнюю птицу и т. п. Впоследствии, по упразднении торговых рядов, осталось как название одной из центральных улиц. Ныне — отрезок проспекта Маркса приблизительно от улицы Горького до Большого театра.

Гласный — выборный член местного самоуправления, обладающий правом решающего голоса.

Стр. 274
Балакирев Иван Александрович (1699—1763) происходил из старинного дворянского рода, был доверенным слугой Петра Великого и Екатерины I. Впоследствии был официальным шутом императрицы Анны Иоанновны. Славился своим остроумием и смелостью. С 30-х гг. XIX в. в России издавались многочисленные сборники анекдотов о Балакиреве, в частности «Собрание анекдотов Балакирева» (М., 1830), «Полные избранные анекдоты о придворном шуте Балакиреве, любимце Петра I» (М., изд. К. А. Полевого, 1836) и многие другие. Всего было свыше семидесяти изданий.

Стр. 275
У нас, коммерсантов, время даже дороже денег считается.— Перефразировка широко известного афоризма «время — деньги» из книги американского ученого и политического деятеля Вениамина Франклина (1706—1790) «Совет молодому купцу» (1748).

Стр. 278
Яма — см. прим. к стр. 35.

Стр. 279
Забвенная — см. прим. к стр. 89.

...за свое образование — я личный почетный гражданин.— Звание личного почетного гражданина утверждено указом от 10 апреля 1832 г. для некоторой части городских обывателей. В частности, это звание получали лица, окончившие Коммерческое училище. Звание личного почетного гражданина освобождало от телесного наказания, рекрутской повинности и подушного оклада (налога).

Стр. 280
...не под кадрель — то есть не под пару. Кадриль — танец, исполняемый парами, движущимися навстречу друг другу.

Стр. 281
...на рукавах нашивки...— Нашивки на рукаве мундира нижнего чина могли быть двух родов. Из серебряного или золотого галуна на левом рукаве, выше локтя, углом книзу — давались как награда за сверхсрочную службу. То же на левом рукаве, ниже локтя, углом кверху — означало, что нижний чин является кандидатом в офицеры, но не производится из-за отсутствия вакансии или по каким-либо иным причинам.

Стр. 282
Преображенское — бывшее село или слобода на берегу Яузы под Москвой. В первой половине XIX в. здесь возникли фабрики, строились заводы. Преображенское стало рабочей окраиной Москвы.

Стр. 282—283
...кандидат, на линии офицера ∽ вахмистр...— Все это говорится Филицатой для красного словца. Грознов не может быть кандидатом в офицеры, так как он уже более двадцати лет в отставке. Вахмистром (название унтер-офицера в кавалерии) Филицата называет своего ставленника, также желая придать ему больший вес.

Стр. 285
Браилов (ныне Брэйла или Браила; Румыния) — город на левом берегу Дуная, где сходятся два рукава реки. Прежде был сильной турецкой крепостью, игравшей в военном отношении важную роль во всех столкновениях России с Турцией в конце XVIII— начале XIX в.

Стр. 288
Матросская богадельня — Екатерининская Матросская богадельня, устроена в 1787 г. на северо-восточной окраине Москвы за Сокольниками (в Лефортовской части). При Петре I на этом месте была матросская казарма и матросская слобода.

Стр. 292
«Если б завтра да ненастье, то-то б рада я была...».— Эта песня приписывается Е. С. Сандуновой (1772—1826), выдающейся оперной певице, исполнительнице русских народных песен. Исполнялась на мотив «Вечор поздно из лесочку...» (см. *М. И. Пыляев, Старая Москва, Спб., 1891, стр. 137).* В разных вариантах вошла во многие собрания, в частности в «Новейший российский избранный песенник...» *(Спб., 1819, стр. 84).*

Разгуляй — название местности в Москве в Басманной части (ныне Баумановский р-н), по знаменитому кабаку «Разгуляй», бывшему

там в XVII—XVIII вв. С начала XIX в. в этом районе Москвы возникло множество мелких и крупных ткацких заведений и фабрик.

Стр. 293

...перед турецкой войной... — вероятно, имеется в виду кампания 1828—1829 гг.

Стр. 294

Царю мой и боже мой! — Обращение, часто повторяемое в церковных молитвах *(Псалтырь, Пс. 5, стих 3; Пс. 83, стих 4 и др.).*

Стр. 297

...дисконтируй! — Дисконт — досрочный учет векселя. Частное лицо или банк принимали от векселедержателя вексель до наступления срока платежа. Получая по векселям деньги досрочно, векселедержатель выплачивал за это определенный процент и терял таким образом некоторую (иногда весьма значительную) сумму денег.

Ильинка (ныне ул. Куйбышева) — деловой центр старой Москвы, где находились банки, гостиный двор, торговые учреждения, биржа.

...мой бланк чего-нибудь стоит? — См. прим. к стр. 140.

Стр. 298

Приидите, поклонимся! — шутливо-ироническое использование текста Священного писания: «Приидите, поклонимся и припадем преклоним колена пред лицом господа, творца нашего» *(Псалтырь, Пс. 94, стих 6).*

Эпитимья — церковное наказание, определяемое священником за какое-либо прегрешение. Обычно — длительные молитвы, пост во внеустановленное время, ежедневные обязательные поклоны и т. п.

Петров день — церковный праздник в честь апостолов Петра и Павла, 29 июня ст. ст.

Стр. 299

Цапцапарель — сассапарель, хинный корень (Smilax China). Настойка хинного корня употреблялась как лекарство, избавляющее от последствий пьянства *(Словарь, стр. 229).*

Стр. 300

Мера — бытовавшая в народе единица измерения, равная по весу приблизительно 1 пуду (16 кг).

Стр. 306

Променаж — прогулка, гуляние (*франц.* promenade).

Стр. 308—309

Много серебра-то? ∽ Хорошо, у кого серебра-то много. — Количество в доме серебряной посуды и утвари считалось в Замоскворечье эквивалентом богатства, хотя абсолютная его ценность была невысока. В перечне приданого опись серебра следовала сразу за описанием икон, часто даже до перечня драгоценностей. Бытописатель Замоскворечья Н. Скавронский пишет: «За божиим милосердием следует серебро: столовое, чайное,— в старину самовары, умывальники, тазы, серебро, которое так еще недавно покоробило своею несостоятельностию: серебра, особенно у людей богатых,

бывает очень много 〈...〉 Любовь к серебряным вещам составляет одну из характерных черт описываемого нами общества; в редком доме не найдешь пяти-десяти фунтов, а у зажиточных целые пуды...» *(Н. Скавронский, Очерки Москвы, вып. I, М., 1862, стр. 201).*

Стр. 310
...куражу не теряю — мужества не теряю (*франц.* le courage).

...к Кирилушке.— Москва прошлого века изобиловала юродивыми, «дурачками», кликушами, ворожеями, предсказаниям которых в простонародье придавали мистический характер. Их советами широко пользовалась отсталая часть патриархального темного купечества, за счет которого в основном содержались наиболее знаменитые и модные из этих «предсказателей» (см.: *И. Г. Прыжов, 26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков, М., 1865).* Прыжов рассказывает о знаменитом «предсказателе» Кирюше, или Кирилушке, жившем на Зацепе. Он умер задолго до написания пьесы.

Стр. 316
...в Гавриковом, у Богоявленья — то есть неподалеку от церкви Богоявления (сохранившийся поныне так называемый Елоховский собор).

Стр. 319
«Вот на пути село большое» — песня композитора П. П. Булахова на слова Н. Анордиста, издателя «Альманаха на 1840 г.» *(М., 1840).* Входит во многие песенники — с 1850-х гг. *(«Песни и романсы русских поэтов», М., 1965, стр. 577 и 1031).*

...преферанс возьмет? — то есть возьмет верх, преимущество (*франц.* préférence — предпочтение).

Л. Смирнова

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1878, № 1, январь, стр. 5—120.

Рукописные источники:

черновой автограф *(ЧА)*, 58 двойных листов большого формата, карандаш. *ЧА* имеет большую правку, вычерки, вставки на полях и отдельных листках, перестановку сцен и т. п. *(ГБЛ).*

На л. 9 *ЧА* зафиксированы первые из известных нам набросков комедии и авторские даты: «Задумана в декабре 1874 г.», «Начата 24 августа 1877 г.» На этом же листе к первой дате есть сноска и примечание автора: «В черновых бумагах первоначальный план и сцены, написанные в 1875 и 76-м годах» (Этими материалами мы не располагаем). На л. 57 об. дата окончания: «Конец. 11 октября 1877 г.» Но 11 октября работа над черновиком не завершилась. На л. 1 об. есть еще одна запись Островского, сделанная очень нетвердой рукой: «Последняя жертва. Комедия в 5 д. Начата 1-го сентября, кончена с перепиской 21 октября в $2^1/_2$ часа полуночи 1877 г.» И, наконец, последняя дата, проставленная на финальной сцене четвертого действия *ЧА*, л. 47 чернилами: «26 октября». Это и следует, видимо, считать датой окончания работы.

На л. 9 *ЧА*, где зафиксированы первые наброски, есть два первоначальных названия комедии — «Жертвы века» и «Попечители», а также краткое содержание ее (см. стр. 485).

По содержанию, организации сюжета в явления и действия последний слой *ЧА* близок к журнальному тексту. Но отдельные реплики имеют существенное расхождение,— видимо, стилистическая работа велась в неизвестном нам беловике.

Среди театральных копий интересна авторизованная копия *АПК* — режиссерский экземпляр Малого театра. Исправления неверных написаний копии принадлежат здесь Островскому *(ММТ)*. На *АПК* и на одной из копий, хранящихся в *ЛГТБ*, есть аналогичные записи Театрально-литературного комитета от 22 октября 1877 г., с одобрением к представлению на сцене. Даты цензурного разрешения, проставленные на копиях, различны. Наиболее ранняя из них — на копии, хранящейся в *ЛГТБ*,— 23 октября 1877 г.

Как очевидно из даты на *ЧА* («26 октября»), Островский, отослав копию пьесы в Петербург, еще некоторое время работал над текстом.

Готовя пьесу для Собрания сочинений, Островский внес в текст многочисленные стилистические исправления, сократил некоторые сцены. Печатается по тексту Сочинений А. Н. Островского, т. IX, М., изд. Ф. И. Салаева, 1878, с устранением опечаток и искажений по рукописям и журнальному тексту:

Стр. 326, строки 33—34
«уж рада ль, не рада ль» *вместо* «уж рада не рада ль» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 328, строка 15
«что нам до чужих» *вместо* «что нам о чужих» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 328, строка 18
«как его величать-то» *вместо* «как величать-то» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 339, строки 39—40
«Придется выслушать» *вместо* «Придется выслушивать» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 343, строка 40
«на какого отца попадешь» *вместо* «на какого отца нападешь» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 351, строки 28—29
«В жизни и вдруг роман» *вместо* «В жизни вдруг роман» (по *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 355, строка 25
«больше всех певиц бриллиантов имела» *вместо* «больше всех бриллиантов имела» (по *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 357, строка 6
Восстанавливается пропущенная реплика: «Флор Федулыч. Вот, извольте-с. (Подает деньги.)» (по *ЧА*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 364, строка 6
«Из клуба выходят» *вместо* «Из глубины выходят» (по *ЧА. АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 367, строка 13
«меня бы туда и калачем не заманить» *вместо* «меня туда калачем не заманишь» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 371, строки 24—25
«Позвольте вас просить» *вместо* «Позвольте просить» (по *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 373, строка 4
Восстанавливается пропущенная ремарка: «На авансцену выходят» (по *АПК*, «*Отеч зап.*»).

Стр. 382, строка 27
Восстанавливается пропущенная ремарка: «Входит Михевна с картоном» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 382, строка 30
«подвенечный» *вместо* «подвенчальный» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 387, строка 14
«так у нас многие» *вместо* «то у нас многие» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 388, строка 3
«да после рассудил» *вместо* «да после раздумал» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 389, строка 36
«вечерком забегу» *вместо* «вечерком заеду» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 392, строка 24
«Отчего ж он не показался» *вместо* «Отчего же не показался» (по *ЧА*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 392, строки 27—28
«Что он сделал» *вместо* «Что же сделал» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 395, строки 36—37
«Едва держится на ногах» *вместо* «Едва держится» (по *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Стр. 408, строка 35
«мучить меня» *вместо* «смутить меня» (по *ЧА*, «*Отеч. зап.*» и *АПК*, *где слово* «смутить» *исправлено на* «мучить»).

Стр. 410, строка 20
«перенесть не могу» *вместо* «переносить не могу» (по *ЧА*, *АПК*, «*Отеч. зап.*»).

Приступив к работе 24 августа 1877 г., Островский рассчитывал окончить пьесу в следующем месяце. Уже через три дня он писал из Щелыкова Бурдину: «Свою пьесу я кончу в сентябре непременно, если не умру до тех пор» (*ПСС*, *XV*, *92)*. В этот период пьеса замыш-

лялась как комедия в двух актах, по плану, набросанному на *ЧА*. Работа шла очень интенсивно. В двух письмах к Бурдину 3 и 6 сентября 1877 г. он рассказывает о напряженном труде: «Над своей пьесой я работаю день и ночь, до истощения сил, и скоро ее кончу. Когда я допишу последнее слово, я тебе сообщу, что это за вещь и как она называется». «Нервы разбиты, пишу пьесу, собираю последние силы, чтоб ее кончить» *(ПСС, XV, 93)*.

В процессе творческого воплощения первоначальный замысел претерпевал значительную эволюцию, углублялся, возникали новые сюжетные линии — сроки окончания затягивались. Островский был очень увлечен работой, его письма за сентябрь — октябрь 1877 г. к разным лицам полны упоминаний о пьесе.

Едва окончив работу над черновиком, автор вновь перечитывает и дорабатывает комедию. 12 октября 1877 г. он сообщает Бурдину из Москвы: «Свою пьесу я кончил, теперь занимаюсь отделкой, дня через два начнем переписку» *(ПСС, XV, 96)*. Видимо, только в этот период было найдено окончательное название — «Последняя жертва».

Наконец наступил последний утомительный и трудоемкий этап работы — переписка. «Вот уже другой день мы сидим переписываем пьесу: я пишу черновой экземпляр с карандаша; два экземпляра для театра и один для печати, итого вчетвером, и все-таки я боюсь, что мы не поспеем кончить в четверг. Хлопочи, любезнейший друг! Нельзя ли будет назначить экстренное заседание Комитета 〈...〉 так заработался, что каждую минуту боюсь, что слягу»,— пишет драматург Бурдину где-то между 16 и 20 октября 1877 г. *(ПСС, XV, 98)*. Согласно дате на *ЧА*, переписка была окончена «21 октября в 2 ½ часа полуночи», а уже на следующий день один экземпляр был в Петербурге и на квартире у Бурдина состоялось чтение пьесы. В тот же день, 22 октября 1877 г., ее одобрил Театрально-литературный комитет и 23 октября — драматический цензор.

Присутствовавшие на вечере у Бурдина отзывались о новой комедии с восхищением и одобрением. Один из театральных обозревателей, сам скептически оценивший «Последнюю жертву», свидетельствовал: «Слышавшие ее в чтении возвестили, что она изобилует новыми типами; что она по своим крупным достоинствам, по яркости бытовой речи, по драматизму положений может быть поставлена наряду с капитальнейшими вещами Островского, относящимися к самой блестящей поре его деятельности» *(«Слово», 1878, март)*.

После чтения у Бурдина в газетах появилось изложение содержания пьесы (см., например, *«Петербургская газета», 1877, 25 октября*). Это вызвало неудовольствие Островского, который опасался, что публика потеряет интерес к пьесе. 29 октября он писал Бурдину: «Не скрою, что литературный вечер, устроенный по поводу моей пьесы, мне не очень приятен. Уж пускай бы только судачили о достоинствах; а то рассказывать сюжет пьесы, которая половину интереса имеет в неожиданностях! Где же так водится?» *(ПСС, XV, 99)*.

М. Е. Салтыков-Щедрин, узнавший из газет, что пьеса «уже получена в Петербурге», обратился к Островскому с просьбой, не задерживая, прислать ее в «Отечественные записки» *(Салтыков-Щедрин, XIX, 96)*. Островский, однако, по совету Бурдина решил и эту пьесу сначала поставить на театре, а уже потом печатать в журнале. Комедия была поставлена сначала в Москве — 8 ноября

1877 г., а затем 2 декабря 1877 г.— в Петербурге. Премьеры вызвали многочисленные отзывы в прессе.

В «Московских ведомостях» был напечатан театральный обзор Д. Аверкиева. Значение комедии Аверкиев понял очень узко и односторонне и главное достоинство ее видел лишь «в осмеянии пошлого сентиментализма». Тем не менее критик относит «Последнюю жертву» к числу лучших произведений Островского, «она любопытна как картина современных замоскворецких нравов и в то же время представляет весьма остроумную насмешку над особым поветрием, господствующим в обществе, и в современной драматической литературе, и которое можно назвать пошлым сентиментализмом». К старым типам Островский «прибавил новые краски» — купец заводит разговор о Патти, Росси; транжиры и моты теперь оправдывают себя желанием «жить по-европейски», а в яме читают переводные романы. Недостаток комедии Аверкиев усматривает в обилии «порожних речей, то есть разговоров, не вызываемых действием» и «в обилии вводных лиц, не участвующих непосредственно в действии, особенно в 3-м акте» *(1877, 12 ноября)*.

Доброжелательным был отзыв «Санктпетербургских ведомостей». Рецензент газеты писал: «Знаток русского купеческого быта дает нам в этой пьесе понять, какие следы оставил дух времени в этом сословии»,— и отмечал далее, что «все лица в комедии живые». Героиню комедии рецензент также считает отрицательным типом, это «бесхарактерная, сладострастная женщина, остается такою до конца» *(1877, 16 ноября)*.

Однако многие консервативные газеты продолжали необоснованные нападки на Островского и его новую пьесу, старательно выискивая параллели для персонажей «Последней жертвы» в прежних пьесах драматурга.

Так «Биржевые ведомости» объявили, что пьеса «оказалась вещью крайне слабой и скучной; только изредка встречались штрихи, обличавшие руку мастера...», «основные мотивы пьесы стары и избиты ⟨...⟩ все та же бесконечная история молодой женщины, без памяти влюбляющейся в ничтожнейшего, пустейшего франта с красивой наружностью». В лице Флора Федулыча критик «Биржевых ведомостей» видел того же Русакова «только в более цивилизованной, более вылощенной форме», в Дульчине — Вихорева, с той лишь разницей, что Дульчин казнится и раскаивается в своих мерзостях. Критик не нашел в этой пьесе решительно никаких достоинств *(1877, 4 декабря)*.

Пространной и двойственной была статья В. Буренина в «Новом времени». С одной стороны, он считал, что автор «подучивает» своих героев говорить и делать вещи, которые трудно представить в современной действительности. Только «состоянием, приближающимся к идиотизму», можно объяснить ту простоту, с какой действующие лица «позволяют надувать себя один другому и обращаться друг с другом с беспримерной, детской наивностью». С другой — признает «действительно огромный талант» Островского в создании жизненных типов второстепенных лиц комедии — Михевны, Глафиры Фирсовны, Пивокуровой, Лавра Мироныча, Салая Салтаныча, отмечает умение драматурга с двух слов диалога обрисовать во весь рост характерную бытовую фигуру. «И с какой надлежащей мерой комического, с какой осторожной выдержкой истинного юмора, не переходящего в шарж, создает подобные аксессуарные лица г. Островский!» — восхищается критик *(1878, 3 февраля)*.

Тенденциозные критики Островского не хотели замечать в пьесе даже ее языкового богатства. «Язык этой пьесы далеко не отличается той меткостью и типичностью, какую мы привыкли встречать у Островского»,— писал обозреватель журнала «Слово» *(1878, март)*.

Реалистический, жизненно достоверный язык комедии оценил Н. Г. Чернышевский в малоизвестном отзыве из частного письма Н. И. Барышеву 7 и 8 августа 1888 г. Чернышевский заметил: «...Обыкновенная манера наших публицистов, романистов и драматургов нападать на купечество кажется мне довольно дурной: купцы — не злодеи и не уроды, а такие же люди, как дворяне, чиновники, священники, мужики ⟨...⟩ У Островского в какой-то из последних пьес — в той, где дело начинается разъяснением отношений между молодой вдовой и обирающим ее мерзавцем,— сделана попытка изобразить молодую купчиху и пожилого, очень богатого купца людьми, говорящими по-человечески, а не тем утрированным для смеха публики языком, каким говорят в прежних его пьесах честные люди купеческого сословия; этот выдуманный для смеха язык делал их уродами. Попытка бросить эту манеру уродования честных людей заслуживает одобрения в той пьесе Островского, но она исполнена слабо...» *(Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., в 15-ти томах, т. 15, М., Гослитиздат, 1950, стр. 727—728)*.

Впервые пьеса прошла на сцене Московского Малого театра 8 ноября 1877 г., в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Юлия Павловна — Г. Н. Федотова, Флор Федулыч — С. В. Шумский, Глафира Фирсовна — С. П. Акимова, Лавр Мироныч — И. В. Самарин, Дульчин — А. П. Ленский, Ирина Лавровна — Н. А. Никулина, Салай Салтаныч — Н. И. Музиль, Иногородный — М. П. Садовский, Наблюдатель — Н. Е. Вильде, Дергачев — В. А. Макшеев, Михевна — Х. И. Таланова и другие.

Островский сам ставил пьесу, репетировал с актерами. «В настоящее время я занят постановкой своей новой комедии «Последняя жертва», которая скоро пойдет»,— писал он Н. Я. Соловьеву 1 ноября 1877 г. *(ПСС, XV, 100)*. И несколько позже, 22 ноября, сообщал тому же адресату: «Моя пьеса «Последняя жертва» имела в Москве очень большой успех...» *(ПСС, XV, 104)*.

Это отметили все газеты. Привычно поругивая пьесу, журналисты вынуждены были признать успех спектакля. Акимова, Никулина, Макшеев, Садовский «сыграли свои роли прекрасно»,— писал Аверкиев в «Московских ведомостях» *(1877, 12 ноября)*.

Очень удачным находил исполнение рецензент «Санктпетербургских ведомостей»: «Семейство Прибытковых было представлено необыкновенно типично: г. Шумский напоминал нам тех степенных коммерсантов, которые встречаются на бирже, в клубах, в думе; сознание своего достоинства, какая-то особая величавость — вот отличия этого типа...» «Девицу с африканскими страстями передавала г-жа Никулина, живою, веселою игрою, без шаржа, без утрировки изображая задуманную автором искательницу приключений». «Г. Музиль очень удачно выражал трудную по произношению роль Салая Салтаныча и был совершенно восточным человеком». Рецензент одобряет также игру Самарина и Акимовой. Но, как и Аверкиев, рецензент «Санктпетербургских ведомостей» находил, что

Федотова не совсем верно поняла роль Тугиной, «придавая ее ощущениям чрезмерно серьезное значение, переходя на пафос отчаяния ⟨...⟩ Юлия слишком обыкновенная женщина, чтобы из нее делать героиню» *(1877, 16 ноября)*.

Лучшими исполнителями все газеты единодушно называли Шумского и Самарина. «Шумский как нельзя правдивее и точнее передал этот тип. От него так и веяло разумным спокойствием, тихою любовью и присутствием большой силы воли. Все, начиная от гримировки, которую г. Шумский доводит до совершенства, и кончая походкой — все до мельчайших подробностей характеризовало Прибыткова. Исполнение лучшей сцены в пьесе — сцены Тугиной, когда она просит денег,— представляло верх совершенства»,— писал рецензент «Русской газеты» *(1877, 12 ноября)*.

Игру Самарина критик «Современных известий» назвал безупречной. «Г. Самарин вполне верно понял изображаемый им тип. Лавр Мироныч казался у него действительно таким, каким должен быть он по пьесе — цивилизованным купчиком, жуиром, обычная сфера которого трактир и, пожалуй, еще долговое отделение». Особенно удачной находит критик сцену из второго действия, где Лавр Мироныч пытается выведать у дяди сумму приданого дочери, и сцену в третьем действии «где Лавр Мироныч, с чисто барскими замашками заказывал меню ужина» *(1877, 6 декабря)*.

Современники, видевшие Шумского в роли Флора Федулыча, долго помнили его исполнение. Рассказы о нем часто встречаются в мемуарной литературе. «Он играл этого знающего себе цену коммерсанта с большой отчетливостью жестов и вескостью каждого выражения. Но сквозь это наружное холодное достоинство просвечивало далеко не равнодушное отношение его к Юлии. И во всем, что он делал и говорил, чувствовалось, что он твердо идет к своей цели, нисколько не сомневается в ее достижении и, зная, с кем имеет дело, только хладнокровно выжидает удобного момента»,— вспоминал Д. Коропчевский *(ЕИТ, сезон 1895—1896, Приложения, кн. 3, Спб., 1897)*.

Эта его роль была «верхом совершенства»,— писал В. Голицын в своих театральных воспоминаниях. «Шумский появлялся в длиннополом сюртуке, именно таком, какие носили пожилые люди из «именитого» купечества, держался он несколько сутуловато, говорил мягким, вкрадчивым голосом, но чувствовалось, что под этой доброй наружностью таится злой и бессердечный деспот» («*Временник РТО*», *кн. I, М., 1925, стр. 36)*.

Пьеса имела такой большой успех у зрителя, что через два месяца после премьеры Шумский взял ее для своего бенефиса и играл при полном зале. Тем не менее в сезон 1877/78 г. пьеса прошла всего 11 раз. Дирекция умышленно не включала ее в репертуар. 30 января 1878 г. Островский жаловался Бурдину, что в Москве не дают «Женитьбу Белугина» и «Последнюю жертву»,— «обе они мешают пьесам Тарновского. «Последняя жертва» дана была 10 января, в бенефис Шумского, и дала полный сбор (3000 р.), с тех пор ее и сняли с репертуара» *(ПСС, XV, 108)*.

На московской сцене в «Последней жертве» играли выдающиеся мастера русского театра. С поразительным блеском и мастерством играла Юлию Тугину М. Н. Ермолова. Сохранился отзыв современника, видевшего Ермолову — Тугину в гастрольном спектакле на сцене Ораниенбаумского театра в июне 1879 г. «Г-жа Ермолова ⟨...⟩ не столько порывистая и страстная, сколько женственная и

правдивая в передаче истинного глубокого чувства — актриса. В игре ее преобладает невыразимая задушевность, придающая исполнению роли мягкий и нежный колорит, обаяние которого неотразимо действует на публику». Особенно удалась ей сцена чтения пригласительного письма! «Эти широко открытые глаза, это тягостное недоумение, разлитое на всем лице, эти попытки собраться с мыслями, приводящие только к полной растерянности и, наконец, истерическому рыданию, представляют поразительно жизненную картину человеческого горя». В сцене униженной просьбы денег у Прибыткова актриса передает множество психологических оттенков. «Зритель положительно переживает с нею все унижения». «Г-жа Ермолова придает роли Тугиной такой высокий психологический интерес, что недостатки пьесы под влиянием ее игры совершенно забываются» (*«Спб. вед.», 1879, 17 июня*).

Премьера на сцене Александринского театра состоялась 2 декабря 1877 г., в бенефис Бурдина. Роли исполняли: Юлия Павловна — М. Г. Савина, Флор Федулыч — Ф. А. Бурдин, Глафира Фирсовна — А. М. Читау, Лавр Мироныч — А. А. Нильский, Дульчин — М. М. Петипа, Ирина Лавровна -- Е. Г. Стремлянова, Салай Салтаныч — Ф. А. Федоров, Иногородный — И. Ф. Горбунов, Дергачев — Н. Ф. Сазонов, Михевна — В. В. Стрельская и другие.

Островский не мог присутствовать на репетициях и все указания давал в письмах. Постановка проходила очень неспокойно. Сазонов, для которого писалась роль Дульчина, наотрез отказался от исполнения, несмотря на то, что Островский обратился к нему с особой просьбой в письме (см. *ПСС, XV, 102*). Вслед за тем закапризничала Савина, ссылаясь на то, что она «не умеет играть этих ролей в платочках» *(Бурдин, стр. 235)*. И ей пришлось терпеливо разъяснять, что «Тугина не в платочке», что «такие купчихи, как Тугина, одеваются гораздо лучше и богаче, чем барыни» *(ПСС, XV, 103)*. Не сразу нашли актеров на роль Ирины Лавровны и Салая Салтаныча. Дирекция отказывала актерам в костюме, парике, реквизите и пр.

Островский, занятый в качестве присяжного в Окружном суде, не смог приехать и на премьеру. 25 ноября 1877 г. он писал Бурдину: «Видно мне не судьба приехать к твоему бенефису ⟨...⟩ Значит, играйте без меня — дай вам бог всякого успеха! Попроси от моего имени Петипа посерьезнее отнестись к роли, а Читау не шаржировать: ее роль говорит сама за себя ⟨...⟩ Об успехе пьесы извести!» *(ПСС, XV, 104)*.

Спектакль прошел при полном зале, благополучно, но без особого триумфа. На следующий день после премьеры Бурдин послал Островскому подробный письменный отчет. «Ход спектакля был следующий: 1-й акт прошел довольно сухо, публика слушала с большим, можно сказать, напряженным вниманием и все артисты очень ажитировались. 2-й акт шел оживленнее и наша сцена с Савиной имела большой успех и единодушные вызовы по окончании действия ⟨...⟩ 3-й акт нашли лишним, только замедляющим действие ⟨...⟩ Четвертый акт кончился фурором и Савина произвела потрясающее впечатление. По окончании вызывали всех артистов и автора. По отзывам всех, артисты сделали свое дело добросовестно. Петипа употребил все старания и если не вышло то лицо, которое ты писал, то он все-таки не испортил роли. У Нильского был тон недурен, но он оделся не милордом, а Калибаном, с пьяной ро-

жей и с нечесанными шершавыми волосами. Читау, как говорят, играла хорошо и скромно. Федоров был типичен, у Горбунова ничего не вышло» (*Б у р д и н, стр. 238*).

Судя по отзывам прессы, пьеса обязана успехом главным образом Савиной. Лучшей рецензенты называли сцену Тугиной и Прибыткова из второго акта. «Савина провела эту сцену 〈...〉 как истинная художница... Как болезненно выходило у ней это напускное кокетство, какая мучительная борьба читалась на ее выразительном, подвижном лице...» (*«Бирж. вед.», 1877, 4 декабря*). Даже Бурдин удостоился похвалы за эту сцену, «вел ее умно, ровно, даже тонко и только под конец начал немножко фальшивить» (*«Новое время», 1877, 4 декабря*).

Из остальных исполнителей удачной признавали игру Стрельской, Горбунова, Сазонова. В отношении же Читау, Петипа и Нильского оправдались полностью опасения Островского. Нильский, игравший Лавра Мироныча, «загримировавшись каким-то трактирным ярыгой 〈...〉 окончательно доконал его» (*«Бирж. вед.», 1877, 4 декабря*).

По мнению рецензента «Нового времени», Читау все-таки утрировала свою роль, роль Дульчина была не под силу Петипа, а Нильский «мог бы несколько снять красок с своего лица и не казаться таким трактирным, заспанным героем» (*1877, 4 декабря*).

Островскому, присутствовавшему на одном из последующих представлений, спектакль понравился. 16 декабря 1877 г. он писал из Петербурга жене: «Видел свою пьесу, все критики говорят вздор, идет она недурно. Петипа ничем не хуже Ленского, а Савина лучше Федотовой, успех был большой и меня вызывали бесчисленно. В театре был также Родиславский, он при свидании расскажет тебе обо всем подробно. По его словам и Бурдин играет лучше Шумского» (*ПД*).

В 1892 г. Савина возобновила «Последнюю жертву» в свой бенифис, оставшись исполнительницей роли Юлии Тугиной. По мнению П. Гнедича, Савина блеснула в этой роли новым мастерством и неисчерпаемыми актерскими возможностями. Тогда, в первом представлении «она была слишком молода для ее воплощения. Теперь эта роль подходит Савиной гораздо больше и гораздо больше производит впечатления, так как сделана гораздо тщательнее и сценичнее» (*«Артист», 1892, кн. 21, стр. 138*).

Спектакль шел без третьего акта. От Савиной пошла традиция ставить эту пьесу на сцене без третьего акта.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 18 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 14 раз (последний спектакль в Москве состоялся 28 сентября 1880 г., в Петербурге — 11 мая 1886 г.).

С 1878 по 1886 г. пьеса прошла на частных столичных сценах 26 раз, в провинциальных театрах — 211 раз.

Стр. 323

Хреновский завод — конный завод в селе Хреново, Воронежской губ., основанный в конце XVIII в. графом А. Г. Орловым. Там выращивали знаменитых орловских рысаков.

Плезир — здесь дружок, любовник (от *франц.* plaisir —радость, удовольствие, забава).

Стр. 334
Дюшес — сорт крупных и сладких груш (*франц.* duchesse — герцогиня).

Патти Аделина (1843—1919) — всемирно известная итальянская оперная артистка (сопрано), обладавшая красивым тембром голоса, совершенной техникой и музыкальностью. В 1869—1877 гг. неоднократно гастролировала в России. Театральные и музыкальные обзоры столичных газет 70-х гг. полны отзывов об игре Патти.

Стр. 335
Мебель а ля Помпадур-с.— Жанна-Антуанетта, маркиза де Помпадур (1721—1764), фаворитка французского короля Людовика XV. Имела решающее влияние на все государственные дела. Обладая утонченным вкусом, была не только законодательницей мод, но и основательницей особого стиля в одежде, мебели, архитектуре, стиля, получившего ее имя.

Стр. 337
Росси Эрнесто (1829—1896) — итальянский трагик, с 1877 г. не раз гастролировавший в России. В. Голицын писал о нем в своих театральных воспоминаниях: «Видел я его в «Макбете» и в «Короле Лире». Поразительна была его игра, в особенности во второй из этих трагедий, хотя он нередко прибегал к преувеличению в мелодраматическом вкусе ⟨...⟩ Московская публика отнеслась к нему довольно безучастно, сочтя его за любопытную новинку, которую стоит разок поглядеть» (*«Временник РТО», кн. I, М., 1925, стр. 61*).

Стр. 344
Манчестер — хлопчатобумажный бархат.

Стр. 345
Граф Биконсфильд — Бенджамен Дизраэли граф Биконсфильд (1804—1881), знаменитый английский государственный деятель и писатель. В 70-х гг. прошлого века, будучи премьер-министром, энергично проводил политику колониальных захватов. Последовательный противник России на политической арене.

Стр. 346
...здоровье папы внушает опасения.— Глава римской католической церкви папа Пий IX страдал эпилепсией. В это время ему было 85 или 86 лет. Он умер в 1878 г., в год опубликования пьесы.

Стр. 347
...Монте-Кристо читаю...— «Граф Монте-Кристо», популярнейший роман Александра Дюма-отца (1802—1870), вышедший отдельной книгой в 1845—1846 гг.

Стр. 348
Клуб — имеется в виду Купеческий клуб, здание которого находилось на нынешней ул. Пушкина. Клубу принадлежал огромный сад, простиравшийся до Тверской (ныне Горького) улицы.

Стр. 355
Кадуджа — выдающаяся жанровая певица, исполнительница оригинальных экзотических песен народов востока, обладала мягким и сильным голосом (меццо-сопрано). Кадуджа родилась в одной

из французских колоний и была мулаткой. В 70-х гг. гастролировала в России, пользовалась очень большой популярностью.

Стр. 366
Окопировать — то есть одеть, снарядить, экипировать (от *франц.* équiper — снаряжать, снабжать).

Стр. 368
Честер — сорт английского сыра.

Стр. 369
Герман фокусник — французский фокусник, гастролировавший в России в 70-х гг. прошлого века. Изумлял публику своим искусством: например, толок в ступе часы на мелкие части, а потом извлекал их в полной сохранности и возвращал владельцу (см. *Словарь, стр. 40*).

Стр. 371
Ангажировать — приглашать к танцу (от *франц.* engager — нанимать, обязывать, приглашать).

Макао — азартная карточная игра.

Стр. 373
Стрельна — см. прим. к стр. 33.

...как птицы небесные, которые ни сеют, ни жнут, ни в житницы собирают.— Перифраза стиха из Евангелия от Матфея *(гл. VI, ст. 26)*: «Взгляните на птиц небесных, они не сеют, ни жнут, ни в житницы собирают; и отец ваш небесный питает их. Вы гораздо ли лучше их».

Стр. 374
Физиономика — искусство определять душевные качества человека по внешним признакам, чертам, выражению лица.

Стр. 384
Петух кохинхинский — порода крупных кур, вывезена из Китая в середине XIX в. В описываемый период в России были довольно дороги.

Стр. 387
...разложим по кувертам — то есть по приборам (*франц.* couvert).

Стр. 388
«Аида» — опера Джузеппе Верди (1813—1901), написанная по заказу египетского правительства в 1871 г. В России была поставлена итальянской оперной труппой в Петербурге в 1875 г.

«Морской разбойник Цампа» — «Морской разбойник Цампа, или Мраморная невеста», опера французского композитора Фердинанда-Луи-Жозефа Герольда (1791—1833), написанная в 1831 г. В России была поставлена в Московском Петровском (Большом) театре в 1833 г. Мотивы ее были очень популярны, исполнялись «на машине» в трактирах.

«Лодоиска» — опера французского композитора и скрипача Родольфа Крейцера (1766—1831), написанная в 1791 г. К середине XIX в. сошла с репертуара.

«Калиф Багдадский» — опера французского композитора Франсуа-Адриена Буальдьё (1775—1834), написанная в 1800 г. В 1804—1811 гг. Буальдьё был капельмейстером французской оперной труппы в Петербурге, с того времени в России шли его многочисленные комические оперы.

Стр. 391

Квартальный — квартальный надзиратель, до 1862 г. полицейский чин, начальник отделения полицейской «части», следящий за порядком на определенной территории — «квартале». Подчинен частному приставу. Наименование полицейского «квартальным» бытовало еще долгое время после упразднения этого чина.

Стр. 402

Дисконт — см. прим. к стр. 297.

Троицкий — знаменитый московский трактир на Ильинке против биржи, «посещаемый всеми сословиями города и имеющий всегда огромное число посетителей» *(П. Вистенгоф, Очерки московской жизни, М., 1842, стр. 138)*. В Троицком трактире была отличная русская кухня: «...уха стерляжья, расстегаи, поросенок белоснежный, икра, калач и вдовушка Клико ⟨сорт французского шампанского⟩»,— за что его особо любили купцы, предпочитая здесь, а не на бирже решать свои торговые и финансовые дела (см.: *Н. Скавронский, Очерки Москвы, вып. 1, М., 1862, стр. 7, 24, 57—58)*.

Стр. 405

«Чибиряк, чибиряк, чибиряшечки!.. ⟨...⟩ С голубыми ты глазами, моя душечка!» — Строки из стихотворения Ап. Григорьева «Цыганская венгерка» (впервые напечатано в «Сыне отечества», 1857, № 48). Отрывок из него «Две гитары, зазвенев, жалобно заныли» вошел в репертуар цыганских хоров, был очень популярен.

Л. Смирнова

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.]. Т. 4. Пьесы (1873—1877). Подг. текста и коммент. З. А. Блюминой и др. М., «Искусство», 1975.

544 с.; 1 л. портр.

Четвертый том включает пьесы, написанные в период с 1873 по 1877 год: «Поздняя любовь», «Трудовой хлеб», «Волки и овцы», «Богатые невесты», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Последняя жертва».

О $\frac{70600\text{-}110}{025(01)\text{-}75}$ подписное Р1

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 4

Редактор И. С. Гракова
Художественный редактор Л. И. Орлова
Технический редактор Н. С. Еремина
Корректор Н. Я. Корнеева

Сдано в набор 30/VIII 1974 г. Подп. в печать 18/III 1975 г. Формат издания 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 28,666. Уч.-изд. л. 29,007. Изд. № 12972. Тираж 80 000 экз. Заказ 1685. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Искусство», 103051 Москва, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

1 р. 60 к.